

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 6 (166)

ноябрь — декабрь 2021

МИГРАЦИЯ

СОЦИОЛОГИЯ
КОММУНИКАЦИЙ

ГРАЖДАНСКИЙ
АКТИВИЗМ

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77   Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2021. — № 6 (166). — 616 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

<i>А. С. Ахременко, Е. В. Бродовская</i> Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля.....	4
---	---

ЭКОАКТИВИЗМ

<i>А. М. Климова, С. П. Куликов, К. Ш. Чмель</i> Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России.....	28
<i>С. В. Расторгуев, Ю. С. Тяп</i> Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса»).....	53

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОТЕСТ

<i>А. А. Порецкова, Н. Ю. Савин</i> Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok).....	76
<i>С. В. Володенков, С. Н. Федорченко</i> Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения	97
<i>V. E. Belenkov</i> Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention?	119

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ

<i>Р. В. Парма</i> Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах	145
<i>Э. Сирмаи</i> От Свободного университета до #freeuniversity: активизм студентов и преподавателей в офлайн- и онлайн-пространстве в Венгрии.....	171

<i>А. Ю. Домбровская</i> Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа	203
--	-----

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ И МОДЕЛИ

<i>A. P. Petrov, A. S. Akhremenko, S. A. Zheglov, E. V. Kruchinskaia</i> Is Network Structure Important for Protest Mobilization? Findings from Agent-Based Modeling	226
--	-----

<i>V. V. Danilova, S. V. Popova, V. M. Karpova</i> A Pipeline for Graph-Based Monitoring of the Changes in the Information Space of Russian Social Media during the Lockdown.....	254
---	-----

<i>А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, А. Б. Шатилов</i> Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования	296
--	-----

<i>V. V. Babayan, A. V. Turobov</i> Not Unique, not Universal: Risk Perception and Acceptance of Online Voting Technology by Russian Citizens	319
---	-----

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: ноябрь — декабрь 2021.....	346
---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

<i>А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов</i> От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области	362
---	-----

<i>В. Б. Звоновский, Ю. В. Соловьёва, А. В. Ходыкин, А. М. Азимова, А. А. Кожевникова, Е. С. Акимова, А. А. Еловинова</i> Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года	386
--	-----

<i>Б. О. Соколов, М. А. Завадская</i> Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России	410
--	-----

МИГРАЦИЯ

Г. А. Монусова

Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян 436

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Л. И. Якобсон, Н. В. Иванова, А. Ю. Телицына

Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика..... 459

К. С. Григорьева

Исследования надзора: основные направления и теоретические подходы..... 477

Е. В. Фролова, О. В. Рогач, В. Ю. Шалашникова

Реализация модели «сити-менеджер» в России:
ограничения и преимущества 506

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш

«Система социологии» Питирима Сорокина
и системно-коммуникативный подход 528

А. Д. Казун, А. В. Поршнева

Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому
мышлению в России, Казахстане и Украине 549

И. Г. Овчинникова, Л. М. Ермакова, Д. М. Нурбакова

Нужна ли красная таблетка: гидроксихлорокиновые войны в «Твиттере» 566

С. В. Коржук

(Не)доступная городская среда: реакции пользователей Youtube
на условия передвижения людей с инвалидностью 584

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

А. И. Смирнов

В поисках новых парадигм военно-социологических исследований.

Рец. на кн.: Сутерс Дж. Социология и военные исследования. классические
и современные основания. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с..... 610

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2111](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111)

А. С. Ахременко, Е. В. Бродовская

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГРАЖДАНСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: «ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ» ДИСКУССИОННОГО ПОЛЯ

Правильная ссылка на статью:

Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 4—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>.

For citation:

Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. (2021) Impact of New Information and Communication Technologies on Civic and Political Activism: «Tension Lines» of the Discussion Field. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4–27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2111>. (In Russ.)

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ГРАЖДАНСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: «ЛИНИИ НАПРЯЖЕНИЯ» ДИСКУССИОННОГО ПОЛЯ

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор Департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

Аннотация. В статье представлены «линии напряжения» в научных дискуссиях, посвященных влиянию информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на трансформацию гражданского и политического активизма, в том числе в их проекции на материалы тематического номера журнала. Скорость развития интернета и мобильных технологий настолько высока, а общественно-политические эффекты этого процесса столь многообразны, что это порождает противоречия в оценках современных исследователей. В статье раскрываются такие дискуссионные линии, как эффекты сильных и слабых связей в цифровых коммуникациях интернет-пользователей, вопросы конвергенции формальных структур реальной среды

IMPACT OF NEW INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES ON CIVIC AND POLITICAL ACTIVISM: «TENSION LINES» OF THE DISCUSSION FIELD

Andrei S. AKHREMENKO¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor, School of Politics and Government at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>

Elena V. BRODOVSKAYA² — Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of Political Science; Director of the Centre for Political Studies
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article analyses the major «tension lines» in academic discussions — together with their reflection in the articles of the issue — on the impact of information and communication technologies (ICTs) on the transformation of civic and political participation. The speed of development of the Internet and mobile technologies is so high, and their socio-political effects are so diverse that it leads to contradictions in existing research findings. In this paper, we discuss topics such as the effects of strong and weak ties in the digital communication of Internet users; the convergence of organizational structures in the «physical» world and informal structures of the virtual space, the contradictions

и неформальных структур виртуального пространства, противопоставления традиционного и цифрового гражданского активизма и др.

Эти линии дискуссий порождают сопутствующие вопросы научной повестки. Привносят ли ИКТ новое качество в структуры мотивации гражданского и политического активизма? Стимулируют ли они последние за счет снижения издержек коммуникации или переводят их в русло наименее «затратных» и рискованных форм, порождая массовый слактивизм? Способствуют ли ИКТ расширению гражданского диалога за счет вовлечения более широкого спектра индивидов (а следовательно, и мнений) или ведут к фрагментации, появлению «замкнутых циркуляций» мнений внутри эхо-камер?

Анализ ответов на поставленные вопросы позволил сделать несколько заключений. Перспективным трендом в научной дискуссии вокруг влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического активизма станет переход от уровня анализа «или/или» к уровню «и/и», то есть эволюция от противопоставления эффектов к пониманию их многообразия и связанных с ними контекстов. Более востребованными будут эмпирические стратегии, работающие как с реальной, так и с цифровой средами, в последнем случае — с использованием больших данных. Эффективное построение таких стратегий может быть в значительной мере обеспечено методами математического и численного моделирования.

Ключевые слова: ИКТ, цифровые коммуникации, новые медиа, социальные сети, сильные и слабые связи,

between traditional and digital civic activism, etc.

These lines of discussion correspond with the key issues in the academic agenda. Do ICTs bring a new quality to the motivational structures of civic and political participation? Do ICTs stimulate real participation by reducing the costs of communication, or transform it into the least risky forms, giving rise to mass «slactivism»? Do ICTs contribute to the civic dialogue by involving a wider range of individuals (and, therefore, opinions), or lead to fragmentation, to the emergence of «isolated circulation» of opinions within echo chambers?

An overview of the existing answers to these questions provided in the academic literature has allowed the authors to draw several conclusions. A promising trend in the scientific discussion around the impact of ICTs on the transformation of civic / political participation is the transition from «either ... or» to «both ... and» way of consideration, from contrasting ICTs' effects to understanding their diversity in multiple contexts. Empirical strategies that involve both real and digital environments (with extensive use of big data in the latter case) will be more in demand. The effectiveness of such strategies can be largely improved by the methods of mathematical and computational modeling.

Keywords: ICT, digital communications, new media, social networks, social media, strong and weak ties, civic partici-

гражданское участие, политическое участие, традиционный и цифровой гражданский активизм, политический протест, политическая мобилизация, политические партии

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00274), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Выражаем глубокую благодарность Валерию Федорову и команде ВЦИОМ за развитие высоких стандартов социологических, политических и междисциплинарных исследований, в том числе благодаря журналу «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные изменения». Сердечно благодарим Анну Кулешову, Светлану Бiryukovu, Анну Кокареву, Ирину Упадышеву и Ольгу Якимову за партнерство и совместную работу над тематическим номером.

Введение

Рассуждение о главных направлениях дискуссий о влиянии новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на гражданский и политический активизм мы начнем с того, что предметом дискуссии уже не является. Более чем два десятка лет интенсивных — и занимающих со временем все более господствующие высоты в социальных науках — исследований показали, что это влияние существует и что оно значительно. Это в какой-то мере тривиальный, но от этого не менее фундаментальный факт основан на большом объеме накопленных эмпирических результатов [Larson, 2021; Castells, 2015; Brünker et al., 2020, и многие другие].

Однако единодушие становится не столь полным уже на уровне общей оценки глубины воздействия ИКТ на социально-политические процессы. Оно носит только «количественный» или также «качественный» характер? «Количественный» аспект лежит на поверхности и связан с многократно возросшей скоростью распространения информации и числом людей, которых индивид (не будучи политическим лидером или крупным журналистом) может охватить своими сообщениями. Так, среднее число дружеских связей в Facebook составляет около 340¹, что в несколь-

pation, political participation, traditional and digital civic activism, political protest/political mobilization, political parties

Acknowledgments. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00274), National Research University Higher School of Economics.

The authors express their deep gratitude to Valery Fedorov and the VTSIOM team for developing and maintaining a high level of standards in sociological, political, and interdisciplinary research, particularly, in the journal «Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes». We would like to thank Anna Kuleshova, Svetlana Biryukova, Anna Kokareva, Olga Iakimova, Iliya Lomakin and Irina Upadysheva for their partnership and joint work on the special issue.

¹ Данные Facebook research. См.: Three and a Half Degrees of Separation. URL: <https://research.fb.com/three-and-a-half-degrees-of-separation/> (accessed 27.07.2021).

ко раз превышает аналогичный показатель для традиционных сетей общения. Аудитории многих новых медиа, включая индивидуальных блогеров, оказываются сопоставимыми, а то и превосходящими аудитории традиционных СМИ.

Но привносят ли ИКТ (в том числе, возможно, и за счет накопления «количественных» изменений) новое качество в структуры мотивации гражданского и политического участия? Например, в ситуации массовых акций протеста не вызывает сомнения появление новых способов решения проблем координации — благодаря возможности практически мгновенно и по нескольким каналам распространять информацию о маршрутах движения и местах сбора протестующих, действиях полиции и т. д. [Clarke, Kosak, 2020; Walgrave, 2011]. Но справедливо ли утверждать, что коммуникации в интернете способны породить иные механизмы принятия решений об участии в протесте, формирование новых групповых идентичностей? Обладая несомненной эффективностью с точки зрения передачи информации, являются ли порожденные интернетом сети также и мощными каналами социального влияния?

Большинство исследователей склонны (пусть и неявно) рассматривать интернет в качестве некой «новой реальности», возникшей на месте традиционных структур коммуникации. Однако в действительности эти традиционные структуры никуда не делись; родственные и дружеские связи, контакты с коллегами сохраняют свое значение и действуют по прежним принципам, пусть и получая «цифровое выражение» (теперь кроме адресов и номеров телефонов своих знакомых мы видим их в лентах друзей и списках подписчиков в социальных медиа). И традиционные связи, пользуясь классическим терминологией М. Грановеттера [Granovetter, 1973], являются по преимуществу «сильными» (strong ties): они обычно взаимны, предполагают регулярное взаимодействие, имеют тенденцию к кластеризации (когда знакомые одного человека лично знают других его знакомых). Все это делает традиционные сети очевидным инструментом социального влияния. Распространение же интернета, можно определить (пусть и очень упрощенно) как дополнение этой структуры многочисленными «слабыми» связями (weak ties), которые могут быть однонаправленными, эпизодическими и изолированными. Такие связи способны очень хорошо распространять информацию, но насколько они эффективны как каналы влияния на поведение? Убедительного ответа на этот вопрос пока нет.

Кроме различий в соотношениях сильных и слабых связей традиционные и цифровые сети обладают признаваемым многими исследователями различиями в их топологической организации. В терминах сетевого анализа, традиционная сеть общения описывается так называемой топологией (или архитектурой) «малый мир», или «мир тесен» (Small World), математически описанной Д. Уоттсом и С. Стрэгатцем [Watts, Strogatz, 1998] и восходящей к знаменитым ранним экспериментам С. Милграма [Milgram, 1967]. Она представляет собой комбинацию регулярного графа, «отвечающего» в основном за связи в рамках постоянного локального окружения, и случайного графа — отдельных ребер, связывающих индивида с отдаленными знакомыми. Сеть интернет-коммуникации в большей степени соответствует топологии так называемого предпочтительного присоединения (preferential attachment; [Barabási, Albert, 1999]), в которой реализован принцип

«богатые богатеют»: чем больше связей имеет узел, тем выше вероятность, что к нему присоединятся дополнительные узлы и т. д. Это приводит к формированию сетей, очень неоднородных по числу связей, когда сравнительно небольшое число вершин (например, все те же популярные блогеры) обладают на несколько порядков более высокой центральностью по сравнению с обычными пользователями². Свойства сетей «мир тесен» и «предпочтительное присоединение» мы неплохо понимаем по отдельности; но реальная структурная картина коммуникации представляет собой их некоторый «сплав». Как он в точности устроен и какие следствия его особенности имеют для мотивации, принятия решений, коллективного действия, мы пока представляем себе не вполне ясно.

Еще одно важное отличие «цифровых» сетей от традиционных состоит в том, что первые по сравнению со вторыми обладают гораздо большей динамичностью и подвижностью. Социальные медиа и иные платформы интернет-коммуникации обеспечивают беспрецедентные в истории индивидуальные возможности управления своими социальными контактами (вновь за исключением близкого традиционного круга общения) и источниками — а, следовательно, и содержанием — получаемой информации. Это ключевое отличие с точки зрения понимания таких феноменов, как сетевая гомофилия, эхо-камеры, «фильтрационные пузыри» и др.

Разумеется, влияние информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм не сводится к особенностям тех сетей взаимодействия и общения, которые они формируют. Однако именно этот аспект представляется нам исключительно важным, возможно — центральным. В этой статье мы покажем, что многие ключевые линии дискуссий в современной литературе — при всем их многообразии — так или иначе имеют сетевое измерение. Стимулируют ли ИКТ реальное гражданское и политическое участие за счет снижения издержек коммуникации или переводят их в русло наименее «затратных» и рискованных форм, порождая массовый слактивизм? Способствуют ли они расширению гражданского диалога за счет вовлечения более широкого спектра индивидов (а, следовательно, и мнений), или ведут к фрагментации, появлению «замкнутых циркуляций» мнений внутри эхо-камер? Содействуют умеренности позиций и выработке общих ценностей, или приводят к поляризации, в том числе аффективной (вплоть до дегуманизации оппонента, находящих проявление в языке ненависти)? И кто является основным бенефициаром распространения ИКТ — гражданское общество или государство? Не столько дать ответы на эти вопросы, сколько понять, почему ни по одному из них нет консолидированной позиции научного сообщества, помогает обращение к «первым принципам» — фундаментальным особенностям и проблемам сетевой организации социальных и политических коммуникаций в современных условиях.

Дискуссии о цифровом политическом участии

Гражданский диалог vs поляризация и радикализация

Одна из ключевых «линий напряжения» в современных дискуссиях о влиянии новых информационных технологий на гражданскую и политическую активность

² Подробно об основных сетевых топологиях, используемых в исследованиях коммуникаций, см. [Ахременко, Петров, Жеглов, 2021].

связана с интернетом как площадкой для обсуждения значимых вопросов гражданской и политической повестки. Речь идет как о воздействии глобальной сети на индивидуальные позиции и ценности, так и — что даже более важно — на некую крупномасштабную политическую и социальную структуру. Способствуют ли сетевые дискуссии конвергенции взглядов, сближению противоположных позиций или, по крайней мере, их более терпимому восприятию, выработке коллективных идентичностей в масштабах всего общества или крупных его сегментов? Или господствует центробежная сила, ведущая к поляризации и, в крайней форме, к радикализации? Или же доминирующим процессом является фрагментация, когда сближение взглядов носит локальный характер: носители определенных позиций «концентрируются» в довольно однородные, но слабо общающиеся между собой кластеры?

Понимание интернета с позиции «первых принципов» — фундаментальных особенностей его устройства как сети взаимодействия — на наш взгляд, поддерживает первую точку зрения. Мы уже отмечали выше, появление глобальной сети можно рассматривать как добавление в традиционную структуру коммуникаций многочисленных слабых связей. Последние же, в соответствии с классической идеей М. Грановеттера [Granovetter, 1973], имеют тенденцию увеличивать связность сети (connectivity-generating), соединять между собой удаленные в социальном пространстве кластеры, внутри которых доминируют сильные связи. Будучи «мостами» между внутренне однородными и взаимно отличными группами, они способны обеспечивать доступ к альтернативным взглядам, служить источником инноваций. Многочисленность таких связей, по идее, должна порождать циркуляцию представлений и взаимный обмен мнениями в масштабах всего общества. Такое представление (хотя и не всегда явно) лежит в основе взгляда на интернет как на среду, благоприятную для конструктивного гражданского диалога (см., например, [Papacharissi, 2002; Diamond, Plattner, 2012]).

Вместе с тем выше мы называли и другую особенность интернета и социальных медиа как среды общения — широкие возможности пользователя по «настройке» той самой сети слабых связей. И здесь в действие вступает принцип гомофилии [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001] — склонности людей поддерживать общение с индивидами, схожими с ними по (в нашем случае) политическим взглядам, ценностным установкам, гражданским позициям или поведенческим нормам. Такая склонность очевидным образом ведет и к разрыву связей с «непохожими» [Settle, 2018].

Аналогичный принцип может действовать не только по отношению к людям, но и по отношению к информационным ресурсам (в самом широком спектре — от сайтов медиа до анонимных каналов). Эффект фильтрации — предпочтительного потребления «близкого по духу» контента с сопутствующим отсечением информации, диссонирующей с представлениями индивида, получил название селективного восприятия (selective exposure) [Bode 2016; Johnson et al., 2020]. Гомофилия и селективное восприятие вполне «органично» дополняют друг друга: их совместное действие состоит в том, что индивид делится наиболее подходящим ему контентом с наиболее похожими на него людьми. Это приводит к возникновению «фильтрационных пузырей» (filter bubbles) и эхо-камер (echo chambers) — вну-

тренне однородных сообществ, слабо связанных с внешним миром (как в плане альтернативных источников информации, так и в плане представителей иных ориентаций и мнений). При этом есть свидетельства того, что эхо-камеры и фильтрационные пузыри имеют тенденцию дрейфовать в направлении противоположных политических флангов [Bodrunova et al., 2019; Bruns, 2019]; в этом случае мы имеем сочетание фрагментации с поляризацией.

Эмпирические результаты в этой области довольно противоречивы. С одной стороны, есть значительный массив литературы, фиксирующей проявления гомофилии в социальных медиа (см., например, [Zhang, Lee, 2018; Dincelli, Hong, DePaula, 2016; Boutyline, Willer, 2017]). С другой стороны, внимание исследователей акцентируется и на наличии множественных «кросс-идеологических» связей между большим числом пользователей [Garcia et al., 2015; Gruzd, Roy, 2014], что противоречит гипотезе «сетевой поляризации». Таким образом, напрашивается предположение, что роль социальных медиа в политической поляризации может быть разной в различных социально-политических контекстах. Однако на сегодняшний день неясно, как именно работают такие опосредующие факторы и, вообще говоря, каковы они (внятно высказана лишь гипотеза о влиянии неравенства — см. [Iversen, Soskice, 2015]).

В этой теме есть еще один «высокотехнологичный» аспект, связанный с влиянием рекомендательных алгоритмов социальных медиа. В духе «экономики внимания» (attention economy, см. [Davenport, Beck, 2001; Falkinger, 2007]) социальные медиа стремятся к тому, чтобы пользователи проводили на их платформах максимально возможное время. В этой логике рекомендации алгоритмов естественным образом основываются на предшествующих пользовательских запросах и уже просмотренном контенте. Если последние отражают гражданские и политические ориентации индивида (а это, как правило, именно так), алгоритмы формируют дополнительную петлю положительной обратной связи в процессе «закупоривания фильтрационного пузыря». Эта проблема, часто именуемая проблемой «алгоритмического смещения» (algorithmic bias, см. [Sirbu et al., 2019]), остается одной из наименее исследованных³.

Социальные медиа vs традиционные сети и формальные организации

Следующая «линия напряжения» в дискуссиях вокруг роли социальных медиа и иных интернет-платформ касается их (само)организационного потенциала. Лагерь «интернет-оптимистов» представлен сторонниками той точки зрения, что горизонтальные коммуникации в социальных сетях способны успешно конкурировать с вертикально организованными бюрократическими структурами, делая их способными эффективно решать сложные проблемы коллективного действия, вплоть до протестной мобилизации. Противоположная точка зрения состоит в том, что социальные медиа успешны там, где уже существуют сети социального капитала, созданные традиционными сетями и формальными организациями.

В качестве примера первого подхода можно назвать широко известную теорию «связующего действия» Л. Беннета и А. Сегерберг [Bennett, Segerberg, 2012].

³ В том числе потому, что рекомендательные системы являются ноу-хау социальных медиа и не публикуются

В соответствии с ней, цифровые платформы выступают центральными площадками формирования коллективных целей и идентичностей, а их участники активно используют идеи и темы акций для индивидуализации своего собственного образа. Одной из главных составляющих организационного потенциала горизонтально-распределенных сетевых сообществ является наличие «технологий шивки» («stitching technologies»), обеспечивающих свободную циркуляцию контента между различными цифровыми платформами. Во многих западных странах эту роль играет Twitter, выступающий своего рода «сетью сетей» («network of networks»). Эти особенности и позволяют горизонтально распределенным, «рыхлым» конгломератам индивидуальных микросетей успешно осуществлять мобилизацию материальных и символических ресурсов в широком спектре от сбора средств до производства привлекательного контента (видеороликов, слоганов и т. п.), реагировать на вызовы внешней среды, оценивать возникающие возможности и угрозы, выстраивать адекватную ответную стратегию [Bennett, Segerberg, Walker, 2014: 232].

Оппоненты этой позиции делают акцент на нескольких важных моментах. Во-первых, сторонники «цветущей сетевой самоорганизации» склонны игнорировать вопрос о роли традиционных сетей коммуникации и моделей лидерства в процессах мобилизации. Как мы отмечали выше, традиционные сети личного общения с появлением интернета никуда не делись. Они основаны на сильных связях и, соответственно, хорошо аккумулируют такую форму социального капитала, как межличностное доверие; в отличие от глобальной сети, их намного сложнее отключить. Так, Н. Хассанпур, на материале революции 2011 г. в Египте, показывает, что в рамках определенных социальных структур отключение интернета приводит к усилению протестной мобилизации [Hassanpour, 2014].

Во-вторых, ставится под сомнение способность слабых связей, характерных для коммуникации в интернете, эффективно формировать коллективные идентичности и ценности, а также вырабатывать необходимые навыки взаимодействия в группе, коллективного принятия решений, лидерства — всего того, что можно обобщить понятием политической или гражданской культуры участия [Breuer, Groshek, 2014]. А именно с этими задачами хорошо справляются традиционные формальные организации [Howard, Gilbert, 2008]. Кроме того, взаимодействие в рамках организационной структуры порождает и соответствующую сеть личного общения с сопутствующим социальным капиталом.

Эти идеи ярко иллюстрирует эмпирическое исследование (и одновременно хорошая обзорная работа) Э. Андерсон «„Сетевые“ революции? ИКТ и протестная мобилизация в недемократических режимах» [Anderson, 2020]. Опираясь на данные шестой волны Всемирного исследования ценностей (World Value Survey), она показала, что деятельность индивида в рамках формальных организаций — более сильный предиктор участия в протесте по сравнению с активностью в интернете. Важным результатом является и значимость совместного эффекта онлайн- и офлайн-активности: влияние вовлеченности в интернет-коммуникации сильнее для тех, кто лучше интегрирован в деятельность традиционных организаций. Интернет помогает тем, кто сам себе помогает...

Последний вывод указывает на то, что позиции сторонников сетевой самоорганизации и опоры на традиционные структуры не являются несовместимыми;

имеет место синергетический эффект этих видов участия. Но, на сегодняшний день он изучен в крайне недостаточной мере (среди немногих примеров см. [Kahne, Bowyer, 2018; Beissinger, 2017]). В целом в литературе господствует традиция рассмотрения этих явлений по отдельности.

Также обратим внимание на то, что названная работа Э. Андерсон посвящена недемократическим режимам, особенностью которых, применительно к данному сюжету, является гораздо более высокий уровень рисков политического и, в ряде случаев, гражданского участия. Возможно, высокорисковый активизм — это особая форма участия, требующая специальных условий, в том числе (и прежде всего) с точки зрения организации сетевой среды? Этот сюжет мы специально рассмотрим ниже в разделе, посвященном проблеме слактивизма.

Активизм vs слактивизм

В сентябре 2010 г. журнал «The New Yorker» опубликовал колонку Майкла Гладуэлла «Small Change: Why the Revolution Will Not be Tweeted» («Скромное изменение: почему революция не передается через Twitter») [Gladwell, 2010]. В последующие годы она стала, вероятно, самой цитируемой публицистической работой в исследованиях, посвященных проблемам гражданского и политического активизма в социальных медиа. Характерно, что через несколько месяцев в престижном научном журнале был опубликован «ответ» на эту колонку — статья Г. Лотана и коллег «The Revolutions Were Tweeted: Information Flows During the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions» («Революции передались через Твиттер: информационные потоки во время революций 2011 г. в Тунисе и Египте») [Lotan et al., 2011]. Эта заочная полемика стала своего рода зачатком одной из крупнейших дискуссий в научной литературе по цифровому активизму последнего десятилетия. В ее фокусе оказалась проблема слактивизма (slacktivism; от slacker — бездельник): может ли взаимодействие в рамках онлайн-платформ и сообществ создавать достаточные стимулы для индивидуального участия, связанного со значительными издержками и рисками? Или же интернет-коммуникации содействуют лишь таким формам, которые требуют минимальной вовлеченности и самых скромных усилий (собственно слактивизм) [Cabrera, Matias, Montoya, 2017]?

В предельной форме эту проблему можно сформулировать в терминах процесса замещения и вытеснения реального, «физического» участия участием цифровым [Morozov, 2012]. Современные информационно-коммуникационные технологии колоссально расширяют репертуар возможных действий по выражению солидарности с некоторой идеей, призывом или повесткой: от подписания электронной петиции до комментария, репоста или просто лайка. Какой смысл брать на себя риски (в ситуации, к примеру, участия в протестной акции) или существенные затраты времени и сил (в случае, например, волонтерской деятельности), если можно продемонстрировать свою позицию и обрести ощущение сопричастности простым нажатием кнопки?⁴

Эта проблема имеет очевидные пересечения с предыдущей темой противопоставления — реального или мнимого — цифровых и традиционных форм (само

⁴ Одним из синонимов слактивизма является «кликтивизм» (clicktivism).

организации. Ранее речь шла о социальном капитале и навыках коллективного действия, теперь же акцент переносится на индивидуальную мотивацию. Необходимо подчеркнуть, что эти проблемы родственны и на более глубоком уровне — на уровне характера и структуры сетевых взаимодействий.

В современных теориях мобилизации, принимающих во внимание ее социально-психологические аспекты [Van Stekelenburg, Klandermans, 2017; Stürmer, Simon, 2004], одним из ключевых мотивов к участию считается нормативный, или социальный, мотив. Он состоит в том, что индивид склонен вести себя в соответствии с локальной нормой поведения, вырабатываемой его социальным окружением. Социальное окружение в нашем контексте представляется системой связей — сильных и слабых. И если сильные связи, отражающие непосредственное и близкое социальное окружение, способны формировать необходимую силу стимула для индивида, то со слабыми связями ситуация существенно менее ясна. Особенно в тех случаях, когда уровень «затрат» и рисков участия ощутимо высок.

Существующие эмпирические результаты, на первый взгляд, свидетельствуют против гипотезы слактивизма, по крайней мере в части политического участия. Так, последние метааналитические исследования указывают на наличие положительной корреляции между онлайн- и офлайн-активностью, более сильной для молодежи [Boulianne, Theocharis, 2020], в целом же умеренной [Chae, Lee, Kim, 2018]. Однако наличие такого рода корреляций, во-первых, немного говорит о причинных механизмах этого явления. Например, вполне разумно предположить, что более энергичные и политически вовлеченные люди активны и в интернете, и вне его; тогда названные корреляции являются лишь производной личных особенностей обследуемых. Во-вторых, они не отвечают на поставленный выше принципиальный вопрос: связи какого типа создают (если создают) необходимый уровень социальной мотивации? Сети сильных связей в современном мире плотно встроены и в онлайн-коммуникации; индивид может находиться под преимущественным влиянием традиционных структур общения, поддерживая его с помощью онлайн-платформ (проще говоря, общаясь с родственниками и друзьями в интернете). Эмпирических же работ, прямо сосредоточенных на механизмах действия связей разного типа в рамках различных онлайн- и офлайн-сред, на сегодняшний день крайне мало (один из хороших примеров — [Valenzuela et al., 2018]). В-третьих, практически не принимается в расчет фундаментальный фактор рискованности политического участия.

Дискуссии о цифровом гражданстве

Количество vs качество

Дискуссионную линию «активизм/слактивизм» продолжает концептуализация в современной политической науке цифрового гражданства. Наполнение данной категории разными авторами зависит, как правило, от критерия/критериев, на основании которых осуществляется идентификация «цифровых граждан».

Первая проблема заключается в том, что количественные критерии, применяемые в ряде исследований (например, в работах Дж. Козна и Э. Шмидта [Козн, Шмидт, 2013]), серьезно упрощают понимание цифрового гражданства и построе-

ны на противопоставлении «цифровых» и «нецифровых» граждан. Вместе с тем, очевидно, сам по себе статус интернет-пользователя напрямую не связан с гражданской активностью, не гарантирует вовлеченность пользователей в цифровые гражданские инфраструктуры, не обеспечивает реализацию ими гражданских практик в реальной среде. Об этом свидетельствуют результаты эмпирических исследований, посвященных развитию глобального интернета и национальных интернет-аудиторий [Blank, Groselj, 2014].

Другая крайность заложена в самой трактовке цифрового гражданства, введенной в научный оборот основоположницей данной концепции К. Моссбергер и ее последователями [Mossberger, Tolbert, McNeal, 2007; Jones, Mitchell, 2016; Mattson, 2017]. Цифровое гражданство, понимаемое как способность индивидов участвовать в жизни общества, реализовывать свои гражданские обязанности в ходе сетевой коммуникации — это продукт целенаправленной социализации, специализированного обучения на различных уровнях образования. Таким образом, за рамками цифрового гражданства оказываются все те, кто такое обучение не прошел и не обладает эталонными компетенциями ведения бизнеса, продвижения социального проекта, самообразования или реализации демократических прав в онлайн-пространстве. Представленная трактовка не только в существенной мере идеалистична, но и западноцентрична, то есть работает исключительно в тех национальных интернет-аудитории, в которых весомое место занимает кластер «прагматиков» [Nechaev, Brodovskaya, Dombrovskaya, 2015].

Традиционное vs цифровое

Второй аспект рассматриваемой дискуссионной линии связан с противопоставлением традиционного и цифрового гражданского активизма, пришедшего на смену представлений о том, что гражданская активность в цифровой среде преимущественно репрезентирует социально-политические процессы. Отчетливо дифференциация традиционного и цифрового гражданского активизма реализована в нескольких работах [Bennett, Segerberg, 2012; Vaast et al., 2017]. В данном случае на первый план выходят такие критерии идентификации цифрового гражданства, как опосредованность гражданского активизма цифровыми коммуникациями и отсутствие ценностной гомогенности, присущее традиционной активности коллективных акторов.

Следовательно, цифровой активизм существенно более вариативен, а у цифрового гражданства нет и не может быть одного «золотого стандарта». Исходя из этого становятся понятными трудности, с которыми сталкиваются исследователи при попытке объяснения наличия/отсутствия конверсии цифрового активизма в реальные практики. В ситуации наличия конфликта между ценностями «лидеров», «активистов», «слактивистов», «зрителей» массовая конверсия фактически невозможна. При этом меньшее, чем в традиционном формате, количество цифровых активистов может оказать влияние на социально-политические процессы посредством эффективного применения цифровых технологий [Tilly, 2006]. В то же время шансы на интеграцию и конверсию выше у цифровых граждан, реализующих онлайн бизнес, социальные проекты и т. п. в условиях, при которых политические акторы стремятся к партнерству с неполитическими, о чем мы скажем ниже.

Онлайн vs офлайн

Гражданские действия могут существенно различаться по степени и формам вовлеченности в них. Выделяют так называемую мягкую активность (например, выражение своего мнения или убеждение других) и жесткую активность, предполагающую интенсивные действия. Помимо различных наборов навыков, которые требуются для онлайн- и офлайн-действий, они также нуждаются в различных ресурсах. Д. Джордж и Д. Лейднер сконструировали иерархию цифрового активизма, исходя из принципа приложения усилий и обладания ресурсами. Первая группа «действия цифровых зрителей» включает кликтивизм. Вторая группа «цифровые переходные действия» состоит из электронного финансирования, потребления интернет-контента по политическим мотивам. Третья группа «цифровые гладиаторские действия» объединяет активацию информационных данных, разоблачения и хактивизм [George, Leidner, 2019]. При этом асимметрия навыков и ресурсов позволила ряду исследователей выразить предположение о том, что виртуальная активность может негативным образом повлиять на действия в реальной жизни, создавая у пользователей ложное чувство изменения [Sormanen, Dutton, 2015].

Другие работы показывают, что цифровые коммуникации усиливают свое политическое значение, способствуя развитию гражданских ценностей и практик [Conroy, Feezell, Guerrero, 2012]. В частности, исследования потребления медиа в политической сфере демонстрируют, что тип деятельности и уровень вовлеченности — более важные факторы, определяющие активность, чем реальная или виртуальная ситуация. Гражданское участие в онлайн- и офлайн-режимах оценивалось по параллельным версиям шкалы активности: респондентов просили отметить все действия, в которых они когда-либо принимали участие. Зафиксировано, что «мягкий» активизм проявляется гораздо чаще, чем «жесткий». Так, выражение мнения происходило чаще, чем волонтерство или участие в митингах и акциях протеста. Корреляции между различными уровнями активности онлайн- и офлайн-действий оказались высокими, особенно для одного и того же вида деятельности в двух ситуациях (например, выражение своего мнения в автономном режиме или в сети; убеждение других голосовать в автономном режиме или в сети; подписание петиции в автономном режиме или в интернете) [Milosevic-Dordevic, Zezelj, 2017]. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что онлайн- и офлайн-активизм тесно взаимосвязаны, офлайн-активизм не ограничивает онлайн-активность, и наоборот. Со временем сформируется интегрированный, так называемый гибридный активизм, состоящий из различных форм офлайн- и онлайн-действий.

Дискуссия о политических партиях

Ренессанс vs кризис

Новые технологии коммуникации и их влияние на политические партии воспринимаются в научном сообществе крайне неоднозначно. Одни видят в них угрозу политическим партиям и демократическим процессам из-за снижения активности граждан [Putnam, 1995; Putnam, 2001]. Другие усматривают содействие, расширение возможностей взаимодействия в цифровом пространстве. Р. Далтон, рассматривая изменения современной гражданской политики в странах с развитой индустриальной демократией в аспекте формирования общественного

мнения и развития политических партий, отмечает, что сейчас как никогда люди оказывают влияние на политический процесс. То, что граждане думают о своем правительстве и его лидерах, как они голосуют на выборах, что они делают или говорят на политические темы, сильно влияет на дальнейшее укрепление или разрушение демократии и демократических идеалов [Dalton, 2008].

По мнению ряда зарубежных исследователей, интернет и социальные медиа изначально могли быть поняты как еще один инструмент, который политики могли бы использовать, чтобы обойтись без политических партий. Между тем цифровые коммуникации усиливают «глокализацию» общественной и политической сферы, процесс, уже начатый с появлением телевидения. Поэтому политические партии снова становятся незаменимыми. Они находятся в беспрецедентном положении для воссоздания социальных и политических связей, поскольку только они стоят как в центре, так и на периферии новой сферы, охватывающей общественную и политическую жизнь [Lachapelle, Maarek, 2015].

Как средство массовой коммуникации интернет представляется идеальным инструментом для эффективного и динамичного общения политических партий движений. Но может ли интернет заменить традиционные платформы политических партий? И может ли это действительно улучшить процесс принятия политических решений? Интернет и социальные сети изменили форму, объем и частоту политической коммуникации, но нет никаких доказательств того, что качество или содержание коммуникации изменились в той же степени. Аналогичным образом, нет никаких доказательств того, что, несмотря на значительное увеличение доступности информации, качество принятия политических решений значительно улучшилось [Huhtanen, 2015].

Ряд исследователей рассматривают, как предпочтения и ценности политических партий соотносятся с политическим использованием социальных сетей, выделяя идеологические мотивы, цифровые различия и политическую поляризацию. Социальные сети предоставляют новые платформы для политического участия и идеологической категоризации. Странники партий активно используют социальные сети для политического участия. Демографические характеристики партий частично объясняют различия в использовании социальных сетей. Между партиями существуют заметные различия при анализе использования их сторонниками социальных сетей в политических целях. Результаты эмпирических исследований подтвердили идею о том, что новые политические движения, состоящие из более молодых и образованных сторонников, добились успеха благодаря использованию социальных сетей. Кроме этого, установлено, что идеологический разрыв между сторонниками партии больше в социальных сетях, особенно когда исследуются новые виды политики, основанные на культурных вопросах, проблемах идентичности и постматериалистических ценностях [Koiranen et al., 2020].

Авторы, анализирующие влияние социальных медиа на развитие институтов партийных систем и политических партий, отмечают, что благодаря технологиям цифровых коммуникаций партийные акторы лучше адаптируются к условиям постматериалистической политической культуры. Так, А. Чедвик выдвигает гипотезу, согласно которой партии обновляются под влиянием цифровой среды, поскольку

вовлекаемые в интернет-коммуникацию граждане трансформируют формат традиционной партийной организации, отвергая нормы иерархической дисциплины и привычную партийную лояльность [Chadwick, Stromer-Galley, 2016].

Идею о том, что цифровизация способствует становлению новой партийной модели, поддерживает П. Гербаудо, благодаря которому дальнейшее развитие получила концепция платформизации. Суть обозначенной концепции заключается в том, что в цифровую эпоху политические партии повторяют организационные принципы цифровых социальных сетей для масштабирования электоральной поддержки [Gerbaudo, 2019].

В свою очередь, Н. Браунинг, К. Д. Свитсер акцентируют внимание на том, как информационная повестка, фреймы и бренды в социальных медиа влияют на электоральный потенциал политических партий. Исследователи подчеркивают необходимость управления информационным потоком и партийным интернет-контентом для эффективного использования цифровых коммуникаций с целевыми группами. По их мнению, дисфункции в этой сфере создают риски перетока электоральных голосов и снижения устойчивости электоральной базы политических партий [Browning, Sweetser, 2020].

Представляя номер: линии дискуссий в материалах выпуска

Наиболее полно и объемно в нашем выпуске оказалась представлена проблематика конверсии онлайн-участия — как гражданского, так и политического — в «физические» формы активности. Фактически здесь сплетаются четыре ключевых линии дискуссий: социальные медиа vs формальные организации, гражданское участие онлайн vs офлайн, активизм vs слактивизм, традиционные vs цифровые формы гражданского активизма.

Так, А. Климова и К. Чмель на материале протестов против строительства мусорного полигона на станции Шиес (2018—2019) показывают, что активность в социальных медиа приводит к усилению реального политического участия. Построив регрессионные модели как на данных микроуровня, полученных по результатам социологического опроса, так и на данных макроуровня, обобщающих активность экологических сообществ в сети «ВКонтакте», авторы демонстрируют увеличение вероятности участия в офлайн-протестах с ростом включенности в онлайн-обсуждения. Влияние фиксируется и на индивидуальном, и на групповом уровне; также значимым оказывается и эффект их взаимодействия. Авторы полагают, что такой результат является прямым аргументом против позиции сторонников «слактивистской» концепции.

Скорее на стороне «онлайн-скептиков» выступают С. Расторгуев и Ю. Тянь, исследующие протестный эко-активизм в Красноярском крае. Авторы, в частности, сопоставляют динамику активности экологических онлайн-сообществ и численность уличных акций протеста, посвященных экологической ситуации в регионе. Анализ не показал прямой связи между высокой онлайн-вовлеченностью и большим количеством митингующих. Уличные протесты в крае оказываются скорее связаны с ценностными нормами и текущим ситуативным контекстом, нежели с онлайн-мобилизацией (при всей важности последней в плане координации и распространения информации).

Анализ визуального дискурса в социальной сети TikTok вокруг протестов в Хабаровском крае, предпринятый А. Порецковой и Н. Савиным, также указывает на отсутствие сильной связи между потреблением такого политического контента и прямым участием в протестных акциях. Мемы, распространяемые в TikTok, скорее способствуют критическому восприятию реальности, нежели содействуют прямому сопротивлению (что связано, в частности, со слабостью функции артикуляции политических требований). В то же время авторы отмечают как минимум один «качественный» эффект онлайн-коммуникации — формирование общей идентичности, в данном случае имеющей сильную региональную составляющую.

В ряде работ, представленных в тематическом выпуске, исследователи не дифференцируют гражданский и политический активизм, указывая на стирание границ между ними. Так, С. В. Володенков и С. Н. Федорченко выделили ключевые компоненты цифровой инфраструктуры гражданско-политического активизма: цифровые платформы с возможностями интерфейса для гражданских технологий (civic technology); поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное программное обеспечение, алгоритмы; практики цифрового гражданства (digital citizen); владельцы цифровых платформ (мобильные операторы, администрация сайтов, социальных сетей и т. п.). Основным риск такой архитектуры цифровой инфраструктуры активизма авторы видят в том, что выгодополучателем цифровых трансформаций, наращивающим свою политическую субъектность и потенциал влияния, выступают именно цифровые платформы.

Особую остроту проблема конверсии онлайн-активизма в форму уличных протестов приобретает в условиях репрессивной реакции со стороны властей, которая значительно повышает издержки «физического» протеста. Влияние репрессий против организаций гражданского общества на масштаб протестных выступлений находится в центре внимания статьи В. Беленкова. В качестве переменных-медиаторов этого процесса автор рассматривает степень распространения интернета и уровень его цензурируемости. Показано, что интенсивность репрессий, интернет-охват и цензуру необходимо рассматривать в комплексе, в противном случае адекватно оценить их влияние на численность протестующих невозможно. Например, применение слабых репрессий в условиях нецензурируемого интернета скорее приведет к увеличению массовости протестов, тогда как наличие цензуры устраняет этот эффект.

Смешанные аргументы представлены в статье Р. Пармы, основанной на результатах анализа всероссийского онлайн-опроса. С одной стороны, значимая корреляция между предпочтениями форм общественной онлайн- и офлайн-активности свидетельствует в пользу наличия прямой связи между практиками действий россиян в цифровой и реальной средах. Также имеется явное сопряжение между опытом участия граждан в публичных мероприятиях и интенсивностью использования ими цифровых платформ и каналов связи. С другой стороны, частота мотивирующих и мобилизующих онлайн-сообщений не является непосредственным предиктором «физической» общественной активности. Доминирующую роль в общей картине играет пассивная установка большинства граждан, не допускающих для себя перехода от использования цифровых коммуникаций к активным гражданским практикам.

Опираясь на данные контент-анализа первичных документов и дискурса в социальных медиа, а также на результаты анкетирования и глубинных интервью представителей сообщества Сегедского Университета (Венгрия), Э. Сирмаи — автор исследования студенческого и преподавательского активизма в онлайн- и офлайн-пространствах приходит к выводу о «первичности» традиционных форм само(организации). Адаптация инструментов традиционного активизма к онлайн-платформам не порождает существенных качественных инноваций, приводя лишь к «количественным» изменениям, связанным со скоростью передачи информации. Онлайн-коммуникации, полагает автор, скорее «играют роль в видимой мобилизации „революционеров в кресле“, а не в политике участия».

Факторы протестного мобилизационного потенциала цифровых коммуникаций на материале наиболее влиятельных общественно-политически ориентированных сообществ сети «ВКонтакте» исследует А. Домбровская. В контексте нашего обсуждения одним из наиболее интересных результатов ее исследования является зависимость мобилизационного потенциала от сетевых, структурных характеристик сообщества: плотности внутренних связей, наличия ограниченного числа «топикстартеров» (вершин высоких степеней) и т. п. Особая мобилизующая роль другого типа «ядер» протестных сообществ — осуществляющих репосты сообщений и тем самым активизирующих внутренние потоки информации — показана и в уже названной работе А. Климовой и К. Чмеля.

В то же время «тонкие» эффекты коммуникации в социальных медиа, связанные с их сетевыми свойствами, пока что поддаются прямой эмпирической регистрации лишь в весьма ограниченном масштабе. Здесь особую роль в построении теории и формулировании гипотез для последующей эмпирической проверки начинают играть инструменты численного (computational) моделирования. Особое место среди них занимают агентно-ориентированные (agent-based) подходы, позволяющие явным образом включать в модели сетевые структуры и экспериментировать с их эффектами — эхо-камерами, гомофилией и др. Именно в таком ключе построено исследование А. Петрова, А. Ахременко, С. Жеглова и Е. Кручинской. В их модели в фокусе внимания находится воздействие репрессий разной интенсивности на участие граждан в уличных протестах, опосредованное различными архитектурами (топологиями) сетевых связей и варьирующимся уровнем гомофилии — склонности граждан взаимодействовать с похожими на них по «протестной установке». Авторы показывают, что с ростом гомофилии увеличивается «выживаемость» протестных акций — в присутствии любых репрессий на улицах находится ненулевое число граждан, но при этом падает их массовость.

Тематика влияния современных информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм неизбежно поднимает планку методической оснащенности исследователей. В статьях, вошедших в специальный выпуск, использован самый широкий спектр технически «продвинутых» методов. Наряду с названным выше численным моделированием, авторы активно используют тематическое моделирование, сложные версии логистических регрессий, сетевой анализ. Кроме того, методическим проблемам специально посвящена работа В. Даниловой, С. Поповой и В. Карповой. В ней предлагается новый подход к использованию тематического моделирования методом латентного размещения

Дирихле (LDA) в изучении динамики общественного мнения в социальных медиа. Основной новацией является включение в анализ пользовательского уровня (с группировкой по типам активности) наряду с традиционным тематическим измерением. Авторы тестируют предлагаемый алгоритм на материале сообщений в российских социальных медиа («Twitter» и «LiveJournal»), опубликованных в критический период распространения инфекции COVID-19.

Для реализации мультиагентного моделирования гражданской активности российской молодежи авторами А. А. Азаровым, Е. В. Бродовской, А. Б. Шатиловым был разработан тестовый прототип программного комплекса (база данных Oracle; язык программирования Java EE; HTML, CSS, JS). На основе его применения были описаны сценарии взаимодействия агентов (лидеры общественного мнения, в том числе контекстно обусловленные, «вовлеченные», «кликтивисты», «выключенные») и условия их перехода из группы в группу. Существенным результатом данного исследования является определение зависимости протестной мобилизации и конверсии онлайн-активности в офлайн от близости ценностных профилей различных агентов, а также от модальности дискурсов информационного потока (дискурс «мирного» протеста по сути выполняет роль триггера, прежде всего для контекстно обусловленных лидеров общественного мнения и «вовлеченных»).

Одним из примеров применения математического аппарата для вторичного анализа данных является статья В. Бабаян и А. Турובה, в которой с помощью моделирования структурными уравнениями (Structural Equation Modeling — SEM) оценивается готовность россиян к практикам электронного голосования. Исследователи обращают внимание на важный момент: размер национальной интернет-аудитории и вовлеченность в интернет-коммуникацию — это недостаточные условия для формирования позитивной установки на участие в электронном голосовании. Согласно данным исследования, россияне не верят в защищенность электронного голосования, а также обеспокоены сохранением конфиденциальности электорального выбора.

***

Во вступительной статье приглашенных редакторов настоящего тематического выпуска мы рассмотрели некоторые из дискуссионных линий в развитии исследований влияния ИКТ на трансформацию гражданского и политического активизма, в том числе в их «проекции» на содержание статей номера. При этом намеренно не устанавливали жесткие границы между гражданским и политическим, среди прочего в силу того, что цифровая эпоха в существенной мере способствует их размыванию. Многие исследования убедительно продемонстрировали, что природа активизма, равно как и общественно-политические условия постмодерна, делает возможным только ситуативное определение политического или гражданского характера действия. Благодаря взаимопроникновению этих форм активности мы наблюдаем различные примеры конверсии гражданского активизма в политический и наоборот (наиболее показательные примеры в данном случае связаны с экологическим активизмом).

Тот факт, что многие публикации номера не только следуют обозначенным «линиям напряжения», но и представляют аргументы в пользу разных позиций,

ни в коем случае не должен обескураживать. Скорее, это свидетельство против логики жесткого противопоставления позиций в формате «или/или»: «или активизм / или кликтивизм»; «или интеграция / или поляризация» и т. д. Однако чаще всего разнообразные эффекты ИКТ в отношении гражданского активизма и политического участия проявляют себя в комплексе. И сложность решения исследовательских задач в этой сфере заключается в поиске подходов, методов, инструментов, позволяющих увидеть, понять и объяснить это многообразие. Исходя из этого, научная дискуссия вокруг влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического активизма и участия будет вынуждена переходить от уровня анализа «или/или» к уровню «и/и», то есть эволюционировать от противопоставления модальностей/эффектов и т. д. к пониманию их многообразия и связанных с ним контекстов. Преодоление «универсализма» в оценке влияния ИКТ на трансформацию гражданского/политического участия и большее внимание ученых к таким исследовательским фреймам, как особенности национальных интернет-аудиторий, социокультурный контекст, персонологические характеристики, — наиболее многообещающий ракурс рассмотрения этой сложнейшей проблемы.

Список литературы (References)

Ахременко А., Петров А., Жеглов С. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу. *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 12—45. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>.

Akhremenko A. S., Petrov A. P., Zheglov S. A. (2021) How Information and Communication Technologies Change Trends in Modelling Political Processes: Towards an Agent-Based Approach. *Political Science (RU)*. No. 1. P. 12—45. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>. (In Russ.)

Козн Д., Шмидт Э. (2013) Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер.
Cohen J., Schmidt E. (2013) *The New Digital Age. Reshaping the Future of People, Nations and Business*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)

Anderson A. (2020) “Networked” Revolutions?” ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes. *Political Research Quarterly*. P. 1—15. <https://doi.org/10.1177/1065912920958071>.

Barabási A. L., Albert R. (1999) Emergence of Scaling in Random Networks. *Science*. Vol. 286 (5439). P. 509—512. <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>.

Beissinger M. (2017) “Conventional” and “Virtual” Civil Societies in Autocratic Regimes. *Comparative Politics*. Vol. 49. No. 3. P. 351—371. <https://doi.org/10.5129/001041517820934267>.

Bennett W. L., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Bennett W. L., Segerberg A., Walker Sh. (2014) Organization in the Crowd: Peer Production in Large-Scale Networked Protests. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 2. P. 232—260. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2013.870379>.

Blank G., Groselj D. (2014) Dimensions of Internet use: Amount, Variety, and Types. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 4. P. 417—435. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2014.889189>.

Bode L. (2016) Pruning the News Feed: Unfriending and Unfollowing Political Content on Social Media. *Research & Politics*. Vol. 3. No. 3. <https://doi.org/10.1177/2053168016661873>.

Bodrunova S. S., Blekanov I., Smoliarova A., Litvinenko A. (2019) Beyond Left and Right: Real-World Political Polarization in Twitter Discussions on Inter-Ethnic Conflicts. *Media and Communication*. Vol. 7. No. 3. P. 119—132. <https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934>.

Boulianne S., Theocharis Y. (2020) Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*. Vol. 38. No. 2. P. 111—127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.

Boutyline A., Willer R. (2017) The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 551—569. <https://doi.org/10.1111/pops.12337>.

Breuer A., Groshek J. (2014) Online Media and Offline Empowerment in Post-Rebellion Tunisia: An Analysis of Internet Use during Democratic Transition. *Political Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 25—44. <https://doi.org/10.1080/19331681.2013.850464>.

Browning N., Sweetser K. D. (2020) How Media Diet, Partisan Frames, Candidate Traits, and Political Organization-Public Relationship Communication Drive Party Reputation. *Public Relations Review*. Vol. 46. No. 2. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2020.101884>.

Brünker F., Wischniewski M., Mirbabaie M., Meinert J. (2020) The Role of Social Media during Social Movements — Observations From the #metoo Debate on Twitter. *Hawaii International Conference on System Sciences (HICSS)*. <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/handle/10125/64030> (accessed 27.07.2021).

Bruns A. (2019) Filter Bubble. *Internet Policy Review*. Vol. 8. No. 4. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1426>.

Cabrera N. L., Matias C. E., Montoya R. (2017) Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*. Vol. 10. No. 4. P. 400—415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. John Wiley & Sons.

Chadwick A., Stromer-Galley J. (2016) Digital Media, Power, and Democracy in Parties and Election Campaigns. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 21. No. 3. P. 283—293. <https://doi.org/10.1177/1940161216646731>.

Chae Y., Lee S., Kim Y. (2018) Meta-Analysis of the Relationship between Internet Use and Political Participation: Examining Main and Moderating Effects. *Asian Journal of Communication*. Vol. 29. No. 1. P. 35—54. <https://doi.org/10.1080/01292986.2018.1499121>.

Clarke K., Kocak K. (2020) Launching Revolution: Social Media and the Egyptian Uprising's First Movers. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. P. 1024—45. <https://doi.org/10.1017/S0007123418000194>.

Conroy M., Feezell J. T., Guerrero M. (2012) Facebook and Political Engagement: A Study of Online Political Group Membership and Offline Political Engagement. *Computers in Human Behavior*. Vol. 28. No. 5. P. 1535—1546.

Dalton R. J. (2008) *Citizen Politics: Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrial Democracies*. Irvine, CA: University of California.

Davenport T. H., Beck J. C. (2001) *The Attention Economy: Understanding the New Currency of Business*. Harvard Business School Press.

Diamond L., Plattner M. F. (2012) *Liberation Technology: Social Media and the Struggle for Democracy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Dincelli E., Hong Y., DePaula N. (2016) Information Diffusion and Opinion Change During the Gezi Park Protests: Homophily or Social Influence? *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. Vol. 53. <https://doi.org/10.1002/pra2.2016.14505301109>.

Falkinger J. (2007) Attention Economies. *Journal of Economic Theory*. Vol. 133. No. 1. P. 266—294.

Garcia D., Abisheva A., Schweighofer S., Serdült U., Schweitzer F. (2015) Ideological and Temporal Components of Network Polarization in Online Political Participatory Media. *Policy & Internet*. Vol. 7. No. 1. P. 46—79. <https://doi.org/10.1002/poi3.82>.

Gerbaudo P. (2019) *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy*. London: Pluto Press.

Gladwell M. (2010) Small Change: Why the Revolution will not be Tweeted. *The New Yorker*. October 4. <https://www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell> (accessed 26.07.2021).

George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.

Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. No. 6. P. 1360—1380. <https://doi.org/10.1086/225469>.

Gruzd A., Roy J. (2014) Investigating Political Polarization on Twitter: A Canadian Perspective. *Policy & Internet*. Vol. 6. No. 1. P. 28—45. <https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI354>.

Hassanpour N. (2014) Media Disruption and Revolutionary Unrest: Evidence From Mubarak's Quasi-Experiment. *Political Communication*. Vol. 31. No. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1080/10584609.2012.737439>.

Howard M., Gilbert L. (2008) A Cross-National Comparison of the Internal Effects of Participation in Voluntary Organizations. *Political Studies*. Vol. 56. No. 1. P. 12—32. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2007.00715.x>.

Huhtanen T. (2015) Can Political Parties Evolve if the Political System Does Not? *European View*. No. 14. P. 59—67. <https://doi.org/10.1007/s12290-015-0344-8>.

Iversen T., Soskice D. (2015) Information, Inequality, and Mass Polarization: Ideology in Advanced Democracies. *Comparative Political Studies*. Vol. 48. No. 13. P. 1781—1813.

Johnson B., Neo R., Heijnen M., Smits L., van Veen C. (2020) Issues, Involvement, and Influence: Effects of Selective Exposure and Sharing on Polarization and Participation. *Computers in Human Behavior*. Vol. 104. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.031>.

Jones L. M., Mitchell K. J. (2016) Defining and Measuring Youth Digital Citizenship. *New Media & Society*. 2016. No. 18. P. 2063—2079. <https://doi.org/10.1177/1461444815577797>.

Kahne J., Bowyer B. (2018) The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*. Vol. 35. No. 33. P. 470—493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>.

Koiranen I., Koivula A., Saarinen A., Keipi T. (2020) Ideological Motives, Digital Divides, and Political Polarization: How Do Political Party Preference and Values Correspond With the Political Use of Social Media? *Telematics and Informatics*. Vol. 46. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2019.101322>.

Lachapelle G., Maarek P. (2015) *Political Parties in the Digital Age*. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg. <https://doi.org/10.1515/9783110413816>.

Larson J. (2021) Networks of Conflict and Cooperation. *Annual Review of Political Science*. Vol. 24. No. 1. P. 89—107. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102523>.

Lotan G. E., Graeff M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D. (2011) The Arab Spring! The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions. *International Journal of Communication* Vol. 5. No. 31. P. 1375—1405.

Mattson K. (2017) *Digital Citizenship in Action: Empowering Students to Engage in Online Communities*. New York, NY: International Society for Technology in Education.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 415—444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Milgram S. (1967) The Small World Problem. *Psychology Today*. Vol. 1. P. 61—67.

Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I. L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. P. 113—118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.

Morozov E. (2012) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York, NY: Public Affairs.

Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. (2007) *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Nechaev V. D., Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y. (2015) Perception of Political Subjectivity on the Internet: Results of the Cross-National Cluster Analysis in the USA, United Kingdom, Mexico, Sweden, Russia, China, the Republic of South Africa. *Asian Social Science*. Vol. 11. No. 7. P. 269—277. <https://doi.org/10.5539/ass.v11n7p269>.

Papacharissi Z. (2002) The Virtual Sphere: The Internet as a Public Sphere. *New Media and Society*. Vol. 4. No. 1. P. 9—27. <https://doi.org/10.1177/14614440222226244>.

Putnam R. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683.

Putnam R. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.

Settle J. (2018) *Frenemies: How Social Media Polarizes America*. Cambridge: Cambridge University Press.

Sirbu A., Pedreschi D., Giannotti F., Kertesz J. (2019) Algorithmic Bias Amplifies Opinion Fragmentation and Polarization: A Bounded Confidence Model. *PLoS ONE*. Vol. 14. No. 3. e0213246. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213246>.

Sormanen N., Dutton W. H. (2015) The Role of Social Media in Societal Change: Cases in Finland of Fifth Estate Activity on Facebook. *Social Media + Society*. Vol. 1. No. 2. <https://doi.org/10.1177/2056305115612782>.

Stürmer S., Simon B. (2004) The Role of Collective Identification in Social Movement Participation: A Panel Study in the Context of the German Gay Movement. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. No. 3. P. 263—277. <https://doi.org/10.1177/0146167203256690>.

Tilly C. (2006) *WUNC. Crowds*. Stanford, Ca: Stanford University Press.

Vaast E., Safadi H., Lapointe L., Negoita B. (2017) Social Media Affordances for Connective Action — An Examination of Microblogging Use During the Gulf of Mexico Oil Spill. *MIS Quarterly*. Vol. 41. No. 4. P. 1179—1205. <https://doi.org/10.25300/MISQ/2017/41.4.08>.

Valenzuela S., Correa T., Gil de Zuniga H. (2018) Ties, Likes, and Tweets: Using Strong and Weak Ties to Explain Differences in Protest Participation across Facebook and Twitter Use. *Political Communication*. Vol. 35. No. 1. P. 117—134. <https://doi.org/10.1080/10584609.2017.1334726>.

Van Stekelenburg J., Klandermans P. (2017) Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. In: Klandermans P., Roggeband C. (eds.) *The Handbook of Social Movements Across Disciplines*. Cham: Springer. P. 157—204.

Walgrave S., Bennett L. W., van Laer J., Breunig C. (2011) Multiple Engagements and Network Bridging in Contentious Politics: Digital Media Use of Protest Participants. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 16. No. 3. P. 325—349. <https://doi.org/10.17813/maiq.16.3.b0780274322458wk>.

Watts D. J., Strogatz S. H. (1998) Collective Dynamics of Small-World Networks. *Nature*. Vol. 393. No. 6684. P. 440—442. <https://doi.org/10.1038/30918>.

Zhang Y., Lee F. (2018) Examining the Connectedness of Connective action: the Participant-initiated Facebook Pages in Hong Kong's Umbrella Movement. *International Journal of Communication*. Vol. 12. P. 1591—1611.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2024](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024)

А. М. Климова, С. П. Куликов, К. Ш. Чмель

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Климова А. М., Куликов С. П., Чмель К. Ш. Роль социальных медиа в формировании регионального экологического протеста в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 28—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>.

For citation:

Klimova A. M., Kulikov S. P., Chmel K. S. (2021) The Role of Social Media in Shaping Regional Ecological Protest in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 28–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2024>. (In Russ.)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ

КЛИМОВА Айгуль Маратовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов департамента социологии, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: amavletova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

КУЛИКОВ Сергей Павлович — аспирант департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: spkulikov@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8951-0493>

ЧМЕЛЬ Кирилл Шамилевич — аспирант департамента политики и управления, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, преподаватель Департамента интегрированных коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: kchmel@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1136-8754>

Аннотация. Архангельская область по протестной активности в 2018—2019 гг. заняла одну из лидирующих позиций среди всех регионов России. Это было вызвано решением региональных властей начать на станции Шиес строительство мусорного полигона для размещения твердых быто-

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN SHAPING REGIONAL ECOLOGICAL PROTEST IN RUSSIA

Aigul M. KLIMOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department for Social Institutions Analysis, School of Sociology; Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: amavletova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7407-2072>

Sergey P. KULIKOV¹ — PhD Student at the School of Sociology

E-MAIL: spkulikov@edu.hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8951-0493>

Kirill Sh. CHMEL¹ — PhD Student at the School of Politics and Governance; Junior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research; Lecturer at the School of Integrated Communications

E-MAIL: kchmel@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1136-8754>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. In 2018—2019, Arkhangelsk Oblast took one of the leading positions among all regions of Russia in terms of protest activity. This was caused by the decision of the regional authorities to construct a landfill for the disposal of solid household waste from Moscow and Moscow Oblast at Shies station.

вых отходов из Москвы и Московской области. В связи с тем, что ключевую роль в мобилизации граждан сыграли социальные медиа, целью данного исследования стало выявление роли дискуссии в социальных медиа вокруг строительства мусорного полигона в усилении протестной активности жителей Архангельской области. Эмпирической основой работы стали данные репрезентативного опроса населения Архангельской области и материалы, собранные из посвященных обсуждению строительства мусорного полигона сообществ в социальной сети «ВКонтакте».

Исследование показало, что более частое обсуждение строительства мусорного полигона в социальных медиа на индивидуальном уровне увеличивало вероятность участия в протестной активности. Кроме того, был обнаружен групповой эффект дискуссии: увеличение количества членов протестных сообществ, а также распространенности репостов их информации на уровне муниципальных районов Архангельской области повышали протестную активность граждан. Наконец, показано, что участие в протестах зависит от информационной среды: там, где проблема обсуждается активнее, эффект индивидуального обсуждения оказывается выше. Таким образом, для оценки влияния активности в медиа на политические протесты важно учитывать не только два разных уровня обсуждений, но и взаимодействие между ними.

Ключевые слова: политический протест, экологический протест, социальные медиа, политическое участие, политическое обсуждение

Taking into account the fact that social media played a key role in mobilizing citizens, the authors of this study aimed to identify the role of discussions in social media concerning the construction of a landfill in increasing the protest activity of the Arkhangelsk Oblast residents. Empirically, the study bases on the data of a representative population survey and the nonreactive data collected from the «VKontakte» public groups discussing the construction of a landfill.

The study revealed that more frequent social media discussion of landfill construction at an individual level increased the likelihood of participating in protest activities. In addition, the authors found a group effect of the discussion: an increase in the number of members of protest communities, as well as the prevalence of reposts of their information at the level of municipal districts of Arkhangelsk Oblast, increased the protest activity of citizens. Finally, it has been shown that participation in protests depends on the information environment: in the areas where the problem is discussed more actively, the effect of the observed individual discussion is higher. Thus, to assess the impact of media activity on political protests, it is important to take into account not only two different levels of discussion, but also the interaction between them.

Keywords: political protest, ecological protest, social media, political participation, political discussion

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 21-011-31830 «Политическая осведомленность и знание о политике в контексте распространения „мягких“ форматов политической информации». Авторы выражают признательность Георгию Епифанову за предоставление доступа к нереактивным данным.

Acknowledgments. The study was financed by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within grant No. 21-011-31830 «Political Awareness and Political Knowledge under the Context of the Dissemination of “Soft” Formats of Political Information». The authors thank Georgiy Epifanov for the access to nonreactive data.

Введение

Роль медиа и прежде всего социальных медиа в формировании и эскалации политических протестов подчеркивается многими исследователями в области социальных наук [Jost et al., 2018; Zhuravskaya, Petrova, Enikolopov, 2020]. Большое значение социальных медиа отмечают исследователи в усилении экологических протестов по всему миру [Seegerberg, Lance, 2011]. Экологическая повестка заняла центральное место как в политической, так и в социальной формах протеста и гражданского активизма в России в 2018—2019 гг. [Чмель, Климова, Митрохина, 2020]. Даже пенсионная реформа, вызвавшая огромное недовольство среди граждан, не привела к высокой протестной активности. Согласно рейтингу Института региональной экспертизы, Архангельская область заняла лидирующую позицию среди всех регионов России по протестной активности в апреле 2019 г.¹ Именно там начала проходить волна протестов против строительства мусорного полигона на станции Шиес, на огромной территории которого планировалось размещать твердые бытовые отходы из Москвы и Московской области.

Целью данного исследования является выявление роли обсуждений в социальных медиа вокруг строительства мусорного полигона в усилении протестной активности жителей Архангельской области.

В качестве данных мы используем результаты репрезентативного опроса населения Архангельской области и данные, собранные из сообществ социальной сети «ВКонтакте», посвященных обсуждению строительства мусорного полигона. В работе мы покажем, как частота обсуждения строительства мусорного полигона в социальных медиа на индивидуальном уровне (на уровне пользователей социальных медиа) и групповом уровне (на уровне муниципального района области) повлияла на протестную активность. Насколько нам известно, впервые в существующей литературе мы покажем влияние одновременно обоих уровней и, более того, влияние их взаимодействия.

Роль социальных медиа в политических протестах

Огромное количество современных исследований в социологии и политологии посвящено роли социальных медиа в гражданском активизме и полити-

¹ Рейтинг протестной активности регионов России, апрель 2019 года // REGNUM. 2019. 13 мая. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2626970.html> (дата обращения: 14.12.2021).

ческих протестах. Самыми известными кейсами для изучения стало движение Occupy [Jost et al., 2018], а также протесты в Северной Африке и на Среднем Востоке, получившие название «Арабская весна» [Eltantawy, Wiest, 2011; Steinert-Threlkeld et al., 2015]. Несмотря на то, что некоторые исследователи сомневаются в большой роли социальных медиа в мобилизации жителей и возможностях организации политического протеста [Specht, Ros-Tonen, 2017], экспериментальные исследования показывают, что правительственные структуры некоторых стран вполне серьезно могут этого опасаться. Например, громкое исследование, проведенное в Китае политологом из Гарвардского университета Гарри Кингом и его коллегами [King, Pan, Roberts, 2014], показало, что правительство Китая цензурирует в интернете не те посты, которые критикуют государство, его руководителей или работу правительства, а именно те посты, что призывают к коллективным действиям. Необходимо также отметить, что социальные медиа активно используются и провластными структурами [Morozov, 2011]. Так, показано, что в ходе протестов в России в 2011—2012 гг. увеличивалось не только количество твитов, направленных против Владимира Путина, но и, наоборот, в разы выросло количество твитов в его поддержку [Spaiser et al., 2017].

В целом эмпирические исследования, проведенные на основе данных социальных медиа, подтверждают теоретические основания социально-психологических теорий о том, почему люди выходят на протесты. Джон Джост и коллеги, анализируя твиты участников в день одного из протестов движения Occupy, показывают, что в социальных медиа подчеркивались идентификация с протестным движением (12 % твитов), несправедливость, депривация и бедность (10 %), критика экономической и политической системы (10 %), политическая самоэффективность, а также что протесты могут изменить сложившуюся несправедливую систему (5 %) [Jost et al., 2018].

При изучении влияния социальных медиа на политические протесты внимание уделяется и структурно-функциональным характеристикам самой сети, когда анализируются показатели центральности сети, степень кластеризации и другие метрики сетевого анализа [Ахременко, Филиппов, 2019; Ахременко, Стукал, Петров, 2020]. Кроме того, анализируются структурные позиции индивидов, которые являются центральными для распространения протестной активности в социальных медиа и маркируются как «ядро», а также выявляется роль ядра и периферии в распространении и усилении протестных акций. В исследованиях показано, что увеличение распространения твитов, активизирующих протесты, связано с количеством подписчиков пользователей [Ахременко, Стукал, Петров, 2020], наличием брокеров, которые связывают между собой разные сетевые кластеры и таким образом обеспечивают единую сеть протестующих [González-Bailón, Wang, 2016], а также характеристик ядра протеста [Spaiser et al., 2017]. Хотя традиционно подчеркивается роль ядра в усилении протестов, некоторые исследования показывают, что наличие масштабной периферии может иметь эффект, схожий по силе с ядром протеста [Barberá et al., 2015]. Наличие масштабной периферии может снизить эффекты гомофилии и так называемых эхо-камер.

Обсуждения в социальных медиа и протестная активность

Несмотря на то, что исследований, посвященных влиянию распространения социальных медиа на протестную активность, существует довольно много, до сих пор неизвестно, какая конкретно особенность новых информационных технологий способствует усилению протестной активности.

Традиционно проблему участия граждан в политических протестах принято рассматривать как *проблему коллективного действия*, суть которой заключается в том, что из-за особенностей коллективного взаимодействия атомизированных рациональных индивидов коллективное благо не может быть достигнуто [Olson, 1965]. С одной стороны, при коллективном взаимодействии имеет место «эффект безбилетника», когда некоторые индивиды сознательно отказываются оплачивать потребление общественных благ или участвовать в кооперации и нести издержки, извлекая при этом только выгоды. «Безбилетники» часто встречаются и в случае протестной мобилизации, так как протест нередко связан с высокими издержками от участия в нем [Moore, 1995]. Однако большей проблемой для мобилизации является другая сторона проблемы коллективного действия, а именно — информационная асимметрия и недостаток информационных ресурсов для поддержания протестного потенциала [Jost et al., 2018]. Могут ли социальные медиа помочь преодолеть эту проблему?

Во-первых, эмпирические исследования показывают, что социальные сети выполняют прежде всего *информационную функцию*, когда организаторы и участники распространяют важную информацию о протесте. Распространение информации мгновенно и не требует значительных ресурсов. Организаторы и участники делятся знанием о том, где проходят протесты, почему в них необходимо участвовать, как проходят сами протесты (в том числе насколько протест подавляется, какие средства подавления используются и т. п.) [Ахременко, Филиппов, 2019]. Например, в 44 % твитов, опубликованных в день одного из протестов движения Оссиру, содержалась базовая информация о том, где проходят протесты, присутствует ли полиция, насколько это безопасно для участников и т. п. [Jost et al., 2018].

Во-вторых, социальные медиа позволяют координировать организацию огромного количества участников протестов. Зачастую в качестве меры, измеряющей эффективность координации в социальных медиа, используется коэффициент Джини [Ахременко, Стукал, Петров, 2020], а в качестве данных — хештеги. В том случае, если все хештеги разные (коэффициент Джини = 0), предполагается, что координация протестов очень низкая; если же все хештеги одинаковые (коэффициент Джини = 1), наоборот, предполагается, что координация протестов очень высокая. Таким образом, использование единого хештега может указывать на высокую координацию протестов.

В-третьих, в исследованиях часто обращают внимание именно на технологическое преимущество социальных медиа, позволяющее снизить издержки на мобилизацию участников и распространение информации среди них; то есть социальные медиа могут усилить протестные акции и нести в себе *мобилизующую функцию*. Так, выявлена роль социальной сети «ВКонтакте» в увеличении протестной активности во время протестов 2011—2012 гг. в России: исследователи обнаружили, что увеличение покрытия сети «ВКонтакте» на 10 % увеличивало

количество протестующих на 19% [Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020]. Также для ряда протестов показана положительная связь между количеством постов в социальных медиа и числом протестующих [Bastos, Mercea, Charpentier, 2015; Acemoglu, Hassan, Tahoun, 2018]. Кроме того, эмпирические исследования показывают положительную связь между координацией протестной деятельности в социальных медиа и масштабом протестных действий [Steinert-Threlkeld et al., 2015].

Однако еще одной технологической особенностью социальных медиа является создание площадки для межличностных и групповых обсуждений между участниками протестного движения. Многие исследователи видели в социальных медиа потенциальный инструмент для улучшения демократических практик, объединяя граждан через виртуальные сети и сообщества по интересам, позволяя пользователям участвовать в дискуссиях, а также увеличивая потоки информации и разнообразие мнений [Novesck, 2009]. Более того, существует точка зрения, что именно социальные медиа позволяют приблизиться к нормативным идеалам делиберативной демократии: Даниэл Халперн и Дженнифер Гиббс показали, что политические дискуссии в Facebook характеризуются эгалитарным распределением комментариев между участниками дискуссии и высоким уровнем вежливости [Halpern, Gibbs, 2013].

В этой связи особую значимость приобретает не только тот факт, что индивиды информируют через социальные сети других о своем решении принять участие в протесте, но и сама делиберация между участниками протестного движения. Делиберация определяется как процесс публичного обсуждения, происходящий при условиях равенства всех участников дискуссии, в результате которого граждане способны прийти к общему рациональному решению [Gastil, 2008]. С одной стороны, существующие исследования высказывают некоторые опасения в отношении делиберации, так как замечают, что зачастую она скорее ведет к поляризации и усилению межгруппового конфликта, чем к становлению консенсуса в обществе [Sunstein, 2002]. Однако эмпирические исследования также показывают, что делиберация позволяет вовлекать в дискуссии политически маргинальные группы, нерепрезентируемые в парламентах и не имеющие институционализированной политической силы, позволяя им тем самым артикулировать свои интересы в публичном дискурсе и побудить сторонников к политическим действиям [Thompson, 2008; Karpowitz, Raphael, Hammond, 2009]. Несмотря на споры в отношении того, носит ли делиберация скорее позитивный или негативный характер, исследователи все же соглашаются в том, что частота дискуссий (в особенности с людьми схожих политических взглядов) явно ведет к мобилизации и эффективному политическому участию.

Гипотеза 1 (H1 — индивидуальный уровень): мы ожидаем, что с увеличением частоты обсуждения в социальных медиа проблемы строительства полигона на станции Шиес увеличивается и вероятность участия индивида в протестном движении.

Однако делиберация важна не только как параметр «дискурсивного участия» [Delli Carpini, Cook, Jacobs, 2004] отдельно взятого индивида. Значимым образом делиберация может оказывать влияние на протестный потенциал и на групповом уровне. Такая информация, как число участников протестных групп, лай-

ков, репостов, а также оставленных комментариев к информации о протестах и прочих цифровых следов, может свидетельствовать о масштабах делиберации вокруг проблемы. Так, Донателла делла Порта утверждает, что для протестного движения важна не только вовлеченность отдельного индивида посредством частых обсуждений, но и широта обсуждения на групповом уровне [della Porta, 2005a; 2005b]. При высокой интенсивности обсуждения на уровне социальных групп, а не отдельных индивидов, происходит становление единой идентичности для целого социального движения. Если рассматривать данный эффект с точки зрения рациональности, большее число индивидов, участвующих в обсуждении проблемы в социальных медиа, создает эффект сигнала, снижая тем самым информационную асимметрию для менее вовлеченных участников протеста [Little, 2016]. Наблюдая такого рода сигналы в виде оставленного комментария, отметки в событии или сделанного репоста, пользователи социальных медиа получают больше информации для оценки масштабов протеста и состава его участников.

Гипотеза 2 (H2 — групповой уровень): мы ожидаем, что с увеличением числа репостящих и участвующих в протестных группах по проблеме строительства мусорного полигона на станции Шиес на уровне муниципальных районов Архангельской области увеличивается и вероятность участия в протестном движении для проживающих в них индивидов.

Наконец, стоит отметить, что эффекты на индивидуальном и групповом уровнях могут не только быть в равной степени значимыми, но и усиливать друг друга. Особенности влияния среды на индивидуальные эффекты являются давним предметом исследований в области психологии. Согласно теории групповой поляризации, эффект от обсуждения усиливается в том случае, если делиберация происходит в среде с высокой степенью вовлечения других участников [Isenberg, 1986; Myers, Bishop, 1970]. Иными словами, в ситуации, когда в обсуждении с высокой степенью регулярности принимают участие большинство членов какой-либо социальной группы, эффект от участия в этих дискуссиях для отдельного индивида будет значительно выше. Данный эффект усиливается в том случае, если группа является гомогенной по своему составу с точки зрения политических взглядов и предпочтений. Исследования, не имеющие прямого отношения к изучению протестной активности, но предметом которых является изучение формирования общественного мнения по социально-политическим вопросам, также показывают, что в результате обсуждений взгляды граждан существенно радикализируются [Bohman, Hjerm, Eger, 2019]. Так, в результате обсуждений этнического разнообразия с людьми похожих взглядов имеющиеся у индивидов предрассудки значительно усиливались [Myers, Bishop, 1970].

Гипотеза 3 (H3 — взаимодействие между индивидуальным и групповым уровнем): мы ожидаем, что с увеличением числа участников протестных групп и числа репостящих информацию по проблеме строительства мусорного полигона на станции Шиес на уровне муниципальных районов Архангельской области эффект частоты обсуждения в социальных медиа на индивидуальном уровне будет усиливаться.

Несмотря на то, что в наших гипотезах мы заявляем о направлении связи между переменными, мы все же не делаем здесь строгого каузального вывода, как и ряд

других исследований в данной области. Хотя наша теория говорит о направлении связи от медиаактивности к протестной активности, обратная каузальность также имеет место [Ladd, Lenz, 2009]. Во-первых, из-за эффекта самоотбора активными в социальных медиа могут быть те граждане, которые уже политически вовлечены в повестку, заинтересованы в политике и протестно настроены по отношению к действующим политическим институтам. Во-вторых, сама активность в социальных медиа может быть следствием протестов: часто высокая активность в медиа наблюдается именно после протестов. Данные ограничения стоит учитывать во время интерпретации полученных нами выводов.

Описание кейса: строительство мусорного полигона около железнодорожной станции Шиес

Станция Шиес находится в Ленском районе Архангельской области примерно в 500 км от Архангельска и в 90 км от Сыктывкара — столицы Коми, соседнего региона. В 2018 г. на станции началось строительство полигона площадью более 300 га, на территории которого планировалось размещать твердые бытовые отходы из Москвы и Московской области. Региональные власти скрыли информацию о начале строительства мусорного полигона, однако местные жители зафиксировали начавшиеся работы и опубликовали посты об этом во «ВКонтакте» в июле 2018 г. Скрытие информации и отсутствие публичного обсуждения строительства полигона привели к высокой протестной активности жителей области по всей Архангельской области. Помимо массовых протестов активисты проводили одиночные пикеты и вели вахтовое дежурство на станции Шиес.

Эмпирическая база и методология исследования

В статье используются два массива данных. Первый массив — данные репрезентативного опроса населения Архангельской области, второй — данные онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте», выступавших против строительства мусорного полигона около станции Шиес.

Опросные данные

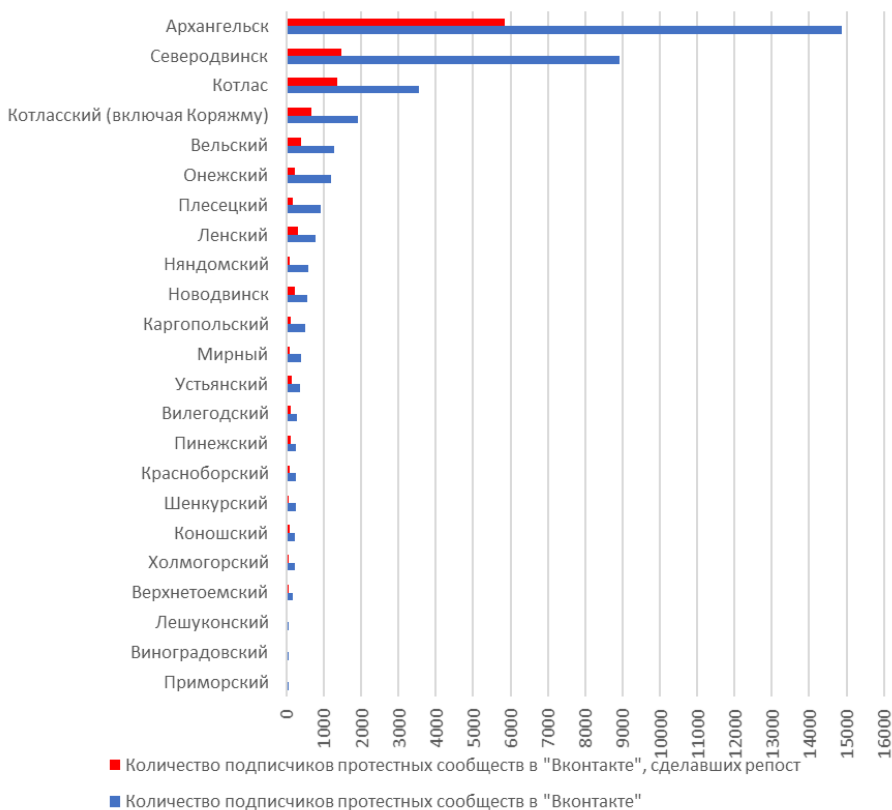
Эмпирическая база опроса состоит из 1514 анкет, собранных с помощью метода САТИ (computer-assisted telephone interviewing) в июле 2019 г. Генеральная совокупность была определена как население Архангельской области в возрасте 18 лет и старше. В опросе использовалась вероятностная выборка, однако были установлены квоты на пол, возраст и районы Архангельской области. Коэффициент кооперации (COOP1) оказался равным 0,35, коэффициент отказов (REF1) — 0,16, а коэффициент ответов — 0,03 (RR 5) [Standard Definitions..., 2016]. Среди участников 55 % составили женщины, средний возраст — 48,3 (SD = 19,3), 38 % имеют высшее образование.

Данные из социальной сети «ВКонтакте»

Эмпирическая база данных из социальной сети «ВКонтакте» была собрана Георгием Епифановым в рамках работы над магистерской диссертацией [Епифанов, 2019]. Данные собирались на ежедневной основе в период с 28 янва-

ря по 17 апреля 2019 г. Первоначальный список сообществ был найден по таким ключевым словам, как «Шиес», «экотехнопарк», «не помойка», «против свалки/помойки/мусора». Впоследствии список был также дополнен ссылками на сообщества, которые участники распространяли между собой; при этом были учтены как большие, так и немногочисленные сообщества. В основном локальные сообщества были направлены на объединение людей в определенном населенном пункте или муниципальном районе Архангельской области (например, «Поморье — не помойка! Плесецкий район», «Поморье — не помойка! Верхнетоемский район» и т. п.), относительно небольшое количество сообществ — более масштабных — были либо направлены на объединение жителей всей Архангельской области (например, «Поморье — не помойка!»), либо посвящены протестным акциям (например, «Всероссийский протест „Россия — не помойка!“ 3.02»). На начало сбора данных 37 страниц с численностью участников от 10 до почти 15 000 человек были определены как релевантные. По мере регистрации новых сообществ список был расширен до 47. Какие-то сообщества были заблокированы администрацией «ВКонтакте», поэтому к моменту окончания сбора данных была активна 41 группа.

Рис. 1. Количество подписчиков протестных сообществ во «ВКонтакте» и количество подписчиков, сделавших репост, по муниципальным районам Архангельской области

Всего количество уникальных пользователей данных сообществ — 72 454 пользователя, из которых 46 386 указали свой пол на странице во «ВКонтакте» как «женский» (64 %) и 26 054 — как «мужской» (36 %), а 14 пользователей не указали пол вовсе. Из всех уникальных пользователей 58 973 (81 % от пользователей сообществ) указали в качестве места рождения/жительства населенный пункт, из них 37 785 (52 % от общего количества уникальных пользователей) указали населенный пункт Архангельской области. Наибольшее число участников групп указали в качестве места жительства Архангельск (14 881), Северодвинск (8 924), Котлас (3 561), а наименьшее количество участников указали населенные пункты Виноградовского (73), Лешуконского (73) и Приморского (59) муниципальных районов (см. рис. 1). Что касается активных пользователей протестных сообществ, то 11 800 пользователей сделали репост на свои личные страницы хотя бы один раз. Наибольшее количество таких участников было зафиксировано в Архангельске (5 838), Северодвинске (1 464) и Котласе (1 369), а наименьшее — в Виноградовском (37), Лешуконском (30) и Приморском (16) районах (см. рис. 1).

Зависимые, независимые и контрольные переменные

Зависимые переменные

Хотя традиционно под протестной активностью полагается участие в уличных митингах и демонстрациях, существует огромное количество других форм (например, распространение информации о протестах, краудфандинг, организация флешмобов и т. п.) [Hanna et al., 2016]. В этой связи в работе мы использовали две зависимые переменные. В первую мы включили любую форму протестной активности, а во вторую — традиционные уличные формы протеста.

(1) *Любая форма политического протеста*: общественные слушания; подписание петиций и обращений (в том числе в интернете); информирование и распространение информации (в том числе в интернете); финансовая поддержка выступающих; одиночные пикеты; санкционированные митинги; несанкционированные акции протеста; другие формы активности выражения позиции против строительства мусорного полигона.

(2) *Традиционные (или уличные) формы политического протеста*: одиночные пикеты; общественные слушания; санкционированные митинги; несанкционированные акции протеста.

Можно отметить достаточно высокий уровень участия: 62 % респондентов участвовали в каких-то формах активности против строительства мусорного полигона, а 37 % принимали участие непосредственно в традиционных формах протестов.

Независимые переменные

В качестве независимой переменной на первом (индивидуальном) уровне была включена частота обсуждения мусорной проблемы Архангельской области в социальных сетях по 5-балльной шкале от «никогда» до «очень часто». По результатам опроса около 52 % респондентов никогда не обсуждали данную проблему в социальных сетях, 8 % — очень редко, 20 % — редко, 14 % — часто и 6 % — очень часто.

На втором уровне (уровне муниципальных районов) были включены две переменные:

— количество членов протестных сообществ во «ВКонтакте» на уровне муниципального района;

— количество членов протестных сообществ, которые хотя бы один раз репостили информацию из этих сообществ.

Два индикатора представляют так называемое пассивное и активное политическое онлайн-участие [Gainous, Abbott, Wagner, 2021]. В качестве индикатора пассивного политического участия мы использовали членство в онлайн-протестных сообществах, а в качестве активного — репост и распространение информации из такого сообщества. Другое возможное разделение данных индикаторов — это ядро и периферия. Количество участников протестных сообществ представляет собой как ядро, так и периферию, в то время как количество членов протестных сообществ, которые хотя бы один раз репостили информацию из сообщества, представляет собой ядро протестов.

Мы агрегировали данные индикаторы на уровне района Архангельской области. При этом мы стандартизировали их на количество жителей района. Доля участников протестных сообществ варьировалась от 0,002 % до 0,07 % от населения муниципального района (см. табл. 1). Среднее значение оказалось равным 0,03 % (SD = 0,02). Максимальная доля участников протестных сообществ была зафиксирована в Ленском районе, а минимальная — в Приморском. Доля активных участников онлайн-протестных сообществ, сделавших как минимум один репост на своей странице во «ВКонтакте», варьируется от 0,0006 % до 0,03 %. В среднем доля активных участников протестных сообществ относительно населения муниципального района Архангельской области принимает значение в 0,01 % (SD = 0,01). Максимальная доля ядра протестов была зафиксирована в Ленском районе, а минимальная — в Приморском.

Ряд переменных на индивидуальном уровне были включены в качестве контрольных (пол, возраст, наличие высшего образования и т. п., см. табл. 1). В качестве контрольной переменной на втором уровне был включен муниципальный район проживания. Описательные статистики для всех переменных представлены в таблице 1.

Таблица 1. *Описательные статистики*

Переменные	N	M/%	SD	Min	Max
<i>Переменные первого уровня</i>					
Частота обсуждения мусорной проблемы в социальных сетях	1506	3,87	1,37	1,00	5,00
Уровень поддержки строительства мусорного полигона	1491	4,73	0,72	1,00	5,00
Возраст	1514	48,33	19,27	18,00	69,00
Оценка работы губернатора Орлова	1293	3,21	0,77	1,00	4,00
Доля ежемесячного дохода на питание и оплату коммунальных услуг	1514	5,52	2,34	1,00	10,00

Переменные	N	M/%	SD	Min	Max
Частота просмотра новостей на Первом канале, России-1 или НТВ	1511	4,36	2,02	1,00	6,00
Пол (1 — «Женский»)*	1514	55 %			
Наличие высшего образования*	1514	38 %			
Часто использует интернет*	1514	73 %			
Семейное положение: живут вместе/женаты*	1514	72 %			
Участие в традиционных формах протеста (1 — принимал участие)*	1145	38 %			
Участие в любых формах протеста (1 — принимал участие)*	1145	63 %			
<i>Переменные второго уровня</i>					
Количество подписчиков протестных сообществ по районам	37 780	6 931,00	3 447,67	59,00	14 881,00
Количество репостеров протестных сообществ по районам	11 800	2 341,00	1 224,64	16,00	5 838,00
Доля подписчиков протестных сообществ по районам (%)	23	0,03	0,02	0,00	0,07
Доля репостеров протестных сообществ по районам (%)	23	0,01	0,01	0,00	0,03

Примечание. N — число наблюдений; M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; Min — минимальное значение; Max — максимальное значение; для бинарных переменных (*) указаны проценты.

Подход к анализу данных

Вследствие того, что две зависимые переменные представляют собой дихотомические переменные, мы построили логистические регрессии. Наличие двух уровней наблюдения (на уровне индивидов и муниципальных районов) привело к построению многоуровневых регрессионных моделей. Коэффициент внутриклассовой вариации (*ICC*) варьируется от 0,03 до 0,11. Несмотря на относительно низкие коэффициенты внутриклассовой корреляции, мы все же исходим из содержательного обоснования использования многоуровневого подхода, а не методологического. Таким образом, мы построили *многоуровневые логистические регрессионные модели со случайной константой* для учета различий между муниципальными районами.

Для тестирования гипотезы *H3* мы оценили эффекты взаимодействия между ключевыми независимыми переменными на первом и втором уровнях. В этом случае мы оцениваем, в какой степени контекст выступает модератором для эффекта на первом уровне. Чтобы избежать переоценки статистической значимости этого эффекта, мы также включаем *случайный наклон для переменной на первом уровне*.

В связи с тем, что доли подписчиков и активных членов сообществ, агрегированных по муниципальным районам, не достигали и 1%, что существенно затрудняет интерпретацию величин эффекта, мы преобразовали эти перемен-

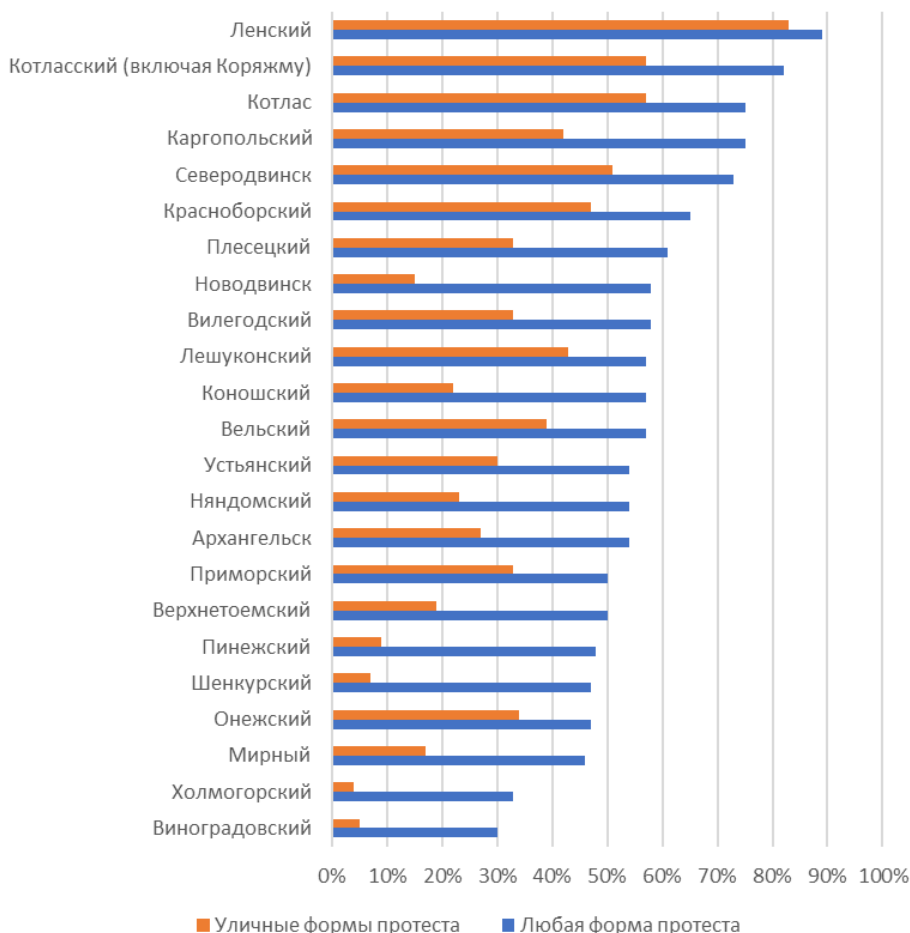
ные, умножив их на 100. Таким образом, индикатор, представляющий участников протестных сообществ по районам на 10 000 населения, варьировался от 0,2 до 7, а индикатор, представляющий активных участников, — от 0,06 до 3. Хотя данные преобразования осложняют понимание результатов, мы все же делаем этот выбор сознательно, чтобы появилась возможность интерпретировать полученные величины эффектов.

Мы использовали *частотный*, а не байесовский подход для оценки эффектов, хотя полученные оценки могут быть смещенными в связи с тем, что у нас лишь 23 муниципальных района на втором уровне.

Результаты

Описательная статистика

Рис. 2. Доля участвующих в протестных акциях по муниципальным районам Архангельской области (по результатам опроса)

После исключения наблюдений с пропущенными значениями в ключевых для построения моделей переменных для расчета частотных моделей были отобраны 1145 респондентов. Доля респондентов, реализовавших любую форму политического протеста, варьируется от 29,4% до 85,7% ($M = 61,97\%$, $SD = 13,88\%$). Наименьшие значения зафиксированы в Виноградовском (29,4%), Пинежском (46,4%) и Холмогорском (47,4%) муниципальных районах, наибольшие значения — в Ленском (85,7%), Котласском (включая Коряжму) (82,8%) и Красноборском (80%) муниципальных районах (см. рис. 2). Доля респондентов, принимавших участие в одиночных пикетах, санкционированных и несанкционированных протестах — традиционных формах политического протеста, — варьируется от 0% до 78,6% и в среднем принимает значение 36,5% ($SD = 22,32\%$). Наименьшие доли принимавших участие в акциях протеста в традиционных формах были выявлены в Холмогорском (5,3%), Пинежском (10,7%) и Верхнетоемском (15,4%) муниципальных районах, а наибольшие доли были получены в Ленском (78,6%) и Красноборском (70%) муниципальных районах, а также в Котласе (60,2%). В Виноградовском и Шенкурском районах респонденты не участвовали в санкционированных и несанкционированных протестах (см. рис. 2).

Результаты регрессионного моделирования:

построение многоуровневых логистических регрессий

Для проверки первых двух гипотез рассмотрим логистические многоуровневые модели без эффекта взаимодействия. Первая гипотеза ($H1$) предполагала обнаружение связи между частотой обсуждения мусорной проблемы в социальных медиа и участием в протестных акциях. На основе полученных результатов мы можем **подтвердить $H1$** . Так, в моделях, предсказывающих любую форму протеста (модели 1 и 3, табл. 2), коэффициент частоты обсуждения мусорной проблемы оказывается значимым: $\beta = 0,52$, $p < 0,001$. В моделях, предсказывающих традиционную форму протеста (модели 5 и 7, табл. 2), коэффициент также оказывается значимым, хотя величина эффекта становится меньше: $\beta = 0,37$, $p < 0,001$. Отношение шансов, таким образом, равно 1,68 и 1,44 соответственно, что является малыми величинами эффекта. Так, увеличение частоты дискуссии на один пункт по 5-балльной шкале повышает шансы участия в 1,68 раза в случае предсказания любой формы протеста и в 1,44 раза в случае предсказания традиционных форм протеста. В терминах предсказанной вероятности участия в протестах это можно интерпретировать следующим образом. Например, если брать за основу модель 1, то вероятность принять участие в любой форме политического протеста для тех, кто никогда не обсуждал мусорную проблему в социальных сетях, оценивается в 56%, кто это делал редко — в 78%, а кто делал это очень часто — в 91%.

Таблица 2. Результаты многоуровневых логистических регрессий

	Любая форма протестов				Традиционная (уличная) форма протестов			
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8
Константа	-4,92*** (0,7)	-5,07*** (0,81)	-4,66*** (0,70)	-4,55*** (0,77)	-7,71*** (1,05)	-7,34*** (1,12)	-7,38*** (1,04)	-6,93*** (1,08)

	Любая форма протестов				Традиционная (уличная) форма протестов			
Частота обсуждения мусорной проблемы в социальных сетях	0,52*** (0,06)	0,50*** (0,17)	0,52*** (0,06)	0,37* (0,14)	0,37*** (0,05)	0,16 (0,16)	0,37*** (0,05)	0,10 (0,47)
Количество членов сообществ на 10 000 населения (на уровне муниципального района)	0,19** (0,07)	0,24 (0,14)			0,37*** (0,09)	0,26 (0,15)		
Количество членов ядра сообществ на 10 000 населения (на уровне муниципального района)			0,33 (0,22)	0,19 (0,38)			0,84*** (0,29)	0,37 (0,37)
Пол	0,34* (0,14)	0,34* (0,14)	0,34* (0,14)	0,33* (0,14)	0,04 (0,14)	0,03 (0,14)	0,04 (0,14)	0,04 (0,14)
Возраст	0,05 (0,11)	0,06 (0,11)	0,05 (0,11)	0,06 (0,11)	0,24* (0,10)	0,24* (0,10)	0,24* (0,10)	0,24* (0,10)
Высшее образование	0,00 (0,15)	0,02 (0,16)	0,01 (0,15)	0,03 (0,16)	0,09 (0,15)	0,12 (0,15)	0,10 (0,15)	0,12 (0,15)
Уровень поддержки строительства мусорного полигона	0,48*** (0,11)	0,51*** (0,14)	0,48*** (0,11)	0,50*** (0,11)	0,82*** (0,19)	0,85*** (0,19)	0,81*** (0,19)	0,84*** (0,19)
Оценка работы губернатора	0,38*** (0,10)	0,38*** (0,10)	0,40*** (0,10)	0,38*** (0,10)	0,48*** (0,11)	0,47*** (0,11)	0,48*** (0,11)	0,47*** (0,11)
Доля ежемесячного дохода на питание и оплату коммунальных услуг	-0,01 (0,03)	-0,01 (0,03)	-0,01 (0,03)	-0,01 (0,03)	-0,06 (0,03)	-0,06 (0,03)	-0,06 (0,03)	-0,06 (0,03)
Часто используют интернет	0,23 (0,18)	0,27 (0,18)	0,24 (0,18)	0,27 (0,18)	-0,23 (0,19)	-0,21 (0,19)	-0,24 (0,19)	-0,20 (0,19)
Семейное положение: живут вместе/женаты	-0,13 (0,16)	-0,13 (0,16)	-0,13 (0,16)	-0,14 (0,16)	-0,13 (0,16)	-0,13 (0,16)	-0,13 (0,16)	-0,14 (0,16)
Частота просмотра новостей на Первом канале, России-1 или НТВ	-0,04 (0,04)	-0,04 (0,04)	-0,04 (0,04)	-0,04 (0,04)	-0,06 (0,04)	-0,06 (0,04)	-0,05 (0,04)	-0,05 (0,04)
Частота обсуждения x Количество членов сообществ		-0,02 (0,05)				0,05 (0,04)		

	Любая форма протестов				Традиционная (уличная) форма протестов			
Частота обсуждения x Количество членов-ядра сообществ				0,08 (0,14)				0,22+ (0,12)
Случайные эффекты								
sd(Константа)	0,32	0,64	0,38	0,61	0,50	0,70	0,63	0,71
sd(частота дискуссии)		0,17		0,11		0,07		0,02
ICC	0,03	0,03	0,04	0,04	0,07	0,07	0,11	0,11

Примечание. В таблице представлены нестандартизированные коэффициенты. В скобках указана стандартная ошибка. ICC — коэффициент внутриклассовой корреляции. *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$, + $p = 0,07$.

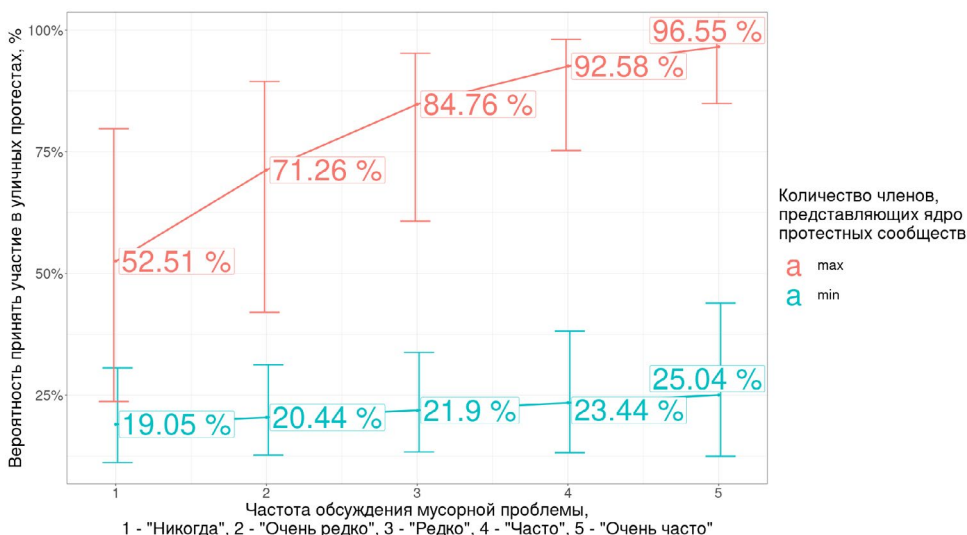
Вторая гипотеза (H2) касалась переменных второго уровня (уровня муниципальных районов). Наши данные **подтверждают H2**. Так, количество членов протестных сообществ во «ВКонтакте» (модели 1 и 3, табл. 2) оказывает значимое влияние на обе формы протестной активности: $\beta = 0,19$, $p = 0,01$ при предсказании любой формы протестной активности и $\beta = 0,37$, $p < 0,001$ при предсказании традиционной формы протестов. Таким образом, отношение шансов равно 1,2 и 1,45, что является очень малыми величинами эффекта.

Количество членов протестных сообществ, представляющих ядро, оказывало значимое влияние на участие в традиционной форме протестной активности: $\beta = 0,84$, $p < 0,001$ (модель 7, табл. 2). Отношение шансов равно 2,3, что является средней величиной эффекта. Если говорить об этом в терминах предсказанных вероятностей, то вероятность принять участие в традиционных протестных акциях при минимальной доле ядра протеста оценивается в 20 %, при средних значениях — в 37 %, а при наибольших значениях — в 72 %. В модели, предсказывающей участие в любой форме протестов, данный коэффициент не достиг статистической значимости, хотя также указывал на положительную связь между долей ядра и протестной активностью: $\beta = 0,33$, $p = 0,13$ (модель 3, табл. 2).

Наконец, третья гипотеза (H3) предполагала наличие эффекта взаимодействия между переменными двух уровней. В целом результаты наших моделей **лишь отчасти подтверждают гипотезу H3**. Взаимодействие между частотой дискуссий и количеством членов протестных сообществ оказалось статистически незначимым как в случае предсказания участия в любой форме протеста, так и в случае предсказания участия в традиционных уличных формах протеста (модели 2 и 6, табл. 2). Что касается взаимодействия между частотой дискуссий и количеством членов, представляющих ядро протестных сообществ, то значимости на уровне $p = 0,07$ достиг коэффициент в случае предсказания участия в уличных формах протеста (модель 8, табл. 2). Хотя статистическая значимость не достигла в этой модели классического порогового значения, необходимо учитывать, что это многоуровневая регрессия с 23 наблюдениями на втором уровне. В связи с этим исследователям все же стоит обратить внимание на данную величину эффекта. Приведем предсказанные вероятности. Например, в случае проживания в районе

с минимальным количеством активных членов протестного сообщества, если респондент не обсуждает мусорную проблему, то вероятность его участия в уличных протестах оценивается в 18 %, а если обсуждает часто — 27 % (см. рис. 3). В случае же проживания в районе с максимальным количеством активных членов онлайн-протестного сообщества эффект частоты дискуссии усиливается: если респондент не обсуждает мусорную проблему, то вероятность участия в уличных протестах оценивается в 54 %, а если обсуждает часто — в 96 %.

Рис. 3. Эффект взаимодействия между частотой дискуссий и количеством членов, представляющих ядро протестных сообществ: вероятность участия в уличных формах протеста

Обсуждение результатов

В данной работе мы выдвинули три гипотезы касательно влияния обсуждения в социальных медиа на участие в политическом протесте на примере протеста в Архангельской области. Мы выявили, что более частое обсуждение строительства мусорного полигона на индивидуальном уровне в социальных медиа увеличивало вероятность участия в протестной активности. Данный вывод соотносится с результатами других исследований. Например, ранее была показана мобилизующая функция социальных медиа во время московских протестов на Болотной площади в 2011—2012 гг. [Reuter, Szakonyi, 2015; Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020]. Метаанализ показывает, что со временем мобилизующая функция интернета усиливается за счет социальных медиа, хотя сама по себе величина эффекта является достаточно малой [Boulianne, 2009, 2019]. При этом публикация постов о тех или иных протестах показывает весьма высокую вероятность участия людей в этих протестах [Boulianne, Кос-Michalska, Bimber, 2020]. В нашем исследовании мы также обнаружили положительный эффект участия в политической дискуссии на тему строительства мусорного полигона в социальных медиа на участие

в протестной деятельности в Архангельской области. Более того, мы показали, что не только факт обсуждения, но и частота этого обсуждения оказывает влияние. Однако обе величины эффекта, отражающие как любую форму протестной активности, так и непосредственно участие в уличных акциях протеста, являются весьма малыми: такая величина эффекта, как отношение шансов, была зафиксирована соответственно на уровне 1,68 и 1,44. Принято, что отношение шансов на уровне 1,68 указывает на малую величину эффекта [Chen, Cohen, Chen, 2010]. Полученные данные по величине эффекта сопоставимы с данными американских исследований [Boulianne, Kos-Michalska, Vimber, 2020]. Эти эффекты означают, что политические дискуссии в социальных медиа усиливают политическую активность, однако их роль может быть охарактеризована как слабая в терминах величины эффекта. Этот эффект в особенности мал в предсказании участия граждан непосредственно в политических протестах. Однако учитывая рост эффекта со временем, который фиксируют исследователи [Boulianne, 2020], можно ожидать усиление роли социальных медиа в политической активности граждан.

Мы обнаружили групповой эффект, когда увеличение количества членов протестных сообществ, а также количества членов протестных сообществ, делающих перепосты информации из сообществ, на уровне муниципального района Архангельской области увеличивало протестную активность. Отношение шансов варьировалась от 1,2 до 2,3 в зависимости от моделей. Это означает, что величина эффекта может быть как очень малой, так и средней. По результатам наших данных можно сделать два вывода. Во-первых, влияние такого фактора, как количество членов сообществ, представляющих ядро протестных сообществ, выше по сравнению с влиянием такого фактора, как количество членов сообществ. Это подтверждает более сильный эффект ядра сообщества на протестную активность. Распространение информации ядром протестных сообществ приводит к большей активности, так как задействуются все три функции социальных медиа — информационная, координационная и мобилизующая. Во-вторых, влияние обоих факторов выше в случае предсказания непосредственно участия в уличных протестах, чем любой формы политического протеста. Таким образом, оба фактора лучше объясняют такое политическое действие, как участие в протестах. Это, в свою очередь, опровергает предположение некоторых исследователей о существовании такого феномена, как *slacktivism* («диванный активизм»), заключающегося в том, что онлайн-активность создает иллюзию влияния на мир и тем самым снижает реальную протестную деятельность [Morozov, 2011]. Однако наши исследования наряду с другими показывают, что активность в социальных медиа приводит к повышению политического участия, в том числе протестной активности [Bastos, Mercea, Charpentier, 2015; Steinert-Threlkeld et al., 2015; Acemoglu, Hassan, Tahoun, 2018].

Наконец, мы показали, что групповое обсуждение в социальных медиа на уровне муниципальных районов отчасти может усиливать эффект индивидуальной вовлеченности в политическую дискуссию и таким образом повышать вероятность участия в политических протестах. Данная работа, насколько нам известно, впервые показала это на эмпирических данных по протестам. Согласно теории социального капитала, которая применяется для исследования политических протестов, вероятность увеличивается за счет включенности граждан в определенные

социальные сети. Если среди знакомых гражданина — в том числе и в социальных медиа — много участников протестов, то повышается вероятность и его участия [Barberá et al., 2015]. Мы показали, что значимо количество членов, представляющих ядро протестных сообществ. Кроме того, это становится значимым именно для усиления уличных, а не любых форм протеста. Именно так распространяется информация и усиливается эффект индивидуального обсуждения жителей в социальных медиа. Несущественное влияние оказывает взаимодействие между частотой дискуссии и количеством членов онлайн-сообществ, куда включается не только ядро, но и периферия. Таким образом, здесь важен именно эффект ядра и активного его участия в распространении информации. Участие в уличных протестах зависит от информационной среды: там, где в среде часто обсуждается проблема, эффект индивидуального обсуждения выше по сравнению с теми районами, в которых она обсуждается реже. Иными словами, наиболее высокая вероятность участия в уличных протестах наблюдалась у жителей, проживающих в районах, в которых фиксировалось огромное количество репостов из протестных групп и которые сами активно писали в социальных медиа о строительстве мусорного полигона. Предложим несколько объяснительных механизмов. Это может быть связано с тем, что эффект обсуждения в социальных медиа на уровне района больше усиливал групповую идентичность, а также групповую политическую самоэффективность среди тех, кто сам часто обсуждал данную проблему в социальных медиа. Альтернативным объяснением может быть так называемый психологический феномен групповой поляризации, который означает, что групповая дискуссия сама по себе усиливает определенное мнение, и это усиление более явное для тех, кто изначально имеет сильную установку по изучаемому вопросу [Isenberg, 1986; Sunstein, 2002]. Таким образом, активная вовлеченность и распространение информации из протестных сообществ на уровне района оказывает большее влияние на тех, кто сам активно вовлечен и обсуждает проблему в социальных медиа, и в разы повышает вероятность участия именно таких жителей районов в уличных протестных акциях. Наше исследование подтверждает делиберативный эффект политических сообществ в социальных медиа.

Заключение

Многие ученые подчеркивают роль интернета и, в частности, социальных медиа в усилении политических протестов. Некоторые исследования показывают влияние обсуждения в социальных медиа на политические протесты, чаще всего одним из двух способов: (1) либо на индивидуальном уровне (на уровне респондентов) с помощью опросного метода, когда устанавливают наличие связи между обсуждением в социальных медиа и участием в политических протестах, (2) либо на агрегированном уровне, когда устанавливают наличие связи между количеством постов и репостов в социальных медиа с усилением протестов в последующие дни. Мы впервые показали, как одновременно работают оба уровня обсуждений, используя массив опросных данных и данных из социальных медиа. Кроме того, мы впервые показали, что есть взаимодействие между двумя этими уровнями обсуждений. Хотя ряд исследователей подчеркивает значимость информационной среды для распространения информации о политических протестах и что

среда обсуждения снижает информационную асимметрию, ранее в исследованиях не было показано, что это снижение зависит от частоты обсуждения на индивидуальном уровне. Таким образом, важно учитывать не только два разных уровня, но и их взаимодействие для оценки их влияния на политические протесты.

Отметим ряд ограничений данного эмпирического исследования. Во-первых, хотя мы говорим, что есть влияние частоты обсуждений в социальных медиа на протестную активность, мы не проверяем наличие каузальной связи, а показываем это лишь на уровне наличия корреляций. Во-вторых, в работе не раскрыты сами механизмы мобилизации жителей в протестную активность. В-третьих, данные из социальной сети «ВКонтакте» были взяты за определенный период. За пределами исследовательского взора оказались некоторые значимые протесты. Кроме того, в базе данных отсутствуют некоторые индикаторы, которые часто используются в выявлении эффекта социальных медиа — например, данные о лайках. В-четвертых, мы использовали частотный подход к оценке многоуровневых моделей, хотя есть веские основания к применению байесовского подхода. Наконец, необходимо принимать во внимание специфику рассматриваемого протеста: это региональный протест на уровне одного субъекта федерации. Протестующие выступали против строительства мусорного полигона на станции Шиес, на территории которого планировалось размещать твердые бытовые отходы из Москвы и Московской области. Таким образом, это экологический протест, принявший политизированную форму и включавший в себя центр-региональные отношения. Почти все жители региона были настроены против данного строительства. Это означает, что величины эффекта могут отличаться от других экологических и политических протестов.

Несмотря на перечисленные ограничения, насколько нам известно, это первая работа по политическим протестам, в которой показано одновременно влияние обоих уровней — индивидуального и уровня муниципального района, — а также их взаимодействия на протестную активность. Мы показали, что влияние индивидуального обсуждения в социальных медиа на участие в уличных протестах выше там, где в среде эта проблема обсуждается чаще по сравнению с теми районами, в которых она обсуждается редко.

Список литературы (References)

Ахременко А. С., Филиппов И. Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>.

Akhremenko A. S., Philippov I. B. (2019) Impact of the Violent Suppression of Protest on its Discussion in Social Networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.

Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Епифанов Г. А. Механизмы мобилизации регионального протеста в социальных медиа. Магистерская выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/296303829> (дата обращения: 06.12.2021).

Epifanov G. A. (2019) Mechanisms of Mobilization of the Regional Protest in Social Media. Master Thesis. Moscow: HSE University. URL: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/296303829> (accessed: 06.12.2021). (In Russ.)

Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.

Chmel K. Sh., Klimova A. M., Mitrokhina E. M. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: The Landfill Site at Shies Railroad Station. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>. (In Russ.)

Acemoglu D., Hassan T. A., Tahoun A. (2018) The Power of the Street: Evidence from Egypt's Arab Spring. *The Review of Financial Studies*. Vol. 31. No. 1. P. 1—42. <https://doi.org/10.1093/rfs/hhx086>.

Barberá P., Wang N., Bonneau R., Jost J. T., Nagler J., Tucker J., González-Bailón S. (2015) The Critical Periphery in the Growth of Social Protests. *PLoS ONE*. Vol. 10. No. 11. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0143611>.

Bastos M. T., Mercea D., Charpentier A. (2015) Tents, Tweets, and Events: The Interplay Between Ongoing Protests and Social Media. *Journal of Communication*. Vol. 65. No. 2. P. 320—350. <https://doi.org/10.1111/jcom.12145>.

Bohman A., Hjerm M., Eger M. A. (2019) Politics and Prejudice: How Political Discussion with Peers is Related to Attitudes about Immigrants During Adolescence. *Frontiers in Sociology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2019.00070>.

Boulianne Sh. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*. Vol. 26. No. 2. P. 193—211. <https://doi.org/10.1080/10584600902854363>.

Boulianne Sh. (2019) Revolution in the Making? Social Media Effects Across the Globe. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. No. 1. P. 39—54. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1353641>.

Boulianne Sh. (2020) Twenty Years of Digital Media Effects on Civic and Political Participation. *Communication Research*. Vol. 47. No. 7. P. 947—966. <https://doi.org/10.1177/0093650218808186>.

Boulianne Sh., Koc-Michalska K., Bimber B. (2020) Mobilizing Media: Comparing TV and Social Media Effects on Protest Mobilization. *Information, Communication & Society*. Vol. 23. No. 5. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1713847>.

Chen H., Cohen P., Chen S. (2010) How Big is a Big Odds Ratio? Interpreting the Magnitudes of Odds Ratios in Epidemiological Studies. *Communications in Statistics: Simulation and Computation*. Vol. 39. No. 4. P. 860—864. <https://doi.org/10.1080/03610911003650383>.

della Porta D. (2005a) Deliberation in Movement: Why and How to Study Deliberative Democracy and Social Movements. *Acta Politica*. Vol. 40. No. 3. P. 336—350. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ap.5500116>.

della Porta D. (2005b) Making the Polis: Social Forums and Democracy in The Global Justice Movement. *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 10. No. 1. P. 73—94. <https://doi.org/10.17813/maiq.10.1.vg717358676hh1q6>.

Delli Carpini M. X., Cook F. L., Jacobs L. R. (2004) Public Deliberation, Discursive Participation, and Citizen Engagement: A Review of Empirical Literature. *Annual Review of Political Science*. Vol. 7. P. 315—344. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.7.121003.091630>.

Eltantawy N., Wiest J. B. (2011) Social Media in the Egyptian Revolution: Reconsidering Resource Mobilization Theory. *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 1207—1224.

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. *Econometrica*. Vol. 88. No. 4. P. 1479—1514. <https://doi.org/10.3982/ECTA14281>.

Gainous J., Abbott J. P., Wagner K. M. (2020) Active vs. Passive Social Media Engagement with Critical Information: Protest Behavior in Two Asian Countries. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 26. No. 2. P. 464—483. <https://doi.org/10.1177/1940161220963606>.

Gastil J. (2008) *Political Communication and Deliberation*. Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781483329208>.

González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. *Social Networks*. Vol. 44. P. 95—104. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2015.07.003>.

Josh J. T., Barberá P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J. (2018) How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*. Vol. 39. Suppl. 1. P. 85—118. <https://doi.org/10.1111/pops.12478>

Halpern D., Gibbs J. (2013) Social Media as a Catalyst for Online Deliberation? Exploring The Affordances of Facebook and YouTube for Political Expression. *Computers in Human Behavior*. Vol. 29. No. 3. P. 1159—1168. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2012.10.008>.

Hanna P., Vanclay F., Langdon E. J., Arts J. (2016) Conceptualizing Social Protest and the Significance of Protest Actions to Large Projects. *The Extractive Industries and Society*. Vol. 3. No. 1. P. 217—239. <https://doi.org/10.1016/j.exis.2015.10.006>.

Isenberg D. J. (1986) Group Polarization: A Critical Review and Meta-Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 50. No. 6. P. 1141—1151. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.50.6.1141>.

Karpowitz C. F., Raphael Ch., Hammond IV A. S. (2009) Deliberative Democracy and Inequality: Two Cheers for Enclave Deliberation among the Disempowered. *Politics and Society*. Vol. 37. No. 4. P. 576—615. <https://doi.org/10.1177/0032329209349226>.

King G., Pan J., Roberts M. E. (2014) Reverse-Engineering Censorship in China: Randomized Experimentation and Participant Observation. *Science*. Vol. 345. No. 6199. P. 1—10. <https://doi.org/10.1126/science.1251722>.

Ladd J. M. D., Lenz G. S. (2009) Exploiting a Rare Communication Shift to Document the Persuasive Power of the News Media. *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 2. P. 394—410. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00377.x>.

Little A. T. (2016) Communication Technology and Protest. *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 1. P. 152—166. <https://doi.org/10.1086/683187>.

Moore W. H. (1995) Rational Rebels: Overcoming the Free-Rider Problem. *Political Research Quarterly*. Vol. 48. No. 2. P. 417—454. <https://doi.org/10.1177/106591299504800211>.

Morozov E. (2011) *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. New York, NY: PublicAffairs.

Myers D. G., Bishop G. D. (1970) Discussion Effects on Racial Attitudes. *Science*. Vol. 169. No. 3947. P. 778—779. <https://doi.org/10.1126/science.169.3947.778>.

Noveck B. S. (2009) *Wiki Government: How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger, and Citizens More Powerful*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Reuter O. J., Szakonyi D. (2015) Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 1. P. 29—51. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000203>.

Seegerberg A., Lance B. W. (2011) Social Media and the Organization of Collective Action: Using Twitter to Explore the Ecologies of Two Climate Change Protests. *The Communication Review*. Vol. 14. No. 3. P. 197—215. <https://doi.org/10.1080/10714421.2011.597250>.

Spaiser V., Chadeaux T., Donnay K., Russmann F., Helbing D. (2017) Communication Power Struggles on Social Media: A Case Study of the 2011—12 Russian Protests. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 14. No. 2. P. 132—153. <https://doi.org/10.1080/19331681.2017.1308288>.

Specht D., Ros-Tonen M. A. F. (2017) Gold, Power, Protest. Digital and Social Media and Protests Against Large-scale Mining Projects in Colombia. *New Media & Society*. Vol. 19. No. 12. P. 1907—1926. <https://doi.org/10.1177/1461444816644567>.

Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys. 9th edition. (2016) Amsterdam: AAPOR.

Steinert-Threlkeld Z., Mocanu D., Vespignani A., Fowler J. (2015) Online social networks and offline protest. *EPJ Data Science*. Vol. 4. Article number: 19. <https://doi.org/10.1140/epjds/s13688-015-0056-y>.

Sunstein C. R. (2002) The Law of Group Polarization. *Journal of Political Philosophy*. Vol. 10. No. 2. P. 175—195. <https://doi.org/10.1111/1467-9760.00148>.

Thompson D. F. (2008) Deliberative Democratic Theory and Empirical Political Science. *Annual Review of Political Science*. Vol. 11. No. 1. P. 497—520. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.081306.070555>.

Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. (2020) Political Effects of the Internet and Social Media. *Annual Review of Economics*. Vol. 12. P. 415—438. <https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081919-050239>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2017](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017)

С. В. Расторгуев, Ю. С. Тянь

ПРОТЕСТНЫЙ ЭКОАКТИВИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ «КРАСНОЯРСКОГО КЕЙСА»)

Правильная ссылка на статью:

Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса») // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 53—75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>.

For citation:

Rastorguev S. V., Tian Y. S. (2021) Protest Eco-Activism in the Digital Environment (On the Example of the "Krasnoyarsk Case"). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 53–75. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.)

ПРОТЕСТНЫЙ ЭКОАКТИВИЗМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ «КРАСНОЯРСКОГО КЕЙСА»)

РАСТОРГУЕВ Сергей Викторович — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: fomalga71@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

ТЯН Юлия Сергеевна — магистрант Высшей школы государственного администрирования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: julia.jang04@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6962-512X>

Аннотация. Предмет исследования настоящей статьи — протестный экоактивизм в цифровой среде на примере резонансного «Красноярского кейса». С использованием тематического моделирования методом латентного размещения Дирихле (LDA) проанализированы комментарии к постам на экологическую тематику в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook, Instagram за период 1 января 2021 г. — 14 июня 2021 г. Выделены шесть ключевых тем, две из которых идентифицированы как наиболее протестные. Эти две протестные темы обусловлены негативными экстерналиями хозяйственной деятельности предприятий, недовольством качеством политического менеджмента государственных органов.

«Красноярский кейс» протестного онлайн экоактивизма исследован по региональным эко-сообществам

PROTEST ECO-ACTIVISM IN THE DIGITAL ENVIRONMENT (ON THE EXAMPLE OF THE "KRASNOYARSK CASE")

Sergey V. RASTORGUEV¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Political Science
E-MAIL: fomalga71@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>

Yulia S. TYAN² — Master's student of the Higher School of Public Administration
E-MAIL: julia.jang04@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0001-6962-512X>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The subject of this article is protest eco-activism in the digital environment on the example of the resonant “Krasnoyarsk case”. Using thematic modelling by latent Dirichlet placement (LDA), we analyzed comments on environmental topics on social media VKontakte, Odnoklassniki, Twitter, Facebook, and Instagram for January 1, 2021 — June 14, 2021. We highlighted six key themes and identified two of them as the most “protest”. These two protest themes are mainly caused by negative externalities of the economic activities of enterprises and dissatisfaction with the quality of political management of state bodies.

The “Krasnoyarsk case” of online protest eco-activism was studied on the regional eco-communities VKontakte using the information and analytical system “Medialogia”. An analysis of the offline activity of protesters and data on the involvement of users of eco-communities on VKontakte in the “Krasnoyarsk case”

«ВКонтакте» с использованием информационно-аналитической системы «Медиалогия». Анализ офлайн активности митингующих и данных вовлеченности пользователей эко-сообществ «ВКонтакте» по «Красноярскому кейсу» не позволяет утверждать, что существует прямая зависимость между высокой вовлеченностью и большим количеством митингующих. Авторы пришли к выводу о ситуативном, контекстном характере офлайн-протестов. Цифровое участие в кейсе лидеров общественного мнения способствует привлечению внимания широкой интернет-аудитории и рассмотрению локальной ситуации как части национальной или мировой повестки.

Предложенный авторами индекс протестного экоактивизма позволяет произвести скоринг конкретного кейса на основе критериев локализации, интенсивности, политизации, текущего статуса ситуации и потенциала конфликтности. Ранг индекса дает информацию ключевым стейкхолдерам в лице общества, бизнеса, государства о текущем положении и потенциальных вариантах развития событий для принятия стратегических и тактических решений.

Ключевые слова: протестный экологический активизм, экологические проблемы, индекс протестного экоактивизма, цифровое участие, экологическая повестка

does not allow us to assert that there is a direct relationship between high involvement and a large number of protesters. The authors concluded the situational and contextual nature of offline protests. Digital participation of opinion leaders in the case helps attract the attention of a broad Internet audience and consider the local situation as part of the national or global agenda.

The index of protest eco-activism proposed by the authors allows scoring a specific case based on the criteria of localization, intensity, politicization, the situation's current status, and the potential for conflict. The rank of the index provides information to key stakeholders in the face of society, business, and government about the current situation and potential scenarios for the development of events for making strategic and tactical decisions.

Keywords: protest environmental activism, environmental problems, index of protest eco-activism, digital participation, environmental agenda

Экологическая повестка дня

Проблематика протестного экоактивизма связана со взаимоотношениями, которые складываются между акторами в лице органов государственной власти, компаний различных форм собственности, общественных организаций и граждан по вопросам использования и/или охраны окружающей среды. Поскольку значи-

тельная часть экологической повестки дня формируется в связи с существующими или будущими неблагоприятными последствиями от хозяйственной деятельности экономических субъектов и конечного потребления продукции (отрицательные экстерналии), то ее анализируют в рамках теории внешних эффектов [Buchholz, Rübbecke, 2019: 13—36; Endres, 2011: 32—99; Hsiang, Oliva, Walker, 2017: 3—23]. Стейкхолдерами, стремящимися максимизировать прибыль/выгоду, в данном случае выступают бизнес, государство, общество, чьи стратегии в идеальной модели представляют собой игру с положительной суммой, а в реальных ситуациях чаще оказываются игрой с нулевой суммой. Для российских мегаполисов эксперты предполагают патерналистскую модель решения экологических проблем, когда государство с помощью юридических, финансовых, информационных ресурсов осуществляет стратегическую экологическую политику, оставляя гражданскому обществу локальные и тактические вопросы [Яницкий, 2018].

Общество, представленное НКО и группами индивидов, может выступать проактивно и реактивно. Проактивный экоактивизм, включающий в себя такие формы поведения как раздельный сбор мусора, минимизация использования пластика, волонтерство, краудсорсинг, краудфандинг, создание экологических приложений, онлайн-карт и т. д., не является предметом данного исследования. Реактивный экоактивизм в офлайн— и онлайн-форматах может анализироваться как петля обратной связи, протестная реакция на осуществляемые или подготавливаемые действия хозяйствующих субъектов, регламентирующие решения органов государственной власти и местного самоуправления.

Актуальность экологической повестки для стейкхолдеров в России можно оценить исходя из статистических данных, рейтингов состояния окружающей среды, опросов общественного мнения, современных мировых трендов. С 2003 по 2019 гг. объем отходов производства и потребления в России утроился с 2 613,5 млн т. до 7 750,9 млн т., в то время как расходы на охрану окружающей среды в процентах к ВВП сократились на 0,5 % с –1,3 % в 2003 г. до 0,8 % в 2019 г.¹ «Индекс экологической эффективности 2020 г.» Йельского университета, оценивающий эффективность 11 показателей окружающей среды 180 стран мира, позиционирует Россию в конце пятой десятки в соседстве с Бахрейном, Эквадором, Венесуэлой, Украиной². Данная позиция предполагает наличие достаточного количества экологических проблем. «Национальный экологический рейтинг регионов», составленный зимой 2020—2021 гг. Общероссийской общественной организацией «Зеленый патруль» выделяет экологически неблагополучные регионы, где вопросы защиты окружающей среды наиболее актуализированы: Иркутская, Омская, Челябинская, Свердловская области, Красноярский и Забайкальский край³. В 2020 г. в Красноярском крае и на Камчатке произошли две масштабные экологические катастрофы, привлечшие внимание федеральных и мировых СМИ.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Образование отходов производства и потребления. Расходы на охрану окружающей среды по Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 10.12.2021).

² The Environmental Performance Index 2020. URL: <https://envirocenter.yale.edu/2020-environmental-performance-index> (дата обращения: 10.12.2021).

³ «Национальный экологический рейтинг регионов» по итогам зимы 2020—2021. URL: <http://www.greenpatrol.ru/novosti/natsionalnyy-ekologicheskiy-reyting-regionov-po-itogam-zimy-2020-2021-gg> (дата обращения: 10.12.2021).

В работе, посвященной анализу онлайн-практик гражданского и политического активизма среди российской молодежи в сети «ВКонтакте», было выявлено, что самый неблагоприятный для государственной власти дискурс сформировался в политических сообществах именно по вопросам экологии [Бродовская, Домбровская, Карзубов 2020: 24]. Популярный в странах ЕС «рейтинг ESG» компаний, демонстрирующий активность в защите окружающей среды, социальную ответственность и высокое качество управления, предполагает учет указанных характеристик при принятии решений по инвестированию. ESG-рейтинг российских компаний в сфере экологии возглавляют «Полиметалл», «ЛУКОЙЛ», «СИБУР-холдинг»⁴. Страны ЕС разрабатывают проект «углеродного налога», нацеленный на минимизацию выбросов парниковых газов и значительно увеличивающий издержки российских экспортеров металлургического сектора. Ориентация российских транснациональных компаний на международные экологические стандарты, проекты «зеленой энергетики», ратификация Россией Парижских соглашений в 2019 г., делают экологическую повестку дня актуальной для крупного бизнеса и государственных органов. Экологичность производства и минимизация отрицательных экстерналий бизнеса становятся компонентами обязательного стандарта транснациональных корпораций.

Однако опросы общественного мнения не фиксируют существенной озабоченности россиян экологической тематикой. По данным ВЦИОМ, в 2020 г. 68% россиян оценили экологическую ситуацию в регионе проживания как хорошую и удовлетворительную, хотя за последние 2—3 года около трети опрошенных отметили ухудшение экологической обстановки⁵. При опросе 2020 г., который предполагал выбор вопроса для Президента РФ, экологическая тематика разделила 15—20 места, значительно уступив социально-экономическим и политическим сюжетам⁶. При этом следует отметить вероятность попадания части экологической повестки дня, в том числе протестной, в рубрику «политика» [Каминская, Помигуев, Назарова, 2019: 393].

В России не сформировалась сколь-нибудь влиятельная «зеленая партия», ставящая в основу программы экологические ценности. Проект партии «Зеленая альтернатива», созданной в декабре 2019 г., в очередной раз тестирует применимость к России теории Р. Инглхарта о замещении ценностей выживания постматериалистическими ценностями самовыражения [Инглхарт, 2018:40]. В программах парламентских партий под выборы 2016 г. экологическая тематика была относительно развернуто представлена только у «Справедливой России», которая получила наименьшую поддержку избирателей. В экологических протестах активную позицию занимают прежде всего оппозиционные партии и движения, стремящиеся заработать политический капитал на поддержке локальных акций.

⁴ ESG-рейтинг российских компаний (май 2021 года). URL: https://raex-rr.com/esg/ESG_rating (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021. С. 82. URL: <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2020/> (дата обращения: 10.12.2021) (данный материал создан и распространен некоммерческой организацией, признанной выполняющей функции иностранного агента).

В непростой ситуации оказались российские экологические организации и отдельные экоактивисты, поскольку их деятельность как в силу объективных, так и субъективных причин, стала рассматриваться государством через призму не столько собственно защиты окружающей среды, сколько с позиции политического участия [Цепилова 2019: 24]. Анализ цифровых петиций на платформе Change.org в период 2012—2017 гг., дающих практически неограниченную возможность для артикуляции проблем, показал, что экологическая тематика обогнала здравоохранение, образование и экономику, но существенно уступила тематике общества, политики, культуры [Рафина, Крупная 2019: 119].

Концептуализация протестного экоактивизма в цифровой среде

Феномен протестного экоактивизма в цифровой среде на теоретическом уровне осмысливается в рамках нескольких политологических концепций. Концептуальные рамки гражданского участия очерчивают практики инициативных добровольных действий граждан, направленных на достижение коллективных целей. С. Верба включал в гражданское участие не только реальную деятельность по оказанию влияния на государственные структуры, но и саму возможность проявления инициативы или же отказа от ее проявления. Конкретная реализация форм гражданского участия достигает эффекта только в случае взаимных ресурсных обменов представителей общества и государства [Verba, 1967:62]. Данное положение С. Верба, акцентирующее формальные и неформальные нормы, мотивы проявления публичной активности, структуру обменов ресурсами государственных и общественных акторов, представляется достаточно актуальным. Р. Патнэм трактовал гражданское участие в более широком контексте, включая в него широкий спектр «неполитических» практик, нацеленных на решение проблем локальных комьюнити [Putnam, 1995].

Среди отечественных исследователей гражданское участие также анализируется в узком и широком контексте. Одни изучают его, прежде всего, как демократический механизм, влияющий на формирование, изменение, отмену решений государственных и муниципальных органов власти. Различные формы воздействия на органы власти, в том числе онлайн и офлайн-протесты, мобилизация сторонников и ресурсов, создание и тиражирование информации, формирование идентичности и эффекта групповой принадлежности являются инструментами влияния общества на государство [Никовская, Якимец, 2016: 49—63]. Другие исследователи вслед за Р. Патнэмом расширяют понятие гражданского участия за счет включения в концепт разнообразных форм социальных взаимоотношений, делая акцент на определенную самодостаточность процесса реализации общественных инициатив вне рамок политического процесса. [Петухов, 2012: 23—26; Скалабан, 2011: 130—139]. Наблюдается и синтетический подход, соединяющий гражданское и социальное участие в более широком концепте — общественное участие [Никовская, Скалабан 2017: 49—50].

Исследование цифрового гражданского участия (сетевого участия, цифрового активизма) как самостоятельной формы гражданского участия и элемента протестной активности в офлайн — формах стало популярным после событий «Арабской весны» 2010—2011 гг., когда развитие информационно-коммуникативных техно-

логий и их масштабирование превратили коллективные онлайн-действия в заметный фактор политических процессов. [Howard, Hussain, 2013]. Отечественные исследователи обратили внимание на роль социальных медиа в ходе анализа протестных действий в России в 2011—2012 гг. [Ксенофонтова 2012; Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014]. В исследовательской среде получила признание классификация форм сетевого цифрового участия Я. Теочариса, выделившего следующие формы: посты в социальных сетях по тематике социально-политических вопросов; вхождение в тематические группы; осуществление репостов публикаций по социально-политическим вопросам; мобилизация сторонников, разделяющих взгляды тематической группы [Theocharis, 2015: 8].

Е. В. Бродовская и Т. Хуанг по результатам кластерного анализа данных онлайн-опроса российской молодежи определили четыре типа цифрового поведения, концептуализированного как «культура цифрового гражданства», в зависимости от степени вовлеченности в онлайн-практики гражданского активизма: «зрители», «вовлеченные», «активисты», «лидеры» [Бродовская, Хуанг, 2019: 12]. На основе анализа сообщений в сети «ВКонтакте» в период проведения протестных акций в 2018 г. А. С. Ахременко и И. Б. Филиппов подтвердили гипотезу о том, что насильственный разгон уличных акций приводит к увеличению контактов в социальных медиа и улучшению их «качества», ярче маркируя идентичность и ценностные основы протестных акторов сообщества [Ахременко, Филиппов, 2019: 221—222].

Исследователи отмечают возвращение в цифровое участие идеологии, понимаемой как совокупность ценностей, что смещает акцент изучения онлайн-коммуникаций с технологических аспектов платформ и социальных сетей в сторону мобилизационных и организационных технологий «кибер-популизма», «технополитики» [Gerbaudo, 2017: 484—486]. В работе К. Илтен, П.-Б. Макинерни исследуется вопрос формирования коллективной идентичности участников общественных движений в социальных медиа посредством установления плотной сети коммуникации как формы мобилизации на локальном уровне. Локальная коллективная идентичность в цифровом пространстве базируется на консенсусном принятии базовых символов и смыслов социального движения [Ilten, McInerney, 2019: 202].

Особое внимание обращается на характер взаимосвязи онлайн и офлайн-протестов. Первая группа исследователей указывает на значительную вероятность ограничения протестной активности онлайн-сферой, не получающей продолжения в реальных действиях — «быстрый активизм» [Harlow, Harp, 2012: 196—216], «символическое участие» [Haunss, 2015:13—34], «слактивизм» и присоединение к тематической группе в социальной сети с целью получать информацию по интересующей проблеме [Гольбрайх, 2019: 79]. Вторая группа исследователей прослеживает корреляцию между онлайн-мобилизацией и уличными протестами [Tufekci, Wilson, 2012; Breuer, Landman, Farquhar, 2015], показывает логику подготовки офлайн-протестов в процессе коммуникации в социальных медиа [Mercea, 2012], подчеркивает мобилизационную важность наличия независимых источников информации в недемократических режимах [Steinert-Threlkeld, 2017], анализирует саму структуру сети, влияние на уличные протесты конфигурации сетевых взаимодействий, роли акторов, силы связей акторов [Ахременко, Стукал, Петров 2020: 87—88]. Появляются публикации, акценти-

рующие определенное стирание границ между онлайн и офлайн-протестами, рассматривающие виртуальные и реальные акции в форме события и сообщения, которые выполняют функции артикуляции интересов, информирования участников, рекрутирования новых членов, укрепления идентичности [Архипова* и др., 2018: 21]. Указывается, что протестная активность в социальных медиа формирует «бинарный медиакод», объединяющий разрозненные недовольства в сети, а целенаправленная деятельность провластных организаций по дискредитации недовольных (троллинг) только усиливает делигитимацию отдельных государственных структур [Бараш, 2018: 134—136].

Понятие протестный экоактивизм в цифровой среде понимается авторами статьи как добровольные, реактивные в отношении к внешней среде онлайн-практики представляющих общество стейкхолдеров по получению, созданию, распространению информации, касающейся экологической проблематики с целью самоорганизации и противодействию офлайн-практикам стейкхолдеров от государственной и муниципальной власти, бизнеса. Данное определение конкретизирует термин «цифровой экологический активизм», предполагающий добровольную совместную деятельность по защите экологических интересов и ценностных представлений в социальных медиа [Ермолаева, Ермолаева, Башева 2020: 376].

Российские исследователи изучают различные аспекты протестного онлайн экоактивизма. На основе метаанализа зарубежных текстов исследовались концепции мотивации участников экоактивизма. Анализировались теории «активации нормы» (изменение поведения под влиянием референтной группы), «Ценности — убеждения — нормы» (баланс эгоистических и альтруистических ценностей предопределяет установки на поведенческую модель), «самовосприятия» (зависимость от предыдущего опыта), «установки — поведение — контекст» (поведение обусловлено комбинацией ценностных норм и ситуативного контекста) [Ермолаева, Ермолаева, 2019].

Изучение цифрового поведения членов протестных экологических групп в социальной сети «ВКонтакте» Санкт-Петербурга выявило в большей степени пассивный характер действий (репосты и комментарии, а не посты), неготовность присоединяться к политическим группам сети (конвертировать локальную экоповестку в локальную оппозиционную деятельность), по сравнению с территориальными группами протестные группы характеризовались более плотной сетью коммуникации [Гольбрайх 2018: 117].

Среди протестных экологических кейсов изучаемого периода самым резонансным представляется «кейс Шиеса», превратившийся из локального экологического конфликта в политический вопрос федерального уровня. О. Д. Цепилова и В. Б. Гольбрайх провели контент-анализ углубленных интервью, проанализировали тематические и территориальные сообщества «ВКонтакте» участников протестного движения в Архангельской области и Республике Коми в парадигме теории мобилизации ресурсов «Ресурсы — Мобилизация — Организация — Результат». Они пришли к выводу, что социальная сеть выступила в роли информатора и мобилизатора на офлайн-активность, а характер протестов приобрел политическую окраску [Цепилова, Гольбрайх, 2020]. Дискурс-анализ полуструктурированных интервью выявил протестный активизм жителей Архангельской области в связи

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

с кулуарным решением вопроса о строительстве мусорного полигона, чувством несправедливости ресурсных обменов центра и периферии [Чмель, Климова, Митрохина, 2020].

Методология исследования

Авторы исследования решали три задачи: проанализировать структуру экологических тем пользователей социальных сетей для выявления протестного потенциала экологической повестки дня; изучить «Красноярский кейс» протестного онлайн-экоактивизма, его влияние на офлайн-активность; составить индекс протестного потенциала эко-повестки и протестировать его на «Красноярском кейсе». В ходе исследования авторы тестировали следующие гипотезы: а) чем выше онлайн-активность сетевого сообщества накануне офлайн-акций, тем выше мобилизационный результат последних; б) внимание к протестной проблематике селебрити и лидеров общественного мнения (далее — ЛОМ) федерального и международного уровня способствует росту онлайн-активности и интересу общества к экологическим кейсам, но для конвертации гражданского участия в политическое требуются дополнительные переменные; в) политизация экологической повестки дня, ведущая к повышению вероятности реализации политических рисков, является одной из независимых переменных наряду с другими элементами множества.

Для выявления тем эко-повестки в социальных медиа было проанализировано 2,2 млн комментариев, зафиксированных под постами в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter, Facebook, Instagram на экологическую тематику в период 1 января 2021 г. — 14 июня 2021 г. Для анализа использовалось тематическое моделирование методом латентного размещения Дирихле (LDA). Тематическое моделирование представляет собой группу алгоритмов машинного обучения, позволяющих определить темы документов (публикаций СМИ, постов, комментариев, выступлений). Перед построением модели была проведена первичная обработка комментариев, в том числе: удаление знаков препинания, цифр, эмодзи, союзов, предлогов, дубликатов, коротких комментариев (по ним сложно определить тему), комментариев с обращениями (обычно содержат оскорбления). Также удалялись общие слова, например «люди», «страна», поскольку они не являются «маркерами» определенных тем и используются в любых контекстах, производилось объединение частых словосочетаний, например слова «разлив» и «нефть».

По результатам построения модели для каждого комментария рассчитывалась вероятность отнесения к той или иной теме. Соответственно, итоговая тема комментария — это тема с наибольшей вероятностью. Следует учитывать, что тематический анализ позволил выделить темы, по которым фиксируется значительный объем комментариев. При этом другие, менее популярные сюжеты не выделились в отдельные темы ввиду сравнительно небольшого количества комментариев. Кроме того, темы, не имеющие явной смысловой интерпретации — «онлайн — перепалки пользователей», типовые ответы госорганов на обращения граждан — не были включены в итоговый список тем.

Мониторинг «Красноярского кейса» производился по сообществам, посвященным экологическим проблемам в регионе, была использована инфор-

мационно-аналитическая система «Медиалогия». Помимо этого, отдельно рассматривались публикации лидеров общественного мнения по экологическим проблемам Красноярска. Медиаметрические данные по каждой из указанных акций в Красноярске измерялись в сообществах за неделю до ее осуществления из-за частоты их проведения и во избежание смешения показателей по разным акциям. В связи с невысокими показателями активности пользователей комментарийная активность была проанализирована в формате ручного мониторинга в 100 % объеме.

Протестный экоактивизм в социальных медиа

По результатам анализа 2,2 млн комментариев были выделены шесть ключевых тем за период 1 января — 14 июня 2021 г. (см. табл. 1). Комментарии отнесены к темам в соответствии с вероятностями, присвоенными моделью.

Таблица 1. Темы экологической повестки дня

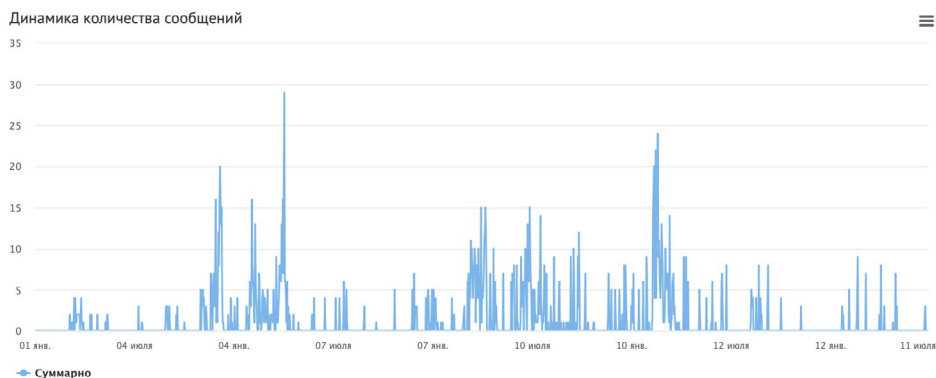
Ключевые темы комментариев	Процент комментариев
1. Обсуждение жестокого обращения с животными, проблем с бездомными собаками	32
2. Обсуждение вопросов продажи леса в Китай, вырубки лесов, пожаров/поджогов травы и леса, обсуждение запрета собирать березовый сок и дары природы	18
3. Обсуждение загрязнения рек, озер, гибели животных в контексте экологических ЧС, выбросов веществ промышленными предприятиями	15
4. Критика крупных предприятий и коррупции в стране в контексте экологических ЧС. Критика неэффективности влияния налогово-бюджетной политики, судебной практики, штрафов на состояние экологии	14
5. Обсуждения проблем, связанных с вывозом мусора, проблем свалок, уборки территорий	13
6. Обсуждение проблем, связанных с паводками	8

Наибольший протестный потенциал сконцентрирован в темах 4 и 5, непосредственно связанных с долгосрочными и системными конфликтными взаимодействиями стейкхолдеров в лице государства, бизнеса и общества.

«Красноярский кейс» связан с реакцией общества на проблему загрязнения воздуха в городе. «ВКонтакте» существует группа «За чистое небо» (около 8 тыс. подписчиков). Хештег #ЗАЧИСТОЕНЕБО стал узнаваемым символом сообщества. Сообщество «„Красноярск Против“ — экологический вестник» насчитывает около 36 тыс. подписчиков и специализируется на всей эко-повестке региона. Активисты создают отдельные сообщества для конкретных протестных акций (см. рис. 1). Экоактивисты для борьбы с проблемой «черного неба» в 2021 г. решили принять участие в выборах в Законодательное собрание Красноярского края.

Рис. 1. Динамика количества сообщений в сообществах экологических активистов с 2017 г. по июль 2021 г. (по данным ИАС «Медialogия»)

Пики публикаций по теме протестов в медиапространстве зафиксированы 9 декабря 2017 г., 6 февраля 2018 г., 7 апреля 2018 г., 6 и 14 апреля 2019 г., 27 февраля 2020 г. (см. табл. 2).

Таблица 2. Активность экологических онлайн-сообществ

Дата митинга	Число участников	Освещение в медиапространстве (за неделю до митинга)	Вовлеченность пользователей (за неделю до митинга)
18 марта 2017 г.	2 тыс. человек	12 публикаций	344
9 декабря 2017 г.	700 человек	68 публикаций	1998
12 февраля 2018 г.	130 человек	56 публикаций	86
7 апреля 2018 г.	700 человек	105 публикаций	55
3 июля 2019 г.	1 тыс. человек	57 публикаций	442
20 февраля 2020 г.	одиночные пикеты	53 публикации	754
29 февраля 2020 г.	400 человек	112 публикаций	2767

Первый крупный митинг состоялся в марте 2017 г. По сообщениям СМИ данная акция насчитывала наибольшее количество участников (около 2 тыс. человек), в сообществах эоактивистов зафиксирована наименьшая активность пользователей за весь период мониторинга. В сообществах отмечено 12 сообщений с аносами акции. Суммарная вовлеченность по освещению данной акции в соц-медиа составила 344. Комментарийная активность также крайне невысокая — 58 комментариев. Все они сосредоточены в специальном сообществе, которое было создано активистами для проведения митинга, 90 % комментариев носят негативный характер. Пользователи возмущаются бездействием властей, многие не удовлетворены заявлениями о «неблагоприятных метеорологических условиях»

и воспринимают подобные ответы как «отписку». Пользователи делятся фотографиями дымящих труб промышленных предприятий.

Следующий митинг состоялся 9 декабря 2017 г. По нему зафиксировано 68 публикаций в сообществах эоактивистов с вовлеченностью 1998. Комментарийная активность пользователей характеризуется как умеренная (279 комментариев). Из них только 20 % размещены под тематическим пабликом, созданным для проведения митинга. Остальные 80 % сосредоточены под общей группой по теме «Чистого неба» в Красноярске. Большая часть аудитории выражает мнение, что ответственность за экологию лежит на самом населении, которое безответственно потребляет как природные ресурсы, так и загрязняет окружающую среду путем использования автомобилей. Часть пользователей интересуется количеством участников митинга. Некоторые утверждают, что малое число присутствующих (700 чел.) — показатель того, что жителей устраивает экологическая обстановка в городе. Меньшая часть негативно высказывается в адрес власти.

12 февраля 2018 г. состоялся первый несанкционированный митинг против «черного неба». Организатором выступила жительница Красноярска Татьяна Процыкова, которая опубликовала на своей странице в «Инстаграм» пост с призывом выйти на акцию. Через «Инстаграм» жители города активно призывали выйти на митинг под хештегом «#акцияпротеста12февраля». На самой акции жители города указывали на манипуляции городских властей с выбросами вредных веществ перед визитом Президента России. Всего в протестных эко-сообществах в преддверии митинга было зафиксировано 56 публикаций, вовлеченность пользователей оказалась минимальной — 86. Большая часть сообщений посвящена информированию о санкционированном митинге, который был назначен на 7 апреля 2018 г. Комментарийная активность характеризуется как низкая (10 сообщений). В основном это призывы к масштабной огласке проблемы, а также комментарии, что невозможно дышать таким воздухом в городе. Примечательно, что публикаций на тему акции 12 февраля не зафиксировано.

7 апреля 2018 г. прошел третий санкционированный митинг против «черного неба» в Красноярске. В медиапространстве акция начала освещаться еще с февраля 2018 г. Об этом на своей странице в Facebook написал один из организаторов акции Андрей Сквородников-Эрлих. Тема митинга — привлечь внимание общественности и представителей власти к неблагоприятной экологической обстановке в Красноярске. Непосредственно за неделю до самой акции в эко-сообществах отмечается 105 публикаций, вовлеченность равна 55. Комментарийная активность практически отсутствует (всего 7 комментариев). Пользователи жаловались на агрессивную агитацию организаторов.

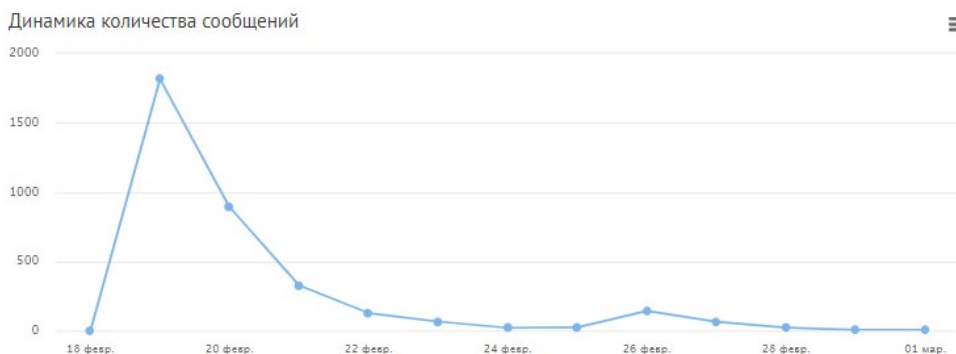
3 июля 2019 г. митинг проходил одновременно со всероссийской акцией «Россия — не помойка». Красноярские активисты через суд добивались проведения акции. В сообществах эоактивистов в преддверии акции было зафиксировано 57 сообщений с вовлеченностью 442. Комментарийная активность составила 125 комментариев, все они были сосредоточены под видео с трансляцией митинга. Пользователи уведомляли, что в скором времени придут на митинг, а также выражали благодарность организаторам акции. В меньшей степени встречались комментарии с критикой в адрес властей.

Наиболее резонансными оказались события, которые проходили в феврале 2020 г. Первоначально речь шла о проведении одиночных пикетов около здания администрации 20 февраля 2020 г., а также о созданном YouTube-блогером Катей Конасовой выпуске, посвященном «задыхающемуся» Красноярску (455 тыс. просмотров). Всего в преддверии одиночных пикетов зафиксировано 53 публикации с вовлеченностью 774. Комментарийная активность составила 147 сообщений. Пользователи возмущаются состоянием экологии в городе. Некоторые заявляют о желании миграции в другие города. Часть предлагает радикальные меры, такие как запрет на пользование личными автомобилями, закрытие заводов и предприятий.

На митинг 29 февраля 2020 г. собралось более 400 человек. Данная акция наиболее активно освещалась в эко-пабликах (112 публикаций) с высокой вовлеченностью аудитории — 2767. Преимущественно освещалось привлечение ЛОМов к проблеме экологии и их равнодушное отношение к ней. Кроме того, шла агитация жителей принять участие в митинге. Комментарийная активность составила 230 сообщений. Пользователи сообщали о намерении присутствовать на акции. Некоторые заявляли, что устали дышать таким воздухом и устали терпеть отношение власти к решению данной проблемы. Отмечаются также призывы к активным протестам на регулярной основе. Зафиксированы идеи смены власти, которая не решает проблем экологии.

В целом в медиапространстве тема «черного неба» в Красноярске активно освещалась как на региональном, так и на федеральном уровне, так как ее комментировали известные ЛОМы и крупные оппозиционные издания. Интерес к «Красноярскому кейсу» проявили российские и зарубежные лидеры общественного мнения, в частности YouTube-журналист А. Пивоваров, певец С. Шнуров, экоактивистка Г. Тунберг. Стихотворение С. Шнурова о «Черном небе Красноярска» широко распространилось в социальных сетях. Более 3,5 тыс. сообщений с упоминанием стихотворения певца было зафиксировано за две недели. Общий охват публикаций составил 58 млн чел. (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика количества сообщений с февраля по март 2020 г. (по данным ИАС «Медиалогия»)

Наибольший интерес вызвали публикации, которые размещались в крупных информационных или юмористических пабликах в социальной сети «ВКонтакте». Однако наибольшую комментарийную активность получили публикации под постами, размещенными в региональных пабликах Красноярского края. Реакция пользователей может быть охарактеризована как смешанная. Часть комментаторов благодарила певца за обращение внимания общественности к проблеме, что поможет разрешению ситуации. Часть пользователей посчитала творчество «хайпом» и желанием напомнить о себе в медиапространстве. Фиксируются дискуссии пользователей о важности вовлечения известных людей с неоднозначной репутацией в проблемы региона. В комментариях отмечаются призывы к митингам и протестам.

Обращение к тематике «Красноярского кейса» известной экоактивистки Г. Тунберг вызвало массовый отклик в медиапространстве. Более 1,5 тыс. публикаций с охватом в 39 млн чел. зафиксировано в течение двух недель после репоста активистки (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика количества сообщений с февраля по март 2020 г. (по данным ИАС «Медиалогия»)

Публикации, которые распространялись федеральными СМИ в своих группах в социальных сетях, набрали наибольшее число просмотров среди всех публикаций. Основная масса комментариев расположена под публикациями в оппозиционных источниках федерального уровня. В комментариях отмечена критика федеральных и региональных властей, указываются аналогичные проблемы в других регионах, выражается благодарность активистке за освещение ситуации на мировом уровне.

Насколько значимым фактором региональных (федеральных) политических процессов может стать протестный экоактивизм? Для ответа на этот вопрос авторы предлагают методику расчета индекса протестного экоактивизма (см. табл. 3). Используются пять критериев оценки: локализация, интенсивность, политизация, текущий статус ситуации и потенциал конфликтности.

Таблица 3. **Индекс протестного экоактивизма**

Критерии	Величина балла
Локализация (масштаб территориального и медийного охвата эко-протеста):	Максимум — 10
— <i>местный</i> (муниципальный район, несколько муниципальных районов)	2,5
— <i>региональный</i> (регион)	5
— <i>межрегиональный</i> (несколько регионов)	7,5
— <i>федеральный</i> (Федеральный округ)	10
Интенсивность (уровень онлайн- и офлайн-активности):	Максимум — 30
— <i>эпизодическая</i> (изредка появляются сообщения в СМИ и соцсетях)	7,5
— <i>низкая</i> (регулярная публикационная активность; охват одного сообщения не более 1 тыс. пользователей; не более 1 офлайн-акции в месяц с охватом меньше 100 человек)	15
— <i>средняя</i> (регулярная публикационная активность; охват 1 сообщения не превышает 25 тыс. пользователей; не более 2 офлайн-акций в месяц)	22,5
— <i>высокая</i> (регулярная публикационная активность; охват 1 сообщения превышает 25 тыс. пользователей; 3 и более офлайн-акций в месяц)	30
Политизация (степень вовлеченности политических акторов в протест)	Максимум — 30
— <i>низкая</i> (политические акторы редко упоминают инфоповод)	7,5
— <i>средняя</i> (политические акторы регулярно освещают инфоповод, возможно участие/содействие в организации офлайн-акций)	15
— <i>высокая</i> (политические акторы активно поддерживают протестующих, оказывают им медийную/финансовую/организационную поддержку, выступают одной из сторон конфликта)	22,5
— <i>наивысшая</i> (конфликт становится приоритетным для акторов и является элементом «федеральной повестки» политических сил)	30
Текущий статус ситуации (фаза протеста и перспективы его развития)	Максимум — 20
— <i>«спящий»</i> (низкая активность и интерес аудитории к протесту, малая вероятность разрастания)	5
— <i>«тлеющий»</i> (протест проявляется эпизодически, находится либо в начальной стадии, либо в фазе затухания в связи с невозможностью разрешить спор в пользу протестующих или частичным решением проблемы)	10
— <i>интенсивный</i> (острая фаза пройдена/не достигнута, участники протеста продолжают проявлять значительную активность)	15
— <i>острая фаза конфликта</i> (апогей противостояния, максимальное вовлечение всех ресурсов всеми сторонами конфликта)	20
Потенциал конфликтности (экспертная оценка вероятности обострения конфликта в случае негативного инфоповода (зависит от восприятия аудиторией степени угрозы окружающей среде, жизни и здоровью людей))	Максимум — 10
— <i>низкий</i>	2,5
— <i>средний</i>	5
— <i>высокий</i>	7,5
— <i>наивысший</i>	10
Ранг индекса протестного экоактивизма:	
Низкий индекс	0—40
Средний индекс	41—70
Высокий индекс	71—100

По мнению авторов, «Красноярский кейс» находится в диапазоне 52,5—53 баллов. Локализация — 5 баллов (протесты проходили на территории Красноярского края); интенсивность — 15 баллов (акции проводились с разницей в несколько месяцев); политизация — 15 баллов (политические акторы регулярно освещали акции); текущий статус ситуации — 10 баллов (онлайн-активность протестующих продолжается, что может способствовать эскалации ситуации); Потенциал конфликтности — 7,5 балла (негативные инфоповоды о качестве воздуха в Красноярске выступали катализатором для роста протестной активности).

Выводы и дискуссия

Для тестирования гипотез и решения поставленных задач авторы определили протестный экоактивизм в цифровой среде как добровольные, реактивные в отношении к внешней среде онлайн-практики представляющих общество стейкхолдеров по получению, созданию, распространению информации, касающейся экологической проблематики с целью самоорганизации и противодействию офлайн-практикам стейкхолдеров от государственной и муниципальной власти, бизнеса. Подобная концептуализация позволяет использовать как широкую рамку Р. Патнэма, рассматривавшего гражданский активизм в формах низовой самоорганизации для решения локальных задач без использования политических механизмов, так и более узкую рамку исследователей, предполагающих тесную корреляцию между гражданской активностью и политическим участием в форме предъявления «требований» к органам государственной власти. Авторы статьи также акцентируют внимание на тесном переплетении интересов государства и бизнеса, которые оказываются кооперативными игроками в игре с обществом, что обусловлено причинно-следственной связью экстерналий и экологических проблем.

Мониторинг цифрового экоактивизма показывает, что явный протестный потенциал содержится примерно в 27 % сообщений и связан с негативными экстерналиями хозяйственной деятельности предприятий и недовольством качеством политического менеджмента государственных органов. Активация протестного потенциала связана с возникновением чрезвычайных ситуаций, которые угрожают здоровью людей. Значительное внимание привлекают текущие вопросы охраны животных и пользования объектами природы. Интересно, что по данным ВЦИОМ, молодежь (18—34 года) по сравнению с более старшими возрастными когортами значительно чаще полагает, что у государства есть проблемы важнее, чем экология⁷. Это ставит под сомнение концепцию Р. Инглхарта о доминировании ценностей самовыражения у молодых когорт, что может быть обусловлено различиями в среднем уровне жизни стран Запада и России. Вместе с тем значительный интерес к позитивной, проактивной экологической повестке дня представляется полем для реализации гражданских инициатив со стороны стейкхолдеров в лице общества, государства и бизнеса.

Анализ данных вовлеченности пользователей эко-сообществ «ВКонтакте» по «Красноярскому кейсу» и офлайн-активности митингующих не позволяет

⁷ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

утверждать, что существует прямая зависимость между высокой вовлеченностью и большим количеством митингующих. Не отрицая роли социальных медиа как информатора, организатора митингов, средства формирования идентичности можно скорее утверждать ситуативный, контекстный характер офлайн-протестов. Авторы полагают, что в данном случае применимо объяснение теории «установки — поведение — контекст», где уличная активность, требующая значительно больших ресурсных издержек по сравнению с онлайн-активностью, представляется функцией от ценностных норм и ситуативного контекста.

«Красноярский кейс» рассматривается как симбиоз проявления низовой самоорганизации для решения локальной задачи и использования офлайн-акций с артикуляцией требований к государству и выдвижением кандидатов в областной парламент. Можно предположить, что специфика кейса также влияет на интенсивность офлайн-протестов — в частности, исследование ВЦИОМ выявило, что за исключением ЧС, загрязнение воздуха как причина выхода на митинг стоит на девятом месте⁸. «Красноярский кейс» может быть отнесен к третьей по популярности теме экологической повестки — выбросы промышленных предприятий. Данная тема, с одной стороны, воспринимается как «несправедливые» действия бизнеса и бездействие государства, с другой — как неизбежные экстерналии крупных работодателей, обеспечивающих рабочие места.

Подключение к проблематике кейса селебрити — лидеров общественного мнения федерального и мирового масштаба не гарантирует разрешения конфликтов, но способствует привлечению внимания широкой интернет-аудитории и рассмотрению локальной ситуации как части национальной или мировой повестки. Информационный поток от селебрити и ЛОМов в оппозиционных СМИ вызывает всплеск онлайн-активности в форме критичных по отношению к государственной власти комментариев, однако согласно «эффекту эхо-камеры», протестный потенциал не распространяется за пределы приверженцев определенного СМИ. Подтверждается гипотеза о том, что для трансформации гражданского участия в форме низовой самоорганизации с целью решения локальной задачи в политическое участие с агрегацией и артикуляцией «требований» к государству требуется наличие нескольких независимых переменных. Селебрити и ЛОМы воздействуют, прежде всего, на две переменные: локализация (медийный охват эко — протеста) и политизация (как непосредственно, если селебрити и ЛОМы выступают от лица политических сил, так и косвенно, если они привлекают интерес сторонних политических сил).

Индекс протестного эоактивизма позволяет произвести скоринг конкретного кейса и выразить его в балльной системе, классифицировать масштаб проблемы на основе критериев локализации, интенсивности, политизации, текущего статуса ситуации и потенциала конфликтности. Попадание кейса в зону высокого индекса приводит к мобилизации ресурсов стейкхолдеров, требует консенсусного решения представителей общества, государства, бизнеса. «Красноярский кейс» классифицирован как имеющий средний индекс протестного эоактивизма. Можно пред-

⁸ Аналитический доклад. Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu/> (дата обращения: 10.12.2021).

положить, что маркером перехода от более широкого понимания гражданского участия как формы самоорганизации для решения локальной задачи к активному политическому участию в форме предъявления требований можно считать достижение порогового значения (71 балл) по индексу протестного экоактивизма. Наиболее важной переменной можно считать «политизацию», которая осуществляется как непосредственно задействованными в конфликте внутренними акторами кейса, так и акторами внешними. Кейсы «мусорных протестов» в России показали, что на политизацию влияют не только объективные факторы, связанные с ущербом здоровью и природе, но и представление о справедливости во взаимоотношениях общества, государства и бизнеса.

Список литературы (References)

Архипова А. С.*, Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>.

Arkhipova A. S.*, Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilo M. V. (2018) «Rally Rebuild»: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 12—35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020). Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Филиппов И. Б. Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>.

Akhremenko A. S., Philippov I. B. (2019) Impact of the Violent Suppression of Protest on its Discussion in Social Networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 200—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10>. (In Russ.)

Бараш Р. Э. Системно-коммуникативная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>.

Barash R. Ed. (2018) Systematic and Communicative Theory of the Protest Movement: Protest as “An Alternative without an Alternative”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 123—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.08>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 3—27. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1043> (дата обращения: 10.12.2021).

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N. (2020). Digital Communities of Civil and Political Activists in Russia: Integration, Governance and Mobilization Potential. *Bulletin of Moscow Region State University*. No. 4. P. 3—27. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/articles/doc/1043> (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

Brodovskaya E. V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.)

Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 7. С. 44—73. https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4380&l=&j=7&base=_inter (дата обращения: 10.12.2021).

Vanke A. V., Ksenofontova I. V., Tartakovskaya I. N. (2014) Internet Communications as a Means and Condition of Political Mobilization in Russia (On the Example of the Movement “For Fair Elections”). *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 6. No. 7. P. 44—73. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2384&id=4380&l=&j=7&base=_inter (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Гольбрайх В. Б. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 91—119. URL: <http://petersociology.ru/ru/node/611> (дата обращения: 10.12.2021).

Golbraich V. B. (2018) Members of Environmental Groups in Social Media: Digital Participation and Interests. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 9. P. 91—119. URL: <http://petersociology.ru/ru/node/611> (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74—85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>.

Golbraich V. B. (2019) Ecoconflicts in Russia in Russia And Digital Networks Participation. *Sociological studies*. No. 6. P. 74—85. <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>.

Ermolaeva P. O., Ermolaeva Y. V. (2019) Critical Analysis of Foreign Theories of Environmental Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 323—346. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16>. (In Russ.)

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В., Башева О. А. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>.

Ermolaeva P. O., Ermolaeva Yu. V., Basheva O. A. (2020). Digital Environmental Activism as a New Form of Environmental Participation of the Population. *Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 376—408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>. (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: How People's Motivations Are Changing and How This Is Changing the World. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Каминская Т. Л., Помигуев И. А., Назарова Н. А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>.

Kaminskaya T. L., Pomiguyev I. A., Nazarova N. A. (2019) Digital Environmental Activism as an Instrument of Influence on Government Decisions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 382—407. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.18>. (In Russ.)

Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114—116.

Ksenofontova I. V. (2012) The Role of the Internet in the Development of the Protest Movement. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 114—116. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)

Никовская Л. И., Якимец В. Н. Институциональное развитие межсекторального партнерства в России // Полис. Политические исследования. № 5. 2016. С. 49—63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>.

Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. (2016) Institutional Development of Intersectoral Partnership in Russia. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 49—63. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05>. (In Russ.)

Петухов В. В. Гражданское общество и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 23—26. Petukhov V. V. (2012) Civil Society and Civil Participation. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 23—26. (In Russ.)

Радина Н. К., Крупная Д. А. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 113—127. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09>.

Radina N. K., Krupnaya D. A. (2019) Digital Policy Participation: Efficiency of E-Petitions of Non-State Digital Platforms (Based on the Material of Change.org). *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 113—127. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.09>. (In Russ.)

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130—139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (дата обращения: 10.12.2021).

Skalaban I. A. (2011) Social, Public and Civic Participation: To the Problem of Understanding Concepts. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. No. 1. P. 130—139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed: 10.12.2021). (In Russ.)

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 2. С. 20—27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>

Tsepilova O. D. (2019) Political and Socio-Economic Development of Modern Russia: Environmental Restrictions and Risks. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 2. P. 20—27. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. (In Russ.)

Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018—2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>.

Tsepilova O., Golbraih V. (2020) Environmental Activism: Resource Mobilisation for “Garbage” Protests in Russia in 2018—2020. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 4. P. 136—162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>. (In Russ.)

Чмель К. Ш., Климова А. М., Митрохина Е. М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного перегона около станции Шиес // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18. № 1. С. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>.

Chmel K. Sh., Klimova A. M., Mitrokhina E. M. (2020) The Politicization of Environmental Discourse in Arkhangelsk Region: The Landfill Site at Shies Railroad Station. *The Journal*

of *Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 83—98. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-1-83-98>. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Российские мегаполисы в условиях глобальных социально-экологических вызовов // *Общественные науки и современность*. 2018. № 1. С. 5—16. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990004050-7-1/> (дата обращения: 13.12.2021).

Yanitsky O. N. (2018) Socio-Ecological Challenges to Russian Megalopolises. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 5—16. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990004050-7-1/> (accessed: 13.12.2021). (In Russ.)

Breuer A., Landman T., Farquhar D. (2015) Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution. *Democratization*. Vol. 22. No. 4. P. 764—792. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505>.

Buchholz W., Rübhelke D. (2019) *Foundations of Environmental Economics*. Cham: Springer.

Endres A. (2011) *Environmental Economics: Theory and Policy*. Revised, Expanded Edition. Cambridge: Cambridge University Press.

Gerbaudo P. (2017) From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Journal for a Global Sustainable Information Society*. Vol. 15. No. 2. P. 477—489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>.

Harlow S., Harp D. (2012) Collective Action on the Web. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 2. P. 196—216. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.591411>.

Haunss S. (2015) Promise and Practice in Studies of Social Media and Movements. In: L. Dencik, O. Leistert (eds.) *Critical Perspectives on Social Media and Protest: Between Control and Emancipation*. London: Rowman & Littlefield International. P. 13—31.

Howard P., Hussain M. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Hsiang S., Oliva P., Walker R. (2017) The Distribution of Environmental Damages. NBER Working Paper No. 23882. September. <https://doi.org/10.3386/w23882>.

Ilten C., McInerney P-B. (2019) *Social Movements and Digital Technology: A Research Agenda*. DigitalSTS. A Field Guide for Science & Technology Studies. Princeton University Press. P. 198—221. URL: <https://digitalsts.net/essays/social-movements-and-digital-technology/> (accessed: 13.12.2021).

Mercea D. (2012) Digital Prefigurative Participation: The Entwinement of Online Communication and Offline Participation in Protest Events. *New Media & Society*. Vol. 14. No. 1. P. 153—169. <https://doi.org/10.1177/1461444811429103>.

Putnam R. D. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. URL: <https://www.uvm.edu/~dguber/POLS293/articles/putnam1.pdf> (accessed: 19.12.2021).

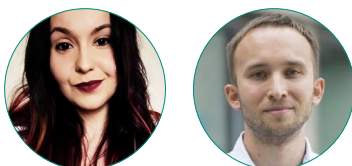
Steinert-Threlkeld Z.C. (2017) Spontaneous Collective Action: Peripheral Mobilization During the Arab Spring. *American Political Science Review*. Vol. 111. No. 2. P. 379—403. <https://doi.org/10.1017/s0003055416000769>.

Theocharis Y. (2015) The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. July-December: 1—14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>.

Tufekci Z., Wilson C. (2012) Social Media and the Decision to Participate in Political Protest: Observations from Tahrir Square. *Journal of Communication*. Vol. 62. No. 2. P. 363—379. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01629.x>.

Verba S. (1967) Democratic Participation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 373. No. 1. P. 53—78. <https://doi.org/10.1177/000271626737300103>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2030](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030)

А. А. Порецкова, Н. Ю. Савин

МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОРОТКИХ ВИДЕО СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТИКТОК)

Правильная ссылка на статью:

Порецкова А. А., Савин Н. Ю. Мемы как инструмент консолидации протестного движения (на примере коротких видео социальной сети TikTok) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 76—96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030>.

For citation:

Poretskova A. A., Savin N. Y. (2021) Memes as Consolidation Tool of the Protest Movement (Evidence from Short Videos on the Social Network TikTok). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 76–96. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2030>. (In Russ.)

МЕМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КОРОТКИХ ВИДЕО СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ТИКТОК)

ПОРЕЦКОВА Анастасия Анатольевна — кандидат политических наук, старший преподаватель департамента политики и управления факультета социальных наук, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: a.poretskova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1051-7068>

САВИН Никита Юрьевич — кандидат политических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nikita.savin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4285-750X>

Аннотация. Интернет-мемы давно стали привычным атрибутом новой медийной среды. Большинство исследователей рассматривают их как юмористические картинки, которые способствуют распространению расистских стереотипов и подрывают доверие к политическому процессу среди пользователей. В данной статье рассматривается вклад мемов в консолидацию протестного движения на примере коротких видео социальной сети TikTok, посвященных протестам в Хабаровском крае в 2020 г. На основе

MEMES AS CONSOLIDATION TOOL OF THE PROTEST MOVEMENT (EVIDENCE FROM SHORT VIDEOS ON THE SOCIAL NETWORK TIKTOK)

Anastasia A. PORETSKOVA¹ — Cand. Sci. (Polit.), Senior Lecturer at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences; Junior Research Fellow at the Politics and Psychology Research Laboratory

E-MAIL: a.poretskova@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-1051-7068>

Nikita Yu. SAVIN¹ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design; Senior Research Fellow at the Politics & Psychology Research Laboratory

E-MAIL: nikita.savin@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4285-750X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Internet-memes have already become a habitual element of the new media environment. The majority of scholars focus on humoristic images and their contribution to racist stereotypes and untrust to the political process among internet users. In this paper, we consider how TikTok short videos contribute to protest movement consolidation. Basing on an empirical dataset of 65 videos that broadcast 2020 Khabarovsk protest rallies, the article investigates peculiarities of memes' structural patterns, functions memes may carry out in the

анализа коротких видео (N = 65) в статье показано, какими особенностями обладает меметическая структура, какие функции выполняют мемы в отношении протестного движения, какие символические конструкции при этом используются. Авторы проводят визуальный анализ фреймов, включающий в себя семиотический и дискурсивный уровни интерпретации видеоконтента. В силу предполитического характера социальной сети TikTok в коротких видео в большей мере акцентируются сюжеты, связанные с мобилизацией и сплочением социального движения — в противовес артикуляции политических требований. Другими особенностями коротких видео о протестах в Хабаровске стали отсутствие фокуса на политическом противнике, сочетание популистских образов и региональной символики при общем низком уровне символической нагруженности.

Ключевые слова: политические коммуникации, новые медиа, визуальный фрейминг, TikTok, мемы, протестное движение

Благодарность. Авторы выражают благодарность Элиф Шипи за помощь в сборе эмпирического материала.

Введение

В 2020 г. в Хабаровском крае случился масштабный региональный протест, связанный с арестом и уголовным преследованием губернатора края Сергея Фургала. По разным оценкам на пике протеста в акциях в самом Хабаровске принимали участие от 50 до 80 тыс. человек — беспрецедентно много для российских регионов. Более того, протесты отличались также временной продолжительностью: в различных формах акции проходили на протяжении нескольких месяцев. В некоторых городах (например, в Москве, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре, Санкт-Петербурге и др.) состоялись акции солидарности с жителями Хабаровска, что также нехарактерно для российских протестов.

context of the protest movement, and symbolic structures dominating social platform's space. The authors perform visual analysis of frames focusing on the scope of semiotic and discursive levels of visual interpretation. Due to the fact that TikTok creates pre-political public spaces, short videos highlight the necessity of participation in protest rallies, rather than a clarification of demands. Three other notable features of TikTok memes are the lack of attention to political enemies, the combination of populist images and regional symbols, and the general lack of symbolic content.

Keywords: political communication, new media, visual framing, TikTok, memes, protest activity

Acknowledgments. The authors thank Elif Shifi for her appreciable help with data collection.

Уникальность хабаровских протестов проявилась также в коммуникационном измерении. Одной из ключевых социальных сетей, распространявших информацию о протестах, стал TikTok. Возникнув как сеть для обмена короткими развлекательными видео, TikTok был нацелен в первую очередь на младшую возрастную аудиторию и до хабаровских протестов как средство политической коммуникации не играл какой-либо заметной роли. Исследователи протестных движений в России традиционно фокусируют свое внимание на социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter и Facebook, выделяя последние две как наиболее политизированные. Например, результаты отдельных исследований показывают, что использование социальных сетей Facebook и Twitter позитивно влияет на осведомленность о нарушениях на выборах и на их оценку [White, McAllister, 2014; Reuter, Szakonyi, 2015].

Социальные сети находятся в центре внимания исследователей протестного поведения, начиная по меньшей мере с событий Арабской весны. Снижая коммуникационные издержки и облегчая установление горизонтальных связей, социальные сети играют важную роль в организации протестных мероприятий и мобилизации участников. Неизменным атрибутом коммуникации в социальных сетях стали интернет-мемы, которые создаются, распространяются и развиваются пользователями для обыгрывания конкретных тем или социальных ситуаций. Исследовательский вопрос, поставленный в рамках данной статьи, можно сформулировать следующим образом: каковы особенности и функции визуального дискурса социальной сети TikTok в контексте консолидации протестных движений? Посредством анализа коротких видео мы покажем, какими особенностями обладают мемы, связанные с политическим протестом в Хабаровске, а также сделаем предположения о том, каким образом данные особенности приводят к мобилизации и сплочению протестного движения. В работе будет использован визуальный анализ фреймов, включающий в себя семиотический и дискурсивный уровни интерпретации видеоконтента.

В первой части статьи представлены теоретические предпосылки исследования, которые суммируют современное состояние исследований по мемам и политическим протестам, также выделены ключевые направления и методы изучения социальной платформы TikTok. Во второй части представлено описание методологии и основных этапов исследования, а также эмпирической базы. Наконец, в заключительной части работы авторы подводят итоги анализа, описывают основные характеристики визуального дискурса в TikTok вокруг хабаровских протестов в России. Также сделаны выводы о функциях социальной платформы TikTok для консолидации протестного движения, предложены дальнейшие направления исследований, дана оценка последующему развитию данной социальной платформы в контексте политической коммуникации.

Мемы и политический протест

Ричард Докинз по аналогии с генами определил мем как единицу распространения культурной информации. Как и другие репликаторы, мемы по Докинзу обладают способностью к репликации и описываются тремя базовыми свойствами — долговечностью, плодовитостью и точностью копирования. При этом

мемы обладают рядом особенностей по сравнению с генами. В частности, плодовитость у них выходит на первый план и оказывается гарантией успеха, а точность копирования предполагает тем не менее постоянную мутацию и изменчивость мема при его передаче от человека к человеку [Докинз, 2013]. В качестве примеров мемов Докинз приводит идеи, мелодии, модные слова и выражения.

С развитием интернета понятие мема стало теоретической основой для описания способов создания, распространения и модификации информации в цифровой среде. Лимор Шифман определила интернет-мем как «группу цифровых единиц, объединенную похожими характеристиками контента и формы, которая циркулирует, имитируется и распространяется множеством пользователей в интернете» [Shifman, 2014: 7—8]. Ключевой характеристикой интернет-мема является его распространение среди множества пользователей. Способность того или иного мема к распространению зависит от большого числа факторов, в том числе от склонности аудитории к его репликации и развитию. Исследователи обращают внимание, что появление и распространение интернет-мемов плотно связано с развитием партисипаторной интернет-культуры, в которой каждый пользователь не просто пассивно потребляет контент, но и становится его потенциальным соавтором [Jenkins, Ford, Green, 2013]. Мемы в этой среде играют роль особых медийных артефактов, которые катализируют информационный обмен между различными пользователями и вовлекают их в потребление политического контента [Milner, 2013]. Эта черта является отличительной особенностью меметического распространения информации по сравнению с вирусным механизмом¹.

Большинство исследователей рассматривают мемы как картинки, но они также могут быть способом распространения видеоконтента и анимированных GIF-изображений (см., например, [Wiggins, 2019]). Меметический способ распространения информации сам по себе не накладывает ограничений на формат и тематическую направленность контента. Л. Шифман, в частности, пишет о «смертельно серьезных» мемах [Shifman, 2014: 120] в противовес развлекательным. Тем не менее большинство интернет-мемов представляют собой смесь развлекательного и информационного контента. При этом информирующая составляющая мема не обязательно предполагает корректность распространяемой информации. Как отмечают некоторые исследователи, мемы часто являются средством передачи фейковой информации по политическим вопросам [Oeldorf-Hirsch et al., 2020].

По сравнению с текстовой информацией или простым визуальным контентом мемы привлекают к себе большее внимание и способствуют запоминаемости информации [Chmel, Savin, Delli Carpini, 2018]. Более того, экспериментальные исследования также показывают, что восприятие интернет-мемов зависит от политической позиции пользователя [Huntington, 2020]. Данный вывод находится в русле более широкой дискуссии об особенностях восприятия политического юмора, в которой также отмечена связь между политической позицией и восприятием юмористических сообщений. В частности, американские исследования показали, что демократы в большей мере, нежели республиканцы, склонны шутить на политические темы [Morris, 2009].

¹ Jenkins H. If It Doesn't Spread, It's Dead (Part One): Media Viruses and Memes // Henry Jenkins. 2009. February 11. URL: http://henryjenkins.org/2009/02/if_it_doesnt_spread_its_dead_p.html (дата обращения: 16.11.2021).

Мемы активно используются для распространения политической информации и укрепления протестной идентичности. Донателла Делла Порта и Марио Диани определяют протестное движение как специфический социальный процесс, состоящий из механизмов вовлечения людей в коллективное действие [Della Porta, Diani, 2006]. Одним из ключевых условий успешного вовлечения людей в движение является специфическая коллективная идентичность, которая выстраивается на основе общего опыта, символов и мифов [ibidem: 106]. Вовлеченность в создание и распространение мемов в этой связи становится одним из основных инструментов построения идентичности [Milner, 2016: 89]. Особенно значим этот инструмент в недемократических режимах. В отсутствие независимых массмедиа и свободы слова мемы оказываются способом неявного выражения мнения и важнейшим индикатором общественных настроений. В частности, исследователи обращают внимание на то, что мемы играют роль контргегемонной практики посредством высмеивания ключевых для режима символических конструкций, а также будучи точкой притяжения недовольных режимом граждан в онлайн-сообществах [Denisova, 2019; Moreno-Almeida, 2021].

В зависимости от странового и социального контекста мемы могут содержать в себе различные символические конструкции. Результаты исследований показывают, что, несмотря на доминирование англо-американской поп-культуры в создании интернет-мемов, темы интернет-мемов разнятся от страны к стране [Nissenbaum, Shifman, 2018]. В политических интернет-мемах часто обыгрываются локальные темы и сюжеты. Например, при высмеивании фигуры марокканского короля в местных интернет-сообществах часто используются изображения бутылок, что отсылает к их широкому использованию марокканскими спецслужбами в качестве инструмента пытки [Moreno-Almeida, 2021: 1558]. Общей практикой для распространения информации о протестах является обыгрывание документальных изображений случаев полицейского насилия [Bayerl, Stoynov, 2016]. В то же время в Рунете такие отсылки имеют свои особенности. Если мемы, обыгрывающие тему политических протестов, опираются на документальные фото, то при обыгрывании социальных протестов наблюдается тенденция к символическому отстранению от политического активизма — в таких случаях чаще используются абстрактные изображения и художественные образы [Shomova, 2021].

Возрастающая роль мемов в жизни людей находит свое отражение также в репертуаре протестных движений. Исследователи обращают внимание на особую форму меметичного цифрового протеста, в которой пользователи добавляют на аватарки тематические подписи или сопровождают свои сообщения хештегами (#Янебоюсьсказать, #Нас99процентов и т. д.). Флешмобы, таким образом, приобретают меметический характер. В рамках таких кампаний пользователи делятся персональным опытом и историями, которые иллюстрируют некую общую социальную проблему, касающуюся множества других пользователей. Мемы в данном случае выступают не только и не столько средством распространения некоторой информации, но инструментом вовлечения новых пользователей в протест в роли читателей и рассказчиков [Shifman, 2018].

Среди исследователей нет однозначного мнения в отношении роли мемов в развитии культуры общения в интернете. Отдельные авторы акцентируют позитивные

эффекты от рутинного потребления интернет-мемов [Rieger, Klimmt, 2019; Penney, 2020], но большинство ученых обращают внимание на такие аспекты, как распространение расистского дискурса в сети, подрыв культуры политической корректности [Torinka, 2018], делегитимация политического процесса [Ross, Rivers, 2017], распространение фейковых новостей [Oeldorf-Hirsch et al., 2020] и эйджистских установок [Lee, Hoh, 2021]. В то же время некоторые пишут о появлении культуры «народного многоголосия» при обсуждении интернет-мемов на онлайн-площадках [Milner, 2013].

ТikTok как «слабая» публичная сфера и методы ее изучения

Интернет-пространство создает благоприятные условия для создания так называемых «слабых» публичных сфер. Если «сильные» публичные сферы ориентированы на принятие решений, то в «слабых» сферах происходит обмен мнениями и выработка общественного мнения. Юрген Хабермас называл их машинами по производству общественного мнения [Habermas, 1996]. В зависимости от их внутренних характеристик «слабые» публичные сферы могут порождать различные политические эффекты. Одной из таких характеристик является уровень их политизации. Питер Дальгрэн выделял пять типов публичных сфер в интернет-среде — (1) предполитические, (2) журналистские, (3) ценностные, (4) активистские, (5) правительственные. Предполитические публичные сферы создаются для обмена неполитической информацией, но при этом обладают способностью к спорадической политизации и могут стать основой для меметического распространения политического контента и вовлечения новых пользователей в его потребление [Dahlgren, 2009].

Социальная сеть TikTok была запущена в 2018 г. для обмена короткими видео с музыкальным сопровождением. По данным на июль 2021 г., TikTok пользуются 17 % россиян². Будучи площадкой для просмотра и обсуждения в первую очередь развлекательного контента, TikTok оказывается точкой притяжения неполитизированных интернет-пользователей. Алгоритмы данной социальной сети препятствуют образованию эхо-камер: лента каждого пользователя формируется как на основе его собственных предпочтений, так и на основе предпочтений других пользователей вокруг. В результате TikTok создает возможности для спорадической политизации и распространения политического контента среди неполитизированных пользователей.

Данную социальную сеть отличает культура трендов. Тренд — это совокупность коротких видео, объединенных между собой общностью тематики, схожим визуальным содержанием и музыкальным сопровождением. Тренды в данной социальной сети приобретают черты интернет-мемов. Во-первых, они относительно долговечны. Популярное короткое видео копируется и пересылается пользователями, обсуждается в комментариях и за пределами социальной сети. Ярким примером такого тренда стали короткие видео, в которых школьники меняли портреты Владимира Путина в школах на портреты Алексея Навального. Во-вторых, тренды характеризуются высокой продуктивностью. Посмотрев популярное короткое видео из тренда, пользователь получает мотивацию создать такой же или похожий материал, чтобы получить максимальное количество лайков от других пользова-

² Кибербуллинг: масштаб проблемы в России // ВЦИОМ. 2021. 6 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii> (дата обращения: 16.11.2021).

телей. Если популярный пользователь TikTok выкладывает короткое видео с танцами под определенную музыку, то с высокой долей вероятности аналогичные короткие видео под ту же музыку будут сняты множеством других пользователей этой социальной сети. В-третьих, тренды TikTok хоть и характеризуются определенной точностью копирования, но при этом оказываются продуктом коллективного творчества пользователей, которые образуют особую партисипаторную интернет-культуру [Jenkins, Ford, Green, 2013]. Нередко при создании короткого видео в рамках тренда пользователи добавляют дополнительные элементы, выделяющие созданный ими контент.

Некоторые исследователи концентрируются на изучении влияния TikTok на пользователей. В таких работах, например, анализируются возможные позитивные и негативные эффекты на подростков при интенсивном использовании данной платформы [Jaffar, Riaz, Mushtaq, 2019]. Другие исследования направлены на выявление причин популярности и эффективности данной соцсети в процессе медиапотребления: в таких статьях подчеркиваются преимущества TikTok касательно ее дизайна, способа воспроизводства контента, персонализированного потребления, маркетингового продвижения и т. д. [Yu, 2019; Xu, Yan, Zhang, 2019]. Постепенно появляются и политические сюжеты при изучении данной платформы: деятельность политических партий, особенности распространения политических обсуждений, формирование политической идентичности [Cervi, Mañín-Lladó, 2021; Gray, 2021; Literat, Kligler-Vilenchik, 2021; Vijay, Gekker, 2021].

Единого методологического подхода к изучению TikTok пока не выработано. На данный момент невозможно выделить общий или хотя бы доминирующий тренд в методологии исследования платформы TikTok. На основе анализа научных статей, опубликованных за последний год (2020—2021), можно выделить следующие методы, используемые в них: качественный контент-анализ и тематическое кодирование [Zeng, Schäfer, Allgaier, 2021], виртуальная (онлайн-)этнография [Wang, Wu, 2021; Schellewald, 2021], количественные методики анализа, учитывающие количество лайков, репостов, тематическое содержание видео [Klug et al., 2021; Valdovinos Kaye et al., 2021], нарративный анализ глубинных интервью [Savic, 2021], дискурс-анализ [Zhu, 2020; Avdeeff, 2021]. В данной статье мы предлагаем новый способ изучения социального пространства TikTok посредством анализа визуального дискурса коротких видео. В следующем разделе будут подробно описаны методологические предпосылки исследования.

Визуальный анализ протестного репертуара в социальной сети TikTok: методология

Для социальных медиа характерны высокая степень участия и вовлеченности аудитории, изобилие визуального контента, который повышает статус аутентичности и правдивости показываемых и обсуждаемых событий. Это достигается за счет того, что визуальная составляющая порождает множественные интерпретации, в большинстве случаев показывает понятный и легко запоминаемый нарратив, раскрывающийся в коннотативной составляющей визуального сообщения, а также содержит семиотические системы, через которые считываются мифы и иные культурные или социальные коды.

В данном исследовании мы также исходим из предпосылки, что визуальная информация из сети TikTok может служить основой для конструирования контекста и усиления рефлексивности в различных социальных сферах, что порождает специфические проявления властных отношений [Traue, Blanc, Cambre, 2019]. Так, в эмпирических исследованиях, использующих техники визуального анализа, социальные медиа считаются инструментом не только для визуального потребления информации, но и платформой для распространения социальных и политических практик, формирования индивидуальной и коллективной идентичности, саморепрезентации [Zuev, 2010], в том числе касательно вопросов изучения активизма, социальных движений и практик гражданского сопротивления [Doerr et al., 2013; Lee, Ting, 2015; Wetzstein, 2017; Neumayer, Rossi, 2018; McGarry et al., 2020].

Исходя из процитированных выше исследований, репрезентация протеста в визуальном пространстве посредством использования меметических структур может выполнять ряд значимых для протестного движения функций: формирование идентичности, легитимизация протеста, распространение информации о событии и усиление информационной повестки, позиционирование движения и отдельных групп в политическом пространстве, артикулирование и агрегирование политических требований. Одной из задач данного исследования является определение тех функций, которые в большей степени реализуются через распространяемый в социальной сети TikTok видеоконтент, и на основе этого сделать предположение о том, каким образом это приводит к мобилизации и консолидации протестного движения.

Для решения поставленной задачи мы используем визуальный анализ фреймов и методологию визуального анализа Петра Штомпки. Касательно первой компоненты общего методологического подхода — визуального анализа фреймов, мы концентрируемся на *issue-specific frames* (фреймы, привязанные к определенным событиям и изменениям), так как, согласно существующим эмпирическим исследованиям, они чаще всего направлены на изменение политического восприятия индивидов, их мнения и предпочтения [цит. по: Brugman, Burgers, Steen, 2017]. В контексте данного исследования эмпирический материал отбирался по событиям, связанным с хабаровскими протестами, в том числе учитывалась информационная повестка вокруг дела Сергея Фургала, бывшего губернатора Хабаровского края.

Второй важный аспект методологической рамки исследования — визуальный анализ П. Штомпки. Так, для изучения видеоконтента из социальной сети TikTok использовался анализ семиотического и дискурсивного уровней визуального сообщения [Штомпка, 2007]. При семиотической интерпретации необходимо анализировать визуальный ряд, где выделяются его денотативные и коннотативные составляющие. Денотативный код отражает то, что содержится непосредственно в видео, а коннотативный — это дополнительные значения и символы, которые могут быть уникальными в интерпретации для различных категорий реципиентов. Дискурсивный уровень учитывает особенности контекста и модус восприятия реципиентами визуального сообщения, позволяя выделять визуальные дискурсы, транслируемые через семиотические структуры. В рамках данного исследования мы сосредоточились на следующих параметрах семиотического и дискурсивного уровней визуального анализа: (1) *визуальная репрезентация акторов* и (2)

визуальные идеологические маркеры принадлежности к группе и артикуляции требований. Таким образом, мы фокусируемся на том, как именно изображены индивиды — как группа или как отдельный индивид. И как наполняется символическое пространство — к какой группе дискурсивно относят себя участники анализируемых событий и какие действия они совершают или планируют совершить для достижения поставленных целей (если возможно определение артикуляции каких-либо требований).

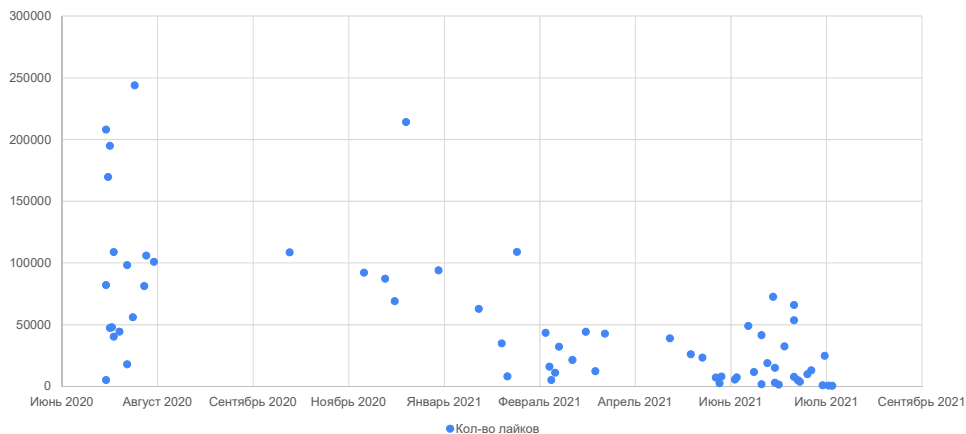
Похожие методы, направленные на изучение визуального дискурса, также используются в работах Гюнтера Кресса и Тео ван Леуэна [Kress, van Leeuwen, 2020], Джошуа Рэя и Энн Смит применительно к процессам и социальным пространствам организаций [Ray, Smith, 2012], в российских исследованиях социокультурных нарративов [Trotsuk, Subbotina, 2021], в одной из последних работ Жаклин Адамс, посвященной изучению прав человека и их нарушений [Adams, 2018]. Исходя из этого можно сделать вывод, что данный метод распространен в ряде дисциплин (не только в социологии) и широко применяется к различным предметным областям. Эффективность данного метода обуславливается тем, что визуальная составляющая какого-либо феномена часто остается неизученной, предпочтение отдается, например, тексту как основному источнику эмпирических данных. По нашему мнению, при изучении платформы TikTok как инструмента консолидации протестного движения необходимо сосредоточиться на визуальном контенте, так как именно он представляет собой источник насыщенного описания как символического, так и социального пространства, конструируемого участниками коммуникации.

При анализе учитывались особенности протестного визуального материала и особенности контента социальной сети TikTok, где публикуются короткие, иногда довольно неинформативные ролики. Многие визуальные материалы, связанные с протестами, не отличаются многообразием репрезентируемых субъектов и объектов [Philipps, 2012]. Исходя из проанализированных нами данных, последнее также является характерной чертой репрезентации протестной повестки в TikTok. Поэтому при первичном анализе видеоконтента фокус анализа был направлен на визуальную интерпретацию категории *организации*, которая заключается в поиске символов и знаков принадлежности к той или иной политической группе или организации [Bohnsack, 2008].

Общая характеристика выборки визуальных данных из социальной сети TikTok

Эмпирическая база исследования охватывает период с июня 2020 г. по июль 2021 г., в окончательную выборку исследования вошли 65 наиболее популярных коротких видео касательно изучаемой повестки из социальной сети TikTok, опубликованные в указанный период (см. рис. 1). Отбор видеоконтента производился по двум основным и наиболее популярным хештегам: #хабаровск и #фургал. При переходе по соответствующим хештегам доступными становятся самые просматриваемые видео, основные показатели отдельного короткого видео: количество лайков, просмотры, количество комментариев, а также количество подписчиков блогера.

Рис. 1. Распределение коротких видео из социальной сети TikTok, освещающих хабаровские протесты, по количеству лайков (N=65, июнь 2020—июль 2021)

Наиболее важной характеристикой является количество лайков, которые собрало короткое видео в TikTok. Так как многие популярные видео по хабаровским протестам публиковались обычными гражданами, а не обязательно популярными блогерами или инфлюенсерами, количество лайков у видео могло сильно превышать количество подписчиков у отдельного блогера, опубликовавшего видео.

Отобранные видео можно разделить на следующие категории:

- 1) освещение протестов и репрезентация протестующих на улицах в репортажном стиле (см. рис. 2 и 3);
- 2) видео с выступлениями С. Фургала, а также высказывания людей по поводу его личности и ситуации вокруг него (см. рис. 4);
- 3) видеообращения людей к президенту с просьбами обратить внимание и решить сложившуюся ситуацию;
- 4) сравнение С. Фургала и В. Путина;
- 5) нарезка фотографий или видео с участием С. Фургала.

Рис. 2. Пример репрезентации региональной идентичности через демонстрацию флага Хабаровского края в TikTok

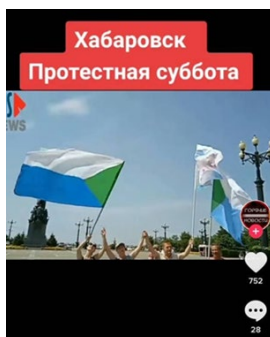

Рис. 3. Пример изображения толпы и протестующих на улицах Хабаровска в TikTok

Рис. 4. Пример использования в TikTok лозунгов и символики, связанных с С. Фургалом

Особенности визуального дискурса вокруг хабаровских протестов в социальном пространстве TikTok

Как упоминалось ранее, одна из особенностей данной социальной сети — культура трендов. Эта особенность также прослеживается и на примере повестки хабаровских протестов. Прежде всего, это изображение протестующих, и чаще всего пользователь выступает как активный участник документируемых событий (идет вместе с протестующими, скандирует лозунги и т. д.). Реже представлены видео, в которых протесты сняты со стороны (хотя такого рода ролики присутствуют в выборке, их значительно меньше, чем первых). Это подчеркивает партисипаторную составляющую создаваемого пользователями контента. Вторым элементом, который поддерживает распространение данных видео в логике мемов, являются песни, посвященные Хабаровску и протестам: многие ролики сопровождаются выступлениями артистов, где песни являются инструментами консолидации. В целом такой формат соответствует общему характеру и трендам неполитических коротких видео в TikTok, которые часто сопровождаются популярными музыкальными композициями. Третий элемент — это распространение и популяризация символики региональной принадлежности (протестующие, демонстрирующие флаги и гербы Хабаровского края).

Среди политических функций визуального дискурса хабаровских протестов необходимо выделить следующие значимые характеристики.

1. *Отсутствие ясно артикулируемых требований со стороны протестующих.* Специфика репрезентации визуального контента вокруг хабаровских протестов показывает, что функция артикулирования и агрегирования политических требований не является главной в рамках социальной сети TikTok при освещении указанных событий. Единственное требование, фигурирующее в визуальном дискурсе, касается освобождения бывшего губернатора Хабаровского края С. Фургала. Можно сделать вывод, что в большей степени достигается функция распространения информации и привлечения внимания. Основным визуальным дискурсом является саморепрезентация протестующих, которые представляют собой символ сплочения и единения граждан, где результативность протеста и достижение конечной цели отходит на задний план, а главным в повестке становится процесс консолидации жителей против политической несправедливости. Фургал же в рамках такого позиционирования обозначался как «народный губернатор». Таким образом выстраивалась связь между протестующими и бывшим губернатором.

2. *Слабая коннотативная составляющая визуального контента освещения протестов.* Проанализированный визуальный контент обладает слабой коннотативной выраженностью, отсутствием символической нагруженности. Вместо этого подавляющее большинство видео имеют репортажный или новостной жанр, где денотативный код явно доминирует над возможными коннотативными аспектами. Поскольку последние аспекты выражены неявно или вовсе отсутствуют, можно сделать вывод о стремлении к универсальности транслируемого сообщения, где отсутствуют семиотические структуры, приводящие к множественной и разноплановой интерпретации освещаемых событий. В таком случае основной вывод заключается в том, можно предположить, что особенности восприятия видео-

контента о хабаровских протестах не будет варьироваться по категориям потенциальных реципиентов.

3. *Позиционирование движения в контексте регионального размежевания.* Если говорить о функции формирования коллективной идентичности, то отличительной чертой хабаровских протестов является размежевание по региональному признаку, об этом свидетельствует ряд особенностей изученного визуального контента. Во-первых, среди небогатой символической репрезентации, чаще всего встречается демонстрация хабаровского флага и герба как основных атрибутов протестующих (см. рис. 2). Во-вторых, касательно если говорить о риторической составляющей визуального дискурса, то здесь основой для противопоставления является «Хабаровск vs. Москва». В меньшей степени присутствуют видео, в которых видеообращения направлены непосредственно к представителям власти или отдельным политикам, которые могли бы быть восприняты в качестве антагонистов. Таким образом, в основе используемой позитивной и негативной репрезентации «своих и чужих» лежит региональная идентичность протестующих, что ярко выражено в подавляющей массе изученного визуального материала.

4. *Отсутствие репрезентации контрагентов в структуре визуального сообщения.* Ряд исследований [Wetzstein, 2017; Paul, 2015; Jones, Chi Hang Li, 2016] указывают, что при визуальном освещении протестов, важным инструментом легитимации и консолидации протестного движения выступает репрезентация контрагентов и их действий по отношению к протестующим. Чаще всего такого рода визуальный дискурс используется для легитимации протестного движения и для демонстрации несправедливых действий контрагентов по отношению к протестному движению. Среди 65 проанализированных видеороликов только в одном фигурируют полицейские — требующие снять футболку с символикой, связанной с С. Фургалом. Из этого следует вывод, что образы сплочения доминируют над образами размежевания, а негативная репрезентация контрагентов протеста фактически отсутствует в используемом визуальном дискурсе. Также можно предположить, что в конечную выборку не вошли видео с репрезентацией контрагентов, что потенциально указывает на их низкую популярность среди пользователей TikTok.

На основе проведенного анализа выделим главные функции визуального дискурса в социальной сети TikTok: (1) формирование идентичности (в кейсе хабаровских протестов — региональной), (2) распространение информации о событии и усиление информационной повестки, (3) позиционирование движения и отдельных групп в политическом пространстве. В меньшей степени мы фиксируем контент, направленный на достижение следующих целей: (1) легитимация протеста³ и (2) артикулирование и агрегирование политических требований. Найденные нами особенности проанализированного эмпирического материала подтверждают тезис о *предполитическом характере* TikTok как «слабой» публичной сферы.

Заключение

В результате представленного исследования можно сделать два вывода об особенностях отражения хабаровских протестов в социальной сети TikTok.

³ Хотя среди немногочисленных требований протестующих встречались и требования признания проблемы и обращения, адресованные в основном «Москве».

Во-первых, короткие видео в TikTok содержали в себе два фрейма — фрейм народного протеста и фрейм регионального протеста. В то время как фрейм народного протеста делал акцент на необходимости сплочения народа против власти, фрейм регионального протеста отражался в обилии региональной символики в коротких видео. Само по себе сочетание популистского и регионального фреймов не является конфликтным. Исследователи отмечают, что популистский компонент присущ партисипаторной интернет-культуре [Milner, 2013]. В то же время визуальное сопровождение образов движущей толпы региональной символикой дополнительно усиливает идентичность протестного движения за счет конкретных символов.

Во-вторых, в рамках освещения протестов в TikTok акцент был сделан на мобилизации участников для участия в коллективном действии, а не на выдвижении политических требований. Создавая возможности для стремительного распространения политизированного контента, TikTok при этом не является полноценной площадкой для дискурсивного обрамления протестного движения. Наличие такого обрамления предполагает артикуляцию политических требований и формирование прогностического элемента движения [Della Porta, Diani, 2006: 77—78]. Фокус на Акцент на мобилизации, а не на обсуждении и формулировании политических требований обусловлен прежде всего ориентированностью социальной сети на потребление и создание контента и лишь во вторую очередь — на его обсуждение. Данный результат соответствует тезису Дианы Мутц о дизъюнкции партисипаторного и делиберативного потенциалов социальных сетей [Mutz, 2006]. В рамках данного разделения TikTok оказывается примером партисипаторной сети, мобилизующей участников на политическое действие, но не способствующей развитию культуры гражданственности посредством диалога представителей различных политических взглядов.

Выявленные особенности меметического контента в социальной сети TikTok в целом соответствуют основным сюжетам в дискуссии о политических мемах. Как отмечают исследователи, в век популизма и кризиса партийной политики меметическое участие становится все более значимым, поскольку оно усиливает и воспроизводит политическую идентичность граждан [McKelvey, DeJong, Frenzel, 2021: 16]. В условиях авторитарного политического режима мемы оказываются значимой контргегемонной практикой. Можно предположить, что в российских условиях политизация TikTok в контексте хабаровских протестов не является исключительным событием. Напротив, TikTok может спорадически политизироваться также в иных социальных и политических контекстах и стать площадкой для символической артикуляции тем, вытесненных из публичной сферы.

Будучи партисипаторной, а не делиберативной онлайн-площадкой, TikTok может благоприятствовать также распространению стереотипов и языка ненависти (hate speech). Данное предположение может быть сделано на основе актуального состояния дискуссии по политическим мемам, в которой подчеркивается превалирование таких тем и тональностей при создании и обсуждении мемов [Ross, Rivers, 2017; Topinka, 2018; Lee, Hoh, 2021]. В то же время не следует ожидать сильной связи между потреблением политического контента в TikTok и непосредственным участием в протестных демонстрациях. Как отмечают некоторые иссле-

дователи, мемы обеспечивают так называемую легкую критику, которая нацелена не на прямое сопротивление, а на усиление критического восприятия социальной реальности аудиторией [Baishya, 2021]. Этот взгляд в целом соответствует тезису о минимальном характере медийных эффектов в условиях новой медийной среды [Bennett, Iyengar, 2008]. Таким образом, в количественных исследованиях мемы следует рассматривать в роли модераторов политического участия, усиливающих или ослабляющих связи между переменными.

Обозначенные результаты вносят вклад в активно идущую дискуссию о роли социальных сетей в протестном поведении в России [White, McAllister, 2014; Reuter, Szakonyi, 2015; Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020]. Проведенное исследование является первой попыткой оценить на российском материале особенности социальной сети TikTok как средства политической коммуникации. Выявленные особенности актуализируют дальнейшее изучение потенциала TikTok как партиципаторной социальной сети. Перспективным направлением дальнейших исследований видится выявление причинно-следственных связей между использованием социальной сети TikTok и протестным поведением, а также анализ комментариев к коротким видео в данной социальной сети на предмет тематики, тональности, вежливости и соответствия дискурсу гражданственности.

Список литературы (References)

Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, 2013.

Dawkins R. (2013) *The Selfish Gene*. Moscow: AST. (In Russ.)

Штомпка П. Визуальная социология: Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2007.

Sztompka P. (2007) *Visual Sociology. Photography as a Research Method*. Moscow: Logos. (In Russ.)

Adams J. (2018) Using Visual Methods in Human Rights Research. *Journal of Human Rights*. Vol. 17. No. 5. P. 674—684. <https://doi.org/10.1080/14754835.2018.1517039>.

Avdeeff M. K. (2021) TikTok, Twitter, and Platform-Specific Technocultural Discourse in Response to Taylor Swift's LGBTQ+ Allyship in 'You Need to Calm Down'. *Contemporary Music Review*. Vol. 40. No. 1. P. 78—98. <https://doi.org/10.1080/07494467.2021.1945225>.

Baishya A. K. (2021) The Conquest of the World as Meme: Memetic Visuality and Political Humor in Critiques of the Hindu Right Wing in India. *Media, Culture & Society*. Vol. 43. No. 6. P. 1113—1135. <https://doi.org/10.1177/0163443720986039>.

Bennett W. L., Iyengar Sh. (2008) A New Era of Minimal Effects? The Changing Foundations of Political Communication. *Journal of Communication*. Vol. 58. No. 4. P. 707—731. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.00410.x>.

Bayerl P. S., Stoykov L. (2016) Revenge by Photoshop: Memefying Police Acts in the Public Dialogue about Injustice. *New Media & Society*. Vol. 18. No. 6. P. 1006—1026. <https://doi.org/10.1177/1461444814554747>.

Bohnsack R. (2008) The Interpretation of Pictures and the Documentary Method. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 3. No. 9. P. 1—17. <https://doi.org/10.17169/fqs-9.3.1171>.

Brugman B. C., Burgers C., Steen G. J. (2017) Recategorizing Political Frames: A Systematic Review of Metaphorical Framing in Experiments on Political Communication. *Annals of the International Communication Association*. Vol. 41. No. 2. P. 181—197. <https://doi.org/10.1080/23808985.2017.1312481>.

Cervi L., Marín-Lladó C. (2021) What are Political Parties Doing on TikTok? The Spanish Case. *El Profesional de la Información*. Vol. 30. No. 4. P. 1—17. <https://doi.org/10.3145/epi.2021.jul.03>.

Chmel K., Savin N., Delli Carpini M. X. (2018) Making Politics Attractive: Political Satire and Exposure to Political Information in New Media Environment in Russia. *HSE Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science*. WP BRP 63/PS/2018. URL: <https://wp.hse.ru/data/2018/11/22/1141703356/63PS2018.pdf> (accessed: 16.11.2021).

Dahlgren P. (2009) *Media and Political Engagement: Citizens, Communication and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Della Porta D., Diani M. (2006) *Social Movements: An Introduction*. Malden, MA: Blackwell Publishing.

Denisova A. (2019) *Internet Memes and Society: Social, Cultural, and Political Contexts*. New York, NY; London: Routledge.

Doerr N., Mattoni A., Teune S. (2013) Towards a Visual Analysis of Social Movements, Conflicts and Political Mobilization. In: Doerr N., Mattoni A., Teune S. (eds.) *Advances in the Visual Analysis of Social Movements. (Research in Social Movements, Conflicts and Change. Vol. 35)*. Bingley: Emerald Publishing Limited. P. vi — xxvi. [https://doi.org/10.1108/S0163-786X\(2013\)0000035004](https://doi.org/10.1108/S0163-786X(2013)0000035004).

Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social Media and Protest Participation: Evidence From Russia. *Econometrica*. Vol. 88. No. 4. P. 1479—1514. <https://doi.org/10.3982/ECTA14281>.

Gray J. E. (2021) The Geopolitics of ‘Platforms’: The TikTok Challenge. *Internet Policy Review*. Vol. 10. No. 2. P. 1—26. <https://doi.org/10.14763/2021.2.1557>.

Habermas J. (1996) *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge, MA: MIT Press.

Huntington H. E. (2020) Partisan Cues and Internet Memes: Early Evidence for Motivated Skepticism in Audience Message Processing of Spreadable Political Media. *Atlantic Journal of Communication*. Vol. 28. No. 3. P. 194—208. <https://doi.org/10.1080/15456870.2019.1614589>.

Jaffar B. A., Riaz S., Mushtaq A. (2019) Living in a Moment: Impact of TicTok on Influencing Younger Generation into Micro-Fame. *Journal of Content, Community & Communication*. Vol. 10. P. 187—194. <https://doi.org/10.31620/JCCC.12.19/19>.

Jenkins H., Ford S., Green J. (2013) *Spreadable Media: Creating Value and Meaning in a Networked Culture*. New York, NY: New York University Press.

Jones R. H., Chi Hang Li N. (2016) Evidentiary Video and “Professional Vision” in the Hong Kong Umbrella Movement: Historicizing Protest. *Journal of Language and Politics*. Vol. 15. No. 5. P. 569—591. <https://doi.org/10.1075/jlp.15.5.04jon>.

Klug D., Qin Y., Evans M., Kaufman G. (2021) Trick and Please. A Mixed-Method Study on User Assumptions about the TikTok Algorithm. *WebSci '21: 13th ACM Web Science Conference 2021*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 84—92. <https://doi.org/10.1145/3447535.3462512>.

Kress G., van Leeuwen T. (2020) *Reading Images. The Grammar of Visual Design*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003099857>.

Lee S. Y., Hoh J. W. T. (2021) A Critical Examination of Ageism in Memes and the Role of Meme Factories. *New Media & Society*. P. 1—23. <https://doi.org/10.1177/146144482111047845>.

Lee A. L., Ting K. W. (2015) Media and Information Praxis of Young Activists in the Umbrella Movement. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 8. No. 4. P. 376—392. <https://doi.org/10.1080/17544750.2015.1086399>.

Literat I., Kligler-Vilenchik N. (2021) How Popular Culture Prompts Youth Collective Political Expression and Cross-Cutting Political Talk on Social Media: A Cross-Platform Analysis. *Social Media + Society*. Vol. 7. No. 2. P. 1—14. <https://doi.org/10.1177/205630512111008821>.

McGarry A., Erhart I., Eslen-Ziya H., Jenzen O., Korkut U. (eds.) (2020) *The Aesthetics of Global Protest: Visual Culture and Communication*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

McKelvey F., DeJong S., Frenzel J. (2021) Memes, Scenes and #ELXN 2019s: How Partisans Make Memes during Elections. *New Media & Society*. P. 1—22. <https://doi.org/10.1177/146144482111020690>.

Milner R. M. (2013) Pop Polyvocality: Internet Memes, Public Participation, and the Occupy Wall Street Movement. *International Journal of Communication*. Vol. 7. P. 2357—2390.

Milner R. M. (2016) *The World Made Meme: Public Conversations and Participatory Media*. Cambridge, MA: MIT Press.

Moreno-Almeida C. (2021) Memes as Snapshots of Participation: The Role of Digital Amateur Activists in Authoritarian Regimes. *New Media & Society*. Vol. 23. No. 6. P. 1545—1566. <https://doi.org/10.1177/1461444820912722>.

Morris J. S. (2009) The Daily Show with Jon Stewart and Audience Attitude Change during the 2004 Party Conventions. *Political Behavior*. Vol. 31. No. 1. P. 79—102.

Mutz D. C. (2006) *Hearing the Other Side: Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Neumayer C., Rossi L. (2018) Images of Protest in Social Media: Struggle over Visibility and Visual Narratives. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 11. P. 4293—4310. <https://doi.org/10.1177/1461444818770602>.
- Nissenbaum A., Shifman L. (2018) Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 23. No. 5. P. 294—310. <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>.
- Oeldorf-Hirsch A., Schmierbach M., Appelman A., Boyle M. (2020) The Ineffectiveness of Fact-Checking Labels on News Memes and Articles. *Mass Communication and Society*. Vol. 23. No. 5. P. 682—704. <https://doi.org/10.1080/15205436.2020.1733613>.
- Paul J. (2015) Protesting Police Violence: “Blacklivesmatter” and Visual and Performance Art in the Era of Extrajudicial Police Killings. *International Journal of Humanities and Social Science*. Vol. 5. No. 10. P. 6—29. URL: http://www.ijhssnet.com/journals/Vol_5_No_10_October_2015/2.pdf (accessed: 16.11.2021).
- Penney J. (2020) ‘It’s So Hard not to be Funny in This Situation’: Memes and Humor in U. S. Youth Online Political Expression. *Television & New Media*. Vol. 21. No. 8. P. 791—806. <https://doi.org/10.1177/1527476419886068>.
- Philipps A. (2012) Visual Protest Material as Empirical Data. *Visual Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 3—21. <https://doi.org/10.1177/1470357211424675>.
- Ray J. L., Smith A. D. (2012) Using Photographs to Research Organizations: Evidence, Considerations, and Application in a Field Study. *Organizational Research Methods*. Vol. 15. No. 2. P. 288—315. <https://doi.org/10.1177/1094428111431110>.
- Reuter O., Szakonyi D. (2015) Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes. *British Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 1. P. 29—51. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000203>.
- Rieger D., Klimmt C. (2019) The daily dose of digital inspiration: Themes and Affective User Responses to Meaningful Memes in Social Media. *New Media & Society*. Vol. 21. No. 10. P. 2201—2221. <https://doi.org/10.1177/1461444819842875>.
- Ross A. S., Rivers D. J. (2017) Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U. S. Presidential Candidates. *Discourse, Context & Media*. Vol. 16. P. 1—11. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001>.
- Savic M. (2021) From Musical.ly to TikTok: Social Construction of 2020’s Most Downloaded Short-Video App. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 3173—3194.
- Schellewald A. (2021) Communicative forms on TikTok: Perspectives from Digital Ethnography. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 1437—1457.
- Shifman L. (2014) *Memes in Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Shifman L. (2018) Testimonial Rallies and the Construction of Memetic Authenticity. *European Journal of Communication*. Vol. 23. No. 2. P. 172—184. <https://doi.org/10.1177/0267323118760320>.

Shomova S. (2021) “Hieroglyphs of Protest”: Internet Memes and the Protest Movement in Russia. *Problems of Post-Communism*. <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1864217>.

Topinka R. J. (2018) Politically Incorrect Participatory Media: Racist Nationalism on r/ImGoingToHellForThis. *New Media & Society*. Vol. 20. No. 5. P. 2050—2069. <https://doi.org/10.1177/1461444817712516>.

Traue B., Blanc M., Cambre C. (2019) Visibilities and Visual Discourses: Rethinking the Social with the Image. *Qualitative Inquiry*. Vol. 25. No. 4. P. 327—337. <https://doi.org/10.1177/1077800418792946>.

Trotsuk I. V., Subbotina M. V. (2021) Three Questions to Start the Sociological Study of Heroism. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 169—180. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-169-180>.

Valdovinos Kaye D. B., Rodriguez A., Langton K., Wikstrom P. (2021) You Made This? I Made This: Practices of Authorship and (Mis)Attribution on TikTok. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 3195—3215.

Vijay D., Gekker A. (2021) Playing Politics: How Sabarimala Played Out on TikTok. *American Behavioral Scientist*. Vol. 65. No. 5. P. 712—734. <https://doi.org/10.1177/0002764221989769>.

Wang W., Wu J. (2021) Short Video Platforms and Local Community Building in China. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 3269—3291.

Wetzstein I. (2017) The Visual Discourse of Protest Movements on Twitter: The Case of Hong Kong 2014. *Media and Communication*. Vol. 5. No. 4. P. 26—36. <https://doi.org/10.17645/mac.v5i4.1020>.

White S., McAllister I. (2014) Did Russia (Nearly) Have a Facebook Revolution in 2011? Social Media’s Challenge to Authoritarianism. *Politics*. Vol. 34. No. 1. P. 72—84. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12037>.

Wiggins B. E. (2019) *The Discursive Power of Memes in Digital Culture: Ideology, Semiotics, and Intertextuality*. New York, NY: Routledge.

Xu L., Yan X., Zhang Z. (2019) Research on the Causes of the “Tik Tok” App Becoming Popular and the Existing Problems. *Journal of Advanced Management Science*. Vol. 7. No. 2. P. 59—63. <https://doi.org/10.18178/joams.7.2.59-63>.

Yu X. J. (2019) Research on TikTok APP Based on User-Centric Theory. *Applied Science and Innovative Research*. Vol. 3. No. 1. P. 28—36. <https://doi.org/10.22158/asir.v3n1p28>.

Zeng J., Schäfer M. S., Allgaier J. (2021) Reposting “till Albert Einstein is TikTok Famous”: The Memetic Construction of Science on TikTok. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 3216—3247. <http://dx.doi.org/10.31219/osf.io/8tdvm>.

Zhu Yu. (2020) The Expectation of TikTok in International Media: A Critical Discourse Analysis. *Open Journal of Social Sciences*. Vol. 8. No. 12. P. 136—148. <https://doi.org/10.4236/jss.2020.812012>.

Zuev D. (2010) Visual Dimension of Protest: Analysis of Ritual Interactions during the Russian March. *Visual Anthropology*. Vol. 23. No. 3. P. 221—253. <https://doi.org/10.1080/08949461003635498>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2014](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014)

С. В. Володенков, С. Н. Федорченко

ЦИФРОВЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>.

For citation:

Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. (2021) Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>. (In Russ.)

ЦИФРОВЫЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГРАЖДАНСКО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, РИСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

DIGITAL INFRASTRUCTURES OF CIVIC AND POLITICAL ACTIVISM: CURRENT CHALLENGES, RISKS AND CONSTRAINTS

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

*Sergey V. VOLODENKOV*¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor at the Department of State Politics, Faculty of Political Science
E-MAIL: s.v.cyber@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

E-MAIL: s.n.fedorchenko@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>

*Sergei N. FEDORCHENKO*² — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science, and Law
E-MAIL: s.n.fedorchenko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Moscow Region State University, city of Mytishi, Russia

Аннотация. Статья определяет ключевые вызовы, риски и ограничения цифровизации современного гражданско-политического активизма в аспекте демократизации традиционных политических институтов и гражданского общества. Ключевой задачей исследования выступает критический анализ актуальных практик гражданско-политического активизма с использованием цифровых платформ. Авторы обосновывают положение о том, что в условиях глобальных технологических трансформаций и перехода к парадигме Web 3.0 содержательные и функциональные характеристики гражданско-политического активизма будут существенно изменяться, порождая новые эффекты. Показано, что параметры цифрового гражданско-

Abstract. The paper identifies key challenges, risks, and constraints in the digitalization of contemporary civic and political activism in the aspect of democratization of traditional political institutions and civil society. The key aim of the study is to critically analyze current practices of civic activism at the digital platforms. The authors argue that in the context of global technological transformations and the transition to the Web 3.0 paradigm, the content and functional characteristics of civic activism will change significantly and generate new effects. The paper shows that the parameters of digital civic and political activism are largely determined by the design of the digital platforms, the capabilities, formats, mechanics, algorithms, and communication features that

политического активизма во многом определяются дизайном используемых цифровых платформ — теми возможностями, форматами, механиками, алгоритмами и особенностями коммуникации, которые предоставляются в рамках действующей цифровой инфраструктуры. Авторы заключают, что дизайн гражданско-политического активизма является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей платформ, а аффордансы в значительной степени зависят от программных алгоритмов платформы. При этом алгоритмы, используемые цифровыми корпорациями и институтами власти, не предполагают интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан. Для подтверждения данного утверждения авторы проводят SWOT-анализ некоторых цифровых платформ гражданско-политического активизма.

Также в статье обсуждается проблема симуляции и симулякризации цифрового активизма. Показано, что за счет своей информационной активности и наличия устойчивой лояльной аудитории гражданско-политические активисты способны в собственных интересах влиять на повестку дня, смещая представление аудитории о реальной действительности в необходимую сторону. При этом информационное капсулирование онлайн-пользователей посредством их вовлечения в деятельность групп и сообществ гражданско-политических активистов способно формировать необходимые общественно-политические убеждения и представления, которые в дальнейшем становятся основой программирования ожидаемого поведения

are provided within the existing digital infrastructure. The authors conclude that the design of civic and political activism is not independent in the functional aspect, but it is derived from the functional and algorithmic models of digital platforms, and the affordances largely depend on the software algorithms of the platform. At the same time, the algorithms used by digital corporations and government institutions do not imply interfaces that contribute to the digital self-determination of citizens. To confirm this statement, the authors carry out a SWOT analysis of some digital platforms of political and civic activism.

The paper also regards the problem of simulation and simulacrazation of digital activism. The authors show that due to the informational activity and the presence of a stable loyal audience, civic and political activists are able to influence the agenda following their own interests and shifting the perceptions of their audiences in the desired direction. At the same time, information encapsulation of online users through their involvement in the activities of groups and communities of civic and political activists can form the necessary social and political beliefs and ideas, which later become the basis for programming the expected behavior of individuals. Basing on the results of the study, the authors identify the key components of digital infrastructures of civic and political activism and present possible scenarios for its development.

индивидов в реальности. По итогам проведенного исследования в работе определены ключевые компоненты цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма, а также представлены возможные сценарии развития этой сферы.

Ключевые слова: цифровые инфраструктуры, гражданско-политический активизм, цифровой интерфейс, псевдоактивизм, цифровые платформы

Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Keywords: digital infrastructures, civic and political activism, digital interface, pseudo-activism, digital platforms

Acknowledgements. This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Постановка проблемы

Происходящие в мире глобальные технологические трансформации актуализируют вопросы архитектуры новой цифровой инфраструктуры современного гражданско-политического участия.

Рост неконвенциональных форм гражданско-политического участия (политических флэшмобов, перформансов, голографических акций и др.) был ограничен до определенного момента уровнем развития технологий цифровой коммуникации. Однако с появлением интернета Web 2.0, распространением сообществ социальных сетей, блогов, форумов и видеохостингов ситуация стала меняться. Альтернативные арены коммуникации, созданные в основном цифровыми корпорациями, с одной стороны, предоставили гражданам возможность обсуждать проблемы местного сообщества, внутренней и внешней государственной политики в рамках горизонтальных коммуникаций, а с другой стороны, показали неготовность властей ряда стран вести полноценный и результативный диалог с интернет-активистами как новыми представителями интересов групп социума.

Форсированная цифровизация в период пандемии COVID-19 еще более повлияла на социально-политические процессы и тренды развития современного общества, обострив при этом классические вопросы легитимационных кризисов: падения доверия к традиционным политическим институтам государства, парламентаризма и партий [Хабермас, 2010; von Haldenwang, 2016]. Это хорошо показали антикоронавирусные протесты, организованные гражданско-политическими активистами в ряде стран в ответ на ограничения, введенные властями. Следует при этом подчеркнуть, что цифровизация не равна обычной оцифровке чего-либо,

а прежде всего связана с процессами, предполагающими потенциальные изменения в обществе¹. Более фундаментальные изменения можно отнести к цифровой трансформации [Mergel, Edelmann, Haug, 2019].

Очевидно, что по мере перехода к технологической парадигме Web 3.0 и все большего погружения современного гражданского общества в цифровые коммуникации на фоне вынужденного дистанцирования в условиях пандемии COVID-19 сущностные и функциональные характеристики гражданско-политического активизма будут изменяться, порождая новые эффекты (как, например, ранее возникли эффекты slackтивизма и кликтивизма).

В подобной ситуации представляется крайне важным рассмотреть роль традиционных субъектов власти в этой цифровой архитектуре, а также изучить возможности сетевых гражданских сообществ выступать качественным драйвером демократических перемен в современных политических институтах, а не развиваться в рамках модели эхо-камер [Sunstein, 2001]. При этом важно оговорить, что определенности в вопросе взаимосвязи политического участия и социальных сетей до сих пор нет. Неоднозначна оценка и роли эхо-камер. С одной стороны, существуют подтверждения того, что у человека имеется особенность фильтровать, «отсеивать» информацию при воздействии различных видов массмедиа [Beat, Kosicki, 2014]. С другой стороны, появились исследования сетевых сообществ, показывающие, что эффект эхо-камеры полностью игнорировать нельзя (выявлен парадокс: активисты, не находя возможности полностью выразить себя в публичном политическом пространстве, вынуждены участвовать в закрытых сообществах) [Мартьянов, Мартьянова, 2019].

Наконец, в условиях общей симулякризации цифрового пространства коммуникаций возникает серьезный вопрос о возможности подмены конвенциональных форм гражданско-политического участия их симулякрами.

Особый интерес представляет сегодня исследование цифровых корпораций как новых посредников между гражданами и властью, способных влиять на уровень включенности первых в процессы обсуждения и принятия политических решений. Кроме того, цифровые корпорации, как показывает анализ актуальной практики, могут сегодня выступать в качестве мощного фактора, влияющего на возможности и форматы демократического участия граждан в значимых социально-политических процессах.

Означают ли цифровизация политики, возникновение цифровых платформ самокоммуникаций, функционирующих на базе Big Data, а также использования технологий искусственного интеллекта и алгоритмов самообучаемых нейросетей, конец прежней субъектности? Или же формы политического взаимодействия, контроля и управления переходят в иную, алгоритмическую плоскость?

С нашей точки зрения, серьезными вызовами для гражданско-политического активизма сегодня становятся распространение сервисной парадигмы цифровых платформ, неуклонная и во многих случаях принудительная деполитизация коммуникационных арен, распространение закрытых от граждан «умных» алгоритмов,

¹ Условия таких потенциальных изменений, на наш взгляд, как раз создают цифровые инфраструктуры.

введение серьезных санкций и ограничений на проявление неудобной властям политической активности.

Обозначенные вызовы приводят к созданию условий для гражданского эскапизма, конформизма, цифрового тоталитаризма, способствуя переходу реальной гражданско-политической активности в закрытые цифровые пространства. Особенную опасность, на наш взгляд, для разных форм активизма представляет цифровой тоталитаризм [Diamond, 2019; Unver, 2017], к признакам которого относятся массовое автоматизированное наблюдение за пользователями; манипуляцию общественным мнением и пропаганду посредством цифровых медиа; предиктивную деятельность полиции (выявление потенциально неблагонадежных граждан с помощью цифровых техник); принудительный конформизм [Нечаев, Белоконев, 2020]. Алгоритмизация начинает влиять на правила коммуникации между людьми, а платформы, используя различные коммуникационные механики, воздействуют на формирование или ограничение социальных связей гражданина [Beer, 2017].

Насколько реально в современных условиях гражданским активистам уйти от монополии цифровых корпораций в сегменте алгоритмов, Big Data, искусственного интеллекта, нейросетей и создать (а главное — полноценно использовать) для решения собственных задач и в своих интересах цифровую инфраструктуру? Смогут ли такие гражданские проекты цифровых инфраструктур найти баланс между интересами различных политических сил?

В условиях высокой виртуализации цифрового пространства общественно-политических коммуникаций нельзя обойти вниманием и риски распространения цифрового псевдоактивизма, а также его составного компонента — псевдогражданских проектов, интересанты которых могут преследовать далеко не демократические цели.

Наконец, отдельного внимания заслуживают современные цифровые идеологии, сформировавшиеся в условиях стремительных технологических трансформаций традиционных общественно-политических коммуникаций. Очевидно, что идеология цифровой децентрализации, идеологические течения криптоанархистов и криптопанков [Chojan, 2017] имеют потенциал влияния на форматы цифрового гражданско-политического активизма, формируя пространство для широкого спектра сценариев своего развития — от разрушения сложившихся политических практик и институтов гражданского участия до перехода на новый уровень качества публичной политики и эффективности государственного управления в аспекте взаимодействия с гражданским обществом.

Ответы на этот — далеко не полный — перечень вопросов могут быть получены лишь в ходе развития реальных взаимоотношений основных акторов складывающихся цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма — групп интересов, владельцев цифровых корпораций, политической элиты, партий, общественных движений и гражданских активистов. Однако уже сегодня изучение сформулированных проблем, вызовов и рисков является, по нашему мнению, весьма важным направлением современной политической науки. Целью данной работы стало рассмотрение ключевых вызовов и рисков, связанных с активным внедрением в процессы современного гражданско-политического активизма

цифровых инфраструктур, а также потенциала этого процесса с точки зрения демократизации традиционных политических институтов и гражданского общества.

Обзор литературы

Среди современных политологических исследований неуклонно растет интерес к особенностям цифровых инфраструктур гражданско-политической активности [Бродовская, Никулин, Давыдова, 2021]. От конфигурации и специфики элементов цифровой инфраструктуры зависят потенциалы и риски гражданско-политической деятельности. Отличие инфраструктур от технологий при этом заключается в том, что они формируют фундамент для функционирования остальных компонентов системы, обуславливают обмен, коммуникацию между ними [Larkin, 2013].

Важно отметить, что цифровая инфраструктура в современной научной литературе в основном определяется как некая взаимосвязь коллективов, систем, программного обеспечения, оборудования и стандартов [Hustad, Olsen, 2021]. Однако, к сожалению, в концептуализации цифровых платформ больше внимания уделяется сервисно-ориентированным архитектурам [там же] и меньше — условиям функционирования гражданских технологий (*civic technologies*). При этом спектр вопросов и тем, связанных с изучением цифровых инфраструктур, на сегодняшний день весьма широк.

Так, британский исследователь С. Коулман в своей монографии анализирует цифровые платформы через призму возможностей делиберативной демократии, цифровые проекты которой возникли как реакция на кризис коммуникации между организациями и гражданами (*crisis of listening*) [Коулман, 2018: 99—101]. Для Коулмана платформы, позволяющие человеку не торопясь изучить политическую информацию и механизмы своего представительства, понять, какие гражданские компетенции ему нужны, — это цифровой рецепт для качественной трансформации демократии. Среди таких гражданских компетенций ученый называет осмысление политического мира, открытость к обмену аргументами, умение гражданина восприниматься другими гражданами значимым и способность вносить значимый вклад в процесс.

Австралийский ученый С. Маккуайр акцентирует внимание на рисках в сфере гражданско-политической активности и конфиденциальности человека, усматривая их в тенденции совмещать системы видеонаблюдения с автоматизированными системами распознавания лиц и принятия решений на базе искусственного интеллекта. Его обеспокоенность касается того, что цифровые платформы часто требуют от граждан доступа к их местоположению для получения каких-либо услуг [McQuire, 2021]. Маккуайр объясняет это тем, что современная власть сместилась в сторону определенных навыков — анализа и визуализации данных, а также перешла от традиционных государственных субъектов к частным компаниям, нацеленным на получение прибыли посредством цифровых инструментов. За счет этого происходит значительный сдвиг дисциплинарной власти (в понимании М. Фуко) к оперативному контролю граждан.

При этом ряд других авторов [Mitu, Vega, 2014] убеждены в том, что первенство в гражданско-политическом активизме по-прежнему остается за платформами социальных сетей и микроблогов, которые используются в том числе и для

организации общественно-политических протестов. При этом социальные сети не лишены проблем. Важным препятствием для развития цифрового активизма в социальных сетях является быстрое распространение непроверенных слухов, спама, иллюзий — от слактивизма, псевдосоциальных движений. По этой причине специалисты предлагают улучшать стратегические коммуникационные навыки активистов, подключать к их работе представителей университетов [Melki, Mallat, 2014]. Стали появляются и серьезные исследования по кликтивизму и слактивизму [Christensen, 2011; Halupka, 2018; George, Leidner, 2019; Li, Bernard, Luczak-Roesch, 2021], а также криптоанархизму, другим цифровым идеологиям [Farmer, 2003; Chohan, 2017].

Некоторые авторы большую надежду в сфере качественной трансформации общества возлагают на цифровое гражданство (digital citizen) [Ohler, 2010], по которому до сих пор нет консенсуса в академической среде — его пытаются рассматривать через концепцию цифровых компетенций или вопросы активизма. Безусловно, гражданство предполагает политическое и юридическое соотношение индивида с конкретным государством, и сам разговор о цифровом гражданстве может показаться необычным и мало аргументированным. Цифровизация гражданства пока не означает выделение какого-то отдельного типа гражданства, отличного от классического, однако она формирует риски для формирования так называемой «трансграничной публики» — сетевого сообщества из граждан разных стран [Кин, 2015: 86—87]. Кроме того, пользователи конкретного государства могут регистрироваться не на его платформах, а на ресурсах, принадлежащих коммерческим цифровым корпорациям. Также много нерешенных вопросов для традиционной модели взаимоотношения граждан с государством приносят криптовалюты.

Согласно выводам отдельных исследований, большой проблемой цифрового гражданства остается технологическое неравенство, способное усилить неравенство социальное [Mossberger, Tolbert, Hamilton, 2012]. Концепция цифрового гражданства прошла эволюцию от анализа сугубо технологических аспектов коммуникации до анализа социальной справедливости и формирования коллективной идентичности в сетевых условиях [Fernández-Prados, Lozano-Díaz, Ainz-Galende, 2021].

К исследованиям по цифровому гражданству примыкают менее распространенные труды по проблематике гражданских технологий (civic technologies), которые призваны постоянно совершенствовать взаимоотношения между людьми и правительством, используя инициативы граждан, частных организаций, соответствующий софт и политику открытых данных. В основном гражданские технологии предполагают создание платформ по инициативе властей (сверху вниз) и по инициативе граждан (снизу вверх, без помощи правительства) для длительного сотрудничества.

Недавнее исследование 614 платформ позволило выявить несколько закономерностей: платформы настраиваются на улучшение государственных функций и услуг, ориентируются на повышение качества жизни людей и создаются для решения ряда сложных социальных проблем (например, для достижения гендерного равенства). Характерно, что проекты, посвященные укреплению демо-

кратии, распространены в меньшей степени [Skaržauskienė, Mačiulienė, 2020]. Гражданские технологии применяются прежде всего при создании «общественного мнения» и не делают ставку на формирование качественной связи с властью.

Более того, даже те платформы, которые посвящены в основном политическим проблемам, не всегда нацелены на конструктивное сотрудничество с властями. Исследование О. Байши о ресурсе «Украинская правда» («Українська Правда») свидетельствует, что неспособность власти наладить полноценный диалог с обществом привело аудиторию данной платформы к идеализации риторики соглашения с ЕС, антиправительственному дискурсу и неприятию любой критики Евромайдана со стороны других граждан [Байша, 2021: 45—55]. Байша объясняет это в рамках теории популизма Э. Лаклау, в соответствии с которой в процессе дискурса возникает эффект синекдохи — принятие требований одной небольшой группы за мнение целой новой идентичности.

Стратегическим компонентом цифровых инфраструктур являются их владельцы — правительства, общественные, политические или частные организации. Изученные нами работы показывают, что цифровому самоопределению (digital self-determination) активиста (вопросы конфиденциальности, контроля персональных данных, влияние на сознание индивида) могут препятствовать владельцы интернет-ресурсов. Это наглядно демонстрирует пример развития концепции цифрового колониализма, объясняющей новые формы технологической зависимости суверенных государств от программного обеспечения IT-гигантов (Google, Facebook и др.) [Kwet, 2019]. Целенаправленное отключение территорий или сообществ граждан от возможностей цифровых инфраструктур с целью снижения роста нежелательного для властей активизма изучается сегодня в рамках модели цифрового апартеида [Brown, Czerniewicz, 2010]. Меры, реализованные в индийском регионе Джамму и Кашмир, являются примером подобного рода практик.

Довольно перспективной областью в изучении цифровых инфраструктур представляется теория алгократии, которая признает существование алгоритмической власти, задающей пределы для политической коммуникации непосредственно со стороны владельцев алгоритмов. Концепцию алгократии предложил А. Аниш в своей работе «Виртуальная миграция: программирование глобализации» [Aneesh, 2006]. Можно предположить, что алгократия — это ответ элиты на риски гражданско-политического активизма, ее стратегия для контроля сетевой власти [Castells, 2011], формирующейся в цифровых коммуникациях, в том числе и спонтанно.

Исходя из анализа имеющейся литературы, мы можем сделать вывод о том, что современная цифровая инфраструктура включает следующие ключевые компоненты:

- а) цифровые платформы с возможностями интерфейса для гражданских технологий (civic technologies);
- б) поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное программное обеспечение, алгоритмы, без которых невозможны практики цифрового гражданства (digital citizenship);
- в) владельцев цифровых платформ (мобильные операторы, администрация сайтов, социальных сетей и т. п.).

Опора на данную классификацию позволила авторам структурированно определить вызовы, угрозы и риски гражданско-политического активизма в условиях функционирования цифровых платформ и цифрового капитализма, выявить специфику процессов аватаризации и интерфейсизации, обозначить политическое значение алгоритмов, феномена слактивизма и кликтивизма, а также предложить объяснительную модель и сценарии развития гражданско-политического активизма.

Цифровизация гражданско-политического активизма: вызовы, угрозы и риски

Активное формирование пространства социальных медиа и социальных сетей, произошедшее примерно полтора десятка лет назад, породило условия для осуществления гражданскими активистами своей деятельности в цифровом пространстве. По сути, социальные медиа и социальные сети стали функционировать и в качестве цифровых платформ для гражданско-политического активизма, предоставляя возможности практически ничем не ограниченной прямой интерактивной коммуникации активистов и граждан друг с другом в горизонтальном формате.

Именно на данном первоначальном этапе интенсивно создавались различные сообщества гражданско-политических активистов во многих странах мира. Если вначале основной задачей активистов было распространение информации о себе и проблемах, с которыми они борются, в дальнейшем цифровые платформы стали успешно применяться и для мобилизации активных сетевых пользователей с целью участия в различного рода офлайн-мероприятиях.

Очевидно, что такой потенциал цифровых платформ гражданско-политического активизма не мог быть не использован в проектах, направленных как на демократическое выражение общественных интересов групп населения и выстраивание диалога с институтами власти в новых форматах, так и на дестабилизацию национальных политических режимов посредством работы с активной интернет-аудиторией и формирования протестных моделей гражданского поведения (неслучайно во многих «цветных революциях», как показала практика, именно глобальные социальные медиа являлись ключевыми площадками для агрегирования и мобилизации будущих участников массовых протестов).

В результате политические режимы и институты власти, независимо от степени их демократичности, были вынуждены начать уделять внимание существующим цифровым платформам, которые стали выступать не только площадками для выстраивания демократического диалога между гражданами и властью, повышения прозрачности общественно-политических коммуникаций, развития институтов гражданско-политического активизма, но и инструментами дестабилизации социально-политической ситуации, демонтажа политических режимов под предлогом инициативной политической деятельности гражданских активистов.

Однако, если институты власти, внедряя все более жесткие инструменты мониторинга, контроля и ограничения гражданско-политического активизма в цифровом пространстве, преследуют вполне понятные цели сохранения стабильности и управляемости социально-политической системы в масштабах государства, то с позиций политологического исследования нам представляется важным рассмотреть и другие, не связанные с интересами власти аспекты цифровизации

деятельности гражданско-политических активистов посредством использования современной цифровой инфраструктуры.

Здесь следует остановиться на проблеме общественно-политических коммуникаций, осуществляемых в рамках деятельности цифровых платформ. Развитие Web 2.0 подразумевало процесс цифровой *аватаризации* — комплексного феномена, связанного с массовым распространением персональных пользовательских аккаунтов, дающих гражданам новое внешнее расширение (в понимании М. Маклюэна) на цифровых платформах для участия в демократических практиках.

Ответной реакцией на цифровую аватаризацию стал процесс *интерфейсизации* — тенденции все большей регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны цифровых корпораций и политических режимов. С точки зрения концепции аллократии, цифровые платформы — это социальные машины, разрабатываемые для добровольной коммуникации активных граждан снизу вверх, но в то же время сохраняющие стандартизирующий интерфейс, регулирующий взаимоотношения между властью и людьми в рамках жестких правил (примером такого регулирующего интерфейса является Википедия) и влияющий на их поведение совсем не нейтральным способом [Cristianini, Scantamburlo, 2019].

Цифровые платформы как социальные машины создают для активистов иллюзию свободы и возможности децентрализованной власти, на деле контролируя пользовательскую базу данных социальной группы. Гражданско-политический активизм не может игнорировать формат интерфейса цифровых платформ, где аллократия проявляется в настройке аффордансов — коммуникационных возможностей и ограничений (в виде параметров обратной связи, работы с архивом, заполнения окон на сайте и последующей навигации).

Но аффордансы как таковые во многом зависят от того, закрытым или открытым будет тип алгоритмов и их исходных кодов. Например, Facebook и другие популярные платформы подразумевают закрытый от граждан тип кодов и алгоритмов, нацеленных на извлечение данных (а следовательно, и прибыли) из дискуссий, стимулирующих трафик. Поэтому специалисты видят шанс для развития активизма в будущем в создании нового типа организационных сетей [Ловинк, 2019: 160—161, 276—277]. Пока же сетевые эффекты [Срничек, 2020: 43], используемые цифровыми корпорациями для извлечения прибыли, а также властями для анализа политического поведения, не предполагают в своей основе интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан.

Иными словами, мы считаем, что гражданско-политический активизм является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей цифровых платформ со всеми вытекающими из данного предположения следствиями.

В связи с этим возникает серьезный вопрос о возможности гражданских активистов полноценно осуществлять свою деятельность в цифровом пространстве, не будучи зависимыми от особенностей каждой конкретной цифровой платформы, которая используется для достижения поставленных целей. Особо актуализируют данную проблематику разработанные концепции капитализма платформ [Срничек, 2020] и капитализма слежения, в рамках которых акцентируется внимание на том, что гражданские и политические интересы пользователей платформ являются

не определяющими, а скорее наоборот — вторичными по отношению к ключевым целям, к которым относятся монетизация коммуникационных контактов граждан и возможность формирования их цифровых следов для последующего использования в политических проектах, никак не связанных с интересами гражданско-политических активистов.

Исходя из этого, мы считаем, что гражданско-политический активизм, базирующийся на использовании современной цифровой инфраструктуры, во многих случаях имеет существенные функциональные ограничения — несмотря на в целом оптимистичный настрой многих экспертов и ученых в отношении данного вопроса.

В то же время нельзя недооценивать как конструктивный, так и негативный потенциал непосредственно самого гражданско-политического активизма в цифровом пространстве. Если о конструктивном потенциале написано множество работ, то в отношении негативного потенциала существует значительно меньший объем научных публикаций — несмотря на то, что именно он формирует ключевые риски, угрозы и вызовы, связанные с цифровизацией гражданско-политического активизма.

Так, в первую очередь, следует обратить внимание на новое звучание применительно к теме этого исследования классической работы Г. Беккера «Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности» [Беккер, 2018], подробно раскрывающей вопросы стигматизации информационно активным меньшинством информационно пассивного большинства. В нашем представлении гражданско-политические активисты также являются информационно активным меньшинством (поскольку гражданско-политическая активность самым непосредственным образом связана с необходимостью обеспечения информационно-коммуникационной активности), обладающим высоким потенциалом стигматизации и наклеивания разнообразных (в зависимости от целей, интересов и идеологии конкретной группы или организации активистов) ярлыков аутсайдеров на представителей менее активного большинства. Данное обстоятельство является важным в плане изучения процессов современного общественного развития в цифровом пространстве. Как показывает анализ актуальной практики общественных коммуникаций в рамках глобальных цифровых платформ, именно сообщество гражданских активистов определяет мишени для атаки, руководствуясь собственными принципами и интересами, определяет смысловое наполнение беккеровских ярлыков, осуществляет первичный посев и распространение стигматизирующих кодов, закрепляя в сознании большинства негативные представления о тех или иных индивидах. Практика свидетельствует, что последствия подобной стигматизации вполне реальны и способны существенно влиять на реализацию такого сценария развития гражданско-политического активизма в сети, как формирование диктатуры активистов, способных определять параметры ценностно-смысловых пространств цифрового общества, задавать маркеры того, что является общественным благом, кто из политиков, общественных деятелей является «нерукопожатным» социальным аутсайдером.

Близко к данному вызову расположен и потенциал формирования повестки дня информационно активным меньшинством. Алгоритмы большинства цифровых

платформ позволяют формировать искаженные представления о реальности, отсекая, выражаясь словами Х. Арендт, массы от реального мира.

Важность события в пространстве социальных медиа определяется не его реальной значимостью, но при помощи специальных инструментов оценки и их числовых показателей — количества просмотров, лайков, ретвитов, комментариев. Как показывают результаты наших исследований, сообщения, имеющие минимальное число просмотров, лайков, ретвитов и комментариев, воспринимаются большинством онлайн-пользователей как несущественные, неважные, не требующие своего прочтения, ознакомления с ними [Володенков, Белоконев, Сулова, 2021].

В результате даже то, что именно считать важной проблемой или явлением, определяется не реальной значимостью события, а количественными показателями соответствующих маркеров. Очевидно, что в подобной ситуации структурирование повестки дня, управление ею могут быть эффективно осуществлены гражданско-политическими активистами в своих собственных интересах, в результате чего объективно менее значимые проблемы могут казаться важнее более значимых. Пользуясь терминологией Э. Лаклау [Laclau, 2005: 70—72], можно сказать, что цифровая тотальность одной группы возникает тогда, когда ее конкретное видение проблемы преподносится в виде общественного мнения (по сути, «пустого означающего»). Иными словами, за счет информационной активности и наличия устойчивой лояльной аудитории гражданско-политические активисты способны в собственных интересах влиять на структуру повестки дня, смещая представления своих аудиторий о действительности в необходимую сторону.

При этом события в формируемой повестке могут быть симулированными и даже симулякризисированными, что наглядно показал в известном эксперименте датский психолог А. Колдинг-Йоргенсон². В 2009 г. в Facebook был организован информационный вброс в специально созданной для этого группе, посвященной гражданскому протесту против сноса популярной достопримечательности — копенгагенского Фонтана Аистов. За 14 дней более 27 тысяч человек присоединились к протесту в качестве сторонников, несмотря на то что само событие было обычной выдумкой, не имеющей ничего общего с объективной действительностью. Однако для 27,5 тысяч человек данная выдумка оказалась реальностью, против которой необходимо было выступить и которую нужно было изменить.

Очевидно, что в условиях отсутствия прямого опыта участия в происходящих событиях (что особенно актуализировалось в период введения режимов самоизоляции и ограничительных противопандемийных мер) медиарепрезентации обретают статус реальных по своему восприятию, что становится основой для формирования необходимых моделей массового поведения уже в офлайн-пространстве. Данную позицию хорошо подтверждает известная теорема Томаса, согласно которой ситуации, определенные людьми как реальные, реальны по своим последствиям [Thomas, Thomas, 1928].

Более того, следует обратить внимание и на тот факт, что многие сообщества в социальных сетях, включая сообщества активистов, зачастую функционируют

² Colding-Jørgensen A. (2009) Stork Fountain Experiment #1: Why Facebook Groups Are Not Democratic Tools. URL: <http://web.archive.org/web/20161220005424/http://virkeligheden.dk/2009/stork-fountain-experiment-1-facebook-groups-are-not-democratic-tools/> (дата обращения: 07.07.2021).

преимущественно в формате информационных капсул, что лишь укрепляет уверенность участников в реальности происходящего. Информационное капсулирование онлайн-пользователей посредством их вовлечения в деятельность групп и сообществ гражданско-политических активистов может способствовать формированию необходимых общественно-политических убеждений и представлений, которые в дальнейшем становятся основой программирования ожидаемого поведения индивидов в реальности.

Интенсивное развитие технологий искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, по нашему мнению, лишь усугубляет обозначенную проблему. Например, распространение технологии дипфейк (deepfake) и ее применение в информационно-коммуникационной работе гражданско-политических активистов способно повысить потенциал симуляции и симулякризации сконструированной повестки дня, еще в более значительной степени «оторвать» аудитории активистов от реальности. Среди целей использования дипфейков, помимо манипуляции повесткой, может быть формирование целого спектра цифровых псевдоактивистов, симуляции и симулякризации гражданско-политических сообществ активистов, от лица которых осуществляется «посев» и распространение «общественно значимой информации». Возможным и даже вероятным сценарием мы считаем активное применение структур псевдоактивистов при реализации проектов информационного геополитического противоборства, нацеленных на формирование массовых протестных настроений, решение конкретных личных задач³, а также достижение целей бенефициаров, стоящих за псевдоактивистами⁴.

Отдельно обратим внимание на то, что мы не вполне согласны с традиционными представлениями о слактивизме и кликтивизме, и по-иному понимаем роль и место данных феноменов в современном цифровом гражданско-политическом активизме. В научной среде кликтивизм стал анализироваться сравнительно недавно. Исследователь из Университета Канберры М. Халупка в своей работе ставит важный вопрос о легитимности кликтивизма в политическом активизме, предлагая рассматривать саму легитимность как более многогранный феномен [Halupka, 2018]. Отдельные авторы признают, что несмотря на то, что слактивизм часто используется как негативный термин, в описываемом им феномене все же есть политическое ядро, не исключающее участие граждан в массовых сетевых акциях, подписании цифровых петиций [Christensen, 2011]. При этом слактивизм и кликтивизм как отдельные термины четко не разделяются, так как во многом обозначают схожие явления и процессы.

Если слактивизм и кликтивизм сегодня принято считать проявлениями лени, пассивности граждан, не имеющими какого-либо существенного влияния на практическое решение конкретной проблемы, то со стороны заинтересованных активистов потенциал слактивизма и кликтивизма выглядит совершенно иначе — в подобном формате обеспечивается поддержка и распространение необходимых

³ В Белгородской области будут судить псевдоактивистов, которые якобы боролись с продажей алкоголя под-росткам // FONAR.tv. 2020. 21 ноября. URL: <https://fonar.tv/news/2020/11/21/v-belgorodskoy-oblasti-budut-sudit-psevdoktivistov-kotorye-yakoby-borolis-s-prodazhey-alkogolya-podrostkam> (дата обращения: 20.12.2021).

⁴ Деятельность псевдоактивистов — преграда к инвестированию в Украине // КиевВласть. 2021. 2 июля. URL: <https://kievvlast.com.ua/news/deyatelnost-psevdoktivistovpregrada-k-investirovaniyu-v-ukrainepravlyayushhij-partner-proekta-kviti-ukraini-pyshnij> (дата обращения: 20.12.2021).

информационных тем, осуществляется содействие структурированию повестки дня, повышение уровня доверия граждан к осуществляемой активистами деятельности за счет массовости цифровых сообществ. Данные эффекты уже стали изучаться в академической среде в рамках феномена *metavoicing*, характеризующегося тем, что лайки, ретвиты и другие цифровые реакции играют роль инструмента привлечения внимания достаточного количества людей (критической массы) к какому-либо событию или контенту [Majchrzak et al., 2013]. Несмотря на то, что те же платформы социальных сетей искажают подлинную активность алгоритмическим ранжированием, исследователи соглашались с тем фактом, что больший объем комментариев, лайков, комментарийных реакций на материал пользователя делают его более видимым, популярным, авторитетным среди другого контента, а значит, более легитимным [Baum, 2013].

Более того, по нашему мнению, именно целевые аудитории слактивистов и кликтивистов являются перспективными для формирования массовых представлений об общественно-политических проблемах, так как в условиях потока недостоверной информации, «альтернативных фактов» [Фуллер, 2021: 102] и отсутствия привычки к глубокому изучению вопроса, пользователи оказываются наиболее уязвимы для манипуляции в рамках информационно-коммуникационного воздействия.

В результате мы получаем принципиальную модель работы цифровых структур гражданско-политического активизма:

- 1) инициирование («посев») необходимой информации активистами;
- 2) распространение и повышение уровня значимости (просмотры, лайки, ретвиты, комментарии (в чем для увеличения трафика заинтересованы владельцы цифровых платформ [Ловинк, 2019: 161—163]), привлечение внимания к конкретной теме пассивным большинством слактивистов и кликтивистов, формирование за их счет фоновых массовых представлений по общественно-политическим вопросам и проблемам;
- 3) расширение ядра сообщества активистов, вовлечение в результативную деятельность активных граждан (конверсия массовой аудитории этапа 2 в активную аудиторию этапа 3, в чьих данных также заинтересованы владельцы цифровых платформ [Срничек, 2020: 11]).

Как можно заметить, слактивисты и кликтивисты играют важную роль в рамках этапа 2, не столько содействуя решению той или иной проблемы, сколько обеспечивая массовую поддержку и успешность формирования активного ядра на этапе 3. Они помогают обрести владельцам цифровых платформ (частным, общественным организациям или политическим режимам) сетевую власть [Castells, 2011]. Ввиду этого нам представляется важным сформулировать проблему недооценки потенциала, роли и значения слактивистов и кликтивистов в системе гражданско-политического активизма. Неслучайно Дж. Кин пишет, что коммуникационное изобилие без создания полноценных демократических механизмов не может обеспечить качественных политических изменений, поэтому он возлагает особые надежды на мониторинговую демократию — критику и мониторинг гражданами действий властей [Кин, 2015: 122, 146]. Слактивисты и кликтивисты как раз и занимают эту мониторинговую нишу в настоящий момент, но не всегда включаются в активизм во имя демократических целей.

Наша модель соотносится с недавней адаптацией концепции политического участия Л. Милбрата под реалии современного кликтивизма. Согласно этой адаптации, на нижнем уровне (*digital spectator activities*) большую роль играет именно феномен массового кликтивизма и *metavoicing* с его лайками, переходящий на средний уровень (*digital transitional activities*) со сбором цифровых петиций, привлечением финансовых средств, политическим консьюмеризмом, а затем достигающий высшего уровня (*digital gladiatorial activities*) с наименьшим числом участников (от групп хакеров до партий) [George, Leidner, 2019]. То, что феномен кликтивизма нельзя недооценивать, наглядно демонстрирует исследование новозеландских ученых, которые на примере анализа сетевого движения «*Sleeping Giants*» в Twitter показали, что его политически активное ядро из «линчевателей» (7 активистов, создававших большое число сообщений на начальном этапе развития движения) и «усилителей» (тоже 7 активистов, ретвитающих материалы «линчевателей» на этапе «раскрутки» движения) поддерживалось именно менее активной, но более крупной толпой (*crowd worker*) объемом в 4042 пользователя [Li, Bernard, Luczak-Roesch, 2021].

Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, проблема распространения новых идеологий и идеологических течений, основанных на развитии цифровых технологий. В первую очередь, речь идет о технологиях цифровой децентрализации и криптоанархизма [Farmer, 2003]. Если сторонники первой пытаются исключить из гражданских взаимодействий в ключевых сферах жизнедеятельности общества традиционные институты регулирования, надзора и контроля, то сторонники последней в целом исключают роль государственных институтов в процессах цифровой гражданской коммуникации. Сторонники криптоанархизма выступают за раскрепощение личности в цифровой среде, неприкосновенность частной жизни, допуск к свободной коммуникации [Chohan, 2017]. Независимо от того, о какой из указанных идеологических парадигм идет речь, встает вопрос о том, каким в содержательном и функциональном смысле будет цифровой гражданско-политический активизм, базирующийся на отрицании и исключении государственных институтов из диалога с гражданами? Очевидным представляется тот факт, что традиционный активизм предусматривает диалог и взаимодействие с институтами власти.

В новых идеологических условиях меняются не только форматы, но и сама суть гражданско-политического активизма, который имеет шанс трансформироваться в принципиально новый формат гражданской деятельности, обладающий высоким конфликтным потенциалом по отношению к традиционным институтам власти. Отсутствие надзора, контроля и регулирования активистской деятельности способно привести к реализации сценария масштабного появления радикальных и экстремистских структур гражданско-политического активизма, что представляет прямую угрозу существующим политическим режимам [Бродовская, Никулин, Давыдова, 2021].

Исходя из данного обстоятельства, мы рассматриваем новые цифровые идеологии как конфликтогенный фактор влияния как на традиционные активистские структуры, так и на традиционные институты власти. Кроме того, говоря о цифровых инфраструктурах гражданско-политического активизма, мы вынуждены включать в рассмотрение не только технологические и ресурсные компоненты,

но и идеологическую компоненту, как неотъемлемую составляющую цифровой инфраструктуры, связанной с борьбой за сетевую власть [Castells, 2011].

Заключение

Представленное рассуждение показывает, что современная динамика развития цифровых инфраструктур позволяет выделить следующие компоненты, адаптированные под гражданско-политическую деятельность либо нацеленные на создание эффективной коммуникации между гражданами и властью в цифровом пространстве:

а) *цифровые платформы* различного функционала (civic technologies), осуществляющие мониторинг работы институтов власти, нацеленные на запросы в органы власти, созданные для связи и консультаций граждан со своими избранными представителями во власти (от сайтов TheyWorkForYou, WhatDoTheyKnow, vTaiwan, WriteToThem, Communecter, Demodyne до сообществ социальных сетей и т. п.);

б) поддерживающее эти цифровые платформы базовое или вспомогательное *программное обеспечение* (алгоритмы и открытые исходные коды, такие как Alaveteli, MapIt, Consul, программное обеспечение некоммерческой организации mySociety, открытые исходные коды для опросов проекта Polis, коммерческие проекты приложений для граждан от Snap Send Solve, и проприетарное программное обеспечение на основе закрытых исходных кодов), без которого невозможны практики цифрового гражданства (digital citizenship) — статичные (мониторинг власти, запросы, жалобы, петиции, обращения, участие в опросах) и динамичные (от активного обсуждения политических проблем, участия в механизмах разработки политических решений до формирования не нацеленных на диалог с представителями власти гражданских сетевых сообществ с преобладанием критического дискурса);

в) *владельцы* цифровых платформ — организации, спонсоры, компании, поддерживающие функционирование цифровой инфраструктуры и задающие условия для гражданско-политических практик активизма.

Практики гражданско-политического активизма были рассмотрены в статье через фактор политического интерфейса (аффордансы сайтов, платформ, приложений, а также возможности и пределы, заложенные в коммуникационных площадках). Для этого потребовалось рассмотреть как кейсы, так и современную научную литературу по практикам цифровых платформ. В первую очередь нас интересовали конкретные ограничители цифровых систем, затрудняющие активное вовлечение граждан в процессы обсуждения социальных проблем и принятия политических решений на разных уровнях.

По итогам проведенного исследования в качестве основных сценариев развития цифровых инфраструктур гражданско-политического активизма мы можем выделить следующие:

— **Эволюционный сценарий.** Развитие гражданско-политического активизма будет происходить теми же темпами, что и сейчас, чему станут способствовать: а) отсутствие краудфандинговых проектов, купирующих финансовые и политические риски владельцев цифровых платформ; б) медленное освоение гражданами основ культуры политического участия, навыков программирования. При этом

цифровые идеологии и практика открытых кодов будут появляться постепенно, адаптируясь под реалии социально-экономических тенденций.

— **Алармистский сценарий.** Активность цифровых корпораций, монополизация ими коммуникационных каналов перевесит активность гражданских некоммерческих и государственных проектов в строительстве цифровых платформ, недовольные активисты будут вынуждены искать альтернативы наподобие Darknet, создавая радикальные антигосударственные организации с цифровыми идеологиями, отвергающими основы существующего порядка; одни страны будут сотрудничать с цифровыми транснациональными гигантами, отказываясь от части своего суверенитета, другие попытаются создать свои относительно независимые интернет-сегменты. В результате прежние политические режимы будут вынуждены радикально измениться, встав на путь активного применения технологий цифрового контроля, которые будут опережать трансформацию политических институтов и гражданских практик, приводя к устранению традиционных демократических форм активизма.

— **Делиберативный сценарий.** Самоорганизация гражданских активистов приведет к распространению делиберативных практик в сетевых сообществах и на цифровых платформах. В рамках данных практик дискурсивная модель коммуникации сменится аргументативной моделью с элементами доказательной политики.

— **Алеаторный сценарий.** Трансформация гражданско-политических практик будет происходить одновременно с их адаптацией под технологические изменения, а принципы алеаторной демократии (жеребья, жюри) органично дополнят доминирующие, но теряющие доверие механизмы выборной демократии, сочетая практику открытых кодов с конфиденциальностью персональных данных граждан и снижая дисбаланс между интересами граждан и их групп.

Очевидно, что предложенные сценарии не исчерпывают возможный спектр векторов развития цифрового гражданско-политического активизма. Формирование той или иной сценарной траектории будет зависеть от множества факторов, комплексное влияние которых в конечном итоге определит форматы, а также содержательный и функциональный потенциал цифрового активизма.

Однако нам представляется, что большинство возможных сценариев развития, помимо конструктивного потенциала демократизации и повышения качества государственно-гражданского взаимодействия, несут в себе также и соответствующие риски, угрозы и вызовы, ключевые из которых мы и попытались рассмотреть в данной работе.

Проведенный анализ показывает, что гражданско-политический активизм по-прежнему является в функциональном аспекте не самостоятельным, но производным от функционала и алгоритмических моделей цифровых платформ, в результате чего потенциал проектов гражданско-политического активизма во многих случаях является ограниченным, несмотря на свою общественную значимость.

При этом ключевым фактором, определяющим ограничения цифрового гражданско-политического активизма в настоящее время, нам представляется фактор интерфейсизации — все большей регламентации и стандартизации действий индивидов со стороны цифровых корпораций и политических режимов. Цифровые платформы как социальные машины создают для активистов ощущение свободы

и возможности открытой децентрализованной власти, но при этом аффорданы в значительной степени зависят от программных алгоритмов каждой конкретной платформы. Такие алгоритмы, используемые цифровыми корпорациями для извлечения прибыли, а властями — для анализа и контроля политического поведения, не предполагают в своей основе интерфейсов, способствующих цифровому самоопределению граждан. В результате возникает серьезный вопрос о возможности гражданско-политических активистов полноценно осуществлять свою деятельность в цифровом пространстве в общественных интересах, которые являются, по нашему мнению, в большинстве случаев вторичными по отношению к ключевым целям корпораций и институтов власти.

Список литературы (References)

Байша О. Дискурсивный разлом социального поля: Уроки Евромайдана. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2021.

Baisha O. (2021) *The Discursive Break of the Social Field: Lessons from the Euromaidan*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Беккер Г. Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018.

Becker G. (2018) *The Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. Moscow: Elementary Forms. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Никулин Е. Р., Давыдова М. А. Массовые политические протесты в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: причины возникновения, социальная база, цифровая инфраструктура // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 1. С. 23—35. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35>.

Brodovskaya E. V., Nikulin E. R., Davydova M. A. (2021) Mass Political Protests in the Republic of Belarus in the Summer and Autumn of 2020: Causes, Social Base, Digital Infrastructure. *Journal of Political Research*. Vol. 5. No. 1. P. 23—35. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-1-23-35>. (In Russ.)

Володенков С. В., Белоконев С. Ю., Сулова А. А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 31—46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>.

Volodenkov S. V., Belokonev S. Yu., Suslova A. A. (2021) Features of the Structure of Information Consumption of Modern Russian Youth: Based on Research Materials among Political Science Students of the Financial University. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 23. No. 1. P. 31—46. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>. (In Russ.)

Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.

Keane J. (2015) *Democracy and Media Decadence*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2018.

Coleman S. (2018) *Can the Internet Strengthen Democracy?* St. Petersburg: Aletheya. (In Russ.)

Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, Музей совр. иск. «Гараж», 2019.

Lovink G. (2019) *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem, Museum of modern art «Garage». (In Russ.)

Мартьянов Д. С., Мартьянова Н. А. Управляемость виртуальных сообществ: сравнительный анализ политизированных групп Вконтакте // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 3. С. 79—93.

Martyanov D. S., Martyanova N. A. (2019) Manageability of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Politicized Groups in Vkontakte. *Journal of Political Research*. Vol. 3. No. 3. P. 79—93. (In Russ.)

Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2. С. 112—133. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-6>.

Nechaev V. D., Belokonev S. Yu. (2020) Digital Economy and Trends in Political Development of Modern Societies. *Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13. No. 2. P. 112—133. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-6>.

Срничек Н. Капитализм платформ. 2-е изд. / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2020.

Srnichek N. (2020) *Platform Capitalism*. 2nd ed. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть. / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021.

Fuller S. (2021) *Post-Truth: Knowledge as a Power Struggle*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л. В. Воронпай. М.: Праксис, 2010.

Habermas J. (2010) *Legitimitaetsprobleme im Spaetkapitalismus*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Aneesh A. (2006) *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham, NC; London, UK: Duke University Press.

Baym N. K. (2013) Data Not Seen: The Uses and Shortcomings of Social Media Metrics. *First Monday*. Vol. 18. No. 10. <https://doi.org/10.5210/fm.v18i10.4873>.

Beam M. A., Kosicki G. M. (2014) Personalized News Portals: Filtering Systems and Increased News Exposure. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 91. No. 1. P. 59—77. <https://doi.org/10.1177/1077699013514411>.

- Beer D. (2017) The Social Power of Algorithms. *Information, Communication & Society*. Vol. 20. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>.
- Brown C., Czerniewicz L. (2010) Debunking the 'Digital Native': Beyond Digital Apartheid, Towards Digital Democracy. *Journal of Computer Assisted Learning*. Vol. 26. No. 5. P. 357—369. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2729.2010.00369.x>.
- Castells M. (2011) A Network Theory of Power. *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 773—787.
- Chohan U. W. (2017) Cryptoanarchism and Cryptocurrencies. SSRN. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3079241>.
- Christensen H. S. (2011) Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? *First Monday*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.
- Cristianini N., Scantamburlo T. (2019) On Social Machines for Algorithmic Regulation. *AI & Society*. No. 3. P. 645—662. <https://doi.org/10.1007/s00146-019-00917-8>.
- Diamond L. (2019) The Road to Digital Unfreedom: The Threat of Postmodern Totalitarianism. *Journal of Democracy*. Vol. 30. No. 1. P. 20—24. <https://doi.org/10.1353/jod.2019.0001>.
- Farmer J. A. (2003) The Spector of Crypto-Anarchy: Regulating Anonymity-Protecting Peer-To-Peer Networks. *Fordham Law Review*. Vol. 72. No. 3. P. 725—784.
- Fernández-Prados J.S., Lozano-Díaz A., Ainz-Galende A. (2021) Measuring Digital Citizenship: A Comparative Analysis. *Informatics*. Vol. 8. No. 1. <https://doi.org/10.3390/informatics8010018>.
- George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
- Halupka M. (2018) The Legitimisation of Clicktivism. *Australian Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 1. P. 130—141. <https://doi.org/10.1080/10361146.2017.1416586>.
- Hustad E., Olsen D. H. (2021) Creating a Sustainable Digital Infrastructure: The Role of Service-Oriented Architecture. *Procedia Computer Science*. Vol. 181. P. 597—604. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.01.210>.
- Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race & Class*. Vol. 60. No. 4. P. 3—26. <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. New York, NY: Verso.
- Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327—343.

Li Y., Bernard J.-G., Luczak-Roesch M. (2021) Beyond Clicktivism: What Makes Digitally Native Activism Effective? An Exploration of the Sleeping Giants Movement. *Social Media + Society*. Vol. 7. No. 3. <https://doi.org/10.1177/20563051211035357>.

Majchrzak A., Faraj S., Kane G. C., Azad B. (2013) The Contradictory Influence of Social Media Affordances on Online Communal Knowledge Sharing. *Journal of Computer Mediated Communication*. Vol. 19. No. 1. P. 38—55. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12030>.

McQuire S. (2021) Urban Digital Infrastructure, Smart Cityism, and Communication: Research Challenges for Urban E-Planning. *International Journal of E-Planning Research (IJEPR)*. Vol. 10. No. 3. P. 1—18. <http://doi.org/10.4018/IJEPR.20210701.0a1>.

Melki J., Mallat S. (2014) Digital Activism: Efficacies and Burdens of Social Media for Civic Activism. *Arab Media & Society*. No. 19. URL: <https://www.tasharuk.net/resources/files/1438761358MelkiMallatDigitalActivismFinal.pdf> (accessed: 07.07.2021).

Mergel I., Edelman N., Haug N. (2019) Defining Digital Transformation: Results from Expert Interviews. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 4. Article 101385. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2019.06.002>.

Mitu B., Vega D. O. C. (2014) Digital Activism: A Contemporary Overview. *Revista de Științe Politice. Revue des Sciences Politiques*. No. 44. P. 103—111.

Mossberger K., Tolbert C. J., Hamilton A. (2012) Broadband Adoption: Measuring Digital Citizenship: Mobile Access and Broadband. *International Journal of Communication*. Vol. 6. P. 2492—2528.

Ohler J. B. (2010) *Digital Community, Digital Citizen*. Thousand Oaks, CA: SAGE, Corwin Press.

Skaržauskienė A., Mačiulienė M. (2020) Mapping International Civic Technologies Platforms. *Informatics*. Vol. 7. No. 4. <https://doi.org/10.3390/informatics7040046>.

Sunstein C. R. (2001) *Echo chambers*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Thomas W. I., Thomas D. S. (1928) *The Child in America: Behavior Problems and Programs*. New York, NY: Knopf.

Unver H. (2017) Digital Challenges to Democracy: Politics of Automation, Attention, and Engagement. *Journal of International Affairs*. Vol. 71. No. 1. P. 127—146.

von Haldenwang Ch. (2016) *Measuring Legitimacy — New Trends, Old Shortcomings?* Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2023](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2023)

V. E. Belenkov

DO INTERNET PENETRATION AND ONLINE CENSORSHIP LEVELS AFFECT LONG-TERM REPRESSION SUCCESS IN STREET PROTEST PREVENTION?

For citation:

Belenkov V. E. (2021) Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 119–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2023>.

Правильная ссылка на статью:

Беленков В. Е. Влияют ли проникновение интернета и онлайн-цензура на успешность репрессий в противодействии уличной протестной активности в долгосрочной перспективе? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 119—144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2023>. (In Eng.)

DO INTERNET PENETRATION AND ONLINE CENSORSHIP LEVELS AFFECT LONG-TERM REPRESSION SUCCESS IN STREET PROTEST PREVENTION?

Vadim E. BELENKOV¹ — PhD Student,
Doctoral School of Political Science
E-MAIL: vadim.belenkov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5209-7655>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. This research paper aims at learning whether Internet penetration and online censorship affect repression against civil society organization (CSO) capacity to prevent street protest events and/or reduce protest participant numbers in the long term. Although there is a large corpus of studies on the consequences of the Internet and social media development for street protest mobilization, there is little empirical research on whether offline CSO repression works in the age of the Internet and whether this new repression impact is modified by attempts to organize online censorship. I tried to solve this problem with large-N cross-national datasets on protest participation, CSO repression and online censorship as well as on the share of Internet users from 1990 to 2018. I propose a set of hypotheses claiming that repression has a negative unconditional effect on street protest probability and protester numbers, that the Internet penetration makes repression effect less negative or more positive, and that online censorship transforms repression impact into more negative and less positive. I test these hypotheses with pooled linear and logistic regressions weighted

ВЛИЯЮТ ЛИ ПРОНИКНОВЕНИЕ ИНТЕРНЕТА И ОНЛАЙН-ЦЕНЗУРА НА УСПЕШНОСТЬ РЕПРЕССИЙ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ УЛИЧНОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ?

БЕЛЕНКОВ Вадим Евгеньевич — аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vadim.belenkov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5209-7655>

Аннотация. Цель статьи — выяснить, влияют ли проникновение интернета и онлайн-цензура на способность репрессий против организаций гражданского общества предотвращать уличные протесты или сокращать их численность в долгосрочной перспективе. Существует большой корпус научной литературы о последствиях развития интернета для мобилизации уличных протестов, тем не менее эмпирических исследований особенностей влияния офлайн-репрессий на протесты при высоком уровне проникновения интернета явно недостаточно. Кроме того, не хватает исследований воздействия цензурирования онлайн-среды на эффективность репрессий.

Я попытался внести вклад в решение этих вопросов с помощью регрессионного анализа данных об участии населения в протестных акциях, а также о репрессиях против организаций гражданского общества и цензуре в интернете по 161 стране мира за период с 1990 по 2018 г. С помощью логистических и линейных регрессий, взвешенных по обратной вероятности выбывания наблюдений, я проверил гипотезы о том, что репрес-

by inverse probability of loss to follow-up. The results demonstrate that when the repression effect exists, an uncensored Internet makes the weak repression effect positive and transforms highly severe repression effects from negative to null. Online censorship at a high level of Internet use only removes the positive effect of weak repression.

сии оказывают отрицательный безусловный эффект на вероятность возникновения уличных протестных акций и их численность, что проникновение интернета уменьшает отрицательный эффект репрессий и увеличивает положительный, а также что онлайн-цензура усиливает отрицательное влияние репрессий и ослабляет положительное. Результаты показывают, что если эффект репрессий в принципе существует, то при низком уровне онлайн-цензуры рост проникновения интернета делает влияние слабых репрессий положительным, а отрицательное влияние сильных репрессий ослабляет до уровня, статистически неотличимого от нуля. Онлайн-цензура при высокой доле пользователей интернета в населении страны позволяет лишь устранить положительный эффект слабых репрессий.

Keywords: online censorship, Internet penetration, repression, civil society organizations, street protest activity

Ключевые слова: онлайн-цензура, проникновение интернета, репрессии, организации гражданского общества, уличная протестная активность

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-32120.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32120.

Introduction

The development of the Internet has stimulated research interest in its probable effects on street protests¹ [Ruijgrok, 2017] and political regime stability [Rød, Weidmann, 2015]. The Internet and social media allegedly facilitated some waves of large-scale protests such as the Arab Spring and Occupy Wall Street. The high visibility of the Internet in these and other processes provoked scientists to engage in more systematic research on its role in the organization of street protests. These studies demonstrated that social media boost protest activity through decreasing the costs for mobilization of potential protesters and the coordination of their actions [Anduiza, Cristancho, Sabucedo 2014; Clarke, Kocak, 2020] even without strong formal organizational

¹ In this paper I neither support nor condemn anti-government street protests. I study them as a phenomenon that exists in empirical reality.

structures. These findings reflect the logic of connective action, which implies that even ordinary people can co-produce and share content necessary for protest mobilization and protest with other people [Bennett, Segerberg, 2012].

However, political activists frequently face offline repression, which affects the stimuli for protest participation [Pierskalla, 2010; Aytaç, Schiumerini, Stokes, 2018]. Thus, the key drawback of existing studies of the ICT² effect on street protest is that they focus only on direct effects without attention to its influence on offline repression³. In this article, I present and test a theoretical argument that explains why the Internet might condition the long-term effect⁴ of repression against groups of political activists (that is civil society organizations — CSOs). I show how the idea that the negative effect of CSO repression diminishes in magnitude or even becomes positive in contexts with higher Internet penetration can be inferred from resource mobilization theory [Tilly, 1977; McCarthy, Zald, 1977; McAdam, Tarrow, Tilly, 2001; Tilly, Tarrow, 2015, Rudolfson, 2021]. Although repression may deprive organizations of the resources necessary for protest mobilization or even destroy them, this strategy may be inefficient as protest mobilization in contexts with high Internet penetration may not require such organizations in the first place.

Moreover, though there are many studies on mechanisms of Internet censorship (see [Roberts, 2020]), there is a deficit of empirical research on whether it deprives protest organizers of opportunities provided by the Internet development. The role of online censorship is worth studying as the ability to share mobilizing information is critical for protest initiation and coordination [Tilly, Tarrow, 2015; Clarke, Kocak, 2020; Little, 2016]. Thus, I hypothesize that Internet censorship will make the long-term CSO repression effect negative again as it limits the opportunities provided by the Internet.

I test all hypotheses on cross-national datasets on protest (Mass Mobilization Project Database 3.0 [Clark, Regan, 2016]), CSO repression, Internet censorship (both are from Varieties of Democracy Project Dataset V11 [Coppedge et al., 2021; Pemstein et al., 2021]) and Internet penetration⁵ as well on other control variables. To estimate the direct and conditional repression effects, I use pooled logistic and linear regression models with year fixed effects and cluster-robust standard errors which account for lack of independence in observations with the same state leader. All regression models are weighted by the inverse probability of censoring (loss to follow-up) to account for the fact that for some observations it was impossible to measure the outcome variable.

The paper is structured in the following way. The first section provides a review of the literature on the unconditional long-term repression effect. In this section, I also present my theoretical argument and discuss probable alternatives concerning the

² ICT — information and communication technologies.

³ In this paper I do not aim to evaluate state actions from moral or legal point of view by labeling them as “repression” or “repressive”. I concentrate on estimating empirical regularities between punishment (negative sanctions) of autonomous civil society organizations (CSO repression) and subsequent protest activity in order to better understand political regimes’ dynamics. In this article, I neither support nor condemn any specific states and/or governments for using or not using repression. The goal of my paper is not to give advice to state leaders on how they should deal with street protests and civil society organizations. I do not call for human rights violations by repression and/or censorship use.

⁴ At the conceptual level, by long-term effect I mean the effect that is observed after the street protest, active at the moment of repression, or after the street protest wave that was an immediate response to repression.

⁵ Individuals using the Internet (% of population). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed: 02.03.2021).

magnitude and direction of the unconditional long-term repression effect. This knowledge about the unconditional effects of repression is necessary for further deliberation on their possible modifications under various Internet-related contexts. The second section focuses on the ways that Internet penetration and Internet censorship might modify CSO repression effects. In that part of the paper, I discuss theoretical and empirical works related to the impact of the Internet on repression and protest and propose theoretical justifications for several hypotheses. The third section outlines the selection, conceptualization, and operationalization of the independent, dependent and control variables. I also describe the data sources and explain the reasons for their selection. The fourth section focuses on methodological issues related to regression model specifications and provides results on both direct and conditional effects. In the final section, I interpret the results and discuss their relevance for scientific knowledge concerning the impact of repression on protests and the effects of Internet technology on these phenomena.

The Unconditional CSO Repression Effect: Literature Review and Theory

The ideas about the magnitude and direction of the long-term effect of repression against CSOs can be inferred from the literature on political opportunity structure and resource mobilization theories [Tilly, 1977; McCarthy, Zald, 1977; Olson, 1965; Tilly, Tarrow, 2015; Brockett, 2005; Almeida, 2003]. They imply that repression is likely to decrease the scale of street protest events as they deprive CSOs of the resources and infrastructure necessary for potential protester mobilization. According to these theories, it is difficult to realize protest mobilization without resourceful organizations. As Tilly and Tarrow argued, organizations (as well as networks, participants, and cultural artifacts) are necessary to create and sustain social movements as non-violent forms of contentious politics [Tilly, Tarrow, 2015], of which street protest is one of the activities. Thus, social movement infrastructure affects the capacity to organize protest events. It is thus reasonable to suggest that the severity of CSO repression is negatively related to the scale of anti-government street protest activity⁶.

The role of organizations can be explained in rationalist terms. People who dislike government policies are ready to participate in protest events if their expected benefits are higher than their expected costs. Benefits result from protester demand satisfaction, informal approval in the local social environment [Opp, Roehl, 1990], and the growth of self-esteem [Opp, Roehl, 1990; Ayanian, Tausch, 2016]. The costs may have multiple origins, but some are related to the need to spend time to get information about the time and place of protest events as well as about methods of participation. CSOs can decrease these costs by organizing propaganda campaigns while helping to raise expectations of protest success. Moreover, some formal CSOs (for example, trade unions) are able to motivate people via selective stimuli (provision of private goods or imposition of individualized penalties) [Olson, 1965]. Thus, CSOs need to possess financial, material, and human resources that are ready for these purposes.

Resource mobilization theory claims that the state can affect collective protest actions (such as rallies and demonstrations) not only by reacting to them but also

⁶ By “anti-government” I do not mean that protests are targeted against the government as an executive body. Instead, this word signifies protests targeted against higher authorities and their policies in general.

by promoting or preventing resource allocation [Tilly, 1977]. According to this theory, when state repression targets people who participate in certain forms of collective action, these attempts lead to the switch to other forms of collective protest. However, when repression aims at blocking resource allocation and use, it is likely to decrease the overall amount of protest activity [ibidem]. States can do this by constraining communication between CSO activists and between CSOs and wider society. There are multiple theoretically grounded ways to achieve this goal. The first is the physical isolation of leaders and activists of oppositional CSOs, which has historically been realized through long-term imprisonment and killings of CSO leaders and activists. When these forms of repression are used on a mass scale against all members of oppositional CSOs and combined with legalized bans on their activities, they may even destroy repressed CSOs. Complete destruction eliminates any communication between destroyed CSOs and the overall society.

However, states can also weaken the capacity of organizations to conduct propaganda campaigns in favor of their political objectives by depriving them of the material resources necessary to hire specialists in political campaign organization, produce and distribute texts advocating their ideas⁷, and recruit and sustain permanent apparatus. Fines and other material sanctions exemplify these forms of repression. A probable weakness of this repression type in comparison to more severe types is that civil society organizations can arrange new funding and new material facilities if they have a sufficient base of supporters. Thus, I expect that the effect of the destruction of organizations and the imprisonment and of their leaders as well as physical violence against them on the number of protesters is more negative.

Finally, according to political opportunity structure theory, repression is a threat [Tilly, Tarrow, 2015] that can deter CSO participants from continuing their activities, as it increases the costs of participation in repressed organizations. If an organization does not face repression itself, but others do, it will be likely to take into account the risks associated with any anti-government activity, protests included. As the complete destruction of the CSO and the imprisonment of leaders and activists are more dangerous, I expect that the deterrence effect is also more negative for these harsh forms of repression.

But why are these effects more likely to happen in the long-term, and not earlier? The effect of repression during the first quarter or even year since the repressive act might not be negative due to an emotional reaction of anger [Aytaç et al., 2018; Ayanian, Tausch, 2016], new information about low government quality [Lohmann, 1994] and cascade effects [Kuran, 1995]. This process might overcompensate negative effects in the short term (within a protest campaign wave)⁸. Moreover, CSOs that expect that they will be repressed in the near future may mobilize their supporters for protest actions to deter authorities from conducting repression. After the passage of a quarter of a year, or at most a year, the above-mentioned within-wave effects are likely to be less relevant as protest waves are likely to end and emotions are likely to become less

⁷ Huge amount of financial, material, and human resources is more important for organizing field propaganda campaigns and for conducting propaganda campaigns through traditional print and broadcast mass media.

⁸ In the very short term (several days) repression is shown to increase protest intensity (see [Carey, 2006]).

sharp. However, the lack of strong CSOs remains. The discussion above allows me to propose several hypotheses.

(H1) The higher the repression severity against CSOs in year t , the lower the maximum number of anti-government street protest event participants in the year $t+2$ in the same country under the same chief of executive power⁹.

However, propositions about the negative linear long-term effect of repression can be contested by competing theories. Ideas about the positive or non-linear association between repression and anti-government protest in the long term can be inferred from micromobilization [Opp, Roehl, 1990] and relative deprivation theories [Gurr, 1970]. The first suggests that repression causes positive informal sanctions toward protesters in their local social environment, which motivates them to protest further [Opp, Roehl, 1990]. The second implies that weak repression increases collective violence, but harsh repression decreases the magnitude of collective violence [Gurr, 1970] (collective violence can become manifest in the form of street protest events). Moreover, past repression history increases protest activity if repression severity decreases in the present [ibidem]. Finally, as Kuran claimed, repression decreases the legitimacy of the authority and causes preference falsification [Kuran, 1995]. The loss of legitimacy increases the likelihood of unexpected revolution [ibidem], that is mass street protests.

Empirical research on long-term CSO repression effects primarily consists of case studies. For instance, Almeida concluded that the liberalization of the regime in El Salvador in the 1960s led to a growth in the number of CSOs and the subsequent wave of mass non-violent street protests [Almeida, 2003]. The closure of political opportunity structures in the 1970s (including the growth in repression frequency and severity) led to a wave of violent protests which resulted in civil war. Doubts about the results remain as, in this paper, the repression effects were not separated from other changes in the political opportunity structure. A case study of modern China (a highly repressive context) revealed that CSOs refrain from collective mass street protest due to the high risk of repressive reaction [Fu, 2017]. However, these results have low generalizability.

My paper follows the emerging trend to analyze CSO repression effects with large-N datasets. Rudolfson analyzed data on African countries from 1990 to 2014 and found that highly severe CSO repression decreased protest likelihood during sharp food price increases [Rudolfson, 2021]. She also found that medium repression severity was positively related to protest likelihood. However, this paper analyzed only short-term repression effects (over one month), while I focus on the long-term effects (one year and more). Moreover, I focus not only on protest occurrence (as Rudolfson did [ibidem]) but also on the number of participants, as Chenoweth and Stephan found that a high number of participants increases the likelihood of protest success [Chenoweth, Stephan, 2011].

⁹ The time period of two years is selected because I will use country/year as a unit of analysis. If I selected the year $t+1$ to measure the long-term effect, I would risk capturing the effects of repression in December of year t on protests in January of year $t+1$. The year $t+2$ as the time period for outcome measurement allows me to see the effects of repression in the period from one year after repression use (December of the year t —January of the year $t+2$) up to three years afterward (January of year t —December of year $t+2$). I will measure the outcome variable only for cases when the real chief of executive power remained the same without interruption in the years t , $t+1$, and at least the first part of the year $t+2$. This is necessary because ruler change may imply a change in the number and composition of CSOs which are autonomous from the state and potentially oppositional to the policies of the new ruler. Thus, I will try to avoid a situation in which I measure the effects of repression against a CSO that opposes a ruler on protests against the new ruler, who was in opposition to the previous one.

Internet Use and Online Censorship as Moderators of the Offline CSO Repression Effect: Literature Review and Theoretical Arguments

The key functions of CSOs for street protest are the mobilization (that is persuasion to participate) and coordination of those who disagree with government policies. The Internet affects CSO repression efficiency to the extent that it makes CSOs more or less important for the realization of these functions. The majority of studies that I am familiar with claim that the Internet makes formal CSOs with mass membership less relevant for street protest initiation.

Empirical research on protest events in Spain (2010) and Egypt (2011) demonstrates that social media can be used to mobilize mass protests without formal organizations with mass membership [Anduiza et al., 2014; Clarke, Kocak, 2020]. The *Indignados* protests in Spain were very different from previous protests, as participants were substantially less likely to be members of any organization and more likely to have found information about the upcoming street demonstration from online social media, friends, and acquaintances [Anduiza et al., 2014]. Clarke and Kocak showed how Facebook was used to recruit protesters for the large demonstration in Cairo on January 25, 2011 and how Twitter was used to coordinate their actions during protest events [Clarke, Kocak, 2020]. Social media helped to launch protest campaigns in the context of a repressive autocratic regime (Egypt under Mubarak's rule).

The idea that social media can be used to effectively organize street protests has been also shown with strict quantitative methods of causal inference. With the use of the instrumental variables technique, Enikolopov, Makarin and Petrova demonstrated that higher penetration of VKontakte in Russian cities increased the likelihood of protest events and the number of protesters during the wave of protests after the State Duma elections in December 2011 [Enikolopov, Makarin, Petrova, 2020]. At the same time, they showed that higher VKontakte penetration was associated with higher (and not lower) support for the state authorities, which indicated the prevalence of coordination channels of the social media effect on street protests.

Internet penetration also affects the probability of street protests and their number through the creation of a freer information environment, which reduces communication costs, provides more critical information about the government, and decreases uncertainty about the numbers of people who disapprove of the government [Rujigrok, 2017]. A large-N quantitative study demonstrated that the increase of Internet use was positively associated with the probability of street protest occurrence in autocracies, though there was no such association in democracies [ibidem].

The Internet makes communication between people interactive so that each person (even ordinary citizens) can quickly reach large masses of people and communicate information about protest logistics [Little, 2016]. The same is true for small groups of people. Without the Internet, protest organizers frequently cannot reach their audience as quickly. They need to promote their appeals to take part in protests and information about logistics on TV, radio, and newspapers which is not as cheap as doing so on the Internet. Moreover, traditional print and broadcast media may be inaccessible to protest organizers due to government control over media outlets. In contexts without high levels of Internet penetration, leaders of potential protests also need to have offline contact with people who are ready to go to the streets under their leadership

and to work as canvassers motivating other people during field propaganda campaigns. Only traditional CSOs with a large membership possess contacts, command chains, and financial resources that are necessary for mass participation in protest events and for propaganda through mass media or canvassing in the streets.

The Internet allows protest mobilization and coordination even without formal organizations through so-called “connective action” [Bennett, Segerberg, 2012]. In its pure form, connective action implies that people get an opportunity to share, produce and distribute their ideas and views to a large number of people and find like-minded people. Social media enable all people to use the social technology necessary for protest initiation and protest coordination. Bennett and Segerberg argue that connective action implies inclusive and personalized action frames that allow the production of individual motivation and proposal of individual forms of action for each person and/or group of people. These benefits allow people to organize protest events without the involvement of formal organizations and are likely to result in self-organized, spontaneous protests [ibidem].

If small groups of people or even individuals can initiate the protest mobilization process instead of large offline CSOs, then it is reasonable to suggest that offline repression against CSOs should become less efficient in protest prevention. Thus, the weakening and destruction of CSOs are not likely to decrease the number of protesters in the long term if protests can be efficiently and cheaply mobilized and coordinated via the Internet and social media.

However, in multiple countries, state authorities try to make undesirable (for authorities) information on the Internet less available to citizens, which can decrease the capacity of the Internet to boost protest activity. Roberts [2020] categorized all mechanisms authorities can use:

- Fear (repression against users who try to distribute prohibited information);
- Friction (“making information more difficult to access” [ibid.: 403] via technical means) and
- Flooding (massive, pro-government propaganda in social media).

In my paper, I concentrate only on one mechanism of censorship which I consider to be a pure one — friction. Mechanism of fear implies repression, mechanism of flooding implies propaganda, while friction involves neither repression nor propaganda. Friction can be realized through complete Internet shutdowns; the blocking of particular Internet sites, pages, or even messages in social media (for example, by keywords [Bamman, O’Connor, Smith, 2012]); page order manipulation in search engines [Roberts, 2020: 403]; and Internet speed slowing. Multiple technical means can be used to achieve these goals (deep package inspection [DPI] to search for undesirable content and to block access to it and distributed denial of service [DDOS] attacks to slow or block access).

If online censorship makes information less accessible, then it is likely to lower the protest organizers’ capacity to use it to mobilize potential protesters. Censorship is likely to make it harder to criticize governments and to provide information about protest events logistics. Thus, I expect that online censorship makes formal offline CSOs important again for protest mobilization. It means that in a context with high Internet penetration coupled with high online censorship, the CSO repression effect

is likely to be lower in real numbers (more negative if it is negative and less positive if it is positive) than in contexts with the same Internet use level, but low online censorship. In other words, I expect that online censorship at high levels of Internet use complements offline CSO repression in its long-term impact on protester numbers.

I propose the following set of hypotheses about the ways in which Internet use and online censorship might modify the long-term CSO repression effect:

(H2) With low levels of online censorship, the higher the share of Internet users in the country population in year t , the higher in real numbers the long-term CSO repression effect on the maximum number of anti-government street protest event participants in year $t + 2$ in the same country under the same chief of executive power.

(H3) With high levels of online censorship, the share of Internet users in the country population in year t does not positively modify the long-term CSO repression effect on the maximum number of anti-government street protest event participants in year $t + 2$ in the same country under the same chief of executive power.

If censorship is high, then mass Internet use is not likely to weaken the negative repression effect and boost the positive effect, as positive effects of the Internet on protest mobilization are expected to be removed by censorship.

(H4) With a low level of Internet penetration, online censorship in year t does not modify the long-term CSO repression effect on the maximum number of anti-government street protest event participants in year $t + 2$ in the same country under the same chief of executive power. Low Internet use is likely to make online censorship levels irrelevant.

(H5) With a high level of Internet penetration, higher online censorship in year t will lower, in real numbers, the long-term CSO repression effect on the maximum number of anti-government street protest event participants in year $t + 2$ in the same country under the same chief of executive power.

However, there are some arguments in favor of alternative hypotheses. The Internet may be employed not only by single individuals or small groups of people to advance their ideas but also by traditional formal CSOs. Bennett and Segerberg, for example, also described organizationally enabled networks in connective action [Bennett, Segerberg, 2012]. CSOs generate inclusive personal action frames, provide social technologies for ordinary protesters, and moderate personal expression. Using World Values Survey data¹⁰, Anderson demonstrated that the frequent personal Internet use effect on personal protest mobilization was higher for formal CSO members [Anderson, 2021]. She argued that people who acquired political skills and networks of trust in CSOs are better prepared to use the Internet for their political purposes.

Moreover, a CSO can choose the Internet as a new, cheap, and relatively free (in case of no or little online censorship) channel of communication with their existing supporters and in the recruitment of new ones. Thus, the Internet can make CSOs even more efficient in protest mobilization and coordination, which is likely to make offline repression against them more efficient (the effect on protester numbers becomes more negative). If this line of reasoning is correct, then online censorship is likely to make the offline CSO repression effect less negative and even positive.

¹⁰ WVS Wave 6. (2010—2014) *World Values Survey*. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp> (accessed: 19.07.2021).

Case Selection, Variables, and Data Sources

Case selection. The idea of my research is to test the hypotheses with data on a large number of countries for long periods of time. At the first stage, I used the Mass Mobilization Project Database 3.0¹¹ (MMPD) [Clark, Regan, 2016] to select cases (observations). This database has the largest coverage of countries among the datasets with event-level information about street protests. It contains information about gatherings of more than 50 unarmed people with demands in 162 countries from 1990 to 2018, which approaches global coverage¹². Given the fact that I test effects of repression in year $t + 2$ after its use, the set of all probable observations at the first stage consists of all country-years from 1990 to 2016 for independent and control variables and from 1992 to 2018 for the dependent variable.

Then I used REIGN monthly data on the acting higher authorities¹³ which contains information about persons who possessed executive power and conducted internal policy in each country. In the REIGN dataset, I found country-years when the chief leader of executive power was the same during the whole year, calling these treatment country-years. Then for each treatment country-year, I checked whether the leader remained the same two years after treatment. After that, I found all treatment country-years for which country leader remained the same until the second post-treatment year. This group of observations I labeled as “uncensored”¹⁴. The group in which the leader changed I labelled “censored”. The period of time in the second post-treatment year where the leader was the same as in the corresponding treatment year is labeled as “outcome period”. For a full description of the procedure for revealing treatment and outcome periods, see Supplementary Materials (section 1)¹⁵.

Dependent variable. The dependent variable in this paper is the maximum number of participants in anti-government protest events in a country–year or the first part of the year before ruler change. Street protest is conceptualized as a non-institutional [Chenoweth, Stephan, 2011], public, collective¹⁶ action aimed at making claims on other people or their groups [Tilly, Tarrow, 2015: 7] which happens primarily outside of buildings. In this paper, I concentrate only on anti-government protests, that is those targeted against the higher authorities of the state and/or their policies. By higher authorities, I mean the head of a body which really possesses executive power in the country as well as politicians and bureaucrats who are politically affiliated with him or her (for example, they are members of one political party). This definition is close to the understanding of the ruling coalition in the definition “ruling coalition spell” proposed by Svolik [Svolik, 2012: 21].

¹¹ Now version 3.0 is not the latest one, but I started to pre-process data when it was the latest. New versions have coverage of a larger number of years.

¹² Clark D., Regan P. (2016) MM_users_manual_0515.pdf (Mass Mobilization Protest Data). *Harvard Dataverse*. V3. P.2. <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL/TJZNG&version=3.0> (accessed: 26.07.2021).

¹³ Bell C. (2016) The Rulers, Elections, and Irregular Governance Dataset (REIGN). Broomfield (CO): OEF Research. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed: 26.07.2021).

¹⁴ The labels “uncensored” and “censored” refer to the notion of “loss to follow-up”. They are not related to online censorship.

¹⁵ Supplementary Materials and data for replication (final dataset on treatment country-years and pre-processed data from MMPD 3.0 [Clark, Regan, 2016]) are available at <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submit-sionFileId?fileId=10261&hash=7d97c6ab6e953ce1a30ecf48526a6ee9> (accessed: 26.11.2021).

¹⁶ Here “collective action” means that a group of people coordinating their actions participates in an event. The phrase “collective action” is not related to the distinction between collective and connective action proposed by Bennett and Segerberg [Bennett, Segerberg, 2012].

I use the MMPD 3.0 [Clark, Regan, 2016] as a data source for the number of protesters. According to the MMPD coding, a protest event is “a gathering of 50 or more people to make a demand of the government” (gatherings of people conducting armed attacks are not included)¹⁷. This definition covers anti-state protests and does not include cases of intergroup actions¹⁸. This allows me to treat events in the MMPD as anti-government street protests. The only problem with the definition of a protest event is that it explicitly does not cover pre-electoral rallies¹⁹. This limits the number of events for study and may bias estimates of all variables as these rallies may have a high participation level.

I use the variable “participants” in the MMPD [ibidem] to get information about the number of participants in each protest event. One part of the values is presented in numerical form, while the other is textual, which creates a measurement problem. To solve this, I designed rules of assigning numerical values to observations based on textual descriptions, which I present in Supplementary Materials (section 2).

After pre-processing the event participant number values, I took the maximal value for each outcome period (country-year or a part of a country-year). I include all event-years that start and finish before the end month for a country leader rule into the set of events for which the maximum number of participants was found (variable “outcome_part_num”). As values of this variable are inherently imprecise, I created a set of binary variables to indicate that the outcome number of protesters is higher than zero or equal to zero (the first binary outcome variable), lower than 100,000 or above (or equal to) 100,000 (the second binary outcome variable). This is preferable as the number of participants in events is frequently described as higher than some specific value. Thresholds indicate the presence of any protest and the occurrence of large protests²⁰.

Independent variable. The severity of repression against CSOs is an independent variable. On the conceptual level, by repression I mean an act of state authorities and/or its agents intended to impose costs (in terms of life, health, personal welfare, freedom of movement, and freedom from persecution) on particular individuals and groups of individuals because of their alleged participation in activities challenging authorities and/or their policies. The severity of repression is the level of costs that are imposed on those who are repressed.

As for the definition of CSO, I follow the approach proposed by the authors of the V-Dem Project (but provide a shorter definition): a CSO is a group of people who “pursue their collective (*political and civic*) interests and ideas” which “... enjoys autonomy from the state”²¹.

¹⁷ Clark D., Regan P. (2016) MM_users_manual_0515.pdf (Mass Mobilization Protest Data). *Harvard Dataverse*. V3. P. 2—4. <https://dataverse.harvard.edu/file.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL/TJJZNG&version=3.0> (accessed: 26.07.2021).

¹⁸ Ibid.: P. 3—4.

¹⁹ Ibid.: P. 4.

²⁰ Unfortunately, it was impossible to use one million as a threshold as perfectly predicted values occur, which is a risk for parameter convergence.

²¹ Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish S., Gastaldi L., Gjerl w H., Glynn A., Hicken A., L hrmann A., Maerz S., Marquardt K., McManh K., Mechkova V., Paxton P., Pemstein D., von R mer J., Seim B., Sigman R., Skaaning S.-E., Staton J., Sundr m A., Tzelgov E., Uberti L., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2021b). V-Dem Codebook v11. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. P. 53. URL: <https://www.v-dem.net/dsarchive.html> (accessed: 25.11.2021).

As for the operationalization of the independent variable, I use the ordinal version of V-Dem variable “CSO repression” for this purpose. It contains information about the costs that an autonomous CSO as well as its leaders and activists pay due to government attempts to repress them during the year in the country under consideration. To give more severe repression a higher value, I reversed the scale. The reordered variable is labeled “repression_ord” (see description in Supplementary Materials).

Intervening variables. Internet penetration (Internet users share, IUS) is the share of people who have access to the Internet across the whole country population in a year. Data on its level is taken from the World Bank in the variable “Individuals using the Internet (% of population)”²². Information for this variable was collected by the International Telecommunication Union and covers the period from 1990 to 2019 for the majority of countries.

By online censorship, I mean attempts by the state and its agents to make access to some politically relevant information on the Internet more difficult or completely impossible through technical means. This variable is operationalized as the “Internet censorship effort” variable in the V-Dem 11 database. It is focused on types of censorship such as filtering (blocking access to websites), DDOS attacks, and shutdowns. These actions are not treated as censorship if they are targeted against classified military or intelligence material, child pornography, defamatory speech, and offense to religion²³. I multiplied the “Internet censorship effort” variable by -1 to make observations with higher censorship have higher values. The new variable is named “IC”. All intervening variables refer to the same year as the independent variable.

Control variables. I try to tackle omitted variable bias by controlling for the following set of variables. First, I control for the total population of the country, as the set of people who can protest is more numerous in more populated countries. I use the “Population” variable from the V-Dem 11 dataset [Coppedge et al., 2021], which is originally taken from World Development Indicators²⁴. Second, I control for GDP per capita as a proxy for state capacity to enable repression [Fearon, Laitin, 2003] and as a proxy of the material resources that people have available to divert to political activism. I take the values of this variable from the “GDP per capita” variable in the V-Dem 11 dataset [Coppedge et al., 2021] which comes from the Maddison Project Database²⁵ [Bolt, van Zanden, 2014]. Moreover, I take into account the GDP per capita growth rate as it might be negatively related to protest participation (an economic downturn is likely to provoke discontent, as suggested by the literature on the economic determinants of political support [Treisman, 2011]). This variable is calculated from the values of the “GDP per capita” variable. In addition, I control for the urbanization level as mass

²² Individuals using the Internet (% of population). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS> (accessed: 02.03.2021).

²³ Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Lührmann A., Maerz S., Marquardt K., McMann K., Mechkova V., Paxton P., Pemstein D., von Römer J., Seim B., Sigman R., Skaaning S.-E., Staton J., Sundström A., Tzelgov E., Uberti L., Wang Y., Wig T., Ziblatt D. (2021b). V-Dem Codebook v11. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. P. 200—201. URL: <https://www.v-dem.net/dsarchive.html> (accessed: 25.11.2021).

²⁴ The World Bank. (2019) World Development Indicators 2019. Washington: World Bank.

²⁵ Bolt J., van Zanden J. (2020) Maddison Style Estimates of the Evolution of the World Economy. A new 2020 update. URL: <https://www.rug.nl/ggd/historicaldevelopment/maddison/publications/wp15.pdf> (accessed: 22.11.2021).

protests are more likely in large cities and urbanization may signify the level of state development and capacity to use repression [Tilly, Tarrow, 2015]. The data source for urbanization values is the World Bank²⁶. Furthermore, I included a dummy variable for civil war in a country in year t because it signifies the readiness of state forces to apply violent tactics and high conflict potential in a country, which can lead to greater protest participation. The data source for information on civil wars is the UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset (version 20.1)²⁷ [Gleditsch, Wallensteen, Eriksson, Sollenberg, Strand, 2002; Petterson, Öberg, 2020].

In addition, I use the variable “High court independence” from V-Dem 11, which indicates the level of judicial independence in a country, because independent courts are demonstrated to be negatively associated with repression thus allowing more free environment for protest [Hill, Jones, 2014; Conrad, Ritter, 2019]. Then, I include the binary variable indicating whether there were national presidential or parliamentary elections in the country as protest participation may be higher during and after electoral campaigns. I drew information about elections from V-Dem 11 variables “Legislative or constituent assembly election” and “Presidential elections” [Coppedge et al., 2021]. Finally, I include V-Dem 11 variables “Free and fair elections” and “Government censorship effort”²⁸ as free and fair elections coupled with uncensored print and broadcast media might deter repression (due to fear of voter retribution and increased expected protest mobilization due to free flow of information [Tanneberg, 2020] and open opportunities for protest [Tilly, Tarrow, 2015]).

Endogeneity concerns are addressed by controlling for the maximal number of protest event participants in the treatment year, which might affect the adaptive expectations of authorities relative to the possible scale of protest activity in the longer term. With the same purpose, I include the variable “CSO participatory environment” from V-Dem 11 [Coppedge et al., 2021], as authorities might treat a high level of participation in CSOs as a sign of the high potential for future protest [Tilly, Tarrow, 2015].

Empirical Methods and Results

To find unconditional and conditional CSO repression effects, I work with two versions of the dataset. The first excludes information on Internet censorship, which allows me to include country-years without Internet users. The results that I obtained in this version are presented in the Supplementary Materials (see tables SM.3–SM.14). The second includes the Internet censorship variable, which does not allow me to use the majority of observations with null IUS. In all cases before estimation of any effect, I have to account for the fact that for some treatment country-years we do not have an outcome variable. The primary explanation for this lack of information is that the chief of executive power changed after year t , but before year $t + 2$. To the extent that this authority change is related to CSO repression and its effects (for example, the ruler lost power due to protests erupted after attempts to repress opponents), the estimates of

²⁶ Urban population (% of total population). *The World Bank*. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (accessed: 20.07.2021).

²⁷ Petterson T. (2020) UCDP Actor Dataset Codebook v 20.1. *Uppsala Conflict Data Program*. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/> (accessed: 22.11.2021).

²⁸ This variable covers only print (newspapers) and broadcast (TV, radio) media outlets.

long-term effect might become biased [Nunan, Aronson, Bankhead, 2018]. To remove this bias, I weighted each observation in each model by the inverse probability of loss to follow-up (censoring) [Robins, Hernan, Brumback, 2000]. This technique allows me to make the sample of country-years for which we can measure the outcome resemble the initial set of all treatment country-years (with various treatment regimes). The probabilities of presence and loss to follow-up (in fact, propensity scores) are estimated with logistic regression models of censoring indicators on independent and control variables (including intervening variables). See formulas for weights calculation in Supplementary Materials (section 4).

I use a set of linear and logistic models to estimate the CSO repression effect on the maximum number of protesters two years after repression use. The linear model parameters are obtained via weighted least squares. The logistic model parameter estimates are obtained through the weighted maximum likelihood method. Each model contains year-fixed effects which help to control for the difference in the propensity to take part in protests across time. Moreover, year-fixed effects account for the international diffusion of protest waves (such as the Arab Spring). However, I decided not to include unit fixed effects. I am interested in the effects of between-country variation in repression — unit fixed effects keep only within-country variation, which is likely to be small [Beck, Katz, 2001]. Moreover, unit fixed effects do not allow to separately study the effects of qualitatively different forms of repression as it amounts to finding the deviation from the within-country mean repression severity.

The problem of such an approach is the lack of independence between observations with the same country leaders. I try to account for this problem by using more conservative standard errors that are robust to clustering. I use “spell_id” (time period with an uninterrupted rule of one person in one country) as a cluster. All calculations have been realized in R programming language (see Supplementary Materials).

Unconditional CSO repression effects

First, I decided to estimate the CSO repression effect on the logged outcome participant numbers with the linear model (see specification in Supplementary Materials, section 5, subsection 1).

In this and all other models, I treat repression as an ordinal variable. It allows me to estimate the effects of various qualitative levels of repression severity. When I proceed to the conditional effect, this enables me to find the conditional effects of each qualitative repression severity level.

The results do not confirm Hypothesis 1. Weak repression (such as fines and job dismissal of activists) leads to an increase in protesters two years after its use, while other forms of repression do not affect the dependent variable (see table 1).

As data on participant numbers are inherently imprecise, I also estimated the set of logistic regressions. The dependent variables in these models are binary indicators showing whether the outcome number of participants is not lower than some threshold value a ($a = 1$, $a = 100,000$). The thresholds were selected so that they indicate boundaries for any protest (even small) and for large protests. The model specifications are presented in the Supplementary Materials (section 5, subsection 2).

Table 1. Average marginal effects (AME) of CSO repression on logged outcome participant numbers (linear model; data with IC)²⁹

Factor	AME	SE	Z	P	Lower	Upper
repression_ord1 ³⁰	0.7606	0.3194	2.3816	0.0172	0.1347	1.3866
repression_ord2	0.4525	0.3965	1.1414	0.2537	-0.3245	1.2296
repression_ord3	-0.3571	0.5572	-0.6409	0.5216	-1.4493	0.7350
repression_ord4	-0.4678	1.1194	-0.4179	0.6760	-2.6617	1.7261

The results demonstrate that weak repression increases the probability that protests will occur. Effects of other repression types on protest occurrence are not distinguishable from null in a statistical sense (see table 2).

Table 2. Average marginal effects (AME) of CSO repression on the probability of any protest occurrence (a = 1) (logistic model; data with IC)

Factor	AME	SE	Z	P	Lower	Upper
repression_ord1	0.0907	0.0379	0.0166	0.0166	0.0165	0.1650
repression_ord2	0.0799	0.0459	1.7433	0.0813	-0.0099	0.1698
repression_ord3	-0.0198	0.0669	-0.2958	-0.1510	-0.1510	0.1114
repression_ord4	0.0439	0.1518	0.2888	-0.2537	-0.2537	0.3414

Table 3 shows estimates of repression effects on large protest event probability. The complete and violent destruction of organizations (repression_ord = 4) decreases the likelihood of large protests (with more than 100,000 participants). The effect of other repression types is not detected.

Table 3. Average marginal effects (AME) of CSO repression on the probability of protests with 100 thousand participants and more (a = 100 000) (logistic model; data with IC)

Factor	AME	SE	Z	P	Lower	Upper
repression_ord1	0.0243	0.0176	1.3805	0.1674	-0.0102	0.0589
repression_ord2	0.0330	0.0280	1.1779	0.2388	-0.0219	0.0880
repression_ord3	0.0217	0.0422	0.5142	0.6071	-0.0609	0.1043
repression_ord4	-0.0433	0.0083	-5.2015	0.0000	-0.0596	-0.0270

The results indicate that the primary function of harsh repression is to prevent large protests, not all protests.

I cannot claim full confirmation of H1 as we have evidence in favor of a curvilinear (inverted-U) effect of CSO repression, which becomes more clear if we change the reference level of “repression_ord” from 0 to 3 (see table 4).

²⁹ In the article, I present only tables with average marginal effects. Information about regression parameter estimates and their significance can be found in the Supplementary Materials.

³⁰ “repression_ord1” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 1 and 0 in other cases, “repression_ord2” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 2 and 0 in other cases, “repression_ord3” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 3 and 0 in other cases, “repression_ord4” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 4 and 0 in other cases.

Table 4. Average marginal effects (AME) of CSO repression on logged outcome participant numbers (linear model; data with IC variable; the reference level is 3)

Factor	AME	SE	Z	P	Lower	Upper
repression_ord_3ref0 ³¹	0.3571	0.5572	0.6409	0.5216	-0.7350	1.4493
repression_ord3_ref1	1.1178	0.4419	2.5293	0.0114	0.2516	1.9839
repression_ord3_ref2	0.8096	0.3692	2.1932	0.0283	0.0861	1.5332
repression_ord3_ref4	-0.1107	0.9793	-0.1131	0.9100	-2.0301	1.8087

All models except the one estimating the effect on the probability of protests with more than 100,000 people demonstrate the positive and significant difference between weak repression of levels 1 and 2 and harsh repression of level 3 (imprisonment, criminal persecution, beatings, destruction of valuable property)) (see tables SM.21–SM.26 in the Supplementary Materials).

Conditional CSO repression effects

To estimate conditional effects, I use linear and logistic regression models with triple interaction (model includes interaction terms with three and two variables). See their specifications in the Supplementary Materials (section 5, Subsection 3—4).

First, I estimate how Internet penetration modifies the CSO repression effect at low and high levels of Internet censorship (IC). The point indicating a low level of Internet censorship is quantile 0.25 for all years in the data: -1.652. The high level of Internet censorship is quantile 0.75 for all years in the data: 0.593. Low levels of Internet users share (IUS) are defined as the minimum value for the last year (2016) in my data sample (1.18% of the country population). A high level of Internet users share is the quantile 0.75 for the year 2016 which is 71.61% of the country population. 20.35% and 44.19% are quantiles 0.25 and 0.5 for the year 2016, respectively, which represent low and medium levels of Internet penetration. Let us look at the results for the test of Hypothesis 2.

The linear model with logged protesters number as the dependent variable gives the following results. At low levels of IC, the growth in IUS makes the effect of weak repression positive. The effects of other repression levels are indistinguishable from zero at all levels of IUS (see table 5).

The logistic model for protest event probability shows that the effect of harsh repression of level 4, which is significant and negative at the low level of IUS (given low censorship), becomes indistinguishable from zero at higher levels of IUS. Complete CSO destruction prevents protest at low levels of Internet penetration and low levels of IC. Estimates of other repression levels effects do not differ from zero from a statistical point of view (see table 6).

³¹ “repression_ord_3ref0” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 0 and 0 in other cases, “repression_ord_3ref1” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 1 and 0 in other cases, “repression_ord_3ref2” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 2 and 0 in other cases, “repression_ord_3ref4” — dummy variable which equals 1 when repression_ord = 4 and 0 in other cases.

Table 5. Average marginal conditional effects of CSO repression on logged participant numbers at quantiles 0, 0.25, 0.5 and 0.75 of IUS in 2016 (linear model; IC = -1.65)

Factor	IUS	AME	Lower	Upper
repression_ord1	1.1771	0.2672	-0.5489	1.0833
repression_ord1	20.3525	0.7342	0.0497	1.4188
repression_ord1	44.1893	1.3148	0.4421	2.1876
repression_ord1	71.6076	1.9827	0.6273	3.3381
repression_ord2	1.1771	0.8332	-0.3926	2.0590
repression_ord2	20.3525	1.3315	-0.4881	3.1510
repression_ord2	44.1893	1.9508	-2.0357	5.9374
repression_ord2	71.6076	2.6633	-4.0098	9.3363
repression_ord3	1.1771	0.3241	-1.2785	1.9266
repression_ord3	20.3525	-0.3460	-1.9547	1.2628
repression_ord3	44.1893	-1.1788	-3.7670	1.4093
repression_ord3	71.6076	-2.1369	-6.2632	1.9895
repression_ord4	1.1771	-4.7326	-10.7496	1.2844
repression_ord4	20.3525	-3.8255	-9.6815	2.0305
repression_ord4	44.1893	-2.6979	-9.6583	4.2625
repression_ord4	71.6076	-1.4009	-10.7489	7.9472

Table 6. Average marginal conditional effects of CSO repression on any protest event probability at quantiles 0, 0.25, 0.5, and 0.75 of IUS in 2016 (logistic model; IC = -1.65)

Factor	IUS	AME	Lower	Upper
repression_ord1	1.1771	0.0051	-0.0945	0.1048
repression_ord1	20.3525	0.0461	-0.0428	0.1349
repression_ord1	44.1893	0.0931	-0.0284	0.2146
repression_ord1	71.6076	0.141	-0.0293	0.3113
repression_ord2	1.1771	0.0831	-0.0526	0.2188
repression_ord2	20.3525	0.1314	-0.0157	0.2784
repression_ord2	44.1893	0.1824	-0.068	0.4328
repression_ord2	71.6076	0.2288	-0.0936	0.5513
repression_ord3	1.1771	0.0754	-0.1078	0.2586
repression_ord3	20.3525	-0.0396	-0.25	0.1709
repression_ord3	44.1893	-0.1984	-0.557	0.1603
repression_ord3	71.6076	-0.371	-0.8622	0.1202
repression_ord4	1.1771	-0.5182	-0.978	-0.0583
repression_ord4	20.3525	-0.3787	-1.0819	0.3246
repression_ord4	44.1893	-0.1265	-1.1021	0.849
repression_ord4	71.6076	0.1405	-0.7689	1.0499

The logistic model for large protest event probability shows that the effect of weak repression of level 1 transforms from indistinguishable from zero into significantly positive. Repression of levels 2 and 3 do not have an effect, while the most severe form 4 affects protests negatively at all levels of IUS (see table 7).

Table 7. Average marginal conditional effects of CSO repression on large protest event probability at quantiles 0, 0.25, 0.5, and 0.75 of IUS in 2016 (logistic model; IC = -1.65)

Factor	IUS	AME	Lower	Upper
repression_ord1	1.1771	-0.0065	-0.0511	0.0382
repression_ord1	20.3525	0.0153	-0.0245	0.0552
repression_ord1	44.1893	0.0457	0.0008	0.0906
repression_ord1	71.6076	0.0861	0.0074	0.1648
repression_ord2	1.1771	0.0496	-0.0509	0.1501
repression_ord2	20.3525	0.0082	-0.0743	0.0906
repression_ord2	44.1893	-0.017	-0.0877	0.0538
repression_ord2	71.6076	-0.0251	-0.0689	0.0187
repression_ord3	1.1771	0.0039	-0.189	0.1968
repression_ord3	20.3525	-0.0125	-0.1076	0.0827
repression_ord3	44.1893	-0.0222	-0.0897	0.0452
repression_ord3	71.6076	-0.0248	-0.0807	0.0311
repression_ord4	1.1771	-0.0568	-0.0881	-0.0255
repression_ord4	20.3525	-0.0493	-0.0688	-0.0298
repression_ord4	44.1893	-0.0411	-0.0575	-0.0248
repression_ord4	71.6076	-0.0332	-0.0557	-0.0108

Tables 5—7 do not provide full confirmation for Hypothesis 2, but the repression effect modification implied by Hypothesis is relevant for the weakest and the strongest forms of repression.

As for IUS modification of repression effects at high levels of censorship (Hypothesis 3), there is no evidence against it: growth in IUS does not lead to a statistically significant increase of the repression effect (in real numbers) in any of the models. In contrast, the weak repression effect on any protest event probability ceased to be positive at high IUS levels (see table SM.29, SM.34, and SM.39 in the Supplementary Materials).

Second, I estimate how online censorship changes the repression effect at low and high levels of Internet penetration. At high levels of Internet penetration (Hypothesis 5), the linear model estimation results show that higher online censorship makes the weak repression effect decrease such that it ceases to be significantly positive (see table 8).

Table 8. Average marginal conditional effects of CSO repression on logged participant numbers at quantiles 0.25, 0.5, 0.75, 0.9, and 0.95 of IC (linear model; IUS = 71.6)

Factor	IC	AME	Lower	Upper
repression_ord1	-1.652	1.9827	0.6273	3.3381
repression_ord1	-0.831	0.6705	-1.1838	2.5248
repression_ord1	0.593	-1.6054	-5.9384	2.7276
repression_ord1	1.826	-3.576	-10.2786	3.1266
repression_ord1	2.393	-4.4822	-12.2899	3.3254
repression_ord2	-1.652	2.6633	-4.0098	9.3363
repression_ord2	-0.831	1.5031	-3.1112	6.1174
repression_ord2	0.593	-0.5093	-4.0969	3.0783
repression_ord2	1.826	-2.2517	-8.4367	3.9333
repression_ord2	2.393	-3.053	-10.8058	4.6998
repression_ord3	-1.652	-2.1369	-6.2632	1.9895
repression_ord3	-0.831	-2.2886	-5.6307	1.0536
repression_ord3	0.593	-2.5517	-6.1509	1.0475
repression_ord3	1.826	-2.7795	-7.9503	2.3912
repression_ord3	2.393	-2.8843	-8.9578	3.1891
repression_ord4	-1.652	-1.4009	-10.7489	7.9472
repression_ord4	-0.831	-2.1591	-9.0006	4.6824
repression_ord4	0.593	-3.4741	-7.4717	0.5235
repression_ord4	1.826	-4.6128	-10.0744	0.8487
repression_ord4	2.393	-5.1364	-12.124	1.8511

However, there is no significant evidence of effect modification in the model predicting the occurrence of any protest (see table 9).

Table 9. Average marginal conditional effects of CSO repression on any protest event occurrence probability at quantiles 0.25, 0.5, 0.75, 0.9, and 0.95 of IC (logistic model; IUS = 71.6)

Factor	IC	AME	Lower	Upper
repression_ord1	-1.652	0.141	-0.0293	0.3113
repression_ord1	-0.831	0.0969	-0.0929	0.2866
repression_ord1	0.593	0.0263	-0.3953	0.448
repression_ord1	1.826	-0.0277	-0.6746	0.6193
repression_ord1	2.393	-0.0502	-0.8009	0.7006
repression_ord2	-1.652	0.2288	-0.0936	0.5513
repression_ord2	-0.831	0.1719	-0.082	0.4257
repression_ord2	0.593	0.0748	-0.2046	0.3542
repression_ord2	1.826	-0.0067	-0.4854	0.4721
repression_ord2	2.393	-0.0432	-0.6488	0.5624

Factor	IC	AME	Lower	Upper
repression_ord3	-1.652	-0.371	-0.8622	0.1202
repression_ord3	-0.831	-0.304	-0.7481	0.1401
repression_ord3	0.593	-0.1648	-0.5108	0.1811
repression_ord3	1.826	-0.0567	-0.4228	0.3094
repression_ord3	2.393	-0.0184	-0.4089	0.3721
repression_ord4	-1.652	0.1405	-0.7689	1.0499
repression_ord4	-0.831	0.0278	-0.7421	0.7977
repression_ord4	0.593	-0.1885	-0.5599	0.1829
repression_ord4	1.826	-0.3809	-0.9327	0.1708
repression_ord4	2.393	-0.465	-1.2212	0.2912

Online censorship also changes the repression effect on large protest probability. Lower censorship makes the weak repression effect significantly positive which conforms to Hypothesis 5. There is no evidence of moderation for other repression severity levels (see table 10).

Table 10. Average marginal conditional effects of CSO repression on large protest event occurrence probability at quantiles 0.25, 0.5, 0.75, 0.9, and 0.95 of IC (logistic model; IUS = 71.6)

Factor	IC	AME	Lower	Upper
repression_ord1	-1.652	0.0861	0.0074	0.1648
repression_ord1	-0.831	0.0265	-0.0326	0.0857
repression_ord1	0.593	-0.0213	-0.1336	0.0911
repression_ord1	1.826	-0.0348	-0.2084	0.1388
repression_ord1	2.393	-0.0378	-0.2423	0.1667
repression_ord2	-1.652	-0.0251	-0.0689	0.0187
repression_ord2	-0.831	-0.0215	-0.0816	0.0386
repression_ord2	0.593	-0.0083	-0.1278	0.1112
repression_ord2	1.826	0.0147	-0.2269	0.2564
repression_ord2	2.393	0.0305	-0.3122	0.3732
repression_ord3	-1.652	-0.0248	-0.0807	0.0311
repression_ord3	-0.831	-0.0211	-0.0974	0.0553
repression_ord3	0.593	-0.0074	-0.1356	0.1207
repression_ord3	1.826	0.0162	-0.1763	0.2087
repression_ord3	2.393	0.0323	-0.211	0.2756

Factor	IC	AME	Lower	Upper
repression_ord4	-1.652	-0.0332	-0.0557	-0.0108
repression_ord4	-0.831	-0.0345	-0.0808	0.0118
repression_ord4	0.593	-0.0369	-0.1467	0.0729
repression_ord4	1.826	-0.0391	-0.212	0.1339
repression_ord4	2.393	-0.0401	-0.2443	0.1641

There is no full confirmation of Hypothesis 5, only the effects of the weakest repression change in conformity with this hypothesis in some specifications.

As for the impact of online censorship on the repression effect at low levels of Internet penetration (Hypothesis 4), it makes the effect of weak repression on any protest event probability significantly positive. The decrease in online censorship, on the other hand, makes the effect of complete and violent CSO destruction on both large protest event probability and any protest event probability negative (see tables SM.30, SM.35, and SM.40 in the Supplementary Materials). These results reject Hypothesis 4.

Discussion and Conclusion

The regression analysis results enable me to make preliminary conclusions about the effects of various repression types and the ways in which Internet penetration and Internet censorship modify them. First, long-term CSO repression is more efficient in large protest prevention than in the prevention of other protests. Though harsh repression reduces the likelihood of large protests, none of the repression types is demonstrated to decrease the number of protesters in general and the likelihood of a protest event with any number of participants. This result may be explained by the proposition that it is not difficult to mobilize a relatively small number of people, even in repressive contexts. The negative effects of resource depletion might be compensated by increased CSO opposition to the government that represses them and by CSO adaptation to repression. This logic is supported by the result that the weakest form of repression increases the probability of protest event occurrence and the number of participants. However, statistical analysis shows that it is difficult to mobilize a large number of protesters if CSOs are destroyed and their members are violently repressed. Other repression types do not exert a statistically significant and robust effect even on large protest probability, which might result from the inability to uncover effects due to the need to use conservative standard errors but could also signify large resilience to all repression except complete violent destruction. Unless repression violently and completely destroys CSOs, it is unable to prevent large protests.

The second important result is that the long-term repression effect on protesters number has an inverted-U form, which is close to the predictions of relative deprivation theory [Gurr, 1970]. Protest participation is reduced when weak repression forms are replaced with harsher forms, but the harsh repression does not reduce protester numbers in comparison with null repression.

As for the conditional effects, the growth of Internet users modifies the impact of offline repression on protest activity. Uncensored Internet strengthens the positive effects of weak repression and removes the negative effects of harsh repression where

they are present. These findings corroborate theoretically grounded ideas that offline repression is inefficient in terms of protest prevention and protester number reduction in the age of the developed Internet. Furthermore, high Internet penetration is likely to strengthen the positive effect of weak repression. The findings support the literature on the Internet as “liberation technology” [Diamond, 2010]. However, the Internet can be censored. Though online censorship cannot help repression to decrease protesters numbers, it reduces the long-term backlash effect of weak repression in the cases when IUS is high. However, this is the only discernible online censorship modification effect.

I see two avenues for future research. First, it is necessary to study the CSO repression effect in longer time horizons (not in year $t+2$, but further). The check of hypotheses at the period $t+3$, $t+4$, and beyond will be a good robustness check. It is probable that the hypothesized long-term effects materialize not after one year, but later. However, these claims should be tested on this dataset and other data sources. This will also serve as a further robustness check for obtained results.

At the same time, my inability to fully confirm all hypotheses and theoretical propositions for all CSO repression levels reveals the need for theoretical work concerning the impact of particular repression types with the Internet and particular censorship methods. This work is especially needed because the repression effect does not change linearly with the growth in their severity. Moreover, the ways that CSOs adapt to various repression forms, IUS growth and online censorship must be accounted for in further theoretical work.

All the results of this paper should not be regarded as a recommendation to use repression and/or censorship. Though some repression forms may in some contexts dampen protest activity in the long term, I do not advise using them as they (especially harsh forms) are very likely³² to constitute human rights violations³³. Moreover, repression has negative consequences for political leaders from an instrumental point of view. First, short-term repression costs in terms of protest waves might be prohibitive. Second, reliance on force to retain power requires the creation of strong repressive state organizations which increase the risk of coup d'état [Svolik, 2012]. Third, harsh collective repression leads to a higher risk of civil war initiation [Hultquist, 2017].

References

- Almeida P. (2003) Opportunity Organizations and Threat-Induced Contention: Protest Waves in Authoritarian Settings. *American Journal of Sociology*. Vol. 109. No. 2. P. 345—400. <https://doi.org/10.1086/378395>.
- Anderson A. (2021) «Networked» Revolutions? ICTs and Protest Mobilization in Non-Democratic Regimes. *Political Research Quarterly*. Vol. 74. No. 4. <https://doi.org/10.1177/1065912920958071>.
- Anduiza E., Cristancho C., Sabucedo J. (2014) Mobilization Through Online Social Networks: The Political Protest of the Indignados in Spain. *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 6. P. 750—764. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.808360>.

³² The classification of specific repression use cases as human rights violations is beyond the scope of the article.

³³ International Covenant on Civil and Political Rights. *United Nations*. URL: <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/ccpr.aspx> (accessed: 28.07.2021).

Ayanian A., Tausch N. (2016) How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists during the 2013 Post-Coup Uprising. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. No. 4. P. 700—721. <https://doi.org/10.1111/bjso.12164>.

Aytaç S., Schiumerini L., Stokes S. (2018) Why Do People Join Backlash Protests? Lessons from Turkey. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. No. 6. P. 1205—1228. <https://doi.org/10.1177/0022002716686828>.

Bamman D., O'Connor B., Smith N. (2012) Censorship and Deletion Practices in Chinese Social Media. *First Monday*. Vol. 17. No. 3. <https://doi.org/10.5210/fm.v17i3.3943>.

Beck N., Katz J. (2001) Throwing Out the Baby with the Bath Water: A Comment on Green, Kim and Yoon. *International Organization*. Vol. 55. No. 2. P. 487—495. <https://doi.org/10.1162/00208180151140658>.

Bennett W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Bolt J., van Zanden J. (2014) The Maddison Project: Collaborative Research on Historical National Accounts. *Economic History Review*. Vol. 67. No. 3. P. 627—651. <https://doi.org/10.1111/1468-0289.12032>.

Brockett Ch. (2005) *Political Movements and Violence in Central America*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511614378>.

Carey S. (2006) The Dynamic Relationship between Protest and Repression. *Political Research Quarterly*. Vol. 59. No. 1. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/106591290605900101>.

Chenoweth E., Stephan M. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict* (Columbia Studies in Terrorism and Irregular Warfare). New York: Columbia University Press.

Clark D., Regan P. (2016) Mass Mobilization Protest Data. Harvard Dataverse. V3. <https://doi.org/10.7910/DVN/HTTWYL/TJJZNG>.

Clarke K., Kocak K. (2020) Launching Revolution: Social Media and the Egyptian Uprising's First Movers. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 3. P. 1025—1045. <https://doi.org/10.1017/S0007123418000194>.

Conrad C., Ritter E. (2019) *Contentious Compliance: Dissent and Repression under International Human Rights Law*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190910976.001.0001>.

Coppedge M., Gerring J., Knutsen C., Lindberg S., Teorell J., Alizada N., Altman D., Bernhard M., Cornell A., Fish S., Gastaldi L., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Hindle G., Ilchenko N., Krusell J., Lührmann A., Maerz S., Marquardt K., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., von Römer J., Seim B., Sigman R., Skaaning S.-E., Staton J., Sundström A., Tzelgov E., Wang Y., Wig T., Wilson S., Ziblatt

- D. (2021) V-Dem [Country–Year/Country–Date] Dataset v11. Varieties of Democracy (V-Dem) Project. <https://doi.org/10.23696/vdemds21>.
- Diamond L. (2010) Liberation Technology. *Journal of Democracy*. Vol. 21. No. 3. P. 69—83. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/articles/liberation-technology/>.
- Enikolopov R., Makarin A., Petrova M. (2020) Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia. *Econometrica*. Vol. 88. No. 4. P. 1479—1514. <https://doi.org/10.3982/ECTA14281>.
- Fearon J., Laitin D. (2003) Ethnicity, Insurgency and Civil War. *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 1. P. 75—90. URL: <https://www.jstor.org/stable/3118222> (accessed: 22.11.2021).
- Fu D. (2017) Disguised Collective Action in China. *Comparative Political Studies*. Vol. 50. No. 4. P. 499—527. <https://doi.org/10.1177/0010414015626437>.
- Gleditsch N., Wallensteen P., Eriksson M., Sollenberg M., Strand H. (2002) Armed Conflict 1946—2001: A New Dataset. *Journal of Peace Research*. Vol. 39. No. 5. P. 615—637. <https://doi.org/10.1177/0022343302039005007>.
- Gurr T. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Hill D., Jones Z. (2014) An Empirical Evaluation of Explanations for State Repression. *American Political Science Review*. Vol. 108. No. 3. P. 661—687. <https://doi.org/10.1017/S0003055414000306>.
- Hultquist Ph. (2017). Is Collective Repression an Effective Counterinsurgency Technique? Unpacking the Cyclical Relationship between Repression and Civil Conflict. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 34. No. 5. P. 507—525. <https://doi.org/10.1177/0738894215604972>.
- Kuran T. (1995) The Inevitability of Future Revolutionary Surprises. *American Journal of Sociology*. Vol. 100. No. 6. P. 1528—1551. URL: <https://www.jstor.org/stable/2782680> (accessed: 22.11.2021).
- Little A. (2016) Communication Technology and Protest. *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 1. P. 152—166. <https://doi.org/10.1086/683187>.
- Lohmann S. (1994). The Dynamics of Informational Cascades. The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—91. *World Politics*. Vol. 47. No. 1. P. 42—101. <https://doi.org/10.2307/2950679>.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511805431>.
- McCarthy J., Zald M. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A partial Theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6. P. 1212—1241. URL: <https://www.jstor.org/stable/2777934> (accessed: 22.11.2021).
- Nunan D., Aronson J., Bankhead C. (2018) Catalogue of Bias: Attrition Bias. *BMJ Evidence-Based Medicine*. Vol. 23. No. 1. P. 21—22. <https://doi.org/10.1136/ebmed-2017-110883>.

- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Opp K., Roehl W. (1990) Repression, Micromobilization, and Political Protest. *Social Forces*. Vol. 69. No. 2. P. 521—547. <https://doi.org/10.1093/sf/69.2.521>.
- Pemstein D., Marquardt K., Tzelgov E., Wang Y., Medzihorsky J., Krusell J., Miri F., von Römer J. (2021) *The V-Dem Measurement Model: Latent Variable Analysis for Cross-National and Cross-Temporal Expert-Coded Data. V-Dem Working Paper No. 21*. 6th edition. University of Gothenburg: Varieties of Democracy Institute.
- Petterson T., Öberg M. (2020) Organized Violence, 1989—2019. *Journal of Peace Research*. Vol. 57. No. 4. P. 597—613. <https://doi.org/10.1177/0022343320934986>.
- Pierskalla J. (2010) Protest, Deterrence and Escalation: The Strategic Calculus of Government Repression. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 54. No. 1. P. 117—145. <https://doi.org/10.1177/0022002709352462>.
- Roberts M. (2020) Resilience to Online Censorship. *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. P. 401—419. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050718-032837>.
- Robins J., Hernan M., Brumback B. (2000) Marginal Structural Models and Causal Inference in Epidemiology. *Epidemiology*. Vol. 11. No. 5. P. 550—560. <https://doi.org/10.1097/00001648-200009000-00011>.
- Rød E., Weidmann N. (2015) Empowering Activists or Autocrats? The Internet in Authoritarian Regimes. *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 3. P. 338—351. <https://doi.org/10.1177/0022343314555782>.
- Rudolfson I. (2021) Food Price Increase and Urban Unrest: The Role of Societal Organizations. *Journal of Peace Research*. Vol. 58. No. 2. P. 215—230. <https://doi.org/10.1177/0022343319899705>.
- Rujigrok K. (2017) From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes. *Democratization*. Vol. 24. No. 3. P. 498—520. <https://doi.org/10.1080/13510347.2016.1223630>.
- Svolik M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09781139176040>.
- Tilly Ch., Tarrow S. (2015) *Contentious Politics*. New York, NY: Oxford University Press.
- Tanneberg D. (2020) *The Politics of Repression Under Authoritarian Rule: How Steadfast Is the Iron Throne?* Cham: Springer International Publishing.
- Tilly Ch. (1977) *From Mobilization to Revolution*. CRSO Working Paper No. 156. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
- Treisman D. (2011) Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin. *American Journal of Political Science*. Vol. 55. No. 3. P. 590—609. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00500.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2042](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042)

Р. В. Парма

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВАХ

Правильная ссылка на статью:

Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145—170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.

For citation:

Parma R. V. (2021) Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>. (In Russ.)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВАХ

ПАРМА Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: rvparma@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования специфики общественной активности россиян в онлайн- и офлайн-средах. Цель работы — выявление взаимосвязи социальных и политических действий российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах. Методология исследования опирается на сетевой и необихевиористский подходы, а также на концепции социальных движений и политического участия. Эмпирическая основа работы — онлайн-опрос по квотируемой репрезентативной выборке ($N = 1600$). Автор оценивает интенсивность, масштаб, характер, направленность, факторы и эффекты вовлеченности граждан в общественную активность, а также сегментирует российских граждан по политическим установкам лояльности, оппозиционности и отрешенности.

В целом среди российских граждан выявляются слабая общественная консолидация и низкая интенсивность общественного участия, преобладает разобщенность в готовности к совместным действиям. В общественных установках население проявляет выраженную отстраненность от политической активности и распо-

PUBLIC ACTIVISM OF RUSSIAN CITIZENS IN OFFLINE AND ONLINE SPACES

Roman V. PARMA¹ — Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor at the Department of Political Science and Mass Communications
E-MAIL: rvparma@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

¹ Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The paper studies of the specifics of social activity of Russians in online and offline spaces. The aim of the work is to identify the relationship between social and political actions carried out by Russian citizens offline and online. The research methodology is based on network and non-behavioral approaches, as well as on the concept of social movements and political participation. The empirical basis of the work is an online survey on a quota representative sample ($N = 1600$). The author assesses the intensity, scale, nature, focus, factors, and effects of citizens' involvement in public activity, and also segments Russian citizens according to political attitudes of loyalty, opposition, and detachment.

The study reveals weak social consolidation and low intensity of public participation among Russian citizens; disunity prevails in readiness for joint action. In social attitudes, the population shows a pronounced detachment from political activity and a disposition to social activity. Citizens tend to unite primarily to address issues of environment, animal rights, and low living standards. More significant motives of social activity than material incentives are benefits to other people, moral duty, common cause,

ложенность к социальной активности. Граждане склонны объединяться прежде всего для решения проблем экологии, защиты животных и низкого уровня жизни. Более значимыми мотивами общественной активности, чем материальные стимулы, выступают польза другим людям, нравственный долг, общее дело, самореализация, влияние на власть, общение с людьми и получение нужных навыков. В общественной онлайн-активности преобладают кликтивистские формы, а офлайн граждане склонны участвовать в действиях по решению возникающих проблем на основании самоорганизации. Пассивное поведение большинства граждан сдерживает конверсию общественной активности из онлайн- в офлайн-пространство.

Выявленные корреляции показывают наличие связи между онлайн- и офлайн-предпочтениями при выборе субъектов взаимодействия для реализации гражданских инициатив. Интенсивность использования цифровых каналов коммуникации для реализации общественной активности связана с частотой участия в действиях офлайн, направленных на решение социальных и политических проблем. Внутренняя установка граждан на реализацию общественных инициатив предопределяет активность использования онлайн коммуникаций для более эффективных действий в офлайн. Значимая корреляция выявлена между социальной и политической активностью граждан. При этом частота подталкивающих к действиям информационных сообщений оказывает слабое влияние на общественную активность граждан.

self-realization, influence on power holders, communication with people, and the acquisition of useful skills. In public online activity, clicktivist forms prevail, and offline citizens tend to participate in actions to solve emerging problems on the basis of self-organization. The passive behavior of the majority of citizens hinders the conversion of public activity from online to offline space.

The revealed correlations show the presence of a connection between online and offline preferences when choosing subjects of interaction for the implementation of civic initiatives. The intensity of the use of digital communication channels for the implementation of public activity is associated with the frequency of participation in offline activities aimed at solving social and political problems. The internal attitude of citizens to the implementation of public initiatives predetermines the active use of online communications for more effective offline actions. A significant correlation was found between the social and political activity of citizens. At the same time, the frequency of information messages nudging to action has little effect on the public activity of citizens.

Ключевые слова: общественный активизм, социальная активность, политическая активность, гражданское участие, политическое участие, социальные сети, конверсия активности, онлайн-активизм, офлайн-активизм

Keywords: public activism, social activism, political activism, civic participation, political participation, social media, activity conversion, online activism, offline activism

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds at the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Контекст исследования

Способы взаимодействия граждан при проявлении общественной активности изменяются под влиянием цифровых технологий [Пырма, 2019]. По мере их распространения трансформируется ландшафт социальных движений, что стимулирует новые модели поведения и формы активности [Bimber, 2000]. Изначально пессимистичные концепции кризиса гражданского участия, связывающие массовое вовлечение в цифровую среду с отвлечением от общественных проблем, разобщенностью граждан, размыванием социального капитала и увяданием демократии в процессе смены поколений, оказались несостоятельными [Putnam, 2000].

Интернет и цифровые коммуникации в целом приобрели большее общественное значение, что повлекло за собой развитие гражданских практик и ценностей [Boulianne, 2009]. Цифровые медиа создали в общественной активности как «эффекты большого размера», способствующие более мощной мобилизации, так и «эффекты теории 2.0», приводящие к новым формам социальных движений [Earl, Kimport, 2011]. Цифровые платформы сформировали онлайн-среду — второе виртуальное пространство действий для граждан [Kellerman, 2014]. Оптимистичные концепции общественного развития трактуют процессы, обусловленные расширением влияния цифровых коммуникаций, как открытие возможностей формирования новых форм активности, норм и моделей поведения, которые ведут к возрождению гражданского участия [Dalton, 2015].

Цифровые коммуникации радикально изменили информационный контекст и организационные процессы, создав широкие возможности сетевого взаимодействия граждан [Lewis, Gray, Meierhenrich, 2014]. Социальные медиа и мессенджеры стали технологической основой для вовлечения в социальные и политические движения, породив цифровой активизм (киберактивизм) [Sandoval-Almazan, Gil-Garcia, 2014]. Исследователи определяют его как общественный активизм, опосредованный цифровыми коммуникациями [Bennett, Segerberg, 2013], которые открыли новые возможности для действий граждан в организации сообществ и движений. Цифровой активизм по сравнению с традиционными формами активизма, несмотря на многочисленные онлайн-репродукции офлайн-мероприятий, открыл возмож-

ности для новых практик гражданских действий. Репертуары цифровых действий рассматриваются как часть технологического инструментария и виртуальных акций, которые используются для социальных изменений [Selander, Jarvenpaa, 2016].

В современных исследованиях обозначаются различные следствия изменений в общественном активизме. Одни полагают, что нарастающая общественная активность имеет важные последствия для отношений между индивидами, политическими институтами, гражданским обществом и государством, обуславливая необходимость защиты гражданской сферы в сочетании с расширением новых возможностей для гражданского участия и переосмысления демократии [Youngs, 2019]. Другие отмечают, что новые действующие лица оказались вовлечены в усилия по изменению социального порядка, а прежние — приспособились к новым способам организации, в результате чего появились и выросли оригинальные формы общественных движений. При этом происходящие трансформации не оказывают однозначно позитивного воздействия на общественное развитие [Young, Selander, Vaast, 2019].

В центре внимания данной работы находится современная российская практика объединения усилий граждан для решения общих социальных и политических задач в офлайн- и онлайн-средах. Ее цель состоит в выявлении взаимосвязи общественной активности российских граждан в обычном и цифровом пространствах коммуникаций, а прикладные задачи сформулированы следующим образом:

- 1) определить интенсивность общественной активности и ее зависимость от политических установок;
- 2) сопоставить использование каналов коммуникации и форм общественной активности граждан онлайн и офлайн;
- 3) соотнести практики социальной и политической активности граждан, выявив возможности и факторы конверсии общественной активности из онлайн-пространства в офлайн.

Определение понятий

Трактовка понятия «общественный активизм» не вызывает среди исследователей сильных разночтений. Любые индивидуальные или коллективные действия, направленные на выявление и решение значимых проблем, рассматриваются как общественная активность, которая анализируется в политическом, социальном, психическом и коммуникативном аспектах [Klandermans, 2004]. Общественный активизм также определяется как действия граждан, направленные на осуществление социальных, политических, экономических или экологических изменений в обществе [Martin, 2007]. В более общем виде общественный активизм — действия граждан, предпринимаемые для изменений в социуме [Briscoe, Gupta, 2016]. Современные исследователи предметно рассматривают общественный активизм в ракурсе отношений между государством, новым медиаактивизмом и неолиберальными практиками, исходя из представлений, что цифровая среда стимулирует граждан к участию в формальной демократической деятельности [Roberts, 2014].

В российских исследованиях общественный активизм некоторые понимают весьма широко — как динамическое взаимодействие граждан [Яницкий, 2015]. В большей части других исследований общественный активизм тождествен граж-

данскому, который рассматривается как сложное социальное явление, включающее различные поведенческие практики, ценности, формы и мотивы участия граждан и их групп в общественно-политической жизни [Трофимова, 2014]. Гражданская активность состоит из деятельности различных общественных и политических сил, преследующих экономические, социальные, политические и идеологические интересы. Социальная база гражданского активизма рассматривается на основе параметров включенности в политическую деятельность и неполитические практики, а также готовности оказать поддержку общественным движениям. Неполитический и политический активизм взаимно дополняют друг друга, способствуя повышению интенсивности гражданского взаимодействия [Петухов и др., 2014]. Между политическими и неполитическими проявлениями гражданского активизма выявлена тесная взаимосвязь. Подавляющее большинство (79%—81%) российских граждан, участвующих в деятельности неполитических общественных организаций, включены в политическую жизнь страны. Исследователи, отмечая плотную взаимно усиленную связь между двумя этими составляющими, формулируют закономерность: «чем выше степень включенности граждан в неполитические формы и практики гражданского активизма, тем выше и более деятельна их политическая включенность» [Седова, 2014: 55].

Общественный активизм также во многом совпадает с трактовками общественного участия, понимаемого как «процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата» [Никовская, Скалабан, 2017: 43]. Общественное участие включает гражданские, социальные и политические действия, происходящие за границами частных и экономических отношений. Гражданское участие закрепляет вертикальные отношения, связанные с практикой соуправления и принятия решений в соответствии с общественными интересами, тогда как социальное участие отличают горизонтальные связи в практике взаимопомощи и кооперации людей. При этом происходит размывание границ между социальным, гражданским и политическим видами участия, а также расширение сетевых и индивидуализированных связей, возникающих преимущественно для реализации общественных проектов и инициатив.

В исследованиях выявляются различные представления о содержании, направлениях, разновидностях общественного активизма [Пырма, 2021]. В этой статье автор исходит из того, что общественный активизм граждан проявляется прежде всего в социальном и политическом участии. Под социальным активизмом понимается общественная деятельность, объединяющая граждан для совместного и преимущественно самостоятельного решения общих проблем через оказание помощи и проявление заботы, тогда как под политическим активизмом — общественная деятельность, объединяющая граждан для реализации общих интересов посредством влияния на решения органов власти и связанная с выдвижением требований и проявлением инициативы, а также с обеспечением представительства.

Теоретические и методологические основания работы

Теоретико-методологическую основу исследования составляют современные трактовки сетевого подхода в интерпретации концепций власти коммуникаций

М. Кастельса [Castells, 2015], связующих действий В. Беннетта и А. Сегерберг [Bennett, Segerberg, 2013] и цифрового участия Дж. Ван Дета и Я. Теохариса [Theocharis, van Deth, 2018], а также необихевиористского подхода, в частности теорий подталкивания Р. Талера и К. Санстейна [Талер, Санстейн, 2018], Д. Сомана [Soman, 2017] и концепций триггеров Д. Бернтсена и Д. Рубина [Bernsten, Rubin, 2002], Б. Дж. Фогга [Fogg, 2020].

Сетевой подход позволяет рассматривать взаимодействие граждан в социальных медиа, обмен информацией и формирование структурированных сообществ. Концепция власти коммуникаций состоит в управлении информационными потоками в социальных сетях посредством программирования цифровыми платформами и позиционирования лидеров сообществ, которые формируют предпочтения пользователей, создают масштаб и силу гражданских действий. Концепция связующих действий рассматривает онлайн-коммуникации как новую форму организации совместных акций в логике объединения слабых персонализированных усилий, производимых на основании обмена контентом между сетевыми сообществами, в отличие от прежней логики коллективных действий, связанных с мобилизацией ресурсов, формированием структуры и идентичности. Концепция цифрового участия рассматривает расширение репертуара выразительных, творческих и индивидуальных действий граждан в социальных сетях для решения значимых проблем как единую форму политической активности для организации общественного влияния на институты власти.

Необихевиористский подход позволяет анализировать политическое поведение граждан в определенном контексте прежде всего как действия, спровоцированные возникающими информационными стимулами и событиями-триггерами. Теория подталкивания предполагает воздействие на предпочтения при принятии решений («архитектуру выбора») социальных групп или отдельных индивидов путем подкрепления прямых или косвенных информационных сообщений. Подталкивание повышает вероятность определенного выбора или желательного поведения, запуская когнитивные процессы в пользу заданного результата, что реализовано в цифровой среде в форме таргетирования контента на адресные аудитории. Концепция триггеров говорит об опосредованном мотивами и способностями индивида изменении поведения под влиянием событий, сообщений и образов, которые действуют как «спусковой крючок», побуждающий к совершению определенных действий.

Предметные методологические основания исследования общественного активизма находятся на пересечении двух больших направлений политических исследований: социальных движений [Павлова, 2009] и гражданского участия [Патрушев, 2009], которые рассматривают массовые действия, приводящие к общественным трансформациям. Содержание исследования предопределяет особый интерес к методологии анализа общественной активности с учетом дифференциации граждан по ролевым моделям поведения, мотивации участия граждан в социальной и политической деятельности, предпочтений относительно форм гражданского участия, расширения возможностей цифрового участия и конверсии массовых действий из онлайн-среды в офлайн.

В основу опросного инструментария данной работы легла концепция затрат усилий на участие. На волне новых социальных движений в 1960-е годы Л. Милбрат

объяснял политическое участие гражданина с позиции деятельности с возрастающим уровнем усилий и приверженности, разделяя активность на зрительскую, переходную и гладиаторскую деятельность [Milbrath, 1965; 1981]. Исходя из принципа затрат усилий, современные исследователи моделируют структуру общественного активизма по восходящим уровням участия граждан [Preece, Shneiderman, 2009]. Общественный активизм подразделяется на действия мягкого типа, подразумевающие проявление гражданственности через высказывание собственного мнения и способность убеждать, и действия жесткого типа, требующие больших усилий для разрешения социальных проблем методами сбора петиций, проведения собраний и митингов [Milošević-Dorđević, Žeželj, 2017]. На основе уровней политического участия Л. Милбрата исследователи конструируют модель иерархии цифрового активизма, оценивая приложение усилий и обладание ресурсами [George, Leidner, 2019].

На содержание программы исследования повлиял опыт анализа организации гражданских действий в онлайн- и офлайн-средах, определения масштаба политической мобилизации и ценностных установок пользователей социальных медиа [Бродовская, Хуанг, 2019], а также дифференциации общественной активности в парадигме сетевых ролей «идеалистов», «прагматиков» и «традиционалистов» [Бродовская и др., 2019]. Работа построена на понимании, что цифровые коммуникации посредством «слабых сетей» вовлекают граждан в общественную деятельность, подталкивают к участию в публичной политике, создают организационные структуры для формирования коллективных целей и идентичностей, которые «способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал» для последующих уличных действий, конвертируя гражданское онлайн-участие в политические офлайн-акции [Ахременко, Стукал, Петров, 2020: 87].

В своих расчетах автор использует данные Всероссийского опроса, проведенного департаментом политологии Финансового университета в рамках исследовательского проекта «Формирование установок гражданской активности: факторы, технологии, эффекты». Опрос проведен в онлайн-формате в марте 2021 г. по выборке в 1600 респондентов, репрезентирующей граждан России по полу, возрасту от 15 лет и федеральным округам. Рекрутинг респондентов происходил на платформах социальных медиа.

Результаты исследования

Уровень общественной активности граждан

Измерение общественных настроений российских граждан в ракурсе политических установок выявило неоднозначную ситуацию. Большинство российского общества составляют аполитичные граждане (52%), которые склонны проявлять социальную активность и избегать политического участия в поддержку действующей власти и оппозиционных сил. Лояльные власти граждане составляют более трети (36%), однако уровень их социальной и политической активности оказывается средним. Оппозиционно настроенные граждане составляют активное меньшинство (12%), демонстрируя существенно более высокий уровень как социального, так и политического участия.

Среди женщин лояльных граждан оказалось несколько больше (38%), чем среди мужчин (34%), в то время как оппозиционных граждан больше среди мужчин

(14% против 10% среди женщин). Максимальной поляризацией позиций отличается молодежная аудитория, среди которой много лоялистов (37%), но и немало оппозиционеров (19%). В средней возрастной группе наблюдаются выраженные аполитичные настроения (59%). В старшей возрастной группе несколько шире распространены лояльные настроения (38%). Высокий уровень лояльности отмечается среди учащихся школ и ссузов (52%), оппозиционности — среди учащихся вузов (15%), аполитичности — среди пенсионеров (55%). Политические настроения в значительной степени связаны с изменением материального положения граждан. В кругу лояльных граждан преобладают те, чье благосостояние улучшилось либо остается устойчивым на протяжении последних двух-трех лет. Оппозиционные граждане заметно чаще обозначают ухудшение своего материального положения. Среди аполитичных граждан также отмечена существенная негативная динамика уровня жизни.

Уровень социальной активности в целом характеризуется частотой объединения усилий для решения общих задач. Распределение тех, кому за последний год по собственной инициативе приходилось оказывать помощь, поддержку другим людям (кроме родственников и близких), оказалось следующим. Социально пассивные граждане составили большинство (58%); при этом 16% хотели, но не смогли оказать помощь, а 9% не оказывали поддержку, но намерены проявить такую активность в будущем. Около четверти опрошенных (23%) составила группа безучастных граждан, которые не испытывают желания помогать другим, а еще 10% затруднились выразить определенную позицию. За последний год по собственной инициативе содействовать другим людям приходилось менее половины (42%) граждан (при этом такой ответ на вопрос, очевидно, является социально одобряемым). Примечательно, что оппозиционно настроенные граждане (12%), выглядят заметно более социально активными, обозначая в абсолютном большинстве (67%) свое участие в оказании помощи другим. Среди лояльной власти аудитории (36%) социально активных граждан значительно меньше (42%), а среди аполитичной аудитории — только около трети (36%).

Разобщенность российских граждан проявляется и в ответах на вопросы о готовности объединяться для совместных действий при условии совпадения идей и интересов: консолидироваться в такой ситуации намерены менее половины (46%) граждан. Большинство (54%) составили пассивные граждане, около четверти (23%) не готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, а примерно треть (31%) пока не имеют определенного мнения в отношении активного участия. Если значимых различий в готовности к гражданским действиям по полу не выявлено, то в возрастных группах готовность к совместным действиям намного выше среди молодежи студенческого возраста (78%), чем среди групп рабочего и пенсионного возраста (41% и 37% соответственно). Среди оппозиционно настроенных граждан готовность к совместным действиям оказалась намного выше (75%), чем среди лояльных власти (45%) и аполитичных (41%) граждан.

Социальная и политическая активность граждан заметно различаются. Опыт объединения усилий с другими людьми для решения общих задач социальной направленности, который включает инициативную деятельность для самостоятель-

ного, преимущественно не зависящего от участия государства, решения проблем на благо общества, имеют около трети (31 %) респондентов. В то же время опытом объединения усилий с другими гражданами для решения политических задач, которые состоят в инициативной деятельности для реализации потребностей и интересов посредством влияния на властные структуры, принятия ими политических решений, обладает вдвое меньшая доля респондентов (16 %). Выявленные различия характеризуют современное состояние общества — слабую социальную консолидацию и выраженное избегание политического участия. Абсолютное большинство граждан в своих установках деятельности не стремятся к объединению усилий для решения общественных задач, предпочитая отрешенную модель поведения либо самостоятельное решение проблем повседневной жизни. При этом полученные данные свидетельствуют о наличии корреляции между участием россиян в гражданской и политической активности (коэффициент корреляции Пирсона 0,467; значим на уровне 5 %).

В отношении политических установок уровень общественной активности узкой группы оппозиционно настроенных граждан оказался наиболее высоким. Более половины (53 %) из них имеют опыт организации для решения общих задач. Среди лояльных власти опыт социального участия имеет менее трети (31 %) респондентов, а среди аполитичных таких лишь четверть (25 %). Переход гражданского участия в политическую область сказывается на уровне активности обозначенных групп неравномерно. Политический опыт решения общественных задач имеет около трети (31 %) оппозиционеров, тогда как среди лоялистов и аполитичных таких значительно меньше (16 % и 12 % соответственно).

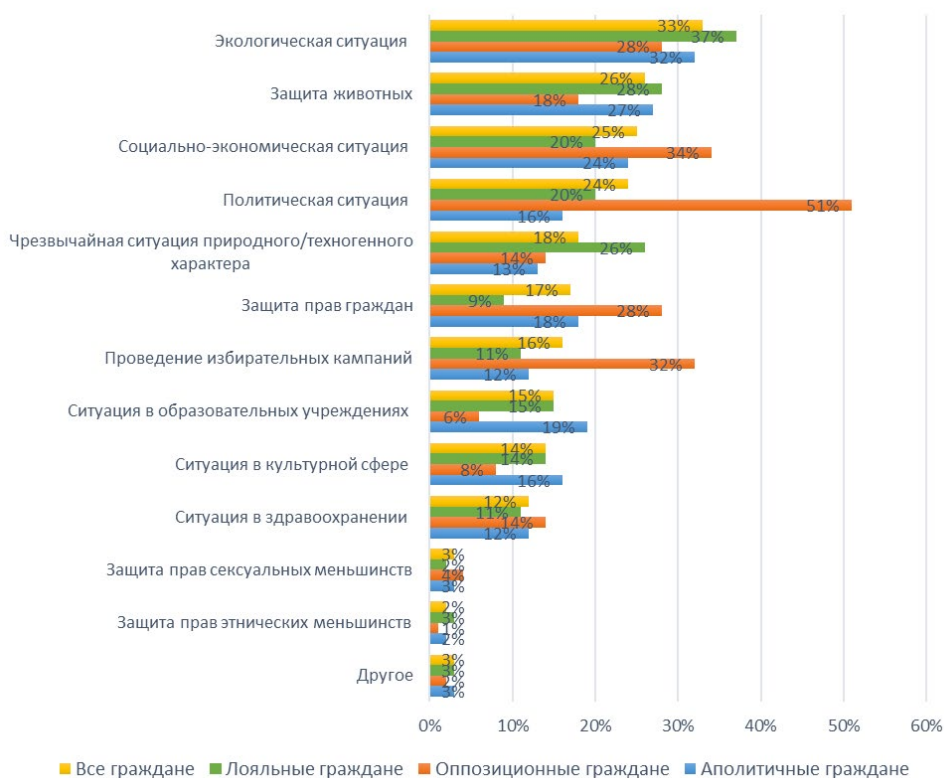
В целом опрос показал низкий уровень общественного участия российских граждан: менее четверти (22 %) граждан объединяют усилия с другими для решения общих задач не реже, чем раз в месяц, 17 % — не реже, чем раз в квартал, 18 % — не реже, чем раз в полгода, 14 % — не реже, чем раз в год. В политическом аспекте активность оппозиционных граждан оказывается выше активности лояльных.

Чаще всего объединяющими оказываются проблемы, связанные с экологией, защитой животных, уровнем жизни и политикой. Значимыми проблемами для совместного приложения усилий граждан являются чрезвычайные ситуации, права граждан, участие в выборах, состояние культуры, образования и здравоохранения. Защита прав меньшинств находится на периферии проблемного поля российского общества. Экологическая ситуация и защита животных беспокоит в большей степени лояльных и аполитичных граждан РФ, чем оппозиционно настроенных. Последние значительно чаще объединяются вокруг политической, социально-экономической, предвыборной и правозащитной повестки, при этом проблемы культуры и образования их занимают значительно меньше, чем лояльных и аполитичных граждан (см. рис. 1).

Мотивация общественной активности граждан весьма многообразна, однако главным стимулом к участию в гражданских инициативах выступает возможность быть полезным другим людям (32 %); значимыми мотивами являются также исполнение нравственного долга (18 %) и сопричастность к общему делу (16 %). Возможность самореализации, влияния на власть, общения с интересными

людьми и получения навыков оказались менее значимыми (по 7%), а повышение личной репутации и получение финансовых средств — слабыми мотивами для общей деятельности. Среди лояльных и оппозиционных граждан возможность быть полезным людям оказалась более выраженным мотивом, чем среди оппозиционеров. Лояльные граждане в большей степени следуют представлениям о нравственном долге, необходимости самореализации и получению дополнительных навыков. Оппозиционные граждане в большей степени руководствуются решением общих задач и возможностью оказать давление на власть.

Рис. 1. Проблемное поле объединения граждан в зависимости от политической направленности (Какие проблемы объединили Вас с другими гражданами? Несколько вариантов ответа)

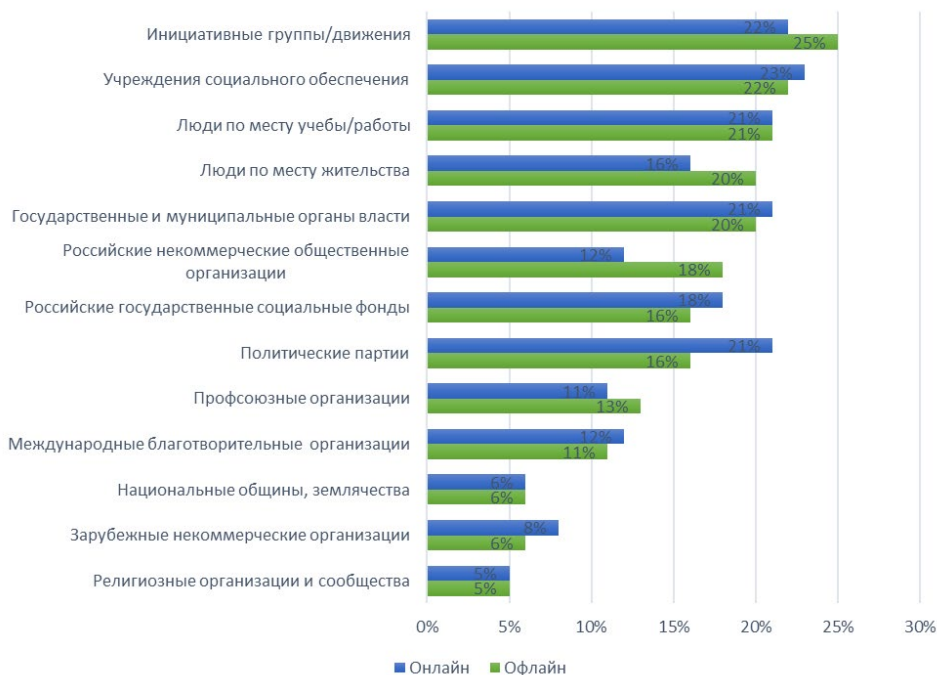

Общественная активность граждан офлайн и онлайн

Сопоставление использования офлайн и онлайн каналов коммуникации для взаимодействия с общественными институтами при реализации гражданских инициатив и оказания помощи людям выявило, что граждане проявляют различную активность в реальной и цифровой средах (см. рис. 2). Наиболее активно офлайн- и онлайн-каналы коммуникации используются для взаимодействия с инициативными группами и учреждениями социального обеспечения, общения по месту

учебы и работы. При взаимодействии по месту жительства граждане предпочитают непосредственное общение, но и в этом случае онлайн-каналы оказываются задействованы. Такая же ситуация наблюдается при взаимодействии с российскими общественными организациями. При взаимодействии с политическими партиями граждане большее предпочтение отдают онлайн-каналам коммуникации.

Рис. 2. Институциональные предпочтения граждан в коммуникации офлайн и онлайн для реализации общественной активности (С кем Вы предпочитаете взаимодействовать непосредственно (офлайн) для реализации гражданских инициатив, оказания помощи и поддержки другим людям? С кем Вы предпочитаете взаимодействовать через цифровые коммуникации (онлайн) для реализации гражданских инициатив, оказания помощи и поддержки другим людям? Несколько вариантов ответа)

Перекрестный анализ установок на взаимодействие с различными организациями для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн показывает наличие связи между предпочтениями при выборе субъектов взаимодействия для реализации гражданских инициатив (см. табл. 1). Подтверждение находит идея о первичности внутренних установок и ценностей граждан. При этом цифровые технологии выступают средством реализации значимой активности. Обращает на себя внимание доминирование инициативных групп, в том числе сообществ, объединенных общими условиями обучения, работы или местом жительства, как главных субъектов, сотрудничеству с которыми отдают предпочтение россияне в процессе реализации гражданских инициатив. Цифровые коммуникации рассматриваются гражданами как дополнительный канал связи, а не как инстру-

менты, определяющие выбор наиболее удобного субъекта для взаимодействия в рамках гражданской активности.

Таблица 1. Сопряжение установок россиян на взаимодействие с различными институтами для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн: доля указавших определенную установку в онлайн и в офлайн, в %

С кем Вы предпочитаете взаимодействовать офлайн для реализации гражданских инициатив?	С кем Вы предпочитаете взаимодействовать онлайн для реализации гражданских инициатив?														В целом
	Учреждения социального обеспечения	Государственные и муниципальные органы власти	Политические партии	Государственные социальные фонды	Негосударственными благотворительные фонды	Международные благотворительные фонды	Российские некоммерческие организации	Зарубежными некоммерческие организации	Профессиональные союзы	Национальные общины, землячества	Религиозные организации и сообщества	Инициативные группы/движения	Люди по месту учебы/работы	Люди по месту жительства	
Учреждения социального обеспечения	48	38	26	35	26	28	23	17	31	37	33	16	21	25	22
Государственные и муниципальные органы власти	27	45	27	31	21	16	26	28	16	28	16	17	20	26	20
Политические партии	18	25	41	25	23	23	20	18	18	36	15	18	11	8	16
Государственные социальные фонды	25	22	23	33	24	28	20	2	16	20	10	12	18	17	15
Негосударственные благотворительные фонды	16	18	25	27	44	38	32	31	19	27	22	19	14	13	16
Международные благотворительные фонды	16	13	25	21	24	37	20	22	18	19	9	7	9	10	11
Российские некоммерческие организации	13	18	25	18	31	36	67	39	23	22	27	22	13	13	18
Зарубежные некоммерческие организации	7	10	9	12	13	22	22	30	12	9	5	5	5	5	6
Профессиональные союзы	20	14	21	15	20	20	18	21	49	27	26	13	20	14	13
Национальные общины, землячества	11	11	7	11	10	11	9	15	11	35	19	7	7	5	6
Религиозные организации и сообщества	7	9	7	8	10	12	7	10	10	24	45	7	6	8	5
Инициативные группы/движения	14	21	24	21	41	38	44	35	26	29	38	73	28	34	25
Люди по месту учебы/работы	22	19	19	27	24	31	27	22	34	29	17	25	62	31	21
Люди по месту жительства	16	20	17	23	17	22	21	20	28	29	26	30	30	73	20

Примечания: Цветом выделены статистически значимые отличия в большую сторону от среднего значения по офлайн-активностям. При сравнении долей между группами используется поправка Бонферрони на множественность сравнений.

Определение различных видов общественной активности онлайн показывает, что среди пользователей преобладают формы участия, не требующие приложения больших усилий. Половина жителей расположена оказывать символическое содействие инициаторам гражданских действий. Обозначая свою поддержку и сопричастность инициаторам, лидерам и активистам лайками в социальных сетях, пользователи как бы входят в круг их сторонников. Более четверти уже выражает свое мнение, комментируя сообщения инициаторов гражданских действий. Примерно такая же доля активных пользователей оказывает содействие в распространение информации в социальных сетях. Значительное число условно активных пользователей включаются в обсуждение плана общих действий. Существенная доля активных пользователей оказывают материальную поддержку и помощь в сборе средств на проведение акции, однако лишь немногие участвуют в акциях, создают контент, выступают организаторами. Мужчины заметно более расположены размещать, комментировать и создавать контент о гражданских действиях, чем женщины. Склонностью к пассивным формам гражданского участия онлайн особо отличается молодежь. Оппозиционно настроенные граждане заметно превосходят по интенсивности действий лояльных власти и аполитичных как в пассивных, так и в активных формах гражданского участия онлайн.

Рис. 3. Распределение форм общественной активности онлайн (Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность онлайн? Несколько вариантов ответа)

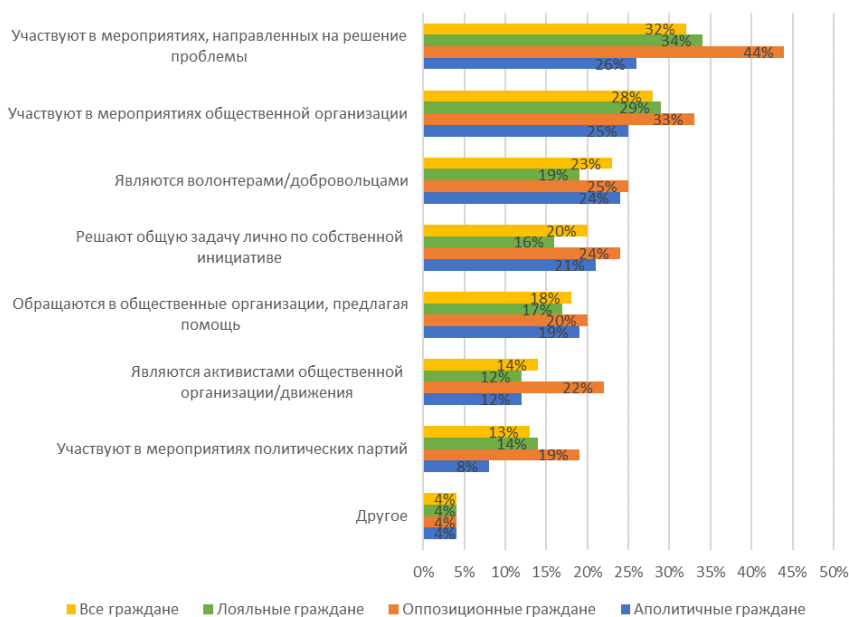

В офлайн-формате большая часть граждан принимает участие в мероприятиях для решения общих проблем, причем такие действия происходят на основании

самоорганизации сообщества либо инициированы общественной организацией (рис. 4). Около четверти активных граждан предпочитают заниматься волонтерской деятельностью. Активные граждане чаще решают общие задачи по собственной инициативе либо намерены помочь общественным организациям, тогда как к активистам общественных организаций и движений относят себя немногие. Практика участия в мероприятиях политических партий активных граждан оказалась наименее востребованной. Мужчины в офлайне более склонны к участию в гражданских действиях и активной деятельности в общественных организациях; женщины более расположены к волонтерской деятельности и инициативному решению общих проблем. Представители молодых когорт заметно чаще участвуют в общественных мероприятиях и волонтерской деятельности, выступают активистами общественных организаций; респонденты из старших возрастных групп склонны к участию в организованных общественных мероприятиях, из средних возрастных групп — чаще принимают участие в мероприятиях политических партий, настроены оказать содействие общественным организациям. Как и в онлайн-среде, оппозиционно настроенные граждане показывают более высокую активность, чем лояльные и аполитичные: они в заметно большей мере включены в решение общественных проблем, деятельность общественных организаций и политических партий. Аполитичные граждане показывают меньшую общественную активность, но проявляют высокую включенность в волонтерскую деятельность. Лояльные граждане менее инициативны в своих действиях, проявляют склонность к участию в организованных мероприятиях.

Рис. 4. Распределение форм общественной активности офлайн (Каким образом Вы чаще всего проявляете свою гражданскую активность офлайн? Несколько вариантов ответа)

Пара переменных предпочтений общественной активности онлайн и офлайн позволяет утверждать о наличии прямой и сильной связи между онлайн и офлайн практиками россиян (табл. 2).

Таблица 2. Сопряжение значений переменных, отражающих предпочитаемые формы онлайн и офлайн активности граждан: доля граждан, указавших определенную форму активности в онлайн и офлайн, %

Каким образом Вы чаще всего проявляете свою общественную активность офлайн?	Каким образом Вы чаще всего проявляете свою общественную активность онлайн?									
	Обозначают поддержку, ставя лайки, подписывая петиции	Размещают контент от инициаторов на своей странице	Комментируют контент инициаторов в их аккаунтах	Обсуждают с инициаторами способы решения проблемы	Осуществляют пожертвование средств на решение проблемы	Помогают инициаторам собрать ресурсы для решения проблемы	Участвуют в акциях, флэш-мобах в социальных сетях	Создают и размещают собственный контент	Выступают в качестве инициатора/активиста	В целом
Участвуют в мероприятиях, направленных на решение проблемы	44	42	38	45	34	38	40	29	33	32
Обращаются в общественную организацию, предлагают помощь	21	28	23	24	27	28	28	21	22	18
Участвуют в мероприятиях общественных организаций	30	43	37	44	51	30	40	35	48	28
Участвуют в мероприятиях политических партий	12	19	18	21	21	28	25	19	29	13
Являются волонтерами	26	26	27	28	35	41	31	36	40	23
Являются активистами общественной организации/движения	14	21	19	29	25	28	33	31	42	14
Решают общую задачу лично по собственной инициативе	21	25	23	30	23	26	28	41	46	20

Примечания: Цветом выделены статистически значимые отличия в большую сторону от среднего значения по офлайн-активностям. При сравнении долей между группами используется поправка Бонферрони на множественность сравнений.

Наиболее востребованной для респондентов оказалась такая форма общественной активности, как участие в публичных мероприятиях, направленных на решение проблемы офлайн, каждый третий респондент (32%) заявляет о таком опыте своей социальной активности. При этом среди тех, кто оказывает поддержку инициаторам/активистам онлайн, участников публичных мероприятий значительно больше (44%), а среди тех, кто взаимодействует с инициаторами,

обсуждает наиболее эффективные способы решения проблемы — еще больше (45 %). По этой строке прослеживается явное сопряжение: чем активнее респонденты подключают цифровые технологии и каналы связи для реализации гражданской активности, тем чаще они имеют опыт участия в публичных мероприятиях, направленных на решение социальных проблем в офлайн. Также показательно, что в целом участвуют в мероприятиях общественных организаций более четверти граждан (28 %), а среди тех, кто выступает инициатором онлайн или взаимодействует с инициатором, таких около половины (48 % и 51 % соответственно). В этих случаях также подтверждается наличие существенной взаимосвязи между онлайн и офлайн гражданскими практиками. Таким образом, граждане, имеющие личную установку на реализацию гражданских инициатив, активно используют возможности онлайн-пространства для более эффективного решения социальных проблем офлайн.

Практики политической активности офлайн и онлайн

Самой распространенной формой политической активности граждан в офлайн-среде оказалось голосование на выборах, участие в котором обозначает почти абсолютное большинство. Более трети граждан принимали участие в подписании обращений и петиций в органы власти, около четверти участвовали в том или ином качестве в организации избирательных кампаний. Приверженность политической партии или общественной организации в виде членства и сторонника не являются широко востребованными формами политического участия, а участие в собраниях, митингах и акциях протеста объединяет лишь немногих активных граждан. Мужчины заметно активнее женщин участвуют в организации избирательных кампаний, протестных мероприятиях и партийной деятельности. В возрастных группах выделяется молодежь, которая значительно чаще декларирует свое участие в голосовании на выборах, подписании обращений к власти, протестных действиях. В политическом аспекте выделяются оппозиционные граждане, которые более активно голосуют на выборах, выдвигают публичные требования к власти, участвуют в акциях протеста и организации избирательных кампаний. Лояльные граждане более склонны к деятельности, организуемой партийными структурами, но выглядят более пассивными в электоральной активности. Аполитичные также менее склонны голосовать на выборах и участвовать в организованных протестных действиях.

В онлайн-среде самой распространенной формой политической активности граждан оказались пассивные формы участия, такие как получение информации по подпискам на цифровые ресурсы коммуникации органов власти, оппозиционных сил, политизированных сообществ социальных медиа. Лишь немногие включены в активные формы политической деятельности онлайн, занимаясь блоггингом, формированием сообществ, привлечением сторонников для участия в мероприятиях. Мужчины в целом выделяются большей политической активностью онлайн, чем женщины, особенно с точки зрения доли подписанных на информационные ресурсы оппозиции и модерлирующих сообщества в социальных медиа. В возрастных группах наблюдаются различия в предпочтениях каналов информации. Если старшее поколение подписывается на источники органов власти, то молодые

больше интересуются неофициальными источниками информации. Лояльные граждане выделяются значительно большей долей участников, подписанных на информационные ресурсы органов власти. Среди оппозиционных граждан еще большая часть подписаны на альтернативные информационные ресурсы, но также не склонны участвовать в активных формах политической активности онлайн. Аполитичных граждан слабо интересует политическая информация, но в активных формах участия они весьма схожи как с лояльными, так и оппозиционными гражданами.

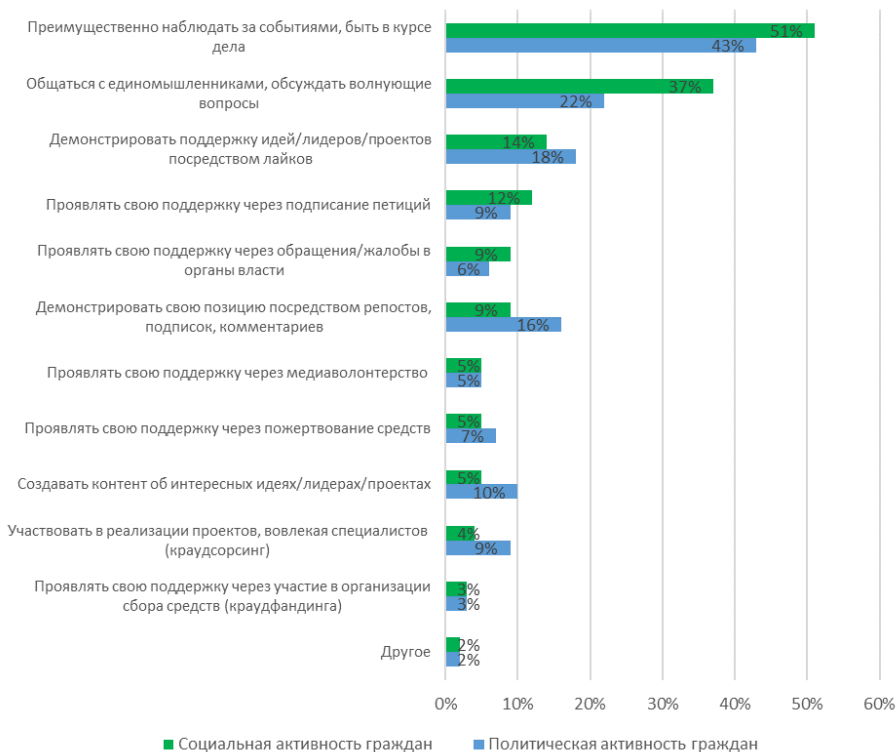
В целом на политическую активность онлайн ориентирована четверть респондентов (24 %), а действиям офлайн отдают предпочтение 22 %. Большинство опрошенных (54 %) дистанцируются от проявления всякой политической активности. Среди оппозиционно настроенных преобладающая часть (55 %) реализуют политическую активность онлайн, однако оппозиционно ориентированные респонденты чаще проявляют активность офлайн (54 %). Мужчины несколько чаще, чем женщины (26 % и 20 % соответственно), ориентированы на проявления политического активизма онлайн, однако в молодых когортах наблюдается обратная ситуация (36 % молодых людей и 26 % девушек демонстрируют готовность к участию в гражданских действиях офлайн); расположенность к офлайн активности в целом ярко проявляется в самой младшей возрастной группе (63 % опрошенных в возрасте 15—24 лет). К политическому участию онлайн готовы более половины (52 %) из тех, кто указал на ухудшение материального положения за последний год, и только треть (32 %) представителей этой группы расположены к политическому участию офлайн. Обратная тенденция наблюдается в достижениях социального статуса в обществе. Более трети (39 %) тех, чьей ведущей ценностью является достижение высоких общественных позиций, настроены на политические действия онлайн. Потенциал политической активности офлайн составляет половина (51 %) граждан, для которых главной жизненной ценностью является достижение высокого общественного положения.

Оптимальные пути развития гражданских и политических инициатив для современной России видятся россиянами в расширении прав и свобод (41 %), внедрении программы гражданского воспитания в систему образования (39 %), повышении качества коммуникации между гражданами и органами власти (35 %). Одна часть опрошенных связывает позитивные изменения с самостоятельным развитием структур гражданского общества без вмешательства государства (24 %), другая — с развитием гражданского общества через поддержку инициатив государством (21 %). В меньшей степени оптимальные пути видятся в развитии специальных платформ и сообществ гражданского общества (14 %), а также в развитии политической инфраструктуры в виде новых политических партий и движений (11 %). При этом введение наказаний за уклонение от гражданских обязанностей (7 %) и внедрение социального рейтинга граждан (5 %) не встречают одобрения у российских граждан.

Среди опрошенных, предпочитающих наблюдать онлайн за общественными процессами, также прослеживаются различные отношения к социальным и политическим действиям. Социальная онлайн-активность в большей части проявляется в пассивном отслеживании информации, распространении и обсуждении

заинтересовавшего контента в кругу своего сообщества; политическая онлайн-активность среди пользователей проявляется в одобрении контента лайками, репостами и комментариями. Оппозиционно настроенные пользователи сильнее включены в наблюдение за происходящими событиями, подписание петиций, демонстрацию поддержки лайками и репостами.

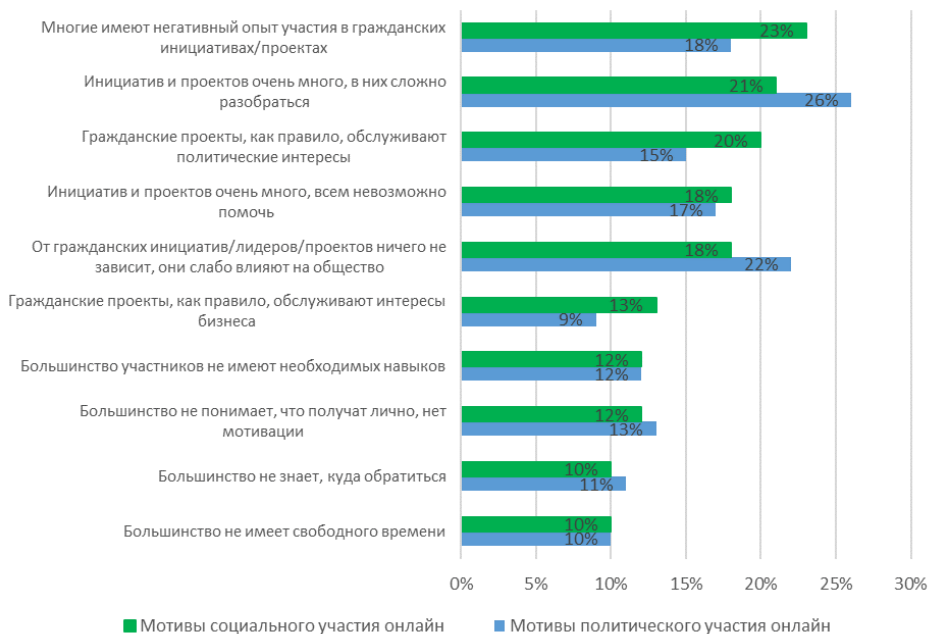
Рис. 5. Различия в проявлениях социальной и политической онлайн-активностей (Что из социальных проявлений гражданской активности Вы считаете приемлемым для себя онлайн? / Что из проявлений политической активности Вы считаете приемлемым для себя онлайн? Несколько вариантов ответов)

Сформированная модель общественной онлайн-активности, требующая меньше усилий для участия и обеспечивающая больший охват аудитории, оказывается весьма устойчивой. Среди пользователей цифровыми коммуникациями переход к активным практикам гражданских действий социального характера офлайн в той или иной степени допускают лишь 17% опрошенных, 52% этого не допускают, а 31% — не выражают определенных намерений. Схожие показатели наблюдаются и в отношении перехода граждан к политической активности офлайн. Следовательно, ключевым фактором перехода является не сфера деятельности, а прочные установки на пассивное поведение, не требующее приложения больших затрат времени и энергии для участия в общественной деятельности.

Общественная активность удерживается в цифровом пространстве по многим мотивам. Основными из них выступают негативный опыт офлайн-участия, обилие гражданских инициатив, политические интересы, чуть реже — низкая эффективность влияния на жизнь, невозможность оказать помощь многим. В отношении политической активности сдерживают, прежде всего, множество проектов и слабое влияние на жизнь общества, в несколько меньшей степени — негативный опыт участия и невозможность оказать содействие всем.

Рис. 6. Мотивы закрепления социальной и политической активностей онлайн
(Почему такие люди как Вы предпочитают оставаться онлайн для проявления/реализации социальной активности? / Почему такие люди как Вы предпочитают оставаться онлайн для проявления/реализации политической активности? Несколько вариантов ответа)

Особую важность представляет определение факторов, способствующих повышению общественной активности граждан. Проведенный опрос не позволил выявить доминирующие факторы, однако среди ведущих были названы рост уровня жизни, появление новых массовых общественных организации и лидерских политических партий, объединяющих людей. Значимую часть граждан может подвигнуть к активной общественной деятельности усугубление экономического кризиса, меньшую часть — изменение политического курса и смена руководства страны. Введение санкций и поощрений для стимулирования общественной активности оказывается еще менее значимым фактором. С точки зрения политических установок фактор повышения уровня жизни является более важным для оппозиционных и лояльных граждан, чем для аполитичных, в большей степени ожидающих появления объединяющего граждан общественного движения.

Оппозиционные граждане выделяются неприятием введения санкций и поощрений за общественное участие.

Полученные результаты согласуются с данными актуальных опросов общественного мнения, которые также фиксируют низкий уровень гражданского участия: по оценкам ВЦИОМ, немногим менее половины (45 %) российских граждан не проявляют общественной активности¹. Наиболее популярные формы социальной активности — это совместное участие граждан в благоустройстве домов и окружающих территорий (24 %), а также сбор средств и вещей нуждающимся (20 %). Политическая активность проявляется прежде всего через голосование на выборах в органы власти различного уровня (21 %). Значимые доли граждан участвовали в подписании совместных петиций (8 %), работе домовых комитетов и местном самоуправлении (7 %), проведении избирательных кампаний (6 %). Остальные формы общественной активности, в числе которых участие в митингах, демонстрациях, пикетах (3 %) и забастовках (1 %), в деятельности общественных (4 %) и профсоюзных (4 %) организаций, церковной общины (3 %) и политической партии (2 %), используют лишь малые доли граждан.

Итоги мониторинговых измерений ВЦИОМ выявляют изменения состояния гражданского участия с начала текущего века, определяя траектории подъема и падения. В настоящее время общественная активность российских граждан находится, как показывают ряды данных, на среднем уровне. Структура форм общественной активности также изменяется: в последние годы существенно выросло участие граждан в благоустройстве, помощи людям в тяжелом положении, подписании обращений. При этом прослеживается заметный спад электоральной активности граждан, которые отстраняются от участия в формировании политических институтов. Результаты социологических опросов свидетельствуют о расширении репертуара форм гражданской активности и сужении принятых форм политического участия.

Выводы

Проведенное исследование показало выраженную отстраненность россиян от политической деятельности, связанной как с поддержкой власти, так и с поддержкой оппозиции. Аполитичные граждане составляют большинство российского общества, которое характеризуется проявлениями социальной активности и неприятием политического участия. Лояльные граждане, составляющие более трети, показывают средний уровень социальной и политической активности. Оппозиционные граждане, доля которых составляет немногим более десятой части, оказались меньшинством, показывающим высокий уровень социальной и политической активности.

Социально пассивные граждане составляют более половины населения. Среди российских граждан преобладает разобщенность в готовности объединяться для совместных общественных действий. При этом опыт объединения усилий в социальной активности граждан значительно превосходит политическую активность.

¹ Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. 11 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 10.12.2021).

Однако в целом выявляется слабая консолидация граждан в объединении усилий, личная отрешенность от решения общественных задач.

Активных граждан объединяют, прежде всего, проблемы экологии, защиты животных и низкого уровня жизни. Наименее значимыми для граждан оказались проблемы защиты национальных и сексуальных меньшинств. Главный мотив общественной активности заключается в возможности быть полезным другим людям, ведущие мотивы состоят в исполнении нравственного долга и сопричастности к общему делу, значимые мотивы кроются в самореализации, оказании влияния на власть, общении с интересными людьми, получении полезных навыков. Материальные стимулы оказались слабыми мотивами общественной активности.

В общественной онлайн-активности преобладают «мягкие» кликтивистские формы участия граждан без приложения особых усилий, которые заключаются в символическом содействии, реже — комментариях и распространении информации в социальных сетях. В офлайн-формате граждане склонны участвовать в мероприятиях для решения общих проблем на основании самоорганизации сообщества либо инициативы общественной организации. Сопоставление практик политической активности выявило, что самой распространенной формой офлайн-активности оказалось голосование на выборах и подписание обращений органам власти, тогда как участие в собраниях, митингах, акциях протеста объединяет лишь малую долю активных граждан. В онлайн-пространстве наиболее распространенными активностями являются пассивные формы участия, состоящие в получении информации по подпискам от органов власти и политических сообществ социальных медиа.

Социальная активность онлайн проявляется больше в пассивном отслеживании информации, распространении и обсуждении контента в сообществе. Политическая онлайн-активность среди пользователей проявляется в одобрении контента лайками, репостами и комментариями. В общественной онлайн-активности выделяется значительно большая включенность оппозиционных граждан. В целом модель общественной онлайн-активности, состоящая в минимизации усилий для участия и обеспечении широкого охвата аудитории, доминирует среди российских граждан. Сформированное пассивное поведение большинства выступает ключевым фактором сдерживания конверсии общественной активности из онлайн- в офлайн-пространство.

Сопряжение установок на взаимодействие с различными организациями для реализации гражданских инициатив онлайн и офлайн выявило наличие связей, которые обусловлены личностными установками и ценностями граждан. Цифровые коммуникации выступают средством реализации общественной активности граждан, расширяющими возможности организации совместных действий. Корреляция предпочтений форм общественной активности онлайн и офлайн еще более явно показывает наличие прямой и сильной связи между практиками действий граждан в цифровой и реальной средах. Граждане, ориентированные на реализацию гражданских инициатив, активно используют возможности онлайн-коммуникаций для решения общественных проблем офлайн.

В прикладных исследованиях гражданского активизма в современной России цифровые коммуникации обозначались как слабые триггеры общественных дей-

ствий, что объяснялось слактивистскими интересами и практиками пользователей [Петухов и др., 2014]. Полученные данные подтверждают позицию ряда исследователей об интенсивном трансформирующем влиянии цифровых коммуникаций на общественную активность [Boulianne, 2009]. Ее проявление в социальных сетях дополняет, а не заменяет деятельность граждан в реальной жизни: общественная активность граждан онлайн напрямую связана с намерениями активности офлайн [Chen, 2017]. Использование социальных сетей помогает людям формировать сообщества, свою политическую идентичность и гражданскую осведомленность [Christensen, 2011]; взаимодействие и концентрация на общественно значимых вопросах способствует вовлечению в активную деятельность. Общественный активизм в онлайн- и офлайн-пространствах не имеет взаимных ограничений в действиях граждан. Со временем формируется интегрированный, «гибридный активизм», состоящий из различных связанных форм офлайн- и онлайн-действий граждан [Milošević-Dorđević, Žeželj, 2017].

Существующая научная дискуссия отражает тенденцию интеграции офлайн- и онлайн-пространств в проявлениях общественной активности граждан. Исследователи пытаются понять условия и эффекты вовлечения граждан при тесном взаимовлиянии сред на общественную деятельность, а также механизмы перехода к активным действиям. Дальнейшие перспективы исследований видятся в измерении уровня общественного взаимодействия граждан, влияния силы информационных потоков, изменений сетевых структур и технологий конверсии общественной активности онлайн и офлайн.

Список литературы (References)

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. (2020) Web or text? Factors of Protest Spread in Social Media: Theory and Data Analysis. *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 73—91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

Brodovskaya E. V., Huang T. (2019) Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 3—18. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Азаров А. А. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180—197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>.

Brodovskaya Ye. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Azarov A. A. (2019) Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018). *Political science (RU)*. No 2. P. 180—197. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.09>. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)

Павлова Т. В. Институциональные подходы к изучению социальных движений // Политическая наука. 2009. № 3. С. 71—83.

Pavlova T. V. (2009) Institutional Approaches to the Study of Social Movements. *Political Science (RU)*. No. 3. P. 71—83. (In Russ.)

Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4202> (дата обращения: 18.12.2021).

Patrushev S. V. (2009) Civil Activity: Institutional Approach. Prospects for Research. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/article/4202> (дата обращения: 18.12.2021). (In Russ.)

Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11—19. Petukhov V. V., Barash R. E., Sedova N. N., Petukhov R. V. (2014) Civic Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation. *Vlast'*. No. 9. P. 11—19. (In Russ.)

Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.

Pyrma R. V. (2019) The Influence of Digital Communications on Political Participation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 9. No. 4. P. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>. (In Russ.)

Пырма Р. В. Содержание современного гражданского активизма // Власть. 2021. Т. 29. № 2. С. 141—147. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8021>.

Pyrma R. V. (2021) The Content of Modern Civic Activism. *Vlast'*. Vol. 29. No. 2. P. 141—147. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i2.8021>. (In Russ.)

Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48—71.

Sedova N. N. (2014) Civil Activism in Modern Russia. *Sociological Journal*. No. 2. P. 48—71. (In Russ.)

Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. Thaler R., Sunstein K. (2018) *Nudge. Choice Architecture*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russ.)

Трофимова И. Н. Гражданский активизм в России: новые реалии // NOTA BENE. 2014. № 9. С. 1020—1031. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2014.9.13166>.

Trofimova I. N. (2014) Civil Activism in Russia: New Realities. *NOTA BENE*. No. 9. P. 1020—1031. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2014.9.13166>. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // *Власть*. 2015. № 2. С. 53—60.

Yanitskiy O. N. (2015) Social Activism in Russia: Yesterday and Today. *Vlast'*. No. 2. P. 53—60. (In Russ.)

Bennett W., Segerberg A. (2013) *The Logic of Connective Action. Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. New York, NY: Cambridge University Press.

Bernsten D., Rubin D. (2002) Emotionally Charged Autobiographical Memories Across the Life Span: The Recall of Happy, Sad, Traumatic, and Involuntary Memories. *Psychology and Aging*. Vol. 17. No. 4. P. 636—652.

Bimber B. (2000) The Study of Information Technology and Civic Engagement. *Political Communication*. Vol. 17. No. 4. P. 329—333.

Boulianne S. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*. No. 26. P. 193—211.

Briscoe F., Gupta A. (2016) Social Activism in and around Organizations. *The Academy of Management Annals*. Vol. 10. No. 1. P. 671—727. <https://doi.org/10.1080/19416520.2016.1153261>.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. 2nd edition. Polity.

Chen J. (2017) Can Online Social Networks Foster Young Adults' Civic Engagement? *Telematics and Informatics*. Vol. 34. No. 5. P. 487—497. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.09.013>.

Christensen H. S. (2011) Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? *First Monday*. Vol. 16. No. 2. <https://doi.org/10.5210/fm.v16i2.3336>.

Dalton R. J. (2015) *The Good Citizen: How a Younger Generation Is Reshaping American Politics*. Washington, DC: CQ Press.

Earl J., Kimport K. (2011) *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. Cambridge, MA; London, England: MIT Press.

Fogg B. J. (2020) *Tiny Habits: The Small Changes That Change Everything*. Boston, MA: Mariner Books.

George J. J., Leidner D. E. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100249. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.

Kellerman A. (2014) *The Internet as Second Action Space*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315765105>.

Klandermans B. (2004) The Demand and Supply of Participation: Social Psychological Correlates of Participation in Social Movements. In: Snow D. A., Soule S. A., Kriesi H. (eds.)

The Blackwell Companion to Social Movements. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. P. 360—379.

Lewis K., Gray K., Meierhenrich J. (2014) The Structure of Online Activism. *Sociological Science*. No. 1. P. 1—9. <https://doi.org/10.15195/v1.a1>.

Martin B. (2007) Activism, Social and Political. In: Anderson G. L., Herr K. G. (eds.) *Encyclopedia of Activism and Social Justice*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 19—27.

Milbrath L. (1965) *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* 1st ed. Chicago, IL: Rand McNally.

Milbrath L. W. (1981) Political Participation. In: Long S. L. (ed.) *The Handbook of Political Behavior*. Boston, MA: Springer. P. 197—240. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4.

Milošević-Đorđević J.C., Žeželj I. L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. P. 113—118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.

Preece J., Shneiderman B. (2009) The Reader-To-Leader Framework: Motivating Technology Mediated Social Participation. *AIS Transactions on Human Computer Interaction*. Vol. 1. No. 1. P. 13—32.

Roberts J. (2014) *New Media and Public Activism: Neoliberalism, the State and Radical Protest in the Public Sphere*. Bristol, UK; Chicago, IL: Bristol University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t6p7cw>.

Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J. R. (2014) Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements. *Government Information Quarterly*. Vol. 31. No. 3. P. 365—378. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.10.016>.

Selander L., Jarvenpaa S. L. (2016) Digital Action Repertoires and Transforming a Social Movement Organization. *MIS Quarterly*. Vol. 40. No. 2. P. 331—352.

Soman D. (2017) *The Last Mile: Creating Social and Economic Value from Behavioral Insights*. Toronto, Canada: University of Toronto Press.

Theocharis Y., van Deth J. (2018) The Continuous Expansion of Citizen Participation: A New Taxonomy. *European Political Science Review*. Vol. 10. No. 1. P. 139—163.

Young A., Selander L., Vaast E. (2019) Digital Organizing for Social Impact: Current Insights and Future Research Avenues on Collective Action, Social Movements, and Digital Technologies. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. Article 100257. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100257>.

Youngs R. (2019) *Civic Activism Unleashed: New Hope or False Dawn for Democracy?* New York, NY: Oxford University Press, Oxford Scholarship Online. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190931704.001.0001>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2037](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2037)

Э. Сирмаи

ОТ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ДО #FREEUNIVERSITY: АКТИВИЗМ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ В ВЕНГРИИ

Правильная ссылка на статью:

Сирмаи Э. От Свободного университета до #freeuniversity: активизм студентов и преподавателей в офлайн- и онлайн-пространстве в Венгрии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 171—202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2037>.

For citation:

Szirmai E. (2021) From Free University to #freeuniversity: Student and Teacher Activism in Offline and Online Spaces in Hungary. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 171–202. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2037>. (In Russ.)

ОТ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ДО #FREEUNIVERSITY: АКТИВИЗМ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ОФЛАЙН- И ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ В ВЕНГРИИ

СИРМАИ Эва — PhD, доцент Института культурологии, заведующая медиа-образованием, Педагогический факультет им. Юхаса Дьюлы, Сегедский университет, Сегед, Венгрия
E-MAIL: eva.szirmai@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6632-5815>

FROM FREE UNIVERSITY TO #FREE-UNIVERSITY: STUDENT AND TEACHER ACTIVISM IN OFFLINE AND ONLINE SPACES IN HUNGARY

Eva SZIRMAI¹ — PhD, Associate Professor at the Institute of Cultural Studies, Head of Media Education (Juhász Gyula Faculty of Education)
E-MAIL: eva.szirmai@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-6632-5815>

¹ University of Szeged, Szeged, Hungary

Аннотация. Работа посвящена движениям студентов и преподавателей Сегедского университета, в частности, в период после смены политического режима Венгрии в 1989 г. Автор рассматривает офлайн- и онлайн-формы гражданского активизма с трех точек зрения, исследуя (1) взаимосвязь между институализированными и спонтанно организованными группами студентов и преподавателей, (2) адаптацию инструментов политического активизма к онлайн-пространству и (3) инструменты и способы глобальной, национальной и локальной мобилизации.

Особое внимание в статье уделено эффектам пандемии коронавируса, проявившимся в виде ограничения права на собрания. Автор рассматривает онлайн-платформы, ставшие особенно ценными в замене личного контакта, утраченного в результате дистанционного образования, и меры политики в области высшего образования, вызвавшие наибольший протест в самых разных формах. Специальный фокус сделан на коммуникационной стратегии «Сети преподавателей», сформированной в 2012 г., и постоянно ме-

Abstract. The paper considers the movements of students and teachers at the University of Szeged, particularly in the period after the change of the political regime of Hungary in 1989. The author examines offline and online forms of civic activism from three points of view, examining (1) the relationship between institutionalized and spontaneously organized groups of students and teachers, (2) the adaptation of the tools of political activism to the online space, and (3) the tools and methods for global, national, and local mobilization.

The study focuses on the effects of the coronavirus pandemic, which have manifested itself in the form of restrictions on the right to assembly. The author considers online platforms that have become particularly valuable in replacing personal contact lost to distance education, and the higher education policies that have generated the most protests in a wide variety of forms. A special focus is made on the communication strategy of the Lecturers' Network, formed in 2012, and the student groups constantly changing in communicating these developments, as well as their impact on public opin-

нящихся в связи с этими событиями студенческих группировках, а также их влиянии на общественное мнение, руководство университета и гражданские отношения.

Помимо контент-анализа первичных документов и дискурсов социальных сетей, автор работает с материалами глубинных интервью и анкетных опросов для проверки гипотезы о том, что социальные сети и онлайн-пространство не заменяют силу личной политической активности, но играют роль в видимой мобилизации «революционеров в кресле», а не в политике участия.

Ключевые слова: Сегедский университет, политика высшего образования, студенческое самоуправление, организации гражданского общества, НПО, офлайн-активизм, онлайн-активизм

ion, university management, and civic attitudes.

In addition to the content analysis of primary documents and discourses of social networks, the author works with materials of in-depth interviews and questionnaires to test the hypothesis that social media and online space do not replace the power of personal political activity, but play a role in the apparent mobilization of «revolutionaries in the chair» rather than the politics of participation.

Keywords: University of Szeged, higher education politics, student government, civil society organisations, NGOs, offline activism, online activism

Введение

Сегедский университет в его нынешнем виде возник в 2000 г. в результате процесса интеграции, объединившей в одном учреждении четыре высших учебных заведения города — три факультета Сегедского университета имени Атилы Йожефа (JATE; факультет гуманитарных наук, факультет права и политологии, факультет естественных наук), Медицинский университет имени Альберта Сент-Дьёрдьи (SZOTE), Педагогический институт имени Дьюлы Юхаса (JGYTF) и Сегедский колледж пищевой промышленности, — а также Сельскохозяйственный колледж города Ходмезёвашархей. Сегедский университет с его 12 факультетами¹ охватывает весь спектр² направлений высшего образования в Венгрии. Учреждение датирует свое существование с момента «переезда» Университета Клуж-Напоки в Сегед в 1921 г. Хотя интеграция не была гладкой, поскольку было трудно согласовать интересы 12 факультетов разного профиля, сегодня это крупнейший работодатель в городе и регионе, и как учреждение, отвечающее за здравоохранение, оно является важным игроком в проектах развития Южной Венгрии. Университет предлагает программы бакалавриата, магистратуры, докторантуры, педагогической

¹ В дополнение к вышеперечисленным факультетам в качестве отдельных факультетов были созданы факультет здравоохранения и социального обучения, стоматологический, фармацевтический, экономический факультеты, а также музыкальный факультет, ныне называющийся факультетом искусств имени Белы Бартока.

² Технично-инженерное образование было организовано с преобразованием Колледжа пищевой промышленности в инженерный факультет.

и медицинской переподготовки, аспирантуру и другие курсы, на которых обучается около 25 тыс. студентов и работает почти 10 тыс. сотрудников. Правительственные и местные решения по интеграции и другим вопросам, затрагивающим высшее образование в целом (разрешенные курсы и программы, число принимаемых студентов, распределение студентов на бесплатные и льготные курсы, переход на Болонскую систему и т. д.), привели к конфликтным ситуациям и поставили под сомнение автономию университетов. Как и во многих других странах Европы, Болонский процесс, направленный на создание единого европейского пространства высшего образования, привел к ограничению автономии университетов [Mikecz, 2013: 104], что впоследствии вызвало студенческие протесты в некоторых государствах — членах ЕС.

В данной статье я анализирую изменения, произошедшие в «традиционных» платформах политического участия. С точки зрения нашей основной темы особенно интересно, как местные инициативы (в данном случае — студенческие акции в Сегедском университете и его предшественниках) смогли распространиться на национальном уровне (1956, 1988) и как национальные движения повлияли на местные инициативы (2013, 2020). Я рассмотрю, как этот процесс ускорился с привлечением онлайн-платформ и как сети связей расширились, став комплексными. В то же время бросается в глаза, что инициативы на местном или институциональном уровне, которые, как правило, не касаются вопросов государственной политики высшего образования или критики политической системы в целом, сопровождаются большим интересом со стороны ближайшего окружения. В этом отношении события 2020/2021 учебного года особенно наглядны: с одной стороны, системные движения, связанные с изменением модели университетов («формирования фондов»), с другой — специфическая для каждого заинтересованного университета активность позволяют точно определить рамки возможностей создания сетей. Ситуация особенно противоречива, поскольку эпидемия и чрезвычайные меры, затрагивающие высшее образование (онлайн-образование, запреты на публичные собрания и т. п.), вызвали необходимость использования новых платформ, которые не обязательно заменяют личное участие.

Исходя из вышесказанного, я проверяю обоснованность следующих гипотез:

— начиная со второй половины 1980-х годов студенческие движения организовывались в оппозиции к институционализированным в университетской системе студенческим организациям, в критическом ключе требуя обновления высшего образования, университетской автономии и участия студентов в университетских процессах;

— студенческий активизм в своих формах соответствует протестным акциям, которые происходили по всему миру в XX и XXI веках, но адаптация его инструментов к онлайн-платформам не приносит существенных отличий и преимуществ; новизна заключается прежде всего в скорости создания сетей и передачи информации;

— общие платформы для национального и местного студенческого активизма имеют ограниченные возможности для сотрудничества; шансы на мобилизацию заметно вырастают, когда поднимаются местные проблемы и вопросы, связанные с конкретными учреждениями.

Особую роль в студенческих движениях играет гражданская организация — Сеть преподавателей (*Oktatói Hálózat, ОНА*), сформированная в 2012 г. и объединяющая преподавателей, многие из которых участвовали в движениях 1980-х годов (некоторые из них как студенты) и следили за событиями, подготовившими и сформировавшими нынешнюю ситуацию. «Пересечение поколений», характерное для связей преподавателей со студентами, позволяет развивать специфическую систему отношений: по сути, общие цели ведут к полному сотрудничеству, в то время как используемые методы могут различаться. Помимо радикальных форм студенческого протеста (оккупация университетских зданий, сидячие забастовки, уличные демонстрации), ОНА³ — хотя поддерживает акции студентов, — предпочитает более «интеллектуальные» методы (резолуции, петиции, обсуждения), направленные на развитие конструктивного диалога. Как показывает опыт, эти две практики не исключают друг друга, поэтому сотрудничество выгодно обеим сторонам, так как обеспечивает отношения на равных между преподавателями и студентами.

Теоретический бэкграунд: сети и связи

Влияние компьютерных коммуникационных технологий на культуру и политическую коммуникацию

В своей монументальной трехтомной работе [Castells, 2005, 2006, 2007] Мануэль Кастельс во второй половине 1990-х годов (пере)интерпретировал с точки зрения влияния массмедиа на культуру представление Маршалла Маклюэна о конце бумажной культуры. М. Кастельс рассматривает главные факторы «сетевых обществ» (культура, экономика, идентичность, понятия нации) в терминах информации, коммуникации и глобализации. Он считает, что, возможно, самая важная особенность «конца тысячелетия» заключается в том, что с появлением компьютерных коммуникационных технологий (*computer-mediated communication, СМС*) и мультимедиа наше отношение к пространству и времени постоянно переоценивается. С одной стороны, глобальная культура характеризуется уравнивающим и однозначным характером массовых культурных сообщений, но с другой — именно постоянное самоутверждение местных культур является главной чертой глобальной культуры. По словам М. Кастельса, «различные СМИ действительно взаимодействуют на глобальном уровне <...>, но мы живем не в глобальной деревне, а в глобально созданных и распределенных, сделанных на свой заказ хижинах в разных местах» [Castells, 2005: 450]⁴. Ю. Хабермас видит влияние глобальных процессов массовой коммуникации на изменение нашего восприятия места и времени. По мнению Дж. Мейровица, существует определенная параллель между восприятием пространства в кочевых обществах охоты и собирательства и особенностями нашего информационного века, поскольку для обоих характерно снижение значимости собственного пространства, то есть собственные дела и дела других больше не разделены, все вовлечены во всё [Meurowitz, 1985: 316]. Ю. Хабермас находит подтверждение этому в революционных событиях 1989 г. в Центральной и Восточной Европе, но такое же отношение можно увидеть и в том, как сегодня воспринимаются и трактуются политические процессы и деятели.

³ Приложение 1 содержит список сокращений и акронимов, использованных в статье.

⁴ Выделено курсивом в оригинале.

Сети

В первом десятилетии XXI века публикации, посвященные сетевым исследованиям [Barabási, 2002; Newman, Barabási, Watts, 2006] и критически рассматривающие некоторые их аспекты [Thacker, 2004a, 2004b], стали особенно важными для понимания социальных явлений. Применение принципа «все связано со всем» (*everything is connected to everything*) к аналогичным явлениям биологии, физики, медицины, культуры, социальных наук и интерпретации процессов во Всемирной сети оказалось плодотворным подходом философии науки. Как утверждает Альберт-Ласло Барабаши [Barabási, 2002], в системах, которые развиваются нерегулируемым, то есть естественным образом, отношения не возникают случайно: новые участники обычно связаны с предыдущими центрами отношений. В то время как А.-Л. Барабаши применяет в основном топографические примеры автомобильного и воздушного транспорта для иллюстрации возникновения и функционирования сетей, Ю. Тэккер [Thacker, 2004a] интерпретирует социальные явления в терминах сетевых элементов в биологии и животном мире. Различение «роев» (*swarms*) и «множеств» (*multitudes*) кажется особенно важным в его теории, поскольку их модели и организация очень похожи на те, что наблюдаются в обществе. Однако он подчеркивает, что «смешение связности (*connectivity*) с коллективизмом (*collectivity*) приводит к такой форме политики, в которой простое подключение к интернету становится синонимом политической активности» [Thacker, 2004a]. В более позднем сборнике исследований группа ученых под руководством А.-Л. Барабаши рассмотрела более широкую тематику, включая закономерности распространения вирусов и страхов и другие глобальные сетевые явления, особенно актуальные сегодня [Newman, Barabási, Watts, 2006]. В нашей работе этот теоретический подход представляется особенно перспективным для анализа политической активности, формирования групп, возникновения и распространения локальных и глобальных паттернов, а также структурирования социальных сетей.

Социальные сети

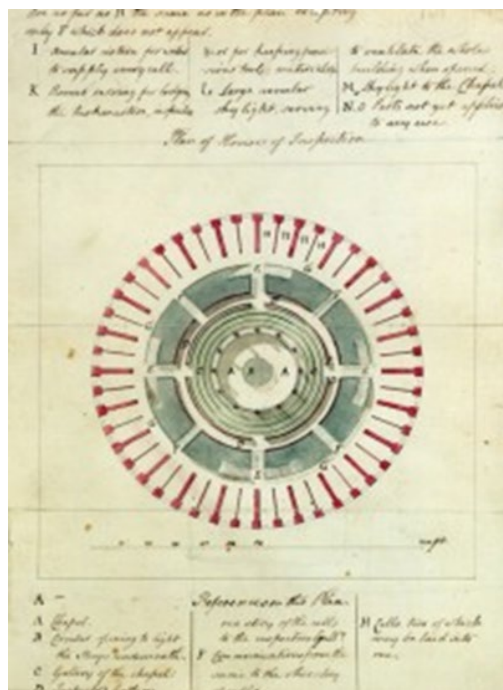
Существует два различных подхода к интернету и социальным медиа [Bajomi-Lázár, 2005; Gerodimos, 2005; Bennett, 2012; Gerodimos, Justinussen, 2014; Szirmai, 2019]. Оптимистический подход подчеркивает свободу сети, эгалитаризм низового демократического строительства; его приверженцы рассматривают интернет-пространство как средство непосредственного осуществления основных демократических прав. Они определяют его как общественный форум, пространство для свободного выражения мнения, которое противостоит любому намерению регулировать или влиять, то есть вмешиваться со средствами власти. С другой стороны, скептики видят опасность анархии в веб-коммуникации, когда в систему вводится неконтролируемая (псевдо)информация — часто созданная в манипулятивных целях профессионалами, генерирующими коммерческо-политическо-маркетинговые процессы. Следовательно, виртуальная демократия, считают скептики, на самом деле может быть пространством для контролируемого обсуждения централизованных решений. И хотя сетевые граждане требуют доступа к информации, открытых дебатов и обмена мнениями, а также

возможности влиять на государственную политику, практика пока такова, что онлайн-активность может служить лишь дополнением к офлайн-формам участия граждан [Gerodimos, 2005: 29].

И, наконец, одна из главных претензий скептиков в отношении онлайн-коммуникаций заключается в том, что они способствуют расширению возможности контроля со стороны государства. Хотя понятие интерактивности, возможности участия, публичного форумного характера веб-коммуникации все еще сильно, все больше людей формулируют оруэлловские представления об опасностях постоянной контролируемости, о том, что за ними наблюдают. Дэвид Лион [Lyон, 1994] еще в 1994 г. выразил свои сомнения в книге «Электронное око: рождение общества слежки». Хотя он не предвидел изменений, которые принесла новая среда в последнее десятилетие XX века, в главе своей книги под названием «От Большого брата к электронному Паноптикуму» он прогнозирует возможный ход уже существовавших в то время тенденций. Самая большая опасность обществ наблюдения — это потеря приватности, потеря защиты личных данных. Д. Лион опирается на переосмысление Мишелем Фуко [Foucault, 1990] паноптической модели Иеремии Бентама [Bentham, 1843], которая, по мнению французского (пост)структуралиста, представляет собой «...паноптикум, механизм дисциплины: функциональное устройство, призванное улучшить отправление власти — сделать его легче, быстрее и эффективнее; план тонких принуждений для будущего общества» [Foucault, 1990: 285]. Его наиболее характерной особенностью является то, что он «приводит заключенного в состояние сознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти» [ibid.: 274]. Фуко обрисовал два возможных пути дисциплины: в одной крайности находится закрытый институт, созданный за пределами общества, а другая крайность — паноптицизм. Применение метафоры паноптикума к веб-коммуникации представляется плодотворным подходом. Если метод «дисциплинарной блокады» в World Wide Web можно приравнять к техникам прямой цензуры, таким как полное отключение сети (в современных диктатурах), блокирование и хакерские или кибератаки (последние не обязательно направлены против конструкций власти), то нетехнические методы напоминают паноптикум, непрерывное наблюдение (даже средствами секретных служб), карантин. В случае последнего «на самом деле реальный персонал не нужен — достаточно возможности наблюдения» [Iványi, 2014: 124].

Метафоры агоры и паноптикума, используемые Мартоном Ивани, естественно, отражают то же противоречивое отношение, что и оптимистические и скептические идеи о веб-коммуникации, описанные выше. А пользователь, обладая свободой выражения, интерактивностью и демократией участия, либо осознает, что может стать инструментом властных игр, либо бессознательно обслуживает политико-коммерческие намерения с помощью своей виртуальной личности и персональных данных. Посты, фотографии, комментарии, лайки и поисковые запросы, которыми мы делимся в социальных сетях, дают нам все более полное представление о нас самих, нашем образе жизни и наших политических позициях. Жесты прямого запрета и/или самоцензуры вызывают в памяти эпоху, больше напоминающую паноптикум, чем публичную площадь демократических систем.

Рис. 1. Паноптикум Бентама⁵

За последние годы значительно изменилось отношение молодежи к социальным платформам. Возрастное распределение пользователей Facebook⁶ говорит о том, что 16—25-летние покидают эту платформу — предположительно из-за ощущения постоянного наблюдения и контроля⁷, — отдавая предпочтение более личным средствам общения. В связи с этим возникает вопрос о том, является ли онлайн-активность настоящей альтернативой действиям в физическом пространстве.

Социологические исследования молодежи

Один из центральных вопросов венгерских социологических исследований касается методов и возможностей политической и общественной активности возрастной группы 15—29 лет. Особое внимание в исследованиях уделяется вопросам привлечения в политические процессы студентов университетов. Хотя

⁵ Источник: URL: <https://www.ucl.ac.uk/bentham-project/who-was-jeremy-bentham/panopticon> (дата обращения: 10.12.2021).

⁶ См. об этом ежегодные отчеты We Are Social — с глобальными, региональными и национальными данными. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020> (дата обращения: 10.12.2021).

⁷ Один из моих интервьюируемых <К. Z.> рассказал, что из-за чрезвычайного положения, объявленного в связи с пандемией COVID-19 они не могли публиковать объявления о флешмобах как мероприятия в своих группах в Facebook, поэтому они разработали специальный «тайный язык», чтобы информировать подписчиков и приглашать присоединиться к флешмобу. Конечно, полиция понимала закодированную речь и присутствовала, но не вмешивалась, пока участники не стали «слишком громкими».

существует множество доказательств того, что молодые люди не очень активны в общественной жизни и что это поколение характеризуется пассивностью и политическим абсентеизмом, эти стереотипы не обязательно верны. Исследования, проводимые с 1980-х годов, показывают, что важно отделять интересующих нас студентов университетов от тех, кто окончил только среднюю школу, среднее профессиональное или профессионально-техническое училище или уже находится на рынке труда.

В Сегедском университете в исследовательской группе, основанной Калманом Габором в 1986/87 учебном году, непосредственно перед сменой режима, были проведены исследования [Gábor, 1993, 2001], показавшие, что в тот момент у студентов происходило изменение ценностей и отношения к культурному капиталу и материальным благам. К. Габор считает, что эти изменения носят поколенческий характер, и в сборнике статей под характерным названием «Цивилизационные изменения и молодежь» он и другие авторы доказали, что для возрастной группы студентов характерно активное участие в общественной жизни. Иван Балог [Balog, 1993] пришел к подобным выводам в своем анализе студенческих движений в Сегедском университете в 1980-х годах.

С 2000-х годов исследования возрастной группы 15—29 лет получили новый импульс, включая изучение политической активности студентов университетов [Bauer, Szabó, 2011; Szabó, 2014; Szabó, Susánszky, Oross, 2019]. Помимо теоретических подходов, все большее внимание уделяется описанию студенческих движений, инициатив, офлайн- и онлайн-протестных акций, а также встраиванию их деятельности в международный контекст. Чаба Янчак рассматривает платформы студенческой партиципации с 1940-х годов [Jancsák, 2019], Гергей Эклер изучает роль студенческого самоуправления [Ekler, 2008], а Мартон Герё анализирует историю и функционирование сетевых и неинституционализованных движений на примере «Сети студентов» [Gerő, 2013].

Методы исследования

Для данного исследования я выбрала смешанную методологическую стратегию [Morse, 2003], то есть использовала как количественные, так и качественные методы социальных наук. В связи со специфичностью целевой группы и темы, предполагались доступ к интернету, участие в социальных сетях и наличие необходимого оборудования и программного обеспечения, поэтому я использовала предоставляемые интернетом возможности для всех трех методов исследования.

Онлайн-анкета

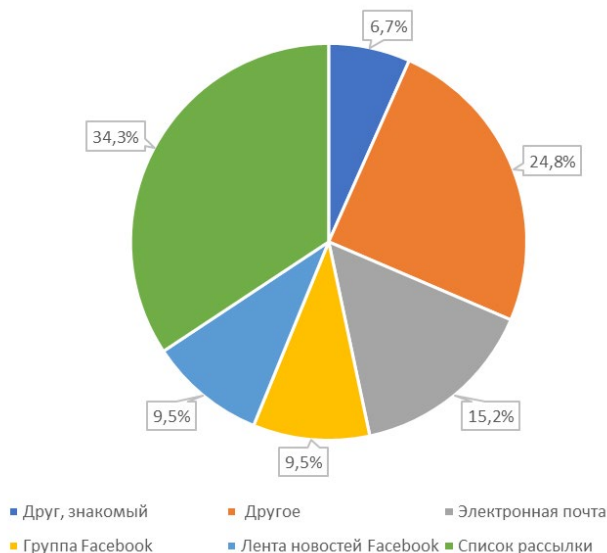
Анкета⁸, содержащая в общей сложности 35 вопросов, предназначенных для трех целевых групп (преподаватели, студенты, другие заинтересованные лица), была подготовлена и разослана респондентам с помощью онлайн-программы Survio. Поскольку значительная часть вопросов анкеты послужит основой для последующего исследования общественной и политической активности членов «Сети преподавателей», а также участия организации в университетской политике,

⁸ Анкета доступна по следующей ссылке: Szirmai É. (2021) Freeuniversity — Infosztrájk. *Survio*. 15 июня. URL: <https://www.survio.com/survey/d/C7L9G8K9D7R1A7D5V> (дата обращения: 14.11.2021).

в данном исследовании я буду рассматривать только те вопросы, которые касались именно офлайн- и онлайн-активности студентов и преподавателей.

Я решила предложить респондентам заполнение анкеты онлайн, потому что, с одной стороны, могла сделать важные выводы о доступности онлайн-платформ, которые я хотела проанализировать, а с другой стороны, потому что ситуация пандемии коронавируса сделала прямой доступ и запросы респондентам практически невозможными. До сих пор у меня был положительный опыт работы с Survio, но в данном исследовании количество незавершенных анкет было поразительно высоким (141). Как сообщили некоторые из моих респондентов, причиной могла быть ошибка программного обеспечения. И все-таки 101 заполненная анкета, по моему мнению, хорошо отражает исследуемые тенденции. Пройти анкету было возможно с середины июня до конца июля 2021 г., при этом особенно большое количество посещений было 21 июня (71) и 5 июля (41). Последнее можно объяснить тем, что в те дни я рассылала анкету по списку рассылки⁹ с очень большим количеством подписчиков. На вопрос об источнике получения анкеты (вопрос 34) 36 респондентов (34,3%) выбрали «список рассылки» и 16 (15,2%) — «электронная почта». Группа Facebook¹⁰ или лента Facebook (по 10 упоминаний каждого) кажутся довольно неэффективными. Я предполагаю, что список рассылки и личная электронная почта являются более эффективными средствами достижения целевой панели, нежели основанная на непредсказуемом алгоритме лента новостей.

Рис. 2. Источники получения анкеты

⁹ Имеются в виду национальные списки рассылки «Сети преподавателей» и факультетские списки рассылки двух факультетов Сегедского университета.

¹⁰ Я поделилась информацией о наличии анкеты с группами, включенными в исследование (см. Приложение № 2), то есть с группами, которые непосредственно вовлечены в исследование. В ленте новостей Facebook ссылка на анкету публиковалась под моим собственным профилем и распространялась моими же друзьями.

В вопросе 2 спрашивалось о роде занятий респондентов, и выборка сегментировалась в зависимости от ответа (действующий/вышедший на пенсию преподаватель/работник; студент; работник общественного образования и другое), респонденты продолжали заполнять анкету в соответствующем пункте. Поразительно высокая доля преподавателей и сотрудников университетов среди респондентов также может быть объяснена личным контактом, как указано выше.

Рис. 3. Распределение респондентов по профессии

Следующие вопросы анкеты — в соответствии с гипотезами исследования — были посвящены офлайн- и онлайн-активности, сетям студенческих движений, отношениям между институционализированными официальными организациями и организациями гражданского общества, а один вопрос был посвящен оценке текущей ситуации (изменение модели, актуальные проблемы политики высшего образования). Оценка всей анкеты выходит за рамки данной статьи, поэтому я рассмотрю только те вопросы, которые тесно связаны с тематикой. В дальнейшем я планирую измерить и оценить сеть преподавателей, а также их общественную и политическую активность.

Интервью

Я провела полуструктурированные глубинные интервью с общественными деятелями Сегедского университета (см. приложение 2), которые в изучаемые периоды (2012/2013 и 2020/2021) играли определенную роль либо в «институционализированных» («Студенческое самоуправление»), либо в формирующихся

«Гражданских¹¹» («ПочемуСтуденты?», «Сеть преподавателей», «Veritas, Virtus, Libertas») движениях. Студенческие организации предыдущих периодов — 1940-х, 1956, 1988 гг., — а также последующих лет были глубоко изучены исследователями [Balog, 1993; Ekler, 2008; Szilasi, 2014; Jancsák, 2019]. События национального масштаба 2012/2013 учебного года (деятельность «Сети студентов» и «Сети преподавателей») также анализировались в научных публикациях [Mikecz, 2013; Gerő, 2013; Gerő, Susánszky, 2014; Susánszky, Gerő, 2014], но, на мой взгляд, конкретная ситуация Сегедского университета заслуживает отдельного исследования, поскольку именно здесь состоялись наиболее яркие акции протеста против политики высшего образования, основанные на сотрудничестве студентов и преподавателей, но также возникли и местные инициативы, имеющие значение за пределами университета. В соответствии с гипотезами, в интервью я в первую очередь спрашивала о взаимоотношениях с национальными движениями и руководством университета о взаимоотношениях между действующими и вновь образованными институциональными студенческими представительскими организациями, об офлайн- и онлайн-формах протеста, но также уделила особое внимание дальнейшей судьбе студенческих и преподавательских организаций и оценке особых обстоятельств, вызванных пандемической ситуацией.

Из восьми глубинных интервью четыре были проведены в формате личных встреч (и были записаны на аудио), а четыре — на BigBlueButton, онлайн-платформе для встреч, которой в период дистанционного обучения пользовался Сегедский университет. Преимущество программы в том, что она не требует от приглашенных регистрации, а дискуссия может быть записана на видео и аудио. Интервьюируемые охотно согласились принять участие и отвечали на вопросы с удивительной открытостью и честностью. Особая ситуация возникла с Т.М., бывшим главой студенческого совета университета на протяжении 14 лет, в течение которых у него были переменчивые, но в основном конфликтные и даже судебные отношения с администрацией университета. Он согласился на интервью, но при условии, что не будет касаться своей личной карьеры, а только роли студенческих движений и «Студенческого самоуправления». За тремя исключениями, мои интервьюируемые согласились на то, чтобы их имена и должности были обозначены. Трое из них попросили, чтобы их инициалы были указаны, поэтому я перечислила остальных как таковых. У меня есть аудиозаписи и расшифровки интервью, а также заявления участников о разрешении на запись.

Анализ онлайн-платформ

Я посчитала особенно важным проанализировать онлайн-присутствие организаций студентов и преподавателей (см. приложение 3) и рассмотрела наиболее часто используемые жанры и платформы (веб-сайты, блоги, социальные сети — Facebook, YouTube, Instagram) с точки зрения их использования и посещений. Я сосредоточилась в первую очередь на организациях в Сегеде, но мне показалось важным указать сходства и различия между национальными и местными инициативами.

¹¹ Гражданские — в данном случае относятся к неинституционализированным низовым демократическим группам, организованным в сети и считающимся нелегитимными со стороны правительства и институционального руководства.

Анализ показывает, что можно проследить процесс постепенной утраты актуальности нынешних гражданских студенческих движений, когда онлайн-платформы используются почти исключительно для мобилизации, повышения осведомленности и передачи актуальной информации. Конечно, есть исключения: институционализованные студенческие организации (НÖОК, SZTE ЕНÖК) считают очень важным использовать все возможности онлайн-пространства для постоянной коммуникации, но точно так же и «Сеть преподавателей» регулярно делится контентом как на своем сайте, так и в социальных сетях. Поколения преподавателей предпочитают традиционные, офлайн-формы общения, в то время как самое молодое поколение отдает предпочтение YouTube и Instagram. Я подозреваю, что последнее может быть связано с тем, что это поколение с удовольствием использует визуальные средства коммуникации, а не текстовый, аналитический контент.

Движения студентов и преподавателей в Сегеде

В Венгрии в течение нескольких лет, непосредственно предшествовавших смене режима 1989 г., возможность перемен уже стала ощутимой, что привело к первым крупным студенческим движениям. В следующей таблице представлены университетские движения, организованные на национальном уровне и в Университете Сегеда (Университет имени Атилы Йожефа).

Таблица 1. **Сводная таблица деятельности студентов и преподавателей**

	1988	1995	2012/2013	2020/21
Основные цели	<ul style="list-style-type: none"> — Свобода образования, свободный отбор преподавателей и студентов, отмена централизованного регулирования учебных планов, отмена мировоззренческих курсов [Szilasi, 2014]; — система представительства студентов (HKR) — снижение роли KCM (KISZ); — университетская автономия. 	Отмена системы платы за обучение и студенческих кредитов.	<ul style="list-style-type: none"> — Реакция на государственную политику в сфере высшего образования — в то же время направлена на общую демократизацию университетской системы [Gerő, Susánszky, 2014: 132]; — «Ничего о нас без нас!» — представительство студенческого самоуправления в Сенате¹². 	<ul style="list-style-type: none"> — Университетская автономия, прекращение изменения модели / формирования фондов; — в Сегеде: отмена решения о смене названия университета, этические исследования в отношении некоторых преподавателей.

¹² В соответствии с Национальным законом о высшем образовании руководящим органом высшего учебного заведения является Сенат. Председателем Сената является ректор.

	1988	1995	2012/2013	2020/21
Офлайн-формы активностей	— Оккупация университета, забастовка; — «Gondolatjel» (Тире) — полусамиздатский журнал; — второй, или летучий, университет ¹³ [Balog, 2017: 47].	Ряд протестов, массовых демонстраций.	— Sit in, голодовка, оккупация университета; — форум, конференция «Свободный университет» («незабастовка»); — шествия.	— флешмоб; — массовая демонстрация, шествия, оккупация университета (SZFE); — срыв заседания Сената.
Онлайн-формы активностей	(YouTube-видео) ¹⁴	—	— Блог, прямая трансляция событий; — YouTube-видео; — Facebook.	— Пленум, онлайн-форумы; — социальные сети: мероприятия, группы.
Актеры	— Студенты и преподаватели гуманитарного факультета JATE; — Сёвени Жолт, руководитель Департамента высшего образования Министерства культуры; — руководители университета и факультета, партии и KISZ (КСМ).	— НОКОСЗ (Национальная ассоциация студенческих самоуправлений); — министр финансов и премьер-министр.	— НОК; — «Сеть студентов»; — «Сеть преподавателей»; — Профсоюз работников высшего образования.	НОК, ОНА, VVL, FreeSZTE, FDSZ.

В таблице 1 не делается различие между национальными (в основном будапештскими) и сегедскими событиями и протестами, хотя есть несколько элементов, похоже, специфически «сегедских». Один из них — культовое место Auditórium Maximum (Audmax), самый большой лекционный зал факультета гуманитарных наук. В 1956 г. в качестве одного из первых актов революции 16 октября здесь была основана Венгерская федерация студентов университетов и колледжей (MEFESZ), которая требовала реального представительства интересов в противовес тогдашней молодежной организации — Венгерской демократической федерации молодежи (DISZ) (см. рис. 4). В 1988 г. Audmax снова стала центральной ареной событий (см. рис. 5), а затем и в декабре 2012 г. (см. рис. 6). Оккупация университета как форма автономного протеста приобрела особое значение во всем мире в ходе студенческих восстаний 1968 г. [Tarrow, 1993: 297], дав возможность организовать «свободные пространства», «занимающие особое место в создании и поддержке коллективной идентичности. <...> Они дают возможность сообществу развить глубокую и самосознательную групповую идентичность, научиться компетенциям и гражданским качествам, необходимым для формирования общественных дел»

¹³ Второй, или летучий университет — это нелегальный цикл лекций, организованный демократической оппозицией по темам общественных наук, которые не были разрешены в официальных университетских курсах.

¹⁴ Figyelmeztető sztrájk. JATE VTK 1988 // YouTube. 2020. 2 апреля. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rqXVfY6UT_U (дата обращения: 13.11.2021).

[Mikész, 2013: 111]. В декабре 2012 г. Первое предложение учредительного устава «Сети преподавателей»¹⁵ также подчеркивает интеллектуальную преемственность с бывшими университетскими движениями. Именно поэтому символично, что Сегедский университет, предположительно в надежде успокоить студенческие демонстрации, закрыл все свои здания почти на три недели из соображений экономики. Организованное «Сетью преподавателей» мероприятие «Свободного университета — незабастовки» больше не могло проводиться в Audmax и проходило в Szent-Györgyi Albert Agóra — общественном культурном учреждении нового типа в Сегеде¹⁶. Декан факультета гуманитарных наук все же разрешил «Сети преподавателей» проводить свои форумы в Auditorium Maximum до апреля 2015 г. (см. рис. 6), но в 2018 и 2020 гг. мероприятия проходили в Agóra и Grand Café.

Рис. 4. Образование MEFESZ,
20 октября 1956 г.¹⁷

Рис. 5. Предупредительная забастовка,
28 сентября 1988 г.¹⁸

Рис. 6. Протестующие студенты,
17 декабря 2012 г.¹⁹

Рис. 7. «Вызовы: форум о закрытии
специализаций», 22 апреля 2015 г.²⁰

¹⁵ «Сознавая нашу социальную ответственность и в соответствии с традициями Сегедского Аудиториума Максимума 1956 и 1988 гг., мы сегодня учреждаем „Сеть преподавателей“ Сегедского университета». Источник: Oktatói Hálózat — Szegedi Tudományegyetem // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/oha.szte> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁶ Главу муниципального культурного заведения позже спросили, почему она позволила оппозиционное мероприятие, но городские власти приняли аргумент, что мероприятие было открыто для жителей Сегеда и является знаком хороших отношений между городом и университетом.

¹⁷ Источник: Újszászi I. «Vihar van Szegeden, tisztító vihar...» // SZTE kezdőoldal. (2017) 1956. 21 октября. URL: <https://u-szeged.hu/sztechirek/2017-oktober/1956-oktober-20-vihar> (дата обращения: 14.11.2021).

¹⁸ Figyelmeztető sztrájk. JATE VTK 1988 // YouTube. 2020. 2 апреля. URL: https://www.youtube.com/watch?v=rqXVf6UT_U (дата обращения: 13.11.2021).

¹⁹ Источник: A szénzünetben sem hallgatnak a hallgatók // Szeged.hu. 2012. 30 декабря. URL: <https://szeged.hu/archiv/16593> (дата обращения: 14.11.2021).

²⁰ Источник: URL: Felsőoktatási fórum Szegeden // Delmagyar.hu. 2015. URL: <https://www.delmagyar.hu/galeria/felsooktatasi-forum-szegeden-1056730/28> (дата обращения: 14.11.2021). Гость Форума Золтан Маружа, заместитель государственного секретаря по вопросам высшего образования.

С точки зрения акторов, события в Сегеде также имеют некоторые характерные особенности. С одной стороны, роль «Студенческого самоуправления» в университетских демонстрациях заслуживает особого внимания, а с другой — отношения между гражданскими организациями и администрацией университета в Сегеде сложились несколько иначе, нежели в стране.

К моменту начала студенческих демонстраций 1988 г. неизбежность краха однопартийной системы была уже очевидна, и государственное и партийное руководство все больше рассматривало студентов, инициировавших обновление высшего образования, в качестве партнеров. Система студенческого представительства была призвана заменить распадавшийся Венгерский коммунистический союз молодежи (KISZ), который был не в состоянии выполнять свои функции. Приглашенным гостем форума 28 сентября 1988 г. был Жолт Сёвени, руководитель отдела высшего образования Министерства культуры, который позже оценил этот процесс как период «выхода на первый план необходимости социальной демократизации наряду с ответственностью и участием государства» [Szövényi, 2015: 2]. Многие требования Сегеда были выполнены в результате поправок к закону: например, отменено обязательное преподавание русского языка и предметов марксизма-ленинизма (политэкономии, диалектического и исторического материализма и т. д.). Но что более важно, была создана новая платформа для представительства студентов — «Студенческое самоуправление», которое очень быстро потеряло свой оппозиционный характер.

Процесс институционализации резко отделил студенческое самоуправление от гражданских групп, осуществляющих «неинституционализированные коллективные действия» (*non-institutionalized collective actions* [Gill, DeFronzo, 2009: 208]). Когда я в интервью спросила Т.М. об их отношениях со «Сетью студентов» и «ПочемуСтуденты?»²¹ в Сегеде, он ответил, что, во-первых, «Сеть студентов», по его воспоминаниям, была создана просто потому, что лидеры студенческих организаций факультета гуманитарных и социальных наук Университета Этвёша Лоранда конфликтовали друг с другом. С другой стороны, лично ему было некомфортно от конфликтных отношений с местными силами. Это подтвердили М.Г. и Sz.B., которые, в свою очередь, считали, что «Студенческое самоуправление» срывает их планы: инициированные ими акции (форумы, уличные шествия), которые должны были пройти по сценарию в основном будапештских демонстраций, были «украдены» «Студенческим самоуправлением». М.Г. привел в пример форум 10 декабря: в то время как демонстранты в столице сообщили по телефону, что готовятся занять мост, аналогичному намерению в Сегеде помешал президент «Студенческого самоуправления», призвавший толпу проявить солидарность со студентами, устроившими сидячую забастовку в здании правительства области Чонград. Толпа — многочисленная, но преследовавшая разные цели — в конце концов разошлась перед зданием администрации.

²¹ В Сегеде ситуация была особенной еще и потому, что местная ячейка Студенческой сети практически не действовала, предположительно созданная самим Студенческим самоуправлением университета и «назначившая» своим руководителем функционера Студенческого самоуправления. Так, национальная сеть поддерживала контакт с группой студентов-журналистов, с сайта mierthallgatok.blog.hu, которые считались местной ячейкой ХаХа (<С.Б.>). <Т.М.> решительно отверг эту теорию. Название *MiértHallgatók?* основано на непереводаемой языковой игре: в венгерском языке слово *hallgató* имеет три значения: 1. студент; 2. слушатель; 3. молчаливый. Вопрос «*Miért hallgató?*» относится к мотивам студентов университета и к тому, почему они молчат.

Между сетями и институциональными НОК также наблюдалась значительная разница в методах: в то время как НОК в Сегеде считал, что формальный способ лоббирования — это путь к успеху, «Почему Студенты?» выбрали бы более радикальные решения. Здесь также наблюдалось национальное различие в динамике отношений между НООК и НаНа. В среднем периоде, до конца 2013 г. отношения характеризуются сотрудничеством, а в третьем, когда НООК уже не верит в успех уличных акций, они снова становятся конфликтными. «У НаНа не осталось других средств, поскольку его вытесняли из официальных каналов защиты интересов» [Gerő, Susánszky, 2014: 128]. О.К. сегодня видит еще одну причину непоследовательности отношений НОК с «гражданскими» организациями: по ее словам, хотя они во многом мыслят одинаково (например, о смене названия университета, «смене модели»), «Студенческое самоуправление» стратегически не могло слишком рано обнародовать свою позицию, но они систематически зондировали мнение студентов в конфликтных ситуациях и последовательно представляли их на голосованиях в совете факультета и Сенате. По словам Т.М., в 2013 г. самым важным было то, что в результате демонстраций им удалось сохранить свое 30-процентное представительство в Сенате. Это закрепило институционализированную структуру, к которой до сих пор с подозрением относятся студенты, интересующиеся университетской политикой: организация, которая началась как движение, действует и одомашнивается в пространстве, разграниченном функциями защиты студенческих интересов, администрации, экономики и бизнеса. В свою очередь, сотрудники НОК «собирают и хранят знания и навыки, приобретенные в вышеупомянутых рамках, как своего рода культурный и реляционный капитал, готовясь к серьезной конкуренции на рынке дипломов» [Jancsák, 2019: 165]. Сети постепенно теряют свою массовую базу, а студенчество, которое меняется каждые три-шесть лет, не в состоянии поддерживать определенную преемственность в гражданском движении. Всегда все приходится начинать сначала.

В период с 2018 по 2021 г. история студенческих движений во многом похожа на предыдущие. На национальном уровне основными темами студенческих и преподавательских инициатив были процесс «изгнания» Центрально-Европейского университета (CEU)²², ликвидация сети исследовательских институтов Венгерской академии наук (MTA) и изменение модели университета, а на местном уровне — предложение Сената об изменении названия университета и две акции, призывающие к этической ответственности преподавателей университета. Во всех трех случаях, имеющих национальную значимость, ученые, студенты и исследователи снова находятся на одной платформе. Первые, CEU и MTA, вызвали протесты во всем мире, причем самые авторитетные представители академического мира выразили солидарность с венгерскими учеными. К этим протестам присоединились и недавно созданные онлайн-платформы академического персонала²³, преемники сетей — в частности, «Сети преподавателей», а также другие субъекты высшего образования и студенческие организации. Все они воспринимали решения правительства как

²² Из-за юридических поправок, внесенных правительством Венгрии, с первого января 2019 г. Центрально-Европейский университет (CEU) (финансируемый американским бизнесменом венгерского происхождения Джорджем Соросом) не сможет принимать новых студентов, поэтому принято решение с сентября 2019 г. продолжить учебную программу в Вене.

²³ Форум академического персонала. См.: Akadémiai Dolgozók Fóruma // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/akademiaidolgozokforum> (дата обращения: 14.11.2021).

кражу свободы венгерской культуры, науки и образования на идеологических основаниях. Изменение модели университетов (в терминологии оппонентов — формирование фондов) позволит вывести все высшие учебные заведения страны из-под государственного финансирования, передать их активы в общественные фонды и поручить управление ими попечительскому совету из пяти человек, назначаемому главой правительства. Хотя некоторые крупные учебные заведения находятся в процессе реструктуризации уже два года, 12 университетов (включая три нестоличных — Дебрецен, Сегед и Печ) пытались пройти это быстро, в течение нескольких месяцев. Студенты и преподаватели Будапештской академии театра и кино еще до объявления чрезвычайного положения (то есть ограничения права на собрания) в связи с эпидемией SARS-CoV-2 использовали весь репертуар студенческих движений: оккупация университета, форумы, забастовки, уличные демонстрации, петиции. Обладая прекрасным драматургическим чутьем и техническими навыками, студенты с художественным образованием, на стороне которых была почти вся театральная и киноиндустрия, сумели вывести свои действия на национальный уровень, особенно после того, как стало ясно, что изменение модели затронет еще 12 учебных заведений (см. рис. 8). Как и во многих других местах по всей стране, в Сегеде прошли демонстрации солидарности и выступления, но поскольку университет уже перешел на дистанционное обучение, они проводились в символических местах, таких как площадь Дугонич, которая, как и *Audítórium Maximum*, стала центральным местом демонстраций (см. рис. 9).

В январе 2021 г. стало ясно, что SZTE был включен в число университетов, меняющих модель. Сегедское отделение «Сети преподавателей» и *Veritas Virtus Libertas*²⁴ присоединились к национальным акциям, которые в связи с эпидемиологическими ограничениями теперь проходили почти исключительно онлайн. Из 12 университетов, ожидающих смены модели, только в Печском и Сегедском университетах состоялись серьезные протесты, и в результате руководство Сегедского университета обеспечило — сначала ограниченную, а затем полную — публичность заседаний Сената. Ректор и канцлер организовали два онлайн-форума, второй из которых был проведен 3 мая 2021 г. Иштваном Штумпфом, уполномоченным правительства, ответственным за модельные реформы, после того как парламент одобрил передачу 12 институтов общественным фондам. Тем временем организации преподавателей и студентов проявляли активность в виртуальном пространстве: ОНА и Тайный университет провели серию консультаций, а в период с 26 ноября по 21 апреля 2020 г. девять онлайн-форумов — на платформе Zoom, с докладчиками, следуя заранее определенной повестке дня — были открыты для всех заинтересованных сторон²⁵. Эти онлайн-мероприятия напоминали студенческие форумы 2012/2013 учебного

²⁴ *Veritas, Virtus, Libertas* изначально был девизом Сегедского университета, одним из элементов его идентификации. Сообщество VVL в Facebook, основанное в 2019 г., является «группой самоорганизующихся граждан Сегедского университета». См.: VVL—*Veritas Virtus Libertas* // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/VVL.VeritasVirtusLibertas> (дата обращения: 14.11.2021).

²⁵ Просветление 1. Для чего нужен университет? 26.11.2020; Просветление 2. «Смена модели» — почему и как? 03.12.2020; Просветление 3. Студенческие движения — тогда и сейчас. 10.12.2020; А как насчет автономии университетов? Обсуждение с представителями SZTE и SZFE. 20.01.2021; Просветление 4. Университетская автономия: свободный университет в свободной стране. 04.02.2021; Просветление 5. Приватизация университетов: зачем — для кого? 16.02.2021; Просветление 6. Общественная жизнь университета, политика университета — правовые условия. 18.02.2021; Наш университет, ваш фонд. На примере пяти венгерских университетов. 07.04.2021; Конференция *Infostrike* — Участие, гражданское общество, забастовка в высшем образовании и за его пределами. 04.21.2021.

года как по своему содержанию, так и по вопросам и формату, который адаптировал метод испанского Совета людей народных протестов: «эта техника форумов использует знаки из языка жестов глухонемых, чтобы попытаться контролировать большую аудиторию форумов, то есть попытаться устранить шум толпы» [Gerő, 2013: 332]. Модераторы обычно сменяются во время встреч, чтобы разделить ответственность и нагрузку и избежать появления слишком влиятельных участников. У модераторов также есть помощники, которые следят за порядком выступления участников и ведут протокол. Платформа для проведения совещаний Zoom содержит эти элементы на программном уровне, поэтому роль модераторов сводилась к строгому соблюдению временных ограничений приглашенными участниками, а также к отслеживанию письменных материалов в окне чата и очередности желающих выступить. Форумы, собравшие несколько сотен человек, не способствовали диалогу, и хотя организаторы были довольны количеством записавшихся, они столкнулись с теми же дилеммами, что и одна из моих интервьюируемых (В.Е.), которая с самого начала (2012/2013) посещала все форумы и демонстрации и которая считает, что эти формальные инновации могли удовлетворить чувство сопричастности общественности, но не привели к осязуемым результатам или формированию предложений по решению проблем.

Рис. 8. Забастовочный пикет у здания SZFE, октябрь 2020 г.²⁶

Рис. 10. VVL «присутствует» на заседании Сената, 26 октября 2020 г.²⁸

Рис. 9. Демонстрация зажжения факелов, 4 октября 2020 г.²⁷

Рис. 11. Флешмоб перед заседанием Сената, 30 января 2021 г. (фотография автора)

²⁶ Источник: Tamás P.T. Az SZFE fáklája vasárnap érkezik Debrecenbe, az egyetemi autonómiáért demonstrálnak a főtéren // Debreciner.hu. 2020. 1 октября. URL: https://www.debreciner.hu/cikk/3600_az_szfe_faklyaja_vasarnap_erkezik_debrecenbe_az_a (дата обращения: 14.11.2021).

²⁷ Источник: Szegedre ért az SZFE fáklája: sokan haza is vitték a Budapestről elindult lángot, hogy megsokszorozzák azt // Szeged.hu. 2020. 4 октября. URL: <https://szeged.hu/hirek/37507/szegedre-ert-az-szfe-faklyaja-sokan-haza-is-vittek-a-budapestrol-elindult-langot-hogy-megsokszorozzak-azt> (дата обращения: 14.11.2021).

²⁸ Источник: VVL—Veritas Virtus Libertas // Facebook. 2020. 26 октября. URL: <https://www.facebook.com/VVL.VeritasVirtusLibertas/photos/692952551345035> (дата обращения: 14.11.2021).

Вопросы анкеты²⁹ об онлайн-участии показывают противоречивые результаты: ни один из 21 студента (20,8% респондентов) не ответил на вопросы об участии в офлайн- и онлайн-мероприятиях, в то время как 14 человек в сфере общественного образования и других областях работы (несмотря на их большой интерес к слежению за процессами в высшем образовании) приняли участие в очень небольшом числе перечисленных акций. Более половины преподавателей и педагогического персонала университетов (43 человека, 65,1%) работают в университетах в нестоличных местностях (34 из них — в сменявших модель университетов) и 16 (24,2%) — в государственных столичных университетах. По сравнению с двумя другими группами в этой группе самый высокий уровень готовности к участию. Хотя и здесь доля ответа «не посетил» выше для всех мероприятий, наибольший интерес вызывают местные мероприятия³⁰ в Сегеде и Пече. Исключением является «онлайн-тур по университетам» Иштвана Штумпфа, который, похоже, был бойкотирован гражданами учебных заведений. Как выражаются в социальных сетях, было сочтено излишним слушать правительственного уполномоченного после принятия закона об изменении модели.

Сегедское отделение «Сети преподавателей» было очень активным с момента создания. Своей серией мероприятий под названием «Вызовы», участием в студенческих демонстрациях, тесными отношениями с городом и университетом она демонстрирует своего рода преемственность с постоянно обновляющимися студенческими НПО. В ОНА зарегистрировано 564 члена по всей стране, из которых почти четверть работают в Сегедском университете, в основном на гуманитарном факультете, педагогическом факультете имени Дьюлы Юхаса, а также факультете права и политических наук. Общение и передача информации между членами организации происходят через две онлайн-платформы (список рассылки и публичные и закрытые группы Facebook). Наиболее активные члены могут принять участие в различных мероприятиях через специальный список рассылки и клуб ОНА, который в настоящее время работает в режиме онлайн и позволяет проводить еженедельные встречи. Хотя число членов организации стабильно, этого нельзя сказать об уровне активности. В.Е., одна из основателей, довольно пессимистично оценивает участие преподавателей в общественной жизни. Она считает, что активисты, которые раньше выступали открыто, постепенно маргинализуются и что невозможно мобилизовать заметную массу людей как по вопросам экзистенциального положения сотрудников, так и политики высшего образования. По ее мнению, реактивного подхода уже недостаточно, для достижения результатов необходимы проактивные действия. Онлайн-активность ограничивается голосованием по тематизируемым самыми активными членами вопросам (петиции, резолюции, присоединения) или участием время от времени в серьезных

²⁹ Для преподавателей: вопросы 13, 14 и 15; для студентов: вопросы 24, 25 и 26; для сотрудников общего образования и других: вопросы 31, 32 и 33: «Я участвовал в следующих мероприятиях (Сегед)...»: «Я участвовал в следующих демонстрациях...»; «Я участвовал в следующих онлайн-мероприятиях...» — возможные ответы: «я не участвовал», «я бы участвовал, но не смог», «я не знаю, я не помню».

³⁰ Заседание Сената SZTE (2021.01.18); пленум университета по изменению модели PTE (19.01.2021); пленум университета по изменению модели PTE 2 (25.01.2020); коллективный рабочий брифинг SZTE по изменению модели (27.01.2021); заседание Сената SZTE (29.01.2021); онлайн-тур по университетам уполномоченного по делам несовершеннолетних и иждивенцев SZTE (03.05.2021).

дискуссиях в (закрытой) группе Facebook. Только несколько людей выставляют свое лицо на мероприятиях в СМИ, и группа, таким образом, отождествляется с ними, а значит, не может иметь массовой базы, теряя характер движения.

Выводы

Идея *universitas*, уходящая корнями в Средневековье, но обретшая свое истинное значение только в эпоху Возрождения, основана на автономном функционировании учебных заведений, философии равенства дисциплин, квалификации и подборе преподавательского состава на основе академических и педагогических качеств, а также на сбалансированных отношениях между преподавателями и студентами. Однако во второй половине XX века произошли серьезные изменения в системе высшего образования во всем мире. Расширение доступа к высшему образованию привело к появлению в университетах массы студентов, которые как по своим навыкам и способностям, так и по своим ценностям сильно отличаются от традиционного и элитарного студенческого контингента прошлого. Студенты все чаще выражают готовность участвовать в механизмах принятия решений, интерпретируя массовое образование как процесс демократизации. В то же время изменились и потребности рынка труда: с одной стороны, академический сектор больше не мог поглощать большое количество выпускников университетов, а с другой — экономика, промышленность и социальные службы требовали все больше выпускников. Потерпевшие поражение студенческие восстания 1968 г. радикально изменили отношения между высшим образованием, научными исследованиями и государством [Keczer, Szirmai, 2016].

Эти процессы также определяли венгерскую университетскую политику последних двух десятилетий XX века, и именно благодаря им поколение, которое ранее характеризовалось полным равнодушием к политике и общественной жизни, стало активным непосредственно перед реформированием политической системы. Шанс на перемены, осознание возможности высказать свое мнение стало общим опытом для целого поколения — это открыло новый инструментарий общественной активности и политики участия не только для студентов, но и для молодых ученых. Распространение «старых новых» ценностей (университетская автономия, система свободных институтов, свободный выбор преподавателей и студентов, свобода академических исследований, идеологический плюрализм) требовало открытой конфронтации с окостеневшей системой. Как следствие, студенческие движения XX—XXI веков также критически относились к системе. Волна демонстраций 1988 г. на гуманитарном факультете Университета имени Аттилы Йожефа привела к появлению нового типа системы защиты интересов студентов. Студенческое самоуправление было интегрировано в институциональную структуру, потеряв свой характер движения, и таким образом стало источником конфликта для будущих поколений, поскольку выступало в качестве административного, переговорного и, не в последнюю очередь, экономического фактора.

К 2010-м годам возможности сетевого взаимодействия значительно расширились благодаря развитию инфокоммуникационной инфраструктуры и появлению социальных сетей. Однако традиционные формы демонстрации не потеряли своей актуальности. Мои интервьюируемые, игравшие ключевую роль в этих (и совре-

менных) демонстрациях, были единодушны в своем утверждении, что социальные и другие платформы способствуют в лучшем случае передаче информации и организации офлайн-мероприятий, но не могут заменить личные контакты и роль «свободных пространств» в укреплении идентичности сообщества. Даже меры эпидемии 2020/2021, ограничение права на собрания (за которыми просматривалась политическая подоплека) не смогли отбить у студентов охоту к жестам гражданского неповиновения, таким как флешмобы или спонтанные собрания. Чисто онлайн-формы собраний используют те же организационные элементы, что и офлайн-форумы. Оккупация, сидячая забастовка, публичные демонстрации также представляют силу, массовую базу и цели движения для посторонних. Онлайн-платформы, для сравнения, создают закрытые пространства, доступные только для инсайдеров, и поэтому не всегда являются идеальным инструментом для оказания значительного социального воздействия. Однако их практическая польза неоспорима.

Конфликты национального масштаба могут мобилизовать большие массы, но акции протеста все равно носят локальный характер. Массовые демонстрации в столице (MTA, CEU, SZFE) также породили свои версии за пределами столицы, сети пытались работать по-настоящему сетевым образом, используя доступные инфокоммуникационные технологии; визуальное сообщение, ставшее культовым в 1988 г. (см. рис. 12), было заменено непрерывной мобильной связью к 2012 г., а к 2020 г. — прямой трансляцией.

Рис. 12. Предупредительная забастовка в 1988 г.
Надпись на транспаранте:
«Мама, не бойся, со мной все будет хорошо»³¹

Однако даже они не смогли сделать локальные конфликты предметом государственной политики на национальном уровне. Традиционные СМИ (онлайн

³¹ Источник: [Szilasi, 2014].

и офлайн) взяли на себя эту задачу, обеспечивая артикуляцию требований студентов для широкой общественности, но с гораздо большим влиянием на местном уровне. Когда заместитель ректора SZTE сделал идеологически предвзятое заявление, несовместимое с его должностью, ОНА в Сегеде возглавила акцию протеста. Таким же образом местные проблемы, такие как отношения между университетом и городом, представлены совершенно по-разному в Дебрецене, Сегеде и Пече. Однако во всех трех местах демонстрация студентов или преподавателей может охватить население города. Как анкетное исследование, так и интервью подтвердили мою гипотезу о том, что, хотя участники также восприимчивы к национальным проблемам, местные конфликтные ситуации, вызывающие личные опасения, обладают гораздо большей мобилизующей силой.

Процесс изменения модели университета поднимает дополнительные вопросы как на национальном, так и на местном уровне. Можно не сомневаться, что движение студентов и преподавателей поставит эти — пока открытые — вопросы о переходе на фундаментную систему. Верное целям предыдущих поколений университетов, нынешнее поколение студентов университетов также будет настаивать на ценностях, которые воплощает идея *universitas*: свобода культуры, образования и науки.

Список литературы (References)

- Bajomi-Lázár P. (2005) A politika mediatizálódása és a média politizálódása; *Médiakutató*. Vol. 6. No. 1. P. 39—51.
- Bajomi-Lázár P. (2005) The Mediatization of Politics and the Politicization of Media. *Médiakutató (Media Research)*. Vol. 6. No. 1. P. 39—51. (In Hungarian).
- Balog I. (1993) Egyetemi hallgatói mozgalmak Szegeden a nyolcvanas években. In: Kálmán G., Gábor K. (szerk.) *Civilizációs korszakváltás és ifjúság*. Szeged: JATE Kiadó. P. 135—158.
- Balog I. (1993) University Student Movements in Szeged in the Eighties. In: Kálmán G., Gábor K. (ed.) *Civilisational Age Change and Youth*. Szeged: JATE Kiadó. P. 135—158. (In Hungarian).
- Balog I. (2017) Féllelenzéki mozgalmak a szegedi bölcsészkaron a 80-as években. In: Gécz J. A., Laczkó S., Sipos J., Révész B. (szerk.) *Szeged Hosszú tavasza 1989-ben és '56*. Szeged: Média-Mix Könyvkiadó.
- Balog I. (2017) Semi-Opposition Movements at the Faculty of Arts in Szeged in the 1980s. In: Gécz J. A., Laczkó S., Sipos J., Révész B. (eds.) *The Long Spring of Szeged in 1989 and '56*. Szeged: Média-Mix Könyvkiadó. (In Hungarian).
- Barabási A.-L. (2002) *Linked: The New Science of Networks*. New York, NY: Perseus Books Group.
- Bauer B., Szabó A. (szerk.) (2011) *Arctalan nemzedék — Ifjúság 2000—2010*. Budapest: Nemzeti Család- és Szociálpolitikai Intézet.
- Bauer B., Szabó A. (eds.) (2011) *Faceless Generation — Youth 2000—2010*. Budapest: Nemzeti Család- és Szociálpolitikai Intézet. (In Hungarian).

Bennett L. W. (2012) The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 644. No. 1. P. 20—39. <http://dx.doi.org/10.1177/0002716212451428>.

Bentham J. (1843) Panopticon; or The Inspection-House. In: *The Works of Jeremy Bentham*. Volume IV. Edinburgh: William Tait. P. 37—172.

Castells M. (2005) A hálózati társadalom kialakulása — Az információ kora, Gazdaság, társadalom és kultúra. I. kötet. Budapest: Gondolat — Infonia.

Castells M. (2005) The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I. Budapest: Gondolat — Infonia. (In Hungarian).

Castells M. (2006) Az identitás hatalma — Az információ kora, Gazdaság, társadalom és kultúra. II. kötet. Budapest: Gondolat — Infonia.

Castells M. (2006) The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Budapest: Gondolat — Infonia. (In Hungarian).

Castells M. (2007) Az évezred vége — Az információ kora, Gazdaság, társadalom és kultúra. III. kötet. Budapest: Gondolat — Infonia.

Castells M. (2007) End of Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Budapest: Gondolat — Infonia. (In Hungarian).

Ekler G. (2008) Hallgatói szervezetek 2008-ban. In: Kocsis M., Kucsera T. G. (szerk.) *Hallgatók és hallgatói szervezetek 20 évvel a rendszerváltás után — konferencia kiadvány*. Budapest: HÖÖK.

Ekler G. (2008) Student Organisations in 2008. In: Kocsis M., Kucsera T. G. (eds.) *Students and Student Organisations 20 Years after the Regime Change — Conference Publication*. Budapest: HÖÖK. (In Hungarian).

Foucault M. (1990) Felügyelet és büntetés. A börtön születése. Budapest: Gondolat Kiadó.

Foucault M. (1990) Surveiller et punir: Naissance de la prison. Budapest: Gondolat Kiadó. (In Hungarian).

Gábor K. (szerk.) (1993) Civilizációs korszakváltás és ifjúság. Szeged: JATE Kiadó.

Gábor K. (ed.) (1993) Civilisational Age Change and Youth. Szeged: JATE Kiadó. (In Hungarian).

Gábor K. (2001) Elsőéves egyetemisták. Budapest: Oktatókutató Intézet.

Gábor K. (2001) First Year Students. Budapest: Oktatókutató Intézet. (In Hungarian).

Gerő M. (2013) El kéne foglalni valamit... Az Occupy Wall Street és a hallgatói mozgalom. In: Krasztev P, Til J. V. (szerk.) *Tarka ellenállás. Kézikönyv rebelliseknek és békés-knek*. Budapest: Napvilág. P. 306—351.

Gerő M. (2013) We Should Occupy Something... The Occupy Wall Street and the Student Movement. In: Krasztev P, Til J. V. (eds.) *Multicolored Resistance. A Handbook for Rebels and Peace Activists*. Budapest: Napvilág. P. 306—351. (In Hungarian).

Gerő M., Susánszky P. (2014) Hallgatói mozgalmak és felsőoktatási politika. *Educatio*. No. 1. P. 121—132.

Gerő M., Susánszky P. (2014) Student Movements and Higher Education Politics. *Educatio*. No. 1. 121—132. (In Hungarian).

Gerodimos R. (2005) Democracy and the Internet: Access, Engagement and Deliberation. *Systemics, Cybernetics and Informatics*. Vol. 3. No. 6. P. 26—31.

Gerodimos R., Justinussen J. (2014) Obama's 2012 Facebook Campaign: Political Communication in the Age of the Like Button. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 15. No. 2. P. 113—132. <https://doi.org/10.1080/19331681.2014.982266>.

Gill J., DeFronzo J. (2009) A Comparative Framework for the Analysis of International Student Movements. *Social Movement Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 203—224. <https://doi.org/10.1080/14742830903024309>.

Habermas J. (1999) A társadalmi nyilvánosság szerkezetváltozása. (Vizsgálódások a polgári társadalom egy kategóriájával kapcsolatban). Budapest: Osiris.

Habermas J. (1999) Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Budapest: Osiris. (In Hungarian).

Iványi M. (2014) Közösségi média: a nyilvánosság elektronikus agorája vagy posztmodern panoptikum? *Médiakutató*. No. 2. P. 119—138.

Iványi M. (2014) Social Media: Electronic Agora of the Public or Postmodern Panopticon? *Médiakutató (Media Research)*. No. 2. P. 119—138. (In Hungarian).

Jancsák Cs. (2014) Álomtalan ébrenlét. A hallgatói önkormányzatiság útja a perifériáról a centrumba és vissza a perifériára. In: Szabó A. (szerk.) *Racionálisan lázadó hallgatók II. Apátia — radikalizmus — posztmaterializmus a magyar egyetemisták és főiskolások körében*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. P. 111—128.

Jancsák Cs. (2014) Sleepless Wakefulness. The Journey of Student Self-Governance from the Periphery to the Centre and Back to the Periphery. In: Szabó A. (ed.) *Rationally Rebellious Students II. Apathy — Radicalism — Post-Materialism among Hungarian University and College Students*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. P. 111—128. (In Hungarian).

Jancsák Cs. (2019) Fejezetek a magyarországi hallgatói mozgalmak történetéből. Szeged: Belvedere Meridionale.

Jancsák Cs. (2019) Chapters from the History of Student Movements in Hungary. Szeged: Belvedere Meridionale. (In Hungarian).

Keczer G., Szirmai É. (2016) Értékelvűen, etikusán — a felsőoktatásban dolgozókra vonatkozó etikai elvárások és beilleszthetőségük az egyéni teljesítményértékelés rendszerébe. In: Juhász E. (szerk.) *A népműveléstől a közösségi művelődésig*. Debrecen: Debreceni Egyetem TEK BTK. P. 372—393.

Keczer G., Szirmai É. (2016) Values and Ethics — Ethical Expectations for Higher Education Employees and How They Can be Integrated into Individual Evaluation Systems. In: Juhász E. (ed.) *From Popular Education to Community Learning*. Debrecen: Debreceni Egyetem TEK BTK. P. 372—393. (In Hungarian).

Lyon D. (1994) From Big Brother to Electronic Panopticon. In: *The Electronic Eye: The Rise of Surveillance Society*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press. P. 57—79.

Meyrowitz J. (1985) *No Sense of Place: The Impact of Electronic Media on Social Behavior*. New York, NY: Oxford University Press.

Mikecz D. (2013) Az egyetemfoglalás mint akcióforma és felszabadított tér. *Replika*. No. 3. P. 103—113.

Mikecz D. (2013) University Occupation as a Form of Action and Liberated Space. *Replika*. No. 3. P. 103—113. (In Hungarian).

Morse J. M. (2003) Principles of Mixed Methods and Multimethod Research Design. In: Tashakkori A., Teddlie C. (eds.) *Handbook of Mixed Methods in Social and Behavioral Research*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 189—208.

Newman M., Barabási A-L., Watts D. J. (eds.) (2006) *The Structure and Dynamics of Networks*. Princeton, NJ; Oxford, UK: Princeton University Press.

Susánszky P., Gerő M. (2014) A Hallgatói Hálózat (HaHa) mobilizációs jellemzői. In: Szabó A. (szerk.) *Racionálisan lázadó hallgatók II. Apátia — radikalizmus — posztmaterializmus a magyar egyetemisták és főiskolások körében*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. P. 129—146.

Susánszky P., Gerő M. (2014) The Mobilisation Characteristics of the Students' Network (HaHa). In: Szabó A. (ed.) *Rationally Rebellious Students II. Apathy — Radicalism — Post-Materialism among Hungarian University and College Students*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. P. 129—146. (In Hungarian).

Szabó A. (szerk.) (2014) *Racionálisan lázadó hallgatók II. Apátia — radikalizmus — posztmaterializmus a magyar egyetemisták és főiskolások körében*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale.

Szabó A. (ed.) (2014) *Rationally Rebellious Students II. Apathy — Radicalism — Post-Materialism among Hungarian University and College Students*. Budapest: MTA TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. (In Hungarian).

Szabó A., Susánszky P., Oross D. (szerk.) (2019) *Mások vagy ugyanolyanok? A hallgatók politikai aktivitása, politikai orientációja Magyarországon, 2019*. Budapest: Heinrich Böll Stiftung; TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale.

Szabó, A., Susánszky, P., Oross D. (eds.) (2019) *Are They Different or the Same? Students' Political Activity and Political Orientation in Hungary, 2019*. Budapest: Heinrich Böll Stiftung; TK PTI; Szeged: Belvedere Meridionale. (In Hungarian).

Szilasi L. (2014) Anyu ne félj! 1988 ősze, Szeged, egyetemi diáksztrájkok. *Litera.hu*. Szeptember 7. URL: <https://litera.hu/irodalom/else-kozles/szilasi-laszlo-anyu-ne-fej.html> (accessed: 11.11.2021).

Szilasi L. (2014) Mum Don't be Afraid! Fall 1988, Szeged, University Student Strikes. *Litera.hu*. September 7th. URL: <https://litera.hu/irodalom/else-kozles/szilasi-laszlo-anyu-ne-fej.html> (accessed: 11.11.2021). (In Hungarian).

Szirmai E. (2019) “Many are Live ‘Round Here...” The Spread of Social Media and the Devaluation of the Mainstream Mass Media in Hungary. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 270—299. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.13>.

Szövényi Zs. (2015) Kormányzati ciklusok és felsőoktatás-politikai változások. *MTA LAW Working Papers*. No. 1. URL: http://real.mtak.hu/121353/1/2015_01_Szovenyi.pdf (accessed: 11.11.2021).

Szövényi Zs. (2015) Government Cycles and Changes in Higher Education Policy. *MTA LAW Working Papers*. No. 1. URL: http://real.mtak.hu/121353/1/2015_01_Szovenyi.pdf (accessed: 11.11.2021). (In Hungarian).

Tarrow S. (1993) Cycles of Collective Action. Between Moments of Madness and the Repertoire of Contention. *Social Science History*. Vol. 17. No. 2. P. 281—307. <https://doi.org/10.2307/1171283>.

Thacker E. (2004a) Networks, Swarms, Multitudes (Part One) (Part Two). *CTheory: Articles*. May 18. URL: <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14542> (accessed: 11.11.2021).

Thacker E. (2004b) Networks, Swarms, Multitudes (Part Two). *CTheory: Articles*. May 18. URL: <https://journals.uvic.ca/index.php/ctheory/article/view/14541> (accessed: 11.11.2021).

Приложения

Приложение 1. Список сокращений

Сокращение	Расшифровка на венгерском языке	Расшифровка на русском языке
Audmax	Auditórium Maximum	Наибольшая аудитория
BTK	Bölcsészettudományi Kar	Гуманитарный факультет
CEU	Central European University — Közép-európai Egyetem	Центрально-Европейский университет
DISZ	Demokratikus Ifjúsági Szövetség	Союз демократической молодежи
EHÖK	Egyetemi Hallgatói Önkormányzat	Студенческое самоуправление университета
ELTE	Eötvös Loránd Tudományegyetem	Университет имени Лоранда Этвёша
FDSZ	Felsőoktatási Dolgozók Szakszervezete	Профсоюз работников высшего образования
HaHa	Hallgatói Hálózat	Сеть студентов
HKR	Hallgatói Képviselői Rendszer	Система представительства студентов
HÖK	Hallgatói Önkormányzat	Студенческое самоуправление
HÖKOSZ	Hallgatói Önkormányzatok Országos Szövetsége	Национальная ассоциация студенческих самоуправлений
HÖOK	Hallgatói Önkormányzatok Országos Konferenciája	Национальная конференция студенческих самоуправлений
JATE	József Attila Tudományegyetem	Университет имени Аттилы Йожефа
JGYPK	Juhász Gyula Pedagógusképző Kar	Педагогический факультет имени Дьюлы Юхаса
JGYTF	Juhász Gyula Tanárképző Főiskola	Педагогический институт имени Дьюлы Юхаса
KISZ	Magyar Kommunista Ifjúsági Szövetség	Венгерский коммунистический союз молодежи
MEFESZ	Magyar Egyetemisták és Főiskolások Szövetsége	Ассоциация студентов венгерских университетов и колледжей
MiHa	MiértHallgatók?	Почему молчащие студенты?
MTA	Magyar Tudományos Akadémia	Академия наук Венгрии
OHA	Oktatói Hálózat	Сеть преподавателей
SZÉF	Szegedi Élelmiszeripari Főiskola	Сегедский колледж пищевой промышленности
SZFE	Színház- és Filmművészeti Egyetem	Будапештская академия театра и кино
SZOTE	Szegedi Orvostudományi Egyetem — Szent-Györgyi Albert Orvostudományi Egyetem	Медицинский университет Сегеда — Медицинский университет имени Альберта Сент-Дьёрдьи
SZTE	Szegedi Tudományegyetem	Сегедский университет
VVL	Veritas, Virtus, Libertas	Правда, сила, свобода

Приложение 2. Интервью

Монограмма	Формат интервью	Позиция в отчетном периоде	Текущая деятельность
SZ.B.	Личный	2012/13: студент Факультета информатики и естественных наук, активист «ПочемуСтуденты?», основатель и постоянный автор mierthallgatok.blog.hu, автор блога atlatszooktatas.hu	IT-специалист, проживающий в Германии
M.G.	Online, bigbluebutton	2012/13: студент Факультета гуманитарных наук, на специальности коммуникации, активист ПочемуСтуденты?, основатель и постоянный автор mierthallgatok.blog.hu, автор блога atlatszooktatas.hu	Журналист, сотрудник отдела коммуникаций amnesty international
T.M.	Личный	2012/13: студент Гуманитарного факультета, президент ЕНÖК	Студент
A.B.	Online, bigbluebutton	2012/13: Студент JGYPK, член ЕНÖК	Менеджер проекта
B.E.	Личный	2012/13: преподаватель	Преподаватель
K.Z.	Online, bigbluebutton	2020/21: Студент университета (ВТК), основатель и активист VVL	—
P.B.	Online, bigbluebutton	2020/21: Студент университета (воспитатель детского сада), основатель и активист VVL	—
O.K.	Личный	2020/21: Студент магистратуры Президент ЕНÖК	—

Приложение 3. Исследованные онлайн-платформы

Организация	Веб-сайт	Facebook профиль	YouTube-канал	Instagram
<p>Национальная Конференция Студенческого Самоуправления НОК</p>	<p>http://www.hook.hu</p>	<p>https://www.facebook.com/hallgatok/ 19801 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 20708 чел. Дата подключения: 03.11.2010.</p>	<p>https://www.youtube.com/channel/UCVgVF3Kfw4M4DbVhKwG1L0w/videos 81 подписчик, 54 видео Дата подключения 10.08.2016.</p>	<p>https://www.instagram.com/hook_for_you Подписаны 3057 чел. 299 постов Дата подключения 15.07.2016.</p>
<p>Студенческое самоуправление Сегедского Университета SZTE EHÖK</p>	<p>http://new.sztehap.hu/</p>	<p>https://www.facebook.com/szegedi.tudomanyegyetem.ehok 21356 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 21291 чел. Дата подключения 25.07.2011.</p>	<p>https://www.youtube.com/channel/UCFLtgVIWgYDmwXGRU6pwY6A 54 подписчика, 15 видео Дата подключения 09.01.2014.</p>	<p>https://www.instagram.com/szte_ehok_official Подписаны 2429 чел. 154 поста Дата подключения 15.03.2020.</p>
<p>Сеть Студентов — национальная HaNa</p>	<p>https://hallgatoihalozat.blog.hu/2011/11/20/kapcsolat_2114</p>	<p>https://www.facebook.com/hallgatoi.halozat 16863 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 16503 чел. Дата подключения 25.05.2011.</p>	—	—
<p>Сеть Студентов — Сегед</p>	—	<p>https://www.facebook.com/HallgatoiHalozat-Szeged/ 16 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 18 чел. Дата подключения 10.05.2012. 0 (!!!) пост</p>	—	—
<p>ПочемуСтуденты? MiNa</p>	<p>https://mierthallgatok.blog.hu/</p>	<p>https://www.facebook.com/mierthallgatok/ 1862 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 1841 чел. Дата подключения 19.10.2011.</p>	<p>https://www.youtube.com/user/MiertHallgatok 12 подписчиков, 6 видео Дата подключения 24.10.2010.</p>	—
<p>Сеть преподавателей (национальная) ОНА</p>	<p>http://oktatoihalozat.hu/</p>	<p>https://www.facebook.com/oktatoihalozat 4858 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 5088 чел. Дата подключения 18.02.2012.</p>	—	—

Организация	Веб-сайт	Facebook профиль	YouTube-канал	Instagram
Сеть преподавателей Сегедского университета 	http://ohaszteszeged.blogspot.hu	https://www.facebook.com/oha.szte 482 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 507 чел. Дата подключения 16.12.2012.	http://www.youtube.com/user/ohasztebtk 96 подписчиков, 58 видео Дата подключения 20.12.2012.	—
Свободный университет — Сегед 	https://mierthallgatok.blog.hu/2013/01/03/szabad_egyetem_video	https://www.facebook.com/SzabadEgyetem-Szeged 518 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 520 чел. Дата подключения 20.12.2012.	http://www.youtube.com/user/ohasztebtk 96 подписчиков, 58 видео Дата подключения 20.12.2012.	—
Veritas Virtus Libertas (VVL) 	—	https://www.facebook.com/VVL.VeritasVirtusLibertas 3151 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 3452 чел. Дата подключения 09.02.2019.	—	https://www.instagram.com/veritasvirtuslibertas/ 12.11.2020 Подписаны 85 чел. 15 постов
Free SZTE 	—	https://www.facebook.com/freeszte/ 5428 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 5622 чел. Дата подключения 05.01.2021.	—	https://www.instagram.com/freeszte/ 08.01.2021. Подписаны 2292 чел. 4 поста
Профсоюз студентов HASZ 	—	https://www.facebook.com/hallgatoiszakszervezet 4322 чел. поставили «Нравится»/ Подписаны 4552 чел. Дата подключения 03.12.2018.	https://www.youtube.com/channel/UCnZi8dk4ipqw2TW-mExOdXiw 21 подписчик, 2 видео 10.10.2019.	https://www.instagram.com/p/CIUBRB8BbdZ/ 02.12.2020. Подписаны 297 чел. 22 поста
Free SZFE 	https://www.freeszfe.hu/	https://www.facebook.com/freeszfe.hu 10440 чел. поставили «Нравится» Подписаны 12668 чел. Дата подключения 19.01.2021.	https://www.youtube.com/channel/UCiM1kVHYiOV2-JWnZrlsBlw 54 подписчика, 6 видео 06.04.2021.	https://www.instagram.com/freeszfe/ 03.09.2020. Подписаны 12600 чел. 88 постов

Организация	Веб-сайт	Facebook профиль	YouTube-канал	Instagram
<p>Независимый свободный университет</p> 	—	<p>https://www.facebook.com/F%C3%BCggetien-Szabad-Egyetem-106211634575475 1862 чел. поставили «Нравится» Подписаны 1841 чел. Дата подключения 23.09.2020.</p>	—	—
<p>Тайный университет</p> 	—	<p>https://www.facebook.com/titkosegyetem/about 9039 чел. поставили «Нравится» Подписаны 9774 Дата подключения 17.09.2020.</p>	<p>https://www.youtube.com/channel/UCi_TShQOBgvloj-Aa1VTj5yw 43 подписчика 6 видео 06.10.2020.</p>	<p>https://www.instagram.com/p/CGC61M2Bfm3/07.10.2020. Подписаны 981 чел. 103 поста</p>
<p>Свободный Сегед — свободный университет</p> 	—	<p>https://www.facebook.com/szabadszte 1068 чел. поставили «Нравится» Подписаны 1178 чел. Дата подключения 10.01.2021.</p>	—	—

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2012](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2012)

А. Ю. Домбровская

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Правильная ссылка на статью:

Домбровская А. Ю. Репрезентация гражданской активности российской молодежи в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 203—225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2012>.

For citation:

Dombrovskaya A. Y. (2021) Representation of the Russian Youth Civil Activity in Social Media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 203–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2012>. (In Russ.)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна — доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, главный научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: an-doc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

Аннотация. В статье представлены результаты анализа цифровой инфраструктуры гражданской активности российской молодежи, характеристики социально-медийных сегментов оппозиционных и лоялистских цифровых сообществ и их молодежных аудиторий.

Практическая значимость проведенного анализа состоит в осмыслении масштаба охвата российских молодых интернет-пользователей электронными социальными сетями, имеющими различную направленность (критическую или лоялистскую по отношению к действующей власти), развивающих преимущественно политическую или гражданскую повестки; изучении идентификации предпочтений молодых россиян, отраженных в их принадлежности к аудиториям указанных цифровых сообществ, а также установлении соотношения между управляемостью и неуправляемостью процесса формирования гражданской активности молодых интернет-пользователей.

Поставленные научные задачи определили гибридную модель реализации прикладного исследования, включающую в себя когнитивное кар-

REPRESENTATION OF THE RUSSIAN YOUTH CIVIL ACTIVITY IN SOCIAL MEDIA

Anna Yu. DOMBROVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Department of Political Science; senior researcher of the Center for Political Studies
E-MAIL: an-doc@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2015-2349>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of analyzing the digital infrastructure of civic engagement of Russian youth, characteristics of social media segments of opposition and loyalist digital communities, and their youth audiences.

Firstly, the relevance of the analysis is in comprehending the coverage of Russian young Internet users by social media that have a different focus (critical or loyalist about the current government) and develop a predominantly political or civic agenda. Secondly, in the study of the identification preferences of young Russians, reflected in their belonging to the audiences of these digital communities, finally, in establishing the relationship between controllability and uncontrollability of shaping the civic engagement of young Internet users.

The research objectives predetermined a hybrid model for implementing the applied study. The study included 1) cognitive mapping of social media documents reflecting the dominant meanings and meanings invested by Russian youth in online civil practices; 2) automated social media analysis using online services for monitoring social media (IQBuzz, Pop-

тирование социально-медийных документов, отражающих доминирующие значения и смыслы, вкладываемые молодежью РФ в гражданские онлайн-практики; автоматизированный социально-медийный анализ с использованием онлайн сервисов для мониторинга социальных медиа (IQBuzz, Popsters), нацеленный на выявление структурных и содержательных аспектов информационных потоков гражданской тематики, в которые вовлечена российская молодежь; социальное графирование связей между участниками онлайн сообществ гражданской направленности, сфокусированное на выявлении плотности взаимодействий внутри сообществ различных типов и стратегий управления аудиторией цифровых хабов гражданской активности.

Основными выводами исследования служат положения о распространенности оппозиционных по отношению к власти настроений; сфокусированности потоков гражданской направленности на правозащитной и экологической тематиках; превалировании среди аудитории потоков оппозиционного активизма молодых мужчин; активном циркулировании в интернете таких триггеров протестной мобилизации молодежи, как события, связанные с резонансным нарушением гражданских/политических прав.

Ключевые слова: гражданская активность, социальные медиа, гражданские онлайн-практики, цифровая инфраструктура гражданской активности, молодежь, социально-медийный анализ, социальные графы, когнитивное картирование

sters), aimed at identifying the structural and content aspects of information flows of civic topics in which Russian youth are involved; 3) social graphing of connections between members of online communities of civic orientation, focused on identifying the density of interactions within communities of various types and strategies for managing the audience of digital hubs of civic engagement.

Based on the research, we conclude about the prevalence of moods opposed to the authorities with the focus on human rights and environmental issues; the prevalence of opposition activism among young men; the active circulation on the Internet of such triggers of protest mobilization of young people as events related to resonant violations of civil/political rights.

Keywords: civic engagement, social media, civic online practices, digital infrastructure of civic engagement, youth, social media analysis, social graphs, cognitive mapping

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве РФ.

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Социальные медиа выступают сегодня мощным фактором трансформации сложившихся моделей гражданской и политической активности [Castells, 2015; Пырма, 2019]. Формирующиеся в онлайн-сообществах коммуникации расширяют возможности цифрового гражданского участия [Boulianne, 2020; Маклюэн, 2020; Frame, 2015]. Интерактивность во взаимодействии граждан с помощью сервисов цифровых платформ простимулировала процессы распространения гражданских идей, координации общественных инициатив, ценностного влияния на гражданскую позицию интернет-пользователей и, в конечном итоге, мобилизации гражданских действий онлайн.

Цифровизация социального поведения, общественной жизни сопровождается дигитализацией инструментов их изучения. Онлайн-активности стали объектом различных типов киберметрического анализа, автоматизированного исследования цифровых следов гражданских, политических установок пользователей. Методы аналитики больших данных и специальное программное обеспечение позволяют решать задачи сегментирования цифрового контента и аудиторий различных цифровых потоков [Бродовская, 2018].

В условиях все возрастающего влияния социально-медийной среды на российскую молодежь, необходимо измерить масштабы и содержательные характеристики гражданской активности молодых россиян в цифровом пространстве, оценить степень управляемости этой активности и спрогнозировать тренды развития стратегии реализации гражданских прав и свобод российского молодого поколения в цифровом пространстве.

События последних лет дали основания считать социально-медийную среду площадкой конверсии цифровой активности молодежи в офлайн-действия. В связи с предстоящими президентскими выборами в 2024 г. представляется важным замерять градус социальной напряженности; изучать структуру и плотность социальных связей внутри социально-медийных сообществ гражданской и политической направленности; анализировать процессы координации онлайн-гражданской активности российской молодежи.

Наиболее интегральное определение гражданской активности (ключевой категории настоящего анализа) предложил С. В. Патрушев и связал его с понятием публичной активности людей по реализации универсальных прав и свобод, способствующей достижению индивидуальных, групповых и общественных целей [Патрушев, 2009]. В процессе операционализации понятия гражданского участия также учитывался подход к этой научной категории Л. И. Никовской и И. А. Скалан, состоящий в рассмотрении ее с позиций воздействия граждан на принятие органами власти решений в сфере общественных проблем [Никовская, 2017].

Анализируя генезис и эволюцию исследований гражданского активизма, следует отметить, что они «произошли» от изучения социальных движений. Л. Милбрат выявил иерархию гражданско-политических действий: *зрительские действия* (самый низкий уровень усилий и приверженности и с наибольшим количеством участников), *переходные действия* (средний уровень) и *гладиаторские действия* (самый высокий уровень усилий и приверженности и с наименьшим количеством участников) [Milbrath, 1965; Milbrath, 1981].

С появлением цифровых технологий и изменением ландшафта социальных движений исследователи гражданского участия сфокусировались на новых моделях поведения и формах активности.

Иерархия цифрового активизма по Дж. Джорджу и Д. Лейднер [George, 2019] включает цифровые зрительские действия (кликтивизм, мета-голосование), цифровые переходные действия (политический консьюмеризм, цифровые петиции, ботивизм и электронное финансирование политических и гражданских проектов; цифровые «гладиаторские» действия воплощают прямой акт влияния (хактивизм).

Указанная классификация служит теоретической базой настоящего исследования, поскольку позволяет соотнести полученные эмпирические данные с существующими в теории типами цифровой активности, измерить репрезентацию этих кластеров гражданского участия российской молодежи в социальных медиа.

Методологической базой исследования стали когнитивный подход, обеспечивающий понимание баланса рационального, иррационального и псевдорационального в структуре факторов управления гражданской онлайн-активностью молодежи России [Harré, 1992; Шестопал, 2018]; социальный конструкционизм, дающий возможность интерпретировать представления молодежи о гражданской активности как интересубъективных образованиях, механизмы конструирования которых социально детерминированы [Бергер, 1995]; сетевой подход, позволяющий исследовать соотношение управляемости и стихийности процессов в цифровой среде [Кноке, 1990; Emirbayer, 1994].

Междисциплинарность исследования воплощается в применении совокупности теорий, концепций и методологических подходов социальной информатики и социального компьютеринга к анализу гражданской активности молодежи:

— концепции и методики, связанные с применением Big Data в политических исследованиях, в частности, концепция «гибридной медиа-системы» Э. Чедвика [Chadwick, 2013], согласно которой оставленные цифровые следы в виде любой онлайн-активности могут создать многомерный снимок микро и макроуровневых детерминант социального поведения;

— теория, методология и методика социальных рекомендательных систем, позволяющая учитывать в принципах сбора социальных данных в сети Интернет характер, плотность и архитектуру связей между онлайн-пользователями новых медиа (А. С. Тужилин, Дж. Адомавикус) [Tuzhilin, 2005].

Базовый исследовательский вопрос: каковы структурные (охват пользовательской аудитории, потенциал одобрения сообщения, потенциал виральности сообщения) и содержательные (тематическая принадлежность сообщения, модальность

документа, специфика содержательной реакции на сообщение) характеристики репрезентации лоялистской и оппозиционной гражданской активности российской молодежи в социальных медиа?

Научная проблема, решаемая в ходе исследования, состоит в установлении соотношения между управляемостью и стихийностью в процессе формирования гражданских установок молодежи в социальных медиа.

Методика и выборочная совокупность исследования

Эмпирическая модель исследования включает в себя следующие методы сбора данных:

— когнитивное картирование социально-медийных документов, отражающих доминирующие значения и смыслы, вкладываемые молодежью РФ в гражданские онлайн-практики¹ (530 сообщений из 20 наиболее влиятельных социальных медиа, глубина отбора — период с 1 мая по 1 июля 2020 г., параметрические переменные базы когнитивного картирования обработаны с применением программы SPSS Statistics 26.0;

— автоматизированный социально-медийный анализ с использованием онлайн сервисов для мониторинга социальных медиа (IQBuzz, Popsters), нацеленную на выявление структурных и содержательных аспектов информационных потоков гражданской тематики, в которые вовлечена российская молодежь (глубина выгрузки — период с 1 марта 2019 г. по 1 марта 2021 г., общий объем аккумулярованных сообщений — 1 млн охват — 30 наиболее популярных социальных медиа);

— анализ социальных графов связи между онлайн сообществами гражданской направленности (200 наиболее влиятельных социально-медийных групп), нацеленный на выявление плотности взаимодействий внутри сообществ различных типов и стратегий формирования хабов гражданской активности онлайн.

Результаты

Исследование социальных медиа, отражающих политические и гражданские установки российских молодых Интернет-пользователей, было осуществлено методом когнитивного картирования.

На первом этапе был предпринят поиск социально-медийных сообществ в наиболее популярном блогхостинге России «ВКонтакте», которые отвечали требованиям соответствия их контента критерию производства информационных потоков, отражающих политические и гражданские установки молодых российских пользователей, и параметрам интенсивности, актуальности публикационной активности и влиятельности (широкого охвата пользовательской аудитории: не менее 100 тыс. участников). Отобранные онлайн-группы обеспечили представленность в числе кейсов исследования (социально-медийные сообщества) следующих типов цифровых групп: протестный, экологический, правозащитный, добровольческий, феминистский, защиты меньшинств, антиолигархический, антикоррупционный,

¹ Ключевым в понимании гражданских онлайн-практик является факт объединения усилий граждан в социальных медиа, направленных на достижение общественного блага. В отличие от гражданской онлайн-активности, «цифровой активизм» не обязательно предполагает взаимодействие как атрибутивный признак этой деятельности.

националистический, электоральный². Отбор сообществ — объектов когнитивного картирования осуществлен в сети «ВКонтакте», так как это социальное медиа служит аккумулятором информационных потоков гражданско-политической направленности, что позволяет на репрезентативной эмпирической базе обосновать цифровые словари маркеров для реализации автоматизированной выгрузки релевантных документов из других популярных социальных медиа.

На втором этапе в ходе анализа контента отобранных на первом этапе групп были исключены те из них, публикационная активность которых реже одного поста в два дня в течение недели, предшествующей исследованию.

На третьем этапе с применением принципа систематической выборки были отобраны посты групп из итогового списка за период 01.05.2020 по 01.07.2020 (первые 10 сообщений в первый день каждого месяца).

На четвертом этапе было осуществлен анализ когнитивного содержания отобранных сообщений. Общее число проанализированных сообщений — 530.

На пятом этапе был осуществлен анализ базы когнитивного картирования с применением программы SPSS Statistics 24.0. Задачами данного этапа были сегментирование пула наблюдений по содержательным и структурным характеристикам, выявление сопряженности между данными переменными.

Характеристики когнитивного картирования — содержательные и структурные.
Содержательные:

² В число групп, отвечающих указанным критериям, были отнесены следующие сообщества: <https://vk.com/vmgere> — «Молодая гвардия»; https://vk.com/polk_russia — «Бессмертный полк»; https://vk.com/moy_putin — «Мой Путин» (фан-клуб); <https://vk.com/informpodderjkaputina> — Информационная поддержка Путина; <https://vk.com/onfront> — «ОНФ. Общественный фронт»; <https://vk.com/molodejldpr> — «Молодежь ЛДПР»; <https://vk.com/ostpol> — «Острая политика»; <https://vk.com/politicsclub1> — «Политика»; <https://vk.com/ntpolitika> — «Нетилическая политика»; <https://vk.com/politicalbookson> — «Political Science Lab»; https://vk.com/ug_polit — «Угарная политика»; <https://vk.com/politkach> — «Политкач»; https://vk.com/wall-23977193_226189 — «Политика Путина» <https://vk.com/club463266> — «Против Путина»; <https://vk.com/polincor> — «Politically incorrect»; <https://vk.com/consultschool> — «Школа политического консалтинга»; <https://vk.com/club85806349> — «Политические мемы»; <https://vk.com/asylumtheus> — «Политическое убежище в США»; https://vk.com/politics_today — «Политика сегодня»; https://vk.com/rp_ranepa — «Реальная политика»; <https://vk.com/teamsobol> — «Команда Соболь»; <https://vk.com/teamnavalnyy> — «Команда Навального»; <https://vk.com/gulag.mediac> — «Сталингулаг»; https://vk.com/abstract_memes — «Абстрактные мемы»; <https://vk.com/satyrabezsortyrya> — «Сатира без позитива»; https://vk.com/divan_analitik — «Диванный аналитик»; <https://vk.com/tvrain> — «Телеканал Дождь»; <https://vk.com/club182182571> — «Россия для русских»; <https://vk.com/club156920059> — «Новости. Русский национализм. Политика»; <https://vk.com/wrwar> — «Феминистки. Феминизм»; <https://vk.com/lsfem> — «Лесбиянки-феминистки»; <https://vk.com/femexplanation> — «Феминистки поясняют»; <https://vk.com/club180509680> — «Культурные меньшинства»; <https://vk.com/club8637221> — «Студенты»; https://vk.com/rus_eco — «Экология России»; https://vk.com/ob_deti — «Общие дети. Благотворительность для сирот»; <https://vk.com/ezpzj27> — «Экология. Защита природы. Защита животных»; https://vk.com/find_pbg — «Помощь бездомным животным»; https://vk.com/pomogi_piter — «Помощь пожилым и инвалидам»; <https://vk.com/snnvsspb> — «Спортивные проекты»; <https://vk.com/propravacheloveka> — «Права человека»; <https://vk.com/club18020482> — «Помощь всем нуждающимся»; <https://vk.com/ecozooru> — «Экология человека — защита животных»; <https://vk.com/club18433525> — «Защита животных на территории РФ»; <https://vk.com/blagamarafon> — «Благотворительный марафон»; <https://vk.com/charity> — «Благотворительность ВКонтакте»; <https://vk.com/bfmarafondobra> — «Марафон добра»; <https://vk.com/vsezapobedu> — «Волонтеры Победы»; <https://vk.com/avcrf> — «Ассоциация волонтерских центров»; <https://vk.com/meduzaproject> — «Медуза» (данный материал создан средством массовой информации, признанным выполняющим функции иностранного агента); <https://vk.com/nrnews24> — «NR»; <https://vk.com/dobroinrussia> — «Добро в России. МыВместе»; https://vk.com/vk_moscow — «Интересная Москва»; https://vk.com/protiv_systems — «Против системы»; <https://vk.com/svobodaradio> — «Радио Свобода»; <https://vk.com/svpressa> — «Свободная пресса»; <https://vk.com/novgaz> — «Новая газета»; <https://vk.com/mosvolonter> — «Мосволонтер»; <https://vk.com/podaryzhizn> — «Благотворительный фонд „Подари жизнь“»; https://vk.com/pomogat_legko — «Благотворительный фонд „Помогать легко“»; <https://vk.com/zakonseichas> — «Всероссийское зоозащитное движение»; https://vk.com/greenpeace_ru — «Greenpeace России»; <https://vk.com/wwf> — «WWF России — Всемирный фонд дикой природы».

- тематическая принадлежность сообщения (показатель: удельный вес документов разного содержания);
- модальность лексики в сообщении;
- специфика содержательной реакции на сообщение (показатель: содержание дискурсивных практик в комментариях на документ).

Структурные:

- охват пользовательской аудитории (показатель: количество пользователей, прочитавших документ);
- потенциал одобрения сообщения (количество лайков на документ);
- потенциал виральности сообщения (количество репостов документа).

Сегментирование отобранных в выборочную совокупность документов позволило взвесить их по содержательному признаку: доминирующую часть обследованных случаев составили посты политической направленности (см. табл. 1): их почти три четверти от общего числа наблюдений когнитивного картирования (74,6%). Документов, отражающих гражданские установки пользователей, чуть более четверти (25,4%). Это свидетельствует о тематической направленности публикационной активности «цифровых гладиаторов». В структуре политического цифрового контента 50,9% случаев — это выражение генераторами анализируемых потоков недовольства политическими решениями действующей власти. Отметим, что сообщений, содержащих поддержку и лояльное отношение к действующему режиму, первым лицам государства, существенно меньше (18,0%). Также небольшой процент документов сфокусирован на критике мировой политики, отражении недовольства и опасений, связанных с решениями лидеров ведущих государств мира (5,7%).

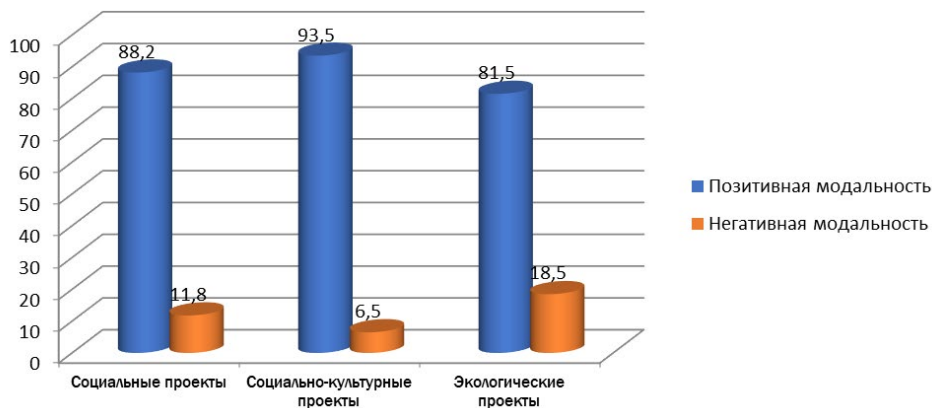
В числе постов гражданской направленности, преодолевших планку статистической значимости, максимально представлена тема экологии (11,6%). Чуть меньше (7,4%) постов, сфокусированных на теме истории и культуры страны, в том числе на личных историях ветеранов Великой Отечественной войны, что, несомненно, объясняется попаданием глубины когнитивного картирования в период подготовки и празднования 75-летия Победы, а также документов так называемого социокультурного аспекта: конкурсы, викторины, поздравления с государственными праздниками. Сообщений, связанных с социальными проектами, акциями, социальной рекламой — 6,4%.

Тематическое распределение документов сопряжено с наличием/отсутствием негативной модальности лексики поста. Подчеркнем, что лексика, направленная на протестную мобилизацию пользователей, представлена довольно слабо, однако нередко (в 67,2% наблюдений) в социальных медиа, обоснованных как исследовательские кейсы, присутствует так называемая пассивная критика, предполагающая обсуждение власти в форме выражения пассивного недовольства политическими решениями.

На рис. 1 показано сопряжение между тематикой сообщений гражданского толка и модальностью их лексики. Очагом пассивной критики служат информационные потоки об экологической ситуации, экологических проектах: более четырех пятых (81,5%) материалов — это документы, содержащие обвинения пользователей в адрес первых лиц государства в отсутствии мер по решению экологических

проблем страны. Сообщения о социально-культурных событиях, акциях, проектах, а также сегмент социальных проектов — это зоны наибольшей лояльности по отношению к власти.

Рис. 1. Сопряжение между тематикой сообщений позитивной и негативной по отношению к власти модальности, в %

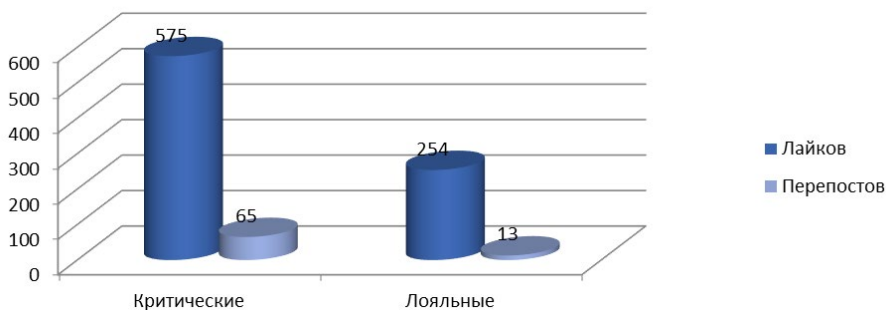
Переходя к структурным характеристикам исследования, подчеркнем, что подлежащие анализу сообщения были отобраны из наиболее влиятельных медиа (см. обоснование выборки). Согласно результатам подсчета медиального значения, в среднем в отобранных в качестве исследовательских кейсов онлайн-группах состоит по 318 208 участников. В этих сообществах репрезентированы гражданские установки «цифровых зрителей» — того большинства, которое не создает гражданскую повестку, но управляется сетевыми акторами посредством стимулирования их реакции на предлагаемый гражданский контент. Пользовательская активность в этих сообществах довольно высока, в среднем на 1 пост приходится по 549 лайков и по 32 репоста.

Важно проанализировать соотношение между темой постов и активностью пользовательского резонанса. Наиболее заметное отличие в чертах пользовательского поведения проявляется в реакции молодых россиян на сообщения политического содержания. На рисунке 2 представлены показатели пользовательской активности в отношении критических и лояльных в адрес власти постов. Совершенно явно видна намного более высокая интенсивность пользовательского резонанса в отношении политических постов критического содержания по сравнению с аналогичными показателями постов лояльного толка. Другими словами, критически ориентированные посты обладают большим потенциалом одобрения со стороны «цифровых зрителей» и виральности (выхода контента за рамки онлайн-сообщества).

Важным результатом когнитивного картирования социально-медийных сообщений, в которых представлены стратегии гражданской активности российской молодежи, служат словари цифровых маркеров (слов и словосочетаний, присутствие которых в документе обеспечивает его релевантность для выгрузки).

Данные словари были составлены для 4 основных потоков гражданской направленности, отражающих доминирующую повестку российской молодежи в рамках ее цифровой гражданской активности: 1) экологическом, 2) правозащитном 3) о социальных проектах (волонтерские, благотворительные) 4) о проектах в сфере сохранения исторической памяти.

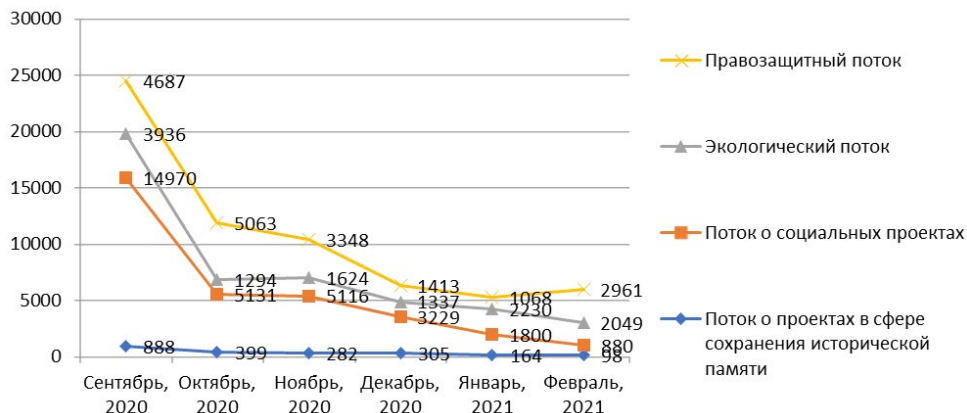
Рис. 2. Характеристики пользовательской активности в отношении критических и лояльных в адрес власти постов, в абсолютных значениях

На рисунке 3 представлены графики динамики публикационной активности пользователей Рунета, формирующих информационные потоки указанной гражданской повестки. На фоне происходивших в период с сентября 2020 г. по февраль 2021 г. событий (устранение последствий экологических катастроф на Дальнем Востоке, единый день голосования — 2020, акции протеста в связи с громкими ивентами о защите прав личности, подготовка к предстоящим выборам депутатов Государственной Думы РФ) доминирующими потоками с гражданской тематикой в социальных медиа стали правозащитный и экологический. Несмотря на ниспадающую динамику, в указанный период именно эти информационные массивы, имеющие повышенный заряд негативной модальности по отношению к власти, циркулировали в Рунете существенно интенсивнее лояльно ориентированных сообщений — социально-медийных материалов социальной и социально-культурной направленности (см. рис. 3).

Максимальные экстремумы публикационной интенсивности авторов различного типа гражданских потоков, приходящиеся на сентябрь 2020 г., были связаны с главным политическим событием года — единым днем голосования. В предэлекторальный период социальные и политические акторы усиливают координацию цифровой коммуникации, обращаясь к острым проблемам общества: партии с экологической повесткой фокусируются на природоохранных проблемах, оппозиционные силы акцентируют внимание избирателей на случаях нарушения прав личности. При этом управление продвижением в социальных медиа таких конструктивных событий и смыслов, обладающих высоким консолидирующим потенциалом, как подготовка ко Дню Победы, волонтерские проекты в социальной, культурной сферах и сфере здравоохранения, происходит за счет создания информационных потоков, вызывающих относительно невысокий пользовательский резонанс.

Рис. 3. Динамика потоков с гражданской повесткой в Рунете в период с сентября 2020 г. по февраль 2021 г., в абсолютных значениях

Анализируя социальные смыслы, репрезентированные в рассмотренных потоках, обратимся к их наиболее показательным нарративам. «Показательность» фрагментов сообщений определялась по нескольким критериям: высокая интенсивность перепостов данного контента, его пользовательского одобрения и позитивного резонанса.

Ключевые нарративы социально-медийных потоков, аккумулированных на основе контекстов социальных проектов, общественной помощи, добровольчества и благотворительности

В рассматриваемом потоке чаще всего циркулируют конструктивные смыслы, связанные с осуществлением социально-значимых инициатив. Среди поддерживаемых нарративов приведем следующие фрагменты сообщений³.

*Девочке срочно необходима третья операция!*⁴

*...руководитель Региональной благотворительной организации «Рука помощи» ... вместе с Людмилой Михайловной, которая опекает ребенка (ДЦП), 19.06.2020 приняли участие в (программе) ... Программа была посвящена поиску родителей для Полюночки, а так же обследованию и лечению в клинике*⁵.

*Тысячи волонтеров, которые в период пандемии коронавируса бескорыстно помогали людям, получают памятную медаль «За бескорыстный вклад в организацию Общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе». Медаль и прилагаемая к ней грамота вручаются гражданам и организациям за активное участие в инициации и проведении проекта в 2020 году!*⁶

³ В представленных нарративах сохранены авторские орфография и пунктуация. Часть сообщений приводится в сокращении в связи с большим объемом некоторых цитируемых постов и необходимостью подчеркнуть и проиллюстрировать, прежде всего, те речевые паттерны (словосочетания), которые отражают основные идеи данных конкретных информационных потоков.

⁴ Источник: https://vk.com/wall-73225212_141625 (дата обращения: 23.06.2020).

⁵ Источник: https://vk.com/wall-115676791_2269 (дата обращения: 20.06.2020).

⁶ Источник: https://vk.com/wall-69966880_15077 (дата обращения: 12.06.2020).

Ключевые смыслы анализируемого потока — смыслы социального позитива, конвенциональности, общественной солидарности и согласия.

Ключевые нарративы социально-медийных потоков, аккумулярованных на основе контекстов исторической памяти, Дня Победы, проекта «Бессмертный полк»

Центральные смыслы данного потока связаны с позитивной национально-государственной идентификацией, позитивной исторической памятью, интеграцией российского общества на основе общей национальной идеи сохранения памяти о Великом прошлом страны. Наиболее распространенные в этом потоке смыслы содержатся в таких нарративах:

Мы помним героизм солдат и офицеров, стоявших насмерть, защищавших свою Родину, мы помним всех тех, кто в тылу, несмотря на лишения, обеспечивал поддержку фронта...⁷

...Да, может быть, времена изменились, но наша молодежь не потеряла себя, не перестала быть отзывчивой, она способна ценить и помнить историю своей Родины⁸.

Волонтеры Победы, спасибо за помощь в сопровождении праздника. Вы — Команда мечты!⁹

Данный поток содержит существенный потенциал социальной консолидации разных поколений российского общества. Вместе с тем следует учесть тот факт, что формализация контекстов исторической памяти, преобладание официальных представительств государственных структур в числе онлайн-сетевых агентов формирования исторической памяти снижают уровень пользовательского резонанса в отношении этого контента. Неформальные, неофициальные сообщества в Сети обладают в значительной степени более весомыми возможностями продвигать онлайн контексты позитивной исторической памяти среди молодой цифровой аудитории. Соотношение уровня пользовательского резонанса формальных и неформальных сообществ анализируемой тематической направленности, по данным настоящего исследования, отражено в пропорции 1:6 (рассчитано суммарно по среднему числу лайков, комментариев и репостов).

Ключевые нарративы социально-медийных потоков, аккумулярованных на основе контекстов обсуждения правозащитных кейсов

В противоположность общему смысловому единству двух предыдущих потоков, правозащитный массив отличается широким спектром циркулирующих в нем смыслов, за счет которых реализуется управление вниманием пользователей с помощью резонансных контекстов: защита прав меньшинств, феминистические дискурсы, защита свободы слова, резонансные аресты представителей власти и др.

⁷ Источник: https://vk.com/wall-81675082_37182 (дата обращения: 22.06.2020).

⁸ Источник: https://vk.com/wall-187204994_465 (дата обращения: 05.05.2020).

⁹ Источник: https://vk.com/wall-81675082_37324 (дата обращения: 26.06.2020).

Правозащитный поток включает и разнообразную палитру оппозиционно-ориентированной по отношению к власти риторики:

...Все мы видели, что 22 июня 2020 года ... полицаи винтили людей вероломно, подло, без предупреждения¹⁰.

...22 июня 2020. Митинг, Москва. Цель достигнута, власть показала свою звериную...¹¹

Осужденных... за слова в России меньше не становится, а власти продолжают изобретать все новые способы наказания за выражение в Сети своего мнения¹².

Ученые на протяжении тысячелетий объясняли, как устроен мир, а дело заключается в том, что его необходимо изменить. Изменить! Сделай лучше¹³.

Перечисленные нарративы отражают поле гражданского дискурса, фиксирующего внимание интернет-пользователей на проблемах защиты прав личности в российском обществе. Спецификой этих дискурсивных практик служит центрирование онлайн-сетевых агентов на резонансных ивентах как политических триггерах.

Ключевые нарративы социально-медийных потоков, аккумулированных на основе контекстов обсуждения экологических проблем

Триггер нанесения ущерба окружающей среде применяется для трансляции пользователям социальных медиа чувства тревоги. Доказательство тому — перечисленные ниже нарративы по анализируемой теме, получившие наиболее широкую пользовательскую поддержку молодой части цифровой аудитории.

Зачем в России изничтожили лесников? ... виновато наше наплевательское отношение к природе. Только у нас в лесах устраивают помойки. А сколько незаконных вырубок, после которых остаются сотни гектаров брошенных обрубков, которые вспыхивают по всей тайге как спички?! Новый Лесной кодекс ослабил контроль над лесами, упростил доступ частников к природному ресурсу. Основная надзорная функция была передана регионам. Но следить за порядком в лесах некому, людей катастрофически не хватает, как и финансирования на местах. Лесников, что называется, изничтожили. К тому же в некоторых регионах уже сообщили, что денег пострадавшим от пожаров не хватит. Боюсь, не хватит и на противопожарные мероприятия. Охранять леса с тем бюджетом, который был сформирован правительством, сегодня практически невозможно¹⁴.

...Не только русский север хотят угробить но и Сибирь и дальний восток, но они далеко и требуют много денег ... защищать (природу) становится все тяжелее, на варваров

¹⁰ Источник: https://vk.com/wall115713315_49363 (дата обращения: 23.06.2020).

¹¹ Источник: https://vk.com/wall-61137276_11220 (дата обращения: 23.06.2020).

¹² Источник: https://vk.com/wall-73637931_4498 (дата обращения: 02.03.2020).

¹³ Источник: https://vk.com/wall358670153_24183 (дата обращения: 01.03.2020).

¹⁴ Источник: https://vk.com/wall-502742_90709 (дата обращения: 03.05.2020).

*работает вся властная машина то есть все государство. Так что придется бороться с Государством...*¹⁵

Перейдем к анализу половозрастной структуры пользовательской аудитории, вовлеченной в рассмотренные потоки, репрезентирующие гражданскую активность в Рунете.

На рисунке 4 показано возрастное распределение Интернет-пользователей, демонстрирующих интерес к онлайн-дискурсам гражданской направленности.

Рис. 4. Возрастное распределение аудитории потоков гражданской повестки, в %

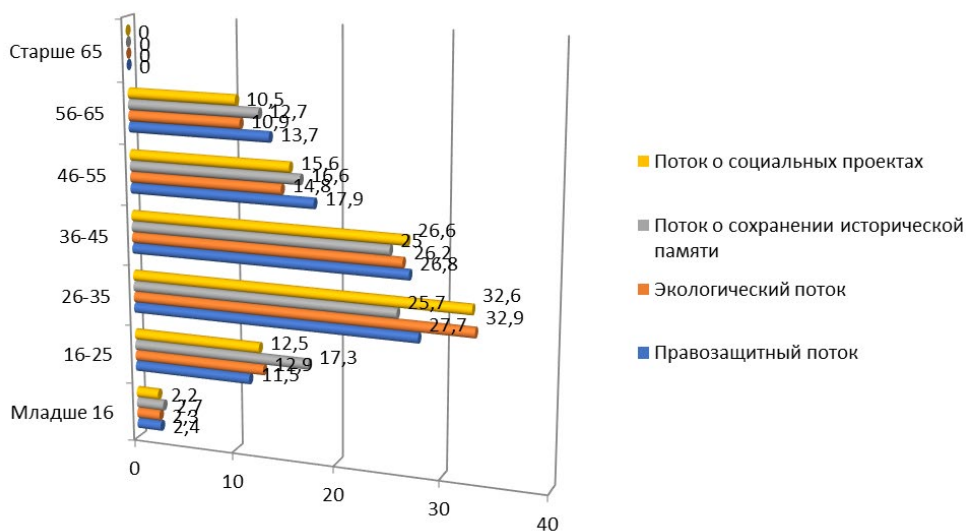

Рисунок 4 свидетельствует о весомой включенности молодой части россиян в потоки с оппозиционной риторикой (правозащитные и экологические) и относительно слабой вовлеченности в потоки лоялистского толка (социальные и социально-культурные). Это служит цифровым индикатором повышенного оппозиционного потенциала российской молодежи, вовлеченной в социально-медийные потоки гражданской направленности.

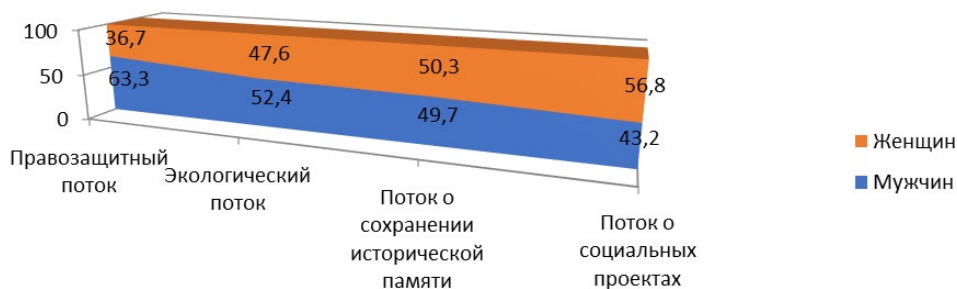
На рисунке 5 представлено гендерное соотношение пользователей, являющихся аудиторией анализируемых потоков.

Общая тенденция, характерная для потоков гражданской направленности, — статистически значимая разница вовлеченности молодых людей и девушек, исключением из которой является только поток о проектах в сфере сохранения исторической памяти, где гендерное соотношение аудитории близко к паритетному. Обращает на себя внимание абсолютное превалирование молодых мужчин в аудитории правозащитного потока. Молодые люди традиционно более оппозиционно

¹⁵ Источник: https://vk.com/wall-180464391_172143 (дата обращения: 30.06.2020).

ориентированы, и в аудитории данного потока, имеющего наибольший протестный потенциал, доминирующая доля вовлеченных — пользователи мужского пола (см. рис. 5). Меньшим пропорциональным отличием, но также преобладанием мужчин характеризуется и экологический поток (см. рис. 5).

Рис. 5. Гендерное соотношение пользователей, являющихся аудиторией потоков гражданской повестки, в %

Совершенно противоположная ситуация с потоками лоялистской, конструктивной направленности (социальные и социально-культурные). Волонтерство, благотворительность, прочие социальные проекты вызывают интерес чаще всего у девушек (см. рис. 5).

Исходя из представленных данных, можно констатировать воспроизводство среди молодой части российского общества так называемого традиционного распределения гендерных ролей, согласно которому социальные роли женской части социума связаны с заботой, поддержкой, сохранением общественных устоев, поддержанием стабильности социальных структур, сетей. Напротив, характеристики мужской половины общества, особенно, ее молодой части — стремление к изменениям, категоричность в оценках социального устройства и политической системы.

Ниже представлены наиболее популярные блоги Рунета, формирующие установки молодежной пользовательской аудитории о политических и гражданских проблемах.

Безусловными лидерами мнений в Сети служат блоки ключевых федеральных каналов. Заслуживает внимания тот факт, что среди этих «цифровых тяжеловесов», формирующих гражданскую повестку, есть несколько оппозиционно-ориентированных: Телеканал Дождь, Новости РБК, Эхо Москвы. Отметим, что эти блоги имеют весьма ощутимую пользовательскую аудиторию, суммарно составляющую около миллиона пользователей социальных медиа, а показатели реакции их цифровой аудитории на данный контент свидетельствуют о существенной координации пользовательского внимания этими медиа.

Таблица 1. **Социально-медийные лидеры мнений, формирующих гражданско-политическую повестку в цифровой среде**

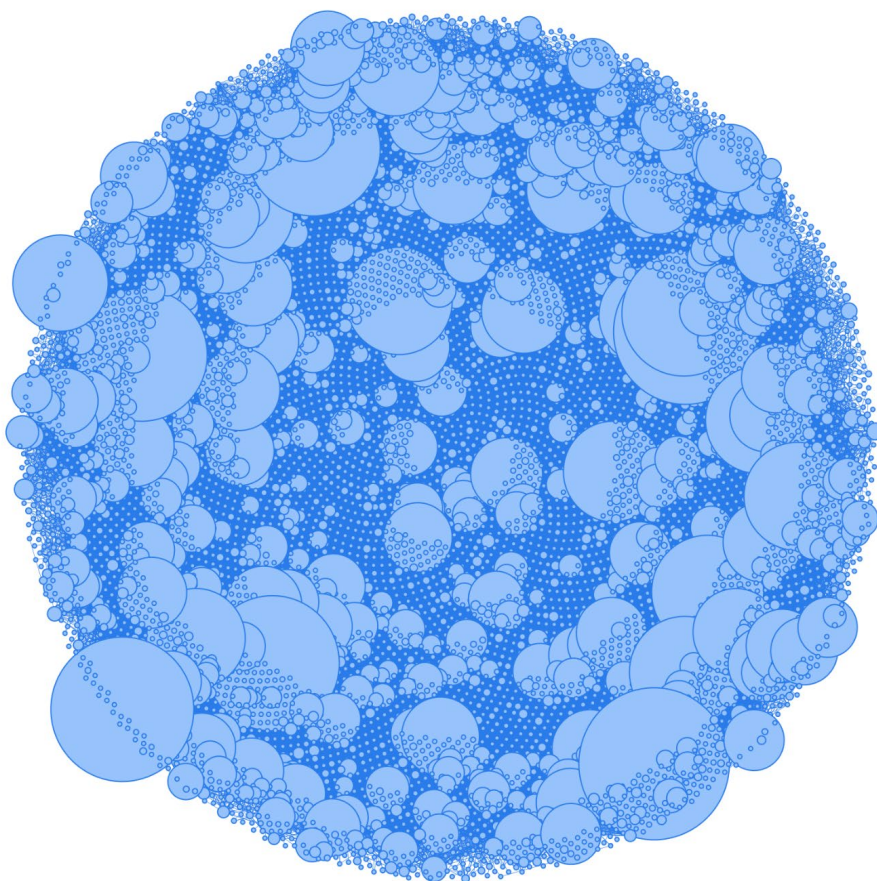
Название блога	Аудитория, пользователей	Сообщений, в среднем в ед. времени
РИА Новости	931829	164
Новости РБК	333514	92
РЕН ТВ Новости	512329	36
Телеканал Дождь	295071	402
Эхо Москвы	247375	317
НТВ	711119	196
LIFE.ru	533359	170
ВЕСТИ	825568	87
Первый канал	853207	87

Особыми возможностями формирования гражданских установок обладают социально-медийные сообщества. Инфлюенсеры, формирующие контент данных цифровых групп, реализуют разные стратегии регулирования этими сообществами, предопределяя доминирование вертикальных или горизонтальных связей внутри групп и их мобилизационный потенциал. На рисунках 6—8 показаны социальные графы (сформированные автоматически с применением авторского ПО «Социальный граф», приложения к сети «ВКонтакте»). Графы отражают структуру связей между пользователями внутри цифровой группы. Каждая точка/окружность (вершина графа) означает конкретного пользователя — участника сообщества (размер окружности свидетельствует об объеме связей пользователя внутри группы), ребро графа — это наличие связи между пользователями (ребра-связи можно увидеть при растяжении графа, их статистическое выражение представлено в таблице метрик под графом). В графах рисунков 6—8 схематично показаны многомиллионные связи между участниками изученных цифровых групп.

Согласно данным построения социальных графов, среди 200 сообществ с гражданской повесткой, отобранных для отображения структуры связей между их участниками, наиболее плотные и интенсивные интеракции установлены у онлайн-групп правозащитной направленности. Типичным примером социально-медийного сообщества, устройство которого создает условия для эффективной мобилизации ее участников, является группа «Про права человека» (см. рис. 6).

Группа обладает большим охватом пользовательской аудитории, характеризуется преобладанием закрытых профилей в числе подписчиков сообщества со связями внутри сообщества, имеет высокие показатели пользовательской активности, сплоченности, в ней существует систематическое информационное воздействие 192 топикстартеров на свои целевые аудитории, максимальный объем которых может достигать 527 человек. Устройство группы говорит о ее значительном потенциале мобилизации гражданских установок.

Рис. 6. Социальный граф и метрики сообщества «Про права человека» ([Vk.com/propravacheloveka](https://vk.com/propravacheloveka))

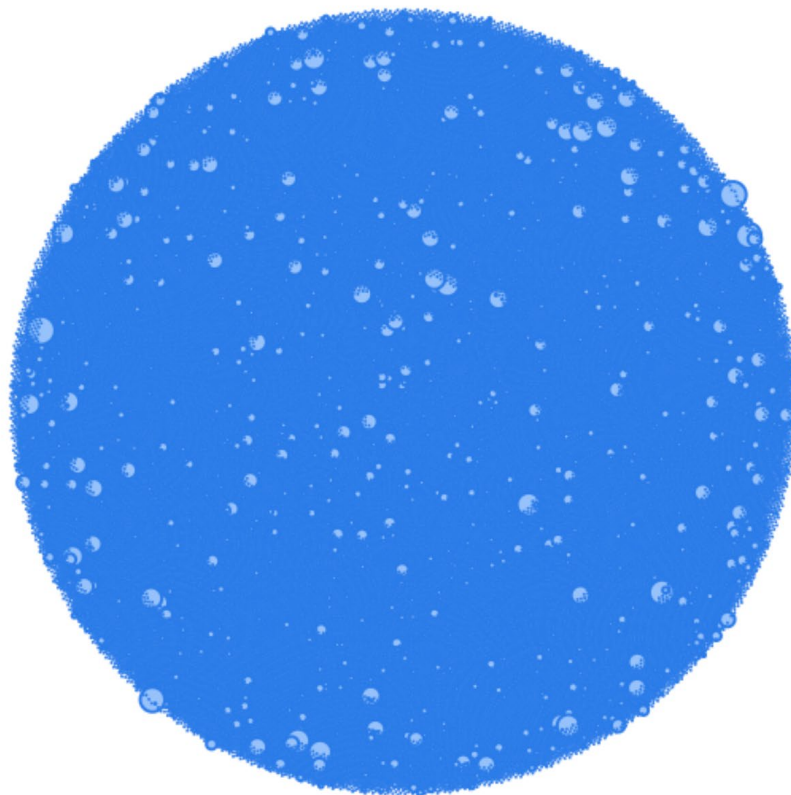

Количество пользователей в группе	22371
Количество пользователей с открытым списком друзей в группе	21703
Количество пользователей с открытым профилем, имеющих связи внутри группы	7322
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	527
Количество пользователей со связями от 100	192

Структура разветвленных вертикальных связей внутри онлайн-сообщества характерна для блока исследовательских кейсов — групп, обсуждающих политические проблемы в критическом ракурсе. Типичный пример такой структуры — сооб-

щество «Острая политика». Регулирование аудиторией таких групп обеспечивается функционированием так называемых микролидеров мнений, имеющих аудиторию от 100 до 300 пользователей (см. рис. 7), что говорит о некотором мобилизационном потенциале, поскольку микролидеров в сообществе достаточно много.

Рис. 7. Социальный граф и метрики сообщества «Острая политика» ([Vk.com/ostpol](https://vk.com/ostpol))

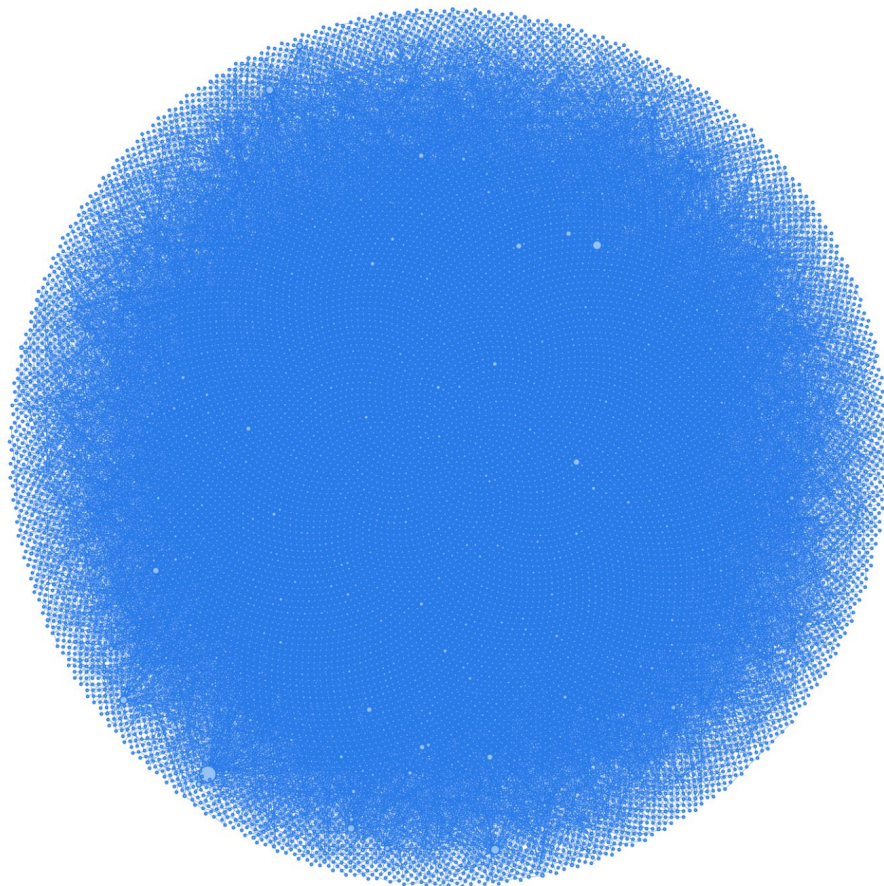
Количество пользователей в группе	93244
Количество пользователей с открытым списком друзей в группе	76552
Количество пользователей с открытым профилем, имеющих связи внутри группы	27973
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	304
Количество пользователей со связями от 100	166

Эти инфлюенсеры формируют повестку, гражданские установки, отношение участников сообщества к событиям политической жизни страны. Оппозиционные дискурсы группы вызывают интенсивный пользовательский резонанс, однако,

в связи с отсутствием единого координационного центра информационного влияния, воздействие группы ограничивается когнитивной и аффективной составляющими.

Пример социального графа группы с полным отсутствием мобилизационного потенциала отражен на рисунке 8.

Рис. 8. Социальный граф сообщества «COVID мемы»¹⁶

Количество пользователей в группе	77760
Количество пользователей с открытым списком друзей в группе	58238
Количество пользователей с открытым профилем, имеющих связи внутри группы	14497
Максимальное количество связей в группе у одного пользователя	92
Количество пользователей со связями от 100	0

¹⁶ Слабость и рассредоточенность связей группы нередко ведет к прекращению ее функционирования. Это сообщество — показательный пример. На данный момент группа «COVID мемы» перестала существовать.

Группа обладает большим объемом пользовательской аудитории, однако характеризуется преимущественно зрительской активностью подписчиков, критические/протестные дискурсивные практики вызывают кликтивистский интерес, но не трансформируются в деятельную/поддерживающую контент группы реакцию. Группа лишена как единого центра управления, так и систематически воздействующих на аудиторию микролидеров.

Резюмируя выводы о взаимосвязях, выявленных в процессе анализа социальных графов цифровых сообществ гражданской направленности, следует констатировать существование нескольких закономерностей:

— наибольшим мобилизационным потенциалом обладают группы оппозиционной направленности;

— среди оппозиционно-ориентированных сообществ наивысший потенциал мобилизации гражданских и политических установок имеют группы экологической и правозащитной направленности;

— чем большим оппозиционным потенциалом располагает социально-медийная группа, тем более тесные связи характеризуют структуру социального графа сообщества;

— сопоставление данных социального графирования с результатами качественного анализа содержания материалов изученных социально-медийных групп свидетельствует о преобладании в сообществах с высоким мобилизационным потенциалом таких техник манипуляции мнением пользовательской аудитории, как использование большого количества метафор, апеллирование к постам предсказательного характера, преобладание сообщений с наставлениями, обращение напрямую к лицам, принимающим решения, вопросная форма обращения.

Заключение

На основе теоретических концепций и методологических подходов к изучению гражданской активности молодежи в социальных медиа, составивших фундамент проведенного исследования, следует сделать следующие выводы:

— институционализированная официальными интернет-платформами гражданская активность молодежи отличается крайне низкими показателями ее резонанса и вовлеченности в предлагаемые формы гражданского участия, что свидетельствует о низком уровне управляемости этого процесса. Профильным комитетам и органам государственной власти важно учитывать, что наиболее эффективное воздействие на поведенческие установки молодежи, на культуру гражданской активности ее представителей происходит главным образом в пространстве неформальных сегментов социально-медийной среды (за рамками социальных медиа — официальных цифровых представительств государственных организаций);

— наиболее численно представленные сообщества гражданского толка, участниками которых является российская молодежь, имеют довольно неширокую повестку сфер гражданского активизма и сакцентированы главным образом на оппозиционном контексте правозащитной и экологической тематики. С позиций социального конструкционизма преобладание в изученном секторе социальных медиа этого контекстуального поля, говорит о том, что сегодня в сознании

молодых россиян, интенсивно вовлеченных в интернет-коммуникацию, гражданская активность представлена смыслами, связанными в основном с борьбой за личные права и сохранение природы. Именно эти значения и смыслы определяют фон формирования гражданских практик, доминирующими проявлениями которых становятся такие современные формы выражения коллективных представлений, как интернет-петиции, онлайн протесты, имеющие высокую степень управляемости в социально-медийной среде;

— динамика потоков социальных медиа, отражающих маркеры гражданского активизма, характеризуется маятникообразностью (нестабильностью), привязкой к политическим ивентам российского общества, нисходящим трендом публикационной активности после совершения знаковых политических событий;

— наиболее выраженные максимальные экстремумы публикационной активности характерны для инфопотоков экологического и правозащитного содержания;

— оппозиционно ориентированным по отношению к власти социально-медийным группам гражданской активности свойственен большой объем участников, значительная представленность микролидеров и топикстартеров с весомой аудиторией, высокие показатели пользовательского резонанса в отношении публикуемого контента.

Список литературы (References)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Lukman T. (1995) *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Чередник А. В. Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа Рунета // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 4. С. 23—35. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/248> (дата обращения: 19.12.2021).

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Karzubov D. N., Cherednik A. V. (2018). The Status and Dynamics of Russian-Lingual Threads on Inter-Ethnic and Inter-Religious Relations in the Crimea and Sevastopol: Cybermetric and Discourse Analysis of Social Media Messages in Runet. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 8. No. 4. P. 23—35. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/248> (accessed: 19.12.2021). (In Russ.)

Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2020.

McLuhan M. (2020) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Academic Project. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>. (In Russ.)

Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/en/article/4202> (дата обращения: 19.12.2021).
Patrushev S. V. (2009) Civic Activity: Institutional Approach. Prospects for Research. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 24—32. URL: <https://www.politstudies.ru/en/article/4202> (accessed: 19.12.2021). (In Russ.)

Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>.

Pyрма R. V. (2019) The Influence of Digital Communications on Political Participation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 9. No. 4. P. 63—69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>. (In Russ.)

Шестопад Е. Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. Vol. 9. № 3. С. 81—90. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090309>.

Shestopal E. B. (2018) Features of the Use of Psychological Methods for the Study of Political Perception. *Social Psychology and Society*. Vol. 9. No. 3. P. 81—90. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090309>. (In Russ.)

Boulianne S., Theocharis Y. (2020) Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*. Vol. 38. No. 2. P. 111—127. <https://doi.org/10.1177/0894439318814190>.

Castells M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity.

Chadwick A. (2013) *The Hybrid Media System. Politics and Power*. New York, NY: Oxford University Press.

Emirbayer M., Goodwin J. (1994) Network Analysis, Culture and the Problem of Agency. *American Journal of Sociology*. Vol. 99. No. 6. P. 1411—1454. <https://doi.org/10.1086/230450>.

Frame A., Brachotte G. (eds.) (2015) *Citizen Participation and Political Communication in a Digital World*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315677569>.

George J., Leidner D. (2019) From Clicktivism to Hacktivism: Understanding Digital Activism. *Information and Organization*. Vol. 29. No. 3. P. 1—33. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.

Harré R. (1992) The Second Cognitive Revolution. *American Behavioral Scientist*. Vol. 36. No. 1. P. 5—7. <https://doi.org/10.1177/0002764292036001002>.

Knoke D. (1990) *Political Networks. The Structural Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Milbrath L. W. (1965) *Political Participation: How and Why Do People Get Involved in Politics?* Chicago, IL: Rand McNally.

Milbrath L. W. (1981) *Political Participation*. In: Long S. L. (ed.) *The Handbook of Political Behavior*. Boston, MA: Springer. P. 197—240. https://doi.org/10.1007/978-1-4684-3878-9_4.

Tuzhilin A., Adomavicius G. (2005) *Toward the Next Generation of Recommender Systems: A Survey of the State-Of-The-Art and Possible Extensions*. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*. 2005. Vol. 17. No. 6. P. 734—749. <https://doi.org/10.1109/tkde.2005.99>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2021](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2021)

A. P. Petrov, A. S. Akhremenko, S. A. Zheglov, E. V. Kruchinskaia

IS NETWORK STRUCTURE IMPORTANT FOR PROTEST MOBILIZATION? FINDINGS FROM AGENT-BASED MODELING

For citation:

Petrov A. P., Akhremenko A. S., Zheglov S. A., Kruchinskaia E. V. (2021) Is Network Structure Important for Protest Mobilization? Findings from Agent-Based Modeling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 226–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2021>.

Правильная ссылка на статью:

Петров А. П., Ахременко А. С., Жеглов С. А., Кручинская Е. В. Важна ли сетевая структура для протестной мобилизации? Результаты агентно-ориентированного моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 226—253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2021>. (In Eng.)

IS NETWORK STRUCTURE IMPORTANT FOR PROTEST MOBILIZATION? FINDINGS FROM AGENT-BASED MODELING

ВАЖНА ЛИ СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА ДЛЯ ПРОТЕСТНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ? РЕЗУЛЬТАТЫ АГЕНТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Alexander P. Ch. PETROV¹ — *D. Sci. (Applied Mathematics), Senior Researcher*
E-MAIL: petrov.alexander.p@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5244-8286>

ПЕТРОВ Александр Пхоун — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник, Институт прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН, Москва, Россия
E-MAIL: petrov.alexander.p@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5244-8286>

Andrei S. AKHREMENKO² — *Dr. Sci. (Political Science), Professor, School of Politics and Government, Faculty of Social Sciences*
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Департамент политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aakhremenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8002-7307>

Sergey A. ZHEGLOV² — *PhD Student, Doctoral School of Political Science*
E-MAIL: s_zheglov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5919-2321>

ЖЕГЛОВ Сергей Александрович — аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: s_zheglov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5919-2321>

Ekaterina V. KRUCHINSKAIA² — *PhD Student, Doctoral School of Political Science*
E-MAIL: evkruchinskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4778-3287>

КРУЧИНСКАЯ Екатерина Владиславовна — аспирантка, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: evkruchinskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4778-3287>

¹ Keldysh Institute of Applied Mathematics, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. In recent decades, the focus of civic engagement research has shifted towards studying social environments' effects on individuals' decisions on whether to participate in a given ac-

Аннотация. В последние десятилетия фокус исследований гражданской активности смещается в сторону изучения того, насколько влиятельно социальное окружение индивида в процессе приня-

tivity or not. Online communication has been increasingly influencing the scale of social environments as well as the features of both online and offline interpersonal communications. Surely, then, individuals' decisions concerning protest mobilization are bound to be affected by network properties. Using a series of ABM models with different network structures, we try to identify the structural factors of networks that can influence individuals who are deciding whether to join a protest. The established research in this field traditionally points to two structural factors: network topology and homophily. To our knowledge, however, the literature has not considered two above-mentioned structural factors in combination. In other words, their joint influence on protest mobilization has not been tested. To fill this research gap, we combine several network topologies with enabled/disabled homophily and examine how the combination influences protest turnout and survival. Numerical experiments show that homophily is positively associated with the survival of the protest, but negatively with its size for any network topology. Since we infer this conclusion from a theory-based computational model, we also propose how empirical testing can be conducted.

Keywords: political mobilization, political protest, agent-oriented model, network topology, homophily, social media

тия им решений. Нет сомнений в том, что современные онлайн-коммуникации воздействуют как на размеры социального окружения, так и на качество связей между индивидами даже в офлайн-среде. Что это может значить для протестной мобилизации как одного из видов гражданской активности?

С помощью агентно-ориентированной модели со включенными сетями, отражающими связи между индивидами — потенциальными участниками протеста, мы пытаемся ответить на вопрос о том, какие структурные факторы сетевой организации индивидов, принимающих решения об участии в протесте, имеют значение. Согласно сложившейся исследовательской традиции, таких структурных факторов можно выделить два: топологию сети и гомофилию. Тем не менее в уже имеющейся литературе они никогда не были соотнесены между собой, а именно, не было проверено их совместное влияние на протестную мобилизацию. Заполняя данную исследовательскую лауну, в настоящей статье мы изучаем, как при разных топологиях сети и включенной гомофилии изменяется численность протеста и выживаемость последнего. Мы приходим к выводу, что при любых сетевых топологиях гомофилия положительно связана с выживаемостью протеста, но отрицательно — с его численностью. Данный вывод получен на основании теоретической модели, и его вклад, проверенный эмпирическим путем, нам еще предстоит оценить.

Ключевые слова: политическая мобилизация, политический протест, агентно-ориентированная модель, топология сети, гомофилия, социальные сети, социальные медиа

Acknowledgments. This research is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 20-18-00274, HSE University.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00274), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Introduction

The impact of repression on street protests is controversial and commonly referred to as the puzzle of protest-repression nexus or the puzzle of punishment. One common thought is: the stronger the repression, the weaker the protest [Lichbach, 1987]. However, this is not always the case [Opp, Roehl, 1990]; sometimes the opposite obtains [Ritter, Conrad, 2016]. This paper seeks to contribute to clarifying the protest-repression nexus puzzle. Using an agent-based model with an included network structure, stimulating a network of individuals deciding whether to engage in a protest activity, we study how various group effects between individuals and network structures can influence the outcome of repression. So far, no research has raised the question of how individuals' ability to communicate in groups and the structure of social relations jointly affect the behavior of groups of protesters after repression. This paper aims to begin filling this research gap. To that end, we pay attention to both network topologies and homophily. Then, using a computational experiment, we test their combined effect on protest dynamics depending on the severity of the repression.

Thus, in this paper, we are trying to assess the ways in which a network's structure influences protest mobilization. At the same time, we appraise the combined effect of a network structure's components on protest survival. By simulating several network topologies and differing levels of homophily in a series of experiments, we also investigate whether there are any effects at all and whether there are differences in the strength of influence between homophily and topologies.

Our literature review reveals some divergence among researchers' conclusions regarding networks' topologies. The findings regarding homophily diverge even more widely. What is more, as we said, the joint effects of homophily and network topologies have not yet been studied. These circumstances open up a horizon for us to make exploring the combined effects of network topology and homophily a novel research area.

Based on the results of our simulations, we submit that for all the topologies studied in this paper, homophily is positively associated with the level of protesters' resistance to repression, but negatively associated with the number of protesters.

Literature review

The Internet as a phenomenon that allows people to quickly and easily acquire a network of acquaintances, affects not only online connections but also the communication of people in society as a whole [Bisbee, Larson, 2017]. Nowadays, people's joint actions which require coordination, cooperation, and leadership cannot be understood without first understanding individuals' networks that are facilitated by the Internet. Civic activism, including political protest, is undoubtedly such a social fact. Thus, when studying the phenomenon of political protest, it is crucial to understand

how the Internet affects the building of network structures, i. e., how it facilitates the process of making connections [Diani, McAdam, 2009]. The structure of the network is important when examining the spread of political protest, both in terms of the dynamics of recruitment and the diffusion of information [González-Bailón, Borge-Holthoefer, Rivero, Moreno, 2011].

An interesting feature of the study of networks is that multiple aspects of a network's structure must be considered in order to understand the specific protest activity. Here, we consider two growing areas of research. One is the study of network topologies (or, less formally, architectures), which reflect a network's basic qualitative properties. Another is network homophily — the way in which connections are formed within a network, depending on the similarity of its nodes. Interestingly, research along these two lines suggests that both structural aspects of networks — topology and homophily — matter. At the same time, it is surprising that these structural aspects have not been considered by researchers simultaneously within the same study. That is what makes this paper innovative, we believe. Moreover, we will demonstrate that these structural aspects matter not only individually, but jointly.

Topology can describe how elements in a network are concerned with each other. Speaking in a general social sense, a network's topology can be conceptualized as a structure of connections in society. The study of topology as a social structure already has far-reaching implications. Thus, it is true that the ramification and size of the network affect the likelihood of an individual joining a social, political movement — i. e., collective action [Lake, Huckfeldt, 1998; McClurg, 2003]. On the other hand, a network's topology may indicate whether there are leaders or hierarchical relations in the social structure of society, or whether the connections instead are completely horizontal — this indirectly indicates, for example, the level of political awareness, and hence the propensity to participate in civil movements [Huckfeldt, 2001].

There are results — far-reaching while few — that prove that a network's topology is important for coordination. It is worth mentioning the research that opened the discussion about the matter of network topologies in the social sciences [Siegel, 2009]. It sheds light on the idea that network topology can influence the level of participation of individuals in collective action. Siegel identified four types of network topologies in which the level of participation and the speed of joining collective action are different. For example, for a topology in which “everyone is equal” and each person has the same number of links while everyone can influence even the furthest neighbor, the level of participation and rate at which people join is very high. For a similar topology with more segregated groups of people, in which individuals can only influence their near neighbors, the rate of attachment is lower. For a network whose topology may indicate it has a leader, the level of participation is highly dependent on what the leader's opinion is. For a network with a hierarchical topology, the level of participation is highly dependent on the opinion of several leaders. Continuing this idea, Siegel [2011] finds a relationship between the structure of the network and the level of participation in collective action in response to repression: repression is most likely to succeed if the network structure lacks a strong leader, one with strong and extensive connections with followers.

Another study [Piedrahita, Borge-Holthoefer, Morena, González-Bailón, 2018] modeling network topology and conducted in the tradition of critical mass theory

[Granovetter, 1978] with threshold models [Kuran, 1991] also shows that network topology is important, but points out that its influence can change due to various factors. Among those factors, the authors highlight possible re-inclusion into the network and the magnitude of the network's social influence. Thus, a network's topology has a mixed effect on the coordination process, if individuals can reconnect (activate) to the network. If the network is homogeneous, coordination will be achieved quickly; if it appears unequally, then coordination is inhibited. On the other hand, if most of the connections of individuals are highly susceptible to the mechanism of social influence (individuals become similar because they communicate), topology is not critical.

Aside from models, empirical evidence [Alfonzo, 2021; Karduni, Sauda, 2020; Meraz, Papacharissi, 2013] also confirms that paying attention only to the network topology and no other structural elements leads to contradictory conclusions and creates new questions but does not answer the existing ones. A simple question arises: What other structural elements of a network should be studied in order to shed light on coordination processes — including civic engagement and protests — and are there corresponding findings in previous studies?

Individuals participating in street protests are indeed tightly connected, even online — more tightly than non-protesting individuals [Larson, Nagler, Ronen, Tucker, 2019]. What can unite the protesters so strongly, and what is the concept of the structure of the network responsible for this unification? This principle of uniting individuals can be explained by the phenomenon of homophily, another important feature of network structures.

Initially, homophily was considered as an attribute of a network and its nodes [Asikainen, Iñiguez, Ureña-Carrión, Kaski, Kivelä, 2020; McPherson et al., 2001]. Indeed, from the network analysis point of view, this concept can be defined as the nodes' propensity to form edges with others based on having similar characteristics [Jackson, Lopez-Pintado, 2013], with attributes of nodes then correlating across edges. It is important to note that homophily can be considered as a property of a network [Kim, Altmann, 2017] but it may, alternatively, simply indicate the network's structure [Bramoullé, Currarini, Jackson, Pin, Rogers, 2012]. In this paper, we are leaning towards the second way of conceptualizing homophily.

In the most general understanding of social science, homophily is the propensity of individuals to create connections with their kind [Ho, Bui, Bui, 2018] according to various social and demographic [Lazarsfeld, Merton, 1954], axiological [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001], or cognitive [Song, Boomgaarden, 2017] characteristics. Thus, the more developed homophily is, the more often it is that matching individuals contact each other [Di Stefano et al., 2015]. It is also worth noting that political homophily is conceptualized in various ways. One view characterizes homophily as a state in which individuals link on a principle of discussing only “comforting” political information, which partially isolates them from political topics that might trigger cognitive dissonance [Song, Boomgaarden, 2017; Stroud, 2010]. A more conventional view has it that individuals form homophilous bonds based on common political views and ideologies [Boutyline, Willer, 2017].

It can be argued that there are quite a few types of homophily (and different definitions within these types), depending on which scientific field is being studied. However,

it is important to draw a clear line between homophily and other, sometimes-confusing concepts. The first of these is the echo chamber. Indeed, homophily takes place when discussing the echo chamber, but the latter is a certain consequence of homophily; an echo chamber represents a common place (more frequently found in the network space) for the close companionship of individuals who are attracted by common interests or agenda [Jamieson, Capella, 2010]. Another concept, in some way derived from the echo chamber, is called the filter bubbles and constitutes a biased, personalized network search result, whereby the user is presented only with information that is in some way associated with their history of requests in the browser. Thus, the bias in the information received allows the user to see not the actual desired content but the potential desired content [Resnick, Garrett, Kriplean, Munson, Stroud, 2013]. Filter bubbles can also be explained by the proposal that “like attracts like,” with the result that the individual is forced to stay in a “single” echo chamber. Finally, it is worth mentioning the concept of selective exposure. Selective exposure can be described as “manual” filter bubbles that an individual chooses voluntarily and consciously — depending on what content it is desirable to view [Frey, 1986].

Now that the concept of homophily is elucidated for this work, the next step is to clarify how homophily is accentuated with different features (e. g., features of some systems). Historically, homophily has been understood in terms of both status and value attributes [Lazarsfeld, Merton, 1954]. Homophily in status indicates that individuals with similar socioeconomic traits are more likely to converge when compared with the odds of random associations. The value attribute states that despite class similarities or differences, individuals form groups according to the principle of similarity in value attitudes. Sometimes these two attributes can work together — this has been called mixed homophily [Li, Hu, Yang, 2020]. Also, homophily is configured to develop some features of social systems, e. g., generate the spread and content of behavioral norms [Christakis, Fowler, 2007], form groups of opinion leaders and their followers [Centola, Willer, Macy, 2005], and even establish or remove barriers to information¹.

The above concepts can be useful in many ways when talking about the decision to join a protest. Individuals can follow the trend of shared values by deciding whether to participate in a protest; they can also rely on the prevailing behavioral norms in society to decide. Because we explore protest dynamics in this study, we adhere to the idea that homophily is expressed through value attitudes.

All of this being said, the effects of homophily on a broad class of social phenomena, including protest diffusion, remain unclear. A widespread point of view is that homophily has some negative social consequences: polarization and fragmentation [Levendusky, 2013] of opinions, which subsequently tend to increase the appearance and proliferation of echo chambers [Dandekar, Goel, Lee, 2013] and selective exposure [Stroud, 2010]. This view originates from Schelling’s [1971] model, which shows that the presence of homophily leads to levels of segregation that greatly exceed individual needs for similarity.

Another stream in the literature argues that homophily can be worthwhile in societies where there is a lack of collective solidarity and identity [Collins, 1993]; associa-

¹ Choudhury M., Sundaram H., John A., Seligmann D., Kelliher A. (2010) “Birds of a Feather”: Does User Homophily Impact Information Diffusion in Social Media? (Research Paper). URL: <https://arxiv.org/abs/1006.1702> (accessed: 28.11.2021).

tions of people with common interests can resolve this problem. Likely, this can lead certain parts of society (connected by homophilous ties) to mobilize in terms of open expression of citizenship, participation in protests [Polletta, 1998], and mobilization of other collective actions [Centola, 2011]. This can be considered a positive corollary since in some way it is the solution to the problem of coordinating societies of like-minded people to achieve the common good [Macy, 1990].

Some studies point out the mixed and non-linear effects of homophily. For example, it is important to note the results of game-theoretic modeling of the emergence of revolutions and uprisings [Barberà, Jackson, 2020]. The success of these events is tested at the different levels of homophily inherent in the participants in the movement. Thus, Barberà and Jackson [2020] conclude that high levels of homophily leading to a more homogeneous society, the absence of widespread social segregation, is positively associated with the possibility of insurrection, while the opposite situation — low homophily and high segregation — are negatively associated with the possibility of insurrection. No less interesting are the results of the model of the spread of collective action [Korkmaz, Kuhlman, Goldstein, Vega-Redondo, 2020]. In this case, it was found that a high level of homophily, on the one hand, is positively associated with joining collective action; on the other hand, with high levels of homophily joining participants to collective action related to a high degree of non-linear and non-monotonic trends. In other words, homophilous connections help in the search for new members of collective movements, but the process of this connection can be described as rather chaotic.

There is also a diametrically opposite result obtained by modeling. For example, according to the model of the formation of social opinions [Degroot, 1974], homophilous structures of ties can constitute a potential threat for communities to polarize. This idea was extensively developed by Bindel, Kleinberg, Oren, [2011] and Krause [2000]. These results were supplemented with the idea that for homophily to work for polarization, an additional but key determinant is needed: biased assimilation (or confirmation bias, i. e., a tendency to justify one's point of view).

Importantly, there are even more contradictory results. For example, from the perspective of an agent-based model designed to study the relationship of homophily and behavior diffusion, Li, Hu and Yang [2020] concluded that homophily positively influenced behavior diffusion only when individuals were inclined to adapt their opinions; otherwise, homophily had the opposite effect and reduced behavior diffusion. In addition, Li et al. argue that the influence of homophily has a similar sign but differs in value impact on behavior diffusion, depending on its nature (status or value).

The empirical evidence for results is not as extensively studied but can also be called divergent. For example, there is evidence that homophilous ties can contribute to the emergence of close communities with a clearly expressed political position; then being in these communities makes it difficult to perceive an opposing political position [Boutyline, Willer, 2017]. This means that homophily can mobilize ideological guidelines. The ideological wing which has the most individuals and communities with homophilous connections will be the most radical, and its community will be more closed to external influence. On the flip side, some results indicate that homophilous connections in social media create a stable pool of communities for the exchange of political information (for example, Hong Kong movements) that support each other by

exchanging and sending content, but do not create additional conditions for isolation from separate communities [Zhang, Lee, 2018].

It would be an oversight to ignore the rich potential of research results, both for network topology and homophily. By highlighting the controversy of the previous research results about topology and homophily impact on protest mobilization, we hope to have illuminated the point of studying both structural factors concurrently. In the next section, we discuss the specifics of the methodology used in this paper, to explain how agent-based modeling principles were implemented in prior research and to explain how we implement them to explore the network and its structure.

Networks and Homophily in an Agent-Based Framework

Our methodology for tackling the above research problem is agent-based modeling (ABM). Agents are a system of autonomous elements capable of being in a finite number of states at discrete periods of time. In the broadest class of modeling problems associated with human behavior, agents represent individuals making decisions; switching from one state to another is analogous to making a choice between alternatives. The state of an agent depends both on individual properties and on the states of other agents associated with her (for detailed overviews of ABM methodology, see [Akhremenko, Petrov, Zheglov, 2021; Laver, 2020; Bonabeau, 2002; Wilensky, Rand, 2015]).

This general framework fits our research question optimally, for several reasons. First and foremost, it allows agents to be explicitly integrated into network structures. In recent years, this very opportunity has largely determined the growing popularity of ABM among social scientists [Amblard, Bouadjio-Boulic, Sureda Gutiérrez, Gaudo, 2015; Cercel, Trausan-Matu, 2014; Will, Groeneveld, Frank, Müller, 2020]. Researchers of contentious politics have recently used this approach to study the mechanisms of actors' coordination [Piedrahita et al., 2018], the impact of authority centralization and social network technology on large-scale institutional change [Makowsky, Rubin, 2013], coevolution of topics of concern as a condition for the emergence of large social protests [Asgharpourmasouleh, Fattahzadeh, Mayerhoffer, Lorenz, 2020], the influence of non-local connections on civil violence dynamics [Fonoberova, Mezić, Mezić, Hogg, Gravel, 2019], the effect of social tolerance and interconnectivity upon the radicalization of politics [Dacrema, Benati, 2020], the role of armed organizations in political revolutions [Moro, 2016], and many other issues.

As a rule, researchers tend to work with some definite network topology, varying its settings. The most widely used network architectures are “Small World” [Watts, Strogatz, 1998], which aims to represent traditional communication networks, and “preferential attachment” [Barabási, Albert, 1999; Barabási, Albert, Jeong, 2000], which is more consistent with the structures of communication in social media. Small World architecture is a combination of a regular graph, where each node has a fixed and equal number of neighbors, and a random network [Erdős, Rényi, 1959; Stocker, Green, Newth, 2001]. The regular component represents an individual's everyday social environment — so-called “strong ties”; the random network, in contrast, is associated with weak ties with people who do not belong to the inner circle of the individual's communication. The preferential attachment network is based on the “the rich get richer” principle: the probability of a new link joining a given node depends on

how many edges are already attached to it. This algorithm results in a typically large social media unevenness in the number of network connections (subscriptions, friends, followers, etc., see [Amblard et al., 2015]).

In some cases, an individual's network environment is implemented in the model simultaneously with their spatial neighborhood. The original, and still widely used way of simulating the interaction between agents is the cellular lattice, in which the neighborhood is determined by the geometric proximity of agents to each other. Some researchers modify this classical approach by integrating a certain network type (see e. g., [Fonoberova et al., 2019; Makowsky, Rubin 2013]). As in the previous case, variation of the network parameters (rewiring probability, network size, average degree, etc.) is usually a part of the experiment.

However, from our perspective the most promising approach — still not very common in the literature — is to test the effects of different topologies within the framework of one model. Following Piedrahita et al. [2018] and Siegel [2009; 2011], which are good examples of this design in research on contentious politics, we use five alternative network architectures: the already named Small World and preferential attachment as the baseline architectures, and the regular, complete, and random graphs as the controls.

Along with the wide applicability of network options, an important advantage of ABM is its capacity to simulate complex dynamic processes. This is due in particular to the fact that the model simulation's duration in ABM is practically not limited by anything other than computing power. The focus of this research is not just individual protest actions, but protest campaigns — interconnected sequences of protest events evolving over time. Network effects do not manifest themselves instantly; the interplay of information and influence in the network takes time. Both in real life and in our model, the successful course of a protest campaign occurs through a step-by-step increase in the number of protesters. One of its key mechanisms is protest cascades, where those who have already taken to the streets motivate hesitant agents to join [Kuran, 1989; Granovetter, 1978]. Protest cascades are fundamentally dynamic phenomena whose study requires a nuanced picture of processes development over time. Such a picture cannot be obtained within the framework of the main competing modeling methodology in the social sciences: game theory. Although there certainly exist noteworthy and clever game-theoretic models of protests (see e. g., [Little, 2016]), including those that incorporate homophily [Barberà, Jackson 2020], they are invariably limited to the analysis of final equilibria, without considering the patterns of protest dynamics.

The implementation of homophily in computational and mathematical models is a separate important task with its own special difficulties. The standard approach, originating from Schelling's [1971] seminal segregation model, which we have already discussed above, is to define several (usually two or three) qualitative types and to assign each agent to one of them. For example, Holzauer, Krebs, and Ernst [2013] specify three types of agents: "right" extremists, moderate, and "left" extremists. Next, a square matrix is compiled, with the number of rows and columns equal to the number of types in question, which determines the probabilities of the link formation between them [Dandekar et al., 2013; Korkmaz et al., 2020; Holzauer et al., 2013], e. g., how

likely it is that a right-wing extremist will be linked with a moderate agent. It is natural to assume that, in the presence of homophily, the probability of making a connection is higher if both agents are of the same type. But how much higher? And how should the probabilities of connection with “alien” types be determined if there are more than two types in the model?

In our model, the attribute-generating homophily is of a quantitative property (measured at the interval level), not a qualitative property. An individual's decision to participate in a protest is based upon a mechanism that includes two components. The first, dynamic component is a “net force” of short-term campaign factors: the situational influence of the social environment, an assessment of the chances of suffering from repression, and group efficacy belief. The second component, which we call an attitude, is a long-term predisposition towards participation in a protest, determined by a large set of heterogeneous determinants, from social status and demographic characteristics to value orientations. It is the second component that creates homophilous relationships in the model. Being a continuous value, the attitude provides pairwise distances between agents. The latter, being a natural measure of proximity, becomes the basis for calculating the probability of connections between nodes. (Ho et al. [2018] take a similar approach).

We implement homophily in the procedure of initialization of three of five topologies: Barabási — Albert (preferential attachment), Watts — Strogatz (Small World), and Erdős — Rényi (random) graph (the remaining two topologies exclude the possibility of implementing homophily in their initialization process). In all versions of topologies, the probability of a connection between network agents depends on the Euclidean distance between them. The role of homophily in the creation of the network is regulated manually and is set as a separate parameter. The key characteristic that defines the similarity between agents is the attitude, which is unique for each agent. More details about implementation homophily in the procedure of initialization of three topologies can be found in Appendix A.

The Model

We consider the preferential attachment network to be an analogue of communication on the Internet. The Small World network represents more traditional ties, while the random graph serves as a control. Thus, at the heart of this model lies the principle of testing alternative network topologies, each of which is integrated with a homophilous mechanism. This will allow us, we hope, to better address the key question of this work: What is the joined effect of network topology and homophily on protest participation?

The model focuses on the dynamics of turnout on subsequent instances of a protest campaign. The driving force behind this dynamic is: the greater “yesterday’s” turnout, the greater the motivation for participation in today’s protest event. Accordingly, the model centers on the decision-making of potential protesters on whether to attend “today’s” event. It is convenient to imagine an individual having her breakfast and weighing motives for participation against motives for non-participation, while also taking into account individual-specific long-term predisposition. Thus, our approach distinguishes between short-term and long-term factors of protest activity. Short-term

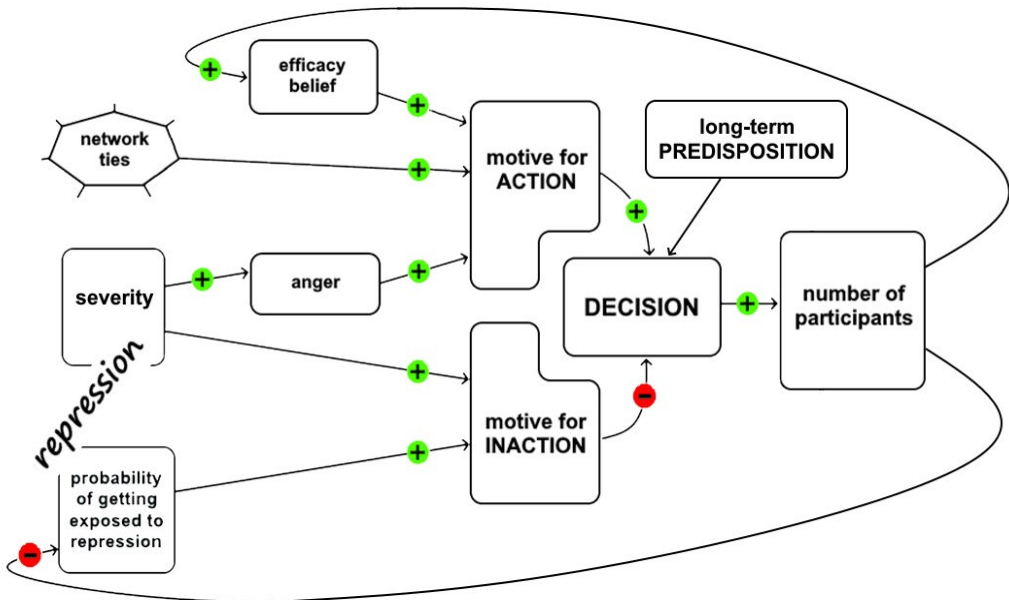
factors are those which change over time during the protest campaign, namely, turnout and severity of repression. Long-term factors, such as disposable income or religious attachment, are constant during the campaign. They do not explicitly present in the model but are assumed to be aggregated in the individual-specific attitude.

The logic of the model is shown in figure 1. The core box is Decision. It is influenced by the motive for action $M_{\text{action}}(t)$, the motive for inaction $M_{\text{inaction}}(t)$, and attitude φ , which is a constant over time being the measure of long-term predisposition. The individual attends the protest action on day t if and only if

$$\varphi + M_{\text{action}}(t) - M_{\text{inaction}}(t) > 0.$$

It follows from this that participants on day t are those individuals whose attitudes φ are large enough: $\varphi > -\psi$ where ψ is the full motive: $\psi = M_{\text{action}}(t) - M_{\text{inaction}}(t)$. Both motive for action and motive for inaction depend on the expectations of attendance and severity of repression.

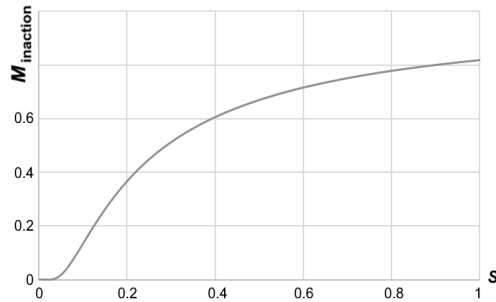
Fig. 1. The scheme of the mathematical model

By assumption, the aforementioned “breakfasting” individual makes her projections based on the previous day’s attendance $P(t-1)$ and the greatest severity of repression from the previous days, which we denote as $s(t-1)$ (alternatives would be to take the last-day severity or the greatest severity from the period after the latest concession by the government). The formulae are given in Appendix B; here, we present graphs and considerations.

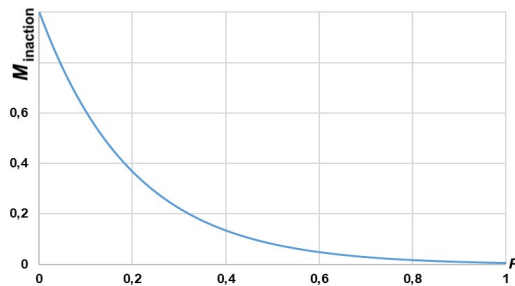
The motive for inaction is an increasing function of severity because it deters individuals from participation through fear (fig. 2).

Fig. 2. The motive for inaction as a function of severity

At the same time, it is a decreasing function of turnout (fig. 3), because greater numbers of participants reduce any particular person’s likelihood of being exposed to repression (the so-called safety-in-numbers proposition; see [Kuran, 1991; Lohmann, 2019]).

Fig. 3. The motive for inaction as a function of turnout

The graphs in figure 2 and figure 3 correspond to the specification given in Appendix B.

The motive for action is influenced by a range of factors through the mediation of three psychological antecedents, which are anger, efficacy belief and protest identification of the individual [Ayanian, Tausch, 2016; Van Zomeren, Postmes, Spears, 2008]. Specifically, repression fuels participation by mediation of anger, and the number of protesters affects the motive for participation through efficacy belief (fig. 1). It is worth noting that repression adds to both motive for action and motive for inaction.

Local environments can become involved through reasoning such as, “It not only matters how many people are protesting, but also how many of my friends are”. To take the local environment into account, the model treats individuals as nodes of a network, with edges corresponding to the ties between them. Thus, when deciding whether to attend, the “breakfasting” individual looks both at macro variables (the total number of protesters) and at local variables (the number of protesters with whom she has ties).

Network affects the motivation. It realizes the concept of a normative motive introduced by Klandermans [1984] (see also [Stürmer, Simon, 2004]). In this paper, the classification of motives for participation is presented, where a normative motive is described along with a collective motive (associated with the strict goal of the action,

for example, to topple the government) and a reward motive (associated with reward for participation as the process, including the pleasure of spending good time at a rally or payments from the sponsors of the protest). The normative motive suggests that the social environment of an individual forms a local norm for behavior. Put simply, in some circles taking part in protests may simply be expected. Defying this norm may entail disappointing friends and losing their respect. Accordingly, the model assumes that the strength of an individual's normative motive for participation increases with the number of her friends who are already involved.

Homophily Effects: The Computational Experiment and its Result

The main goal of the computational experiment is not to see how network structure alters the efficacy of repression [Siegel, 2011: 1000] but rather to see how the manner of initializing the network structure alters the efficacy of repression. Thus, we omit discussion of prior results concerning our first acquaintance with the model (but see the main findings of [Akhremenko, Petrov, 2020]).

The computational experiment consists of conducting a set of simulations according to a given system of equations and rules, i. e., the computational model computes the game-theoretic equilibrium numerically [Siegel, 2018: 750]. Within our model each simulation run starts with the initialization of the network and the assignment of personal attitudes to agents (i. e., to nodes of the network). Thus, the model has two stochastic components. After the creation of a network, the process of contest begins with agents deciding whether to protest or not, depending on the sum of motives and long-term personal attitudes toward protest. In this first stage, initial anger plays the most important role, since there are no protesters yet, nor is there any repression; a trigger is required. Then, in the second stage, authorities reveal the severity of repression they use and apply it. In the third stage, the agents update their decision according to the previous decisions of their friends and the changes in the share of protesters, and the severity of repression. The third stage is repeated until the simulation comes to an equilibrium (but no more than 100 times). An equilibrium state is reached if no agent changes her dissent status within 20 consecutive periods.

We use the technique of grid search to extract descriptive statistics for assessing network effects on the efficacy of repression. The grid search is the method of parameter sweeping for sequential enumeration of exogenous parameters, on the basis of which the simulation is run. We went through the parameters of severity (from 0 to 1 with step 0.1), network topology (five types: Watts — Strogatz, Barabási — Albert, Erdős-Rényi, regular graph, and complete graph), and homophily (0, 1, 10, 100). We should note that the zero value of a parameter of homophily means that it is a clear type of network topology. Since we sweep only three exogenous parameters, all interactions were detectable by the human eye; thus, descriptive statistics is sufficient for analyzing the results.

For each of 220 (11*5*5) unique sets of parameters, we calculated two summary characteristics based on 100 simulations. Firstly, the *survival probability of protest* is calculated as the number of simulations in which protest still exists in equilibrium divided by 100 (the number of simulations). Secondly, the *participation rate of survived protest* is calculated as the mean equilibrium share of protesters in simulations in which protest still exists in equilibrium.

Fig. 4 presents the severity repression effects on the survival probability of protest depending on the network topology and homophily parameter. First of all, we see that the survival probability decreases with increases in the severity of repression in all cases. Moreover, the figure indicates that when the severity of repression is less than 0.5, the survival probability of protest is equal to one regardless of the type of network topology and the value of the homophily parameter. Only with the severity of repression growth from 0.5 does the probability of protest survival start to decrease.

Fig. 4. Dependence of the survival probability of protest on the repression severity

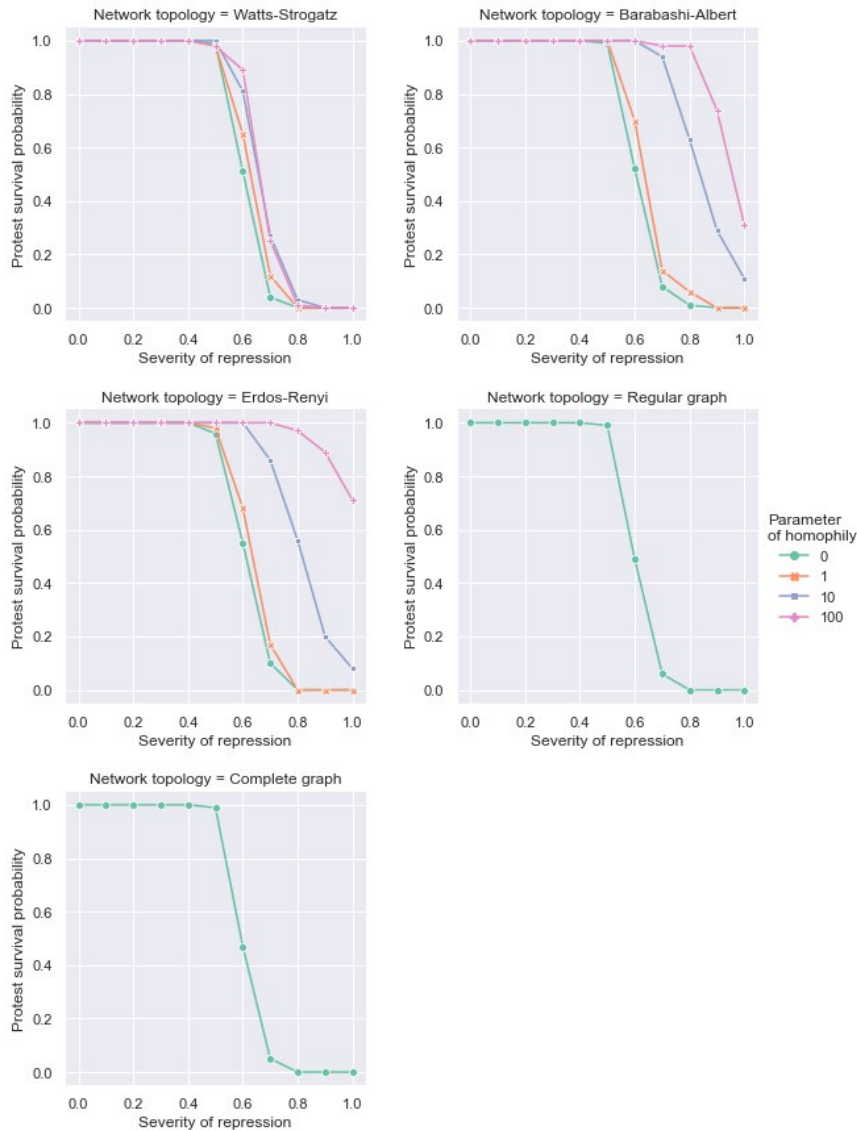
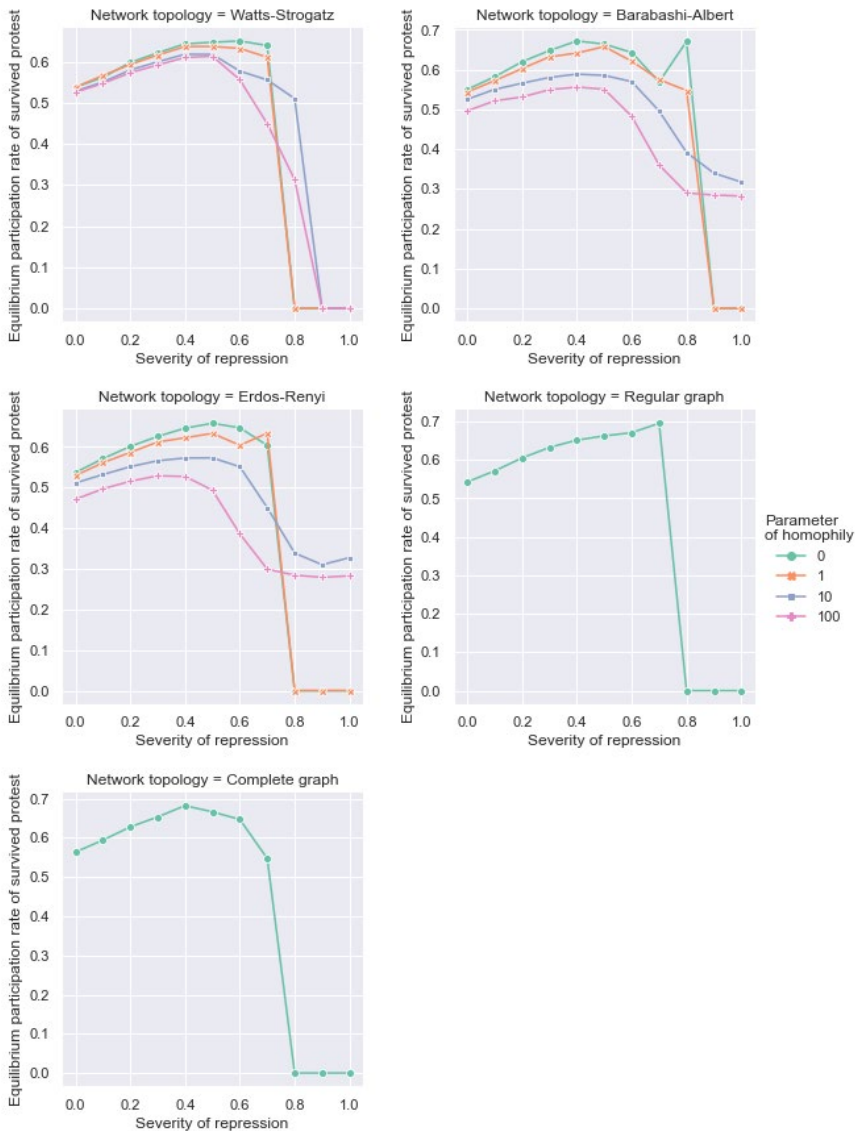

Fig. 5. Dependence of the participation rate of survived protest on the repression severity

Comparison between plots with different topology types reveals the common pattern that the higher the value of the homophily parameter, the more likely it is that the protest will survive in equilibrium when the severity of repression is more than 0.5. This is the evidence that the formation of a cohesive group of like-minded agents helps their protest movement to survive due to mutual motivation of each other in favor of participation. As we see from the first to the third plot (complete and regular graphs are represented for robustness), the higher the value of the homophily parameter

(i. e., the more cohesive the alliance of dissents and the less connections it has with a backward society), the more resistant the protest is to repression. The increases in probability to survive with higher values of homophily parameters are much more substantial for models with Barabási — Albert and Erdős — Rényi topologies compared to those with the Watts — Strogatz topology. The reason is that the value of the homophily parameter affects only 30% of all connections within a Watts — Strogatz topology since the default rewiring probability is equal to 0.3. In contrast, 100% of the connections are based on the homophily parameter within Barabási — Albert and Erdős-Rényi topologies, since the process of initialization of these networks does not include any rewiring.

The five plots in figure 5 demonstrate the repression effects on the participation rate of survived protest depending on the network topology and homophily parameter. We see a reverse U-shape relationship: firstly, the participation rate of survived protest grows with increases in severity of repression but then starts decreasing (except for the regular graph) until the protest could survive; otherwise, it reaches zero. Comparison between plots with different values of the homophily parameter demonstrates that increases in that value result in lower participation rates.

In other words, *homophily improves the level of resistance of protesters to repression* (as follows from fig. 4) *but negatively affects the number of protesters* (as in turn follows from fig. 5). This is the key result of the computational experiment.

Conclusion & Discussion

In this paper, we posit the general idea that the structure of the network for protest mobilization matters. We present the ABM model applied to a network of individuals, each of whom decides whether to attend a protest, taking into account the previous day's decisions of network neighbors. By simultaneously examining the effects of topology and homophily, we demonstrate that what really matters is their combination, whereas neither is especially powerful in its own right. For each topology with homophily enabled, the survival rate of the protest increases with homophily, although the number of protesters decreases.

It is also important to highlight some of this model's limitations. One of them is typical for this kind of model, and it deserves special attention since it indicates a promising direction for further research in the entire field. To test the effects of various topologies, we, like most other researchers in this field, use several alternative structures: Small World, preferential attachment, random graphs, etc. However, none of these structures simultaneously reproduces all the essential properties of human social networks, such as local clustering, short average path lengths, and highly skewed degree distribution [Steinert-Threlkeld, Steinert-Threlkeld, 2021]. Thus, scholars of communication and social networks face the fundamental challenge of developing models that will more accurately match real-world network structures.

Our second limitation is related to the distribution of attitudes (long-term predispositions) towards participation in a protest. In this study, we only test the uniform distribution, and not just for the sake of simplicity. There is at least one piece of empirical evidence that this variable is indeed uniformly distributed [González-Bailoñ et al., 2011]. However, since that is the only paper (to the best of our knowledge) that

attempts to measure this property, and it only deals with the online protest in Spain, further efforts are needed to clarify this issue.

Regarding the upcoming empirical testing of the model's predictions, Larson et al. [2019] suggest a promising approach. They examine the network ties of those who participated (in comparison to those who did not) in the 2015 Charlie Hebdo protest in Paris. The sample was formed from individuals who published messages in support of the protest event on social media (Twitter, in this case). Using geolocation, the sample was split into two subsets. The first included those participating offline, i. e., whose messages were geotagged to be within the protest site. The second, which was used as a comparison set of the same size, consisted of people who were physically close to the place of the protest (and therefore had the opportunity to take part in it) but did not participate. At the next stage, full online networks were reconstructed for both the protestors and the comparison set, including all the connections of the participating and non-participating ones.

Such data allows us to operationalize the key variables of the model. Firstly, measuring network parameters such as clustering level, average path length, and vertex degree distribution will help determine the topological properties of the network. Secondly, analyzing the groups or accounts those users follow will make it possible to estimate their attitudes. Together with the network structure, this yields the overall level of homophily in the network. The latter can be obtained using such applied network analysis methods as latent space models or stochastic blockmodels (see, e. g., [Ng et al., 2020; Faust, Wasserman, 1992]). Finally, repression rate data can be obtained based on the number of arrests and victims of police violence.

A possible alternative to the rather complicated strategy described above is to use more traditional survey methods. However, their results may not be sufficiently valid in repressive environments, which are of particular interest for this study. In addition, there are of course obvious difficulties with the selection and availability of respondents.

The study of network determinants of protest activity in the presence of repression remains one of the most understudied and challenging endeavors of modern political science and political sociology. We hope that our work outlines some promising directions for further research.

References

Akhremenko A., Petrov A., Zheglov S. (2021) How Information and Communication Technologies Change Trends in Modeling Political Processes: Towards an Agent-Based Approach. *Political Science*. Vol. 1. P. 12—45. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>. (In Russ.)

Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу // *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 12—45. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>.

Akhremenko A. Petrov A. (2020) Modeling the Protest-Repression Nexus. In: A. Shapoval (ed.) *Modeling and Analysis of Complex Systems and Processes 2020: Proceedings of*

the Conference on Modeling and Analysis of Complex Systems and Processes 2020 (MACSPRO 2020): Virtual Conference (originally planned to be in Venice, Italy), October 22—24, 2020. Aachen (DE): CEUR-WS. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2795/paper1.pdf> (accessed: 26.11.2021).

Alfonzo P. (2021) A Topology of Twitter Tactics: Tracing the Rhetorical Dimensions and Digital Labor of Networked Publics. *Social Media + Society*. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.1177/205630512111025514>.

Amblard F., Bouadjio-Boulic A., Sureda Gutiérrez C., Gaudo B. (2015) Which Models are Used in Social Simulation to Generate Social Networks? A Review of 17 Years of Publications in JASSS. In: *Winter Simulation Conference (WSC), 6—9 December 2015, Huntington Beach, CA, USA*. Piscataway (NJ): IEEE. P. 4021—4032. <https://doi.org/10.1109/WSC.2015.7408556>.

Asgharpourmasouleh A., Fattahzadeh M., Mayerhoffer D., Lorenz J. (2020) On the Fate of Protests: Dynamics of Social Activation and Topic Selection Online and in the Streets. In: E. Deutschmann, J. Lorenz, L. Nardin, D. Natalini, A. Wilhelm (eds). *Computational Conflict Research*. Cham (CH): Springer, P. 141—164. https://doi.org/10.1007/978-3-030-29333-8_7.

Asikainen A., Iñiguez G., Ureña-Carrión J., Kaski K., Kivelä M. (2020) Cumulative Effects of Triadic Closure and Homophily in Social Networks. *Science Advances*. Vol. 6. No. 19. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aax7310>.

Ayanian A., Tausch N. (2016) How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A study of Egyptian Activists during the 2013 Post-Coup Uprising. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. No. 4. P. 700—721. <https://doi.org/10.1111/bjso.12164>.

Barabási A. L., Albert R. (1999) Emergence of Scaling in Random Networks. *Science*. Vol. 286. No. 5439. P. 509—512. <https://doi.org/10.1126/science.286.5439.509>.

Barabási A. L., Albert R., Jeong H. (2000) Scale-Free Characteristics of Random Networks: The Topology of the World-Wide Web. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 281. No. 1—4. P. 69—77. [https://doi.org/10.1016/S0378-4371\(00\)00018-2](https://doi.org/10.1016/S0378-4371(00)00018-2).

Barberà S., Jackson M. O. (2020) A Model of Protests, Revolution, and Information. *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 15. No. 3. P. 297—335. <https://doi.org/10.1561/100.00019002>.

Bindel D., Kleinberg J. M., Oren S. (2011) How Bad is Forming your Own Opinion? In: *IEEE 52nd Annual Symposium on Foundations of Computer Science, 22—25 October 2011, Palm Springs, CA, USA*. Piscataway (NJ): IEEE. P. 57—66. <http://dx.doi.org/10.1109/FOCS.2011.43>.

Bisbee J., Larson J. (2017) Testing Social Science Network Theories with Online Network Data: An Evaluation of External Validity. *American Political Science Review*. Vol. 111. No. 3. P. 502—521. <https://doi.org/10.1017/S0003055417000120>.

Bonabeau E. (2002) Agent-Based Modeling: Methods and Techniques for Simulating Human Systems. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 99. No. 3. P. 7280—7287. <https://doi.org/10.1073/pnas.082080899>.

Boutyline A., Willer R. (2017) The Social Structure of Political Echo Chambers: Variation in Ideological Homophily in Online Networks. *Political Psychology*. Vol. 38. No. 3. P. 551—569. <https://doi.org/10.1111/pops.12337>.

Bramoulle Y., Currarini S., Jackson M., Pin P., Rogers B. (2012) Homophily and Long-Run Integration in Social Networks. *Journal of Economic Theory*. Vol. 147. No. 5. P. 1754—1786. <https://doi.org/10.1016/j.jet.2012.05.007>.

Centola D. (2011) An Experimental Study of Homophily in the Adoption of Health Behavior. *Science*. Vol. 334. No. 6060. P. 1269—1272. <https://doi.org/10.1126/science.1207055>.

Centola D., Willer R., Macy M. (2005) The Emperor's Dilemma: A Computational Model of Self-Enforcing Norms. *American Journal of Sociology*. Vol. 110. No. 4. P. 1009—1040. <https://www.doi.org/10.1086/427321>.

Cercel, D. C., Trausan-Matu S. (2014) Opinion Propagation in Online Social Networks: A Survey. In: *Proceedings of the 4th International Conference on Web Intelligence, Mining and Semantics (WIMS 14) (WIMS '14), June 2—4, 2014, Thessaloniki, Greece*. New York: Association for Computing Machinery. Article No. 11. P. 1—10. <https://doi.org/10.1145/2611040.2611088>.

Christakis N. A., Fowler J. H. (2007) The Spread of Obesity in a Large Social Network over 32 Years. *The New England Journal of Medicine*. Vol. 357. P. 370—379. <https://doi.org/10.1056/NEJMsa066082>.

Collins S. M. (1993) Blacks on The Bubble: The Vulnerability of Black Executives in White Corporations. *The Sociological Quarterly*. Vol. 34. No. 3. P. 429—447. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1993.tb00120.x>.

Dacrema E., Benati S. (2020) The Mechanics of Contentious Politics: An Agent-Based Modeling Approach. *The Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 44. No 3. P. 163—198. <https://doi.org/10.1080/0022250X.2020.1753187>.

Dandekar P., Goel A., Lee D. (2013) Biased Assimilation, Homophily and the Dynamics of Polarization. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 110. No. 15. P. 5791—5796. <https://doi.org/10.1073/pnas.1217220110>.

Degroot M. H. (1974) Reaching a Consensus. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 69. No. 345. P. 118—121. <https://doi.org/10.2307/2285509>.

Di Stefano A., Scatà M., La Corte A., Liò P., Catania E., Guardo E., Pagano S. (2015) Quantifying the Role of Homophily in Human Cooperation Using Multiplex Evolutionary Game Theory. *PLoS ONE*. Vol. 10. No. 10. P. e0140646. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0140646>.

Diani M., McAdam D. (2009) *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press.

Erdős P., Rényi A. (1959) On Random Graphs I. *Publicationes Mathematicae Debrecen*. Vol. 6. P. 290—297. URL: https://www.renyi.hu/~p_erdos/1959-11.pdf (accessed: 29.11.2021).

Faust K., Wasserman S. (1992) Blockmodels: Interpretation and Evaluation. *Social Networks*. Vol. 14. No. 1—2. P. 5—61. [https://doi.org/10.1016/0378-8733\(92\)90013-W](https://doi.org/10.1016/0378-8733(92)90013-W).

Fonoberova M., Mezić I., Mezić J., Hogg J., Gravel J. (2019) Small-World Networks and Synchronisation in an Agent-Based Model of Civil Violence. *Global Crime*. Vol. 20. No. 3—4. P. 161—195. <https://doi.org/10.1080/17440572.2019.1662304>.

Frey D. (1986) Recent Research on Selective Exposure to Information. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. P. 41—80. [http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60212-9](http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60212-9).

Gargiulo F., Gandica Y. (2017) The Role of Homophily in the Emergence of Opinion Controversies. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. Vol. 20. No. 3. <https://doi.org/10.18564/jasss.3448>.

González-Bailón S., Borge-Holthoefer J., Rivero A., Moreno Y. (2011) The Dynamics of Protest Recruitment through an Online Network. *Scientific Reports*. Vol. 1. <https://doi.org/10.1038/srep00197>.

Granovetter M. (1978) Threshold Models of Collective Behavior. *American Journal of Sociology*. Vol. 83. No. 6. P. 1420—1443. <https://doi.org/10.1086/226707>.

Ho T.K. T., Bui Q.V., Bui M. (2018) Homophily Independent Cascade Diffusion Model Based on Textual Information. In: N. Nguyen, E. Pimenidis, Z. Khan, B. Trawiński (eds.) *Computational Collective Intelligence. ICCCI 2018. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 11055. Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-98443-8_13.

Holzhauser S., Krebs F., Ernst A. (2013) Considering Baseline Homophily When Generating Spatial Social Networks for Agent-Based Modelling. *Computational and Mathematical Organization Theory*. Vol. 19. P. 128—150. <https://doi.org/10.1007/s10588-012-9145-7>.

Huckfeldt R. (2001) The Social Communication of Political Expertise. *American Journal of Political Science*. Vol. 45. No. 2. P. 425—438. <https://doi.org/10.2307/2669350>.

Jackson M., López-Pintado D. (2013) Diffusion and Contagion in Networks with Heterogeneous Agents and Homophily. *Network Science*. Vol. 1. No. 1. P. 49—67. <https://doi.org/10.1017/nws.2012.7>.

Jamieson K. H., Capella J.N. (2010) *Echo Chamber: Rush Limbaugh and the Conservative Media Establishment*. Oxford: Oxford University Press.

Karduni A., Sauda E. (2020) Anatomy of a Protest: Spatial Information, Social Media, and Urban Space. *Social Media + Society*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1177/2056305119897320>.

Kim K., Altmann J. (2017) Effect of Homophily on Network Formation. *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*. Vol. 44. P. 482—494. <https://doi.org/10.1016/j.cnsns.2016.08.011>.

Klandermans B. (1984) Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory. *American Sociological Review*. Vol. 49. No. 5. P. 583—600. <https://doi.org/10.2307/2095417>.

Korkmaz G., Kuhlman C. J., Goldstein J., Vega-Redondo F. (2020) A Computational Study of Homophily and Diffusion of Common Knowledge on Social Networks Based on a Model of Facebook. *Social Network Analysis and Mining*. Vol. 10. <https://doi.org/10.1007/s13278-019-0615-5>.

Krause U. (2000) A Discrete Nonlinear and Non-Autonomous Model of Consensus Formation. In: N. S. Elaydi, J. Popena, J. Rakowski (eds.) *Communications in Difference Equations: Proceedings of the Fourth International Conference on Difference Equation*. London: CRC Press. P. 227—236. <https://doi.org/10.1201/b16999-21>.

Kuran T. (1989) Sparks and Prairie Fires: A Theory of Unanticipated Political Revolution. *Public Choice*. Vol. 61. P. 41—74. <https://doi.org/10.1007/BF00116762>.

Kuran T. (1991) Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989. *World Politics*. Vol. 44. No. 1. P. 7—48. <https://doi.org/10.2307/2010422>.

Lake L. D. R., Huckfeldt R. (1998) Social Capital, Social Networks, and Political Participation. *Political Psychology*. Vol. 19. No. 3. P. 567—584. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00118>.

Larson J. M., Nagler J., Ronen J., Tucker J. A. (2019) Social Networks and Protest Participation: Evidence from 130 Million Twitter Users. *American Journal of Political Science*. Vol. 63. No. 3. P. 690—705. <https://doi.org/10.1111/ajps.12436>.

Laver M. (2020) *Agent-Based Models of Social Life: Fundamentals*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lazarsfeld P., Merton R. K. (1954) Friendship as a Social Process: A Substantive and Methodological Analysis. In: Berger M., Abel T., Charles H. (eds.) *Freedom and Control in Modern Society*. New York, N.Y.: Van Nostrand. P. 311—334. https://doi.org/10.1007/978-3-658-21742-6_76.

Levendusky M. S. (2013) Why Do Partisan Media Polarize Viewers? *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 3. P. 611—623. <https://doi.org/10.1111/ajps.12008>.

Li Q., Hu H., Yang W. (2020) Homophily and Behavior Diffusion. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. Vol. 48. No. 3. P. 1—10. <https://doi.org/10.2224/sbp.8028>.

Lichbach, M. (1987) Deterrence or Escalation? The Puzzle of Aggregate Studies of Repression and Dissent. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 31. No. 2. P. 266—297. <https://doi.org/10.1177/0022002787031002003>.

Little A. (2016) Communication Technology and Protest. *The Journal of Politics*. Vol. 78. No. 1. P. 52—166. <https://doi.org/10.1086/683187>.

Lohmann S. (2019) Bandwagon Effects, Information Cascades, and the Power in Numbers. In: E. Suhay, B. Grofman, A. H. Trechsel (eds.) *The Oxford Handbook of Electoral Persuasion*. New York: Oxford University Press. P. 729—753. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190860806.013.12>.

Macy M. W. (1990) Learning Theory and the Logic of Critical Mass. *American Sociological Review*. Vol. 55. No. 6. P. 809—826. <https://doi.org/10.2307/2095747>.

Makowsky M. D., Rubin J. (2013) An Agent-Based Model of Centralized Institutions, Social Network Technology, and Revolution. *PLoS ONE*. Vol. 8. No. 11. P. e80380. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0080380>.

McClurg S. D. (2003) Social Networks and Political Participation: The Role of Social Interaction in Explaining Political Participation. *Political Research Quarterly*. Vol. 56. No. 4. P. 449—464. <https://doi.org/10.1177/106591290305600407>.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. P. 415—444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Meraz S., Papacharissi Z. (2013) Networked Gatekeeping and Networked Framing on #Egypt. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 18. No. 2. P. 138—166. <https://doi.org/10.1177/1940161212474472>.

Moro A. (2016) Understanding the Dynamics of Violent Political Revolutions in an Agent-Based Framework. *PLoS ONE*. Vol. 11. No. 4. P. e0154175. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0154175>.

Opp K., Roehl W. (1990) Repression, Micromobilization, and Political Protest. *Social Forces*. Vol. 69. No. 2. P. 521—547. <https://doi.org/10.2307/2579672>.

Piedrahita P., Borge-Holthoefer J., Moreno Y., González-Bailón S. (2018) The Contagion Effects of Repeated Activation in Social Networks. *Social Networks*. Vol. 54. P. 326—335. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2017.11.001>.

Polletta F. (1998) “It Was Like A Fever...” Narrative and Identity in Social Protest. *Social Problems*. Vol. 45. No. 2. P. 137—159. <https://doi.org/10.2307/3097241>.

Resnick P., Garrett R. K., Kriplean T., Munson S., Stroud N. (2013) Bursting your (Filter) Bubble: Strategies for Promoting Diverse Exposure. In: *CSCW'13: Proceedings of the 2013 Conference on Computer Supported Cooperative Work Companion, February 23—27, 2013, San Antonio, Texas, USA*. New York: Association for Computing Machinery. P. 95—100. <https://doi.org/10.1145/2441955.2441981>.

Ritter E., Conrad C. (2016) Preventing and Responding to Dissent: The Observational Challenges of Explaining Strategic Repression. *American Political Science Review*. Vol. 110. No. 1. P. 85—99. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000623>.

Schelling T. C. (1971) Dynamic Models of Segregation. *The Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. No. 2. P. 143—186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>.

Siegel D. A. (2009) Social Networks and Collective Action. *American Journal of Political Science*. Vol. 53. No. 1. P. 122—138. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00361.x>.

Siegel D. A. (2011) When Does Repression Work? Collective Action in Social Networks. *The Journal of Politics*. Vol. 73. No. 4. P. 993—1010. <https://doi.org/10.1017/S0022381611000727>.

Siegel D. A. (2018) Analyzing Computational Models. *American Journal of Political Science*. Vol. 62. No. 3. P. 745—759. <https://doi.org/10.1111/ajps.12364>.

Song H., Boomgaarden H. G. (2017). Dynamic Spirals Put to Test: An Agent-Based Model of Reinforcing Spirals Between Selective Exposure, Interpersonal Networks, and Attitude Polarization. *Journal of Communication*. Vol. 67. No. 2. P. 256—281. <https://doi.org/10.1111/jcom.12288>.

Steinert-Threlkeld S., Steinert-Threlkeld Z. (2021) How Social Networks Affect the Repression-Dissent Puzzle. *PLoS ONE*. Vol. 16. No. 5. P. e0250784. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0250784>.

Stocker R., Green D. G., Newth D. (2001) Consensus and Cohesion in Simulated Social Networks. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. Vol. 4. No. 4. <http://jasss.soc.surrey.ac.uk/4/4/5.html>.

Stroud N. J. (2010) Polarization and Partisan Selective Exposure. *Journal of Communication*. Vol. 60. No. 3. P. 556—576. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2010.01497.x>.

Stürmer S., Simon B. (2004) The Role of Collective Identification in Social Movement Participation: A Panel Study in the Context of the German Gay Movement. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. No. 3. P. 263—277. <https://doi.org/10.1177/0146167203256690>.

Van Zomeren, M., Postmes, T., Spears, R. (2008) Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 4. P. 504—535. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.4.504>.

Watts D. J., Strogatz S. H. (1998) Collective Dynamics of Small-World Networks. *Nature*. Vol. 393. P. 440—442. <https://doi.org/10.1038/30918>.

Wilensky U., Rand W. (2015) An Introduction to Agent-Based Modeling: Modeling Natural, Social, and Engineered Complex Systems with NetLogo. Cambridge (MA): The MIT Press.

Will M., Groeneveld J., Frank K., Müller B. (2020) Combining Social Network Analysis and Agent-Based Modelling to Explore Dynamics of Human Interaction: A review. *Socio-Environmental Systems Modelling*. Vol. 2. <https://doi.org/10.18174/sesmo.2020a16325>.

Zhang Y., Lee F. (2018) Examining the Connectedness of Connective Action: The Participant-Initiated Facebook Pages in Hong Kong's Umbrella Movement. *International Journal of Communication*. Vol. 12. P. 1591—1611. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/7877>.

APPENDIX A

The current version of the model supports homophily-based creation of networks for three topologies: Barabási — Albert, Watts — Strogatz, and Erdős — Rényi graphs (all are undirected, with the exception of one version of the Erdős — Rényi graph, which we do not use).

(1) Barabási — Albert

A variant of the implementation of homophily in the Barabási — Albert network is borrowed from the existing work [Gargiulo, Gandica, 2017]. The Barabási — Albert network is also called a preferential attachment model, meaning that the probability of attaching a new vertex for previous ones depends on their degree. Firstly, m nodes are selected out of N and a complete graph is built on these vertices; then each of the remaining vertices is alternately added to this graph, connecting with the m number of vertices. Each vertex of the graph has its own probability of connecting to new vertex. That probability depends on the degree of vertex (k) and is calculated according to the following formula:

$$\varphi_j(i) = k,$$
$$P_{i \leftrightarrow j} = \frac{\varphi_j(i)}{\sum_{v=1}^{m+i} \varphi_v(i)}.$$

The homophily is implemented in the network initialization process via this formula: the more similar two vertices are, the greater their chances of being connected by an edge. The formula below uses distance, i. e., an inverse-similarity indicator. The power of adjustment depends on the homophily parameter. This can be represented in the following form, where β is the homophily parameter, and $|\theta_j - \theta_i|$ is the distance between the vertices:

$$\varphi_j(i) = k \times \exp(-\beta \times |\theta_j - \theta_i|).$$

(2) Watts — Strogatz

We could not completely borrow the algorithm above for implementing homophily-based initialization for other graphs in view of a different graph generation process, but we were guided by the same approach.

The process of initializing the Watts — Strogatz network involves ensuring that each vertex is connected to the k (always even) number of the nearest (by the looped index) vertices. Then the connection of each node is sequentially broken with probability p (i. e., rewiring probability; this is equal to 0.3 in our computational experiment), and the new connection appears between this node and a randomly selected one from those with which this node has not yet been connected:

$$\varphi_j(i) = \begin{cases} 0, & \text{if } i \leftrightarrow j \\ 1, & \text{otherwise} \end{cases},$$
$$P_{i \leftrightarrow j} = \frac{\varphi_j(i)}{\sum_{v=1, v \neq i}^N \varphi_v(i)}.$$

Accordingly, homophily is introduced precisely in the process of rewiring. Now each connection of a vertex with probability p is broken and its probability of connecting to new vertices is proportional to the distance between it and the other vertices, respectively:

$$\varphi_j(i) = \begin{cases} 0, & \text{if } i \leftrightarrow j \\ \exp(-\beta \times |\theta_j - \theta_i|), & \text{otherwise} \end{cases}$$

(3) Erdős — Rényi

The logic of constructing a random Erdős — Rényi graph differs from the two above graphs in simplicity. The probability of any connection in the graph is the same. Thus, there are $N^2/2$ possible connections in an undirected graph of N vertices; each of these connections has the same probability of creation:

$$\varphi_j(i) = 1, \\ P_{i \leftrightarrow j} = \frac{\varphi_j(i)}{\sum_{v=1}^{N^2/2} \varphi_v(i)}$$

Accordingly, with the introduction of homophily, the probability of creating a connection between two vertices begins to depend on the probability, adjusted for the proximity of two vertices in the network:

$$\varphi_j(i) = \exp(-\beta \times |\theta_j - \theta_i|).$$

APPENDIX B

Individual i on day t makes a positive decision to participate in the protest if and only if her latent position $\lambda(t, i) = \varphi(i) + \psi(t, i)$ is positive. Here $\varphi(i)$ is her attitude, that is, predisposition towards participation. $\psi(t, i)$ is the arithmetic difference between the motive for action (participation) and the motive for inaction (non-participation): $\psi(t, i) = M_{\text{action}}(t, i) - M_{\text{inaction}}(t, i)$. The motive for action is calculated using the formula:

$$M_{\text{action}}(t+1, i) = 1/3 [(a(t) + b(t) + M_{\text{norm}}(t+1, i))].$$

Here $a(t)$ is anger, $a(t) = (a_0 + s(t)) / 2$, where a_0 is anger caused by the trigger event and $s(t)$ is anger caused by the severity of repression. Next, $b(t)$ is efficacy belief:

$$b(t) = \exp(k_B(P(t) - P_0)) / [1 + \exp(k_B(P(t) - P_0))],$$

where k_B , P_0 are constants, and $P(t)$ is the turnout on day t . The normative motive $M_{\text{norm}}(t, i)$ represents the fraction of the agent's ties who participated in the protest on the previous day in the total number of her ties. The motive for inaction has the form:

$$M_{\text{inaction}}(t+1) = \exp(-cP(t) / s(t)) \text{ if } s(t) > 0,$$

$$M_{\text{inaction}}(t+1) = 0 \text{ if } s(t) = 0.$$

where c is a positive constant. For further details, see [Akhremenko, Petrov, 2020].

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2044](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2044)

V. V. Danilova, S. V. Popova, V. M. Karpova

A PIPELINE FOR GRAPH-BASED MONITORING OF THE CHANGES IN THE INFORMATION SPACE OF RUSSIAN SOCIAL MEDIA DURING THE LOCKDOWN

For citation:

Danilova V. V., Popova S. V., Karpova V. M. (2021) A Pipeline for Graph-Based Monitoring of the Changes in the Information Space of Russian Social Media during the Lockdown. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 254–295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2044>.

Правильная ссылка на статью:

Данилова В. В., Попова С. В., Карпова В. М. Пайплайн для графического мониторинга динамики информационного пространства российских социальных сетей в период карантина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 254—295. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2044>. (In Eng.)

A PIPELINE FOR GRAPH-BASED MONITORING OF THE CHANGES IN THE INFORMATION SPACE OF RUSSIAN SOCIAL MEDIA DURING THE LOCKDOWN

Vera V. DANILOVA¹ — *Cand. Sci. (Applied Linguistics), Senior Research Fellow, International Laboratory for Social Media Computational Studies*

E-MAIL: maolve@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0868-522X>

Svetlana V. POPOVA^{2,3} — *Senior Lecturer, Faculty of Applied Mathematics and Control Processes; PhD candidate*

E-MAIL: spbu.svp@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5827-984X>

Vera M. KARPOVA⁴ — *Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer, Faculty of Sociology*

E-MAIL: Wmkarpova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2560-6140>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

³ Technological University Dublin, Dublin, Ireland

⁴ Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. With the COVID-19 outbreak and the subsequent lockdown, social media became a vital communication tool. The sudden outburst of online activity influenced information spread and consumption patterns. It increases the relevance of studying the dynamics of

ПАЙПЛАЙН ДЛЯ ГРАФИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА ДИНАМИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПЕРИОД КАРАНТИНА

ДАНИЛОВА Вера Владимировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Международная лаборатория математических методов исследования социальных сетей, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: maolve@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0868-522X>

ПОПОВА Светлана Владимировна — старший преподаватель, факультет прикладной математики — процессов управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; аспирант, Технологический университет Дублина, Дублин, Ирландия

E-MAIL: spbu.svp@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5827-984X>

КАРПОВА Вера Михайловна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, социологический факультет, Московский государственный университет, Москва, Россия

E-MAIL: Wmkarpova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2560-6140>

Аннотация. Со вспышкой COVID-19 и последующей всеобщей изоляцией социальные сети стали жизненно важным инструментом коммуникации. Внезапный всплеск онлайн-активности повлиял на распространение информации и модели ее потребления. Это

social networks and developing data processing pipelines that allow a comprehensive analysis of social media data in the temporal dimension. This paper scopes the weekly dynamics of the information space represented by Russian social media (Twitter and LiveJournal) during a critical period (massive COVID-19 outbreak and first governmental measures). The approach is twofold: 1) build the time series of topic similarity indicators by identifying COVID-related topics in each week and measuring user contribution to the topic space, and 2) cluster user activity and display user-topic relationships on graphs in a dashboard application. The paper describes the development of the pipeline, explains the choices made and provides a case study of the adaptation to virus control measures. The results confirm that social processes and behavior in response to pandemic-triggered changes can be successfully traced in social media. Moreover, the adaptation trends revealed by psychological and sociological studies are reflected in our data and can be explored using the proposed method.

Keywords: COVID-19, topic modeling, topic dynamics, time series, user activity monitoring, LDA, feature elaboration, content analysis, social graphs

повышает актуальность изучения динамики различных тем в социальных сетях и разработки пайплайнов для обработки данных, позволяющих проводить всесторонний анализ информации из социальных сетей во временном измерении. В статье рассматривается понедельная динамика информационного пространства, представленного российским сегментом социальных сетей (русскоязычные Twitter и LiveJournal), в критический период (массовая вспышка COVID-19 и первые правительственные меры). Авторский подход состоит из двух частей: 1) построение временных рядов индикаторов сходства тем путем выявления тех из них, которые связаны с COVID-19, за каждую неделю и измерение вклада пользователей в тематическое пространство, 2) кластеризация активности пользователей и отображение взаимосвязей между ними и темами на дашборде. В статье описывается разработка пайплайна, объясняются принятые решения и приводится тематическое исследование адаптации к мерам борьбы с коронавирусом. Результаты подтверждают, что социальные процессы и общественный ответ на изменения, вызванные пандемией, можно успешно отслеживать в социальных сетях. Более того, тенденции адаптации, выявленные психологическими и социологическими исследованиями, отражены в наших данных, а следовательно, могут изучаться с помощью предлагаемого метода.

Ключевые слова: COVID-19, тематическое моделирование, тематическая динамика, временные ряды, мониторинг активности пользователей, LDA, разработка признаков, анализ контента, социальные графы

Introduction

The 2020 lockdown resulting from the outbreak of COVID-19 led to significant and sudden changes in people's lives and attitudes. In this period, social media (SM) has become a vital source of connection between people and an indispensable tool employed by governments, universities, organizations and others for information production, spread, exchange and consumption. At the same time, the informational overload went ahead feeding the online infodemic including over-interpreting, personal views, rumors, fake news, propaganda, and misinformation that affected users' well-being and behavior and threatened the effectiveness of public health measures¹ [Cinelli et al., 2020]. Being the main producer of the image of pandemic-related processes and events, SM undoubtedly plays a key role in their perceptions and the potential consequences thereof [Tsao et al., 2021; Al-Dmour et al., 2020].

Researchers in different fields resorted to SM data to help the prevention and treatment procedures, as well as to explore, understand and predict the changes caused by the onset of COVID-19 and associated events [Chakraborty et al., 2020; Tsao et al., 2021]. Text analysis tools are applied in this context, among others, to study and compare user activity across platforms, model the information and infodemic spread, find sources that are susceptible to misinformation [Cinelli et al., 2020], find correlations between the increase of new infection cases and public attention peaks [Hou, Hou, Cai, 2021], detection and prediction of outbreaks [Jordan et al., 2019].

The goal of the present research is the study of the impact of the pandemic on the online information environment in the Russian-language SM. It complements previous research on the analysis of changes in online information space around COVID-19 conducted for (mainly English-language) SM platforms including Twitter, Instagram, YouTube [Tsao et al., 2021; Cinelli et al., 2020]. The relevance of this study derives from its key aims to understand the issues faced by people in the online environment where information is growing and spreading uncontrollably. The investigation of information spread is particularly important during critical moments, self-isolation, and lockdown in this case study.

This article describes collection, processing and visualization of data reflecting dynamic topic-user relationships for the exploration of the changes in the Russian information space from the social science perspective. The study collects Russian-language data from two SM platforms: the LiveJournal (LJ) community hosting and Twitter microblogging service. The study period starts several days before the first Russian President's Address to the Nation on the coronavirus pandemic (March 25, 2020) and covers the major lockdown (until June 1, 2020).

On the one hand, we study the process of discussion formation and evolution in SM during the first-ever similar unusual period: self-isolation regime was introduced in almost all regions; a non-working month was announced; social, economic and a part of political activity (the vote on the amendments to the Constitution of Russian Federation) stopped and moved online. The sudden and drastic changes undoubtedly

¹ Managing the COVID-19 Infodemic: Promoting Healthy Behaviors and Mitigating the Harm from Misinformation and Disinformation (2020) *World Health Organization*. 23 September. URL: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (accessed: 01.12.2021).

influenced the information spread in SM. The milestone events that took place in that period including the Addresses to the Nation by the President, the self-isolation decrees, and the restrictive measures introduced by Moscow authorities allow tracing the response of the online community. On the other hand, this study complements and expands similar research based on other online platforms providing new data to analyze information spread patterns in SM.

In the COVID-19-related studies of SM in the previous work (overviewed in the Related Work section), the use of topic modeling (mostly Latent Dirichlet Allocation (LDA)-based, see [Blei, Ng, Jordan, 2003]) is mostly limited to getting a general view of themes in the dataset. A few works explore topic dynamics within a certain period. However, they do not consider the changes that take place in the user layer. The user dimension allows representing the size of a topic in a given time unit using not only the ratio of topic-related texts but also the ratio of contributors. Different ways of grouping the contributors (by activity type, by dispersion) provide new insights into the study of topic dynamics and cross-network comparison of content generation behavior. Also, to our knowledge, there is a lack of studies of public attitudes in Russian SM during the lockdown.

To trace topic dynamics in connection with the user dimension and explore the changes in content generation behavior related to COVID-19 in SM within the study period, the following pipeline is used (see fig. 1). The week is adopted as the time unit. One branch is responsible for retrieving document topics, constructing the topic hierarchy and weekly topic representations, and the other clusters account activity patterns across the weeks. The topic modeling (TM) branch solves the following main tasks:

- (1) for document d from the subset D_{wn} published during week w in network n , identify the prevalent topic² t from the subset of LDA-produced topics T_{wn} related to COVID-19 and active during w in n ,
- (2) trace similar topics across all T_{wn} subsets across time units in each n ,
- (3) consolidate similar topics into larger themes and build the set T of unique topics across w and n to facilitate cross-network topic dynamics comparison.

This branch produces 1) time series of topic dynamics indicators and 2) data for graphs. Latent Dirichlet Allocation (LDA) with Gibbs sampling [Mimno et al., 2011] is used as the base tool for topic identification. The influence of parameter tuning on the resulting topics is explored, and the optimal settings are determined based on comparative analysis and literature overview.

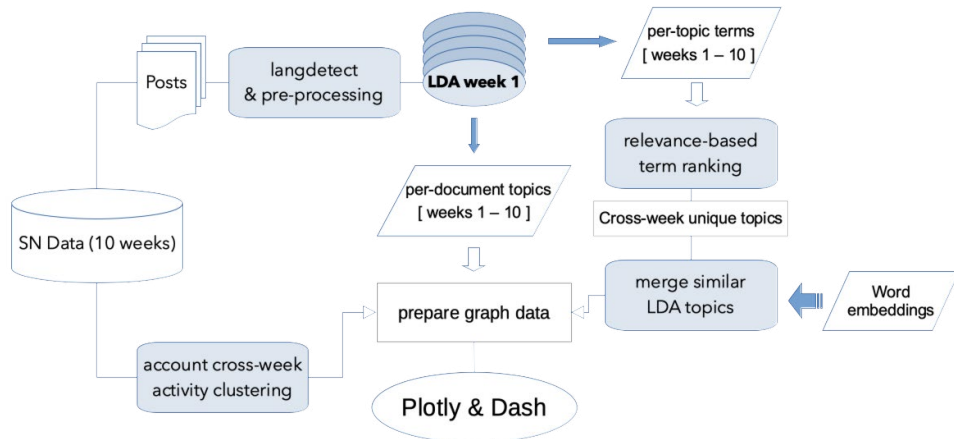
The other branch clusters all contributors by activity pattern. The graph data preparation step uses the output of both branches and additionally groups users by dispersion (by the number of prevalent topics in their posts). The resulting dashboard application allows producing graphs for each week, network and activity cluster by changing the corresponding settings.

The analysis based on this tool explores patterns, if any, in the dynamics of content generation behavior across the weeks based on the obtained graphs and time series of topic dynamics. The collected data is expected to provide insights on whether the changes in the information space for both platforms are similar, what patterns are

² Sets of words or phrases that tend to co-occur in texts and are associated with a certain subject, event or knowledge area.

shared, or, if not, what are their distinctive features. Moreover, the gathered data is aimed to provide a better understanding of the framing of discussions around topics related to COVID-19 lockdown.

Fig. 1. Graph generation workflow

The case study (based on the Twitter data) aims to trace personal adaptation to the sudden changes and restrictive measures in SM and compare the observed pattern with the results of the available psychological studies of the adaptation during the lockdown.

Related Work

The present literature overview summarizes, on the one hand, text mining and, specifically, topic modeling techniques that were used for SM processing in the COVID-19-related research, and, on the other hand, studies that explored the impact of the pandemic on the population.

Text mining of SM in COVID-19-related research

The 2019—2020 events resulted in an outburst of COVID-19-related research. An extensive bibliometric analysis of officially published and indexed reports on COVID-19 collected on October 14, 2020 [Wang, Tian, 2021] shows a large number of contributions in healthcare, biology, medicine, and epidemiology. Fewer contributions are reported in transmission (disease transmission route), psychology, and even fewer in other research directions including social impact and social science. The applications of SM data to COVID-19-related research are particularly discussed in an article by Tsao et al. [2021]. This survey summarizes 2,405 peer-reviewed studies for the period from November 2019 to November 2020. It reports the use of SM mining mainly to investigate problems in psychology (mental health assessment), healthcare (detection and prediction of infection cases, evaluation of health information in prevention education videos), and social science (monitoring of public attitudes, analysis of gov-

ernment responses to pandemic). Also, another important research issue concerns the mechanisms of infodemics spread detection on SM. Twitter and Sina Weibo (a Chinese microblogging website) are the most frequently studied platforms [ibidem].

TM techniques (mainly LDA) are used to analyze public attitudes and concerns in English-language SM [Boon-Itt, Skunkan, 2020; Jelodar et al., 2020; Kurten, Beullens, 2021; Xue et al., 2020; Wicke, Bolognesi, 2020]. Some works combine LDA with sentiment analysis tools to measure public sentiment towards particular topics [Das, Dutta, 2020: 163; Abd-Alrazaq et al., 2020]. Although in studies by Boon-Itt and Skunkan [2020] as well as Kurten and Beullens [2021], LDA is used to obtain a general view of the discussion topics within the studied period, topic dynamics is not covered. Mainly manual analysis of per-topic per-word distributions is performed. Boon-Itt and Skunkan [2020] group LDA topics into larger themes by means of qualitative content analysis. These works employ sentiment analysis tools separately from TM, therefore, user sentiments towards the topics cannot be traced. Xue et al. [2020] apply LDA on a large dataset of English-language tweets to trace public discourse on family violence. As in Boon-Itt and Skunkan [2020], similar topics (fifty in total) are manually grouped into nine larger themes followed by a detailed interpretation. Wicke and Bolognesi [2020] explore both less and more granular LDA topics in the dataset by setting the number of k to 4 and 16, respectively. The topics are interpreted and summarized based on the manual analysis of lexical units. They are further used to check and analyze the presence of figurative frames, such as WAR, and the conventional metaphor DISEASE TREATMENT IS WAR in COVID-19-related themes on Twitter in March and April 2020. The above studies do not consider the temporal and user dimensions.

Medford et al. [2020] consider topics and sentiments separately, however, they are further grouped with respect to the percentage of top retweeted tweets to show the prevalent sentiment and top-3 topics in each group. In research by Das and Dutta [2020], two LDA models are built for two parts of the dataset previously classified by sentiment using the R-based software package “sentiment” and the NRC Emotion Lexicon. Word cloud visualization of twenty topics from each sentiment group is made to provide insights into the contexts that are characteristic of each group. The resulting topic coverage trends for both sentiments turned out to be very similar. Abd-Alrazaq et al. [2020] first perform TM of tweets followed by sentiment analysis (Python textblob library) and interaction rate calculation for each of the topics based on the number of retweets, likes, and followers. The number of topics that represent people’s concerns in Twitter is selected manually based on the LDA output and n-gram clouds examination.

Some of the overviewed studies conducted time series analysis. Das and Dutta [2020], Boon-Itt and Skunkan [2020] explore the dynamics of sentiment indicators. In Das and Dutta [2020: 158], daily dynamics of sentiment in tweets tagged with \#IndiaLockdown and \#IndiafightsCorona are analyzed for the period from March 22 to April 21, 2020. Here, the daily sentiment is measured using both the whole corpus and individual tweets. Boon-Itt and Skunkan [2020] analyze the changes in the number of retweets and likes in a corpus of 107,990 English tweets related to COVID-19 between December 13, 2019, and March 9, 2020. The peaks are aligned with the events that were reported in the news media in the corresponding period. Kurten and Beullens [2021] investigates daily changes in the number of English, Dutch,

and French tweets and retweets posted in Belgium within the period from February 25 to March 30, 2020 and associates the peaks with the events that took place in this country in the corresponding period.

The work by Gozzi et al. [2020] is closer to ours in that it explores topic dynamics. The base 64 topics are extracted from a corpus of news outlets published from February 7 to May 15, 2020. Temporal changes in the attention of Reddit users to the 64 news topics are measured by tracing the corresponding topics in Reddit comments using LDA for the period from February 15 to May 15, 2020. The authors notice that the view of Reddit topics is limited since only news-triggered discussions are covered. Medford et al. [2020] visualize LDA-based topic dynamics from January 14 to January 27, 2020 using a t-distributed Stochastic Neighbor Embedding (t-SNE) graph.

Following the mentioned researchers, we use LDA for topic modeling in our task. Expanding the overviewed works that predominantly process English texts and focus on the dynamics of keywords, retweets, and sentiment [Das, Dutta, 2020; Boon-Itt, Skunkan, 2020], our research, being closer to Medford et al. [2020] and Gozzi et al. [2020], collects features to explore the temporal changes in two dimensions of topics and users in Russian SM. It allows exploring the content generation behavior within the critical period of strict lockdown and self-isolation and performing the cross-network comparison.

Research on the impact of the COVID-19 pandemic on the population

Nowadays, there is a growing body of research that studies the social and psychological effects of the COVID-19 pandemic on the population and people's adaptability to a new way of life [Xiong et al., 2020; Chu et al., 2020]. Many psychological studies conducted during the pandemic, and primarily during the lockdown, explore the changes in the psychological state during the confinement starting from the establishment of lockdown measures and in 1—2 months. The results show that within the first 1—2 weeks anxiety levels rise sharply and then over the next 4—6 weeks they gradually decrease to return to their original level [Daly, Robinson, 2021: 606].

In general, the psychological and social consequences of the COVID-19 pandemic and restrictive measures introduced around the world are subject to further research. However, the first large-scale literature surveys show that the consequences for well-being and mental health may be quite severe. So, in their overview Clemente-Suárez et al. [2020] mention such manifestations as anxiety, panic attacks, depression, signs of PTSD, and even suicidality. These negative consequences are aggravated by social isolation, a forced decrease in physical activity and social contacts, as well as grief after the death of friends, spouses, or relatives.

As noted in the study by Ruggieri et al. [2021], one of the effective ways of coping with the experience of restrictions caused by the lockdown is online communication. The results of some studies confirmed that online communication and comparing one's own experiences of social isolation with other people reduces negative psychological consequences of quarantine [ibidem]. Thus, the analysis of SM posts can be a valid way to examine the coping strategies with respect to the effects of the COVID-19 pandemic and lockdown measures since this analysis is based on the product of these experiences. This type of interaction in the absence of live communication generated

a collective experience of social upheavals associated with the imposed restrictions and alarming news.

There is a large-scale study currently being conducted in the US³ on a similar topic (coping during COVID-19). One of its methodological tasks is to combine the greatest number of qualitative methods and approaches to deal with the great diversity of changes observed in the public sphere during the pandemic and lockdown. However, many of the difficulties faced by this kind of research during textual data processing can be solved automatically. For instance, one of the important parameters is the frequency of polls. In the text processing, the analysis can be carried out without interruption and the duration of analysis stages can be set to any value from one day to one week or even a month. Longitudinal surveys are particularly challenging because they are conducted multiple times. In SM mining, the total duration of the study will be primarily limited by computational performance and the researcher's decisions.

Another methodological advantage of this study is the generation of a large number of questionnaires for different topics, which enables tracing specific short-term (local) topics that are discussed for one to three weeks and then dropped. Local topics represent issues that are relevant for the audience during a short time period. In this setting it is impossible to launch a survey with a tailored questionnaire or interview, however, we can perform text mining and identify/trace the corresponding topics.

The alignment of SM content with the main news feed for the corresponding period shows, on the one hand, that there are news stories that were definitely mirrored in SM (according to our examination of the first three weeks, the peak of discussions occurs 2—3 days after the event). On the other hand, if some news is not reflected in the SM, it means that it did not cause a significant response from the population.

Another important issue is the spread of false news (fake news) and different manifestations of conspiracy theory [Tagliabue, Galassi, Mariani, 2020] that negatively affect the audience by increasing the levels of anxiety and stress. The identification of news content on SM contributes to the detection of those fake news that gets the greatest response from the audience and must be blocked in the first place.

Methodology of Feature Generation

This section discusses the approaches to the generation of topic- and user-specific features. It starts with a brief description of LDA as the base feature extraction technique explaining the choice of parameter settings and tools.

Latent Dirichlet Allocation

This study employs a conventional topic modelling scheme based on Latent Dirichlet Allocation (LDA) [Blei, Ng, Jordan, 2003]. As indicated by Hagen [2018], properly trained and evaluated LDA-based topic models are a powerful tool for content analysis in social science that helps discover themes overlooked by human coders and are less bias-prone. LDA is a particularly popular parametric approach that models documents as mixtures of topics and topics as mixtures of words (probabilistic distributions over words).

³ Rusch T., Han Y., Liang D., Hopkins A., Lawrence C., Maoz U., Paul L. K., Stanley, D. A. (2021) COVID-Dynamic: A Large-Scale Multifaceted Longitudinal Study of Socioemotional and Behavioral Change across the Pandemic. *PsyArXiv Preprints*. URL: <https://psyarxiv.com/75eyx/> (accessed: 21.12.2021).

An overview of recent papers reporting the application of two widely used LDA-based packages, namely Java-based Mallet⁴ [Zhou, Awasthi, Cardinal, 2020; Fang, Partovi, 2021; Cho, Park, Song, 2020] and Python-based Gensim⁵ [Porter, 2018; Kastrati, Kurti, Imran, 2020; Riesener et al., 2019], as well as extensive experiments with both packages on the 1st-week data (LJ) followed by the analysis of LDAvis [Sievert, Shirley, 2014] output, we settled on the use of the Mallet package [Mimno et al., 2011]. Ebeid and Arango⁶ compare both tools and point out that both have their strengths and weaknesses. Mallet's underlying approach relies on Gibbs sampling, which has well-known implications for the runtime complexity [Jelodar et al., 2020: 2736] because the training process requires keeping the entire dataset in memory. On the other hand, as shown by Zhou, Awasthi and Cardinal [2021], Mallet performs better than Gensim from the perspective of the coherence value. Roughly, coherence reflects the degree of mutual support between subsets (word sets) within each topic in a topic model. "C_v" coherence used in this paper combines the indirect cosine measure with the NPMI (Normalized Pointwise Mutual Information) and the boolean sliding window and it is reported to be the best measure in terms of runtime and correlation to human ratings [Röder, Both, Hinneburg, 2015].

Dataset pre-processing for LDA includes lemmatization with PyMystem3⁷, Russian "stopwords" removal using NLTK⁸ and bag-of-words representation using Gensim libraries.

The best LDA setup is found as follows. Following Wallach, Mimno and Mccallum [2009] we use asymmetric alpha (prior for topic proportions within documents), which combined with symmetric beta (prior for word weights in topic distributions) proved to enhance the quality of topic models. In Mallet, alpha can be optimized for each N iterations using the "optimize_interval" parameter equal to N . In the field, it was observed that although frequent optimization increases coherence, it influences topic quality due to the growing prevalence of topics with small coverage (topics that are present in few documents)⁹. Since we aim to capture the most prominent topics, less frequent optimization is given a priority. The optimal number of topics for each week is identified by maximizing the value of "c_v" coherence over the following parameters: topic number in the interval from 2 to 50 and the "optimize_interval" in (10, 50, 100, 500, 1000). The plots of the corresponding coherence values are examined. A wider interval is avoided because, as observed in the study by Porter [2018], selecting too many topics leads to overfitting. Also, a low number of topics ensures the explicability and efficient analysis of each topic. We consider the best number of topics as corresponding to the best "c_v" coherence value as it is done in a number of works including Zhou, Awasthi and Cardinal [2021] as well as Fang and Partovi [2021]. Also, in case

⁴ Mallet: Machine Learning for Language Toolkit. *GitHub*. URL: <http://mallet.cs.umass.edu/> (accessed: 14.03.2021).

⁵ GENSIM: Topic modelling for humans. *RaRe Consulting*. URL: <https://radimrehurek.com/gensim/> (accessed: 5.05.2021).

⁶ Ebeid I., Arango J. (2016) Mallet vs GenSim: Topic Modelling for 20 News Groups Report. Fayetteville, AR: University of Arkansas.

⁷ Pymystem3 0.2.2: Python wrapper for the Yandex MyStem 3.1 morphological analyzer of the Russian language. *PyPI: The Python Package Index*. URL: <https://pypi.org/project/pymystem3/> (accessed: 20.03.21).

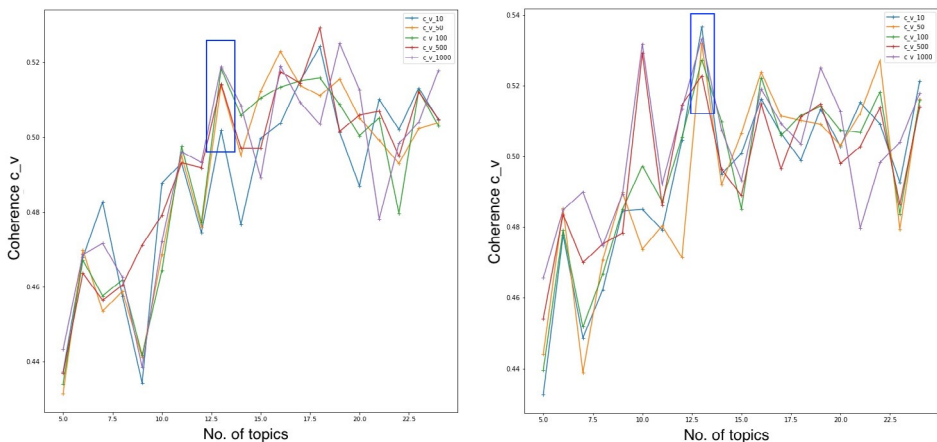
⁸ Natural Language Toolkit. *NLTK*. URL: <https://www.nltk.org/> (accessed: 5.05.2021).

⁹ Topic Modeling with MALLET: Hyperparameter Optimization. *The Dragonfly's Gaze*. URL: <https://dragonfly.hypotheses.org/1051> (accessed: 20.04.2021).

a coherence peak that includes the highest coherence value is shared by the LDA runs with different “optimize_interval” values, it is considered to indicate the best number of topics. Ebeid and Arango¹⁰, Fang and Partovi [2021] exploit the same idea by comparing the results with varying seeds. Since coherence tends to grow with the increase of the number of topics [Hasan et al., 2021: 350], the maximums (particularly those shared by most “optimize_interval” values) at the beginning of the interval are given a priority. Additionally, we calculate coherence values in the same way for an extended reference corpus to compare the maximums. In this study, we identified the optimum number of topics for the first week using this method as equal to 13. Figure 2 shows coherence peaks for the first week for the number of topics in the range 5—25 (with and without an external corpus for comparison). The same procedure is conducted for the subsequent weeks. The resulting maximums are 13 or close to 13 in most weeks (9, 10, 12, 14, 16). We decided to adopt 13 as the optimum topic number for all weeks to explore the topics that come to prominence in each week and facilitate the examination of changes in the topic space. Also, we built two LDA models for the whole period to compare the unique topics, which is discussed further in the Topic Hierarchy subsection.

Following Porter [2018], we use the relevance metric with $\lambda=0.6$ as proposed in the original paper by Sievert and Shirley [2014] to enhance the quality of topic interpretation and grouping. Relevance allows taking into account both topic-specific term frequency and exclusivity under a given topic. λ denotes the term’s probability weight relative to the term’s lift, the ratio of a topic-specific term’s probability to its marginal probability across the corpus [ibidem].

Fig. 2. Week 1 coherences for “optimize_interval” in (10, 50, 100, 500, 1000) with an external corpus (left) and without it (right)

¹⁰ Ebeid I., Arango J. (2016) Mallet vs GenSim: Topic Modelling for 20 News Groups Report. Fayetteville, AR: University of Arkansas.

In the standard output, the corpus common terms dominate representation rankings of multiple topics in the model. In this work, the main function of relevance-based ranking is to enhance the comparison of topic representations across the weeks.

Topic Dynamics Features

Topic dynamics features are defined in the present study as the quantitative and qualitative representations of each COVID-19 related theme that are specific to each of the time units within the considered period. The generation of topic dynamics features for both networks is achieved by:

- (1) pre-processing of textual data,
- (2) LDA parameters selection,
- (3) construction of topic models for a predefined number of topics for each week,
- (4) creation of a set S_u of unique topics,
- (5) consolidation of similar topics into larger themes to facilitate cross-week analysis and comparison of SM,
- (6) iterative similarity calculation between each topic in S_u and each topic in a given week's topic set to identify the changes in the representations of S_u topics across the weeks,
- (7) calculation of document and user-related statistics.

In the following, we describe data sources, pre-processing, and feature construction.

Data Sources

Publicly available data from the Russian version of LiveJournal (LJ) and Russian-language Twitter tagged with the word “coronavirus” for the period from March 22 to June 1, 2020 that covers the strict lockdown in Russia.

LJ is the largest online community in the Russian-language Internet that hosts the majority of the Russian top blogs¹¹. According to the news media reports¹², in 2019 its audience was around twelve million people. Despite not being the largest in terms of the number of authors and messages, it is considered to be a strongly connected blogging community with a rather constant audience. As reported elsewhere, the audience is mostly male, politically oriented, and 35+.

The Russian Twitter is reported to have the most active audience as compared to other SM used in Russia with an average of 47,1 messages per each of 690 thousand active authors¹³. The audience is also predominantly male (66 %) and 35+ (60%)¹⁴.

Textual Data Pre-processing

The basic dataset pre-processing encompasses the following steps:

¹¹ About LiveJournal. *LiveJournal*. URL: <https://www.livejournal.com/about/> (accessed: 10.03.2021).

¹² Afanasyeva A. (2019) Rambler will re-release LiveJournal. *Kommersant*. January 18. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3855808> (accessed: 10.03.2021). (In Russ.)

¹³ Chernyi V. (2020) Social Media in Russia: Figures and Trends, Autumn 2020. *Brand-Analytics*. November 30. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2020/> (accessed: 10.03.2021). (In Russ.)

¹⁴ 10 facts from Twitter statistics worth knowing about in 2020 (2020) *LPGENERATOR*. January 21. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2020/01/21/10-faktov-iz-statistiki-twitter-o-kotoryh-stoit-znat-v-2020-godu/> (accessed: 10.03.2021). (In Russ.)

(1) for each sentence, the language is detected using Langdetect¹⁵, non-Russian sentences are removed,

(2) empty/image posts are excluded (for LJ, empty full texts are substituted with titles, if any),

(3) URLs are removed,

(4) for each post, lemmatization is performed with pymystem3,

(5) punctuation and parts of speech except for semantically loaded parts of speech, such as verb, noun, adjective, adverb, adverbial pronoun, interjection, numeral adjective, and compounds are excluded (numeral, particle, conjunction, preposition, substantive pronoun). This is done to enhance the topic modeling performance by preserving the most semantically loaded words,

(6) standard Russian “stopwords” are removed using NLTK.

Next, the dataset is divided into 10 weeks:

- week 1 (“2020-03-22—2020-03-28”),
- week 2 (“2020-03-29—2020-04-04”),
- week 3 (“2020-04-05—2020-04-11”),
- week 4 (“2020-04-12—2020-04-18”),
- week 5 (“2020-04-19—2020-04-25”),
- week 6 (“2020-04-26—2020-05-02”),
- week 7 (“2020-05-03—2020-05-09”),
- week 8 (“2020-05-10—2020-05-16”),
- week 9 (“2020-05-17—2020-05-23”),
- week 10 (“2020-05-24—2020-06-01”).

Relative word frequency and text length

To enhance topic modelling results we performed additional pre-processing of the datasets (LJ and Twitter). For each network, we identified the outliers in terms of relative word frequency that are persistent across all weeks. We explored the influence of these outliers, as well as too short and too long texts (1st and 5th quantile of length in each week) on the LDA output for the first week (in LJ). The words with significantly higher frequencies (in terms of the distance from the upper border of the main group of closely spaced frequencies) are expected to dominate the top of per-topic word distributions and multiple topics and will skew the inter-topic distances in the LDAvis visualization. The same LDA settings are used for the experiments.

Relative Term Frequency. The relative frequency of terms is calculated to find possible “stopwords” (outliers). Per-week word frequency estimation takes into account the per-document term count and the number of documents in each week. The equation is as follows:

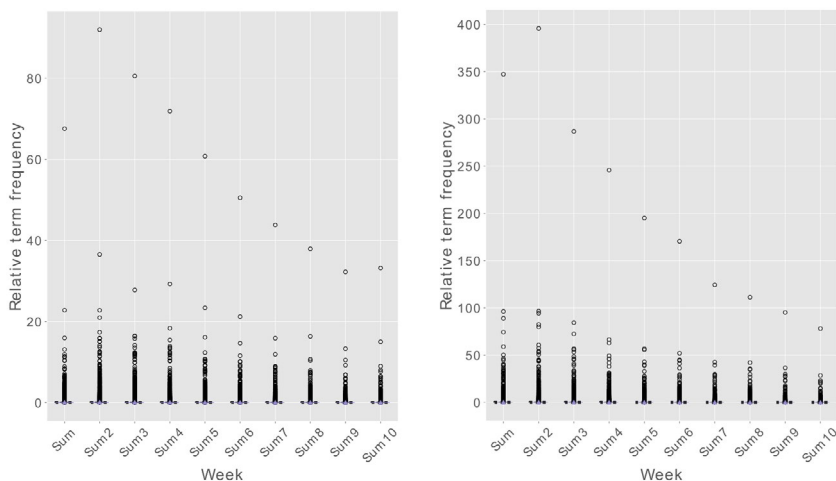
$$f_w = 1/T * \sum_1^d n_d / N_d,$$

¹⁵ Langdetect 1.0.9: Language detection library ported from Google’s language-detection. *PyPI: The Python Package Index*. URL: <https://pypi.org/project/langdetect/> (accessed: 20.04.2021).

where n is the number of term occurrences in document d , N is the length of d and T is the size of the corresponding week's dataset (see fig. 3). The analysis of the frequency distribution shows that, for both LJ and Twitter, the term “coronavirus” has much higher frequency across all weeks. In LJ, the word “person” is another outlier. The removal of outliers increased topic coherence (from 0.46 to 0.47) and improved topic distances in the LDAvis output, which was to be expected, since, in this case, they do not help distinguish between the topics.

Document length. When we consider LJ posts, the influence of document length on the topic modeling output is particularly important, because the lengths vary on average from 1.1 to 2914.5 words across the weeks in our dataset. The model assumes that documents are mainly mono-thematic, therefore it attempts to assign as few topics as possible to each text. Too long texts are likely to dominate word occurrence statistics and create too general topics.

Fig. 3. Relative term frequency across weeks in LJ (left) and Twitter (right)

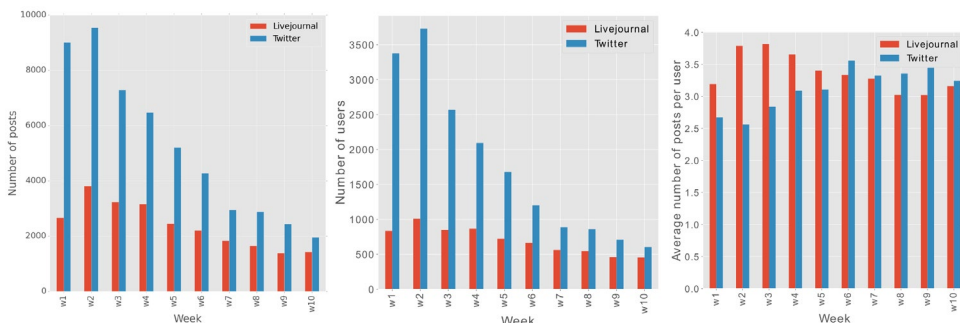

Too short texts tend to be ambiguous and belong to a variety of contexts, which may skew per-topic document distributions and deteriorate topic modeling quality. The length influence is examined by calculating weekly and mean values of the first and fifth length quantiles and comparing coherence values and LDAvis outputs for the first week's full dataset and its pruned version (without first and fifth quantiles).

The exclusion of the longest and shortest texts provides an insignificant increase in coherence from 0.4704 to 0.4705. However, the fact that it changed the inter-topic distances and topic contents (a new topic appeared, per-topic word distributions changed in the visualization) led to the decision to exclude too short/long texts from the dataset for further experiments. In the Twitter case, one-word texts are excluded.

The total number of posts in the final pre-processed version of the LJ dataset is 23925, the pre-processed Twitter corpus includes 66616 tweets. The dynamics of the number of posts in both networks across the weeks is shown in figure 4 (left).

Fig. 4. The dynamics of the number of posts (left), number of users (middle), mean number of posts per user (right) across weeks in LJ (blue bars) and Twitter (orange bars)

Construction of the unique topics set

For each week and platform, per-topic term distributions are ranked by relevance and the list of all different topics (base list) is built as follows. First, week 1 LJ topics are assigned to the base list. Next, a pairwise comparison with the topics from weeks 2—10 is performed. If the intersection between the lists of top-50 relevant topic terms in a pair is equal or exceeds 30%, the topics are considered similar. The topic whose intersection with the base list topic is below 30% is appended to the base list. In this way, an iterative comparison and base list extension is accomplished. The resulting base lists include 42 topics (LJ) and 94 topics (Twitter).

Topic hierarchy construction

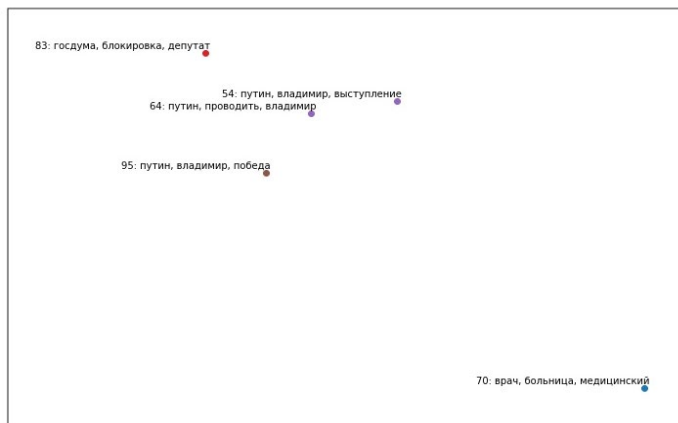
The construction of sets of unique topics for LJ and Twitter resulted in an overall number of 136 unique topics for both networks. On the one hand, it is to be expected that Twitter discussions are more dynamic, and the topics are more diverse due to a large number of authors with their characteristic vocabularies. In the LJ community, groups of contributors develop and maintain a more “constant” set of topics over the weeks. On the other hand, manual examination of topic content showed that within Twitter there are quite a number of topics that can be grouped into larger themes. Groups of short tweets cover only certain aspects of the same theme and LDA “sees” them as individual topics. Also, Twitter per-topic term distributions ranked by relevance differ from LJ ones in that, in Twitter, only top-15 terms clearly define the topic, while in LJ all 50 terms are semantically connected. Moreover, we observed that most unique topics are similar across networks and represent parts of broader concepts.

To obtain a topic hierarchy and facilitate cross-network comparison, we tried both automatic (semantic clustering based on a specially trained skipgram model¹⁶) and manual topic consolidation. In this work, we settled on the use of the manual gold standard version since the semantic clustering approach needs additional improvements. The manual clustering is made by two experts and assisted

¹⁶ Models.word2vec — Word2vec embeddings. GENSIM: Topic Modeling for Humans. URL: <https://radimrehurek.com/gensim/models/word2vec.html> (accessed: 17.07.2021).

by a sklearn t-SNE¹⁷ visualization of BERT¹⁸ embeddings of the unique set topics' representations.

Fig. 5. An example t-SNE plot of the distribution of LDA topics from the unique topics set

The t-SNE algorithm uses dimension reduction to produce 2D scatter plots (see fig. 5) of the distribution of high-dimensional objects, such as word or document embeddings. Most dissimilar objects are separated by larger distances.

For example, in figure 5, the topics related to governmental authorities (83: State Duma, blocking, deputy; 54: Putin, Vladimir, speech; 64: Putin, hold a speech, Vladimir; 95: Putin, Vladimir, Victory) are in the left upper corner and in the lower right corner, there is an LDA topic that belongs to the theme “Hospitalization” (70: physician, hospital, medical). The resulting eighteen large themes together with the logic of their formation (high-relevance terms that define each theme) are given in Appendix A.

Time series of topic-specific indicators

Similar topics are traced by performing an iterative comparison of the unique topics set with the LDA topics from each week in the corresponding datasets. In case there are > 1 topics similar to the unique set topic, all of them are included in the time series of cross-week topic similarities. The resulting datasets for LJ and Twitter contain, for each topic t , a time series s_t of topic similarity indicators representing the evolution across the study period. For a given topic, the indicators include median intersection relevance (if several similar topics are found, it helps to identify the closest one), the ratio of topic-specific texts to all week texts, the ratio of topic contributors to the total number of unique users in a given week, ratio of one-topic contributors to the total number of unique users in a given topic, ratio of one-topic contributors to the total number of one-topic users, as well as the shifts in term composition.

¹⁷ Sklearn.manifold.TSNE. *Scikit-Learn: Machine Learning in Python*. URL: <https://scikit-learn.org/stable/modules/generated/sklearn.manifold.TSNE.html> (accessed: 20.07.2021).

¹⁸ BERT. *Pre-Training Embedding*. URL: http://docs.deeppavlov.ai/en/master/features/pretrained_vectors.html (accessed: 20.07.2021).

Generation of User-specific Features for Graph Visualization

The account data is grouped in two ways. On the one hand, the cross-week account activity data (number of texts per week) is clustered using k-means to explore activity patterns. Particularly, we test the assumption that there are users sharing similar activity patterns (in per-week per-user number of posts) within the study period. The following groups are expected:

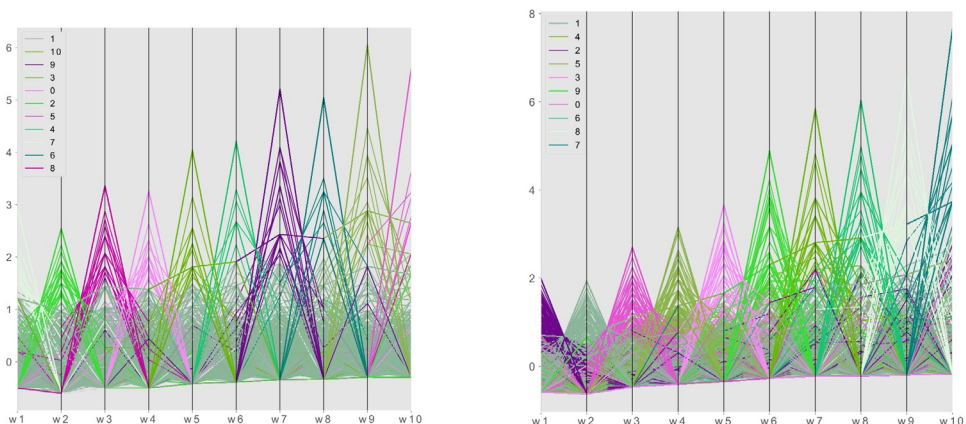
- (1) users whose period of maximum activity lasts one or two weeks, which may reflect their response to some impacting news or events, or purposeful information spread in case of a large number of messages,
- (2) users who contribute uniformly or almost uniformly during the study period (the cluster of the most active users, these are often news accounts);
- (3) users whose interest in COVID-19-related topics gradually fades from the first to the tenth week.

On the other hand, we group users by dispersion (participation in n topics) to explore the per-topic contribution of the corresponding groups during a given week.

Account Activity Clustering

The total number of users that contributed during the study period is 14 129 (Twitter) and 2 470 (LJ). The general trends in weekly dynamics of the number of users and the mean number of posts per user are depicted in figure 3 (middle and right), respectively. In both networks, the activity decreases, in Twitter, a more drastic change is observed, while the mean number of messages per user lies between two and four, which is most likely due to a large number of users with very few messages per week in both networks.

Fig. 6. User activity clusters: 11 clusters in LJ (left) and 10 clusters in Twitter (right)

The clustering is performed using k-means from the Python-based sklearn library¹⁹. The matrix of per-user per-week messages is normalized by rows (by the overall per-us-

¹⁹ Sklearn.cluster.KMeans. Scikit — Learn. Machine Learning in Python. URL: <https://scikitlearn.org/stable/modules/generated/sklearn.cluster.KMeans.html> (accessed: 20.04.2021).

er contribution) and by columns using StandardScaler from sklearn. The number of clusters is selected using the popular elbow curve method [Marutho et al., 2018] based on the within-cluster sum of square distances. Based on the experiment with nine different random seed values and the number of clusters in range (2, 15) the optimal number of clusters is determined as equal to eleven for LJ and ten for Twitter. The percentage of users per cluster in LJ and Twitter is shown in table 1. The clusters are visualized in figure 6. The colors correspond to cluster numbers that are identical to those shown in table 1.

Both in LJ and Twitter, there are groups whose largest contributions are made in one of the weeks with none or almost no activity before and after the corresponding week. Also, the largest groups (cluster three in LJ and zero in Twitter) are represented, among others, by the users who were the most active (or uniformly inactive) throughout the whole period.

Table 1. The percentage of users per cluster in LJ and Twitter

№	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Users %, LJ	4.42	7.13	4.59	36.55	3.59	4.01	6.84	3.46	9.18	7.47	12.77
Users %, Twitter	31.04	7.13	21.24	13.06	4.78	2.98	11.77	3.47	2.59	1.94	—

In Twitter, this group also includes users with the contribution maximum at week 2 followed by a slight decrease. In LJ, the general trend in this group is the same, however, there is an independent cluster 1 (see fig.6) with the maximum at week 2 preceded and followed by zero or almost zero activity.

The examination of user activity and attention shows consistent and predictable dynamics: a gradual decline in user activity after the second week. This trend can be due to the fact that it was in week 2 from March 29 to April 5 when the introduction of the self-isolation regime from March 30 was announced as well as the start of a non-working month from March 30. In week 2, the response is the highest and it gradually fades as people are getting used to new circumstances and start creating the appropriate behavioral patterns.

Account Grouping by Dispersion

We tested three approaches to summarize user data given the topic distribution per user. Two previous graph versions displayed, for each week, full graphs of users and all different dispersion groups, respectively. By dispersion, we mean the length of topic distribution per account. The main function of full user graphs was to display each user’s “interest” in a given topic (ratio of his topic-specific texts to his total contribution) and the ratio of his per-topic publications to the per-week per-topic contribution of all users. When exploring this graph type, we noticed that, surprisingly, certain news accounts turned out to be the most “interested” in small-sized specific topics within the theme “Entertainment and Leisure”, according to LDA per-document topic prevalence. We then weighed user dispersions by the use of n top relevant terms in a given account’s documents. With $n = 5$ the mentioned news accounts lost their positions in

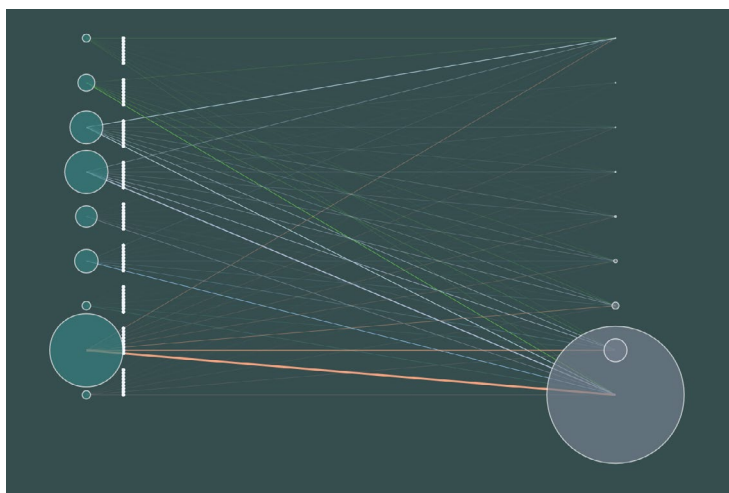
the “interest” ratings since their posts did not contain top-5 relevant words. We keep working on this graph type to expand the functionalities of the current application version.

The graph of dispersion groups visualized all types of topic combinations per account in a given week where the accounts with the same topic combinations were grouped together into one node. We decided to further summarize the data since the previous two graph types are large and difficult to interpret when performing a cross-week and cross-network analysis. We settled on summarizing the dispersion data since it represents the audience focus properties. It is achieved by gathering all users belonging to a certain dispersion type (e. g., one-topic users) in one node (n-topic group).

Graph Visualization in Dash

To visualize the connections between n-topic user groups (user dispersion groups) and the corresponding topics in each week and cluster for each network (LJ and Twitter) we built a Dash²⁰ application based on the graphs created using networkxs²¹ and Plotly²². The app allows switching between the following parameters: week (from the first to the tenth week), cluster (the main cluster and the one with the peak at a given week), and network (LJ or Twitter). For each week, the graph is a bidirected graph where the vertices aligned on the left are topics and the vertices on the right are user groups (see fig. 7). The information appears when the user hovers the pointer over the nodes/edges.

Fig. 7. A sample graph (Twitter, week 1, main cluster) of connections between user dispersion groups (right) and topics (left) for each week

²⁰ Dash Python User Guide. *Plotly*. URL: <https://dash.plotly.com/> (accessed: 15.05.2021).

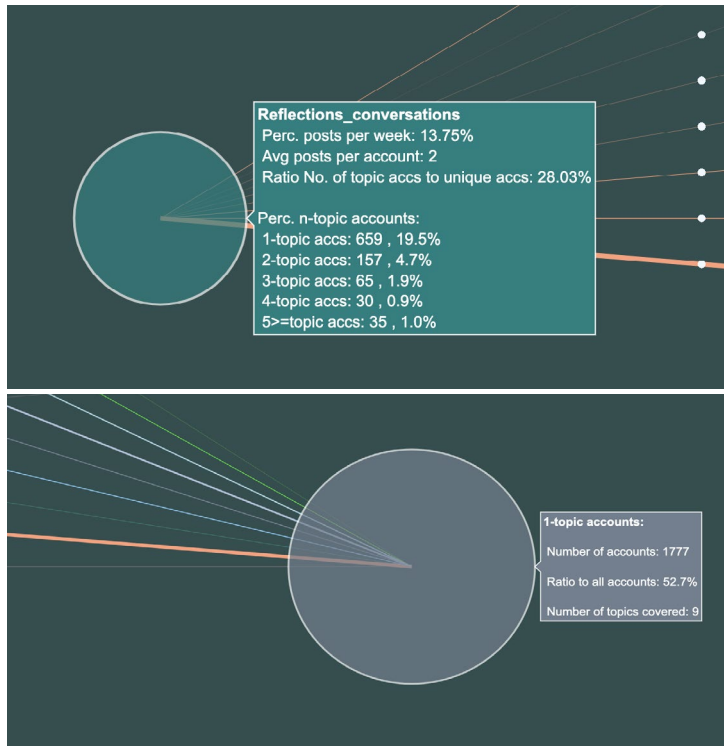
²¹ Network Analysis in Python. *NetworkX*. URL: <https://networkx.org/> (accessed: 15.05.2021).

²² For more details, see URL: <https://plotly.com/> (accessed: 15.05.2021).

The size of topic bubbles is proportional to the ratio of accounts in a given topic in a given cluster to the total number of unique accounts in a given week. The hover information for each node shows the percentage of posts per week, the average number of posts per account, as well as the number and percentage of each n-topic group. The size of the nodes on the other side (n-topic groups) is proportional to the ratio of the number of accounts in a given group to the total number of unique accounts per week. The hover information shows, for a given group, the number of accounts, the ratio to all accounts, and the number of topics covered. The hovering information on edges (false nodes) shows the contributing group and the ratio of texts in this contribution to all week's texts. The width of edges is proportional to the ratio of contributed texts for a given n-topic users group.

The dashboard application can be run directly from the Google Colab²³. The Google Colab page also provides links for all the obtained plots, graphs, and tables. The datasets and topic dynamics tables are stored on our [GitHub project page](#).

Fig. 8. Hover information on topic nodes (left) and user dispersion nodes (right)

²³ DASHBOARD APP: Weekly Changes of User Attention to COVID-Related Topics (March 22 — June 1, 2020). Colab. Research.Google. URL: <https://bit.ly/3tcMmuX> (accessed: 25.07.2021).

The produced interactive graphs combine all of the data representation features for further analysis, however, the use of their captions in the paper is not appropriate due to their size and interactive elements. Therefore, we plot the main weekly statistics for the analysis section.

Data Analysis

We perform the analysis of user activity dynamics with respect to the inferred topics for the period of ten weeks. The correspondence of week numbers to dates is given in the “Textual Data Preprocessing” part. Since the topics are directly associated with real events, we rely on a timeline²⁴ of these events that took place in Russia during the considered period and are found to be mirrored in SM (see table 2).

Table 2. **Timeline of the main events that took place within the considered period**

Nº	Date (2020)	Event
1	March 25	The first Address of the President to the Nation (introduction of the self-isolation regime, non-working week is announced, 2020 Russian Constitutional Referendum is postponed)
2	March 27	International flights were grounded after the government ordered the civil aviation authority to suspend all regular and charter flights to and from the country
3	March 29	Mayor of Moscow Sergey Sobyenin issued a stay-at-home order starting the next day
4	March 30	Similar orders or recommendations were announced in numerous other federal jurisdictions, with many more announcing such restrictions over the next few days. The same day, the border was shut, with all border crossings closed
5	April 02	The second Address of the President to the Nation (establishment of penalties for the violation of the self-isolation regime, the announcement of the non-working month)
6	April 11	Moscow’s mayor, Sobyenin, signed a decree introducing a digital pass system to enforce the coronavirus lockdown
7	April 28	President’s announcement of the prolongation of non-working days until May 11
8	May 09	Air show instead of the 2020 Moscow Victory Day Parade
9	May 11	President Putin announced the end of the national non-working period
10	May 12	Announcement of additional support measures
11	May 27	Sobyenin announced that some restrictions in Moscow would be eased on June 1

Tweets are more “spontaneous”: they are short (1—2 sentences) and not elaborate and polished as LJ posts. They appear more similar to spontaneous speech, reflecting more clearly the inner state of a person, his/her reactions to events and triggers, anxiety, loss of interest, joy. In the first place, this study uses the obtained data (based on the Twitter corpus) visualized on graphs to monitor the process of adaptation to new life conditions, and the corresponding dynamics of the anxiety levels. The anxiety levels

²⁴ COVID-19 Pandemic. Chronology of Events. *Interfax*. URL: <https://www.interfax.ru/chronicle/novyj-koronavirus-v-kitae.html> (accessed: 25.07.2021).

are associated with the intensity of user contribution to the information space. For the purposes of this case study, we chose to focus on the Twitter data due to its nature and a large number of users as compared to LJ. In LJ (after the consolidation of LDA topics for both networks), the main activity is observed in the same topics, however, their distributions differ. The dynamics of cross-week user activity in topics in LJ and a detailed comparison of both networks are subject to future research.

The intensity of user activity is measured based on the following data:

- (1) the number of active users and contributions (posts) per week,
- (2) cross-week dynamics of topic diversity, changes in user activity, and shifts in per-topic distributions of relevant words in each topic,
- (3) user dispersion.

Let us justify the above statements:

(1) Anxiety generates the need for communication, self-expression, and discussion [Folkman, Moskowitz, 2004]. The latter enables an increase in the number of posts/messages.

(2) Two criteria are taken into account:

(2.1) the demand for a certain topic diversity and the number of covered topics: while a user is engaged in a topic, he generates posts and actively participates in the discussions related to this topic (or its subtopics). With the decline in interest towards COVID-19, the variety of topics and the corresponding activity decreases; the topics that have the greatest impact on life are the most talked about,

(2.2) dynamics in the topic space contents, particularly, the transition from the topics related to one's own well-being ("self comes first") to broader contexts ("external" topics).

(3) The narrowing of the thematic diversity of user-generated texts, as well as the transition from topics related directly to personal experiences to less emotionally colored and more rational topics.

Based on the analysis of the obtained data we suggest the following. The examined period is divided into two: weeks 1—6 (the end of March and April) and weeks 7—10 (May).

Week 1. The growing concern amid voluntary measures (voluntary self-isolation), transition to distance learning and work, COVID-19 spread, and the first Address of the President.

Week 2. The first policy-induced restrictive measures significantly affected everyday life and the household economy. It hit people like a bolt from the blue and caused a strong response from the SM audience — an additional burst of activity.

Weeks 3—6. Adaptation and acceptance of the introduced measures, private household issues followed by a switch to a new mode of life characterized by the transition to a broader context (online shopping, world events, aid to health professionals, etc.). A gradual drop of COVID-19-related interest rates that we associate with the decrease in anxiety levels. The turn of attention towards external topics and broader context, as well as the fading of the topic related to introspection, the need for self-expression ("Reflections_conversations") also characterize the decrease of stress.

Week 7. Festive days (the Victory Day and Easter) and the fading of attention towards COVID-19.

Week 8. The termination of non-working days and recommencement of work.

Weeks 9—10. The COVID-19-related topic diversity finally collapses to one major discussion on statistical reports that we associate with the complete decay of interest towards COVID-19.

Let us consider in more detail the changes in topic-related user activity that took place along the considered ten weeks using the above-listed criteria.

*The number of active users and contributions per week*²⁵

The highest number of active users and posts is reached at weeks 1 and 2, with a peak at week 2. Over half of the total number of week 1 users are in the cluster of temporal activity (peak at week 1), meaning that their activity either drops or stops completely after this week. Further, starting from week 2, the number of active users drops each subsequent week until the end of April (week 6). In the following weeks, the drop either slows down significantly or stops. We assume that by May 2020 the distribution of active users across the topics approximates a standard (pre-COVID) pattern after the burst of activity in early April, so the change in the number of users is no longer as noticeable as in April. The number of active users drops for all topics inferred by the model and consolidated by domain experts. Additionally, user activity gets redistributed simultaneously with the decrease in the number of active users, which will be discussed below. Starting from week 2, the percentage of active users in the topic “Statistics” begins to grow (at the expense of a decrease in the percentage of active users in other topics). Starting from week 7, the number of active users in this topic is actively growing, and by weeks 9 and 10 it becomes the only major discussion (about 80 % of active users publish tweets/posts on this topic).

Thus, we observe a transition from the distribution of attention and interest between various topics to a monotopic focus. At the same time, the total number of active users is significantly decreasing, that is, over time, the number of users tweeting/posting on COVID-19 (tagged with “coronavirus”) gets smaller.

Cross-week dynamics of topic diversity

Changes in user activity

The plots illustrating the analysis are placed in Appendix B due to their size. Weekly sums of account ratios displayed in the corresponding plots can exceed 100 % since the same account often contributes to multiple topics and the total percentage of posts per week is always equal to 100 %. Therefore, the per-topic number of posts (blue bars) is often lower than the per-topic percentage of users (orange bars).

In week 1 (Appendix B., fig. 1), the highest productivity (over 23—24 % of posts) is observed for the topics “Reflections_conversations” (over 40 % of users), “Virus_control_measures (public level)” (over 35 % of users) and “Statistics” (over 23 % of users). Topic descriptions are given in Appendix A. It implies strong concern about COVID-19 and the need for discussing it. On the other hand, public protective measures are actively talked about. People are concerned with the shortage of protective means, uncontrollable prices, and the agiotage. Among other topics, household issues are the most actively discussed (“Solutions_to_household_problems”, over 13 % users and

²⁵ See figure 4 — left and middle.

6% of posts) due to the ongoing changes in everyday life and voluntary self-isolation. As mentioned above, over 50% of the week 1 users are in the cluster of temporal activity. These are mostly one-topic dispersion users (52.7% of week 1 accounts) who contributed to all nine topics giving much higher priority to “Reflection_conversations” (28% of accounts and 14% of week 1 posts) and “Virus_control_measures (public level)” (17% of accounts and 10% of week 1 posts). This spark in activity is supposed to be triggered by the first Address to the Nation that took place on March 25. This first-of-its-kind event served as an indicator of the importance and severity of the coronavirus threat, and the unprecedented measures to be introduced. The topic diversity of this activity can speak of the strength of emotional tension and general anxiety that began to spread in society this week.

In week 2 (Appendix B., fig. 2), the introduction of the first policy-induced restrictive measures sparks the crowds. Indeed, this is the largest topic discussed (“Virus_control_measures (public level)”): over 39% of the posts are assigned to it and over half of the accounts wrote about it. The week was shocking due to the introduction of a significant number of strict obligatory quarantine measures (the so-called self-isolation regime) with justification for their necessity. Such a sharp change caused an urgent need to discuss it, which is characterized by a steep increase in activity on the topic. The latter speaks of the high significance and impact of the introduced measures on people and their lives and perception of things.

The discussions on statistics reports remain almost at the same level of activity (around 20% of users and posts), which indirectly indicates the stability of this topic. During this period, the absolute number of accounts writing on the topic of statistics practically did not change, while the number of texts decreased insignificantly. In the rest of the topics, the activity is weak with “Reflections_conversations” being the most discussed (about 15% of users), which points to the existing concern about social interaction on COVID-19 issues.

In week 3 (Appendix B., fig. 3), there remains a slightly increased participation of users in the discussion of public protective measures, although the topic’s popularity declined, engaging only 15% of active users. We assume that this is a “residual effect” of the second week’s maximum. It should be mentioned that the acceptance of measures as inevitable circumstances occurred already in week 1. The topic “Statistics” gains major popularity this week in terms of both the number of accounts and posts/tweets since the government’s decisions are based on the growing number of infected people. Also, the number of texts grew faster than the number of accounts, which indicates greater per-user activity. This week, the discussion on improving everyday life (“Solutions_to_household_problems”) returns and is prevalent among the rest of the topics (about 21% of users published about 9% of posts on it). As we observed, this topic appears at the beginning of the period, in week 1, in the context of voluntary measures, and in week 3 in the context of the introduced mandatory measures. The gap in week 2 is explained by the attention shift to new uncertain events about to occur related to the introduction of quarantine and restrictions. With the acceptance of quarantine as an inevitable condition, there is a return to vital issues, and, in the first place, to the establishment of everyday life in new conditions. Also, there is another

important topic related to personal well-being in this week — work and education, including distance education (“Work”).

In week 4 (Appendix B., fig. 4), after a decline of active users in week 3, the topic “Virus_control_measures (public level)” gained popularity again (approximately 35% of users and 22% of posts), although significantly less than in week 2. In the subsequent weeks (5—7) it remains approximately at the same level. The activity in the “Solutions_to_household_problems” drops this week. Thus, the discussion of general (public level) restrictive measures shifts the focus of attention from solving specific practical problems of everyday life to a broader context. Also, the growth of activity in this topic appears to be due to the introduction of the system of digital permits in Moscow (the decree as of 10.04 put into effect as of 13.04). Except for these two most prominent topics (statistics and public measures), the topic “Reflections_conversations” comes back to the fore (19% of users and 11% of the posts). There appears a local (occasional) topic “Holidays” due to the Easter celebration.

This week does not feature the topics that were active during weeks 2 and/or 3—“Solutions_to_household_problems”, “Economic_issues”, “Work”, “Entertainment_and_leisure”, which may imply the normalization of people’s understanding of the new conditions — distance learning and work, online shopping, the shift to local and more general topics.

In all of the following weeks, the dynamics of the “Statistics” topic remains the same (the highest activity rates). Therefore, the analysis describes other prominent features of the dynamics.

In week 5 (Appendix B., fig. 5), the highest activity remains in “Reflections_conversations” and “Virus_control_measures (public level)”, the number of users in “Reflections_conversations” being noticeably higher (approximately 37% versus 27%). The topic “Economic_issues” reappears (approximately 8% of posts and 13% of users).

In week 6 (Appendix B., fig. 6), the topic “Reflections_conversations” drops sharply (about 8% of active posts and 18% of users). The topic of “Virus_control_measures (public level)” is still the leading one (approximately 27% of posts and 37% of users). This week the topic related to distance learning and work (“Work”) comes up again, which may be due to the extension of the non-working days until the end of the May holidays (announced at the end of April).

In week 7 (Appendix B., fig. 7), “Virus_control_measures (public level)” remains the leading topic. The local topic “Holidays” returns (related to the Victory Day on May 9), and a new topic appears — the support of medical workers (“Healthcare_professionals (incl.payments)”), most likely, as a reaction to the news reports about the introduction of incentive payments for healthcare workers as of 6.05, and internal policy. This week the activity in the “Reflections_conversations” topic stops and shows up in the following weeks with the activity of about 5% of users.

By week 8 (Appendix B., fig. 8), the attention to public protective measures gradually fades covering about 17% of posts, and 26% of users and a clear increase of the topic “Statistics” starts (64% of posts and 58% of users). The activity in other topics also declines. Among the remaining topics, peace and information are leading, which indicates a shift of interest further and further from personal problems to the general information and foreign policy level.

Week 9 (Appendix B., fig. 9) basically features two topics: the growing “Statistics” (85 % of users and posts) and “Virus_control_measures (public level)” (10 % of posts and 20 % of users) whose activity keeps declining.

In week 10 (Appendix B., fig. 10), the trends of week 9 persist. Another topic that returns to the fore this week is the assistance to medical workers, “Healthcare_professionals (incl.payments)”, with 22 % of posts and 10 % of accounts. This may be due to the shortage of protective suits and personal protective equipment observed in late May and early June in various regions of the Russian Federation.

The observed changes allow defining the main trends in the dynamics of user activity and topic contents in the examined period. In the first place, we notice the overall gradual fading of interest towards COVID-19 and the introduced measures that is manifested in:

- (1) the decrease of active accounts and posts/tweets across the weeks and
- (2) the shift of the contents of the topic space towards less emotionally loaded and more rational.

Secondly, news content gets quickly reflected in discussions (no longer than within one week, which may be due to the selected analysis unit) and rapidly disappears if the effects of the reported events are either short-term or weak (e. g., the discussions on the Addresses to the Nation and holidays keep being active for at most two weeks).

Thirdly, the power of experience and the relevance of the COVID-19 theme to the authors is represented by the high topic diversity at the beginning of the period. Even in week 1 before the introduction of the first restrictive measures, there are nine almost uniformly active topics (except for “Statistics” and “Virus_control_measures (public level)” that dominate the activity across all weeks). By contrast, at the end of the period, with a similar number of topics, only the leading topics remain actively discussed while the coverage of the rest of the topics is on average below 10 %.

Shifts in per-topic distributions of relevant words in each topic

Let us consider the weekly changes within the main topics:

“*COVID (investigation, tests, treatment)*”. In the first 2—3 weeks of April, the discussions within this topic are mostly about private well-being (immune system boosting, COVID symptoms compared with flu and pneumonia, what different sources say about the virus). From week 4, the topic becomes more “detached”, the attention shifts from studying the interaction with the virus at a household level to topics related to mass health, laboratory research, vaccines, and the vaccine market. In the second period (May), the topic arises in weeks 8 and 9, which may be associated with a reaction to local events: first, in connection with mass antibody tests in Moscow and vaccine testing that began to be reported in the media. To summarize, during the first 2—3 weeks (until May) the topic is perceived in a more personal and emotional way and after this period it becomes more abstract and susceptible to news feeds.

“*Economic_issues*”. In weeks 2—3, the discussion concerns global problems relevant to personal safety and interests: economic crisis, the closure of borders. The local context covers the governmental support for families and businesses in a difficult economic situation (weeks 1 and 3). The topic is active in the initial period (weeks 1—3), then it drops off the discussions yielding to the topics “Statistics” and “Virus_con-

trol_measures (public level)". We associate it, firstly, with the general tendency of a decrease in user anxiety and loss of interest in the former variety of topics, as well as a shift in the focus of attention to a more thematically focused context dedicated to the disease itself (its statistics and restrictive measures).

"Hospitalization". In weeks 1—4, the topic content is quite predictable — hospitalization, patients, communal services, infection, artificial lung ventilation, etc. In weeks 5—6, the topic shifts the focus of attention: in week 5, Moscow appears in the topic and, in week 6, the topic covers the stories of hospital staff. Then the topic drops off and returns in week 8 in the context of the increase in hospital admissions in St. Petersburg, which caused an excessive burden on hospitals. The topic also reflects local events — hospitalizations of famous people. Thus, here we can also talk about a transition from more personal aspects that affect emotional stability, since there is a prospect of being admitted to a hospital, to some more detached view of what happens in hospitals.

"Information_sources". In week 1, a greater emphasis is on the topic of distance education (schoolchildren, students) and the Olympiad (Tokyo, 2020). In week 2, the topic shifts towards news sources of relevant statistics and tracking the situation in the world. In the fourth week, a discussion on TV series joins in. In week 6, the emphasis is shifted even more strongly to information on leisure (films, shops, subscriptions), and the topic of distance learning comes up again. The rest of the period it mostly contains reactions to news events (hospitalization of the Kremlin press secretary Dmitri Peskov, reaction to the Russian filmmaker Nikita Mikhalkov's program "Besogon TV" (a YouTube and TV show whose title means "driving out demons" that defends conspiracy theories around COVID-19), online outlet, news portals).

This topic illustrates well the turn of attention to COVID-19 in week 2 (sources of information and statistics become the focus of attention) when the virus spread starts to directly affect people's lives, pushing aside the problems of distance education. We carefully suggest that it was in week 2 that the pandemic began to be perceived as something real and impacting. Also, the emergence of interest in information on TV shows in week 4 indirectly indicates a decline in anxiety about the virus and a shift in attention to organizing leisure during the pandemic. In week 6, the leisure-related discussion intensifies, and the topic of distance learning arises again, which may be related to the hope for changes after the May holidays.

"Reflections_conversations". In week 1, the topic includes 2 parts: on one side, general discussions on the virus — its origin, current events, scientific advancements, vaccines, and, on the other side, how to spend time on quarantine with children and family, family leisure. In week 2, attention shifts to the economic and political aspects of the pandemic. In the third week, the topic of self-isolation with children returns, and the topic of the economic and political aspects of the pandemic remains. In addition, week 3 discusses the virus spread and what is happening in the country and in the world (with an emphasis on China and Italy). Week 3 is the most diverse in terms of subtopics. In week 4, various foreign news feeds are discussed. In week 5, the topic related to distance education for children reappears. In weeks 5—6, the subtopic on staying home in quarantine remains. In weeks 8—10, the discussions touch on lockdown life and concerns: family time (children), job, tests, payments, medicines.

The subtopic on family life on lockdown and children is the most stable. Its importance can be attributed to a sharply increased burden on parents and difficulties in organizing children's education and leisure at home. This is associated with an increase in anxiety. This subtopic persists in weeks 1—6 (except week 2) and its tokens are among thirty with the highest-ranking scores (relevance). Despite the fact that the main restrictions were announced in the second week, this discussion is strongly present only starting from week 3, which is probably due to a need to organize primary household tasks first and then there arise new problems related to the long stay in self-isolation with children and other family members in a limited space. After week 6, specific subtopics are not clearly expressed, which is assumed to indicate successful coping with the ongoing changes.

“Statistics”. In week 1, the discussions focus on the spread of the virus in the world, particularly, infection and death statistics recovered for different countries including Russia. From the second week, the global context disappears, the discussion on domestic statistics remains, Ukraine is also present. In week 2, there are statistics for Moscow and, in week 3, for the regions. In weeks 4—5, the general trend continues, and world statistics reappears. Week 5 features statistics in Ukraine, Moscow, St. Petersburg, Moscow oblast, Belarus, and foreign cities. In week 7, the global context returns to the fore, the infographics and virus spread in April are discussed, and the subtopic on testing statistics appears. In week 8, there are 2 major subtopics: domestic and world statistics. In week 9, the upcoming second wave in the fall is talked about. Here, similarly to other topics, the scope narrows from global to domestic and more “personal” level through the transition to Russia, then Moscow and different regions (political subdivisions) with their specific locations. Then, from the fifth week, there is a reverse process of expanding the context with a gradual return to global statistics while domestic statistics persists.

“Virus_control_measures (personal level)”. In week 1, the discussions touch on individual protection measures (wearing a mask, staying at home, washing hands). In weeks 2 and 3, the emphasis changes to purchasing personal protective equipment (“purchase”, “production”, “delivery”). In week 4, a sub-discourse on the protection of contact people (workers, doctors, salespeople, etc.) arises. It persists in week 5 while the sub-topic of acquiring personal protective equipment is replaced by the sub-topic of their use. In week 6, the topic is a mixture of discourses related to purchasing and obligatory wearing of personal protective equipment in public places. In weeks 8—10, the focus is on the mandatory use of personal protective equipment in public places.

As in the previous topics, there is a transition from personal everyday practical tasks (find, buy) in the initial period to the external (protection of other people and social obligations).

“Solutions_to_household_problems”. The topic of improving everyday life is present in the first weeks of the period — up to five weeks. In general, the development of the topic comes from everyday issues of buying vital supplies (shops/pharmacies, buckwheat, toilet paper in week 1) through the organization of home leisure with children (three weeks) and then goes to online leisure and shopping (five weeks). The latter may indicate adaptation to a new lifestyle by the fifth or sixth weeks and even readiness for long-term quarantine when season tickets become relevant.

“Virus_control_measures (public level)”. In the first week, the sub-discourses are related to the President’s Address, the introduction of a non-working week with salary retention, measures in Moscow, border closure, and restrictions on movement. In the second week, the topic as a whole reaches its peak. It discusses the second Address of the President, the extension of non-working days, the introduction of the self-isolation regime, the closure of most stores, restrictions on visits to grocery stores, pharmacies, self-isolation fines, support measures, and spending time at home on lockdown. The self-isolation discourse (staying home, family relations) remains stable in weeks 3—7. In week 3, discussions concern the cancellation and delay of holidays (Easter, Victory Day), the introduction of the digital permit system in Moscow, and fines. In week 4, we observe a shift towards social support and business support, other week 3 topics remain. In week 5, the discussions touch on social protests and rallies (in Vladikavkaz and online), the extension of non-working days until the end of the May holidays, and public restrictions in May. In week 6, people discuss the empty capital, the self-isolation regime extension, and governmental support. Week 7 concerns the situation in Moscow.

In week 8, the attention is drawn to the easing of the quarantine regime, work commencement, governmental measures, lifting restrictions, and antibody testing. In week 9, there is a mixture of topics: self-isolation, work, staying home, testing, Moscow region, digital permits, testing for antibodies. Week 10 discusses a possible lifting of restrictions in June and the upcoming celebration of the postponed Victory Day.

In general, the topic remains quite stable throughout the entire period, and clearly reflects the reaction to external changes and introduced measures. In the middle of the period, the discourse on the imposed restrictive measures in Moscow becomes more prominent, which may be due to the fact that it was in Moscow that some of the most stringent measures were introduced and subsequently imposed at the regional level. In the discussions, the sequence — Moscow, Moscow oblast, regions — is observed.

“Work”. The topic appears locally in weeks 2—3 and then reappears in week 6. In the first period, it is related to the start of non-working days and in week 3 it is fed by a discussion on remote work and learning. In week 6, the topic appears in a broader context — as a discussion of the prospects for starting work during or after the May holidays and salaries.

In general, the analysis of the topic content transformation confirms and expands the conclusions made during the examination of the dynamics of user activity within topics. The tendency of transition from a general broad context of week 1 to a personal perspective in weeks 2—4 is most clearly traced, followed by a return to a wide context with a gradual disappearance of personal discourses (even those that are characteristic of the second part of the period).

Also, the analysis of subdiscourses within topics shows that social networks respond quickly and clearly to all the main news feeds, and the reaction normally lasts one week. It is important to note that the topics that call for the personal involvement of users keep being present in discussions for a longer time, even if they are generated by a news feed. Thus, the duration of the presence of the topic can serve as a signal of its importance for society and a fairly strong emotional response to it. However, it is important to remember that such an observation is not an unambiguous indicator and

cannot be perceived as a sufficient condition. It requires further meaningful analysis and correlation with the news context of the relevant period.

Topic dispersion groups in activity clusters

The observed user behavior in clusters of activity confirms our statement about the spontaneous nature of this social network. Throughout the entire period, the number of accounts that wrote on one topic significantly exceeds the number of accounts in other groups: their ratio is above 70% in each week amid the overall sharp decrease in the number of accounts and contributions. Moreover, a large part of these accounts is usually in the temporal activity cluster, which means that their activity slows down or stops completely after the corresponding week. During the considered period, the percentage of this group in the temporal cluster drops from 53% (week 1) to 32% (week 10) due to the overall activity decline while in the cluster of users with uniform activity it increases from 23% to 49%. Moreover, the number of different dispersion groups drops from ten to four meaning that the accounts from other groups move to the monothematic group, which confirms our conclusion on the collapse of topic diversity by the end of the considered period.

Discussion and Conclusions

The proposed tool for the analysis of SM data complements the traditional approach since the achieved results not only agree with the conclusions made in survey-based studies but also provide additional data. Together with a visualization of adaptation mechanisms, it expands the understanding of the process of adaptation to new conditions since the processed texts are the product of a collective search for psychological meanings in the new reality. It is important to note that the selection of documents for the given corpus was keyword-based. Therefore, the trend of a gradual decrease in the overall discussion intensity and number of topics can be explained by the shift of the audience focus either to offline communication or to other topics (probably tagged with other keywords) that are not covered by the corpus. However, this trend can also represent the gradual social adaptation to the lifestyle changes imposed by COVID-19: the only concern left after the adaptation period is the pallid statistics, which is similar to checking the thermometer behind the window while life is going on. Indeed, during the study period (ten weeks from March 22 to June 1) we observe the gradual narrowing of the focus from a set of multiple diverse topics related to the COVID-19 spread to one dominating topic — infection and death statistics. Along the study period the multi-topic space with several major topics alternating their dominance (discussions on the introduced national-level measures, introspection) and other significant topics (including economics, foreign affairs, healthcare, COVID-19 vaccine, and tests) gets transformed into a monotopic one (at weeks 9 and 10) where over a half of the accounts publish posts related to only statistical reports. The transition process goes, in the first place, through the personal experience and adaptation to the introduced changes at a “micro level” (finding solutions to household and job-related problems). Then it turns to a wider range of topics related to domestic politics (business, economics, aid to healthcare professionals) and foreign affairs until it eventually collapses to one major discussion on statistics: over a half of users produce over 80% of weekly posts on statistics and

new cases reports. In other words, we deal with a topic space transformation from multitopic to monotopic through personal adaptation followed by the perception and acceptance of a wider context (the new reality at the macro level). It indicates the displacement of stress caused by the imposed restrictions and high anxiety levels characterized by the absence of a clearly defined subject of concern [Zevnik, 2017], the overall chaos and fragmentation, which is reflected in the increased user activity and the prevalence of the topic “Reflections (introspection) and conversations”.

Similar conclusions were made based on the psychological measurements of anxiety and depression levels made during the first two weeks after the introduction of quarantine measures in Argentina. After two weeks the anxiety levels decreased significantly while the depression levels persisted almost unchanged [Canet-Juric et al., 2020]. It may reflect the ongoing adaptation process though accompanied by a persisting negative emotional state. Further, overcoming anxiety proceeds (from the thematic perspective) by solving, in the first place, more understandable problems of establishing personal life, organizing work, and learning in a distance format, which corresponds to the traditional way of overcoming anxiety — establishing a daily routine [Hiremath et al., 2020]. The next major change in the topic structure is the expansion of the topic space to cover country- and world-level context, which may indicate a gradual decrease in anxiety at the personal level and the search for support in awareness (“I am not alone”) and understanding of the broader context of the problem, which constitutes the next stage in overcoming stress [Kar, Kar, Kar, 2021].

The measurements of user activity in the first weeks after the announcement of the virus control measures (in the first Address to the Nation on March 25, 2020) performed in our study show that the user activity dynamics coincides with the dynamics of stress levels published in psychological research by Rusch et al.²⁶. So, in the second week after the introduction of the most significant restrictive measures, there is a sharp increase in the number of the corresponding posts and the overall activity followed by a gradual decline during weeks 4—6. It may indicate the decrease in the interest rate and relevance of these problems for users. Thus, the proposed approach can be used as a complementary tool and, possibly, an alternative to traditional psychological and sociological methods.

References

Abd-Alrazaq A., Alhuwail D., Househ M., Hamdi M., Shah Z. (2020) Top Concerns of Tweeters during the COVID-19 Pandemic: Infoveillance study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 4. P. e19016. <https://doi.org/10.2196/19016>.

Al-Dmour H., Masadeh R., Salman A., Abuhashesh M., Al-Dmour R. (2020) Influence of Social Media Platforms on Public Health Protection against the COVID-19 Pandemic via the Mediating Effects of Public Health Awareness and Behavioral Changes: Integrated Model. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 8. P. e19996. <https://dx.doi.org/10.2196%2F19996>.

²⁶ Rusch T., Han Y., Liang D., Hopkins A., Lawrence C., Maoz U., Paul L. K., Stanley, D. A. (2021) COVID-Dynamic: A Large-Scale Multifaceted Longitudinal Study of Socioemotional and Behavioral Change across the Pandemic. *PsyArXiv Preprints*. URL: <https://psyarxiv.com/75eyx/> (accessed: 21.12.2021).

Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. (2003) Latent Dirichlet Allocation. *Journal of Machine Learning Research*. No. 3. P. 993—1022.

Boon-Itt S., Skunkan Y. (2020) Public Perception of the COVID-19 Pandemic on Twitter: Sentiment Analysis and Topic Modelling Study. *JMIR Public Health and Surveillance*. Vol. 6. No. 4. P. e21978. <https://doi.org/10.2196/21978>.

Canet-Juric L., Andrés M. L., Del Valle M., López-Morales H., Poó F., Galli J. I., Yerro M., Urquijo S. (2020) A Longitudinal Study on the Emotional Impact Cause by the COVID-19 Pandemic Quarantine on General Population. *Frontiers in Psychology*. No. 11. P. 2431. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.565688>.

Chakraborty K., Bhatia S., Bhattacharyya S., Platos J., Bag R., Hassanien A. E. (2020) Sentiment Analysis of COVID-19 Tweets by Deep Learning Classifiers — A Study to Show how Popularity is Affecting Accuracy in Social Media. *Applied Soft Computing*. Vol. 97. <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2020.106754>.

Cho S., Park C.-U., Song, M. (2020) The Evolution of Social Health Research Topics: A Data-Driven Analysis. *Social Science & Medicine*. Vol. 265. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113299>.

Chu I. Y., Alam P., Larson H. J., Lin L. (2020) Social Consequences of Mass Quarantine during Epidemics: A Systematic Review with Implications for the COVID-19 Response. *Journal of Travel Medicine*. Vol. 27. No. 7. <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa192>.

Cinelli M., Quattrocioni W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoti E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. <http://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Clemente-Suárez V. J., Dalamitros A. A., Beltran-Velasco A. I., Mielgo-Ayuso J., Tornero-Aguilera J. F. (2020) Social and Psychophysiological Consequences of the COVID-19 Pandemic: An Extensive Literature Review. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.580225>.

Daly M., Robinson E. (2021) Psychological Distress and Adaptation to the COVID-19 Crisis in the United States. *Journal of Psychiatric Research*. Vol. 136. P. 603—609. <https://doi.org/10.1016/j.jpsychires.2020.10.035>.

Das S., Dutta A. (2020) Characterizing Public Emotions and Sentiments in COVID-19 Environment: A Case Study of India. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. Vol. 31. No. 1—4. P. 154—167. <https://doi.org/10.1080/10911359.2020.1781015>.

Fang, J., Partovi, F. (2021) Criteria Determination of Analytic Hierarchy Process Using a Topic Model. *Expert Systems with Applications*. Vol. 169. <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2020.114306>.

Folkman S., Moskowitz J. T. (2004) Coping: Pitfalls and Promise. *Annual Review of Psychology*. Vol. 55. P. 745—774. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.141456>.

Gozzi N., Tizzani M., Starnini M., Ciulla F., Paolotti D., Panisson A., Perra N. (2020) Collective Response to Media Coverage of the COVID-19 Pandemic on Reddit and Wikipedia: Mixed-Methods Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 10. P. e21597. <http://doi.org/10.2196/21597>.

Hagen L. (2018) Content Analysis of E-Petitions with Topic Modeling: How to Train and Evaluate LDA Models? *Information Processing and Management*. Vol. 54. No. P. 1292—1307. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ipm.2018.05.006>.

Hasan M., Rahman A., Karim M. R., Khan M. S. I., Islam M. J. (2021) Normalized Approach to Find Optimal Number of Topics in Latent Dirichlet Allocation (LDA). In: Kaiser M. S., Bandyopadhyay A., Mahmud M., Ray K. (eds) *Proceedings of International Conference on Trends in Computational and Cognitive Engineering. Advances in Intelligent Systems and Computing*, Vol. 1309. Singapore: Springer. P. 341—354. https://doi.org/10.1007/978-981-33-4673-4_27.

Hiremath P., Suhas Kowshik C. S., Manjunath M., Shettar M. (2020) COVID 19: Impact of Lock-Down on Mental Health and Tips to Overcome. *Asian Journal of Psychiatry*. Vol. 51. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102088>.

Hou K., Hou T., Cai L. (2021) Public Attention about COVID-19 on Social Media: An Investigation Based on Data Mining and Text Analysis. *Personality and Individual Differences*. Vol. 175. <http://dx.doi.org/10.1016/j.paid.2021.110701>.

Jelodar H., Wang Y., Orji R., Huang S. (2020) Deep Sentiment Classification and Topic Discovery on Novel Coronavirus or COVID-19 Online Discussions: NLP Using LSTM Recurrent Neural Network Approach. *IEEE Journal of Biomedical and Health Informatics*. Vol. 24. No. 10. P. 2733—2742. <https://doi.org/10.1109/JBHI.2020.3001216>.

Jordan S. E., Hovet S. E., Fung I. C., Liang H., Fu K., Tse Z. T. H. (2019) Using Twitter for Public Health Surveillance from Monitoring and Prediction to Public Response. *Data*. Vol. 4. No. 1. <https://doi.org/10.3390/data4010006>.

Kastrati Z., Kurti A., Imran A. S. (2020) WET: Word Embedding-Topic Distribution Vectors for MOOC Video Lectures Dataset. *Data in Brief*. Vol. 28. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.105090>.

Kar N., Kar B., Kar S. (2021) Stress and Coping during COVID-19 Pandemic: Result of an Online Survey. *Psychiatry Research*. Vol. 295. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113598>.

Kurten S., Beullens K. (2021) #Coronavirus: Monitoring the Belgian Twitter Discourse on the Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 Pandemic. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 24. No. 2. P. 117—122. <https://doi.org/10.1089/cyber.2020.0341>.

Marutho D., Hendra Handaka S., Wijaya E., Muljono (2018) The Determination of Cluster Number at k-Mean Using Elbow Method and Purity Evaluation on Headline News. In: *Proceedings of the 2018 International Seminar on Application for Technology of*

Information and Communication (Isemantic). Semarang: Universitas Dian Nuswantoro. P. 533—538. <https://doi.org/10.1109/ISEMANTIC.2018.8549751>.

Medford R. J., Saleh S. N., Sumarsono A., Perl T. M., Lehmann C. U. (2020) An “Infodemic”: Leveraging High-Volume Twitter Data to Understand Early Public Sentiment for the Coronavirus Disease 2019 Outbreak. *Open Forum Infection Diseases*. Vol. 7. No. 7. <https://doi.org/10.1093/ofid/ofaa258>.

Mimno D., Wallach H., Talley E., Leenders M., McCallum A. (2011) Optimizing Semantic Coherence in Topic Models. In: Barzilay R., Johnson M. (eds) *Proceedings of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*. Edinburgh: Association for Computational Linguistics. P. 262—272.

Porter K. (2018) Analyzing the DarkNet Markets Subreddit for Evolutions of Tools and Trends Using LDA Topic Modelling. *Digital Investigation*. Vol. 26. P. S87—S97. <https://doi.org/10.1016/j.diin.2018.04.023>.

Riesener M., Dölle C., Schuh G., Tönnies C. (2019) Framework for Defining Information Quality Based on Data Attributes within the Digital Shadow using LDA. *Procedia CIRP*. Vol. 83. P. 304—310. <http://dx.doi.org/10.1016/j.procir.2019.03.131>.

Röder M., Both A., Hinneburg A. (2015) Exploring the Space of Topic Coherence Measures. In: *WSDM '15: Proceedings of the Eighth ACM International Conference on Web Search and Data Mining*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 399—408. <https://doi.org/10.1145/2684822.2685324>.

Ruggieri S., Ingoglia S., Bonfanti R. C., Lo Coco G. (2021) The Role of Online Social Comparison as a Protective Factor for Psychological Wellbeing: A Longitudinal Study during the COVID-19 Quarantine. *Personality and Individual Differences*. Vol. 171. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110486>.

Sievert C., Shirley K. (2014) LDAvis: A Method for Visualizing and Interpreting Topics. In: Chuang J., Green S., Hearts M., Heer J., Koehn P. (eds) *Proceedings of the Workshop on Interactive Language Learning, Visualization, and Interfaces*. Baltimore, MD: Association for Computational Linguistics. P. 63—70. <http://dx.doi.org/10.3115/v1/W14-3110>.

Tagliabue F., Galassi L., Mariani P. (2020) The “Pandemic” of Disinformation in COVID-19. *SN Comprehensive Clinical Medicine*. No. 2. P. 1287—1289. <https://doi.org/10.1007/s42399-020-00439-1>.

Tsao S.-F., Chen H., Tisseverasinghe T., Yang Y., Li L., Butt Z. A. (2021) What Social Media Told Us in the Time of COVID-19: A Scoping Review. *The Lancet Digital Health*. Vol. 3. No. 3. P. E175-E194. [http://dx.doi.org/10.1016/S2589-7500\(20\)30315-0](http://dx.doi.org/10.1016/S2589-7500(20)30315-0).

Wallach H., Mimno D., McCallum A. (2009) Rethinking LDA. Why Priors Matter. In: Bengio Y., Schuurmans D., Lafferty J. D., Williams C. K. I., Culotta A. (eds) *NIPS'09 Proceedings of the 22nd International Conference on Neural Information Processing Systems*. Red Hook, NY: Curran Association Inc. P. 1973—1981.

Wang P., Tian D. (2021) Bibliometric Analysis of Global Scientific Research on COVID-19. *Journal of Biosafety and Biosecurity*. Vol. 3. No. 1. P. 4—9. <https://doi.org/10.1016/j.jobb.2020.12.002>.

Wicke P., Bolognesi M. M. (2020) Framing COVID-19: How We Conceptualize and Discuss the Pandemic on Twitter. *PLoS ONE*. Vol. 15. No. 9. P. e0240010. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0240010>.

Xiong J., Lipsitz O., Nasri F., Lui L., Gill H., Phan L., Chen-Li D., Iacobucci M., Ho R., Majeed A., McIntyre R. S. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A systematic Review. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 277. P. 55—64. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2020.08.001>.

Xue J., Chen J., Chen C., Hu R., Zhu T. (2020) The Hidden Pandemic of Family Violence during COVID-19: Unsupervised Learning of Tweets. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 11. P. e24361. <http://dx.doi.org/10.2196/24361>.

Zevnik A. (2017) From Fear to Anxiety: An Exploration into a New Socio-Political Temporality. *Law Critique*. Vol. 28. P. 235—246. <https://doi.org/10.1007/s10978-017-9211-x>.

Zhou R., Awasthi A., Cardinal J. (2020) The Main Trends for Multi-Tier Supply Chain in Industry 4.0 Based on Natural Language Processing. *Computers in Industry*. Vol. 125. <http://dx.doi.org/10.1016/j.compind.2020.103369>.

Appendix A. Descriptions of the manually consolidated topics and the main keywords that helped to distinguish between these topics

Topic	Assignment logic	Keywords
Domestic politics	Everything related to the President, the Government and the Addresses to the Nation	Putin, president, Vladimir, Mishustin
Healthcare professionals (incl. payments)	Discussions on the work of healthcare professionals during the COVID-19 and assistance to them (financial aid in the first place)	Physician, hospital, doctor, aid, receive, payment
Foreign affairs	Everything related to foreign countries. This theme gathers all the interactions with the outside world (outside Russia), both political and economic, as well as the news about the situation in foreign countries. These are mostly discussions of foreign news stories that do not concern Russian citizens; therefore, they are combined into one theme	Names of foreign countries
Information sources	Discussions of the information sources: news channels, LJ and Twitter accounts, news retelling	Internet, online, read, channel, news, information, journalist, newspaper, account (several of these keywords should co-occur in a given post)
COVID (investigation, tests, treatment)	Biomedical research and tests of COVID-19 vaccines, symptoms and their comparison to flu and pneumonia	Vaccine, antibody, test(ing), sars, virus, science, laboratory, analysis
Hospitalization	Hospitalization and treatment of COVID-19 in Russian health facilities	Physician, hospital, patient, treatment, medicine, artificial lung ventilation
Folk_medicine, mysticism, conspiracy	Fighting the virus with folk remedies and association of COVID-19 origin with mysticism and conspiracy theories. This group gathers esoterically oriented people prone to believe in the above things who both read and produce the corresponding content	Garlic, ginger, “Besogon” (a program about conspiracy theories), gates, bill, Hodos (Ukrainian personality)
Virus_control_measures (personal level)	Individual prevention and control measures. This theme is separated from the general (public level) measures and paid special attention, because, according to the results of psychological studies on this subject, the use of individual protective means is associated with the decrease in anxiety levels	Mask, glove, protective, means, sanitizer
Virus_control_measures (public level)	General virus control measures introduced at the state level. In the first place, they include the introduction of the self-isolation regime in certain regions (Moscow and Moscow oblast), its variations and compliance with it in other regions, the rules for leaving home, the cancellation of festive events, and gradual restriction lifting	Quarantine, permit, pass, go out, home, self-isolation, confinement, restrict

Topic	Assignment logic	Keywords
Solutions_to_household_problems	A small theme that gathers posts on the first response to the introduction of prevention measures and describes the related household problems and solutions to them	Shop, go out, home, deliver, food, goods, buckwheat, toilet paper (the last two words occurred in a significant number of humorous posts on buckwheat and toilet paper shortage in supermarkets)
Holidays	Festive days (the Victory Day, Easter, Qurban Bayram)	Bayram, day, victory, easter
Work	Due to the introduction of non-working days, remote working and other work management measures, we decided to give prominence to the work topic (at the personal level)	Work, money, employee, work, receive payments, get paid, salary, business
Entertainment_and_leisure	Everything related to the leisure options during the lockdown (online activity, sports news, and a subtopic about church attendance)	Free, online game, channel, book, video, access (here, each leisure type has its specific keywords, therefore, the assignment is made based on the co-occurrence of several terms)
Reflections_conversations	Non-specific subtopics containing random reflections and discussions. They can be considered as an alternative to real communication that was limited during the lockdown	Know, talk, understand, criticize, want, panic, fear, sense (here, keywords are difficult to define in terms of topic focus, however, the most representative ones are related to states (emotional state in particular) and actions)
Regional_problems	Several topics clearly associated with Russian regions (political subdivisions)	Nizhniy Novgorod, Tatarstan, Ingushetiya, Bashkortostan, Rostov (topological names)
Statistics (infection, death)	New cases, infection spread and death dynamics	Spread, infection, new, case, number, infected, names of months
Economic_issues	Topics concerned with both domestic and international economies. What these topics have in common is the “macro-level” (global) type of discussion that concerns country and world economic problems and does not touch on one’s personal situation. This theme also includes the topic about small and medium business support in Russia.	Economics, crisis, market, business, oil, price, finance,

Appendix B. Twitter: the per-topic percentage of users and posts in week 1 (1) and week 2 (2), week 3 (3) where accratio stands for the percentage of users in a topic in a given week and textratio is the percentage of texts in a topic in a given week

Fig. 1. Week 1

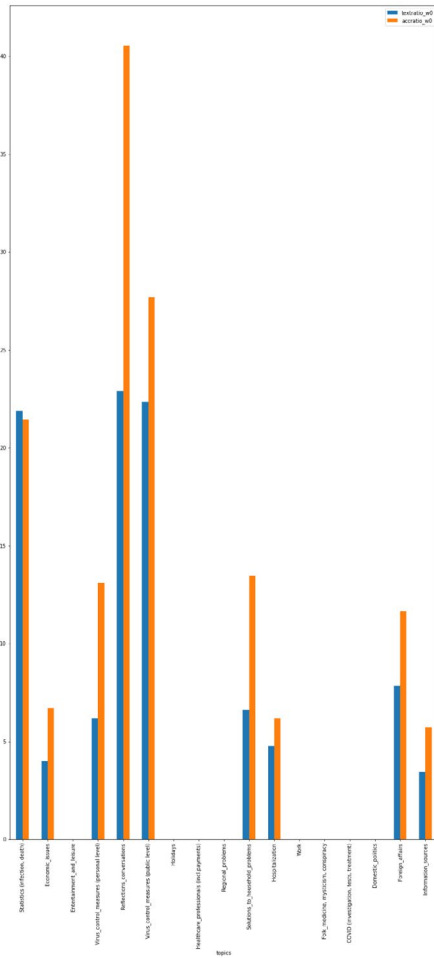

Fig. 2. Week 2

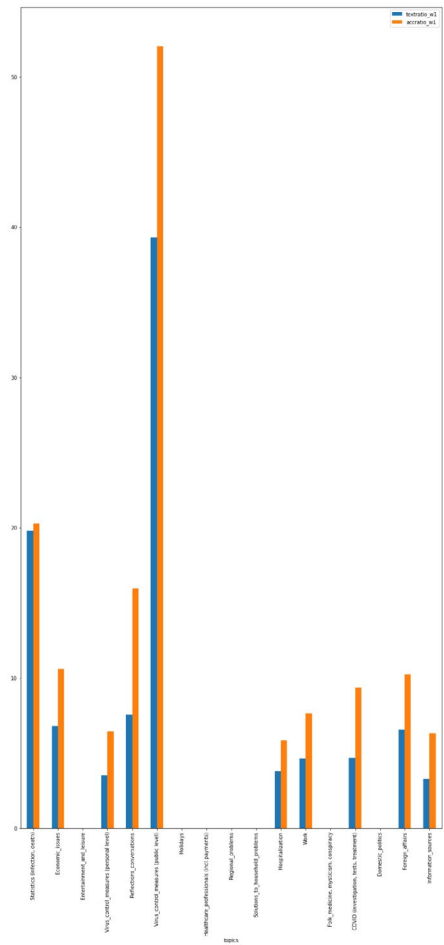

Fig. 3. Week 3

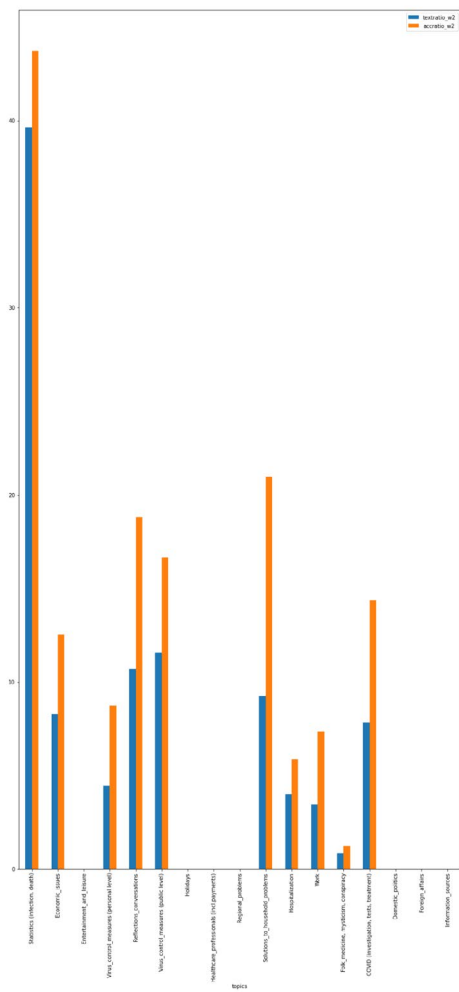

Fig. 4. Week 4

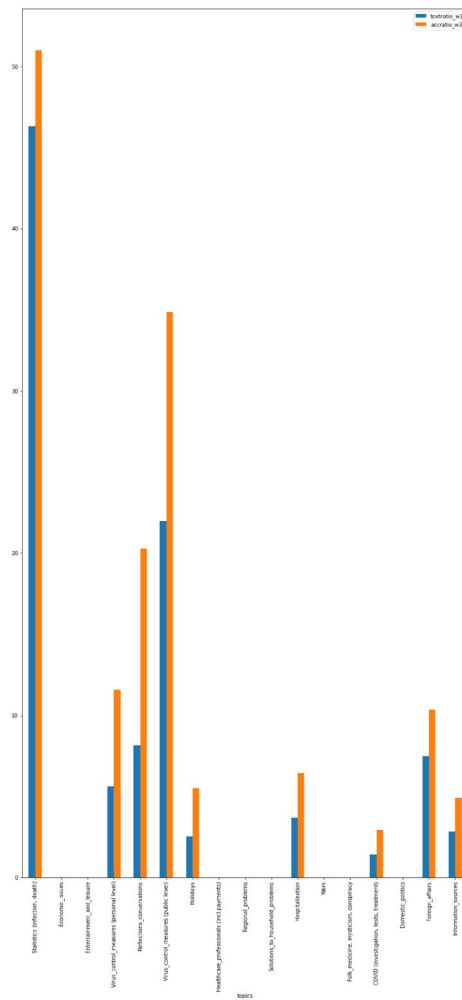

Fig. 5. Week 5

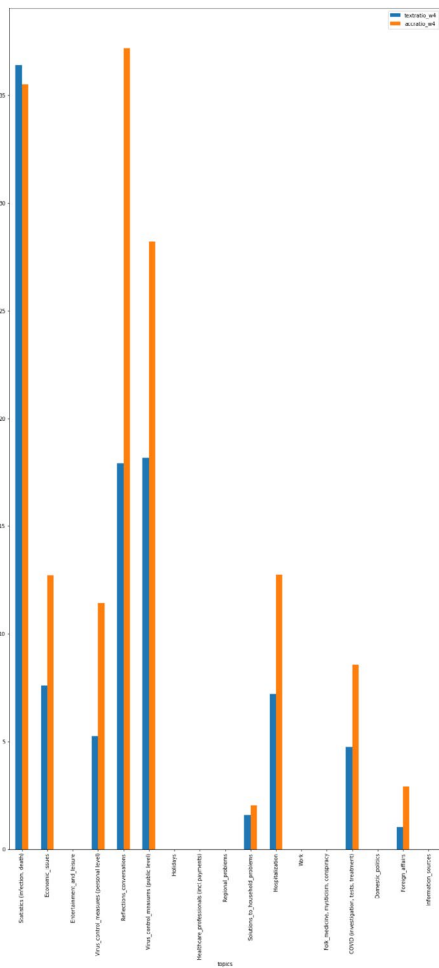

Fig. 6. Week 6

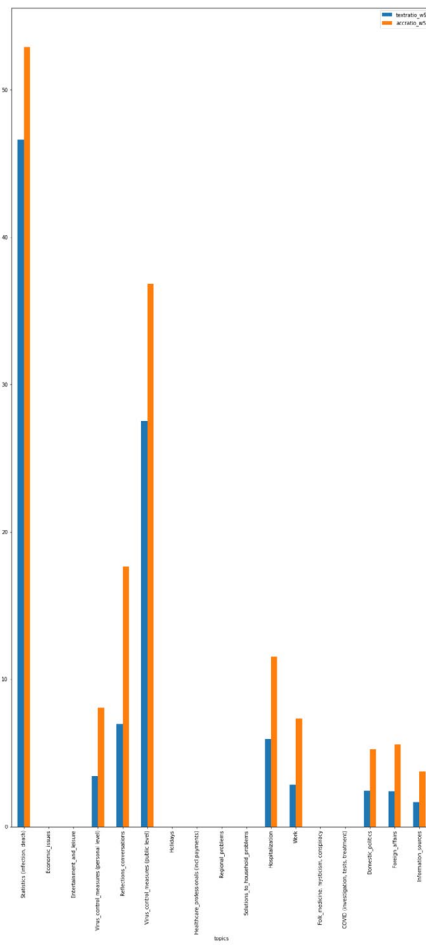

Fig. 9. Week 9

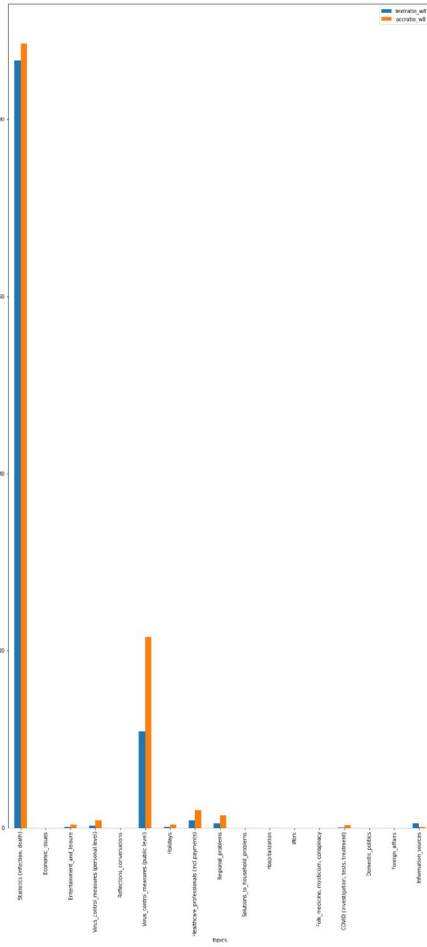
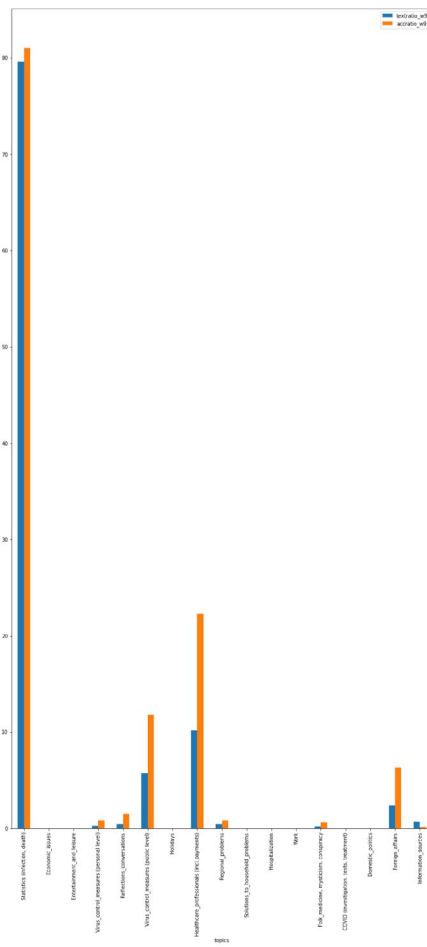

Fig. 10. Week 10

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2041](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2041)

А. А. Азаров, Е. В. Бродовская, А. Б. Шатилов

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ПРЕДИКТОР АКТИВНОСТИ ОФЛАЙН: РЕЗУЛЬТАТЫ МАССОВОГО ОПРОСА И МУЛЬТИАГЕНТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Азаров А. А., Бродовская Е. В., Шатилов А. Б. Гражданский активизм российской молодежи в цифровой среде как предиктор активности офлайн: результаты массового опроса и мультиагентного моделирования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 296—318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2041>.

For citation:

Azarov A. A., Brodovskaya E. V., Shatilov A. B. (2021) Civic Activism of Russian Youth in the Digital Environment as a Predictor of Offline Activity: Results of a Population Survey and Multi-Agent Modeling. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 296–318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2041>. (In Russ.)

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ КАК ПРЕДИКТОР АКТИВНОСТИ ОФЛАЙН: РЕЗУЛЬТАТЫ МАССОВОГО ОПРОСА И МУЛЬТИАГЕНТНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

АЗАРОВ Артур Александрович — кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: artur-azarov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3240-597X>

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, профессор Департамента политологии, директор Центра политических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

ШАТИЛОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, профессор Департамента политологии, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: ashatilov@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния социально-медийных коммуникаций на гражданский и политический активизм молодежи, составляющей ядро российской интернет-аудитории. Исследование направлено на определение сценариев развития гражданской и политической мобилизации в России. Авторы определяют

CIVIC ACTIVISM OF RUSSIAN YOUTH IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AS A PREDICTOR OF OFFLINE ACTIVITY: RESULTS OF A POPULATION SURVEY AND MULTI-AGENT MODELING

Artur A. AZAROV¹ — Cand. Sci. (Tech.), Leading Researcher at the Center for Political Studies
E-MAIL: artur-azarov@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3240-597X>

Elena V. BRODOVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Politology Department, Director of the Center for Political Studies
E-MAIL: brodovskaya@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5549-8107>

Alexander B. SHATILOV¹ — Cand. Sci. (Polit.), Professor at the Politology Department, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications
E-MAIL: ashatilov@fa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The paper regards the influence of social and media communications on the civic and political activism of young people who make up the core of the Russian Internet audience. The study is aimed at identifying scenarios for the development of civic and political mobilization in Russia. The authors define the basic types of civic activism of Russian

базовые типы гражданского активизма российской молодежи офлайн и онлайн («акторы», «вовлеченные», «кликтивисты», «выключенные»), а также строят математическую модель, учитывающую соотношение между ними, их ценностные портреты и доминирующие интернет-стратегии. Работа основана на данных массового опроса населения и методах мультиагентного моделирования.

В результате применения мультиагентного моделирования разработана типология агентов, состоящая из пяти групп, описаны основные функции, которые реализует каждый агент, а также параметры, по которым эти агенты объединяются в одну группу; составлена развернутая схема взаимодействия агентов и описаны алгоритмы их взаимодействия в зависимости от внешних факторов; представлены способы перехода агентов из группы в группу.

Установлено, что масштаб, направленность и конвенциональность деятельности коллективных акторов в условиях их мобилизации посредством цифровых коммуникаций зависят от способности агентов (лидеров общественного мнения, контекстнообусловленных лидеров общественного мнения, вовлеченных и др.) меняться ролями и средами, обеспечивая тем самым силу «слабых связей».

Ключевые слова: цифровые коммуникации, социальные медиа, социальные сети, гражданский активизм, цифровой активизм, политическая мобилизация, молодежь, мультиагентное моделирование, лидер общественного мнения, вовлеченные, кликтивисты

youth in offline and online environments (active citizens, involved citizens, clicktivists, inactive citizens) and build a mathematical model that takes into account the relationship between different types, their personal value portraits, and dominant Internet strategies. The empirical part of the study bases on data from a mass population survey and methods of multi-agent modeling.

Multi-agent modeling allowed to develop a system of agents consisting of five groups, to reveal the main functions of individual agents, and the parameters by which these agents are combined into one group. Basing on these results, the authors constructed a detailed scheme of the interaction of agents, described the algorithms of the agents' interaction depending on external factors, and presented methods of transferring agents from one group to another.

The authors established that the scale, direction, and conventionality of the activities of collective actors in the context of their mobilization through digital communications depend on the ability of agents (public opinion leaders, contextual public opinion leaders, involved, etc.) to change roles and environments, thereby strengthening interpersonal ties.

Keywords: digital communications, social media, social networks, civic activism, digital activism, protest activity, political mobilization, youth, multi-agent modeling, opinion leader, involved, clicktivists

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Acknowledgments. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Постановка проблемы

Важным аспектом проблемного поля исследований гражданского активизма в России является специфика модели взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Поколения, сформировавшиеся в постсоветский период, усвоили образец противостояния и борьбы между государством и гражданским обществом, что находит отражение в установках «цифровых граждан» [Лаврикова, 2016]. Ситуация подкрепляется тем, что в интернет-пространстве наибольшую активность, как правило, демонстрируют лидеры общественного мнения оппозиционного толка. В ходе дальнейшего развития российской политической системы государственным структурам и институтам гражданского общества предстоит сложная, долгосрочная, системная совместная работа по созданию условий для формирования партнерской модели гражданской активности у новых поколений россиян. В противном случае триггеры-события и триггеры-действия, опираясь на цифровую инфраструктуру контркультур в онлайн-среде, будут усиливать деструктивный потенциал гражданской активности.

В последние годы социологи фиксируют значительное увеличение гражданской активности представителей поколений миллениалов и Z, составляющих ядро российской интернет-аудитории: каждый третий молодой россиянин имеет опыт объединения усилий с другими для реализации гражданских инициатив; каждый четвертый хотел бы включиться в совместные действия с другими гражданами [Домбровская, 2020]. Существенное влияние на формирование установок гражданского активизма оказывают социальные медиа, на основе которых происходит развитие гражданских инфраструктур (платформ, лидеров мнений, партнерских сетей, комьюнити, интернет-культур и т. д.), выполняющих функции рекрутинга граждан, атрикулирования и агрегирования интересов, мобилизации ресурсов. Каждый десятый носитель культуры гражданского активизма в России демонстрирует высокий протестный потенциал [Бродовская, Пырма, Домбровская, 2020; Домбровская, Бродовская, 2020; Бродовская, Домбровская, Карзубов, 2020]. При этом наблюдается типичная для постмодернистских обществ ситуация, при которой оппозиционность и готовность к несанкционированным действиям не являются следствием неудовлетворенности исключительно материальным статусом.

Теоретические основы работы

Основные проблемные линии исследования гражданского активизма в зарубежной и отечественной литературе связаны со следующими вопросами:

- природа социальной и политической мобилизации;

- граница между гражданским и политическим активизмом;
- трансформация гражданской и политической активности в цифровую эпоху;
- модальность гражданского активизма и выбор модели взаимодействия с органами власти;
- конверсия гражданской активности в политическое участие;
- сопряжение реальных и цифровых практик гражданского активизма и др.

Природа социальной и политической мобилизации объясняется в теориях общественных движений прежде всего способностью к самоорганизации [Scott, Marshall, 2009; Deric, 2011].

Сопряжение гражданского активизма с социальным действием [Hoffer, 2011] в качестве индикаторов данного вида поведения позволяет выделить организованные действия коллективных акторов, нацеленных на улучшение социальных условий. Исходя из этого, в качестве одного из признаков определения сопряченности респондентов к гражданскому активизму мы рассматриваем такую характеристику, как наличие опыта объединения усилий с другими гражданами для решения общих социально значимых задач.

Вопрос о границе между гражданским и политическим активизмом образует еще одну линию проблемного поля темы исследования. Необходимо отметить, что современные исследователи не противопоставляют гражданский и политический активизм [Brian, 2007]. Тенденция к размыванию границ между социальным, гражданским и политическим видами участия обозначена и в исследованиях российских авторов [Никовская, Скалабан, 2017].

Трансформация гражданской и политической активности в цифровую эпоху находится в центре внимания ряда ученых. Выделение интернет-активизма в качестве новой модели гражданского активизма встречается в работах Р. К. Гарета [Garrett, 2006], Е. Андуизы, М. Кантиджоча и А. Галлего [Anduiza, Cantijoch, Gallego, 2009]. Исследователи обозначают дуализм влияния социальных медиа на активность граждан. С одной стороны, социальные сети способствуют повышению активности, а с другой — приводят к появлению распространенных онлайн-форм политически неэффективного активизма. При этом исследователи утверждают, что различие между слактивизмом и активизмом становится все более размытым [Cabrera, Matias, Montoya, 2017].

Проблема модальности гражданского активизма и выбора модели взаимодействия с органами власти находит отражение как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. В частности, Дж. С. Милошевич-Дордевик и И. Р. Зезельдж [Milosevic-Dordevic, Zezelj, 2017] разделяют гражданский активизм с точки зрения его модальности на две большие группы: активизм мягкого типа, подразумевающий проявление гражданских действий через высказывание собственного мнения и способности убеждать, и активизм жесткого типа, требующий больших усилий для разрешения социальных проблем методами сбора петиций, проведения собраний и митингов. Российские исследователи выделяют две традиции гражданского участия. Первая направлена на организацию внешнего давления и определена как совокупность механизмов включения граждан в процесс выработки, принятия и оценки политических решений, согласование интересов государства и общества [Какабадзе и др., 2011]. Вторая ориентирована на вну-

треннюю самоорганизацию и понимается как способы вовлечения в деятельность гражданского общества, добровольное выдвижение и воплощение гражданских инициатив по улучшению качества жизни [Петухов, 2012].

Нерешенными остаются вопросы конверсии гражданского активизма в политическое участие и сопряжение реальных практик гражданского активизма с цифровыми. По мнению Д. Эрл, Т. Махер и Т. Эллиот [Earl, Maher, Elliott, 2017], в цифровую эпоху молодые люди политически активны и интенсивно участвуют в своей собственной политической социализации, что очевидно при рассмотрении участия молодежи в протесте.

Задачей представленного исследования на уровне методологии и методики является синтез подходов и методов традиционной политической социологии и технологий построения цифровых двойников процесса гражданской и политической активности в современной России для сценарного прогнозирования масштаба, направленности и конвенциональности деятельности коллективных акторов в условиях их мобилизации посредством цифровых коммуникаций.

Методология исследования

Сетевой подход

Основой сетевого анализа являются не данные участников, такие как пол, возраст, политические или религиозные предпочтения, а взаимодействие акторов, рассматриваемое в качестве средства объяснения поведения индивидов и показателей реализации их политических действий. Сетевой анализ включает две важные составляющие: перечень объектов, называемых узлами, позициями или акторами, и перечень взаимоотношений, возникающих среди этих объектов (связи, звенья и т. д.) [Кноке, 1990]. Базируясь на социологическом инструментарии, сетевая методология трансформирует метафорическое понимание положения акторов в среде социальных отношений в более точный инструмент политической науки [Emirbayer, Goodwin, 1994].

Новый институционализм в социологической версии

Методология нового институционализма в его социологической версии направлена не столько на анализ функциональности институтов в цифровой среде, сколько на исследование вовлеченности пользователей в социально-медийные потоки, создаваемые политическими и социальными акторами [Scott, 2008; Douglas, 1986]. Новый институционализм в социологической версии обращает внимание исследователей на взаимосвязь между государством и обществом, делает акцент на моделях взаимоотношений внутри частного и государственного секторов и между ними [Marsh, 1998; Rhodes, 1995].

Междисциплинарность представленного исследования воплощается в применении совокупности теорий, концепций и методологических подходов социальной информатики и социального компьютеринга к анализу гражданской активности молодежи, в число которых входят:

— концепции и методики, связанные с применением Big Data в политических исследованиях, в частности, концепция «гибридной медиа-системы» Э. Чедвика [Chadwick, 2013], согласно которой цифровые следы, оставленные в результате

любой онлайн-активности, могут создать многомерный снимок микро- и макро-уровневых детерминант социального поведения;

— теория, методология и методика социальных рекомендательных систем, позволяющая учитывать в принципах сбора социальных данных в интернете характер, плотность и архитектуру связей между онлайн-пользователями новых медиа [Tuzhilin, Adomavicius, 2005].

Методика исследования

Эмпирической основой работы являются данные Всероссийского опроса молодежи в формате онлайн-анкетирования. Выборочную совокупность исследования составили 1600 респондентов в возрасте от 15 до 29 лет, выборка репрезентативна по полу, возрасту (в интервалах 15—19, 20—24 и 25—29 лет) и федеральным округам РФ. Расчет квот по представленности обозначенных групп осуществлялся на основе данных Росстата от 02.07.2020 г. Процедура онлайн-анкетирования реализовывалась через пять наиболее популярных в России социальных сетей: «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, Instagram, Twitter.

База данных была обработана в статистическом пакете SPSS Statistics 26.0 с применением осевого, кросс-табуляционного, корреляционного, кластерного видов анализа и многомерного шкалирования. Первые три типа обработки данных применялись для определения базовых параметров типологизации и шкалирования данных исследования. Кластерный анализ респондентов, сегментированных по специфике проявления гражданского активизма в онлайн- и офлайн-средах, осуществлен с помощью методики К-средних (K-means cluster analysis for SPSS Statistics 26.0), предполагающей установление центров кластеров, то есть средних значений переменных — параметров типологии. Такими параметрами служили интенсивность проявления различных гражданских установок молодых россиян, их активностей в онлайн- и офлайн-среде, гражданских ценностей, оппозиционного потенциала.

Многомерное шкалирование было использовано для графического отображения взаимосвязей между особенностями кластеров российской молодежи, сгруппированных по специфике проявления гражданского активизма, и особенностей жизненных ценностей, реализуемых представителями разных кластеров.

Мультиагентное моделирование в социально-медийной среде позволило дополнить и объективизировать данные анкетирования по определению молодежи — агентов гражданского активизма в онлайн-пространстве. В основе формирования математической модели лежат данные, полученные в ходе онлайн-анкетирования. Авторы проводят типизацию пользователей по нескольким критериям, а затем сопоставляют данные о потенциале гражданского и политического активизма молодежи, принявшей участие в онлайн-опросе, контент их социальных аккаунтов и специфику их онлайн-активности. Это позволило создать мультиагентную модель, отражающую структуру воздействия наиболее влиятельных акторов социально-медийной среды на мобилизацию гражданской и политической активности молодых российских интернет-пользователей.

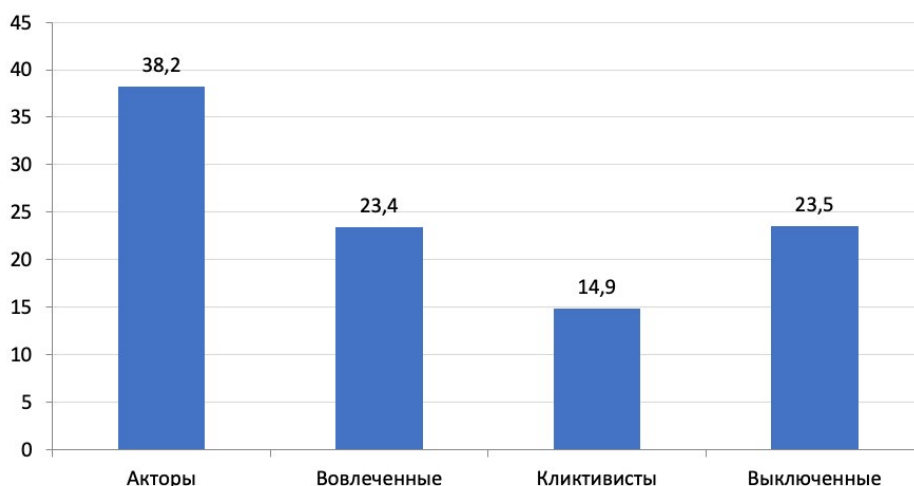

Результаты исследования

Сегментирование российской молодежи по сформированности установок гражданского активизма

Сегментирование российской молодежи позволило выявить наиболее востребованные форматы гражданского участия, а также доминирующие в сознании молодежи гражданские ценности и установки. На рис. 1 показано распределение российской молодежи по кластерам, выделенным по особенностям проявления ими гражданского активизма. По результатам кластеризации выделены четыре базовых типа гражданского активизма российской молодежи: «акторы», «вовлеченные», «кликтивисты» и «выключенные». В структуре типа «акторы» можно выделить два подсегмента акторов: «лояльные» и «оппозиционные».

Рис. 1. Соотношение типов гражданского активизма российской молодежи, в %¹

«Лояльные акторы» (25,6 %). Данный кластер состоит из молодежи, имеющей опыт в координации общественных инициатив. Характеризуя его черты, отметим, что основным представители данного типа довольны положением дел в своей жизни, но выражают опасение в отношении ситуации в стране. Представителей типа «лояльные акторы» больше остальных волнует кризис морали и нравственности; это молодежь, осознающая важность проблемы социальной аномии. «Лояльные акторы» вполне конвенциональны и конструктивны, они имеют более выдержанную в сравнении с другими кластерами позицию о значимости соблюдения Конституции и законов РФ, а также чаще, чем остальные типы молодежи, считают, что нужно соблюдать все законы страны в полной мере. Респонденты, включенные в этот кластер, уверены, что для обеспечения защиты своих гражданских прав и свобод допустимо использовать только законные средства. «Лояльные акторы» проявляют гражданскую активность главным образом в сфере решения

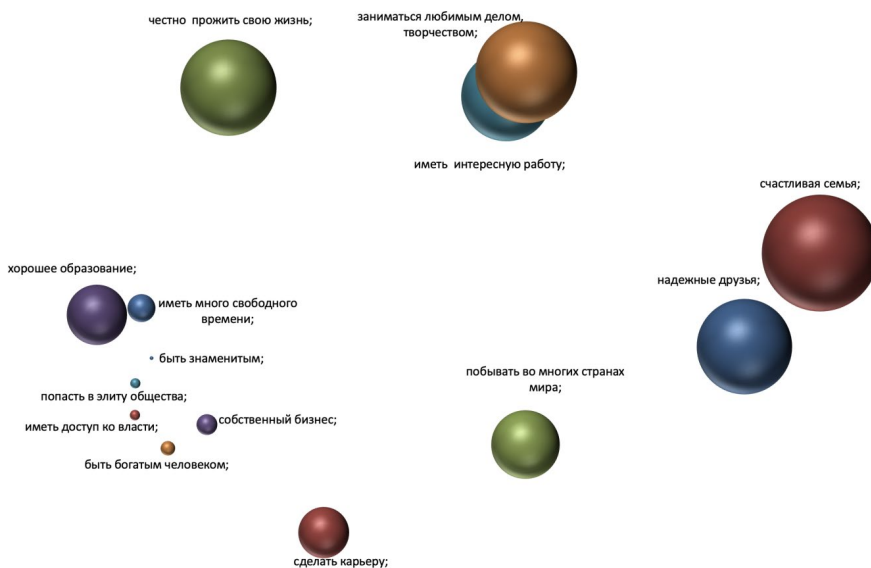
¹ Источник к рис. 1—7: данные, полученные по результатам эмпирического исследования авторов.

социально-экономических проблем. Однако никакая причина не может побудить их участвовать в несанкционированной акции.

«Лояльные акторы» высоко оценивают свою информированность о ключевых общественных организациях и движениях России. Чаще всего они не проявляют интереса к политическим партиям и проектам, а также больше ориентированы на гражданскую активность как на объединение усилий людей ради общего блага, чем на политическую — как на организацию акций по выдвиганию требований к власти.

Представители этого типа выступают за необходимость противодействия со стороны властей и правоохранительных органов несанкционированным акциям протеста, осознают ценность социального порядка, стабильности государства и устойчивости общественного развития. В этой группе доминирует альтруистическая мотивация участия в гражданской активности: быть лидером гражданских инициатив им важно с точки зрения получения возможности помочь людям, а также самореализоваться.

Рис. 2. Многомерное шкалирование ценностей: «лояльные акторы»

Среди представителей данного кластера больше всего тех, кто считает самыми незащищенными правами в РФ право на принятие участия в управлении государством (53%) и право на личное обращение к органам власти (58,8%). Более 79% представителей данного типа не состоят в цифровых сообществах электронной направленности. 40,6% «лояльных акторов» подписаны на актуальные политические ресурсы органов государственной власти. Довольно высока среди представителей данного типа доля граждан, организующих группы волонтеров/добровольцев для участия в мероприятиях политического характера (7,6%).

Электоральные предпочтения «лояльных акторов» довольно противоречивы: 19,7 % принадлежащих к этому типу являются сторонниками «Единой России», 31,2 % предпочли бы при возможности проголосовать «против всех». «Лояльные акторы» чаще всего координируют или присоединяются к организациям, работающим в сфере экологических проблем (39,7 %) и защиты животных (25,4 %).

Чаще всего кластер «лояльных акторов» представлен молодыми женщинами 25—29 лет с высшим образованием, проживающими в Уральском, Сибирском и Южном федеральных округах, со снижающимся уровнем материального достатка. Ценностный портрет данного типа отражен в таких духовных ориентирах, как «честно прожить жизнь» и «иметь интересную работу» (см. рис. 2).

«Оппозиционные акторы» (12,6 %). Отличительной чертой данного кластера является резкое рассогласование между оценкой ситуации в стране и в своей жизни. При довольно неплохом уровне материального достатка и оптимистичных взглядах на финансовое будущее, «оппозиционные акторы» чаще всего дают весьма низкие оценки состоянию дел в стране в целом. Это указывает на очевидное проявление известного феномена «бунта сытых». Выполняя макросоциальные функции гражданских лидеров, они больше других обеспокоены проблемами бедности в российском обществе.

«Оппозиционные акторы» — наиболее политизированная часть опрошенной молодежи России; они чаще остальных вовлекают единомышленников в экологические и политические проекты или акции. Представители данного типа заявляют, что часть прав можно не соблюдать (к таким правам относятся воинская служба, забота об историческом наследии, частично — уплата налогов). Данный кластер — это представители ценности технократии (их ориентиры: развитие, технологии, прогресс). «Оппозиционные акторы» — это наиболее неконвенциональная часть молодежи, готовая принять участие в несанкционированных акциях протеста как онлайн, так и офлайн.

Чаще всего мотивацией лидерства становится решение общей социальной задачи, поэтому если таково будет общее решение общественного объединения, «оппозиционные акторы» примут участие в организации несанкционированной акции.

Представители данного кластера существенно чаще, чем молодежь отнесенная к другим типам, понимают гражданскую активность как политическую, то есть проецируют ее на сферу борьбы с властью и за власть (для сравнения: 22 % «оппозиционных акторов» ассоциируют проявления гражданской активности с выдвижением политических требований, тогда как в среднем лишь 5,8 % респондентов остальных кластеров придерживаются аналогичной точки зрения).

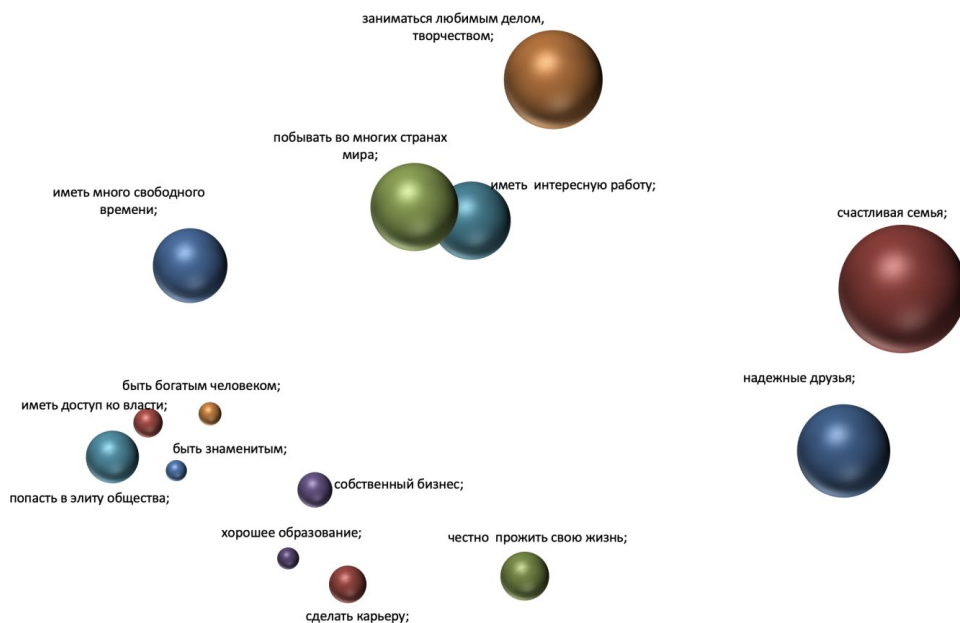
«Оппозиционные акторы» намного более активно выражают опасение в связи с незащищенностью целого ряда прав в РФ: право на свободу мысли и слова (79,6 %), право на свободу убеждений (45,6 %), право на свободу объединения (39,4 %), право проводить мирные собрания, митинги, демонстрации (68,2 %), право избирать и быть избранным (49,9 %). Характерно, что совокупно 100 % представителей данного кластера убеждены в возможности применения незаконных средств для обеспечения защиты своих гражданских прав и свобод.

Среди «оппозиционных акторов» чаще, чем среди представителей остальных кластеров, встречаются «технократы», ориентированные на политические цен-

ности прогресса, технологий, развития. «Оппозиционные акторы» чаще других типов участвуют в работе цифровых сообществ электоральной направленности (22,6% против 4,4% в среднем по остальным кластерам). 35,7% «оппозиционных акторов» подписаны на актуальные политические ресурсы органов государственной власти, а 62,4% — предпочитают регулярно знакомиться с материалами оппозиционных политических сил.

С точки зрения электоральных предпочтений в кластере «оппозиционных акторов» доминируют симпатии к политической партии «Яблоко» (23,2%), вдвое меньше его представителей отдадут предпочтение КПРФ (11,3%), в то же время 18% «оппозиционеров» готовы отдать свои избирательные голоса в пользу «Единой России». Чаще всего представители данного кластера участвуют в объединениях политической (54,8%) и экологической (48,1%) направленности.

Рис. 3. Многомерное шкалирование ценностей: «оппозиционные акторы»

Данный тип молодежи представлен в основном молодыми мужчинами в возрасте 20—24 года со средним общим образованием из Приволжского и Северо-Западного федерального округов. Их ценностные ориентиры довольно прагматичны: «попасть в элиту общества и иметь много свободного времени» (см. рис. 3).

«Вовлеченные» (23,4%). Данный тип молодежи имеет сходные черты как с первым, так и со вторым кластерами. С «лояльными акторами» эту группу роднит конструктивность и готовность к конвенциональным форматам гражданской активности, с «оппозиционными акторами» — низкая оценка ситуации в стране, озабоченность проблемами коррупции и взяточничества. «Вовлеченные» в большей степени ориентированы на гражданскую активность, чаще всего не готовы

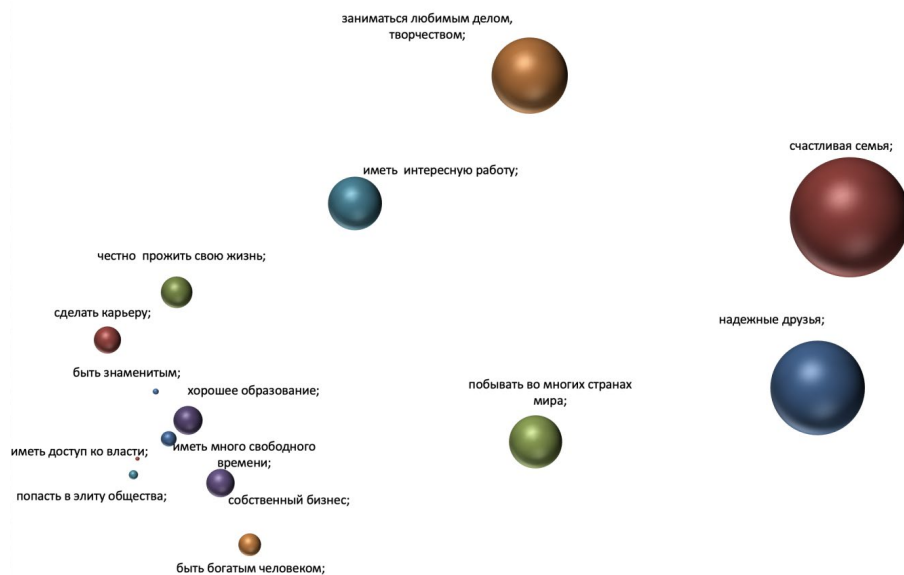
участвовать в политических проектах или акциях, нацелены на партнерскую модель взаимодействия власти и гражданского общества.

Представители данного кластера демонстрируют уверенность в важности соблюдения всех законов РФ в полной мере, они, скорее всего, не примут участия в несанкционированных акциях, но чаще других готовы участвовать в проектах по сохранению культуры и развитию системы здравоохранения.

«Вовлеченные» чаще представителей остальных кластеров заявляют о незащищенности в РФ права на свободу информации (56,2%). Молодежь, принадлежащая к данному кластеру, чаще остальных выбирает такие ценности, как равенство, справедливость, государство (29,2%). 68,8% представителей этого типа не состоят в цифровых сообществах электоральной направленности. 27,4% «вовлеченных» подписаны на актуальные политические ресурсы органов государственной власти, 43,6% — имеют подписку на ресурсы оппозиционных политических сил.

«Вовлеченные» в среднем втрое чаще представителей остальных кластеров имеют опыт модерирования онлайн сообществ политического толка (10,6%). 28,3% респондентов данного типа дистанцируются от всех политических сил и предпочли бы голосовать «против всех», лишь 10,8% из них являются сторонниками «Единой России»; остальные представители этого кластера в большинстве своем демонстрируют неопределенность в электоральных установках. «Вовлеченные» — это чаще всего участники экологических акций (41,4%) и объединений, созданных вокруг проблем сохранения и развития культуры (24,1%).

Рис. 4. Многомерное шкалирование ценностей: «вовлеченные»

Их мотивация гражданской активности — общая задача по достижению блага. В составе этой группы доминируют молодые люди и девушки моложе 20 лет

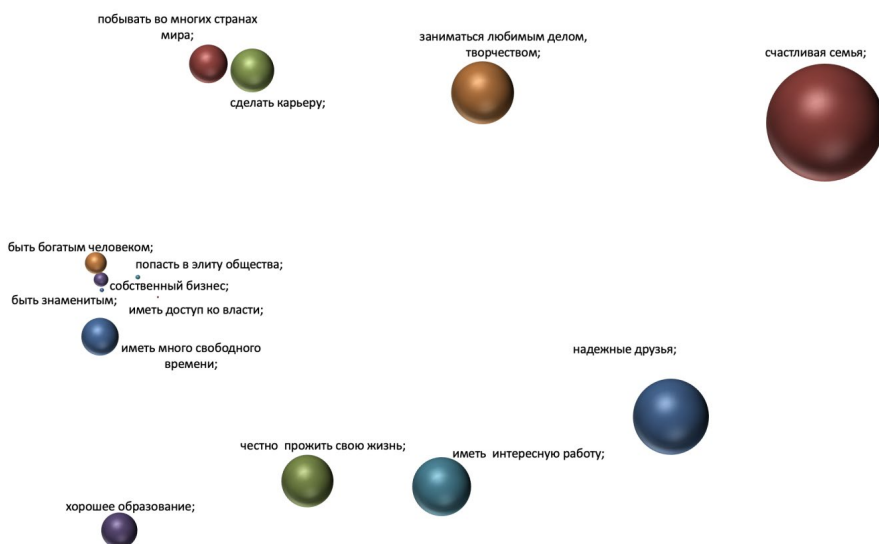
из Северокавказского, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов, получающие высшее образование, имеющие прагматические установки на собственный бизнес и достижение положения богатого человека (см. рис. 4).

«Клиktivисты» (14,9 %). Характерным свойством «кликтивистов» является их удовлетворенность ситуацией в стране и в своей жизни, они оптимистичны в оценке положения дел в России и в своей семье. У них более размыта артикуляция социальных проблем, чем у представителей остальных кластеров, прежде всего их беспокоят проблемы бедности и коррупции, а также состояние окружающей среды — как личной проблемы.

Кластер «кликтивисты» демонстрирует наиболее противоречивые позиции в связи с определением меры важности соблюдения законов в разных сферах общественной жизни. К примеру, абсолютное большинство представителей данного типа уверены в необходимости соблюдения законов в сфере защиты Отечества; в то же время законы прохождения воинской службы, с точки зрения доминирующей части «пассивных», можно не соблюдать. «Клиktivисты» фактически игнорируют социально-медийные призывы принять участие в протестных акциях, выключены из гражданской и политической повестки.

Отметим, что 76,2% «кликтивистов» считают, что для обеспечения защиты своих гражданских прав и свобод можно использовать только законные средства. Среди «кликтивистов» гораздо более, чем среди других типов, распространены социал-демократические ценности справедливости, социального государства, благосостояния (23,3%). «Клиktivисты» игнорируют возможности подписки как на новости органов власти, так и на материалы оппозиционных политических сил. Представители этой группы отличаются неопределенностью электоральных предпочтений и не участвуют в работе общественных организаций и движений.

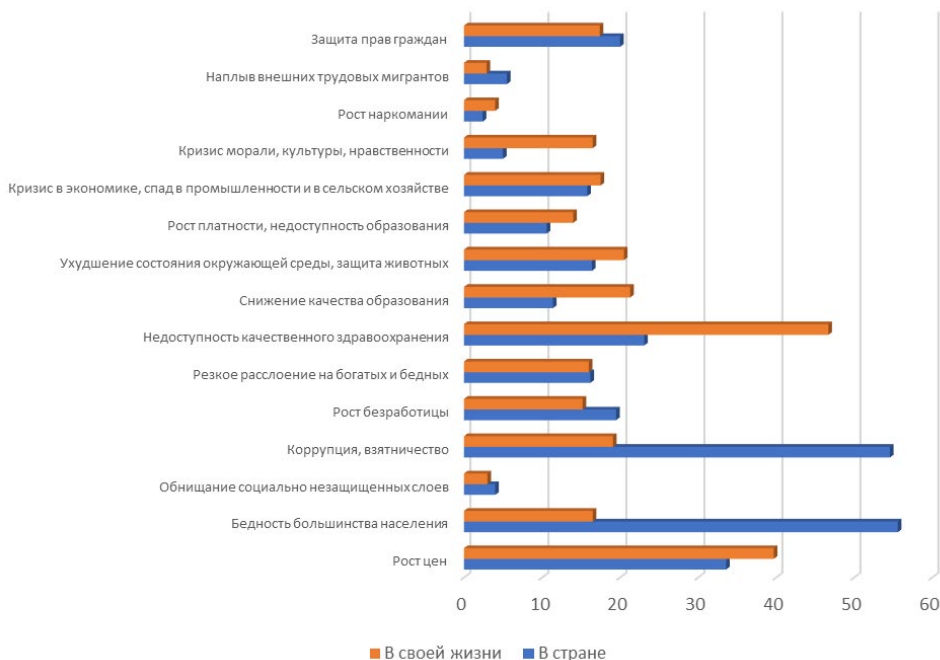
Рис. 5. Многомерное шкалирование ценностей: «кликтивисты»

Кластер представлен преимущественно женщинами в возрасте 20—29 лет, имеющими среднее общее или высшее образование и проживающими в Центральном, Северокавказском и Сибирском федеральных округах; их ценностная доминанта — семейные ориентиры (см. рис. 5).

«Выключенные» (23,5 %). Данный кластер более остальных беспокоят проблемы собственной жизни: наиболее выражено отношение к вопросам, связанным с их личными трудностями (см. рис. 6), это микросоциалы, ориентированные на заботу о себе и своем ближайшем окружении, мало нацеленные на решение общих социальных задач.

Рис. 6. Соотношение значимости для «выключенных» личных и общественных проблем, в %

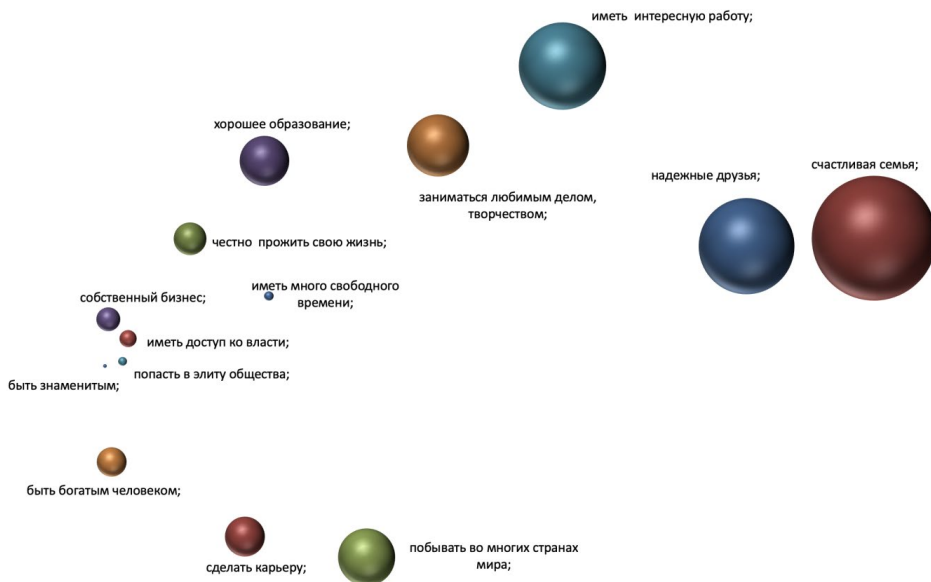
В целом «выключенные» ориентированы конструктивно, однако чаще представителей других кластеров проявляют готовность откликнуться на социально-медийные призывы принять участие в гражданских акциях. Вместе с тем их обязательное условие — эти собрания должны быть исключительно санкционированными. «Выключенные» вдвое чаще проявляют готовность участия в гражданских инициативах онлайн, чем офлайн, это так называемая «армия кликтивистов».

Среди «выключенных» наблюдается значительно большее распространение сторонников популистских ценностей: счастья, мира и процветания (для сравнения: среди «оппозиционных акторов» приверженцев данных ценностей 2,9%, среди «кликтивистов» — 12,8%). Представители данного типа выражают еще меньший интерес к политике, чем «кликтивисты». Для «выключенных» характерна полная

неопределенность в электоральных предпочтениях и игнорирование возможности участия в общественных объединениях.

Данный кластер составляют преимущественно девушки моложе 20 лет, проживающие в Сибирском и Центральном федеральных округах, со стабильным материальным положением; они более других ориентированы на ценность счастливой семьи и материального достатка (см. рис. 7).

Рис. 7. Многомерное шкалирование ценностей: «выключенные»

Резюмируя итоги кластеризации российской молодежи по типу гражданского активизма, отметим, что наименее численно представленные типы гражданского активизма — это «лояльные акторы» и «кликтивисты». Отличительной чертой «оппозиционных акторов» служит их большая в сравнении с другими кластерами ориентированность на оппозиционные взгляды и готовность участвовать в политической активности, связанной с выдвижением требований к власти.

Относительно невысокая распространенность «выключенных» в среде российской молодежи может объясняться теми изменениями в возможностях реализации гражданской субъектности, которые произошли в связи с развитием онлайн-форматов социальной активности. Фактически тотально вовлеченная в интернет-коммуникацию российская молодежь демонстрирует высокую степень гражданского активизма. Вместе с тем в России все же остается статистически значимая доля молодого поколения, выключенная из гражданской и политической повестки.

Фактически равновесные группы составляют кластеры «лояльных акторов», «вовлеченных» и «кликтивистов» (по четвертой доле от всей совокупности опрошенных). Для них характерны в целом конвенциональные, конструктивные уста-

новки на взаимодействие с властью в процессе решения социальных проблем, а их отличия связаны с интенсивностью вовлеченности в формы гражданского активизма. «Лояльные акторы» — это молодежь с высоконравственной позицией и ориентиром на выполнение морального долга перед обществом, способная координировать усилия единомышленников в процессе реализации социальных инициатив. «Вовлеченные» — это представители молодого поколения, имеющие значительный опыт участия в работе общественных объединений, но не ориентированные на выполнение лидерских обязанностей. «Кликтивисты» — чаще всего та часть молодежи, которая, будучи вовлеченной в гражданскую и частично в политическую повестки, предпочитает «кликтивистскую», зрительскую активность и не готова к реальному объединению усилий с другими гражданами для решения общих социальных проблем.

Анализ гражданского активизма молодежи методом агентного имитационного моделирования

Одним из методов расчета возможных эффектов от изменения политики работы в группах и сообществах в социальных сетях является сценарное моделирование. Широкое использование этого математического аппарата показывает его сравнительно высокую эффективность. Так, указанные методы используются при моделировании социально-экономических и государственных процессов, а также при оценке различных проектов в этой области [Абрамов, 2018; Писарева, 2019; Ксенофонтов, 2020; Русина, Карпычева, 2017].

В основе мультиагентного подхода лежат природные явления и системы взаимодействия биологических организмов. Изучение поведения разнообразных групп живых существ дало основания полагать о наличии у них «квазиинтеллекта», благодаря которому особи обмениваются информацией о найденной пище или приближающейся опасности. При этом сама особь может не обладать достаточно развитыми умственными способностями. В науке это называется проявлением эмерджентного интеллекта. Это значит, что не обязательно все свойства, которыми обладает система, могут быть присущи ее элементам.

При прогнозировании гражданского активизма молодежи в России методом агентного имитационного моделирования необходимо учитывать факторы масштаба, характера и направленности вовлеченности в цифровые и реальные практики исследуемых объектов. Исходя из таких характеристик, могут быть выделены названные ниже метаагенты.

Лидеры общественного мнения (далее — ЛОМы). Типы агентов, обладающих существенными ресурсами для влияния на аудиторию. Данные агенты зачастую имеют несколько аккаунтов в различных социальных сетях («ВКонтакте», Facebook, Instagram, TikTok, каналы в Telegram и др.). Кроме того, как правило, у них достаточно ресурсов для привлечения дополнительной аудитории через заказ статей, контекстную рекламу, инициацию петиций и общественных движений, результаты которых могут переходить из онлайн-среды в офлайн. Данные агенты соответствуют классу «акторы» в соответствии с разработанной выше классификацией.

Контекстно обусловленные ЛОМы. Это тип пользователей, которые смогли привлечь аудиторию — прежде всего на протестных событиях, имеющих свои корни

в офлайн-среде (пример — строительство церкви в сквере в Екатеринбурге). Такие пользователи сравнительно быстро набирают популярность, но эта популярность формируется только за счет протекающих событий. Затем они либо теряют ее, либо поддерживают большей радикализацией своего контента (пример — группы районных городских активистов, критикующих властные структуры на постоянной основе, зачастую вне рамок действующего правового поля). Данные агенты также соответствуют классу «акторы» в соответствии с разработанной выше классификацией.

Вовлеченные. Пользователи социальных сетей, имеющие активную позицию, часто комментирующие новости, участвующие в обсуждениях, подписанные на множество сообществ. Зачастую осуществляют репосты новостей групп или аккаунтов ЛОМов на своих персональных страницах, участвуют в офлайн-активностях. Данные агенты соответствуют классу «вовлеченные» в соответствии с разработанной выше классификацией.

Кликтивисты. Пользователи социальных сетей, имеющие активную позицию, часто комментирующие новости, участвующие в обсуждениях, подписанные на множество сообществ. Однако они лишь в редких случаях осуществляют репосты новостей групп и аккаунтов ЛОМов на своих персональных страницах, не участвуют в офлайн-активностях. Данные агенты соответствуют классу «кликтивисты» в представленной выше классификации.

Выключенные. Пользователи социальных сетей, которые в основном используют социальные сети для общения. Вместе с тем они могут быть подписаны на различные сообщества, имеющие политический окрас.

Необходимо отметить, что агенты могут перемещаться между категориями метаагентов под влиянием внешних обстоятельств. Такой переход между категориями метаагентов с соответствующим дополнением функциональности возможен при достижении пороговых значений по уровню восприятия контента и уровню вовлеченности в процесс его продвижения — эти параметры учитываются при рассмотрении алгоритмов работы агентов.

Большое количество взаимосвязей между агентами обусловлено тем, что метаагенты взаимодействуют друг с другом, принимая решения в зависимости от влияния внешних факторов. Опишем подробнее некоторые алгоритмы взаимодействия агентов:

— ЛОМ ↔ Вовлеченные

Тип связи: двусторонняя.

Влияние агента ЛОМ на вовлеченного агента очевидно, поскольку ЛОМ влияет на свою аудиторию, а активность вовлеченного агента обусловлена информацией, которая получена от ЛОМа. Обратная связь образуется, потому что вовлеченные агенты составляют аудиторию ЛОМов, благодаря чему изменяются такие параметры, как количество групп, объем аудитории и генерируемый контент. При этом дополнительным параметром является уровень гомофилии сообществ ЛОМа: данный показатель варьируется от отсутствия какой-либо модерации общения до высшей степени деспотизма, когда сообщения, генерируемые участниками сообщества, информация в которых отличается от мнения ЛОМа, удаляются, а разместившие их участники удаляются из сообщества.

— ЛОМ ↔ Кликтивисты

Тип связи: двусторонняя.

Влияние агента ЛОМ на агента-кликтивиста возникает, поскольку ЛОМ формирует действия кликтивиста — он строит свою деятельность на основании полученных данных. Обратная связь создается на основании опросов и частных бесед, которые проводит ЛОМ или его представители (вовлеченные агенты) с агентами-кликтивистами. Исходя из этого, может меняться количество групп, объем аудитории и генерируемый контент.

Применение описанных моделей позволяет строить оценки распространения различной информации. Сценарное моделирование развития ситуации при разных входных данных дает возможность применять различные стратегии противодействия некоторым видам деструктивной гражданской активности молодежи или, наоборот, усиливать привлекательность тех или иных видов активности для разных категорий населения.

Реализация сценарного моделирования

Сценарное моделирование было проведено при рассмотрении нескольких вариантов входных данных. Под входными данными понимается поддержка различных видов увеличения активности ЛОМов, относящихся к разным видам гражданского активизма: протестная активность и активность, направленная на поддержание текущего государственного строя. При этом каждый вид активности также может быть представлен несколькими подвидами. Например, продвижение различных тематик социальной направленности может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Одной из особенностей, заложенных в сценарное моделирование, является возможность использования «скрытых» носителей повестки гражданского активизма. Так, в модель закладывались возможности формирования различных групп по интересам, целью которых является создание плотно связанного сообщества единомышленников, объединенных какой-либо тематикой, не имеющей прямого отношения к проявлениям гражданской активности, и затем «переключения» этих групп путем проведения ряда специально подготовленных и заранее спланированных мероприятий.

Два основных сценария, показавших наиболее существенное различие в результатах моделирования, описаны ниже.

Сценарий 1. Входные данные: существенная активность сил, нацеленных на деструктивное развитие гражданской активности молодежи, низкая активность провластных сил, нацеленных на конструктивное развитие гражданской активности молодежи. Результаты имитационного моделирования: активное развитие сообществ в социальных сетях, публикующих новости о необходимости изменения текущего государственного строя, законов. Вырастает количество ЛОМов и контекстно обусловленных ЛОМов, количество вовлеченных растет незначительно, в то время как количество кликтивистов существенно растет за счет групп выключенных. При этом можно предположить, что протестная активность, отраженная в социальных сетях, имеет среднюю вероятность перехода в офлайн-среду. Наиболее вероятным представляется развитие «болотного», а не «белорусского» сценария, то есть длительная подготовка протестной активности в онлайн-среде,

краткосрочный всплеск протестной активности в офлайн-среде и затем — быстрое затухание протестов. При этом всплески активности будут очень сильными.

Сценарий 2. Входные данные: средняя активность сил, нацеленных на деструктивное развитие гражданской активности молодежи, высокая активность провластных сил, нацеленных на конструктивное развитие гражданской активности молодежи. Результаты имитационного моделирования: активное развитие сообществ в социальных сетях, публикующих новости о преимуществах политики, реализуемой государством. Вырастает количество ЛОМов, количество вовлеченных значительно увеличивается, при этом количество кликтивистов не показывает существенного роста. В то же время появляются группы, являющихся «скрытыми» протестными группами. В случае возникновения офлайн-активностей возникает большое количество контекстно обусловленных ЛОМов, но протесты имеют слабое развитие в офлайн-среде, в основном они развиваются по «хабаровскому» сценарию, когда протесты носят систематический, но слабо выраженный характер.

Заключение

В условиях усиления внешнего информационного давления и активизации внутренних внесистемных сил в современной России формируются предпосылки для реализации эффекта «волны», при котором рост протестного потенциала достигает своего максимума и актуализируется под влиянием событий-триггеров. Молодые россияне с высоким потенциалом активности и опытом координации гражданских инициатив составляют почти 40% от численности всей российской молодежи, то есть каждый третий представитель молодого поколения не просто объединял свои усилия с другими гражданами, но и выступал в качестве драйвера реализации гражданской инициативы.

Базовым результатом реализации массового опроса является кластеризация российских пользователей социальных медиа и выделение базовых типов гражданской и политической активности, отражающих наличие у них опыта совместной с другими гражданами социально значимой деятельности. Выделенные типы были учтены в рамках осуществления агентно-ориентированного подхода при построении цифровых двойников процесса гражданской и политической активности в современной России. При этом произведенная ценностная дифференциация типов гражданской и политической активности позволила заложить в модель цифровых двойников потенциал их интеграции и дезинтеграции в условиях мобилизации посредством цифровых коммуникаций.

Результаты мультиагентного моделирования позволили сформулировать следующие выводы:

— первыми на протестную мобилизацию откликнутся «оппозиционные» акторы: с одной стороны, их доля невелика (12,6%), вместе с тем, даже вне процесса активной мобилизации, представители данного кластера демонстрируют черты, присущие прекариату, среди которых: деструктивность, неконвенциональность, эгоцентричность;

— активность и опыт по координации гражданских инициатив «лидеров-критиков» потенциально могут на время притянуть к ним «лояльных акторов» и часть «вовлеченных» молодых россиян;

— учитывая конструктивность и конвенциональность установок большинства представителей кластеров «лояльных акторов» и «вовлеченных», такие массовые протесты будут иметь «мирный» и затяжной характер (как в Хабаровске или Республике Беларусь летом-осенью 2020 г.);

— на фоне «мирного» протеста осложняется противодействие радикальным деструктивным действиям, в информационном освещении настроенные радикально мимикрируют под конвенционалов;

— резервом протестной мобилизации также являются «кликтивисты», ведомые и легко вовлекаемые «оппозиционными акторами» и/или «вовлеченными».

Значимым результатом исследования является синтез подходов и методов традиционной политической социологии и технологий построения цифровых двойников процесса гражданской и политической активности в современной России для сценарирования и прогнозирования масштаба, направленности, конвенциональности деятельности коллективных акторов в условиях их мобилизации посредством цифровых коммуникаций. В работе построена модель взаимодействия цифровых двойников акторов, выделенных на основе массового опроса и обладающих мобилизационным потенциалом в отношении пользователей социальных медиа, вовлеченных в информационные потоки гражданской и политической активности. Установлено, что масштаб, направленность и конвенциональность деятельности коллективных акторов в условиях их мобилизации посредством цифровых коммуникаций зависят от способности агентов (лидеров общественного мнения, контекстно обусловленных лидеров общественного мнения, вовлеченных и др.) меняться ролями и средами обеспечивать тем самым силу «слабых связей». Из разнообразных вариантов таких обменов формируются конкретные сценарии конверсии гражданской активности в политическое участие, цифрового поведения в реальные практики.

Список литературы (References)

Абрамов В. И. Совершенствование политики государственных закупок в развитии наукоградов: агент-ориентированное моделирование и сценарный анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 1. С. 5—18. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.5-18>.

Abramov V. I. (2018) Improving the Policy of Public Procurements for Development of Science Cities: Agent-Oriented Modeling and Scenario Analysis. *Actual Problems of Economics and Law*. Vol. 12. No. 1. P. 5—18. <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.1.5-18> (In Russ.)

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н. Цифровые сообщества гражданских и политических активистов в России: интегрированность, управление и мобилизационный потенциал // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 3—27. <https://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1043>.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Karzubov D. N. (2020) Digital Communities of Civil and Political Activists in Russia: Integration, Governance and Mobilization Potential. *Bulletin of the Moscow Region State University*. No. 4. P. 3—27. <https://dx.doi.org/10.18384/2224-0209-2020-4-1043> (In Russ.)

Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 6. С. 39—48.

Brodovskaya E. V., Pyrma R. V., Dombrovskaya A. Yu. (2020) Civil Activism of Youth in Russia: The Structure of Roles, the Formation of Attitudes Factors, Triggers of Protest Potential Growth. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. Vol. 10. No. 6. P. 39—48. (In Russ.)

Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах // Власть. 2020. № 2. С. 51—58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134>.

Dombrovskaya A. Y. (2020) Civil Activism of Youth in Modern Russia: Features of its Manifestation in Online and Offline Environments. *The Authority*. Vol. 28. No. 2. P. 51—58. <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7134> (In Russ.)

Домбровская А. Ю., Бродовская Е. В. Особенности вовлеченности российской молодежи в информационные потоки гражданского и политического активизма: результаты автоматизированной социально-медийной аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 4. С. 48—67.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu. (2020) Peculiarities of the Involvement of Russian Youth in the Information Flows of the Civil and Political Activism: Results of Automated Social and Media Analytics. *Citizen. Elections. Power*. No. 4. P. 48—67. (In Russ.)

Какабадзе Ш. Ш., Зайцев Д. Г., Звягина Н. А., Карастелев В. Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов. // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 88—108.

Kakabadze Sh. Sh., Zaytzev D. G., Zvyagina D. G., Karastelyov V. G. (2011) The Institution of Civil Participation: Checking up by the Entities Activity. *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 88—108. (In Russ.)

Ксенофонтов Д. М. Сценарное моделирование эпидемиологических эффектов экономической политики // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. № 18. С. 542—565.

Ksenofontov D. M. (2020) Scenario Modeling of the Epidemiological Effects of Economic Policy. *Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences Scientific Proceedings*. No. 18. P. 542—565. (In Russ.)

Лаврикова А. А. Стратегии политического участия в контексте регулирования взаимодействий в системе «Власть — общество» // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 28—35.

Lavrikova A. A. (2016) Strategies for Political Participation in the Context of Regulating Interactions in the «Power — Society» System. *Bulletin of TulSU. Humanitarian sciences*. No. 4. P. 28—35. (In Russ.)

Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04>.

Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. (2017) Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 43–60. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.04> (In Russ.)

Петухов В. В. Гражданское общество и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 23—26.
Petukhov V. V. (2012) Civil Society and Civic Participation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 23—26. (In Russ.)

Писарева О. М. Вопросы адаптации математического инструментария сценарного моделирования в цифровой среде многоуровневого стратегического управления // Управленческие науки. 2019. № 3. С. 17—27. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-3-17-27>.

Pisareva O. M. (2019) Adaptation of Mathematical Tools for Scenario Modeling in a Digital Environment of Multilevel Strategic Management. *Management Sciences*. No. 3. P. 17—27. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2019-9-3-17-27> (In Russ.)

Русина А. Н., Карпычева О. В. Моделирование сценарных условий прогнозирования кадровой потребности экономики региона // Экономика труда. 2017. Т. 4. № 4. С. 309—322. <http://doi.org/10.18334/et.4.4.38469>.

Rusina A. N., Karpucheva O. V. (2017) Modeling of Scenario Conditions for Forecasting the Personnel Needs of the Region's Economy. *Labor Economics*. Vol. 4. No. 4. P. 309—322. <http://doi.org/10.18334/et.4.4.38469> (In Russ.)

Anduiza E., Cantijoch M., Gallego A. (2009) Political Participation and the Internet. A Field Essay. *Information, Communication and Society*. Vol. 12. No 6. P. 860—878. <https://doi.org/10.1080/13691180802282720>.

Brian M. (2007) Activism, Social and Political: In: Anderson G. L., Herr K. G. (eds.) *Encyclopedia of Activism and Social Justice*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications. P. 19—27.

Cabrera N. L., Matias C. E., Montoya R. (2017) Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism. *Journal of Diversity in Higher Education*. Vol. 10. No. 4. P. 400—415. <https://doi.org/10.1037/dhe0000061>.

Chadwick A. (2013) *The Hybrid Media System. Politics and Power*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001>.

Deric Sh. (2011) *Political Sociology: Oppression, Resistance, and the State*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Douglas M. (1986) *How Institutions Think*. New York, NY: Syracuse University Press.

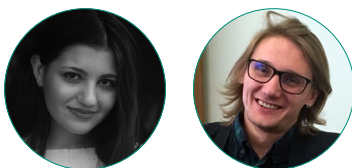
Earl J., Maher T. V., Elliott T. (2017) Youth, Activism, and Social Movements. *Sociology Compass*. Vol. 11. No. 4. <https://doi.org/10.1111/soc4.12465>.

Emirbayer M., Goodwin J. (1994) Network Analysis, Culture and the Problem of Agency. *American Journal of Sociology*. Vol. 99. No. 6. P. 1411—1454.

- Garrett R. K. (2006) Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New Icts. *Information, Communication & Society*. Vol. 9. No. 2. P. 202—224. <https://doi.org/10.1080/13691180600630773>.
- Hoffer E. (2011) *The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements*. New York, NY: Harper Collins.
- Knoke D. (1990) *Political Networks. The Structural Perspective*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Marsh D. (ed.) (1998) *Comparing Policy Networks*. Milton Keynes, UK: Open University Press.
- Milosevic-Dordevic J.S., Zezelj I. L. (2017) Civic Activism Online: Making Young People Dormant or More Active in Real Life? *Computers in Human Behavior*. Vol. 70. P. 113—118. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.12.070>.
- Rhodes R. A.W. (1995) The Institutional Approach. In: Marsh D., Stoker G. (eds.) *Theories and Methods in Political Science*. London, UK: Macmillan. P. 42—57.
- Scott J., Marshall G. (2009) «Social movements»: A Dictionary of Sociology. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Scott R. (2008) *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Tuzhilin A., Adomavicius G. (2005) Toward the Next Generation of Recommender Systems: A Survey of the State of the Art and Possible Extensions. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*. Vol. 17. No. 6. P. 734—749. <https://doi.org/10.1109/TKDE.2005.99>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2027](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2027)

V. V. Babayan, A. V. Turobov

NOT UNIQUE, NOT UNIVERSAL: RISK PERCEPTION AND ACCEPTANCE OF ONLINE VOTING TECHNOLOGY BY RUSSIAN CITIZENS

For citation:

Babayan V. V., Turobov A. V. (2021) Not Unique, not Universal: Risk Perception and Acceptance of Online Voting Technology by Russian Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 319–345. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2027>.

Правильная ссылка на статью:

Бабаян В. В., Туробов А. В. И неуникально, и неуниверсально: восприятие риска и принятие технологии онлайн-голосования гражданами России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 319—345. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2027>. (In Eng.)

NOT UNIQUE, NOT UNIVERSAL: RISK PERCEPTION AND ACCEPTANCE OF ON-LINE VOTING TECHNOLOGY BY RUSSIAN CITIZENS

Valeria V. BABAYAN¹ — *Doctoral Student, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences; Lecturer*
E-MAIL: vv.babayan@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9192-0659>

Aleksey V. TUROBOV¹ — *Research Fellow, Faculty of Social Sciences; Lecturer, School of Politics and Governance*
E-MAIL: aturobov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6809-8775>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. What is the connection between Russian citizens' perception of Internet voting and the context of its top down adoption with their readiness to use it? To investigate this question, we use Structural Equation Modeling (SEM) to account for both observed and latent indicators of technology adoption and their linkage with the Internet voting use intent. The authors use survey evidence from VCIOM (2020) and a national survey of Internet users conducted by Online Marketing Intelligence (OMI) company in 2021. This study provides some support to the application of theoretical expectations formulated in the context of Western democracies to the Russian population's voting technology attitudes. The findings indicate that the use of the Internet is not a robust measure of tech-

И НЕУНИКАЛЬНО, И НЕУНИВЕРСАЛЬНО: ВОСПРИЯТИЕ РИСКА И ПРИНЯТИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОНЛАЙН-ГОЛОСОВАНИЯ ГРАЖДДАНАМИ РОССИИ

БАБАЯН Валерия Витальевна — аспирант, аспирантская школа по политическим наукам, факультет социальных наук, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vv.babayan@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9192-0659>

ТУРОБОВ Алексей Владимирович — научный сотрудник Факультета социальных наук, преподаватель Департамента политики и управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: aturobov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6809-8775>

Аннотация. Какова связь между восприятием россиянами голосования через интернет и готовностью его использовать? Для поиска ответа на данный вопрос применяется метод моделирования структурными уравнениями (SEM) с целью учета как наблюдаемых, так и латентных измерений принятия технологии (technology acceptance/adoption) и их связи с оценкой онлайн-голосования и намерениями ее использования. Авторы опираются на данные опроса ВЦИОМ за 2020 г. и национального опроса интернет-пользователей, проведенного компанией OMI (Online Marketing Intelligence) в 2021 г. Результаты построения моделей позволяют утверждать, что отношение населения России к технологиям голосования в значительной

nology acceptance anymore, and a more nuanced approach to the experiences of Internet usage is needed. Internet users appear to be more concerned about privacy, the possibility of fraud, and external interference than the respondents drawn from the overall population. The authors suggest that it is due to acceptance of risks seeming inevitable and to bigger digital literacy and therefore awareness about the risks posed by voting online.

Keywords: online voting, internet voting, trust, technology adoption, perceived risk, structural equation modeling, Internet

Acknowledgments. The authors are grateful to anonymous reviewers for their astute observations and criticism. For their helpful comments, we thank our senior colleagues at HSE University: A. S. Akhremenko, K. L. Marquardt, and M. G. Mironyuk.

Introduction

Despite heightened interest towards different forms of convenience voting caused by the COVID-19 pandemic, there is no evidence that higher costs of traditional voting improve voters' perception of its alternatives (e.g., Safarpour and Hanmer [2020] about voting by mail). There are also no reasons to believe that these circumstances eliminated potential apprehension concerning Internet voting. In this study, we focus on these particular perceptions as uncertainty about proper vote count may lead to absenteeism [Vorobyev, 2016] and undermine the legitimacy of the electoral process [Loeber, 2011]. Therefore, trust in Internet voting, not the technology itself, is key in its early implementation, in line with assumptions of the SCOT (Social Construction of Technology) theory [Bijker, 2006].

The consensus of the sparse research on the perception of online voting technology can be described as follows: even though voters perceive it as a simpler and more

степени соответствует теоретическим ожиданиям, сформулированным в контексте принятия технологий в западных демократиях. Авторы показывают, что частота использования интернета больше не является надежной мерой принятия технологий. Пользователи интернета, по-видимому, больше озабочены конфиденциальностью, а также потенциалом мошенничества и внешнего вмешательства. Авторы связывают это различие в восприятии голосования через интернет с осознанием и принятием рисков, которые кажутся неизбежными, и с большей компьютерной (интернет-) грамотностью.

Ключевые слова: онлайн-голосование, интернет-голосование, доверие, принятие технологий, воспринимаемый риск, интернет, моделирование структурными уравнениями

Благодарность. Авторы благодарны анонимным рецензентам за точные наблюдения и критику. За полезные комментарии авторы признательны старшим коллегам из НИУ ВШЭ: профессору А. С. Ахременко, доценту К. Л. Маркварту и доценту М. Г. Миронюку.

reliable voting channel in terms of accuracy of vote count, they continue to doubt the anonymity of their vote [Alvarez et al., 2013]. Meanwhile, the perceived usefulness of the procedure is associated with higher levels of trust in Internet voting [Carter, Campbell, 2012]. Significant predictors of its use intent include perceived usefulness and ease of use [Yao, Murphy, 2007], privacy protection and system accuracy [ibidem; Choi, Kim, 2012], attitude toward government, and perception of technology in its wider sense [Choi, Kim, 2012].

Collectively, the studies of Internet voting outline a critical role for technical, legal, and political issues arising from the introduction of this additional voting channel. Although legitimate, such focus attaches disproportionate importance to the macro-level factors of technology adoption leaving out the societal and political consequences of Internet voting implementation resulting from the transformation of established personal experiences of electoral participation [Kersting, Kersting, Baldersheim, 2004; Oostveen, van den Besselaar, 2004; Herrnson et al., 2008].

This paper is concerned with the connection of Russian citizens' perception of Internet voting and of the context of its adoption with readiness to use it. To investigate this question, we use Structural Equation Models (SEM) to account for both observed and latent indicators of technology adoption and their linkage with the evaluation of Internet voting and readiness to use it. The findings from the structural model based on VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) 2020 data are compared with the national survey of Internet users conducted by the Online Marketing Intelligence (OMI) company in 2021¹.

Conceptual background

More than twenty years ago, Norris and Jones [1998] determined that political participation is a multidimensional phenomenon. Discussions about the changes brought about by the Internet and technology, and the specifics of online participation led to the emergence of the concept of e-democracy. E-democracy can be considered both in a narrow and in a wide context (e. g., [Kneuer, 2016: 669]). Nonetheless, an optimal understanding implies an overarching concept, namely the use of ICT (Information and Communication Technologies) by political actors (government, elected officials, media, political/societal organizations, and citizens) within political and governance processes in today's representative democracy [ibidem]. Implementing the concept of e-democracy is intended for the electronic government. Carrizales [2018: 15] argues that e-democracy is the final function of e-government; research by Lee, Chang, and Berry [2011] indicates that the development of e-democracy practices is related to e-government; Reddick [2004: 61] points out in his study that democracy is enhanced with the development and growth of e-government.

Electronic government encompasses all government roles and activities shaped by information and communications technologies [Brown, 2005]:

- (1) the state's economic and social programs,
- (2) its relationships with the citizen and the rule of law (e-democracy),
- (3) its internal operations, and
- (4) its relationship with the international environment.

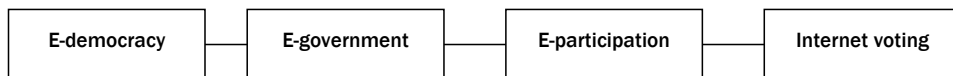
¹ The OMI survey was conducted with the support of the Faculty of Social Sciences, HSE University.

Four aspects of e-government have lasting impacts on public administration: citizen-centered service, information as a public resource, new skills and working relationships, and accountability and management models [ibidem]. However, things in this domain are not that unequivocally positive. For example, we know that authoritarian regimes also introduce e-government, but to legitimize authoritarianism, not for democratization purposes [Maerz, 2016].

It turns out that e-participation is a full-fledged part of e-democracy and is implemented through (with the help of) e-government. Much of the literature on e-participation points to the importance of political institutionalization and the degree of technological development (for discussion and analysis on the 125 countries, see [Jho, Song, 2015]). Yet, the forms of e-participation are varied. Each type of electronic participation is implemented in accordance with its demands for the quality and stability of political institutions. One of the key and significant forms of electronic participation is Internet voting (as a variety of electronic voting). It is worth noting that e-voting is regarded as one of the most important components of e-democracy [Yusifov, 2018].

Thus, we see a uniform theoretical model: from e-democracy to e-government, from e-government to e-participation and Internet voting (fig. 1).

Fig. 1. Logical diagram

The use of such a theoretical framework will allow considering the problem of Internet voting not only through the prism of the electoral process [Solop, 2001; Germann, Serdült, 2017; Willemson, 2018; Petitpas, Jaquet, Sciarini, 2021] and technical implementation [Moynihan, 2004; Alvarez, Hall, Trechsel, 2009; Yi, Okamoto, 2013; Joaquim, Ferreira, Ribeiro, 2013; Satizábal, Páez, Forné, 2021] but also from the standpoint of larger and “classical” issues of political science, such as trust and risk.

Trust plays a central role both at the technological level and at the level of social identity, as evidenced by the research of Warkentin and her colleagues [2018]. They show that citizens’ perceptions that they share the same values as the individuals affiliated with providing e-Government (and Internet-based voting) services contribute to the intention to vote electronically over the Internet. Conversely, another study showed that trust in the government was insignificant [Powell et al., 2012]. Moreover, the adoption of blockchain solutions might be related to the higher trust of the citizens in the technology rather than towards the government [Queiroz, Wamba, 2019; Hughes et al., 2019] even though the former is being introduced by the latter.

Risks are an inevitable part of the process of implementation of Internet voting. Nonetheless, this inevitability is intrinsic to the functioning of modern society, which increases security on a par with insecurity [Bechmann, 2010]. Risk is a tool for transforming the unknown into the computable [ibid.: 75]. A similar function is ascribed to trust ([Luhmann, 1979] cited in [Pieters, Becker, 2005]).

The risk perception is often seen as a component of trust: trust implies the presence of uncertainty and, therefore, the probability of failure, so in the absence of risks and

possible negative consequences the need for trust can be questioned [Mayer, Davis, Schoorman, 1995]. On the other hand, trust can mean refusal to acknowledge the existence of risks [Sztompka, 1999: 31].

Trust in this case implies readiness to use the technology regardless of the perceived, or subjective, risk. In the United States, which has become a paradigmatic case of electronic voting machines failure in the 2000 Presidential elections in Florida, evaluation of risks of e-voting was similar among those who use this technology and those who prefer traditional voting [Stewart III, Dunham, 2020]. Thus, as the risks are always in place, it is the positive incentives and external risks, not those related to the possible systemic failure, that are supposed to matter.

In the context of Russia, we are constrained to turn to research on related issues since only descriptive statistics from sociological services, which have conducted surveys on attitudes toward online voting, are yet available. The use of technology introduced as part of government programs in Russia is related to trust in government institutions at all levels. This is due to the need for trust in regulators and their personnel to ensure the safe functioning of the technology [Antonov et al., 2019: 62]. In addition, however, it should be borne in mind that technology can also be linked to the hope for a higher quality of service when it is provided in a digital environment [ibid.: 66].

Two leading sociological services of Russia conducted surveys regarding Internet voting attitudes almost simultaneously in July of 2020. In the Levada-Center* survey², all of the answers to the question about reasons for favoring technology were related in some way to convenience and reducing the cost of participating in voting. When asked what they dislike about online voting, 47 % of respondents mentioned some form of fraud. At the same time, the share of those who mentioned problems with anonymity and secrecy of voting was only 9 %. These results are consistent with those of the VCIOM³ survey where fraud is the primary concern, too (among 33 % of respondents) and 14 % questioned the anonymity of the vote.

Through a systematic review of the e-government research area, the most commonly used explanatory theory is the technology acceptance/adoption model (TAM), with consistent results [Rana et al., 2012]. So why is the technology adoption model so popular, and how can it be applied to Internet voting issues?

According to one of the approaches to technology adoption, the use and perceived utility are critical to the sustainable diffusion of technology [Davis, 1989]. In the case of Internet voting, adopting technology could change voting habits and force citizens to switch from postal to Internet voting. The theory has been applied by researchers to Internet voting adoption [Choi, Kim, 2012, Christian Schaupp, Carter, 2005]. Based on the essence of the theory and expectations from the Internet-voting (including increasing voter turnout), it is logical to assume that the “adoption” of technology is more extended to the younger generation. Thus, the involvement of young voters takes place. On the other hand, a study of Swiss experience with Internet voting by Mendes

² Levada-Center* (2020) Attitudes towards Electronic Voting. URL: <https://www.levada.ru/2020/08/31/otnoshenie-k-elektronnomu-golosovaniyu/> (accessed: 21.07.2021). (In Russ.)

³ VCIOM (2020) Pioneers of Internet Elections. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov> (accessed: 21.07.2021). (In Russ.)

and Serdült [2017] suggests that older voters, rather than “digital natives” (i. e., young voters), are more likely to remain faithful to Internet voting after experimenting with it.

Based on an analysis of eight electoral cycles of using Internet voting in Estonia, it is argued that the adoption of technology requires three electoral cycles with electronic support [Vassil et al., 2016]. However, the Estonian case is unique with regard to the early start of e-government adoption which imposes limitations on the applicability of its experience to other contexts. After all, more recent research illustrates that individual social capital factors (which are usually connected with the level of institutional trust) are more significant than those of technology adoption theory in explaining why some citizens use e-participation platforms while others do not [Choi, Song, 2020].

Moreover, studies based on the Technology Acceptance Model (TAM) and Diffusion of Innovation (DOI) suggest that individuals may want to weigh the risks and benefits before deciding to use the technology. Thus, some people base their choice of participation in the electoral process on their perception of risk and benefits rather than the actual risk and benefits. At the same time, the increased perception of risk reduces the perceived benefits of the technology [Lean et al., 2009].

Thus, despite the particular popularity of the application of the TAM to the study of Internet voting and promising insights of different theories of technology adoption, we do not have unambiguous evidence about factors driving e-voting acceptance. It turns out that the usual theoretical framework requires supplementation or correction.

We propose to consider Internet voting at two levels from the standpoint of two theoretical foundations. On the one hand, as mentioned above, Internet voting is an element of e-participation, which means that it is carried out within the framework of e-democracy through e-government. On the other hand, modern Internet voting models are based on digital technologies⁴, which implies digital transformation concepts only in the electoral process.

The “digital” context is critical in this case. The popularity of digital technologies has facilitated the development of many digital participation platforms that could help to boost the effectiveness of civil society participation in decision-making processes in an explicitly decentralized manner. The demand for such decentralized electronic participation services is increasing during the COVID-19 crisis [Kassen, 2021]. In turn, the algorithmic structures of the Internet voting system are essential for the understanding of voters, but awareness remains at the elementary level [Unver, 2017: 140].

At the same time, much attention is paid to Blockchain-based voting [Pawlak, Poniszewska-Marańda, Kryvinska, 2018; Dimitriou, 2020]. Blockchain, in turn, is one of the key digital transformation technologies. At this point, it is rather an umbrella term covering an almost “mystical” immutable mechanism ensuring anonymity. Nevertheless, blockchain is one of the many tools expected to deliver secure voting, and the presence of alternatives makes it more vulnerable to criticism concerning the possibility of undetected alteration or discarding of votes depending on the intentions of actors running it. Furthermore, technical implementation of the assumptions of blockchain in a real large-scale election appears impossible at least for now [Park et al., 2021].

⁴ Digital technologies are knowledge, skills, technological and technical solutions for the creation, processing, transmission and use of digital data, as well as systems and procedures for their practical implementation [Lipsmeier et al., 2018].

For its part, research in the field of computer-human interaction and human behavior generally considers full-fledged models of “digital voting” as a possible development of Internet voting (e. g., [Vlachokyriakos et al., 2014]. Worth mentioning, despite the digitization processes, the impact of digital technologies on political trust remains relatively insignificant [Lissitsa, 2021]. This, once again, actualizes research of the trust in Internet voting research, especially in a non-Western political context, as technology adoption theories tend to be Western-centric.

This study focuses on a context that is specific in two aspects. First and foremost, this study is less concerned with democratic elections in their widely accepted perception as a major prerequisite for the legitimacy of a political system. Second, although discussions about the large-scale implementation of online voting have been effectively abandoned in most countries due to the vulnerability of information systems, this study suggests the real possibility of online voting at the national level. Moreover, it is the very first attempt to compare the incentives of respondents of traditional and web-based surveys regarding the digital services provided by the government. Some national election studies (e. g., in New Zealand and Canada) allow research of attitudes towards Internet voting in dynamics and including responses acquired via different survey modes. However, they include these questions only in the web-based surveys. The latter (namely the comparison of results acquired from roughly similar models applied to two different samples) is more of methodological interest and drives us in the direction of theory-building rather than theory-testing. Despite the expectations that Internet surveys might increase social desirability bias as they do not assume the presence of the interviewer [Kreuter, Presser, Tourangeau, 2008; Heerwegh, 2009] (Ansolabehere and Schaffner [2014] disagree), this survey mode is far from being a “gold standard” in the social science research. Clear methodology and attempts to increase the validity of samples derived from online panels are a huge step towards such status of web-based surveys but uneven Internet penetration results in a skewed balance of rural and urban residents, their rates of digital literacy, age, etc., which can be most evident with smaller sample sizes.

For our structural model, we borrow from the theories of technology acceptance ideas about the structure of the decision to use technology — its comparative advantage over the traditional voting format and accessibility (perceived ease of use) on the one hand, and the risks associated with it on the other.

Empirical design and methodology

Research design

Proceeding from the theories discussed in the previous section, we construct latent variables of risk and positive factors of technology acceptance and adoption. We hypothesize the following relationships.

(H1) The “external” risks such as fraud and the possibility of interference are the key underlying measures of the perceived risk.

This expectation that these dimensions of risk load on the latent variable at a higher extent is based on the available survey data provided in the previous section (for example, people do not cite concerns about privacy as one of the primary sources of doubt). However, it is not purely descriptive as loading this observed indicator of

risk on the latent variable depends on other dimensions of perceived risk and shows the explained variance of the latent variable. Furthermore, we anticipate this effect because reliability issues are inherent to all systems, not only technological ones, and it is the malicious intent that should matter.

(H2) Perceived risk has a negative effect on the attitude towards Internet voting.

Prior studies presented earlier indicate that people decide to participate in Internet voting based on their own experience and individual risk assessment. Given the level and extent of online fraud, it is logical to assume that negative perceptions will create an increased sense of risk that negatively impacts the perception of online voting.

(H3) Acceptance has a positive effect on the attitude towards Internet voting.

This hypothesis is based on a large number of theories examining technology adoption. We know that the adoption of technology increases the activity of participation in Internet voting (in fact, we are also talking about an increase in voter turnout, which is ambiguously illustrated by empirical studies).

(H4) Perceived risk prevails over acceptance factors in the formation of attitude towards Internet voting (in other words, explains a higher share of variance of that latent variable).

In this case, we rely on the theory that people pay more attention to the subjective perception of risk when making decisions. At the same time, the increased perception of risk reduces the perceived benefits of the technology.

(H5) Experience of participation in elections increases the intent to use Internet voting.

This hypothesis corresponds to findings of the importance of trust towards agencies responsible for technology implementation and basic assumptions about the nature of absenteeism (for a discussion on non-voters and Internet voting, see [Lindner, Aichholzer, Hennen, 2016]).

The hypotheses are tested using Structural Equation Modeling (SEM). This method enables researchers to build structural models representing relationships among different latent variables and linking them with observed indicators [Keil et al., 2000: 309], a feature that is particularly useful in the analysis of relatively new phenomena. Beyond combining latent variable modeling and regression analysis, SEM also allows including relations among variables, in contrast to the classic regression approach holding other variables at 0 while evaluating effects. Multiple regression is just one of the statistical techniques which can be implemented in SEM, alongside path analysis, confirmatory factor analysis, latent growth models, etc. While the latter helps deal with longitudinal data, we apply the combination of the first two. This approach is theory-driven: first, we construct latent variables and hypothesized relationships, then we estimate the models and compare their results.

We evaluate SEM models in the packages lavaan [RosseeL, 2012] and semTools⁵ of the R software environment⁶ using a diagonally weighted least squares (DWLS) estimator applicable to categorical data. Combining risk and technology acceptance

⁵ Jorgensen T. D., Pornprasertmanit S., Schoemann A. M., RosseeL Y. (2021) semTools: Useful tools for structural equation modeling. R package version 0.5—4. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=semTools> (accessed: 21.07.2021).

⁶ R Core Team (2020) R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL: <https://www.R-project.org/> (accessed: 21.07.2021).

factors to build them into attitudes toward online voting and integrate into the willingness to use it appears reasonable, especially given the existing tradition of using this method in analyzing technology perceptions (see [Bart et al., 2005; Nemeslaki, Aranyossy, Sasvári, 2016; Fierro, Aroca, Navia, 2020]). Since the dependent variables of interest are binary, we estimate probit models.

The main limitations of SEM are connected with model fit measures: they are dependent on the sample size, data structure, and correlations among indicators [Schumacker, Lomax, 2015; Tarka, 2018]. For this purpose, a set of goodness-of-fit measures is presented to ensure the model quality (see [Denis, 2016: 660—666]).

We aimed to make two models (one with secondary VCIOM and another with primary OMI data) as similar as possible. In the table below the specifications for both models are provided (see table 1). Latent variables and regressions are denoted by =~ and ~ signs respectively. Questionnaire items corresponding to observed indicators are available in Appendices 1 and 2, Appendix 3 provides recoded “Other” options mentioned by VCIOM respondents.

Table 1. **Model specifications**

Model 1	Model 2
Risk =~ Lack of technical reliability Lack of anonymity Fraud	Risk =~ Security Lack of anonymity Fear of leaks Fear of fraud
Acceptance =~ Technical ability Comparative advantage Internet usage	Acceptance =~ Convenience Feeling of carrying out the civic duty Internet usage Quality of e-voting (“Active citizen” and analogs)
Attitude ~ Acceptance Risk Awareness	Quality ~ Acceptance Risk Awareness
DV: would agree to use ~ Attitude Voting habit	DV: would agree to use ~ Quality Voting habit

We utilize available observed indicators to build latent variables reflecting perceived risk and technology acceptance. While the basic elements of the two models are the same, there are some differences in specification necessitated by different questionnaires and the specifics of Internet users. We include the concerns about Internet usage (fraud and theft or leakage of personal data) in our second model as Internet voting is supposed to be implemented on the “Gosuslugi” platform, and we can assume that fears of fraud and personal data leaks on the Internet can be extended to

its perception. The same logic is applied to the perceived quality of e-voting platforms (analogs of Moscow “Active citizen”) that are the closest equivalent of Internet voting in elections. Moreover, before the first attempt of Internet voting implementation for the 2019 Moscow City Duma elections, the districts for technology trials were chosen via “Active citizen”. Thus, considering the disputed results in one of the districts (No. 30, South and Central Chertanovo), evaluation of its quality is closely related to the perception of Internet voting in elections via political attitudes. These expectations are also in line with Internet voting “stickiness” expectations [Solvak, Vassil, 2018].

Another divergence in the acceptance factors is the absence of technical ability (which also includes digital divides associated with Internet connection) in the second model and convenience and civic duty instead of the comparative advantage. The question about technical abilities is trivial for the respondents of an Internet survey, and the comparative advantage includes relative convenience and the open (“Other”) answers concerning such aspects of voting as “ritual”, “tradition”, “festive spirit”, etc. (all answers are provided in Appendix 3).

The main difference in the regression models is the first-level dependent variable: in the first model, it is the attitude towards the implementation of Internet voting, and in the second one, it is the evaluation of its quality. Both variables are expected to predict the intent to use the technology [Delone, McLean, 1992, 2003; Nemeslaki et al., 2016]. Their different uses can be justified by survey timing. By June 2021, the Internet voting for the national elections was not an innovation, and some citizens have already acquired the experience of its usage. The right-hand side variables are also measured differently, and we implemented possible efforts to make them more comparable.

Data collection

Our reference model is applied to the secondary data from the representative survey of the Russian population conducted by VCIOM on May 19, 2020⁷. The survey involved 1,600 Russians aged 18 and over and was carried out using a stratified dual-frame random sample based on a complete list of landline and mobile phone numbers operating in Russia. The data were weighted according to selection probability and social and demographic characteristics.

Our primary data analysis was conducted on an online survey of 1,600 Russian residents carried out by the OMI Russia marketing company on June 24—29, 2021. Responses were collected via quota-based sampling of the volunteer online panel with more than 700,000 panelists recruited from various sources designed to be representative of Russian Internet users. OMI has passed a surveillance audit and received ISO 20252 and 20362 international certifications.

The table below provides some relevant descriptive statistics of two datasets obtained after removing missing values in the observed indicators included in the models (see table 2).

⁷ VCIOM (2020) Electronic Voting: New Technologies Transform Electoral Habits. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10309> (accessed: 21.07.2021). (In Russ.)

Table 2. **Basic descriptive statistics**

Characteristics	Freq (VCIOM), N = 1,481	% (VCIOM)	Freq (OMI), N = 1,503	% (OMI)
Gender				
Male	627	42	718	47.7
Female	854	58	785	52.3
Age				
18—35	404	27	397	26.4
36—64	777	52	983	65.4
65+	300	20	123	8.2
Education				
Primary	2	0.1	11	0.7
Secondary	791	53.4	778	51.8
Incomplete and complete higher education	598	40.4	695	46.2
Two or more higher educations, academic degree	90	6.1	19	1.3
Occupation (the most relevant categories)				
Unemployed	146	9.9	246	16.37
Employee — public sector	398	26.9	222	14.8
Locality				
A city with more than 1,000,000 residents	381	25.7	367	24.5
A city with 500,000—1,000,000 residents	171	11.5	312	20.7
A city with 100,000—500,000 residents	282	19	436	29
A locality with 100,000 or fewer residents	647	43.7	388	25.8
Internet use frequency				
More than 4 hours daily	416	28.1	920	61
Every day, less than 4 hours daily	571	38.6	512	34
Several times a week	166	11.2	57	3.8
Several times a month	55	3.7	10	0.7
Occasionally	28	1.9	4	0.3
Do not use	245	16.5	—	—
Awareness about the use of remote electronic voting for elections				
Know well	644	43	542	36
Heard something about it	616	42	765	51
Hearing for the first time	221	15	196	13
DV: would agree to vote online if given the opportunity				
Yes	719	48.5	779	51.8
No	762	51.4	724	48.2

Notably, despite some discrepancies in socio-demographic profiles (especially in terms of age, locality type, and Internet usage), common questions regarding Internet voting yield roughly similar results across two samples. This makes the examination of the differences in motivation between the two sets of respondents even more compelling.

Findings

Our analysis results indicate that the Russian population’s voting technology attitudes are, to a large extent, in line with the theoretical expectations of technology acceptance models formulated in the context of Western democracies. However, the same cannot be argued about the overall Russian population and Russian Internet users even though these two groups overlap closely (according to various sources⁸, more than 80% of the Russian population uses the Internet). According to our findings (although limited in the explanatory potential due to peculiarities of latent variable modeling) Internet users seem to be less concerned about the risks of systems security possibly because it is an inherent part of their activity on the Web. Nevertheless, this difference seems to be temporary rather than a cross-group one. Although they draw from long experience of technology adoption, existing theories were applied in other countries, but what is probably more important here, in another period. Thus, the use of the Internet is not a robust measure of technology acceptance anymore, and a more nuanced approach to the experiences of Internet usage is needed.

Table 3. **Path coefficients of the relationships in the Model 1**

Nº	Hypothesis	Coefficients	z-value	Significance	Supported
1	“external” risks are the key underlying measures of the perceived risk	0.845	12.861	0.000***	YES
2	perceived risk ↓ attitude	-0.945	-11.461	0.000***	YES
3	acceptance ↑ attitude	0.479	6.396	0.000***	YES
4	perceived risk > acceptance for attitude formation	-0.945 > 0.479			YES
5	experience of electoral participation ↑ Internet voting intention	0.242	1.969	0.049**	YES
Note	* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$				

⁸ See, for example, the statistical collection of Rosstat and HSE University (2020) Information Society in the Russian Federation 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed: 21.07.2021). (in Russ.)

Tables 3 and 4 provide results of testing our hypotheses across two models. The goodness-of-fit of the models are contrasted with the recommended values [Schermelleh-Engel, Moosbrugger, Mäüller, 2003: 52] in Table 5.

Table 4. Path coefficients of the relationships in the Model 2

Nº	Hypothesis	Coefficients	z-value	Significance	Supported
1	“external” risks are the key underlying measures of the perceived risk	0.360	12.861	0.000***	NO
2	perceived risk ↓ attitude (quality evaluation)	-5.981	-11.461	0.004***	YES
3	acceptance ↑ attitude (quality evaluation)	0.304	2.307	0.021***	YES
4	perceived risk > acceptance for attitude formation (quality evaluation)	-5.981 > 0.304			YES
5	experience of electoral participation ↑ Internet voting intention	0.102	1.969	0.007***	YES
Note	* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$				

Both models indicate a good or acceptable fit that allows interpretation of the outputs. The discriminant validity of two latent variables (risk and acceptance) is low in both models (0.364 and 0.316 respectively) demonstrating that they capture different dimensions [Rönkkö, Cho, 2020] of Internet voting perception and its context.

Table 5. Models fit summary

Measure	Model 1	Model 2	Good fit	Acceptable fit
p-value	0.000	0.001	>0.05 (hardly applicable to larger samples [Schumacker, Lomax, 2015: 113])	.01 ≤ p ≤ .05
CFI (Comparative Fit Index)	0.966	0.982	> = 0.97 –	.95 ≤ CFI < .97
RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation)	0.069	0.067	< = 0.05	.05 < RMSEA ≤ .08
NNFI (Nonnormed Fit Index)	0.970	0.984	> = 0.97 –	.95 ≤ NNFI < .97

All in all, the reference model based on the sample drawn from the overall Russian population yielded expected results that are supported by the second model based on the responses of Internet users. The only hypothesis that was not supported is the H1 about key factors underlying perception of risk. In the second model, in contrast with previous surveys, the anonymity of vote loads on the risk to a larger extent (0.807) than security (possibility of external interference) does. Probably this is due to acceptance of risks seeming inevitable and to bigger computer literacy and therefore awareness about the risks posed by voting online.

Discussion and implications

Beyond sole hypothesis testing, the models provide us with opportunities to update our conceptions about technology acceptance. For instance, one surprising finding is the insignificance of the relative advantage of traditional voting over Internet voting for the latent variable of Internet voting acceptance. Nonetheless, it is the case at first approximation only. Although relative advantage is a core of basic theories of technology adoption (e. g., DOI and TAM models), as technology is getting more widespread, it is not viewed as innovation and something to be compared with its analogs [Carter, Bélanger, 2005]. Nevertheless, the components of that advantage still matter for Internet users: feeling of carrying out civic duty and convenience loaded on acceptance highly and significantly. As expected, the frequency of Internet usage did not matter much for the respondents in the second model. The evaluation of the quality of e-voting platforms dedicated to issues of urban planning (analogues of Moscow's "Active citizen") loaded positively and significantly but was less important than the characteristics of Internet voting itself. It might imply that Internet users are more selective and rational in the choice of voting mode. Furthermore, these empirical findings do not imply a lack of connection between the perception of the comparative advantage of Internet voting and its acceptance. It is more informative in terms of the interaction of this indicator with technical abilities and Internet usage — another possible direction of further research.

Another source of divergence between the two samples is the awareness connection with attitude towards Internet voting or its quality assessment. We acknowledge that these are different concepts, but their joint consideration seems plausible for the first glimpse on the issue. Awareness is a significant predictor of both dependent variables of the first level of our models but worsens attitude (Model 1) and improves quality evaluation (Model 2). This might be an additional argument for the claim above about a more rational approach to voting channel selection. Another possible explanation is the time when the surveys were taken. While Internet voting was an initiative, awareness was high among more politicized groups of the population with a more skeptical attitude towards the Government (an assumption made from the earlier context of online voting adoption). On the other side, those inclined to trust the Government and its initiatives, do not need to be aware of details as trust lowers cognitive costs in attitude formation [Jones, 1996].

As we mentioned above, model goodness-of-fit should be considered with caution. This is particularly important when dealing with ordered categorical data: e. g., DWLS estimator might produce over-optimistic results on large-N samples [Xia, Yang, 2019]. Notwithstanding, with a limited choice of estimators and a relatively new phenomenon, this is instead a challenge if researchers stay cautious and do not make far-reaching conclusions. A good fit does not necessarily mean that the model makes sense theoretically, as well as poor fit does not imply that the model is wrong (especially bearing in mind the legendary quote by George Box that "all models are wrong" (regardless of their fit measures) "but some are useful").

The results give rise to reflections of the opposite logic about the possibilities of using technology to increase trust in the electoral process. In the literature, it is conventional to rely on the current level of trust in the authorities / electoral process in research on Internet voting. Yet, what if, by introducing technologies, the state is pursuing the goal

of “resetting” people’s attitude to the electoral process and, in general, increasing trust? Technology acceptance theory is quite supportive of this assumption. This study did not deal with this topic, but the results can indirectly serve as the basis for further research in technology as a tool for increasing trust. However, to assess trust, clearer attribution of responsibility in Internet voting is needed, which is not the case at this point when its implementation is diffused between federal and regional electoral management bodies, tech companies (e. g., Rostelecom), and bodies managing information technologies at regional level (e. g., Department of Information Technologies of Moscow).

A further study could assess the potential for mobilizing voters with the help of big data technology (both at the level of data collection and the level of their analysis using the Hadoop platform) and sophisticated algorithms (including the use of Machine Learning methods).

Conclusion

Structural equation modeling has demonstrated a sufficiently high potential for further analysis of such a complex phenomenon as the perception of Internet voting (and the electoral process in general) using latent variables. This method also allows for comparisons of different categories grouped by age, gender, education, etc. At the same time, studies of Internet voting, despite the set of common problems inherent in working with the data of sociological surveys, have some advantages. For example, the problems of discovering inverse causal relations are not as acute here because Internet voting is a relatively new phenomenon that is not overly politicized, and political and personal attitudes are formed earlier than attitudes toward Internet voting. It is worth bearing in mind that relatively recently people did not choose between technologies for voting, but rather whether to use a cell phone [Leung, Wey, 1999] and the Internet [Wyatt, 2003], and despite the key role of the digital divide, even then affiliation with social groups and the availability of traditional alternatives were independent predictors of the decision to use technology.

Furthermore, non-use of technology can be either “resistance” or “refusal” [Miles, Thomas, 1995: 256—257]. The former is associated with the initial decision not to use the technology, the latter with voluntary withdrawal after its use. Although the lack of a dichotomy between those who use technology and those who do not was pointed out more than a quarter-century ago, the “gray area” between these two categories remains neglected [Oudshoorn, 2019: 171]. Thus, further research could draw from the incentives of non-users, not solely the motivation to use. It is self-evident that maximization of the factors driving intent to use the technology will never lead to an absolute acceptance of the technology.

To make the findings more compelling, it is worth considering political attitudes in further research. Nevertheless, VCIOM and Levada Center’s* analyses show that political support and attitude toward Internet voting are highly correlated. A more nuanced approach to the operationalization of political attitudes is needed to get more insights from the data, including support, trust, and approval. All mentioned indicators are subject to the social desirability bias, which can be reduced by applying experimental research via survey and list experiments. The comparison of responses obtained from almost identical phone and web-based surveys is also of substantial interest.

The potential of comparative research should be separately noted, especially in the context of regime differences. Of interest are the differences among people in perceived risk based on their socio-cultural background and what the political environment “produces”. In other words, given the close relationship of political behavior and political culture with the regime, the perception of risk and trust among people is supposed to differ depending on the regime and the electoral environment in which they live. The issues of risk in Internet voting in a democracy are most likely more significant than in autocracies and cause particular concern. It is also worth keeping in mind the traditional values that accompany political behavior, and as a result, the decision on trust in the Internet form of voting. Of course, this is just an assumption for further research. Notwithstanding, the experience of experiments with Internet voting in the USA, Germany, France, Great Britain, and the Scandinavian countries suggests that such an expectation is quite tenable and can be verified empirically.

Notes

* Levada Analytical Center (Levada-Center)⁹ is a Russian non-governmental research organization. In 2016, the Russian Ministry of Justice placed the Levada-Center on the register of NGOs performing the functions of foreign agents.

References

- Alvarez R. M., Levin I., Pomares J., Leiras M. (2013) Voting Made Safe and Easy: The Impact of E-Voting on Citizen Perceptions. *Political Science Research and Methods*. Vol. 1. No. 1. P. 117—137. <https://doi.org/10.1017/psrm.2013.2>.
- Alvarez R., Hall T., Trechsel A. (2009) Internet Voting in Comparative Perspective: The Case of Estonia. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 42. No.3. P. 497—505. <https://doi.org/10.1017/S1049096509090787>.
- Ansolabehere S., Schaffner B. (2014) Does Survey Mode Still Matter? Findings from a 2010 Multi-Mode Comparison. *Political Analysis*. Vol. 22. No. 3. P. 285—303. <https://doi.org/10.1093/pan/mpt025>.
- Antonov E. V., Auzan A. A., Bryzgalin V. A., Voronenko V. A., Zolotov A. V., Nikishina E. N., Pripuzova N. A., Truhachev S. A. (eds) (2019) Socio-cultural factors of innovative activity in Russian population]. Moscow: Institut Natsionalnykh Proektov — RVC. (In Russ.) Социокультурные факторы инновационной активности населения [исследовательский отчет] / под ред. Антонова Е. В., Аузана А. А., Брызгалина В. А., Вороненко В. А., Золотова А. В., Никишиной Е. Н., Припузовой Н. А., Трухачева С. А. М.: Институт национальных проектов: Российская венчурная компания, 2019.
- Bart Y., Shankar V., Sultan F., Urban G. L. (2005) Are the Drivers and Role of Online Trust the Same for All Web Sites and Consumers? A Large-Scale Exploratory Empirical Study. *Journal of Marketing*. Vol. 69. No. 4. P. 133—152. <https://doi.org/10.1509/jmkg.2005.69.4.133>.

⁹ For more detail see URL: <https://www.levada.ru/en/about-us/> (accessed: 21.07.2021).

Bechmann G. (2010) *Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society*. M.: Logos, 2010. (in Russ.)

Бехманн Г. *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*. Пер. с нем. М.: Логос, 2010.

Bijker WE. (2006) Why and How Technology Matters. In: Goodin R. E., Tilly Ch. (eds) *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis*. Oxford: Oxford University Press. P. 681—706. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270439.003.0037>.

Brown D. (2005) Electronic Government and Public Administration. *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 71. No. 2. P. 241—254. <https://doi.org/10.1177/0020852305053883>.

Carrizales T. (2008) Functions of E-Government: A Study of Municipal Practices. *State & Local Government Review*. Vol. 40. No. 1. P. 12—26. <http://www.jstor.org/stable/25469771>.

Carter L., Bélanger F. (2005) The Utilization of E-Government Services: Citizen Trust, Innovation and Acceptance Factors. *Information Systems Journal*. Vol. 15. No. 1. P. 5—25. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2575.2005.00183.x>.

Carter L., Campbell R. (2012) Internet Voting Usefulness: An Empirical Analysis of Trust, Convenience and Accessibility. *Journal of Organizational and End User Computing*. Vol. 24. No. 3. P. 1—17. <https://doi.org/10.4018/joec.2012070101>.

Choi J.-Ch., Song Ch. (2020) Factors Explaining Why Some Citizens Engage in E-Participation, while Others Do Not. *Government Information Quarterly*. Vol. 37. No. 4. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2020.101524>.

Choi S.O., Kim B.C. (2012) Voter Intention to Use E-Voting Technologies: Security, Technology Acceptance, Election Type, and Political Ideology. *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 9. No. 4. P. 433—452. <https://doi.org/10.1080/19331681.2012.710042>.

Christian Schaupp L., Carter L. (2005) E-voting: from Apathy to Adoption. *Journal of Enterprise Information Management*. Vol. 18. No. 5. P. 586—601. <https://doi.org/10.1108/17410390510624025>.

Davis F.D. (1989) Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. *MIS Quarterly*. Vol. 13. No. 3. P. 319—340. <https://doi.org/10.2307/249008>.

DeLone W. H., McLean E.R. (2003) The DeLone and McLean Model of Information Systems Success: A Ten-Year Update. *Journal of Management Information Systems*. Vol. 19. No. 4. P. 9—30. <https://doi.org/10.1080/07421222.2003.11045748>.

DeLone W. H., McLean E. R. (1992) Information Systems Success: The Quest for the Dependent Variable. *Information Systems Research*. Vol. 3. No. 1. P. 60—95. <https://doi.org/10.1287/isre.3.1.60>.

- Denis D.J. (2016) *Applied Univariate, Bivariate, and Multivariate Statistics*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, Inc.
- Dimitriou T. (2020) Efficient, Coercion-Free and Universally Verifiable Blockchain-Based Voting. *Computer Networks*. Vol. 174. <https://doi.org/10.1016/j.comnet.2020.107234>.
- Fierro P., Aroca P., Navia P. (2020) How People Access the Internet and the Democratic Divide: Evidence from the Chilean Region of Valparaiso 2017, 2018 and 2019. *Technology in Society*. Vol. 63. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2020.101432>.
- Germann M., Serdült U. (2017) Internet Voting and Turnout: Evidence from Switzerland. *Electoral Studies*. Vol. 47. P. 1—12. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2017.03.001>.
- Heerwegh D. (2009) Mode Differences Between Face-to-Face and Web Surveys: An Experimental Investigation of Data Quality and Social Desirability Effects. *International Journal of Public Opinion Research*. Vol. 21. No. 1. P. 111—121. <https://doi.org/10.1093/ijpor/edn054>.
- Herrnson P.S., Niemi R. G., Hanmer M. J., Bederson B. B., Conrad F. C., Traugott M. W. (2008) *Voting Technology: The Not-So-Simple Act of Casting a Ballot*. Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Hughes L., Dwivedi Y.K., Misra S. K., Rana N. P., Raghavan V., Akella V. (2019) Blockchain Research, Practice and Policy: Applications, Benefits, Limitations, Emerging Research Themes and Research Agenda. *International Journal of Information Management*. Vol. 49. P. 114—129. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2019.02.005>.
- Jho W., Song K. J. (2015) Institutional and Technological Determinants of Civil E-Participation: Solo or Duet? *Government Information Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 488—495. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.003>.
- Joaquim R., Ferreira P., Ribeiro C. (2013) EVIV: An End-to-End Verifiable Internet Voting System. *Computers & Security*. Vol. 32. P. 170—191. <https://doi.org/10.1016/j.cose.2012.10.001>.
- Jones K. (1996) Trust as an Affective Attitude. *Ethics*. Vol. 107. No. 1. P. 4—25. <http://www.jstor.org/stable/2382241>.
- Kassen M. (2021) Understanding Decentralized Civic Engagement: Focus on Peer-to-Peer and Blockchain-Driven Perspectives on E-Participation. *Technology in Society*. Vol. 66. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101650>.
- Keil M., Tan B. C., Wei K. K., Saarinen T., Tuunainen V., Wassenaar A. (2000) A Cross-Cultural Study on Escalation of Commitment Behavior in Software Projects. *MIS Quarterly*. Vol. 24. No. 2. P. 299—325. <https://doi.org/10.2307/3250940>.
- Kersting N. Dr., Kersting N., Baldersheim H. (eds) (2004) *Electronic Voting and Democracy: A Comparative Analysis*. London: Palgrave Macmillan.

Kneuer M. (2016) E-Democracy: A New Challenge for Measuring Democracy. *International Political Science Review*. Vol. 37. No. 5. P. 666—678. <https://doi.org/10.1177/0192512116657677>.

Kreuter F., Presser S., Tourangeau R. (2008) Social Desirability Bias in CATI, IVR, and Web Surveys: The Effects of Mode and Question Sensitivity. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 5. P. 847—865. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn063>.

Lean O. K., Zailani S., Ramayah T., Fernando Y. (2009) Factors Influencing Intention to Use E-Government Services among Citizens in Malaysia. *International Journal of Information Management*. Vol. 29. No. 6. P. 458—475. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2009.03.012>.

Lee C., Chang K., Berry F. (2011) Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective. *Public Administration Review*. Vol. 71. No. 3. P. 444—454. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x>.

Leung L., Wei R. (1999) Who are the Mobile Phone Have-Nots?: Influences and Consequences. *New Media & Society*. Vol. 1. No. 2. P. 209—226. <https://doi.org/10.1177/1461444899001002003>.

Lindner R., Aichholzer G., Hennen L. (eds) (2016) *Electronic Democracy in Europe: Prospects and Challenges of E-Publics, E-Participation and E-Voting*. Cham: Springer International Publishing.

Lipsmeier A., Bansmann M., Roeltgen D., Kuerpick C. (2018) Framework for the Identification and Demand-Orientated Classification of Digital Technologies. In: *Proceedings of the 2018 IEEE International Conference on Technology Management, Operations and Decisions (ICTMOD)*. Marrakech: IEEE ICTMOD. P. 31—36. <https://doi.org/10.1109/ITMC.2018.8691135>.

Lissitsa S. (2021) Effects of Digital Use on Trust in Political Institutions among Ethnic Minority and Hegemonic Group — A Case Study. *Technology in Society*. Vol. 66. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101633>.

Loeber L. (2011) Voter Trust in the Netherlands between 2006 and 2010. In: Parycek P., Kripp M. J., Edelman N. (eds) *Proceedings of the International Conference for E-Democracy and Open Government (CeDEM-11)*. Krems: Edition Donau-Universität Krems. P. 323—334.

Luhmann N. (1979) *Trust and Power: Two Works*. Chichester: Wiley. As cited in: Pieters W., Becker M. (2005) Ethics of E-Voting: An Essay on Requirements and Values in Internet Elections. In: Brey P., Grodzinsky F., Introna L. (eds) *Ethics of New Information Technology: Proceedings of the Sixth International Conference on Computer Ethics: Philosophical Enquiry (CEPE 2005)*. Enschede: Center for Telematics and Information Technology (CTIT). P. 307—318.

Maerz S. F. (2016) The Electronic Face of Authoritarianism: E-Government as a Tool for Gaining Legitimacy in Competitive and Non-Competitive Regimes. *Government Information Quarterly*. Vol. 33. No. 4. P. 727—735. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.08.008>.

Mayer R., Davis J., Schoorman D. (1995) An Integrative Model of Organization Trust. *Academy of Management Review*. Vol. 20. No. 3. P. 709—734. <https://doi.org/10.2307/258792>.

Mendez F., Serdült U. (2017) What Drives Fidelity to Internet Voting? Evidence from the Roll-Out of Internet Voting in Switzerland. *Government Information Quarterly*. Vol. 34. No. 3. P. 511—523. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2017.05.005>.

Miles I., Thomas G. (1995) User Resistance to New Interactive Media: Participants, Processes and Paradigms. In: Bauer M. (ed) *Resistance to New Technology: Nuclear Power, Information Technology and Biotechnology*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 255—276. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511563706.013>.

Moynihan D. (2004) Building Secure Elections: E-Voting, Security, and Systems Theory. *Public Administration Review*. Vol. 64. No. 5. P. 515—528. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2004.00400.x>.

Nemeslaki A., Aranyossy M., Sasvári P. (2016) Could On-Line Voting Boost Desire to Vote? — Technology Acceptance Perceptions of Young Hungarian Citizens. *Government Information Quarterly*. Vol. 33. No. 4. P. 705—714. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.11.003>.

Norris P., Jones D. (1998) Editorial: Virtual Democracy. *Harvard International Journal of Press/Politics*. Vol. 3. No. 2. P. 1—4. <https://doi.org/10.1177/1081180X98003002001>.

Oostveen A-M., Van Den Besselaar P. (2004) Internet Voting Technologies and Civic Participation: The Users' Perspective. *Javnost — The Public*. Vol. 11. No. 1. P. 61—78. <https://doi.org/10.1080/13183222.2004.11008847>.

Oudshoorn N. (2019) Placing Users and Nonusers at the Heart of Technology. In: Pittinsky T. (ed) *Science, Technology, and Society: New Perspectives and Directions*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 163—175. <https://doi.org/10.1017/9781316691489.007>.

Park S., Specter M., Narula N., Rivest R. L. (2021) Going from Bad to Worse: from Internet Voting to Blockchain Voting. *Journal of Cybersecurity*. Vol. 7. No. 1. <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyaa025>.

Pawlak M., Poniszewska-Marańda A., Kryvinska N. (2018) Towards the Intelligent Agents for Blockchain E-Voting System. *Procedia Computer Science*. Vol. 141. P. 239—246. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2018.10.177>.

Petitpas A., Jaquet J. M., Sciarini P. (2021) Does E-Voting Matter for Turnout, and to Whom? *Electoral Studies*. Vol. 71. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102245>.

Powell A., Williams C. K., Bock D. B., Doellman T., Allen J. (2012) E-Voting Intent: A comparison of Young and Elderly Voters. *Government Information Quarterly*. Vol. 29. No. 3. P. 361—372. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2012.01.003>.

Queiroz M. M., Wamba S. F. (2019). Blockchain Adoption Challenges in Supply Chain: An Empirical Investigation of the Main Drivers in India and the USA. *International Journal of Information Management*. Vol. 46. P. 70—82. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2018.11.021>.

Rana N., Williams M., Dwivedi Y., Williams J. (2012) Theories and Theoretical Models for Examining the Adoption of E-Government Services. *E-Service Journal*. Vol. 8. No. 2. P. 26—56. <https://doi.org/10.2979/eservicej.8.2.26>.

Reddick C. (2004) Empirical Models of E-Government Growth in Local Governments. *E-Service Journal*. Vol. 3. No. 2. P. 59—84. <https://doi.org/10.2979/esj.2004.3.2.59>.

Rönkkö M., Cho E. (2020) An Updated Guideline for Assessing Discriminant Validity. *Organizational Research Methods*. P. 1—42. <https://doi.org/10.1177/1094428120968614>.

Rosseel Y. (2012) lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. *Journal of Statistical Software*. Vol. 48. No. 2. P. 1—36. <https://doi.org/10.18637/jss.v048.i02>.

Safarpour A., Hanmer M. (2020) Information about Coronavirus Exposure Effects Attitudes Towards Voting Methods. *Journal of Experimental Political Science*. P. 1—5. <https://doi.org/10.1017/XPS.2020.38>.

Satizábal C., Páez R., Forné J. (2021) Secure Internet Voting Protocol (SIVP): A secure Option for Electoral Processes. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*. <https://doi.org/10.1016/j.jksuci.2020.12.016>.

Schermelleh-Engel K., Moosbrugger H., Müller H. (2003) Evaluating the Fit of Structural Equation Models: Tests of Significance and Descriptive Goodness-of-Fit Measures. *Methods of Psychological Research Online*. Vol. 8. No. 2. P. 23—74.

Schumacker R. E., Lomax R. G. (2015) *A Beginner's Guide to Structural Equation Modeling* (4th ed.). New York, NY: Routledge.

Solop F. I. (2001) Digital Democracy Comes of Age: Internet Voting and the 2000 Arizona Democratic Primary Election. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 34. No. 2. P. 289—293. <https://doi.org/10.1017/S104909650100052X>.

Solvak M., Vassil K. (2018) Could Internet Voting Halt Declining Electoral Turnout? New Evidence That E-Voting Is Habit Forming. *Policy & Internet*. Vol. 10. No. 1. P. 4—21. <https://doi.org/10.1002/poi3.160>.

Stewart Ch. III, Dunham J. (2020) Attitudes toward Voting Technology, 2012—2019. *Journal of Political Institutions and Political Economy*. Vol. 1. No. 2. P. 159—187.

Sztompka P. (1999) *Trust: A sociological Theory*. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press.

Tarka P. (2018) An Overview of Structural Equation Modeling: Its Beginnings, Historical Development, Usefulness and Controversies in the Social Sciences. *Quality & Quantity*. Vol. 52. P. 313—354. <https://doi.org/10.1007/s11135-017-0469-8>.

- Unver H. (2017) Digital Challenges to Democracy. *Journal of International Affairs*. Vol. 71. No. 1. P. 127—146. <https://www.jstor.org/stable/26494368>.
- Vassil K., Solvak M., Vinkel P., Trechsel A. H., Alvarez R. M. (2016) The Diffusion of Internet Voting. Usage Patterns of Internet Voting in Estonia between 2005 and 2015. *Government Information Quarterly*. Vol. 33. No. 3. P. 453—459. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2016.06.007>.
- Vlachokyriakos V., Dunphy P., Taylor N., Comber R., Olivier P. (2014) BallotShare: An Exploration of the Design Space for Digital Voting in the Workplace. *Computers in Human Behavior*. Vol. 41. P. 433—443. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.04.024>.
- Vorobyev D. (2016) Participation in Fraudulent Elections. *Social Choice and Welfare*. Vol. 46. No. 4. P. 863—892. <https://doi.org/10.1007/s00355-015-0939-7>.
- Warkentin M., Sharma S., Gefen D., Rose G. M., Pavlou P. (2018) Social Identity and Trust in Internet-Based Voting Adoption. *Government Information Quarterly*. Vol. 35. No. 2. P. 195—209. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.03.007>.
- Willemson J. (2018) Bits or Paper: Which Should Get to Carry your Vote? *Journal of Information Security and Applications*. Vol. 38. P. 124—131. <https://doi.org/10.1016/j.jisa.2017.11.007>.
- Wyatt S. M. E. (2003) Non-Users Also Matter. In: Oudshoorn N., Pinch T. (eds) *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technology*. Cambridge, MA: MIT Press. P. 67—79. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3592.003.0006>.
- Xia Y., Yang Y. (2019) RMSEA, CFI, and TLI in Structural Equation Modeling with Ordered Categorical Data: The Story they Tell Depends on the Estimation Methods. *Behavior Research Methods*. Vol. 51. P. 409—428. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1055-2>.
- Yao Y., Murphy L. (2007) Remote Electronic Voting Systems: An Exploration of Voters' Perceptions and Intention to Use. *European Journal of Information Systems*. Vol. 16. No. 2. P. 106—120. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ejis.3000672>.
- Yi X., Okamoto E. (2013) Practical Internet Voting System. *Journal of Network and Computer Applications*. Vol. 36. No. 1. P. 378—387. <https://doi.org/10.1016/j.jnca.2012.05.005>.
- Yusifov F. (2018) Weighted Voting as a New Tool of Democratic Elections. *IFAC-PapersOnLine*. Vol. 51. No. 30. P. 118—121. <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.259>.

Appendix 1. Description of the Model 1

Latent/ dependent variable	Survey item	Question	Response options
Risk	Lack of technical reliability	Why would you not vote in an election over the Internet? You can give up to three answers.	I do not believe in the technical reliability of this system
	Lack of anonymity		I do not believe that the secrecy of the vote will be preserved
	Fraud		I admit that there may be deliberate manipulation, fraud
Acceptance	Technical ability	How often do you use the Internet?	No technical capability (do not have Internet/computer/smartphone) and Can't use (Internet/computer/smartphone)
	Comparative advantage		Inconvenient
	Internet usage		0. Do not use 1. More than 4 hours daily 2. Every day, less than 4 hours daily 3. Several times a week 4. Several times a month 5. Occasionally, but no less than once every half year
Attitude	Attitude	How do you feel about the provision of the opportunity to vote in elections remotely, via the Internet?	Rather approve / rather do not approve
Attitude ~	Awareness	Do you know, have you heard something or are you hearing for the first time that the State Duma passed a law last week that allows citizens to vote via the Internet?	1. I know this issue well 2. I've heard something about it 3. I'm hearing this for the first time
Intent to vote online	Would agree to use Internet voting	If you were given the opportunity to vote online in elections over the Internet, would you agree to vote online?	Yes, why not / No, would not vote
Intent to vote online ~	Voting habit	Do you usually go or not go to the polls?	Yes / No (for options "do not go as a matter of principle" and "never voted")

Appendix 2. Description of the Model 2

Latent / dependent variable	Survey item	Question	Response options
Risk	Security	If we speak about traditional voting by going to a polling place and electronic voting on dedicated platforms (e.g., Gosuslugi), which of these two types of voting is best characterized by the following features?	Anonymity (1 for options including only traditional voting, otherwise 0)
	Lack of anonymity		Possibility of external interference into the voting procedure (1 for options including Internet voting, otherwise 0)
	Fear of leaks		Theft or leakage of my personal data (1—7)
	Fear of fraud		Fraud (1—7)
Acceptance	Convenience	If we speak about traditional voting by going to a polling place and electronic voting on dedicated platforms (e.g., Gosuslugi), which of these two types of voting is best characterized by the following features?	Convenience (1 for options including Internet voting, otherwise 0)
	Feeling of carrying out civic duty		Feeling of carrying out civic duty (1 for options including Internet voting, otherwise 0)
	Internet usage		1. More than 4 hours daily 2. Every day, less than 4 hours daily 3. Several times a week 4. Several times a month 5. Occasionally, but no less than once every half year
	Quality of e-voting ("Active citizen" and analogs)		Active citizen and analogs (1—7)
Quality	Quality	Please evaluate the quality of systems for online voting for public officials.	1. Very poor 2. Poor 3. Somewhat poor 4. Neither poor, nor good 5. Somewhat good 6. Good 7. Very good
Quality ~	Awareness	In Russia, technologies for remote voting are increasingly used in elections at different levels. Please tell us, are you hearing about this use of technology for electronic voting for the first time?	1. I know this issue well 2. I've heard something about it 3. I'm hearing this for the first time

Latent / dependent variable	Survey item	Question	Response options
Intent to vote online	Would agree to use Internet voting	If you were given the opportunity to vote online in elections over the Internet, would you agree to vote online?	1. I absolutely would agree 2. I would agree 3. I would likely agree 4. Maybe I would agree, maybe not 5. I would likely not agree 6. I would not agree 7. I would definitely not agree.
Intent to vote online ~	Voting habit	Mark out of the listed facts only those that apply to you	Mean of voted in the last federal / regional / local election

Appendix 3. Recoded “Other” options added to the Model 1

Observed indicator	Added “Other options”
Lack of technical reliability	Technical failures and disruptions
Lack of anonymity	I do not believe that the secrecy will be kept
Fraud	<p>Possibility of interference It is a lie There is no objectivity I do not trust it I do not trust the Internet. There will be falsifications I do not believe in the transparency of such voting I do not believe in votes how the people will vote There may be violations For me, to get to the polling station is close enough, and the less technical means, the harder it is to falsify the result</p>
Technical ability (reversed)	<p>I'm not always in an area with internet coverage, I'm often on the road Poor Internet connection I don't have a computer and Internet Novice computer user Transfer of personal data, there may be Internet network failures I will not be able to</p>
Comparative advantage (reversed)	<p>Cannot ask if a question arises I don't want to deal with it I would rather vote at the polling station, if possible I want to go I want to vote as always at the polling place I want to take a walk, feel the atmosphere of the elections It's not interesting I am accustomed to traditional voting I am accustomed to paper ballots Accustomed to the usual way of voting I prefer to vote in person I prefer to vote traditionally The feeling of the result of my voting I like coming, checking a box, and casting it in the ballot box, the atmosphere is festive There are no problems with paper voting Inhumanly Not interesting I like traditional voting People should vote in person It is better to go to the polling station Better voting at the polling station I trust paper voting The opportunity to go out in public is a holiday for me</p>

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): ноябрь — декабрь 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 346—361.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): November — December 2021. (2021) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 346–361.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2021

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

НАД ГРАНИЦЕЙ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО 347

УКРАИНА И УКРАИНЦЫ: БРАТЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПРОСТО СОСЕДИ? 351

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ТРУДОВЫЕ ИММИГРАНТЫ В РОССИИ: ВКЛАД, ПОЛОЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ..... 353

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: ОПАСЕНИЯ, ОХВАТ ВАКЦИНАЦИЕЙ, QR-КОДЫ 355

ИТОГИ 2021 ГОДА И ОЖИДАНИЯ ОТ 2022-ГО..... 356

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СТАРОЕ-ДОБРОЕ: О ЛЮБИМЫХ НОВОГОДНИХ ФИЛЬМАХ 358

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 360

ШУТКИ В СТОРОНУ,
ИЛИ НАД ЧЕМ СМЕЯТЬСЯ МОЖНО, А НАД ЧЕМ НЕ СТОИТ 361

ПОЛИТИКА

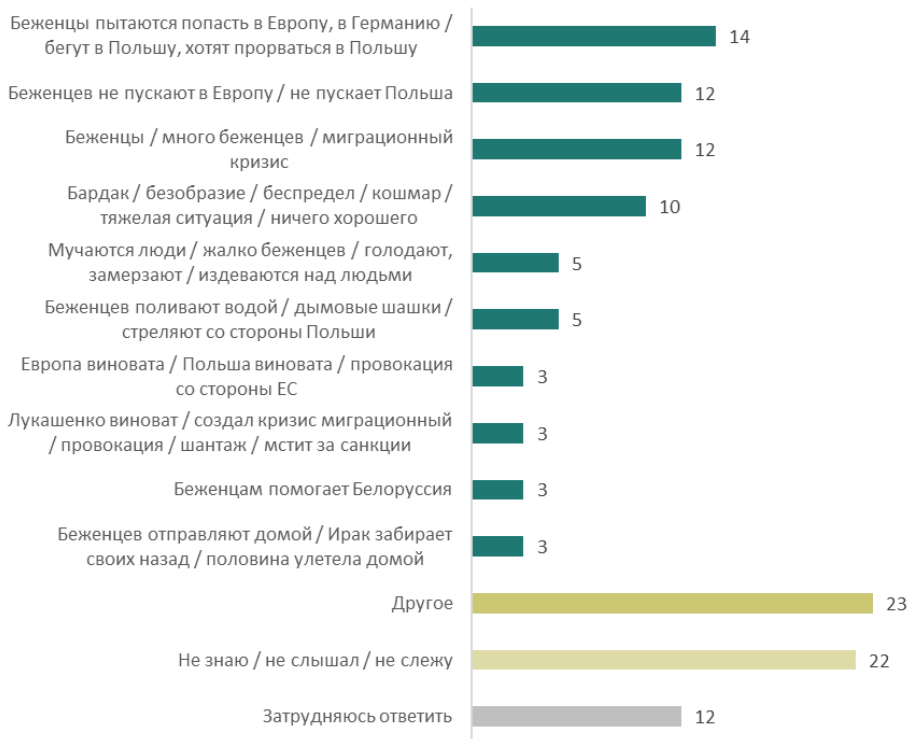
НАД ГРАНИЦЕЙ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО	347
УКРАИНА И УКРАИНЦЫ: БРАТЬЯ, ВРАГИ ИЛИ ПРОСТО СОСЕДИ?	351

НАД ГРАНИЦЕЙ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО

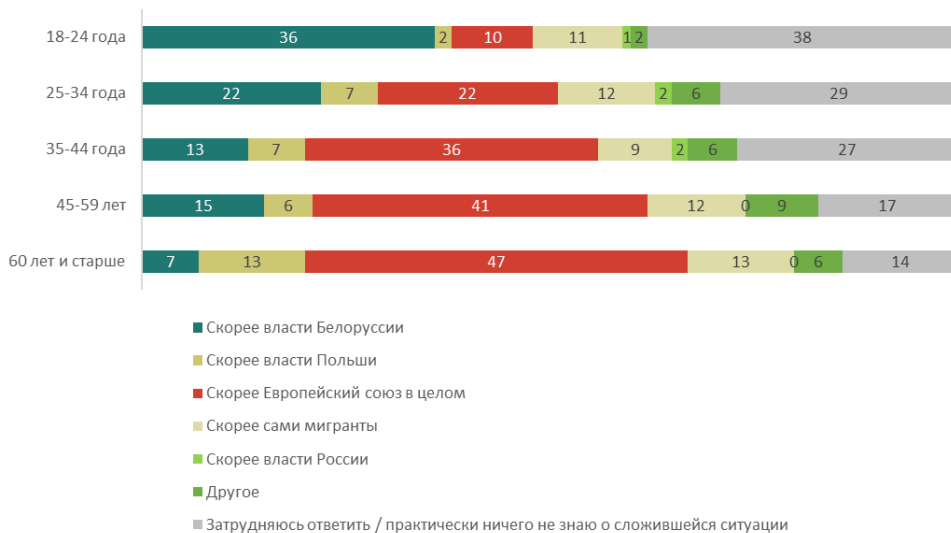
18 ноября 2021 г.

Две трети россиян слышали о последних событиях на белорусско-польской границе (66%), 34% опрошенных не знают, о чем речь, или затруднились ответить. Чаще всего наши соотечественники полагают, что в сложившейся ситуации скорее виноват Европейский союз (36%, 41—47% среди граждан старшего поколения), 8% — что власти Польши, 15% сказали, что ответственность лежит на властях Белоруссии (22—36% среди молодежи), а 12% считают, что виноваты сами мигранты. Отвечая на открытый вопрос о том, как следует поступить властям Беларуси в отношении мигрантов, находящихся на ее территории на границе с Польшей, 18% россиян сказали, что их нужно депортировать, 17% — что им необходимо помочь и предоставить гуманитарную помощь, по 4% убеждены, что нужно не препятствовать им, пытаться договориться с Евросоюзом или закрыть границу. Из трех предложенных в рамках закрытого вопроса вариантов того, как белорусским властям следует поступить в отношении мигрантов на границе с Польшей, чаще всего опрошенные россияне выбрали помощь в возвращении домой (44%), 27% считают, что властям Белоруссии и Польши следует договориться о переходе мигрантами границы, а 8% ответили, что нужно предоставить им убежище на территории Беларуси. В то же время, отвечая на открытый вопрос о том, как Россия должна поступить в ситуации с мигрантами на белорусско-польской границе, 32% респондентов сказали, что не нужно вмешиваться. По 10% ответили, что необходимо поддержать Беларусь или оказать гуманитарную помощь, по 7% считают, что беженцам нужно помочь вернуться домой и что Россию эта ситуация не касается.

Рис. 1. Вы знаете, слышали или не слышали о последних событиях на белорусско-польской границе? Если слышали, то опишите в двух-трех словах то, что в настоящее время там происходит (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 3 %)

Рис. 2. На польско-белорусской границе находятся несколько тысяч мигрантов, стремящихся попасть из Белоруссии в Польшу. Скажите, на Ваш взгляд, кто в первую очередь виноват в сложившейся ситуации с мигрантами на белорусско-польской границе? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 3. Сейчас я прочитаю Вам несколько мнений о том, как следует поступить властям Белоруссии в отношении мигрантов на границе с Польшей. С каким мнением Вы в большей степени согласны? Властям Белоруссии следует... (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 4. Как Вы считаете, как должна поступить Россия в ситуации с мигрантами на белорусско-польской границе? (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 1 %)

УКРАИНА И УКРАИНЦЫ: БРАТЯ, ВРАГИ ИЛИ ПРОСТО СОСЕДИ?

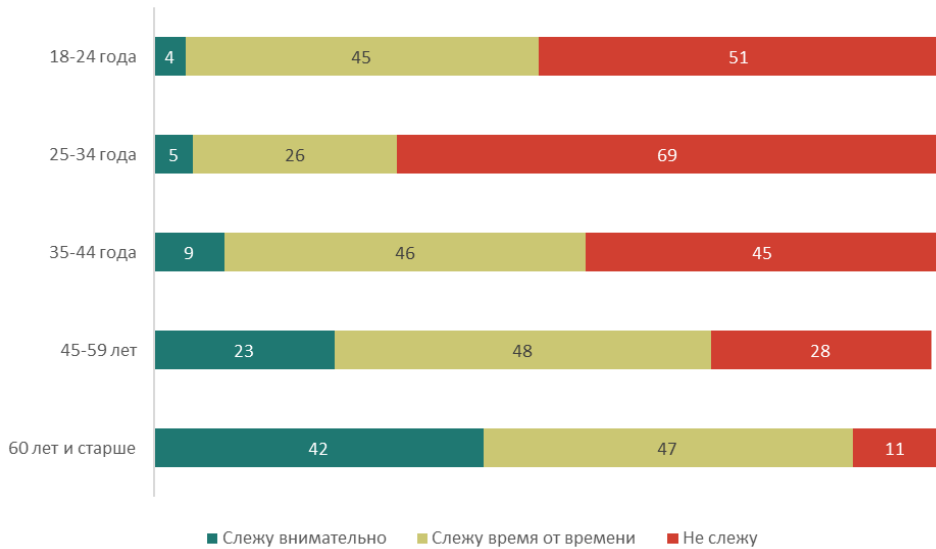
10 декабря 2021 г.

Большинство россиян (52 %) относятся к украинскому народу, как к братскому (57—62 % среди граждан старшего поколения), 31 % охарактеризовали свое отношение как нейтральное (42—62 % среди молодежи). Только 11 % респондентов считают, что украинцы — это народ, враждебно настроенный по отношению к россиянам. Каждый пятый наш соотечественник (21 %) внимательно следит за событиями, происходящими в настоящее время в Украине (23—42 % среди старшего поколения), 43 % следят за ними время от времени, а 36 % не следят совсем (51—69 % среди молодежи).

Рис. 5. Как бы Вы охарактеризовали свое отношение к украинскому народу в настоящее время? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 6. Вы лично следите или не следите за политическими событиями, происходящими в настоящее время в Украине? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ТРУДОВЫЕ ИММИГРАНТЫ В РОССИИ: ВКЛАД, ПОЛОЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ	353
ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: ОПАСЕНИЯ, ОХВАТ ВАКЦИНАЦИЕЙ, QR-КОДЫ.....	355
ИТОГИ 2021 ГОДА И ОЖИДАНИЯ ОТ 2022-ГО.....	356

ТРУДОВЫЕ ИММИГРАНТЫ В РОССИИ: ВКЛАД, ПОЛОЖЕНИЕ, ОТНОШЕНИЕ

10 ноября 2021 г.

Более половины россиян (60 %) полагают, что в присутствии в России мигрантов из других стран положительных и отрицательных сторон примерно поровну. 27 % респондентов считают, что больше отрицательных сторон, а 11 % — что больше положительных. Для наших соотечественников чаще всего неочевидны позитивные эффекты для развития экономики от трудовой иммиграции: положительно относятся к притоку иностранцев в различные отрасли экономики лишь 28 %, в то время как 41 % опрошенных придерживаются противоположной точки зрения. Более половины россиян (56 %) согласны с тем, что иностранные трудовые мигранты восполняют нехватку рабочих рук на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе, 24 % не согласны с этим, а 17 % — отчасти согласны, отчасти нет. Мнение о том, что иммигранты создают конкуренцию на рынке труда и «отнимают» работу у местных жителей, разделяют 44 % россиян, 37 % с ним не согласны, а 16 % — отчасти согласны, отчасти нет. Около половины респондентов (49 %) согласны с суждением, что зарплаты местных жителей повысятся, если на рынке труда не будет мигрантов, треть (31 %) с этим не согласны. Больше половины россиян (57 %) полагают, что между ростом преступности и количеством мигрантов из других стран существует связь, 20 % не видят такой связи, а 18 % отчасти согласны, отчасти не согласны с тем, что иммигранты повышают уровень преступности.

Рис. 1. В целом, на Ваш взгляд, в том, что в России работают мигранты из других стран, больше положительных или отрицательных сторон, или примерно одинаково? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Таблица 1. Давайте поговорим о мигрантах. Я Вам сейчас зачитаю различные мнения об иммигрантах из других стран, живущих в России. Насколько Вы согласны или не согласны с этими суждениями? (индекс*)

Иммиграция — это в целом хорошо для развития экономики	41
Иммигранты «отнимают» работу у местных жителей	51
Иммигранты восполняют нехватку рабочих рук на малоквалифицированной и низкооплачиваемой работе	61
Иммигранты повышают уровень преступности	62
Если на рынке труда не будет мигрантов, зарплаты местных жителей в этих отраслях повысятся	54

* Индекс строится на основе вопроса: «Насколько Вы согласны или не согласны с этими суждениями?» Ответу «скорее согласен» присваивается коэффициент 0,9, ответу «Отчасти согласен, отчасти не согласен» — 0,5, «Скорее не согласен» — 0,1. Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от 10 до 90.

ПАНДЕМИЯ КОРОНАВИРУСА: ОПАСЕНИЯ, ОХВАТ ВАКЦИНАЦИЕЙ, QR-КОДЫ

12 декабря 2021 г.

Более половины россиян (61 %) опасаются, что они или их близкие могут заболеть коронавирусом, 14 % уверены, что ни с ними, ни с их близкими этого не случится. Более половины наших сограждан (54 %) положительно относятся к массовой вакцинации россиян от коронавируса, около трети (30 %) относятся к ней отрицательно, а 12 % — безразлично. Среди опрошенных респондентов 42 % декларируют, что уже сделали прививку, 27 % стали бы делать прививку, а 29 % не стали бы прививаться. Половина наших соотечественников (51 %) сказали, что уже получали QR-код, 48 % — что не получали. Из тех, кто уже получал QR-код, только 5 % сталкивались со сложностями, а 46 % — не сталкивались, 49 % затруднились ответить на этот вопрос.

Рис. 2. **Опасаетесь ли Вы сейчас, что Вы сами или Ваши близкие могут заболеть коронавирусом? (в % от опрошенных)**

Рис. 3. **Скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к массовой вакцинации россиян от коронавируса? (в % от опрошенных)**

ИТОГИ 2021 ГОДА И ОЖИДАНИЯ ОТ 2022-ГО*Декабрь 2021 г.*

Уходящий год россияне провожают в целом с хорошим настроением: соответствующий индекс* составил 60 п. В канун 2022 г. каждый второй опрошенный (50 %) чувствует радость и ожидание перемен к лучшему, 19 % — спокойствие и уверенность. Под конец года 16 % наших соотечественников ощущают усталость, а 14 % пребывают в волнении. Грусть испытывают 9 % респондентов, а разочарование — 7 %. Среди опрошенных россиян 37 % рассказали, что в этом году было больше плохого, чем от него ожидали, для половины россиян (49 %) он был таким, каким его ожидали. Для 12 % было больше хорошего в 2021 г., чем ожидалось. По мнению 34 % наших сограждан, Россия прошла испытания этого года скорее легче, чем большинство других стран. Треть (32 %) согласилась с тем, что так же, как и другие страны, а 25 % — что скорее тяжелее. На 2022 г. граждане возлагают надежды и чаще ожидают перемен к лучшему: более половины респондентов (70 %) полагают, что год будет удачным или хорошим для них лично, 52 % — для страны и 46 % — для мира в целом.

Рис. 4. Каким был прошедший год лично для Вас и Вашей семьи?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рис. 5. Каким был прошедший год для России в целом?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рис. 6. Что Вы ожидаете от будущего года лично для Вас и Вашей семьи?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

Рис. 7. Что Вы ожидаете от будущего года для России в целом?
(закрытый вопрос, один ответ, %)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

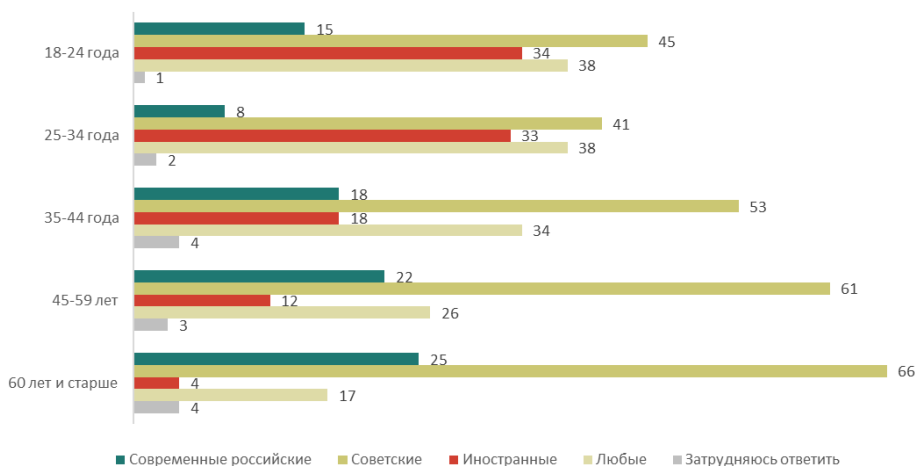
СТАРОЕ-ДОБРОЕ: О ЛЮБИМЫХ НОВОГОДНИХ ФИЛЬМАХ.....	358
КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?	360
ШУТКИ В СТОРОНУ, ИЛИ НАД ЧЕМ СМЕЯТЬСЯ МОЖНО, А НАД ЧЕМ НЕ СТОИТ	361

СТАРОЕ-ДОБРОЕ: О ЛЮБИМЫХ НОВОГОДНИХ ФИЛЬМАХ

5 декабря 2021 г.

Более половины россиян (56%) в дни новогодних каникул предпочитают смотреть советское кино, 19% выбирают современные российские фильмы, 17% — иностранные, а 28% смотрят любые фильмы. Чаще всего с новогодними праздниками у наших соотечественников ассоциируются такие фильмы, как «Ирония судьбы, или С легким паром!» (55%), «Один дома» (18%), «Операция “Ы” и другие приключения Шурика» (12%), «Иван Васильевич меняет профессию» (10%), а также «Елки» и «Карнавальная ночь» (по 9%). Любимые новогодние фильмы россиян — «Ирония судьбы, или С легким паром!» (33%), «Один дома» (12%), «Иван Васильевич меняет профессию», «Операция “Ы” и другие приключения Шурика», а также «Елки» (по 8%). У 18% опрошенных нет любимых новогодних фильмов, 22% затруднились ответить. Лучшим отечественным новогодним фильмом, снятым за последние несколько лет, респонденты считают «Елки» (19%), 20% опрошенных сказали, что таких фильмов нет, а 52% затруднились ответить.

Рис. 1. Впереди Новый год и новогодние каникулы. Какие фильмы Вы предпочитаете смотреть в дни новогодних каникул? Вы можете дать до двух ответов (закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

Рис. 2. Назовите лучшие, на Ваш взгляд, новогодние отечественные кинофильмы, снятые за последние несколько лет. Вы можете дать несколько ответов (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 1%)

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

7 ноября 2021 г.

Большинство россиян (78%) верят, что иногда в жизни человека случаются возрастные кризисы (86% среди 25—34-летних), 11% в них не верят (14% среди мужчин). Чаще всего респонденты, которые верят в существование возрастных кризисов, считают, что обычно возрастные кризисы у взрослых случаются в 30—40 лет (31%, 39—42% среди молодежи; 48% среди 35—44-летних) и в 40—50 лет (30%, 41% среди 45—59-летних). Также 22% отметили, что возрастные кризисы обычно случаются в 18—30 лет (40—46% среди молодежи) и в 50—60 лет (29% среди граждан 60+). Таким образом, каждой возрастной группе свойственно рассматривать свой возраст как более подверженный кризисам. Более половины наших соотечественников (63%) убеждены в существовании «кризиса среднего возраста» (68—75% среди молодежи, 72% среди 35—44-летних), 16% полагают, что это выдумки и миф, 17% опрошенных не слышали об этом явлении. Россияне, сказавшие, что «кризис среднего возраста» существует, дали бы такие советы тем, кто сейчас проходит через возрастную кризис: обратиться к психологу (13%), не падать духом (8%), общаться с близкими, родными и друзьями, а также терпеть и держаться (по 7%).

Рис. 3. **Вы в принципе верите или не верите в то, что иногда в жизни человека случаются возрастные кризисы? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)**

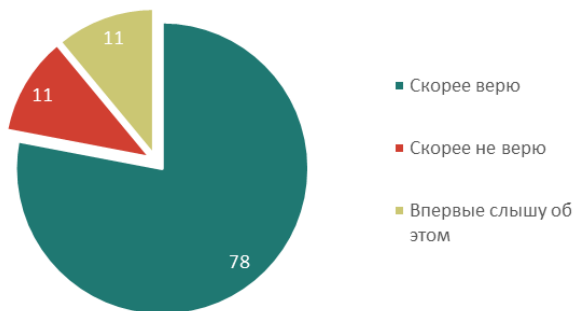
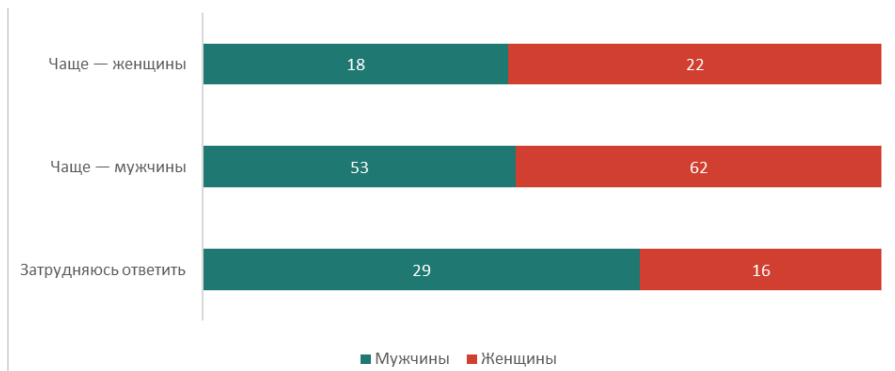

Рис. 4. **Как Вы думаете, кто чаще проходит через «кризис среднего возраста» — мужчины или женщины? (закрытый вопрос, один ответ, кто считает, что «кризис среднего возраста существует»)**

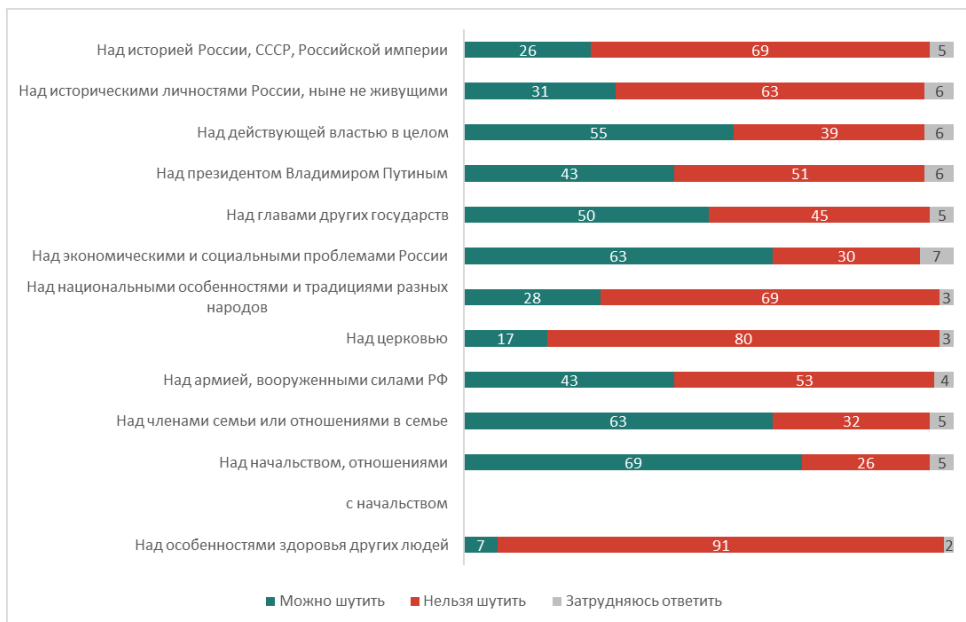

ШУТКИ В СТОРОНУ, ИЛИ НАД ЧЕМ СМЕЯТЬСЯ МОЖНО, А НАД ЧЕМ НЕ СТОИТ

12 ноября 2021 г.

Россияне часто бывают уверены в своем чувстве юмора: 40 % считают, что обладают им в большой степени (46—53 % среди молодежи), 45 % полагают, что обладают им в некоторой степени, 9 % — только в малой степени. Лишь 4 % опрошенных признались, что практически лишены чувства юмора. Наши соотечественники высказались о том, можно или нельзя шутить на некоторые темы. Наиболее уместными для шуток респонденты считают такие темы, как отношения с начальством (69 %), отношения в семье и экономические и социальные проблемы России (по 63 %). По мнению россиян, нельзя шутить над особенностями здоровья других людей (91 %), над церковью (80 %), национальными особенностями и традициями разных народов, а также над историей России, СССР и Российской империи (по 69 %). Три четверти россиян (77 %) скорее отрицательно относятся к черному юмору, то есть к насмешкам над смертью, насилием, болезнями и над другими «мрачными» темами (83 % среди женщин, 83—87 % среди граждан старшего поколения). Только 5 % воспринимают черный юмор скорее положительно, а 16 % — нейтрально или безразлично (26—39 % среди молодежи).

Рис. 5. Как Вы считаете, над чем или кем шутить можно, а над чем или кем нельзя шутить ни при каких обстоятельствах? (закрытый вопрос, один ответ по каждой строке, в % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2052](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052)

А. Б. Белоусов, Д. А. Давыдов

ОТ ПРАВА НА ГОРОД К ПРАВУ НА ПРОСТРАНСТВО. ДИНАМИКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильная ссылка на статью:

Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. От права на город к праву на пространство. Динамика муниципальных конфликтов на примере Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 362—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>.

For citation:

Belousov A. B., Davydov D. A. (2021) From the Right to the City to the Right to Space. Dynamics of Municipal Conflicts on the Example of the Sverdlovsk Region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 362–385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2052>. (In Russ.)

ОТ ПРАВА НА ГОРОД К ПРАВУ НА ПРОСТРАНСТВО. ДИНАМИКА МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

БЕЛОУСОВ Александр Борисович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права УрО РАН, Москва, Россия

E-MAIL: davydov_ifp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

Аннотация. В статье изложены результаты исследования динамики городских/муниципальных конфликтов на примере Свердловской области, проведенного с помощью инвентаризации. Изучено 208 конфликтных событий за период с начала 2006 г. до середины 2021 г. Количественный анализ дополнялся изучением отдельных кейсов в сравнительной перспективе с целью выявления качественных изменений (ключевые агенты гражданской мобилизации, их политическая принадлежность и т. д.). Отмечено, что после 2010 г. в Свердловской области наблюдается резкий подъем конфликтной активности, связанной с оспариванием муниципальных территорий (преимущественно городские конфликты). Исследование показало, что в последние годы чаще всего конфликты разгораются вокруг таких пространств, как парки, скверы, площади и прочие публичные город-

FROM THE RIGHT TO THE CITY TO THE RIGHT TO SPACE. DYNAMICS OF MUNICIPAL CONFLICTS ON THE EXAMPLE OF THE SVERDLOVSK REGION

Alexandr B. BELOUSOV¹ — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher

E-MAIL: ektb@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0082-909X>

Dmitriy A. DAVYDOV¹ — Cand. Sci. (Polit. Sci.), Research Fellow

E-MAIL: davydov_ifp@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7978-9240>

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Science, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of the dynamics of urban/municipal conflicts on the example of the Sverdlovsk region, conducted with the method of event analysis. Research is based on the analysis of 208 conflict events from the beginning of 2006 to the middle of 2021. We supplemented the quantitative analysis with the study of individual cases in a comparative perspective to identify qualitative changes (key agents of civil mobilization, their political affiliation, etc.). The article notes that after 2010 in the Sverdlovsk region, there has been a sharp increase in conflict activity related to the contesting of municipal territories (mainly urban conflicts). A trend for increasing the effectiveness of local protests has been found — after 2013, the share of protests that bring positive results to activists increased sharply and became predominant. We found out that the success of the struggle of civil activists against the initiatives

ские места. Обнаружена тенденция к росту результативности локальных протестов: после 2013 г. доля протестов, приносящих активистам положительный результат, резко растет и становится преобладающей. Обнаружено, что успех борьбы гражданских активистов против инициатив бизнеса и власти («машины роста») в значительной степени зависит от того, с какого типа территориями и объектами они имеют дело.

Наибольшая доля успешных протестов наблюдается в случаях борьбы за парки, скверы, площади, публичные городские пространства, а также за леса, загородные водоемы и против вредных производств. Минимальная вероятность успеха отмечается у протестов против уплотнительной застройки и за сохранение исторических и архитектурных памятников. Качественный анализ информации о конфликтах показал, что налицо тенденции к деперсонализации протеста и «низовой» самоорганизации, а также все большее внимание активистов к деталям оспариваемых проектов. Учитывая возросший интерес у протестующих (в том числе урбанистов) к эстетической составляющей городского пространства, можно предположить, что локальные конфликты, скорее всего, тематически будут связаны преимущественно с зелеными пространствами и историко-культурной ценностью тех или иных объектов и территорий. Поэтому сочетание «спроса на эстетику» и слабой реакции бизнеса и власти на протесты за сохранение исторических и архитектурных памятников представляется одним из сохраняющихся рисков роста протестной активности.

of business and government (neoliberal “growth machines”) largely depends on what type of territories and objects they are dealing with.

The largest share of successful protests has been in cases of the struggle for parks, squares, public urban spaces, as well as for forests, suburban reservoirs, and against harmful industries. The minimum probability of success is fixed in protests against infill development and preserving historical and architectural monuments. Based on qualitative analysis of information about conflicts, we conclude that there are trends towards the depersonalization of protests and the growth of “grassroots” self-organization and greater attention of activists to the details of contested projects. Given the increased interest among protesters (including urbanists) in the aesthetic component of urban space, local conflicts are likely to be thematically related mainly to green spaces and the historical and cultural value of particular objects and territories. Therefore, the combination of “demand for aesthetics” with the weak reaction of business and local authorities to protests to preserve historical and architectural monuments seems to be one of the persisting risks of an increase in protest activity.

Ключевые слова: городские конфликты, муниципальные конфликты, право на город, политическая мобилизация, гражданское общество, протестные акции, урбанистика

Keywords: urban conflicts, municipal conflicts, the right to the city, political mobilization, civil society, protest actions, urbanism

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы по проекту РФФИ № 20411-660027 «Мониторинг и прогнозирование социальных конфликтов в Свердловской области в 2020—2022 гг.»

Acknowledgments. The article was prepared as part of the work on the RFBR project No. 20411-660027 "Monitoring and forecasting social conflicts in the Sverdlovsk region in 2020–2022".

Постановка проблемы

В последние годы наблюдалась примечательная тенденция — многие социальные конфликты и протестные события локального (муниципального) уровня довольно часто попадали в федеральную повестку и даже оказывались масштабнее и «шумнее», нежели некоторые протестные акции оппозиции, нацеленные на критику федеральных властей. Протесты в Шиесе против строительства мусорного полигона (июль 2018—9 июня 2020 г.), конфликт сторонников и противников строительства православного храма в сквере у театра драмы в Екатеринбурге (март — июнь 2019 г.), массовое противодействие промышленной разработке горы Куштау в Башкортостане (июнь — август 2020 г.) и многие другие не сильно уступали по масштабу протестным акциям несистемной оппозиции в Москве (например, акции в поддержку А. Навального 23 и 31 января 2021 г.), повестки которых закономерно более масштабны. Существует несколько объяснений подобных обстоятельств. К примеру, локальные вопросы могут восприниматься как более доступные для решения путем уличной политической борьбы. Другое дело — понять, о чем данная тенденция может говорить. Свидетельствуют ли указанные события о внезапном появлении сильного гражданского общества на уровне муниципалитетов? Если некоторая активизация действительно наблюдается, то каковы внутренние закономерности этого процесса, какова его динамика — имеем ли мы дело с чем-то стремительно растущим или изменения постепенны? Пока недостаточно ясно, почему одни протестные кейсы оказываются успешными для протестующих, а другие нет. Чтобы понять это, следует изучить, как влияют на исход протеста его тематика и предметная направленность. Отметим, что в подавляющем большинстве случаев под *конфликтом* мы подразумеваем именно *протест*, инициируемый гражданскими активистами, поэтому далее эти термины будут использоваться как синонимы.

Локальные — городские и муниципальные — конфликты все чаще становятся предметом научного дискурса. Сегодня исследуется:

— какие факторы оказывают провоцирующее воздействие на локальные конфликты (ограниченность ресурсов, невнимание представителей бизнеса и властей к интересам горожан, затруднения в коммуникации между контрагентами [Глухова,

2019], неспособность представителей власти выполнять роль третьей стороны [Глухова, Кольба, Соколов, 2017], проблемы в законодательстве, декоративный и рекомендательный характер публичных слушаний и т. д. [Медведев, 2017]);

— определяют ли исход конфликтов проходящие параллельно избирательные кампании (есть основания считать, что влияют в пользу протестующих) [Петрова, 2017];

— способствуют ли городские конфликты формированию постоянных гражданских сообществ (делается вывод о значимости конфликта для становления гражданско-политической субъектности локальных сообществ в сфере городской политики [Кольба, Кольба, 2019]);

— эффективны ли публичные слушания как инструмент решения городских споров (это во многом зависит от активности горожан, степени вовлечения общественности в дискуссию [Зуйкина, Никитина, 2018]);

— чем отличаются политизированные и неполитизированные городские конфликты (последние оказываются более «действенными» с точки зрения гражданских активистов [Соколов, Матюшенко, Фролов, 2020]);

— как создается ценность и аутентичность при защите горожанами исторических зданий [Чернышева, Хохлова, 2021];

— каковы рациональные стратегии агентов конфликта, если рассматривать их поведение с позиций теории игр [Семенов, Шевцова, Бедерсон, 2018] и многое другое.

Однако пока, по крайней мере в России, эмпирические исследования локальных (далее мы предпочтем слово «муниципальных») конфликтов ограничиваются преимущественно кейс-стади, которые охватывают один или несколько случаев, что не позволяет делать релевантных обобщений о самом изучаемом феномене. Здесь можно отметить проект по созданию базы данных «Городские конфликты в России», основанный на анализе конфликтных эпизодов (contentious episode analysis, CEA), который впоследствии позволит делать обобщения на больших выборках. А. Семенов и Э. Минаева проанализировали 146 эпизодов городских конфликтов в 15 городах-миллионниках и зафиксировали 1 150 взаимодействий акторов, что позволило им выявить территориальную специфику конфликтов [Семенов, Минаева, 2021]. Авторы пришли к выводу, что отмена того или иного неуютного с точки зрения гражданских активистов проекта (уплотнительная застройка, строительство, ведущее к вырубке зеленых насаждений, и т. п.) была достигнута всего в 32 % случаев, тогда как его полная или частичная реализация — в 61 % [там же: 196]. Причем в Москве добиться каких-либо изменений в проекте или его отмены гораздо сложнее, чем, например, в Санкт-Петербурге или Новосибирске. При этом обнаружена четкая связь между контекстуальными характеристиками городов и тематикой протеста, определяющая динамику (интенсивность и последовательность) и исход конфликтных эпизодов. Было продемонстрировано, что вероятность реализации или отмены того или иного «противоречивого» проекта сильно зависит от его тематики: проекты, связанные с уплотнительной застройкой или уничтожением зеленых зон, имеют меньше шансов на воплощение (проекты в два раза чаще отменяются по причине протестов, нежели реализуются), чем инфраструктурные проекты, такие как строительство

дорог, развязок, трубопроводов. Хуже дела обстоят с застройкой исторического и архитектурного наследия — здесь, напротив, в два раза чаще проекты девелоперов реализуются без изменений. Протесты же против расселения или сноса зданий имеют практически нулевые шансы на успех [там же]. Тем не менее эти, несомненно, значимые результаты не дают полной картины динамики локальных протестов. Во-первых, хронологические рамки исследования А. Семенова и Э. Минаевой достаточно скромны: 2012—2016 гг., что не позволяет делать выводы о тенденциях динамики и интенсивности оспаривания муниципальных территорий. Во-вторых, за основу взяты кейсы городских конфликтов в 15 городах-миллионниках, причем из описания дизайна исследования неясно, каков был принцип отбора самих кейсов. Представляется, что необходимо рассмотреть всю (или как можно большую) совокупность протестных кейсов на большем временном промежутке, сузив при этом географический охват (взяв за конкретные примеры те или иные регионы). Это позволит четче представить динамику, избегая при этом неопределенности критериев выборки.

Другая проблема — концептуальная. Сегодня, как правило, речь идет именно о городских конфликтах. По всей видимости, такой фокус объясним популярной концепцией «права на город» (см., например: [Lefebvre, Harvey, 1991; Харви, 2008]), акцентирующей внимание на столкновении интересов, с одной стороны, горожан, а с другой — власти и бизнеса. Однако неясно, почему речь идет именно о городе, когда многие конфликты на локальном уровне происходят далеко не только в городах, но и в загородных пространствах, оставаясь при этом по своей сути связанными с уничтожением зеленых пространств, с загрязнением окружающей среды, застройкой мест, имеющих культурное значение, и т. д. В общем, неясно, почему город в этом смысле имеет привилегированное значение. Поэтому в данном контексте резонно говорить не о городских конфликтах и не о «праве на город», а о муниципальных конфликтах и о «праве на пространство». Цель настоящего исследования — раскрыть динамику муниципальных конфликтов за последние 15 лет на примере Свердловской области и ответить на вопрос, имеем ли мы дело с какими-то качественными и количественными изменениями конфликтов в современной России на местном уровне.

Метод

Для достижения поставленной цели выбран ивент-анализ (событийный анализ) — количественный метод исследования, являющийся разновидностью контент-анализа, в рамках которого за единицу анализа берется не слово, а событие. Данный метод, зародившийся в политической науке в 1960-е годы, был нацелен на формализованный анализ взаимодействий между политическими агентами [McClelland, 1967]. Впоследствии его заимствовали исследователи (прежде всего стоит отметить Ч. Тилли [Tilly, 2002]) гражданской мобилизации и протестных событий, стремившиеся оценить их динамику (частоту и уровень интенсивности) в зависимости от тех или иных факторов [McAdam et al., 2005; Семенов, 2018]. Наиболее частая исследовательская стратегия заключается в выявлении и каталогизации тех или иных событий с последующим изучением динамики. Источниками могут быть как полицейские отчеты, так и материалы СМИ. Представляется, что

преимущество данного метода заключается не только в возможности наглядной визуализации протестных/конфликтных событий, но и в возможности сопровождать чисто количественный анализ *качественным*, так как не всегда большая величина выборки позволяет углубляться не просто в подсчет встречаемости той или иной единицы анализа, но также смотреть на существенные качественные изменения (например, изменения ключевых агентов гражданской мобилизации, их политической принадлежности и т. д.).

Выбор Свердловской области обусловлен как географической близостью исследователей к происходящим в регионе событиям, так и тем, что Средний Урал представляется репрезентативным для большей части России: здесь есть как относительно развитый постиндустриальный центр (Екатеринбург), представляющий «первую Россию» (Н. Зубаревич¹), так и муниципалитеты с самой разной социально-экономической структурой и статусом — от «второй России» (Нижний Тагил) до «третьей» (малые моногорода) и «четвертой» (деревни, села и т. д.). В качестве основного поискового источника настоящего исследования выбрано информационное агентство «Ура.ру» (URA.Ru), что обусловлено рядом факторов:

1) это российское информационное интернет-агентство, *специализирующееся* на новостях Уральского федерального округа и крупнейшее интернет-СМИ Уральского региона;

2) данный ресурс аккумулирует («агрегирует») большую часть новостей об общественных событиях в Свердловской области, а потому можно уверенно считать, что наиболее важные из них зафиксированы в архивах агентства (как было выяснено в ходе исследования, данный ресурс охватывает далеко не все, но большую часть протестных кейсов, освещая подчас одиночные пикеты, протестные перформансы и небольшие митинги с участием десятков человек);

3) ресурс, судя по характеру материалов, не выглядит ангажированным, освещая события нейтральным языком и предоставляя слово разным с политической точки зрения субъектам (даже если и есть некоторый уклон в сторону оппозиционности, то для исследования протестов это скорее преимущество);

4) ресурс функционирует сравнительно давно, что дает возможность сформировать выборку из большого количества кейсов и проследить динамику на значимом отрезке времени (15 лет²);

5) дизайн сайта позволяет делать внутренние поисковые запросы по архиву и отбирать материал по выбранному региону (Свердловская область).

Разумеется, данный источник применялся преимущественно с целью поиска конфликтных кейсов. При дальнейшем уточнении деталей (субъектов, тематики и результатов того или иного события и т. д.) использовались другие ресурсы, в том числе Znak.com, «Новый день», «Коммерсантъ», «Накануне.RU» и др.

В качестве единицы количественного анализа взято *конфликтное событие*, которое следует отличать от конфликтного кейса. Кейс включает в себя весь набор взаимодействий субъектов по поводу того или иного конфликта, в то время как событие — это единственный значимый «фрагмент» разворачивающегося во времени

¹ Зубаревич Н. Четыре России и новая политическая реальность // Полит.ру. 2016. 17 января. URL: https://polit.ru/article/2016/01/17/four_russians/ (дата обращения: 15.08.2021).

² Точнее — за 15,5 лет, так как в выборку были включены также кейсы до конца июня 2021 г.

кейса, который может быть как непосредственно митингом, пикетом, шествием и т. п., так и новостью о том, что некоторые действия активистов (петиции, обращения в органы государственной власти, выступления на публичных слушаниях и т. д.) оказались в центре внимания СМИ. При этом конфликтным событием было решено считать только конкретные действия, а не комментарии экспертов или заинтересованных сторон, которым посвящались отдельные новостные материалы. Почти все конфликтные события (за исключением нескольких случаев) оказались при этом именно *протестными* событиями (то есть инициируемыми «снизу»). Один кейс также мог выливаться сразу во множество событий (например, как вышло с борьбой за сквер у театра драмы в Екатеринбурге в 2019 г., когда масштабные митинги длились несколько дней к ряду, что было зафиксировано нами как серия конфликтных событий), хотя такие случаи относительно редки. Акцент именно на событии, а не на кейсе объясняется нами следующим образом: а) так легче количественно сопоставить масштабы протестов (один кейс, выливающийся сразу в несколько событий, как правило, весомее, чем единичное событие), б) так точнее отражается динамика протестной активности, так как один кейс может проявлять себя на протяжении нескольких лет, что лучше визуализировать именно отдельными событиями-проявлениями. К сожалению, такой подход не учитывает точных масштабов конфликтных ситуаций. Небольшая протестная акция из нескольких десятков человек оказывается равнозначной митингу с несколькими тысячами участников. Однако, как будет видно далее, даже такой подход позволяет четко проследить восходящую динамику частоты и уровня интенсивности локальных конфликтов. Как уже было отмечено, параллельно велись качественные наблюдения, позволившие охарактеризовать изменения ключевых субъектов конфликтных ситуаций, их основных тактик и многое другое.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе осуществлялся поиск и каталогизация конфликтных событий. Поиск проходил в три захода по ключевым словам — «протест», «конфликт» и «митинг». Найденные материалы вручную просматривались *step-by-step* с целью определения их соответствия критериям выборки. Затем подходящие ссылки на материалы и краткие их описания копировались в единый файл для дальнейшей систематизации и классификации. Каталогизация заключалась в разбивке протестных событий на следующие категории в зависимости от «тематик»:

- 1) парки, скверы, площади, публичные городские пространства;
- 2) уплотнительная застройка и вопросы межевания и планирования (исключая те, что относятся к п. 1);
- 3) леса, загородные водоемы, экология и вредные производства;
- 4) исторические и архитектурные памятники, названия улиц;
- 5) детские сады и школы;
- 6) прочее.

В категорию «прочее» были включены конфликты, либо трудно поддающиеся классификации, либо не имеющие достаточного количества аналогов для выделения в отдельную категорию. К примеру, это могли быть случаи, описываемые следующими подзаголовками: «Митинг против „Большого Екатеринбурга“ в Березовском», «Противники реконструкции транспортного кольца у „Исети“

в Екатеринбурге переходят к активным действиям», «Красноурьинск собирает новый митинг за сохранение онкоцентра, который хочет расформировать Белявский», и др. При этом в расчет не были включены некоторые разновидности конфликтов, традиционно ассоциирующиеся с концептом «права на город» (например, протесты против изменения транспортных маршрутов или против отмены прямых выборов мэра).

Такой акцент именно на *пространстве* объясним особенностями предмета. Во-первых, подавляющее большинство муниципальных конфликтов касаются именно *пространства*³ (так что добавление в выборку «непространственных» исключений не повлияет сильно на конечные результаты). Во-вторых, во многих не попавших в выборку случаях довольно трудно отделить муниципальную повестку от региональной или федеральной. Так, в России отменять выборы мэров начали с 2014 г., когда поправки к законодательству позволили регионам определять форму избрания глав муниципалитетов. К концу 2018 г. от прямых выборов отказались почти во всех регионах. Возникавшие на этом фоне протестные кейсы в итоге сложно классифицировать как местные, так как источник проблемы — федеральный центр. То же касается, скажем, уровня заработной платы и условий труда бюджетников, что далеко не всегда определяется на уровне конкретного муниципалитета. Напротив, вопросы застройки и судьбы той или иной территории пока остаются почти всегда «местными» (если не брать в расчет ООПТ⁴ или субъектность региональных отделений федеральных органов надзора), поэтому в качестве исследовательской стратегии в определении предмета был выбран именно *пространственный* срез.

На втором этапе осуществлялся детальный анализ каждого выявленного кейса. С помощью поисковых запросов в Google и «Яндекс» велся поиск информации о причинах того или иного конфликта, его субъектах и итогах. Важно было понять, чем закончилось каждое из попавших в выборку событий, поэтому они разбивались на три группы по их итогам (относительно активистов): «неопределенный результат», «положительный или частично положительный результат в пользу протестующих», «отрицательный результат».

Под «неопределенным» результатом мы понимаем следующее:

- 1) протест ничем не закончился, так как предмет оспаривания отсутствовал как таковой (реакция на слухи, неподтвержденные намерения девелоперов и т. п.) или требования были слишком общими и расплывчатыми;
- 2) протест ничем не закончился, так как проект, вызвавший негодование общественности, был свернут по причинам, не зависящим от реакции на протестные события (например, инвестор нашел более подходящее место для вложений или отказался от своего проекта по причине экономического кризиса и т. п.);
- 3) определить итог конфликта оказалось невозможно (это очень редкие события, но они тоже встречались).

³ Под «пространством» здесь понимается не просто «промежуток» между объектами, но само «место» (локус), включающее в себя как географические компоненты (природный ландшафт и т. д.), так и соответствующие располагающиеся в его пределах объекты — улицы, площади, парки, здания, памятники, рекламные сооружения и т. п.

⁴ Особо охраняемые природные территории (ООПТ).

Под «положительным или частично положительным результатом в пользу протестующих» мы понимаем любые протестные события, которые существенно повлияли на исход реализуемого проекта: его либо полностью отменяли, либо откладывали на неопределенный срок, либо сильно видоизменяли, стремясь к компромиссу с активистами. Соответственно, «отрицательный результат» означает, что усилия протестующих оказывались безрезультатными, к их мнению не прислушивались, а заявленные цели протеста достигнуты не были. Наконец, результаты суммировались, сопоставлялись и визуализировались с целью определения общих тенденций.

Результаты

В ходе исследования выявлено и проанализировано 208 конфликтных событий с 1 января 2006 г. по 31 июня 2021 г. (15,5 лет). Если брать общую выборку без распределения по категориям, то отчетливо видны несколько тенденций (см. рис. 1).

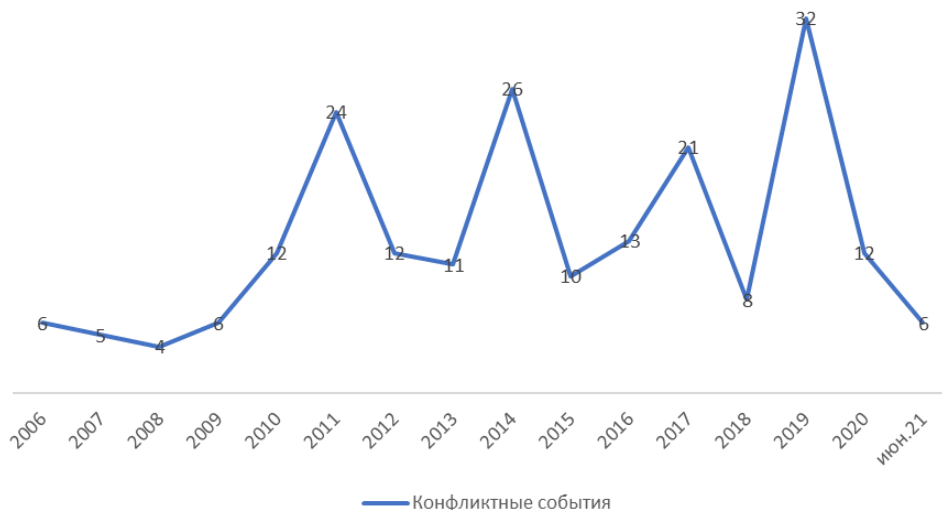
1) После 2010 г. наблюдается резкий подъем конфликтной активности по поводу муниципального пространства, хотя стоит говорить о скачкообразном характере динамики (см. ниже). Правда, этот подъем, как уже было отмечено, показан лишь на количестве конфликтных событий без учета их массовости и масштаба. Такую динамику можно объяснить двумя факторами. Во-первых, к этому времени быстрый рост социальных сетей и дальнейшее развитие коммуникационных технологий облегчили протестную коммуникацию и улучшили осведомленность граждан о событиях муниципального уровня, а во-вторых, заметно влияние массовых протестных акций «За честные выборы» 2011—2012 гг., выразившееся в появлении протестного актива на местном уровне. Эти наблюдения повторяют уже имеющиеся данные по поводу пиков протестной активности в России в 2005 и 2011—2013 гг. [Семенов, 2018: 331]. Так, А. Семенов и Э. Минаева отмечают: «городские конфликты существовали и до кампании „За честные выборы!“ 2011—2012 гг., однако именно этот эпизод стал поворотным в динамике коллективных действий: с одной стороны, были значительно ужесточены правила проведения публичных собраний и акций протеста, а также введены другие ограничения на общественную деятельность. С другой стороны, в результате появилось множество городских инициатив, непосредственно не связанных с политикой» [Семенов, Минаева, 2021: 194]. Однако не исключено, что отчасти и сами протестные акции стали более «видимыми» для информационных агентств (хотя в 2008—2009 гг. интернет уже был хорошо развит и широко распространен в нашей стране).

2) Наиболее конфликтным оказался 2019 г., на который пришлось самые массовые конфликтные события за новейшую историю Екатеринбурга: — столкновения сторонников и противников строительства православного храма в сквере у театра драмы (хотя этими событиями «конфликтность» 2019 г. отнюдь не ограничивалась).

3) Спад соответствующей протестной активности в 2020 г. и первой половине 2021 г. объясняется антиковидными ограничениями, когда долгое время были запрещены любые массовые мероприятия (локдаун на протяжении нескольких месяцев). Даже учитывая это, 2020 г. был куда более конфликтным (с точки зрения именно муниципальных конфликтов), чем многие «доковидные» годы.

4) Несмотря на сказанное выше, трудно заключить, что муниципальные конфликты стали заметны именно в последние годы. Динамика разворачивания конфликтов по поводу муниципального пространства свидетельствует о волнообразном характере данного процесса, причем довольно большие «волны» наблюдались в 2011 и 2014 гг.

Рис. 1. Число конфликтных событий по годам

Детализация по тематическим категориям (см. рис. 2) позволяет сделать ряд уточнений:

1) мы видим, что ни в одной из категорий нет устойчивого, последовательного роста или падения конфликтной динамики;

2) в последние годы общую «скачкообразную» восходящую тенденцию демонстрируют конфликты, отнесенные к категориям «Парки, скверы, площади, публичные городские пространства» (именно они сегодня являются наиболее частыми, массовыми и заметными);

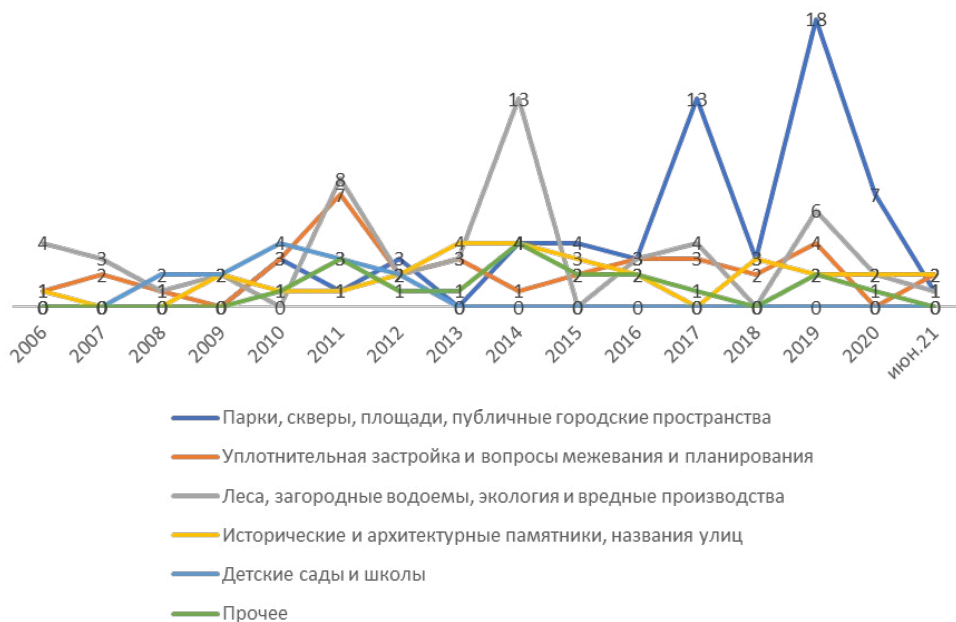
3) одна категория конфликтов практически вышла из повестки — «Детские сады и школы»: конфликты из этой категории случались в 2008—2012 гг. (как правило, протесты из-за нехватки детских садов), а потом либо исчезли совсем, либо перестали привлекать внимание СМИ (как минимум, один подобный митинг в 2018 г. «Ура.ру» проигнорировало⁵);

4) наконец, конфликты из категорий «Уплотнительная застройка и вопросы межевания и планирования», «Леса, загородные водоемы, экология и вредные производства», «Исторические и архитектурные памятники, названия улиц», «Прочее» характеризует противоречивая динамика (без какой-либо явной общей тенденции

⁵ Пушкарев И. «Так жить нельзя!» Жители Краснолесья вышли на митинг против нехватки садиков и школ // Знак.com. 2018. 28 Октября. URL: https://www.znak.com/2018-10-28/tak_zhit_nelzya_zhiteli_krasnolesya_vyshli_na_miting_protiv_nehvatki_sadikov_i_shkol?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.08.2021).

к росту или спаду). К примеру, в категории «Леса, загородные водоемы, экология и вредные производства» мы видим два очевидных пика в 2011 и 2014 гг. Причем в 2014 г. конфликты из этой категории были самыми частыми и острыми. Затем наблюдался некоторый спад, но в 2019 г. они оказались на втором месте по встречаемости, хоть и не в том количестве, как это было ранее. Именно такие «зеленые» конфликты, как правило, происходят за пределами крупных мегаполисов (а часто и городов как таковых), что и обусловило сдвиг концептуального фокуса настоящего исследования от «города» к «муниципалитету».

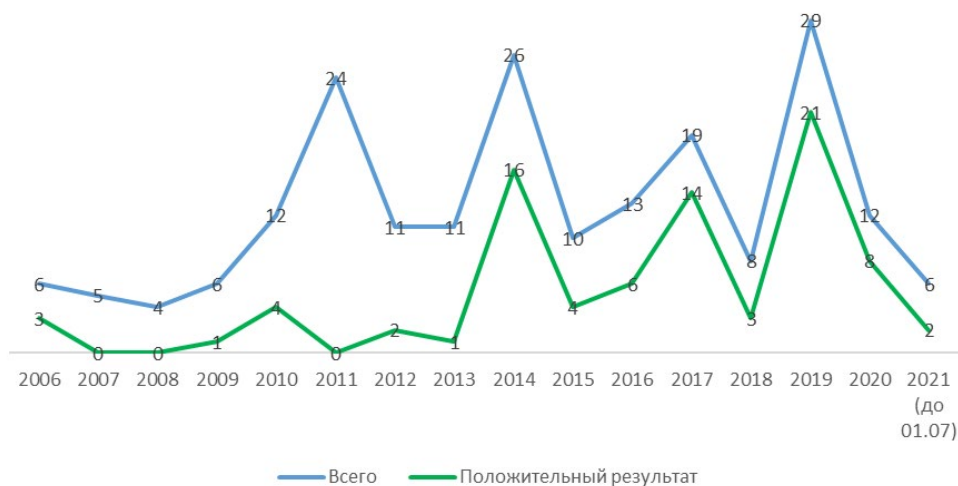
Рис. 2. Количество конфликтных событий по категориям

Из 208 конфликтных событий шесть оказались, условно говоря, «провластными» (не протестными) и не были учтены при итоговом подсчете результатов случаев оспаривания муниципальных пространств. 71 событие (35,2%) можно отнести к безрезультатным кейсам («отрицательный результат»). 46 событий (22,8%) были «неопределенными». При этом 85 событий принесли «положительный или частично положительный результат в пользу протестующих» (42%). Мы также видим отчетливую тенденцию (см. рис. 3): со временем «эффективность» локальных протестов заметно растет. Так, до 2013 г. результативные протестные акции были исключением из правил. Ситуация резко изменилась в 2014 г., когда Свердловскую область захлестнули экологические протесты (протесты общественности против разработки Юрьевского месторождения, конфликт вокруг добычи золота в Быньгах методом выщелачивания золота цианидом и т. п.), которые оказались в большинстве своем успешными. Также активно росла протестная активность в Екатеринбурге, где развернулась борьба против застройки зеленых

пространств (конфликт вокруг планируемого строительства «Дома Азербайджана» в Основинском парке и протест против строительства лютеранской кирхи в парке им. Блюхера). Объяснить этот резкий рост «эффективности» достаточно сложно. С одной стороны, налицо рост интенсивности и «медийности» протестов, чему способствовало дальнейшее развитие социальных сетей и распространение среди населения мобильных средств телекоммуникации. Активистам стало проще согласовывать свои действия и разворачивать полноценный пул разнообразных атак на все уровни власти (от петиций и сбора подписей до писем губернатору и попыток прорваться на «прямую линию» с президентом). Еще одним объяснением может служить то, что в 2012 г. вернулись выборы губернаторов субъектов РФ. Возможно, это послужило дополнительным стимулом для региональных властей брать на себя инициативу при решении местных споров, что и наблюдалось нами неоднократно, особенно в «экологических» кейсах.

Рис. 3. Количество результативных протестных инициатив на фоне общего числа по годам

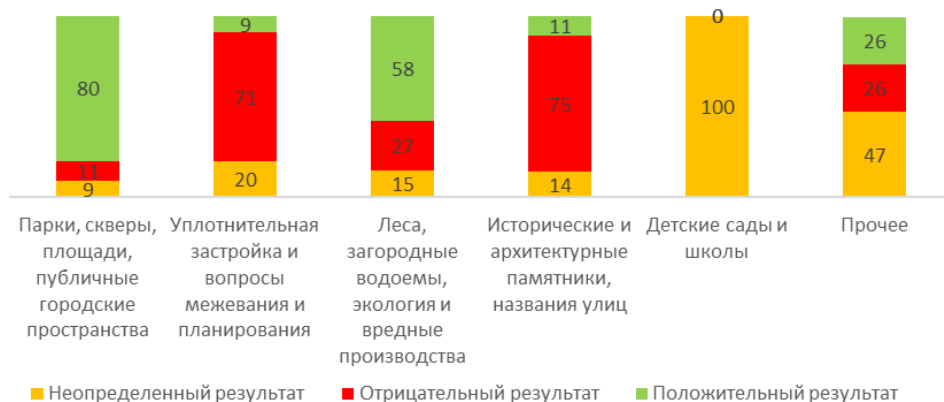

Исследование также показало, что результативность протестного оспаривания городских/муниципальных пространств отличается в разных категориях (см. рис. 4).

Наиболее часто оспариваемыми стали такие места, как парки, скверы, площади, публичные городские пространства, — 55 из 208 конфликтных событий (26,4%). При этом, как отчетливо видно на диаграмме (см. рис. 4), инициативы защитников парков, скверов, площадей и прочих публичных городских пространств в 80% случаев сопровождал полный или частичный успех.

Рис. 4. Итоги протестных инициатив по категориям (%)

В ситуации с уплотнительной застройкой и вопросами межевания и планирования все обстоит ровным счетом наоборот. Всего конфликтных событий из данной категории мы насчитали 35 (16,8%), из которых только 8,6% были «результативными». Эти 8,6% дали только два кейса. Один «успешный» кейс был связан не с жилищным строительством, а с выбором места для строительства Екатеринбургской кольцевой автодороги (ЕКАД) так, чтобы оно не затрагивало садовые товарищества. Второй кейс охватывал конфликт с планировавшимся в г. Верхняя Пышма строительством двух высотных домов посреди дворов пятиэтажек. Но и в этом случае ключевым «фигурантом» протестного случая не был крупный девелопер, а в качестве цели было обозначено строительство многоквартирных жилых домов для переселения граждан из аварийного жилищного фонда в соответствии с государственной программой. Данное наблюдение весьма примечательно, так как оказывается единственным радикально расходящимся с тем, что обнаружили А. Семенов и Э. Минаева (см. выше). Возможно, объяснение заключается в том, что у них используются отдельные категории «уплотнительная застройка» и «снос и расселение зданий», в то время как в нашем случае события относились к единой категории «уплотнительная застройка и вопросы межевания и планирования». Однако и это не объясняет столь большой разницы. По всей видимости, Екатеринбург и его пригороды подтверждают свой статус муниципалитетов с максимально «агрессивной» уплотнительной застройкой («самый компактный» город-миллионник и т. п.). Другое возможное объяснение может заключаться в способе отбора кейсов: мы изучали все возможные протестные события, которые можно было бы отнести к борьбе за городское/муниципальное пространство, в то время как географический размах исследования А. Семенова и Э. Минаевой вряд ли позволил бы сделать нечто подобное. Поэтому в наше поле зрения часто попадали небольшие, но неприятные для местных жителей, конфликты, провоцируемые уплотнительной застройкой. Нам представляется, что гипотеза об относительной «слабости» протеста против уплотнительной застройки более реалистична, так как жильцам прилегающих к оспариваемой территории

домов, как правило, сложнее реально повлиять на ситуацию, когда «на бумаге» все выглядит идеально. Протестный потенциал жителей нескольких домов ограничен их относительной малочисленностью. К тому же крупные девелоперы имеют необходимые ресурсы для «смягчения» конфликта, например предлагая благоустройство или какие-то еще дополнительные преимущества. Правда обещания в должном виде выполняются не всегда.

Неплохую «эффективность» показали протесты, связанные с вырубкой лесов, загрязнением загородных водоемов, открытием вредных производств и т. п. Всего мы встретили 52 конфликтных события по данной тематике (25 %). Причем 57,7 % из них были связаны с успешными протестными инициативами. 26,9 % не дали никакого результата, а 15,4 % закончились с неопределенным результатом. Стоит отметить, что протесты данного типа с отрицательными результатами наблюдались в основном до 2014 г. (например, безуспешные попытки главы общественной организации «ЭкоЗабота» Александра Клюкина привлечь внимание властей и широкой общественности к экологической обстановке в г. Ревда). После 2014 г. очень редкий протест с экологической повесткой был полностью безрезультатным.

Исторические и архитектурные памятники, а также названия улиц оказываются довольно сложной темой для протестующих, как и уплотнительная застройка. Всего конфликтных событий, отнесенных к данной категории, мы насчитали 28 (13,5 %). Лишь три из них были успешными, причем в одном случае «оспаривающим» субъектом выступала Екатеринбургская епархия, а два других относились к довольно оживленной борьбе (при поддержке КПРФ) жителей Ревды против переноса памятника Ленину с центральной площади города. В остальных же кейсах предметом споров выступали либо полуразрушенные старинные особняки (на содержание которых у муниципалитетов нет необходимых средств), либо такие объекты, которые у жителей вызывают смешанные чувства (к примеру, знаменитая недостроенная телебашня в центре Екатеринбурга, за которую боролись местные урбанисты). Как правило, в таких случаях власти и застройщики пользуются тем, что вопросы культурного наследия беспокоят не самую многочисленную прослойку «креативного класса», урбанистов и прочих неравнодушных к широкой повестке граждан. Протест против совсем абсурдных инициатив властей, конечно, может вызывать общественное негодование (как это было в Верхней Пышме с переименованием улицы Ленина в Успенский проспект, который в народе сразу прозвали «улицей смерти»), но так как такие «символические» вещи не затрагивают напрямую материальные интересы граждан, то и протест в итоге оказывается преимущественно «нематериальным».

Наконец, две последние категории представляются не очень интересными для изучения вне общей выборки. Конфликтные события из категории «детские сады и школы» (всего 13 или 6,25 % из общего числа изученных) оказались самыми «неопределенными» (100 %), поскольку акторы не выдвигали конкретных требований, но акцентировали внимание на общей нехватке детских садов и школ в тех или иных местах. Понять, были ли учтены требования протестующих, в данном случае довольно сложно (возможно, но в общем порядке). В категорию «прочее» (всего 19 или 9,1 % из общего числа изученных) попали очень разные по своему характеру события (от достаточно странных попыток выразить недовольство реконструк-

цией транспортного кольца у гостиницы «Исеть» в Екатеринбурге, где постоянно возникали пробки, до требования некоторых жителей Первоуральска построить в городе стадион с искусственным льдом для хоккея с мячом). В некоторых случаях проблема с классификацией подобных событий была обусловлена отсутствием конкретики в требованиях (к примеру, протест против «ликвидации» онкоцентра в Краснотурьинске в 2011 г., хотя де-факто речь шла лишь о юридическом объединении с городской больницей). Тем не менее эти события все же составляют неотъемлемую часть борьбы за пространство на локальном (муниципальном) уровне.

Качественный анализ позволил уточнить некоторые моменты и прояснить ряд изменений в муниципальных конфликтах, произошедших за последние 15 лет.

1) Рост действительных масштабов муниципальных конфликтов опережает рост их количества. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить несколько аналогичных кейсов. Так, вопрос о строительстве Храма Святой Екатерины в центре Екатеринбурга поднимался неоднократно. С ним же связан и первый по-настоящему массовый муниципальный конфликт в городе, произошедший в 2010 г. Тогда, как сообщалось, на митинг за сохранение Площади Труда вышло порядка 6 тыс. человек⁶. Однако такая оценка, мягко говоря, является преувеличением. Сама Площадь Труда не может вместить столько людей, а судя по фотоматериалам, количество участников, присутствовавших в одно и то же время на площади, вряд ли могло превышать 2 тыс. человек (по одной из оценок, там вообще было всего 500 участников⁷). Напротив, протесты со схожей повесткой (хотя стоит признать, что в 2010 г. действия администрации и сторонников строительства храма были менее согласованными, а конфликт разгорелся еще до начала реализации проекта) в сквере у театра драмы в мае 2019 г. стали не просто рекордно массовыми (только по оценкам полиции — по 5—6 тыс. человек на протяжении, как минимум, трех дней⁸), но и крайне напряженными (столкновения с представителями правоохранительных органов) и «нашумевшими» (вплоть до реакции В. В. Путина 16 мая 2019 г.,⁹ что фактически остановило стройку). Другой пример: в 2012 г. борьба защитников торгового центра «Пассаж» против его реконструкции привела к робкому митингу в 150—200 человек¹⁰ (причем сторонники реконструкции собрали около 5 тыс. участников на собственное шествие¹¹, тогда как в 2018 г. аналогич-

⁶ На митинг за сохранение площади Труда пришло порядка 6 тысяч жителей Екатеринбурга. Такой акции протеста в истории города еще не было. ФОТОрепортаж // URA.RU. 2010. 11 апреля. URL: <https://ura.news/news/1052112904> (дата обращения: 15.08.2021).

⁷ Епархия отреагировала на митинг екатеринбуржцев: «Это попытка сорвать визит патриарха Кирилла». Пресс-служба Викентия сравнила мероприятия с выступлением секс-меньшинств // URA.RU. 2010. 12 апреля. URL: <https://ura.news/news/1052112929> (дата обращения: 15.08.2021).

⁸ Гирш А., Реутова А. Горожане отстояли в сквере // Коммерсантъ. 2019. 15 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3968870> (дата обращения: 15.08.2021).

⁹ Путин предложил опросить жителей района Екатеринбурга о строительстве храма // Forbes. 2019. 16 мая. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/376185-putin-predlozhit-oprosit-zhiteley-rayona-ekaterinburga-o-stroitelstve-hrama> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁰ «Пока Мишарин не сказал своего последнего слова, у нас остается надежда!». Горожане вышли на защиту «Пассажа» и разоблачили мэрию: еще Чернецкий подписал отказ от спецстатуса Екатеринбурга // URA.RU. 2012. 25 марта. URL: <https://ura.news/news/1052141158> (дата обращения: 15.08.2021).

¹¹ «Вы готовы, дети? Да, капитан!» Заводовский и Погребенский ответили защитникам «Пассажа»: устроили в центре Екатеринбурга многотысячное шествие, наплевали на полицию и нечаянно дали слово оппонентам. ФОТО, ВИДЕО // URA.RU. 2012. 21 марта. URL: <https://ura.news/news/1052141052> (дата обращения: 15.08.2021).

ный кейс (защита строения, предположительно имеющего культурное значение) — защита недостроенной телебашни — вылился в целую серию протестных акций (митинги 26 января и 10 февраля¹², «прощальные обнимашки» 22 марта¹³, куда предположительно пришло более тысячи человек, попытка «захвата» башни¹⁴, световые инсталляции и др.¹⁵).

2) Существенно меняются субъекты конфликтов, в особенности если говорить о протестующей стороне. Во-первых, очевиден постепенный уход на второй план институциональных субъектов, под которыми можно понимать партии и общественные организации. Первый встретившийся нам экологический кейс (2006 г.) был организован депутатом Госдумы от «Единой России» А. Баковым¹⁶ и явно преследовал цель саморекламы. Затем все чаще встречались конфликты с участием муниципальных и региональных депутатов, а также организованные региональными отделениями КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» (особенно это было актуально для экологических конфликтов в малых городах в 2014 г.). Но чем ближе к сегодняшнему дню, тем реже мы видим в качестве ключевых субъектов протеста депутатов, партии или общественные движения и чаще — стихийную самоорганизацию активистов, лидеров общественного мнения (например, организаторов групп по интересам в социальных сетях), урбанистов и блогеров. Во-вторых, очевидна тенденция к деперсонализации конфликтов. Так, если говорить о Екатеринбурге, то здесь ранние кейсы в большинстве случаев были ассоциированы с конкретной личностью. Сначала в нескольких кейсах появляется упомянутый выше А. Бак, затем инициатива переходит к депутату Екатеринбургской городской думы от партии «Яблоко» М. Петлину, до тех пор, пока в 2011 г. его не обвиняют в вымогательстве в крупном размере (тоже, кстати, связанном с одним из муниципальных конфликтов¹⁷). Затем часто встречается имя депутата Екатеринбургской городской думы Л. Волкова. После того как Л. Волков уходит работать к А. Навальному в конце 2013 г., центральной фигурой в рассматриваемых конфликтах становится выигравший в том же году выборы мэра Екатеринбурга Е. Ройзман. Но ближе к известным событиям в сквере у театра драмы субъектов протеста становится настолько много, что уже сложно говорить о каком-либо лидере или лидерах. Мы видим как политиков (Е. Ройзман, К. Киселев), так и представителей «креативного класса» и городской богемы (Т. Радя, Н. Коляда), архитекторов и урбанистов (Д. Москвин, В. Злоказов), лидеров мнений в интернете (активистка интернет-сообщества «Парки и скверы Екатеринбурга» А. Балтина), а также эпатажных активистов вроде А. Смышляевой,

¹² Снегирев С. Екатеринбургцы на митинге собирают подписи в защиту «мечты Ельцина». ФОТО // URA.RU. 2018. 10 февраля. URL: <https://ura.news/news/1052323202> (дата обращения: 15.08.2021).

¹³ Кулакова О. Сотни екатеринбуржцев «обняли» телебашню перед сносом. «Не взрывай!» ФОТО // URA.RU. 2018. 22 марта. URL: <https://ura.news/news/1052328175> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁴ Всех участников акции на телебашне в Екатеринбурге отпустили из полиции // URA.RU. 2018. 23 марта. URL: <https://ria.ru/20180323/1517138096.html> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁵ На приготовленной к сносу екатеринбургской телебашне лазером написали: «Остановитесь!» (ВИДЕО) // Новый день. 2018. 26 октября. <https://newdaynews.ru/ekb/626422.html> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁶ См., например: 30 тысяч митингующих, 4 звезды эстрады и 25 кг народного гнева // URA.RU. 2006. 17 апреля. URL: <https://ura.news/articles/414> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁷ Прокуратура Свердловской области отозвала претензии к знаменитой стройке на Репина. У Максима Петлина не осталось самого сильного аргумента в свою защиту // URA.RU. 2011. 31 марта. URL: <https://ura.news/news/1052127199> (дата обращения: 15.08.2021).

прославившейся тем, что ее протестный перформанс (уронила забор и залезла на дерево в сквере у театра драмы в день разгоревшегося конфликта, 13 мая 2019 г.) «запустил» цепочку других акций¹⁸.

3) Наконец, еще одно немаловажное качественное изменение — это усиление протестной «чувствительности», то есть все большее внимание к деталям. До недавних пор конфликты разгорались, как правило, уже на поздних стадиях, когда началось строительство или реализация проекта, а суть вопроса касалась самого главного — строить или нет, быть какому-либо объекту или нет. Принципиальной проблемой была потенциальная ликвидация зеленых пространств, парков, детских площадок и т. д. Сегодня конфликт может разгореться уже на стадии обсуждения проекта, причем касаться, скажем, преимущественно эстетических компонентов (например, как конкретно реконструировать парк?), а также мельчайших деталей, вплоть до того, какой должна быть плитка на тротуаре. Так, в 2011 г. в Екатеринбурге разгорелся конфликт, когда Свердловская железная дорога принялась застраивать парк в районе улиц Ватутина, Таежной и Клубного переулка (микрорайон Сортировка). Несмотря на то, что жители микрорайона неоднократно выходили на протестные акции и даже на одной из них сломали забор и позже подожгли будку строителей¹⁹, это не остановило застройщика и оспариваемое здание Резервного центра обработки СвЖД было в итоге построено. Это сильно контрастирует с современными повестками и с тем, как на них реагируют общественность и муниципальная власть сегодня. К примеру, в июне 2021 г. в Екатеринбурге наблюдался конфликт по поводу реконструкции сквера на улице Опалихинская (Верх-Исетский район). Здесь достаточно привести цитату из соответствующего новостного сообщения, чтобы почувствовать разницу повесток:

Конфликт разгорелся в начале июня. Горожане выразили недовольство, что чиновники начали работы, якобы не согласовав с ними проект благоустройства, хотя к нему есть претензии. В основном протестующие просили заменить покрытие дорожек и площадок с бетонной плитки на асфальт, перенести детские площадки подальше от жилого дома, изменить трассировку велодорожки, а также сохранить деревья от массовой вырубki. 10 июня представители администрации вступили в переговоры с активистами, пригласив их на свою территорию. Мэрия выразила готовность пойти на уступки. Подрядчик начинает реконструкцию той части сквера, по которой нет нареканий [у жителей]. Деревья не будут рубить до согласования [с горожанами]. По поводу замены плитки на асфальт... Нельзя сказать, что есть договоренность, но по крайней мере готовность прозвучала. Также договорились, что скейт-площадку не будут ставить на месте яблонь²⁰.

¹⁸ Девушку, которая залезла на дерево на месте будущего храма в Екатеринбурге, проверили на наркотики // URA.RU. 2019. 13 мая. URL: <https://ura.news/news/1052383908> (дата обращения: 15.08.2021).

¹⁹ В парке на Сортировке, где СвЖД собирается построить себе здание, ночью сгорела будка строителей. Защитники парка: «Мы сами в шоке» // URA.RU. 2011. 17 августа. URL: <https://ura.news/news/1052132834> (дата обращения: 15.08.2021).

²⁰ Аллаярв Д. Мэрия Екатеринбурга пошла на уступки защитникам сквера // URA.RU. 2021. 16 июня. URL: <https://ura.news/news/1052489932> (дата обращения: 15.08.2021).

Это, в сущности, результат борьбы защитников сквера у театра драмы, побудивший представителей городских властей серьезнее относиться к подобным конфликтам. Возможно, причина отчасти и в развитии гражданского общества, представители которого сегодня обладают большим набором инструментов (интернет, социальные медиа) для продвижения тех или иных повесток.

Обсуждение

Итак, мы видим несколько трендов. Во-первых, после 2010 г. в Свердловской области наблюдается общий подъем количества конфликтов по поводу муниципального пространства. Правда, этот рост является сбивчивым, «скачкообразным», сильно зависящим от конкретных информационных повесток. Во-вторых, растет и интенсивность, массовость данных конфликтов. Эти тенденции могут быть объяснены рядом факторов. Прежде всего стоит говорить о бурном развитии социальных медиа, передавших в руки местным активистам весомые инструменты мобилизации и утверждения повестки дня (сюда можно отнести и рост прослойки персоналиата [Давыдов, 2020] — лидеров мнений разных мастей и масштабов, легко приводящих в движение городскую публику). Параллельно шло активное формирование гражданского общества и политической оппозиции со своими лидерами, идеями и пр. (Л. Волков, скажем, станет одной из ключевых фигур в движении А. Навального). Один из возможных факторов, требующих отдельного изучения, может заключаться в увеличении темпов городской застройки, благоустройства и в целом в росте инвестиций в те или иные территории, что неизбежно ведет к столкновению интересов.

По всей видимости, активисты, оспаривающие муниципальные территории, будут чаще добиваться поставленных целей. Это видно и по визуализации нашего исследования, и по тому, как менялось отношение властей к защите жителями зеленых пространств. Однако мы считаем, что такая условная и частичная «победа» протестующих в отдельно взятом регионе — это еще не решение всех имеющихся проблем в сфере оспаривания муниципальных территорий. Представителям региональных властей стоит внимательнее относиться к вопросам уплотнительной застройки и проблемам сохранения исторических и архитектурных памятников. Пока это еще относительно «спокойные» категории протестов (не в смысле отсутствия недовольства, которое как раз растет, а в смысле способностей представителей бизнеса и власти эти протесты подавлять или игнорировать), но со временем все может сильно измениться, и вопросы сноса исторических памятников или переименования улиц для очень многих станут принципиальными (так, осенью 2021 г. в Екатеринбурге разгорается конфликт из-за сноса старого аэропорта Уктус, построенного в 1937 г.)²¹.

Полученные результаты также свидетельствуют об отчетливой тенденции, которую можно обозначить как постепенный переход от *практического* к *эстетическому*: все реже в центр внимания местной общественности попадают проблемы сугубо «насуточные», располагающиеся в непосредственной близости от места проживания и касающиеся комфорта, здоровья, доступности тех или иных благ;

²¹ На защиту аэропорта Уктус в Екатеринбурге вышли 30 человек // URA.RU. 20 ноября. 2021. URL: <https://ura.news/news/1052517911> (дата обращения: 21.11.2021).

и все чаще — вопросы, затрагивающие эстетику и историко-культурную ценность городского пространства. Одно дело, когда люди протестуют из-за нехватки мест в детских садах или по причине возведения на детской площадке многоэтажного дома, который при этом еще и перекрывает естественное освещение. Совсем другое дело, когда жители массово протестуют из-за сноса уродливой недостроенной телебашни, считая ее культурным достоянием. То же можно сказать о зеленых зонах. Существует большая разница между протестом из-за вырубki деревьев в близлежащем парке, участниками которого становятся преимущественно жители соответствующего микрорайона (к примеру, как это было в 2012 г. при протесте против возведения областной станции юннатов в парке 50-летия ВЛКСМ в районе улиц Ясная и Шаумяна в Екатеринбурге²²), и защитой сквера в 2019 г. как *общегородского достояния* и как *публичного пространства*, имеющего не только сугубо утилитарное, но и во многом *символическое* значение. Эту тенденцию легко заметить по тому, как растет количество протестов из категорий «Парки, скверы, площади, публичные городские пространства» и «Исторические и архитектурные памятники, названия улиц» (особенно в относительном выражении, см. выше). Одно из потенциальных объяснений — то, что Р. Инглхарт (см., например, [Inglehart, 2018]) обозначил как тенденцию к вытеснению «материалистических» ценностей постматериалистическими. Суть данного наблюдения заключается в том, что по мере экономического развития классовая борьба по поводу распределения материальных благ теряет актуальность, а люди, обеспеченные всем необходимым, предпочитают бороться за гражданские права и свободы, а также думать об экологии в «общечеловеческих» масштабах (глобальное потепление, сохранение природного разнообразия и т. п.). Думается, что сюда можно отнести и упомянутое выше «право на город» (шире — «право на пространство»), ведь эстетическая и культурно-историческая ценность пространства — это как раз то, о чем могут думать люди, не испытывающие острой нужды в повседневных благах. Конечно, трудно говорить о доминировании постматериалистических ценностей в стране в целом. Однако для того, чтобы та или иная протестная повестка поднималась вновь и вновь, этого и не требуется, так как протесты иницируются, как правило, небольшим сообществом городских активистов.

Ограничения

Наше исследование имеет ряд ограничений, связанных с методом и выборкой. Возможно, Свердловская область с уникальным масштабным кейсом (борьба за сквер у театра драмы в 2019 г.) может отличаться по протестной динамике от других регионов. Дальнейшие исследования могли бы прояснить этот вопрос. В частности, можно попытаться сравнить регионы с разными социально-экономическими и демографическими показателями. Определенные лимиты имеет и тип используемого информационного источника — региональные интернет-СМИ. К сожалению, специфика развития интернета не позволяет брать более широкие временные промежутки, охватывая более давние кейсы. Возможно,

²² Участники митинга против возведения станции юннатов в Собачьем парке, в котором принимали участие VIP, пошли на штурм строительного забора. ФОТО // URA.RU. 2012. 13 июля. URL: <https://ura.news/news/1052145133> (дата обращения: 15.08.2021).

перспективной была бы методология, комбинирующая интернет-СМИ и традиционные источники вроде бумажных газет, что требует серьезных трудозатрат. Тем не менее представляется, что настоящее исследование позволило выделить ряд универсальных тенденций, масштабы которых, правда, еще предстоит оценить с помощью дальнейших поисков.

Заключение

По результатам настоящего исследования можно сделать ряд выводов. Проведенный ивент-анализ показал, что после 2010 г. в Свердловской области наблюдается резкий подъем конфликтной активности по поводу муниципального пространства. При этом сугубо городскими конфликтами наблюдаемые кейсы не ограничиваются. Немалое количество конфликтных событий было зафиксировано по поводу определения судьбы *загородных* пространств (леса, национальные парки, реки и т. п.). Исследование показало, что в последние годы чаще всего конфликты разгораются вокруг таких пространств, как парки, скверы, площади и прочие публичные городские места. Конфликты из категорий «Уплотнительная застройка и вопросы межевания и планирования», «Леса, загородные водоемы, экология и вредные производства», «Исторические и архитектурные памятники, названия улиц», «Прочее» характеризует противоречивая динамика (без какой-либо явной общей тенденции к росту или спаду). При этом была обнаружена тенденция к росту результативности локальных протестов: после 2013 г. доля результативных протестов резко растет и становится преобладающей. Правда, успех борьбы гражданских активистов против инициатив бизнеса и власти («машины роста») сильно зависит от того, с какого типа территориями и объектами они имеют дело. Наибольшая доля «успешных» протестов наблюдается в случаях борьбы за парки, скверы, площади, публичные городские пространства, а также за леса, загородные водоемы и против вредных производств. Минимальная вероятность успеха отмечается у протестов против уплотнительной застройки и за сохранение исторических и архитектурных памятников. Учитывая возросший интерес у протестующих (в том числе урбанистов) к мельчайшим деталям оспариваемых проектов и эстетической составляющей городского пространства, можно прогнозировать, что локальные конфликты, скорее всего, будут тематически связаны преимущественно с зелеными пространствами и историко-культурной ценностью тех или иных объектов и территорий (что можно объяснить «постматериалистическими» ценностями и интересами городской богемы, урбанистов, блогеров как наиболее активной части населения и т. п.). Поэтому сочетание «спроса на эстетику» и обнаруженной нами слабой реакции бизнеса и власти на протесты за сохранение исторических и архитектурных памятников представляется одним из сохраняющихся рисков роста протестной активности. Дальнейшие исследования на более широкой выборке или с использованием другого типа информационных источников позволят проверить и уточнить выдвинутые гипотезы.

Список литературы (References)

Глухова А. В. Городские конфликты в современной России: Новая предметность в старом контексте // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 3. С. 148—155. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.16>.

Glukhova A. V. (2019) City Conflicts in Modern Russia: A New Issue in the Old Context. *Logos et Praxis*. Vol. 18. No. 3. P. 148—155. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.16>. (In Russ.)

Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // *Человек. Сообщество. Управление*. 2017. Том 18. № 4. С. 44—65. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2017_4/2017_4_GlukhovaKolbaSokolov.pdf (дата обращения: 20.12.2021).

Glukhova A. V., Kolba A. I., Sokolov A. V. (2017) Political—Institutional and Communicative Aspects of Interaction of Subjects of Urban Conflicts (Based on Expert Survey). *Human. Community. Management*. Vol. 18. No. 4. P. 44—65. http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2017_4/2017_4_GlukhovaKolbaSokolov.pdf (accessed: 20.12.2021). (In Russ.)

Давыдов Д. А. Чей протест? Посткапиталистическая трансформация и антиномии «низовой» политической борьбы // *Общественные науки и современность*. 2020. № 5. С. 21—37. <https://doi.org/10.31857/S086904990011119-2>.

Davydov D. A. (2020) Whose Protest? Post-Capitalist Transformation and Antinomies of “Grassroots” Political Struggle. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 5. P. 21—37. <https://doi.org/10.31857/S086904990011119-2>. (In Russ.)

Зуйкина А. С., Никитина В. Л. Публичные слушания: процедурные правила и результаты проведения (на примере города Перми) // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 3. С. 502—518. <http://dx.doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-502-518>.

Zuikina A. S., Nikitina V. L. (2018) Public Hearings: Procedural Rules and Results (Based on the Example of Perm City). *Ars Administrandi*. Vol. 10. No. 3. P. 502—518. <http://dx.doi.org/10.17072/2218-9173-2018-3-502-518>. (In Russ.)

Кольба А. И., Кольба Н. В. Городские конфликты как фактор гражданско-политической активизации локальных сообществ // *Политическая наука*. 2019. № 2. С. 160—179. <http://dx.doi.org/10.31249/poln/2019.02.08>.

Kolba A. I., Kolba N. V. (2019) Urban Conflicts as a Factor of the Local Communities’ Civil—Political Activation. *Political Science (RU)*. No. 2. P. 160—179. <http://dx.doi.org/10.31249/poln/2019.02.08>. (In Russ.)

Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017. Medvedev I. R. (2017) *Resolution of Urban Conflicts*. Moscow: Infotropic Media. (In Russ.)

Петрова Р. И. Политизация городских конфликтов в современной России: участники, повестка, тактическое взаимодействие // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2017. № 3. С. 122—136.

Petrova R. I. (2017) Politicization of Urban Conflicts in Modern Russia: Participants, Agenda, Tactical Interaction. *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 3. P. 122—136. (In Russ.)

Семенов А. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>.

Semenov A. (2018) Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 2. P. 317—341. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-317-341>. (In Russ.)

Семенов А. В., Минаева Э. Ю. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.

Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)

Семенов А. В., Шевцова И. К., Бедерсон В. Д. Городская мобилизация и градостроительная политика: стратегическое взаимодействие местных жителей и застройщиков в ситуации конфликта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21. № 3. С. 140—169. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.7>.

Semenov A. V., Shevtsova I. K., Bederson V. D. (2018) Urban Mobilization and Urban Development: Strategic Interactions between Residents and Developers in a Conflict. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 21. No. 3. P. 140—169. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.7>. (In Russ.)

Соколов А. В., Матюшенко Д. В., Фролов А. А. Политизированные и неполитизированные городские конфликты: особенности и характер развития (на примере Ярославской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. Т. 2. № 79. С. 49—59.

Sokolov A. V., Matyushenko D. V., Frolov A. A. (2020) Politized and Nonpolitized Urban Conflicts: Features and Nature of Development (On the Example of the Yaroslavl Region). *POISK: Politics. Social Studies. Art. Sociology. Culture*. Vol. 2. No. 79. P. 49—59. (In Russ.)

Харви Д. Право на город // Логос. 2008. Т. 3. № 66. С. 80—94.

Harvey D. (2008) The Right to the City. *Logos*. Vol. 3. No. 66. P. 80—94. (In Russ.)

Чернышева Л. А., Хохлова А. М. Создавая ценность и аутентичность: городские конфликты вокруг исторических зданий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 223—238. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-223-238>.

Chernysheva L. A., Khokhlova A. M. (2021) Creating Value and Authenticity: Urban Conflicts Around Historical Buildings. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 223—238. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-223-238>. (In Russ.)

Inglehart R. F. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108613880>.

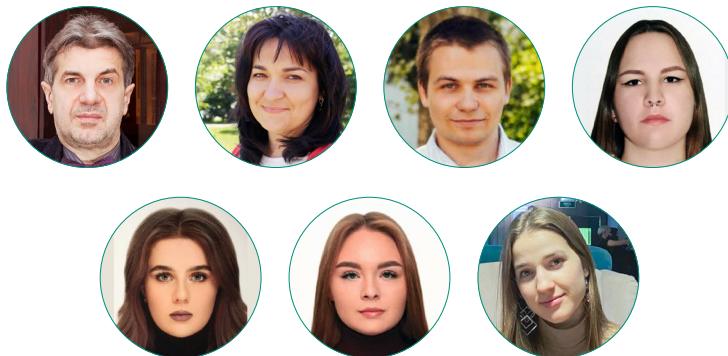
Lefebvre H., Harvey D. (1991) *The Production of Space*. Bulgaria: Wiley.

McAdam D., Sampson R. J., Weffer-Elizondo S., MacIndoe H. (2005) "There Will Be Fighting in the Streets": The Distorting Lens of Social Movement Theory. *Mobilization*. No. 10. P. 1—18.

McClelland C. A. (1967) *Event-Interaction Analysis in the Setting of Quantitative International Relations Research*. Mimeo: University of Southern California.

Tilly C. (2002) Event Catalogs as Theories. *Sociological Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 248—254. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00161>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2011](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011)

**В. Б. Звоновский, Ю. В. Соловьёва, А. В. Ходыкин, А. М. Азимова,
А. А. Кожевникова, Е. С. Акимова, А. А. Елови́кова**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ АКЦИЙ ПРОТЕСТА В ЯНВАРЕ 2021 ГОДА

Правильная ссылка на статью:

Звоновский В. Б., Соловьёва Ю. В., Ходыкин А. В., Азимова А. М., Кожевникова А. А., Акимова Е. С., Елови́кова А. А. Политическая мобилизация российской оппозиции на примере акций протеста в январе 2021 года // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 386—409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Solovyova Y. V., Khodykin A. V., Asimova A. M., Kozhevnikova A. A., Akimova E. S., Elovikova A. A. (2021) Political Mobilization of the Russian Opposition on the Example of Protests in January 2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 386–409. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2011>. (In Russ.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ РОС- СИЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ НА ПРИМЕРЕ АКЦИЙ ПРОТЕСТА В ЯНВАРЕ 2021 ГОДА

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и психологии, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

СОЛОВЬЁВА Юлия Васильевна — социолог-аналитик, руководитель аналитического отдела, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: j.solovieva@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-1454-3853>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, социолог-аналитик, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

АЗИМОВА Алина Михайловна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: aa2465356@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7921-9723>

КОЖЕВНИКОВА Анна Александровна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: kogevaa345@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7316-962X>

АКИМОВА Елена Сергеевна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: esakimova69@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6961-6020>

POLITICAL MOBILIZATION OF THE RUS- SIAN OPPOSITION ON THE EXAMPLE OF PROTESTS IN JANUARY 2021

Vladimir B. ZVONOVSKY¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology and Psychology
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Yulia V. SOLOVYOVA² — Sociologist-analyst, Head of the Analytical Department
E-MAIL: j.solovieva@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-1454-3853>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Sociologist-analyst
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Alina M. ASIMOVA¹ — Student
E-MAIL: aa2465356@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7921-9723>

Anna A. KOZHEVNIKOVA¹ — Student
E-MAIL: kogevaa345@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7316-962X>

Elena S. AKIMOVA¹ — Student
E-MAIL: esakimova69@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6961-6020>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

² Social Research Institute, Samara, Russia

ЕЛОВИКОВА Анастасия Алексеевна — студентка, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия

*E-MAIL: nastyaelov0903@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6468-0856>*

*Anastasia A. ELOVIKOVA¹ — Student
E-MAIL: nastyaelov0903@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6468-0856>*

¹ Samara State University of Economics,
Samara, Russia

Аннотация. В статье на примере акций протеста января 2021 г. исследована политическая мобилизация российской оппозиции. На основе данных телефонного опроса, репрезентирующих население России ($N = 1051$), авторы прослеживают отражение политической мобилизации в общественном мнении. На базе материалов качественных интервью с участниками акции 21 января 2021 г. в Самаре ($N = 23$) рассматриваются практики протестной мобилизации участников акций в поддержку Алексея Навального. Результаты исследования показывают, что, оппозиции впервые с 2012 г. удалось широко мобилизовать информационные ресурсы и поднять уровень информированности об акциях до 90%. В то же время привлечь на свою сторону невовлеченных в оппозиционную активность россиян скорее не удалось: уровень одобрения протестов среди населения составляет 13%, и только каждый десятый участник опроса (9%) высказал желание принять участие в подобных протестных акциях. Основными каналами протестной мобилизации стали социальные сети. Выявлен высокий уровень протестной самоорганизации участников январских акций в Самаре — большинство из них способны самостоятельно координировать свои действия на акциях. Таким образом, для современного российского протестного движения характерен переход от вертикальной к горизонтальной протестной мобилизации,

Abstract. The paper examines the political mobilization of the Russian opposition using the example of the protests that took place in January 2021. Based on telephone survey data representing the population of Russia ($N = 1051$), the authors trace the reflection of political mobilization in public opinion. This data is supported with materials of qualitative interviews with the participants of the action on January 21, 2021 in Samara ($N = 23$), which allows to study the practice of protest mobilization aimed at supporting Alexei Navalny. The results of the study show that, for the first time since 2012, the opposition managed to widely mobilize information resources and raise the level of awareness of the actions to 90%. At the same time, it was rather impossible to win over Russians who were not involved in opposition activity: the level of approval of the protests among the population is 13%, and only every tenth survey participant (9%) expressed a desire to take part in such protest actions. Social networks have become the main channels of protest mobilization. The authors reveal the high level of protest self-organization of the participants in the January actions in Samara; however, most of the participants are able to independently coordinate their actions. Thus, the modern Russian protest movement is characterized by a transition from vertical to horizontal protest mobilization, a striking example of which is the 2020 protest actions in Belarus.

ярким примером которой являются акции протеста 2020 г. в Беларуси.

Ключевые слова: протесты, мобилизация, митинги, социология протеста, Алексей Навальный, Владимир Путин, оппозиция, социальные движения

Keywords: protests, mobilization, rallies, sociology of protest, Alexey Navalny, Vladimir Putin, opposition, social movements

Введение

Достижение социальными движениями политических целей невозможно без массовой мобилизации сторонников, которая становится основой любых политических акций. О. Н. Яницкий выделяет четыре мобилизационных состояния человека или сообщества:

- 1) мобилизация как социальная норма,
- 2) обладание мобилизующим знанием,
- 3) готовность к мобилизации,
- 4) мобилизационное действие [Яницкий, 2012].

И. Н. Дементьева подробно проанализировала три группы теорий, объясняющих протестные общественные движения: концепции коллективного поведения, относительной депривации и мобилизации ресурсов [Дементьева, 2013]. Политическая мобилизация как фактор социальных изменений и трансформации политических систем подробно исследована в работах известных теоретиков политической науки [Тилли, 2019; Eisenstadt, 1978; Rosenau, 1990].

Для большинства представителей концепций коллективного поведения характерен психологический редукционизм объяснительных моделей (Г. Лебон, Г. Блумер, Г. Тард, Г. Олпорт, Х. Ортега-и-Гассет): они трактуют протестные действия как тип коллективного поведения и объясняют их при помощи моделей «психологии толпы», описывающих изменение индивидуальных поведенческих особенностей людей под влиянием их одновременного действия в условиях большой массы людей (толпы). Другие авторы, такие как Н. Смелзер, исследуют политический протест как социальный феномен, объясняющийся условиями общества, в котором реализуются протестные действия: уровнем доверия к власти, отношениями между различными социальными группами, развитием институтов, действиями правоохранительных органов и т. д. (цит. по [Дементьева, 2013]).

Концепции относительной депривации объясняют протестные действия возникновением социального напряжения вследствие отчуждения определенных групп от ресурсов, наличия в социальной системе препятствий для достижения их целей и попрания ценностей, важных для готовых бороться за них людей. Ключевым автором этого направления можно назвать Р. Мертона, исследовавшего мятеж как реакцию коллективного приспособления людей к не удовлетворяющей их интересы социальной системе [Merton, 1938]. При этом следует подчеркнуть различие в мотивах протеста между защитой собственных материальных интересов и отстаиванием ценностей. В первом случае человек борется за то, чтобы получить или не отдать полагающиеся ему по праву ресурсы. Во втором — за то, чтобы

государством не попирались значимые для него ценности, даже если он лично не пострадал от их разрушения.

Концепции мобилизации ресурсов исследуют протесты как институционализированное конфликтное рациональное действие, предполагающее мобилизацию социальными субъектами имеющихся у них ресурсов для достижения политических целей [Дементьева, 2013]. Для нашей работы особый интерес приобретает теория протеста Ч. Тилли, который исследовал протест как коллективное действие по изменению существующего социального порядка и уделил особое внимание проблеме мобилизации ресурсов протеста. В своей ключевой работе «От мобилизации к революции» он выделил четыре условия и составных части протеста:

- 1) организация участников,
- 2) мобилизация (распространение информации, материальное снабжение, привлечение новых сторонников и т. д.),
- 3) наличие у участников протеста общих интересов,
- 4) благоприятные обстоятельства (нужное место и время, удача, сопутствующие события и т. д.) [Тилли, 2019].

Эти части являются последовательными этапами развития протеста: от организации к мобилизации, осознанию общих интересов и использованию конкретных возможностей для победы протестующих [Гидденс, 1999].

Опираясь на теорию действия Макса Вебера, можно также выделить целерациональную и ценностно-рациональную протестную мобилизацию. Целерациональная мобилизация предполагает протест как способ достижения политических целей (смены власти, отмены или принятия того или иного закона, изменения политических институтов и т. п.). Ценностно-рациональная мобилизация — это реакция на погрязшие властью ценности людей. В случае такой мобилизации протестующие не рассчитывают на политический эффект — они протестуют потому, что не готовы мириться с резко противной их ценностям ситуаций в стране. Пример ценностно-рациональной политической мобилизации — диссидентское движение в СССР.

Тематика политических протестов довольно подробно исследована в социальных науках, однако системы и модели политических действий быстро трансформируются. С целью получения актуальной информации относительно политической мобилизации сторонников оппозиции в условиях современной России авторы данной статьи провели собственное эмпирическое исследование.

Гипотезы исследования

1. Оценки экономической ситуации и перспектив ее изменения влияют на протестную мобилизацию россиян: чем пессимистичнее оценки, тем выше готовность к протестным действиям.

2. Отношение к президенту России влияет на протестную мобилизацию населения: негативно относящиеся к деятельности Владимира Путина на президентском посту склонны участвовать в акциях протеста.

3. Фильм «Дворец для Путина» стал ключевым фактором протестной мобилизации противников действующей власти: он получил среди них большую популярность.

4. Прошедшие в январе 2021 г. акции протеста широко известны среди населения. Уличная протестная активность не является для России привычной формой протестной мобилизации, поэтому уровень поддержки населением акций протеста невысок. Количество участников протестных акций не превышает 1% от всего населения.

5. Опасение политических преследований оппозиции — сильный сдерживающий фактор протестной мобилизации противников действующей власти: оно снижает уровень поддержки протестной уличной активности.

Эмпирическая база исследования

В основу работы легли два источника эмпирических данных:

1. Телефонный опрос жителей 78 регионов России, проводившийся с 31 января по 5 февраля 2021 г. методом CATI-опроса силами колл-центра Фонда социальных исследований ($N = 1051$). Средняя длительность интервью — 14,4 минуты. Выборка — случайная, RDD, только по мобильным телефонам. Каждому из респондентов совершалось не менее пяти попыток дозвона до результативного интервью или отказа. Опрос был поддержан частными спонсорами на основе краудфандинга в социальной сети Facebook, что отчасти покрыло расходы на его проведение.

2. Материалы качественного исследования участников акции протеста 21 января в Самаре, проводившегося 31 января — 5 февраля 2021 г. методом неформализованного интервью ($N = 23$) силами студентов кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета под руководством доктора социологических наук, профессора В. Б. Звоновского. Информанты рекрутировались в социальных сетях методом снежного кома.

Российский экономический кризис как фактор протестной мобилизации

Экономические проблемы влияют на оценки политического курса страны и могут стать фактором политической мобилизации граждан. Особое значение для политических выводов имеет восприятие произошедших изменений в краткосрочном периоде, поэтому в исследование введен блок вопросов о краткосрочной ретроспективной оценке респондентами изменений экономической ситуации. 2020 г. стал для россиян годом ухудшения их материального положения. По данным Росстата, реальные доходы жителей страны снизились на 3,5%¹. Опрошенные нами россияне также чаще негативно оценивают динамику изменения своего материального положения. По данным проведенного авторами опроса, снижение уровня материального достатка за последние 12 месяцев ощутили 42% россиян, в то время как улучшилось материальное положение лишь у 9% опрошенных.

Экономический спад 2020 г. затронул все без исключения возрастные группы, но сильнее всего он ударил по поколению 45—54-летних (52%). Среди занятого населения (не пенсионеров) ухудшение коснулось 44% респондентов. Значительное влияние на изменение материального положения оказывает уровень доходов. Среди обладателей низких доходов на одного позитивно оценившего произошедшие изменения (4%) приходится более тринадцати оценивших их негативно

¹ Росстат оценил масштаб снижения реальных располагаемых доходов россиян // РБК. 2021. 28 января. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2021/60129a749a7947cf1ca85d53> (дата обращения: 07.12.2021).

(59%), в то время как среди самых высокодоходных групп позитивные и негативные оценки относительно сбалансированы (17% и 21% соответственно). Кроме того, кризис ухудшил положение тех, кому уже было нелегко, и почти не повлиял на тех, кто живет относительно лучше других, что может стать значимым фактором усиления социального неравенства и социальной напряженности.

В ближайшем будущем россияне в большинстве своем не видят перспектив улучшения своего финансового положения. Лишь каждый седьмой (14%) верит, что его положение улучшится, а почти каждый четвертый (23%) опасается ухудшения. Иначе говоря, на двух оптимистов в России приходится около трех пессимистов. Большинство же (63%) считают, что их материальное положение в ближайший год не изменится; на фоне снижения доходов в 2020 г. это можно оценить как ожидание стабилизации в кризисном состоянии: люди думают, что снизившийся уровень жизни станет их новой финансовой реальностью.

Большинство отметивших ухудшение своего материального положения в 2020 г. прогнозируют или дальнейшее его ухудшение (39%), или его стабилизацию на данном пониженном уровне (50%). Более половины тех, кто смог улучшить свое материальное положение, прогнозируют его сохранение на достигнутом уровне (63%), а около трети (29%) из них ожидают дальнейшего роста. Таким образом, в ожиданиях россиян мы видим отражение эффекта Матфея (по Р. Мертону), когда тем, у кого уже есть достаточные ресурсы, получить новые становится значительно проще. Такая тенденция, вероятно, будет увеличивать социально-экономическое неравенство под влиянием коронакризиса. Повышение и без того высокого уровня социального расслоения в перспективе может оказаться значимым фактором роста социальной напряженности [Гасанов, 2017].

Это подтверждается и различиями по уровню дохода: чем состоятельнее респондент, тем чаще он является оптимистом и реже — пессимистом. Молодежь смотрит в будущее оптимистичнее: чаще ожидает улучшений (23%) и реже — ухудшения (15%) своего благополучия, в то время как в самой старшей возрастной группе наблюдается соотношение оптимистов и пессимистов примерно 1 к 4. Как видим, молодость остается значимым фактором позитивных ожиданий в ближайшем будущем. Наличие собственного бизнеса также является значимым ресурсом для оптимизма: предприниматели чаще других рассчитывают на улучшение своего благополучия (35%).

Индивидуальный оптимизм россиян носит осторожный характер. Ключевыми ресурсами для него являются возраст, уже достигнутый уровень благосостояния и наличие собственного дела, что чаще всего подразумевает наличие собственности.

Индексом индивидуального оптимизма назовем отношение доли ожидающих улучшения личного материального положения к доле опасющихся его ухудшения. Равное единице значение данного индекса в той или иной социальной группе указывает на равенство численности оптимистов и пессимистов. Чем оно ближе к нулю, тем больше доля пессимистов; чем выше — тем больше доля оптимистов. В начале февраля 2021 г. индекс индивидуального оптимизма составил 0,61.

Более трети (38%) наших сограждан полагают, что экономическая ситуация в стране в ближайший год ухудшится. Улучшение ситуации прогнозирует почти

каждый пятый (19%), то есть на одного социального оптимиста (прогнозирующего улучшение экономической ситуации) в России приходится двое пессимистов (прогнозирующих ее ухудшение). О стабилизации экономики на нынешнем уровне говорят 43% опрошенных.

Как видим, россияне скептически оценивают перспективы восстановления российской экономики и дальнейшего экономического развития страны после пандемийного кризиса. Более того, их пессимизм в отношении экономики в целом значимо глубже, чем в отношении собственного материального положения, то есть ухудшение, по их мнению, будет происходить прежде всего в каких-то других социальных группах. Респонденты оценивают собственные возможности противостоять неблагоприятным обстоятельствам выше, чем возможности других россиян.

На оценку ситуации в стране в целом влияет прежде всего оценка собственного материального положения. Индивидуальные оптимисты чаще рассчитывают на улучшение экономической ситуации в стране в целом (38%), в то время как пессимисты чаще предсказывают продолжение экономического кризиса в России (64%). Тем не менее каждый пятый оптимист (21%) опасается ухудшения ситуации в стране, то есть возможность личного противостояния проблемам не всегда предполагает наличие такой возможности у других россиян.

Чаще всего ухудшение экономической ситуации в стране прогнозируют предприниматели (54%), то есть те люди, которые лучше других осведомлены о ситуации в экономике. Столь же скептичны служащие (54%), специалисты (47%), люди с высшим образованием, молодежь, мужчины (по 44%) — в целом те группы, которые еще несколько лет назад были драйверами экономического роста. С возрастом уровень социального оптимизма повышается. Социальный пессимизм же доминирует в младших возрастных группах. Пессимистичнее других перспективы российской экономики оценивают работники частного сектора (45%), а оптимистичнее всего — неработающие люди (31%) и пенсионеры (29%).

Индексом социального оптимизма назовем отношение доли ожидающих улучшения ситуации в стране к доле опасующихся ее ухудшения. Равное единице значение этого индекса в той или иной социальной группе отражает равенство численности оптимистов и пессимистов. Чем ближе оно к нулю, тем больше доля пессимистов, чем оно выше, тем больше доля оптимистов. В начале февраля 2021 г. индекс социального оптимизма составил 0,50.

Экономический кризис как фактор протестной мобилизации. Если перспективы личного благосостояния человек в состоянии оценить, исходя из представления о своих возможностях в имеющихся условиях, то о положении в экономике он судит не только по своей ситуации и ситуации своего ближайшего окружения, но и по информации из средств массовой коммуникации, особенно в том, что касается других социальных групп, непосредственного контакта с которыми у индивида нет. И если данная социальная группа, например пенсионеры, оценивает свои перспективы хуже, чем перспективы национальной экономики, значит, эта группа полагает, что другие группы справляются с неблагоприятными обстоятельствами жизни лучше, чем они. С другой стороны, россияне с высшим образованием оценивают свои возможности в ближайшем будущем выше, чем те,

че образование ниже. Это указывает на то, что первые не считают себя наиболее депривированной группой и размещают себя дальше относительно полюса неблагополучия, чем те, кто окончил лишь среднюю школу или техникум. Соотношение численности индивидуальных и социальных оптимистов показывает, насколько далеко данная социальная группа размещает себя относительно полюса неблагополучия в стране.

Для измерения степени групповой депривации мы используем индекс неблагополучия, представляющий собой разность между индексом индивидуального оптимизма и индексом социального оптимизма. Отрицательное значение индекса говорит о том, что данная группа населения ощущает себя хуже, чем население в целом. Положительное значение показывает степень удаленности от полюса неблагополучия.

В эпицентре неблагополучия размещает себя низкодоходная группа населения (–0,14), а наибольшее значение индекса наблюдается в самой обеспеченной группе россиян — высокий доход (2,34). Старшие возрастные группы предполагают, что их положение хуже, чем ситуация в других группах (индекс благополучия –0,53), а молодежь, напротив, уверена в том, что ее ситуация лучше, чем у других соотечественников (индекс благополучия 1,17).

Доминирующие в массовом сознании пессимистичные прогнозы относительно перспектив российской экономики подтверждаются результатами ее комплексных исследований, отраженными в докладе ведущих российских экономистов, опубликованном под редакцией К. Рогова [Застой-2, 2021]. В наибольшей степени пострадали от проявлений кризиса те, кто и до пандемии имел серьезные финансовые трудности, что создает дополнительные риски для роста социального расслоения и, соответственно, социальной напряженности. Однако пока что снижение уровня жизни и социальный пессимизм не стали факторами роста протестных настроений и протестной мобилизации недовольных властью россиян: государственному аппарату довольно успешно удается разрушать протестную мобилизацию оппозиционных сил, переводя коллективные экономические проблемы на индивидуальный уровень.

Отношение россиян к президенту как условие протестной мобилизации оппозиции

Отношение людей к действующему главе государства является важным фактором протестной мобилизации сторонников оппозиции: чем выше уровень поддержки президента, тем меньше человеческих ресурсов остается у оппозиции для привлечения людей на свою сторону и вовлечения в протестные действия. В России рейтинг В. Путина остается довольно высоким. Более половины жителей страны (53 %) считают, что он защищает их интересы. Противоположной точки зрения придерживаются 29 % опрошенных. Большинство россиян также верят в способность Путина обеспечить стабильность (64 %) и развитие (59 %) страны в ближайшие три года. Эти две оценки сильно дифференцируют сторонников и противников нынешнего президента, то есть тех, кто считает, что деятельность российского лидера способствует или не способствует решению проблем, стоящих перед страной.

Сторонники Путина значимо чаще верят и в стабильность (83%), и в развитие (83%) России при нем. Его противники, напротив, чаще считают, что он не сможет обеспечить ни стабильности (60%), ни развития (72%) страны в ближайшие три года.

Почти трое из каждых пяти (59%) россиян полагают, что деятельность Путина способствует решению проблем, стоящих перед страной. Не согласен с ними каждый пятый житель России (20%).

Женщины чаще одобряют работу нынешнего президента, чем мужчины (65% против 51%), а мужчины чаще высказывают неодобрение его деятельности (26% против 20%).

Чем старше люди, тем чаще они лояльны Путину: от 47% одобряющих его деятельность среди тех, кому от 18 до 29 лет, до 65% таковых среди самых старших россиян. Чаще других не одобряют работу Путина россияне до 44 лет (24% против 16% среди тех, кому 45 лет и больше).

Связанные с экономическим кризисом финансовые проблемы становятся фактором снижения уровня одобрения работы Путина. Среди столкнувшихся с ухудшением своего финансового положения менее половины (46%) одобряют и 29% не одобряют деятельности Путина. Как видим, уже произошедшие изменения благосостояния, хотя и влияют на оценку работы президента, но качественно ее не изменяют. А вот ожидаемые изменения личного благосостояния меняют эту оценку: среди индивидуальных пессимистов на 36% сторонников Путина приходится 42% его противников. Социальные пессимисты не дают однозначной оценки: среди них по 39% сторонников и противников российского лидера. Итак, опасаящиеся ухудшения своего благосостояния россияне связывают эту перспективу с деятельностью Путина и, вероятно, дальнейшее ухудшение экономической ситуации будет сокращать его поддержку, что дает оппозиции шансы расширить свое влияние и создает поле для политической мобилизации оппозиционно настроенных граждан.

На основе трех вопросов о способности Путина сохранить стабильность в стране, обеспечить ее развитие и защиту таких людей, как сам респондент, авторы составили индекс, объединяющий респондентов, наиболее позитивно и негативно оценивающих деятельность Путина. Мы разделили участников опроса на четыре группы по степени поддержки президента:

1) ядро противников (считающих, что Путин не защищает их интересы и не сможет обеспечить ни стабильность, ни развитие России) — 11%,

2) ядро сторонников (полагающих, что Путин защищает их интересы и сможет обеспечить и стабильность, и развитие страны) — 40%,

3) периферия противников (респонденты, не давшие ни одной положительной оценки по всем трем вопросам) — 13%,

4) периферия сторонников (давшие хотя бы одну положительную оценку хотя бы по одному из трех рассматриваемых вопросов) — 36%.

В ядро противников Путина вошли 11% россиян. Больше всего их среди предпринимателей (22%). Наиболее критично к Путину относятся те, кто счел результаты голосования по внесению поправок в Конституцию полностью сфальсифицированными (40%). На отношение к Путину влияет информационное поле,

в котором пребывает человек. Представителей ядра противников президента больше среди тех, кто слышит отрицательные отзывы о нем в СМИ (31%), в личном общении (29%) и в интернете (25%), и тех, кто открыто критикует его деятельность в разговорах с другими людьми (34%). При этом даже среди них большинство предпочитает открыто не критиковать Путина в разговорах с кем-либо. Возможно, это связано с опасением политических преследований или с рисками социального неодобрения и формированием «спирали молчания» по Э. Ноэль-Нойман относительно критики главы государства [Ноэль-Нойман, 1996]. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Оценки экономической ситуации прямо связаны с отношением к действующему президенту. Представителей ядра противников Путина больше среди тех, чье благосостояние уже ухудшилось (18%), но особенно среди тех, кто ждет его ухудшения в ближайшем будущем (27%). Как видим, ядро противников составляют те, кто экономически активен, но не видит позитивных перспектив для себя и страны, а также находится в информационном поле, скорее поддерживающем убежденность в правильности своей точки зрения.

Представителей ядра противников президента больше среди посмотревших фильм Алексея Навального «Дворец для Путина» (28%), одобряющих акции в поддержку Навального (43%) и сопротивление разгону митингов (27%), чаще прогнозирующих усиление политических преследований в ответ на такие митинги (24%). Респондентов, входящих в ядро противников Путина, больше и среди принимавших участие в уличных акциях за последние десять лет (24%) и среди тех, у кого возникало желание поучаствовать в акциях протеста (52%).

К периферии противников Путина, как и в случае ядра, чаще относятся мужчины (17%). В целом с разной степенью критичности оценивают деятельность российского президента 30% мужчин. К периферии противников Путина относятся россияне в возрасте 45—54 лет (20%).

Так же, как и в случае ядра противников, периферию составляют обладатели самых низких доходов (20%), столкнувшиеся с ухудшением своего материального положения за прошедший год (17%), индивидуальные и социальные пессимисты (по 20%). Среди тех, кто опасается ухудшения личного благосостояния, доли ядра (27%) и периферии (20%) противников Путина в сумме едва не достигают половины (47%). Иначе говоря, пессимисты в целом возлагают ответственность за усугубление кризисных тенденций на Владимира Путина.

Периферия противников Путина, хотя и критикует его деятельность, но делает это значительно реже и не склонна к активному участию в каких-то протестных действиях, хотя и поддерживает протест в целом. Среди тех, кто не собирался принимать участие в митингах, примерно каждый третий-четвертый (29%) входит в эту группу. Чаще других они встречаются среди тех, кто одобряет проведение митингов (19%), а также среди тех, кто не ходил на голосование о внесении поправок в Конституцию (19%). Вероятно, представители этой группы концентрируются среди разочаровавшихся в выборах, но не готовых к активному протесту. Отчасти это связано с тем, что они не видят достойного конкурента Владимиру Путину. Так, среди тех, кто мог бы проголосовать за действующего президента, к периферии противников относится лишь каждый двадцатый (5%), но и среди возможного

электората Алексея Навального к ним относятся только 17 %. А вот среди настроенных против обоих доля периферии возрастает до 32 %. Можно предположить, что в случае большего разнообразия оппозиционных лидеров протест получил бы большую поддержку, в том числе активную. Представители данной группы создают социальный ресурс оппозиции, в случае успешной протестной мобилизации которого оппозиция может укрепить свое положение.

Отношение к деятельности Владимира Путина на президентском посту остается центральным вопросом политической мобилизации как сторонников действующей власти, так и ее противников. Высокий рейтинг Путина — один из основных сдерживающих факторов протестной мобилизации россиян: ядро сторонников Путина оказалось почти в четыре раза больше ядра его противников. Против действующего президента чаще выступают люди младшего среднего возраста, занятые в частном секторе экономики, столкнувшиеся с экономическими проблемами и не видящие перспектив финансового благополучия ни для себя лично, ни для страны в целом. Среди представителей ядра противников Путина уровень протестной мобилизации довольно высок — более половины из них имели желание принять участие в протестных акциях. Однако периферия его противников, содержащая значимый социальный ресурс оппозиции, оказалась слабо мобилизованной. Она объединила людей, в целом недовольных действующей властью, но политически довольно пассивных и тем более не готовых к участию в уличных акциях.

Фильм «Дворец для Путина» как ресурс протестной мобилизации

Фильм Алексея Навального получил довольно широкую известность среди россиян. О нем на момент опроса знали 88 % респондентов. Лишь 12 % опрошенных не информированы о данном фильме. При этом большинство опрошенных сообщили, что не смотрели фильм (60 %). Посмотрели фильм полностью 18 %, частично — 10 %. Статистика на канале YouTube на 18.02.2021 г. говорит о 114 млн просмотров фильма всего и около 70 млн просмотров с российских IP. По данным опроса, суммарно фильм посмотрели 28 % жителей страны старше 17 лет, или примерно 32 млн россиян.

YouTube и другие социальные сети стали для сторонников Навального основными каналами протестной мобилизации: «...Узнала о проведении митинга из видео, опубликованном на канале „Штаб Навального в Самаре²“ в „YouTube“, у меня на них стоит „колокольчик“, сразу знала место и время» (Ж., 19 лет, студентка колледжа); «...Об этом много писали в интернете, встречала записи в социальной сети „ВКонтакте“ и Instagram. Также узнала от своих друзей» (Ж., 17 лет, учится в колледже). Поддержка со стороны популярных личностей также помогла мобилизовать участников протеста: «...Узнала информацию через соцсеть Instagram — таких как Луна, Нойз MC, Анакондаз, Семья Навальных» (Ж., 17 лет, учится в колледже). Несмотря на то, что социальная сеть TikTok — одна из самых популярных сегодня, всего несколько сторонников Навального упомянули, что получили информацию из нее: «...О митинге я узнала через интернет, TikTok, Instagram» (Ж., 19 лет, работает и учится в университете). Наши информанты отметили, что главными

² Включен в перечень экстремистских организаций, деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

каналами информирования о митинге для них стали социальные сети: «ВКонтакте», Instagram и YouTube. В основном информация была распространена в группах, новостной ленте «ВКонтакте», а также в видео с каналов Алексея Навального. TikTok внес не такой большой вклад в информирование населения.

Распространение сторонниками своих взглядов, агитация своего социального окружения — важные ресурсы протестной мобилизации оппозиции. Наши информанты не занимаются политической агитацией, однако обсуждают оппозиционную повестку с друзьями и знакомыми: «...Первый раз узнала после просмотра расследования Навального, а потом уже, естественно, это все обсуждалось и с друзьями, и с коллегами, и в целом в интернете очень много информации об этом было» (Ж., 23 года, работает); «...Я никого не звал, потому что понимал, что все уже туда идут» (М., 26 лет, работает); «...На шествие я никого не звала, только спрашивала у друзей и знакомых, собираются ли они принять в нем участие» (Ж., 19 лет, студентка колледжа).

Отношение к российскому президенту и просмотр фильма «Дворец для Путина» однозначно связаны. Среди ядра его сторонников фильм полностью посмотрели лишь 11 %, среди периферии сторонников Путина аудитория составила уже 15 %. При этом и сторонники, и противники президента информированы о фильме примерно в одинаковой степени.

Аудиторию фильма составили молодежь (34 % против 28 % среди населения в целом), жители крупных городов (36 %) и наиболее образованные россияне (33 %). Напротив, на социальной периферии (сельское население, низкий уровень образования) фильм проигнорировали. У работников бюджетной сферы фильм оппозиционера популярностью не пользовался: лишь каждый пятый в той или иной степени посмотрел его (20 %). Работники частного сектора, напротив, внимательнее отнеслись к истории о коррупции (28 %). Но значительную популярность фильм получил у собственников частных предприятий — двое из пяти российских предпринимателей (40 %) познакомились с ним. Люди с высоким доходом также чаще смотрели фильм Навального (37 % против 28 % в среднем по выборке). Можно предположить, что фильм про коррупцию привлек внимание тех групп, для которых данная тема более актуальна, чем для населения в целом.

Чаще других фильм смотрели потенциальные избиратели А. Навального (75 %). При этом важно, что почти каждый пятый сторонник (21 %) оппозиционера не смотрел его фильм. Иначе говоря, для поддержки Навального достаточно того его образа, который сложился до и вне его фильма.

Однако данный фильм помог мобилизовать сторонников Навального на активные протестные действия. Большинство из них посмотрели фильм, на некоторых он произвел довольно сильное впечатление, добавив каналу Навального подписчиков: «Я подписана на его YouTube-канал, смотрю его выпуски. Смотрела последнее расследование про „Дворец Путина“. Если честно, я была шокирована!» (Ж., 21 год, учится); «Последнее выпущенное видео повергло меня в шок, поэтому я подписался на его YouTube-канал» (М., 20 лет, учится). Что касается отношения к фильму «Дворец для Путина», то сторонники оппозиционера высоко оценивают его качество: «Очень грамотно выстроен» (М., 22 года, работает), — и качество других фильмов Навального: «Фильмы ФБК смотрю с большим удовольствием,

были бы на „Кинопоиске“, поставила бы максимальную оценку» (Ж., 19 лет, учится в колледже).

Не желающие голосовать ни за Путина, ни за Навального чаще среднего респондента были вовлечены в просмотр (34 %). Сторонники Путина, напротив, реже других смотрели данный фильм (22 %). Вероятно, содержание фильма не превращает зрителя в однозначного сторонника Навального, но разрушает образ Путина как безупречного лидера. Последнее утверждение можно рассматривать как гипотезу, поскольку у нас не было измерений, предшествующих данному.

Среди ядра противников президента фильм посмотрели чуть больше половины (56 %), в то время как среди представителей периферии противников фильм так или иначе посмотрел лишь каждый третий (35 %). Однако приверженцы политики президента (ядра и периферии сторонников) фильм смотрели еще реже — 21 %-25 %. Большинство же фильм проигнорировали вовсе — 65 %. Как видим, фильм хорошо дифференцирует сторонников и противников действующего президента и, вероятно, сыграл свою роль в формировании этого разделения.

Алексея Навального можно с уверенностью назвать ключевым политическим актором российской протестной мобилизации. Большинство представителей ядра противников президента готовы поддержать его главного оппонента. Фильм Навального «Дворец для Путина» не поменял расстановку политических сил в России, однако стал значимым информационным ресурсом протестной мобилизации противников действующей власти и, как минимум, повысил известность Навального в российском обществе. Наибольшая аудитория фильма выявлена среди более протестно ориентированных групп населения: молодежи, жителей крупных городов, работников частного сектора, частых пользователей интернета. Среди сельчан и бюджетников фильм популярность не приобрел.

Уровень поддержки населением протестной мобилизации оппозиции

Протестная мобилизация оппозиции наиболее ярко проявляется в уличных акциях. Успешность такой мобилизации в значительной степени зависит от ее поддержки со стороны населения. Уровень этой поддержки измерен в данном исследовании. Девять из десяти россиян (90 %) знают о митингах в поддержку Алексея Навального, прошедших в январе 2021 г. Чаще на периферии информационного поля оказываются жители сельской местности, люди младшего среднего возраста (30—44 лет) и представители низкодоходной группы: информированность о митингах в этих группах ниже общероссийского уровня, но все же и среди них о митингах знает подавляющее большинство (по 86 %).

Большинство граждан не одобряют проведение январских акций протеста (59 %). Лояльность январским митингам в поддержку А. Навального (13 %) не выходит на уровень ярко выраженных оппозиционных настроений, то есть данная протестная мобилизация пока не находит широкой массовой поддержки. Даже ядро противников Путина поддерживает митинги лишь частично: каждый второй (49 %) одобряет, а каждый пятый (19 %) не одобряет их проведение. Периферия противников президента не отвергает категорически данные акции (29 % не одобряющих), но, с другой стороны, втрое реже убежденных оппозиционеров готова их поддержать (18 %). Для них данный формат неоднозначен: оценить свой уровень

лояльности митингам затруднилась почти треть (31%). Примечательно, что среди респондентов, отнесенных к ядру противников Путина, затруднившихся сформулировать свое отношение также немало — 19%.

Одобрение протестной активности и отношение к двум главным действующим лицам российской политики хотя и связано, но однозначной зависимости здесь нет. Среди не поддерживающих президента есть немало тех, кто не одобряет несогласованных с властями уличных протестов, что снижает эффективность протестной мобилизации.

Мужчины одобряют митинги чаще женщин (16% против 10%), протесты находят поддержку чаще среди молодежи (18%). С возрастом растет неприятие митингов: среди молодежи уровень неприятия акций протеста составляет 48%, среди старшего поколения россиян — 75%. Также возрастает неприятие уличной активности с повышением уровня образования — с 53% до 63%. Таким образом, главным ресурсом протестной мобилизации является возраст. Аналогично дифференцирует отношение к протестам уровень дохода: чем ниже доход человека, тем выше уровень одобрения протестных акций.

Большой ресурс протестной мобилизации обнаружился в частном секторе экономики: критика митингов среди занятых в данном секторе ниже общероссийского уровня, а одобрение выше, в особенности у собственников частных предприятий (25%). Нельзя исключать и тривиальную боязнь занятых в государственном секторе открыто одобрять несанкционированную государством протестную активность.

Многие люди выходят на уличные акции, когда не видят перспектив улучшения своей жизни. Почти каждый четвертый (24%) индивидуальный пессимист одобряет такие акции, а среди тех, кто рассчитывает сохранить свой нынешний уровень благосостояния, против митинговой активности выступают две трети граждан (66%). Можно предположить, что ухудшение экономической ситуации будет изменять отношение жителей России к уличным протестам.

Наивысший уровень лояльности к митингам в поддержку А. Навального наблюдается среди его потенциального электората (63%). Фильм «Дворец для Путина» существенно мобилизовал его зрителей на поддержку митингов, но ключевым стимулом для участия он не стал: соотношение поддержавших и не поддержавших протестную активность в аудитории фильма близко к балансу (33% и 37% соответственно).

Январские митинги в поддержку Алексея Навального как проявление протестной мобилизации

Уличные протесты редко рассматриваются россиянами в качестве приемлемого способа протестной мобилизации. Лишь 13% одобряют проведение уличных акций, только у 9% россиян возникало желание участвовать в митингах оппозиции, и всего 1,4% опрошенных сообщили, что принимали участие в январских протестах. По данным «Штаба Навального»³, в этих акциях участвовало не более 300 тысяч человек. Наша выборка, вероятно, смещена в сторону более политиче-

³ Включен в перечень экстремистских организаций, деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

ски (и протестно) активной части населения. В любом случае участники протестов не скрывали своего участия в акциях в ходе телефонного опроса.

Ядро протеста составляют мужчины, граждане экономически активного возраста, жители столицы и крупных городов, те, кто посмотрел фильм «Дворец для Путина». На шествие и митинг не пришел практически никто из тех, кто составляет ежедневную аудиторию российского ТВ. Участники январских протестов редко голосовали по поправкам к Конституции. Очевидно, эти люди предполагают, что процесс голосования не отражает волю избирателей. Таким образом, подтверждается гипотеза о смещении вектора протестной мобилизации из электорального поля в сферу уличной активности. Значимая часть политически активных россиян игнорирует выборы, считая невозможным повлиять на власть через электоральные процедуры и действуя лишь через уличные протесты.

Большинство россиян не одобряют разгон мирных протестов силовиками (полицией, Росгвардией и пр.), даже если они не были согласованы с властями (55%). Однако в еще большей степени люди не одобряют сопротивление протестующих силовикам (72%).

К сторонникам протеста мы отнесли тех, кто не одобряет разгон не санкционированных властями, но мирных акций и одобряет сопротивление разгону таких акций. Противниками протеста мы назвали тех, кто одобряет разгон подобных митингов и не одобряет конфронтацию с силовиками при их разгоне. Сегодня в России примерно 7% населения, по крайней мере вербально, готово к участию или поддержке такого рода уличного силового противостояния. В пересчете в абсолютные цифры это несколько миллионов человек. Против такой поддержки высказалось около 20% россиян. Примерно двое из каждых пяти (39%) не поддерживают пока ни одну из сторон, остальные вообще отказались сформулировать свою точку зрения. Таким образом, на одного сторонника приходится почти три противника протеста. То есть, с одной стороны, у оппозиции не так много ресурсов для протестной мобилизации. С другой стороны, исследование Эрики Ченовет и Марии Стефан показало, что участие в мирных протестах 3,5% населения чаще всего оказывается достаточным для смены власти — протестная мобилизация такой доли населения в сегодняшних российских условиях представляется вполне реальной [Chenoweth, Stephan, 2011].

Сторонники протеста находятся в информационном поле, где доминирует критика деятельности Путина (14%—16%). Среди тех, кто намеревался участвовать в январских митингах, их треть (33%). Среди тех, кто одобряет акции, — 26%. В числе уверенных в том, что голосование по поправкам было «грандиозной фальсификацией», сторонником активного протеста является каждый четвертый (25%). Далеко не все сторонники Навального готовы поддержать такой протест (26%), но среди тех, кого не устраивает ни Путин, ни Навальный, таких 13%. Как видим, значительная часть активных сторонников протеста не поддерживает Алексея Навального. Значимо выше их доля среди тех, чье материальное положение в последний год ухудшилось. Вероятно, рост числа россиян, полагающих, что их благосостояние ухудшилось, будет увеличивать и долю готовых к силовому протесту.

Уличная протестная активность в глазах большинства россиян не является легитимной формой политической мобилизации — чаще всего они воспринимают ее

как чересчур радикальную форму политического действия: большинство респондентов не поддержали январских акций оппозиции. Низкая степень общественного одобрения составляет ключевую проблему для протестной мобилизации оппозиционных сил. Значимая часть политически активных россиян игнорирует выборы, считая невозможным повлиять на власть через электоральные процедуры и действуя лишь через уличные акции. Отсутствие личных перспектив является наиболее значимым мотивом участия в несогласованных публичных мероприятиях. Если у людей есть надежда на высокий социальный статус — реальный (бюджетники, специалисты) или ожидаемый (молодежь, студенты, индивидуальные оптимисты), то их сложнее мобилизовать на участие в уличных акциях, так как они опасаются политических преследований как реакции на уличный протест.

Ожидание реакции власти на протесты как фактор одобрения протестной мобилизации

Лишь треть россиян (34 %) полагают, что после январских уличных акций власть будет чаще прислушиваться к народу. Им оппонирует примерно такая же часть респондентов (31 %), уверенных, что власть ответит лишь усилением политических преследований.

Сопоставляя доли россиян, одобряющих протесты (13 %), и ожидающих усиления преследований после этих протестов (31 %), можно предположить, что часть населения страны не одобряет уличные акции как форму протестной мобилизации лишь потому, что опасается репрессий. Они не боятся сказать о своем одобрении протестов и не одобряют протесты, потому что считают, что те провоцируют усиление политических преследований, то есть, если бы власть не демонстрировала готовность преследовать участников, уровень одобрения уличной активности был бы выше. Опасение репрессий разделяется и самими участниками январских акций. Треть опрошенных участников самарского митинга 21 января, идя на него, опасались за свою жизнь и здоровье: *«В первую очередь, было, наверное, больше страшно за жизнь, также, наверно, за здоровье»* (Ж, 24 года, работает). Их переживания возникли на фоне жесткого применения силы со стороны ОМОНа: *«Изначально опасений никаких не было, но после действий ОМОНа опасения за здоровье появились»* (М, 25 лет, работает). Многие опасались репрессий в учебных заведениях: *«Я немного переживала из-за того, что могли быть проблемы в колледже, так как был слухок о том, что могут отчислить за участие в этом митинге»* (Ж., 19 лет, учится в колледже). Но были и те, чье недовольство нынешним политическим курсом превзошло беспокойство, и они не сомневались в правильности своих действий: *«Опасений не было. У меня социальная позиция того, что много накопилось всего, что не устраивает»* (М, 20 лет, учится). Таким образом, большинство митингующих опасались за здоровье и за возможный арест и его последствия.

Для измерения доли тех, кто может не одобрять протесты по причине опасения преследований со стороны государства, мы вычтем долю одобряющих протесты из доли тех, кто ожидает усиления политических преследований. Доля этой группы, которую можно назвать осторожными сторонниками протеста, составляет 19 %, то есть к ней относится почти каждый пятый россиянин. В целом они не испы-

тывают симпатий к Путину, но и его яркими противниками тоже не являются. Их значимо меньше среди представителей ядра сторонников Путина (15%), а также среди тех, кто не согласен с разгоном мирных, но несогласованных акций протеста (13%). При этом их больше среди нейтрально относящихся к протесту (26%) и занимающих промежуточную позицию относительно одобрения деятельности Путина (28%). Вероятно, эту группу можно разделить на две. Первую составляют жители страны, настроенные более оппозиционно к ее руководству и тому, как оно относится к протестным действиям, что закреплено в законах, ограничивающих уличную активность. Вторую группу составляют те, кто уклоняется от оценок руководителя страны и протестующих.

Молодежь, которая была двигателем протеста, приняла бы более активное участие в нем, если бы не опасалась нарастания репрессий. Доля осторожных сторонников протеста достигает максимума среди молодежи — 32% — и уменьшается с возрастом: среди самых старших респондентов она составляет 7%. Осторожных сторонников протеста больше в числе студентов (43%), домохозяек (30%), специалистов (26%), бюджетников (24%), но меньше среди самых малообеспеченных респондентов (6%). Вероятно, низкий социальный статус снижает долю именно осторожных сторонников протеста: те, кто не занял высокой позиции в обществе, особенно себя не сдерживают и готовы активно протестовать. А вот среди тех, кто рассчитывает на улучшение своего благосостояния в ближайший год, доля осторожных сторонников протеста возрастает (24%). Реальный или ожидаемый высокий социальный статус блокирует поддержку уличной активности как формы протестной мобилизации, вытесняя ее из массового сознания и заменяя на опасения политических преследований. Осторожных сторонников протеста больше всего в числе тех, кто не смотрит телевизор (28%) и в группе видящих негативные отзывы о деятельности Путина в интернете (26%). Можно предположить, что вышедшие из-под влияния государственных СМИ и получающие информацию о политике в интернете скептически оценивают работу российской власти, но ищут другие формы протестной мобилизации, нежели уличные акции. В группах респондентов, получающих информацию преимущественно из государственных СМИ, напротив, доля осторожных сторонников протеста минимальна — 7% среди не использующих интернет.

Сформированный в массовом сознании образ участников акций протеста исследован нами при помощи открытого вопроса: «Как вы думаете, кто принял участие в этих акциях? Представители каких социальных групп вышли на митинги и шествия?» При ответе на этот вопрос сторонники и противники протеста сходятся лишь в одном — на митинг вышла молодежь (30% и 43%). Противники уличной активности особенно настаивают на участии подростков («школьники», «дети», «юнцы») — 10%—14%, среди сторонников протеста таких оценок очень мало — 2%—4%. Тем самым, вероятно, противники хотели принизить самостоятельность участников. Напротив, сторонники называли протестующих активными людьми (18%—20%). Также в этих группах часто звучит предположение о социальном недовольстве как основном двигателе протеста (15%—20%).

В той или иной степени одобряющие протест респонденты пытались более точно описать социальные группы, принявшие в нем участие: средний класс (8%—9%),

пенсионеры (6%—8%), люди среднего возраста (3%—6%). Таких оценок противники уличных акций почти не дают, зато они не жалеют обвинений и резких отрицательных оценок личностей протестующих — «глупые люди» (22%—25%), «оплаченные» (10%—11%), «люди, у которых много свободного времени» (11%—14%), а также «маргиналы» и «предатели» (по 3%). Глупыми и недальновидными людьми участников протеста называют и противники Путина, не приемлющие уличных акций как формы протестной мобилизации.

Таким образом, противники протеста приписывают его участникам традиционные метки, используемые для социальной эксклюзии несогласных с властью в советский и постсоветский периоды — «маргиналы и предатели Родины». Однако они затрудняются дать какие-то определенные характеристики. Напротив, сторонники протеста дают более или менее четкие его описания, а также характеристики, отражающие мотивацию участников протеста: люди, недовольные ситуацией и готовые активно на нее повлиять.

Участники самарского митинга 21 января демонстрируют высокую устойчивость протестной мобилизации, выражая желание продолжать участие в уличных акциях против нынешнего политического курса: «...Я выйду в следующий раз и выйду еще раз, и еще раз, и еще раз, и еще раз» (Ж., 19 лет, учится в университете); «Я бы принял участие в митинге снова» (М., 22 года, работает); «Как бы мне плохо ни было в эти выходные, я все равно пойду, и второго числа я пойду в поддержку Навального. Я буду теперь ходить на каждый митинг» (Ж., 30 лет, работает). Но были и те, кто высказал нежелание принимать участие в уличных акциях, не добившись быстрого результата: «В стране завтра абсолютно ничего не изменится, и все это бессмысленно по сути. Насчет проведения подобных акций... я не знаю, мне кажется, что они вряд ли что-то изменят» (М., 19 лет, работает и учится в университете); «Честно говоря, особого желания выступать в митингах у меня больше нет, смысла не вижу в них» (М., 18 лет, учится).

При этом многие выходят на уличные акции, не надеясь получить результат в обозримом будущем: «...Как бы прискорбно это ни звучало, но в нашей стране мирные акции, скорее всего, ничего не изменят и не решат» (Ж., 23 года, работает); «Все так же пройдет. Кого-то задержат, все покричат, разойдутся» (М., 19 лет работает и учится в университете). Иными словами, для многих участников уличных акций они не являются средством достижения политических целей. Это участие в митингах не с целью изменить политическую ситуацию, а чтобы высказать несогласие с действующим политическим курсом, не видя возможности что-либо в нем поменять. Опираясь на классификацию видов социального действия Макса Вебера, можно сказать, что уличные акции для многих их участников — действие не целерациональное, а ценностно-рациональное, то есть они выходят не для того, чтобы что-либо изменить, а потому что не могут поступить иначе, не могут спокойно смотреть на политическую ситуацию, кажущуюся им несправедливой. При этом некоторые говорят о необходимости долгой борьбы для достижения политических целей: «Чтобы получить хоть какой-нибудь результат, нужно выходить регулярно» (Ж., 19 лет, студентка колледжа).

Опасение политических преследований стало сильным сдерживающим фактором для протестной мобилизации российской оппозиции. Около трети опрошен-

ных прогнозируют усиление политических преследований после январских акций. Почти каждый пятый россиянин (19 %) может не поддерживать уличные акции по причине опасения репрессий. Большинство участников январских акций признались, что опасались возможных репрессий из-за своей протестной активности. Характеристики образа участников январских акций значительно отличаются среди сторонников и противников протеста не только модальностью оценочных суждений и риторическими средствами описания, но и подходом к характеристике участников: сторонники протеста пытались как можно точнее описать социальные группы, представители которых вышли на акции, тогда как противники без колебаний навешивали на участников оскорбительные ярлыки, придуманные еще советской пропагандой. Многие из участников январских акций воспринимают свою протестную активность не как политическую борьбу, а как форму манифестации своих ценностей: они не очень-то рассчитывают на изменение ситуации в стране, но не готовы спокойно мириться с политическими условиями, кажущимися им несправедливыми.

Обсуждение результатов

Оценки экономической ситуации в стране и перспектив ее изменения не становятся значимым фактором протестной мобилизации — гипотеза не подтвердилась. Только столкнувшиеся с ухудшением своего личного материального положения чаще вовлекаются в протестную мобилизацию (15 % против 7 % сведи всех). Таким образом, личные финансовые трудности значительно сильнее влияют на протестную мобилизацию, чем признание экономических проблем в стране. Кроме того, на снижение протестной мобилизации влияет формируемое государственными СМИ мнение, что общая ситуация в России лучше, чем она есть на самом деле. Ежедневная аудитория ТВ оценивает экономическое положение значимо выше, чем личное благополучие, а интернет-аудитория, напротив, заметно ниже. То есть государственным СМИ удается убедить свою аудиторию, что другие россияне живут лучше них. Пользователи интернета, где предполагается поиск и конкуренция информации, напротив, чаще уверены в том, что другие россияне живут хуже них. Интернет становится важным средством распространения информации, способной мобилизовать протестные настроения россиян, в то время как государственные СМИ пока что довольно успешно переводят коллективные экономические проблемы на индивидуальный уровень, снижая уровень протестной мобилизации.

Негативно относящиеся к деятельности Владимира Путина на президентском посту россияне чаще склонны участвовать в акциях протеста и поддерживать их проведение, однако даже твердые противники Путина редко поддерживают уличные протесты — гипотеза подтвердилась частично. Многие из них не поддерживают уличные акции как форму протестной мобилизации населения. На уровень поддержки митингов влияют образование и возраст: люди с высшим образованием реже одобряют протест. Это одобрение также снижается с увеличением возраста. Данные факторы будут сдерживать рост численности и активность уличных протестов. Значительный ресурс протестной активности обнаружился в частном секторе экономики. Однако здесь нельзя исключать

и тривиальную боязнь занятых в государственном секторе открыто одобрять несанкционированные митинги.

Стремление к политическим изменениям, присущее политическому протесту, дополняется значимым ухудшением экономической ситуации: те, кто опасается усугубления экономических проблем, чаще одобряют участие в акциях. Уровень поддержки российского президента остается довольно высоким, сокращая тем самым социальный ресурс для протестной мобилизации. Почти трое из каждых пяти (59 %) граждан России с той или иной степенью уверенности полагают, что деятельность президента Путина способствует решению проблем, стоящих перед страной. Каждый пятый житель России (20 %) придерживается противоположного мнения; 53 % россиян считают, что Путин защищает интересы таких людей, как они, 59 % полагают, что он способен обеспечить развитие страны в ближайшие три года, а почти две трети (64 %) согласны с тем, что Путин способен обеспечить в России стабильность. В зависимости от ответов на эти вопросы россиян можно разделить на четыре группы: ядро сторонников Путина (40 %), периферию сторонников Путина (36 %), периферию его противников (13 %) и ядро противников (11 %). Ядро противников российского президента является базой протестной мобилизации граждан. В него входят те, кто не видит позитивных перспектив для себя и страны, а также находится в информационном поле, скорее поддерживающих убежденность в правильности своей точки зрения. Протестная мобилизация данной социальной группы переходит из поля электоральной борьбы в сферу уличной протестной активности. В отличие от ядра, периферия противников Путина, хотя и критикует его деятельность, но делает это значительно реже и не склонна к активному участию в каких-то протестных действиях, хотя и чаще среднего поддерживает протест в целом. Представители этой группы концентрируются в числе тех, кто разочаровался в выборах, но и уличных акций как формы протестной мобилизации не приемлет.

Фильм «Дворец для Путина» получил большую популярность в оппозиционных кругах, однако стал скорее спусковым крючком, чем основным фактором протестной мобилизации: многие участники акций протеста вышли бы на улицу и без фильма, а среди всего населения только 28 % оказались вовлечены в просмотр. При этом широкая известность фильма могла стать фактором мобилизации и тех, кто сам не смотрел фильм, но в целом знает рассказанную в нем историю. Так что можно сделать вывод, что гипотеза подтвердилась.

Прошедшие акции протеста получили широкую известность среди населения — гипотеза подтвердилась. Сторонникам Алексея Навального удалось мобилизовать информационные ресурсы: абсолютное большинство россиян (90 %) знает о январских митингах в его поддержку. Уличная протестная активность не является для России привычной формой протестной мобилизации, поэтому уровень поддержки населением акций протеста невысок. Примерно каждый седьмой житель страны (13 %) одобряет эти митинги, каждый одиннадцатый (9 %) готов был участвовать в них, а 1,4 % сообщили о своем участии в протестных акциях в январе. Очевидно, что последнее число завышено: по отчетам «Штаба Навального»⁴, в акциях при-

⁴ Включен в перечень экстремистских организаций и их деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

няли участие не более 0,5% российских граждан — такое смещение указывает на то, что респонденты не боялись говорить о своих протестных действиях. Таким образом, в части уровня одобрения протестных акций гипотеза подтвердилась, а в части количества их участников — нет, доля участников оказалась выше, чем мы предполагали.

Как и предполагалось, опасение политических преследований оппозиции стало сильным сдерживающим фактором протестной мобилизации противников действующей власти — гипотеза подтвердилась. Лишь треть россиян (34%) полагают, что после январских уличных акций власть будет чаще прислушиваться к народу. Им оппонирует примерно такая же часть респондентов (31%), уверенных, что власть ответит лишь усилением политических преследований. Иначе говоря, почти каждый третий житель России более или менее допускает, что власти готовы преследовать своих политических оппонентов. Разумеется, они могут опасаться таких преследований и в свой адрес. Сопоставляя доли россиян, одобряющих протесты (13%) и ожидающих усиления преследований после этих протестов (31%), можно предположить, что часть населения страны не одобряет протестную мобилизацию граждан лишь потому, что опасается новой волны репрессий. Они не опасаются сказать о своем одобрении протестов — они не одобряют протесты, потому что считают, что те провоцируют усиление преследований оппозиции. Почти каждого пятого россиянина (19%) можно отнести к группе осторожных сторонников протеста, которые не одобряют уличных акций прежде всего по причине опасения преследований со стороны государства. Эту группу составляют жители страны, либо уклоняющиеся от оценок деятельности власти и участников протестных акций, либо более критично относящиеся к российскому руководству и его реакции на протестные действия, закрепленной в законах, ограничивающих возможности проведения уличных протестных акций.

Заключение

Протестная мобилизация участников январских акций вполне укладывается в структуру условий и составных частей протеста по Ч. Тилли [Тилли, 2019]:

1) Организацию участников можно назвать частично децентрализованной: хотя организацией и информационной поддержкой акций занимались штабы Алексея Навального⁵, участники митингов и шествий слабо интегрированы в деятельность Штабов и демонстрируют довольно высокий уровень самоорганизации; они распространяют информацию в своем окружении и координируют свои действия во время самих протестных акций. По-видимому, опыт акций протеста предыдущих лет, перед которыми сотрудники штабов Навального чаще всего задерживались, научил сторонников оппозиции самостоятельным протестным действиям.

2) Мобилизация участников осуществлялась в первую очередь посредством социальных сетей. Фильм «Дворец для Путина» не стал основным ресурсом протестной мобилизации, однако он повысил уровень известности Алексея Навального, его команды и ее деятельности. Главным мобилизационным достижением фильма стало значительное повышение информированности населения об оппозиционной

⁵ Включены в перечень экстремистских организаций, их деятельность запрещена на территории РФ в соответствии с решением Московского городского суда от 09.06.2021.

повестке, то есть повышение уровня мобилизационного знания по О. Н. Яницкому, которое материализовалось в мобилизационное действие — январские акции протеста [Яницкий, 2012].

3) Общие интересы участников и сторонников протеста кроются прежде всего в недовольстве действующей властью. Поддержка Алексея Навального является важным, но не определяющим ресурсом протестной мобилизации. Среди сторонников протеста довольно велико число тех, кто хотел бы голосовать за кого-то еще.

4) В массовом сознании нынешние обстоятельства не считаются благоприятными для протестной мобилизации: высокий уровень опасения политических преследований в сочетании с довольно высоким рейтингом Путина сужают возможности протестной мобилизации россиян. Однако ухудшение экономической ситуации в стране и снижение шансов на социальную мобильность способны усилить протестные настроения.

Январские акции оппозиции с трудом укладываются в мертоновскую модель реакции приспособления или концепцию институционализированного рационального действия по И. Н. Дементьевой. Российская протестная мобилизация — это скорее ценностно-рациональное действие по М. Веберу: участники протестов выходят на улицы не чтобы поменять власть, а чтобы отстаивать свои ценности, которые они считают погрязшими нынешней российской властью.

Список литературы (References):

Гасанов И. Б. О доверии вообще и к выборам в частности // Гражданин. Выборы. Власть. № 4. 2017. С. 5—38.

Hasanov I. B. (2017) On Trust in General and to Elections in Particular. *Citizen. Elections. Authority*. No. 4. P. 5—38. (In Russ.)

Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Giddens A. (1999) *Sociology*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Дементьева И. Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 4. 2013. С. 3—12.

Dementieva I. N. (2013) Theoretical and Methodological Approaches to the Study of Social Protest in Foreign and Domestic Science. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3—12. (In Russ.)

Застой-2: Последствия, риски и альтернативы для российской экономики / под ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2021.

Rogov K. (ed.) (2021) *Stagnation-2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy*. Moscow: Liberal Mission. (In Russ.)

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем., общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь Мир, 1996.

Noelle-Neumann E. (1996) *Öffentliche Meinung Die Entdeckung der Schweigespirale* Ullstein. Moscow: Progress-Akademiya, Ves' Mir. (In Russ.)

Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2019.

Tilly Ch. (2019) *From Mobilization to Revolution*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. № 6. 2012. С. 3—12.

Yanitsky O. N. (2012) Mass Mobilization: Problems of Theory. *Sociological Studies*. No. 6. P. 3—12. (In Russ.)

Chenoweth E., Stephan M. J. (2011) *Why Civil Resistance Works. The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Eisenstadt S. N. (1978) *Revolutions and the Transformation of Societies*. New York, NY: Free Press.

Merton R. K. (1938) Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*. Vol. 3. P. 672—682.

Rosenau J. N. (1990) *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1938](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938)

Б. О. Соколов, М. А. Завадская

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ КОВИД-СКЕПТИКОВ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410—435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>.

For citation:

Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. (2021) Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 410–435. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1938>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, ЛИЧНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ, ЦЕННОСТИ И УСТАНОВКИ КОВИД-СКЕПТИКОВ В РОССИИ

СОКОЛОВ Борис Олегович — кандидат политических наук, заведующий и старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

ЗАВАДСКАЯ Маргарита Андреевна — PhD, научный сотрудник факультета политических наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований им. Р. Ф. Инглхарта, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mzavadskaya@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3728-4073>

Аннотация. В работе изучаются социально-демографические, личностные, ценностные и идеологические различия между ковид-скептиками и остальным населением Российской Федерации. Эмпирической основой исследования выступают материалы первой волны международного опроса «Ценности в кризисе» (ЦВК) по России (сбор данных осуществлялся в середине июня 2020 г.; $N = 1527$). Ковид-скептицизм операционализируется как поддержка утверждения о том, что пандемия коронавируса является мистификацией, а введенные ограничительные меры — чрезмерной реакцией на про-

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILES, PERSONALITY TRAITS, VALUES, AND ATTITUDES OF COVID-SKEPTICS IN RUSSIA

*Boris O. SOKOLOV*¹ — *Cand. Sci. (Polit.)*, Laboratory Head and Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research
E-MAIL: bssokolov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5151-8147>

Margarita A. ZAVADSKAYA^{2,1} — *PhD*, Research Fellow at the Faculty of Political Sciences; Senior Research Fellow at the Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research

E-MAIL: mzavadskaya@eu.spb.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3728-4073>

¹ HSE University, Saint Petersburg, Russia

² European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Abstract. In this study, we explore how various socio-demographic attributes, personality traits, values, and attitudes of COVID-19 skeptics differ from those of the rest of the Russian population. We use data collected during the first round of the international online panel survey “Values in Crisis” (in short ViC; fieldwork mid-June 2020, $N = 1527$). We operationalize COVID-skepticism as support for the idea that the COVID-19 pandemic is a hoax and that all the lockdown measures are a hysterical overreaction, indicated by 38% of our respondents. Basic descriptive tests show that male, middle-aged, and less educated

исходящее. С таким утверждением согласились 38% респондентов ЦВК. Описательные статистики показывают, что среди отечественных ковид-скептиков в большей степени представлены мужчины, лица среднего и старшего среднего возрастов, а также респонденты без высшего образования. Непосредственное столкновение с заболеванием ассоциируется с меньшим уровнем скептицизма, тогда как негативный экономический опыт во время пандемии (например, потеря работы) имеет обратный эффект. Не удалось обнаружить каких-либо различий между скептиками и нескептиками в плане «большой пятерки» личностных черт. При этом скептики демонстрируют более высокие значения по шкале ценностей открытости изменениям и более низкие — по шкале ценностей сохранения (в терминах Ш. Шварца). Кроме того, для них более характерно неприятие глобализации, международного сотрудничества и миграции. Представители этой группы также в меньшей степени склонны доверять другим людям и традиционным СМИ, однако не отличаются от остального населения по уровню религиозности. Одним из наиболее интересных результатов является тот факт, что ковид-скептики значительно меньше доверяют правительству, здравоохранительной системе и национальным институтам в целом, а также гораздо хуже оценивают деятельность правительства по противодействию пандемии.

Ключевые слова: COVID-19, ковид-скептицизм, теории заговора, базовые ценности Шварца, «большая пятерка» личностных черт, институциональное доверие

respondents are more likely to express skeptical views of the pandemic. The direct experience of the disease, quite predictably, decreases the likelihood of being coronaskeptic, whereas encountering negative economic consequences of the pandemic has the reverse effect. Interestingly, no systematic differences between skeptics and non-skeptics in the “Big-5” personality traits are visible in our data. At the same time, the coronaskeptic group has consistently lower scores on Schwarz’s conservation values and higher scores on openness to change values. COVID-19 skeptics also tend to oppose globalization, international cooperation, and migration. They are slightly less trusting of other people and traditional media, less proud of being Russian citizens, but do not differ from non-skeptics in terms of religiosity. Perhaps the most striking finding is that this group demonstrates much lower levels of confidence in government, health system, and national institutions, and also evaluates the government’s performance in handling the COVID-19 crisis much more critically.

Keywords: COVID-19, coronavirus skepticism, conspiracy theories, Schwartz’s basic values, “Big Five” personality traits, institutional trust

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

Введение

Многочисленные слухи и теории заговора окружают пандемию коронавируса с самого ее начала [Stein et al., 2021; Ball, Maxmen, 2020]. Широко известными стали такие сюжеты, как распространение вируса через вышки 5G-связи [Ahmed et al., 2020] или «план Билла Гейтса» по сокращению численности населения и массовому «чипированию» через вакцинацию [Shahsavari et al., 2020]. Во многом этому способствовали недостаток информации о заболевании и неизбежная противоречивость поступающих буквально «в прямом эфире» научных данных. Впрочем, даже хорошо изученные болезни зачастую сопровождается шлейф слухов и недоверия — в этой связи можно вспомнить распространенный в России феномен СПИД-диссидентства [Бобровская, 2017; Рыков, Meylakhs, Sinyavskaya, 2017].

Подобные теории представляют значительную угрозу общественному благополучию. Политики и чиновники, не верящие в существование вируса или недооценивающие его опасность, могут препятствовать своевременному введению мер по борьбе с заболеванием или продвигать неадекватные варианты реагирования на ситуацию. Ковид-скептики среди простых граждан, в свою очередь, в меньшей степени склонны соблюдать элементарные меры предосторожности (например, ношение масок или социальное дистанцирование) и с большей вероятностью отказываются от вакцинирования, тем самым ставя под угрозу как собственное, так и чужое здоровье [Stein et al., 2021; Imhoff, Lamberty, 2020].

В постсоветской России теории заговора, посвященные самым разнообразным темам, получили широкое распространение [Яблоков, 2020]. Не обошли они стороной и такую злободневную тему, как пандемия COVID-19: исследование группы «Мониторинг актуального фольклора» зафиксировало в российских социальных сетях за 2020 г. почти 2 млн (1 951 143) репостов слухов, псевдомедицинских советов, конспирологических трактовок новостей и панических предупреждений о так и не случившихся событиях [Архипова* и др., 2020]. И это при том, что методика подсчета учитывала только сообщения, находящиеся в открытом доступе, и исключала частную переписку. В проводившемся в июле прошлого года опросе Фонда «Общественное мнение» только 12 % респондентов прямо заявили, что считают коронавирус выдумкой, однако тех, кто отметил наличие ковид-диссидентов в своем окружении, было 44 %¹. Согласно данным ВЦИОМ, весной 2020 г. 17 % населения страны считали, что главной причиной распространения вируса стали халатность или безответственность, а 11 % назвали в качестве таковой искусственное происхождение вируса. Важно, что вопрос был открытым; по мнению главы исследовательской

¹ Закутина Е. «Не верю!» — социологический портрет ковид-диссидента // коронаФОМ. 2020. 24 июля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ne-veryu-sociologicheskij-portret-kovid-dissidenta> (дата обращения: 22.12.2021).

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

организации Валерия Федорова, наличие подсказки могло бы увеличить число сторонников теории искусственного происхождения вируса². Даже среди студентов ведущих университетов страны, которые вроде бы должны в большей степени владеть навыками критического мышления по сравнению со среднестатистическими гражданами, доля склонных верить слухам о коронавирусе, по некоторым оценкам, может превышать 15% [Климова, Чмель, Савин, 2020].

Хотя по мере развития пандемии и увеличения числа людей, непосредственно столкнувшихся с болезнью, скептиков, по идее, должно становиться меньше, даже в феврале 2021 г. 64% респондентов «Левада-Центра» высказали мнение, что коронавирус был искусственно создан как новая форма биологического оружия. Лишь 23% считали, что вирус возник естественным путем³. Столь широко распространенный скептицизм в отношении самого заболевания неизбежно сопровождается и пренебрежением к соответствующим требованиям эпидемиологической безопасности. В конце декабря 2020 г. другой опрос «Левада-Центра» показал, что 41% жителей России не боятся заразиться новым вирусом⁴. Чуть ранее, в начале ноября, только 57% респондентов отметили, что стараются соблюдать социальную дистанцию; иные меры по снижению риска заражения (воздержание от посещения общественных мест и т. д.) и вовсе практиковали менее половины опрошенных. Фактически единственной массовой принятой населением эпидемиологической рекомендацией является ношение медицинской маски (следовали 92% опрошенных)⁵. ВЦИОМ в тот же период давал несколько более оптимистичные данные о соблюдении гражданами конкретных рекомендаций, но кардинально ситуацию они не меняли [Кочкина, 2020: 24].

Кроме того, фокус массового недоверия постепенно распространился с самого заболевания на действующие или планируемые правительственные меры по борьбе с ним, например вакцинирование. В августе 2020 г. 54% респондентов «Левада-Центра» с недоверием относились к разрабатываемым в стране вакцинам и не планировали прививаться; в декабре таких стало 58%; а в феврале 2021 г. — уже 62%!⁶. Согласно опросу ВЦИОМ, в конце прошлого года подобные настроения разделяли 52% россиян (70% — среди молодежи в возрасте 25—34 лет)⁷. При этом тенденцию на рост недоверия вакцинам не смогли переломить даже наступление второй волны и общее ухудшение ситуации с числом заболевших и погибших.

² Глава ВЦИОМ объяснил популярность версии искусственного происхождения коронавируса // ТАСС. 2020. 18 мая. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8503159> (дата обращения: 22.12.2021).

³ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса // Левада-Центр. 2021. 1 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁴ Коронавирус: страхи и вакцина // Левада-Центр. 2020. 28 декабря. URL: <https://www.levada.ru/2020/12/28/koronavirus-strahi-i-vaktina/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁵ Коронавирус: страхи и меры // Левада-Центр. 2020. 2 ноября. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/02/koronavirus-strahi-i-mery/> (дата обращения: 22.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

⁶ Там же.

⁷ Вакцинация: ключ на старт! // ВЦИОМ. 2020. 23 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-kljuch-na-start> (дата обращения: 22.12.2021).

Можно констатировать, что в российском обществе существует значительная прослойка людей, которые с разной степенью сомнения относятся как к коронавирусу, так и к государственной политике в области противодействия пандемии. Кто эти люди и что отличает их от тех, кто относится к пандемии всерьез? Обуславливается ли склонность к конспирологическому мышлению социально-демографическим бэкграундом? Или большую роль играют индивидуальные психологические особенности, а также ценности и социально-политические установки? В настоящей работе предпринимается попытка ответить на эти вопросы, для чего используются материалы первой волны международного исследовательского проекта «Ценности в кризисе».

Обзор литературы

Хотя сам по себе феномен ковид-скептицизма возник чуть более года назад, теории заговора, распространяющиеся вокруг некоего кризисного события, давно изучаются социологами, антропологами, исследователями медицины и психологами [van Prooijen, van Vugt, 2018] и имеют много общего. Существующие наработки в определенной степени можно распространить на случай пандемии COVID-19. В целом детерминанты скептического отношения к пандемии логично разделить на три группы: (1) индивидуальные характеристики, (2) ценности, нормы и установки, (3) социальный контекст [van Mulukom et al., 2020]. Факторы индивидуального уровня включают в себя личностные психологические черты и демографические характеристики (пол, возраст и т. д.). Факторы, входящие во вторую группу, связаны с влиянием доминирующих в ближайшем социальном окружении человека норм, ценностей, верований и установок, в том числе таких как отношение к научному знанию, стили мышления (*thinking styles*) [Lazarević et al., 2021] и когнитивные искажения (*cognitive biases*) [Čavojová, Šrol, Jurkovič, 2020]. Наконец, факторы социального уровня — это групповые идентичности, в том числе политические и идеологические, уровень институционального и межличностного доверия в стране проживания, а также политический контекст и повестка СМИ, включая социальные сети.

Есть несколько разновидностей конспирологических теорий, касающихся COVID-19. Авторы одного из обзоров по теме выделяют три основных типа [van Mulukom et al., 2020], границы между которыми, впрочем, достаточно размыты. В первый тип объединяются теории, которые так или иначе преуменьшают опасность вируса и пандемии: представляют COVID-19 как мистификацию (так называемые *hoax theories*), отрицают само существование вируса или утверждают, что коронавирус является не более опасным, чем обычный грипп (так называемая *flu theory*). Второй тип составляют идеологемы, предполагающие целенаправленное изобретение и/или распространение вируса с целью получения материальных или политических выгод (коронавирус как секретное биологическое оружие, военная разработка, результат заговора «Большой фармы», элемент политики по установлению нового мирового порядка). Наконец, третий тип — это модели, которые помещают пандемию в контекст изначально не связанных с ней конспирологических нарративов (негативные последствия распространения 5G-сетей, «заговор Билла Гейтса» и т. д.).

Стоит отметить, что ковид-скептицизм может иметь различные оттенки и степени. Наиболее радикальную его форму транслируют так называемые ковид-отрицатели, или ковид-диссиденты⁸, подвергающие сомнению сам факт существования вируса. Непосредственно под «ковид-скептиками» далее понимаются индивиды, которые в целом признают наличие вируса, но не считают его достаточно опасным или не соглашаются с принимаемыми национальными правительствами мерами по борьбе с пандемией, считая их избыточными.

Ковид-скептицизм тесно связан со склонностью к конспирологическому мышлению (conspiracy thinking) [Douglas et al., 2019] — своеобразному компенсаторному механизму, позволяющему создать иллюзию контроля над происходящим в условиях низкого уровня социального доверия и высокого уровня неопределенности [Imhoff, Lamberty, 2020; Miller, 2020]. Ковид-скептицизм можно рассматривать в рамках более общего феномена медицинского дениализма (denialism), то есть совокупности теорий и практик отрицания авторитета медицинской науки и выражения недоверия институтам здравоохранения [Diethelm, McKee, 2009]. Наиболее ярким частным примером здесь является СПИД-диссидентство, отрицающее существование самого заболевания или опасность его последствий [Heller, 2015; Rykov, Meylakhs, Sinyavskaya, 2017]. В целом отрицание медицинского экспертного знания связано как с (1) проблемами национальных систем здравоохранения и низким уровнем их эффективности, так и с (2) индивидуальной склонностью к конспирологии [Barkun, 2003].

Имеющиеся свидетельства не позволяют сделать однозначного вывода о роли таких социально-демографических факторов, как пол и возраст, но при этом предполагают, что низкий доход и недостаточно высокий уровень образования способствуют поддержке конспирологических представлений о COVID-19 [van Mulukom et al., 2020]. Индивиды с высокими показателями по шкале нарциссизма больше склонны принимать и распространять теории заговора, связанные с коронавирусом [Nowak et al., 2020]. Приверженцы ковид-диссидентских взглядов чаще поддерживают картины мира, отличающиеся от научного мейнстрима или даже прямо ему противоречащие [Schmid, Schwarzer, Betsch, 2020].

Также было обнаружено, что консерваторы чаще либералов демонстрируют ковид-скептицизм (например, в США, Турции и Бразилии). Это связывается с тем, что первые хуже распознают недостоверную информацию [Uscinski et al., 2020]. Кроме того, существуют свидетельства, что ковид-отрицателями с большей вероятностью становятся люди с левыми политическими взглядами и религиозные граждане [Achimescu, Sultanescu, Sultanescu, 2020]. Связь религиозности и скептического или даже диссидентского восприятия коронавируса находит подтверждение в российской истории пандемии: весной 2020 г. многие представители Русской православной церкви и ее активные прихожане были последовательными оппонентами вводимых властями ограничительных мер⁹, а некоторые радикалы —

⁸ Данный термин имеет в целом более размытые рамки, однако в настоящей работе — во избежание ненужной терминологической путаницы — он используется как синоним «ковид-отрицателей». Оба этих понятия являются частными случаями более общего феномена ковид-скептицизма.

⁹ Лученко К. Широко закрытые двери. Что случилось с русской церковью во время пандемии // Московский центр Карнеги. 2020. 30 апреля. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81681> (дата обращения: 22.12.2021).

наподобие схимонаха о. Сергия — даже выступали с открытой критикой Владимира Путина на почве антиковидных настроений¹⁰.

Другие исследования указывают, что доверие правительству и институтам здравоохранения, а также доверие экспертному знанию, являются значимыми предикторами соблюдения ограничений и карантина [Rothmund et al., 2020; Макушева, Нестик, 2020]. Есть свидетельства корреляции между ковид-скептицизмом и националистическими и шовинистическими взглядами, а также прямой агрессией в адрес аутгрупп, ассоциирующихся в массовом сознании с пандемией (китайцев или просто иностранцев) [Dhanani, Franz, 2021; Croucher, Nguyen, Rahmani, 2020].

Наконец, немаловажную роль в распространении ковид-отрицания сыграли СМИ и социальные сети. Феномен бесконтрольного распространения недостоверной информации о пандемии COVID-19 получил название «инфодемия» [Архипова* и др., 2020]. Конспирологические теории в целом успешно распространяются по различным каналам — как неформальным (частная коммуникация или соцсети), так и вполне респектабельным (традиционные СМИ). Этому способствует типичный формат их презентации, предполагающий эмоциональность и обращение к чувству опасности или групповой идентичности [Törnberg, 2018; Valenzuela et al., 2019]. Кроме того, распространение информации через соцсети обычно не сопровождается детальной проверкой ее достоверности (фактчекингом) [Cinelli et al., 2020].

Следует отметить, что исследования ковид-скептицизма и теорий заговора, относящихся к пандемии, — это новая научная область, пусть и активно развивающаяся. Ей во многом недостает систематичности — как в плане имеющихся эмпирических результатов (порой противоречащих друг другу), так и их теоретического осмысления. Поэтому в настоящей статье не формулируются эксплицитные, теоретически фундированные гипотезы или ожидания относительно того, какие факторы в наибольшей степени связаны со склонностью к скептическому восприятию пандемии в российском контексте. Вместо этого акцент делается на разведывательном анализе доступных данных по России и составлении своего рода эмпирического «портрета» типичного отечественного ковид-скептика.

Данные

В работе используются материалы первой волны международного проекта «Ценности в кризисе» (англ. *Values in Crisis*; далее — ЦВК), основной целью которого является изучение политических и социальных эффектов текущей пандемии COVID-19 в сравнительной перспективе. В рамках проекта ведется сбор данных в России и ряде других стран (в том числе Великобритании, Германии и т. д.; всего участвуют 18 государств). Предполагается три волны исследования; на момент подачи статьи в журнал (март 2021 г.) в Российской Федерации была проведена только первая волна. Сбор данных в ходе первой волны осуществлялся с 10 по 16 июня 2020 г. на основе онлайн-панели маркетинговой компании OMI (сертифицированной по стандарту ISO 20252:2019). Так как построение вероятностной выборки в рамках онлайн-исследования невозможно, применялась квотная

¹⁰ Схимонах Сергей потребовал от Путина передать ему власть // Коммерсантъ. 2020. 12 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4415436> (дата обращения: 24.12.2021).

выборка с заданными пропорциями по полу и возрасту. Всего в первой волне участвовало 1 527 респондентов.

Анкета ЦВК содержала следующий вопрос:

«В социальных сетях можно найти сообщения, в которых объявляют пандемию коронавируса обманом, а введение ограничительных мер — истерией и слишком острой реакцией. Согласны ли Вы с данными историями?»

Хотя данная операционализация является достаточно узкой и не покрывает все возможные варианты ковид-скептических нарративов, а также смешивает восприятие (а) пандемии как эпидемиологического события в узком смысле и (б) правительственных действий по борьбе с ней, она все же представляется до определенной степени уместной в российском контексте. Согласно процитированным во введении данным группы «Мониторинг актуального фольклора», треть — 644 410 (33 %) — от общего числа публикаций в отечественных социальных медиа, транслирующих слухи о коронавирусе, относятся к категории, обозначенной авторами как «Реальной опасности нет, власти используют коронавирус в своих интересах» [Архипова* и др., 2020: 243]. Еще 188 656 (9,7 %) сообщений принадлежат к содержательно близкой группе «Вакцины, тесты, маски — это способ чипирования или убийства». Иными словами, анализ социальных сетей показывает, что почти половина (42,7 %) проблемных постов о коронавирусе в Рунете выражает скептическое и пренебрежительное отношение к самому заболеванию и сопутствующим эпидемиологическим мерам. В этом отношении использованный в ЦВК вопрос все же позволяет выделить множество респондентов, которые в той или иной степени склонны сомневаться в серьезности пандемии и целесообразности борьбы с ней¹¹.

Анкета ЦВК также содержит большое количество социально-демографических, личностных, ценностных и идеологических переменных, равно как и индикаторы, отражающие ситуативный опыт столкновения респондента с пандемией, что позволяет вычленивать эффекты факторов ковид-скептицизма различного уровня: не только индивидуальных, но также групповых и — в некоторой степени — социальных. Необходимо отметить, что данное исследование носит описательный характер и не претендует на установление комплексных причинно-следственных отношений, формирующих индивидуальную склонность к ковид-скептицизму. Поэтому в качестве метода анализа выступают простые статистические тесты (сравнение средних и пропорций) и визуализации, позволяющие выделить основные различия между скептиками и остальным населением России¹².

¹¹ К сожалению, внутри этого множества нельзя разделить простых скептиков, недооценивающих степень угрозы, и радикальных ковид-диссидентов, которые в принципе отрицают существование проблемы и/или верят в разнообразные сопутствующие теории заговора. Признавая проблемный характер вопроса, использованного в ЦВК для измерения ковид-скептицизма, стоит все же отметить, что формулировка была предложена не авторами данной статьи, а разработчиками исходной англоязычной анкеты, и изменить ее в российской версии не представлялось возможным по соображениям поддержания межстрановой сравнимости данных. Какой бы несовершенный характер эта формулировка ни носила, с точки зрения изучения феномена ковид-скептиков в России использование проблемного инструментария представляется лучшей альтернативой, чем отказ от исследования вообще или разработка и реализация собственного опроса (что требует как финансовых ресурсов, так и дополнительного времени, тогда как результаты подобного исследования могут иметь не только научную, но и прикладную ценность здесь и сейчас).

¹² Этому также способствует бинарный характер переменной, измеряющей ковид-скептицизм в ЦВК.

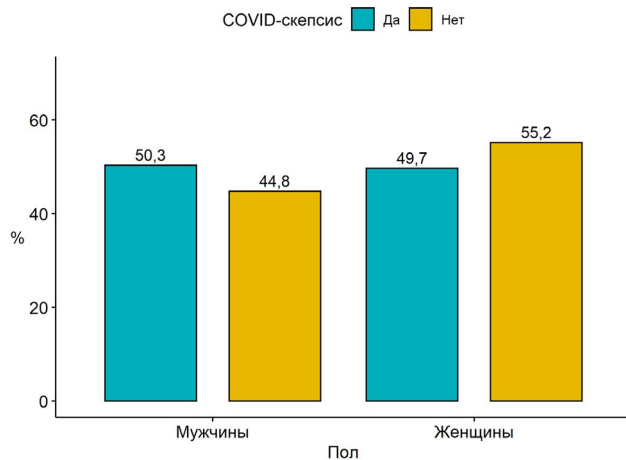
Результаты

37,97 % респондентов, представленных в российской выборке ЦВК, согласились с утверждением о том, что пандемия является мистификацией, а ограничительные меры — чрезмерной реакцией на происходящее. По этому показателю Россия находится на первом месте среди всех стран, участвующих в ЦВК. Второе занимает еще одно постсоветское общество — Грузия (36,3% ковид-скептиков). В других странах сомневающихся в серьезности ситуации гораздо меньше: в занимающей третье место по данному показателю Греции скептическую позицию выразили 17,7%, а в Швеции — всего 1,9%¹³. 12,9% российских респондентов также сообщили, что либо сами переболели коронавирусной инфекцией¹⁴, либо имели заболевших близких; 5,7% респондентов отказались отвечать на соответствующие вопросы анкеты¹⁵.

Социально-демографические атрибуты

Среди тех, кто склонен к легкомысленному восприятию COVID-19, доли мужчин и женщин практически не различаются: 50,3% мужчин и 49,7% женщин ($\chi^2 = 0,01$, $df = 1$, $p = 0,91$; см. также рис. 1). Однако среди тех, кто не ставит под сомнение серьезность ситуации с пандемией, мужчин значительно меньше: 44,8% против 55,2% ($\chi^2 = 19,89$, $df = 1$, $p = 0,00$). Таким образом, можно заключить, что мужчины в большей степени склонны к демонстрации скепсиса в отношении пандемии.

Рис. 1. Ковид-скептики: распределение по полу

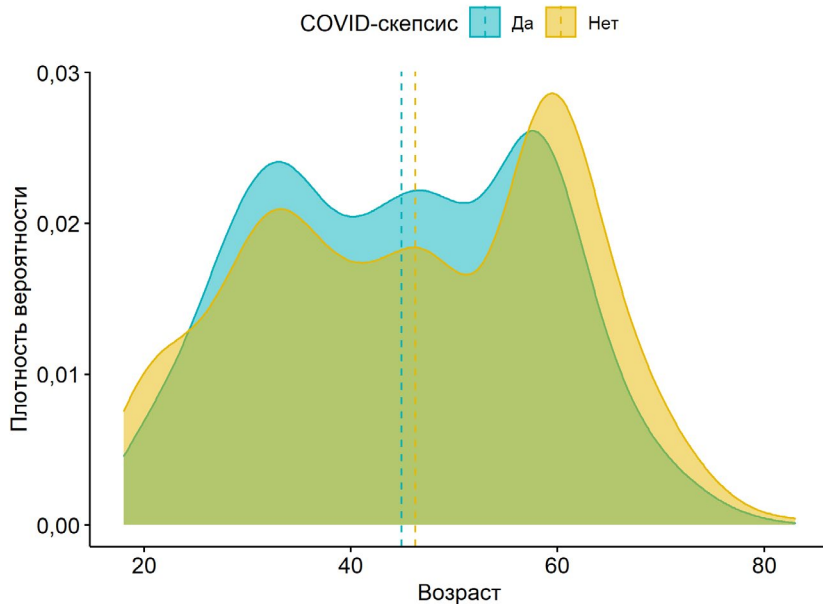
¹³ См. также: Завадская М. COVID-19 и общественные настроения россиян в 2020 году // Riddle Russia. 2021. 10 февраля. URL: <https://www.ridl.io/ru/covid-19-i-obshhestvennyie-nastroeniia-rossijan-v-2020-godu/> (дата обращения: 22.12.2021).

¹⁴ Учитывалось как наличие официального диагноза, так и упоминание о перенесенном недомогании, которое сопровождалось симптомами, характерными для COVID-19.

¹⁵ Проводившееся в июне в Санкт-Петербурге совместное исследование ЕУСПБ и клиники «Скандинавия» выявило наличие антител к коронавирусу у 8% жителей города, то есть в целом данные ЦВК дают относительно близкий к реальности показатель заболеваемости (с поправкой на неизбежную погрешность метрики, полагающейся на субъективные свидетельства респондентов). См.: Окончательные результаты первого этапа репрезентативного исследования наличия антител к коронавирусу у петербуржцев // Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2020. 15 июля. URL: <https://eusp.org/news/okonchatelnye-rezultaty-pervogo-etapa-reprezentativnogo-issledovaniya-nalichiya-antitel-k-koronavirusu-u-peterburzhcev> (дата обращения: 22.12.2021).

Возрастные различия между ковид-скептиками и остальным населением просматриваются менее явно. Средний возраст скептиков (44,9 года) чуть меньше среднего возраста людей, воспринимающих пандемию всерьез (46,2 года), но соответствующая разница не дотягивает до классического порога статистической значимости ($\Delta = 1,3$ года, $t = 1,81$, $p = 0,07$ ¹⁶). Однако если посмотреть на возрастные распределения внутри этих групп целиком (см. рис. 2), то можно увидеть, что относительная доля скептиков (отражена голубым цветом) ниже среди молодежи (до 25 лет) и лиц пожилого возраста (60+). Среди лиц среднего и старшего среднего возраста (25—60 лет) ковид-диссидентство распространено в большей степени. Возможно, это стоит соотнести с тем фактом, что граждане соответствующих возрастов составляют основную массу трудоспособного населения страны и в наибольшей степени пострадали от вводимых эпидемиологических и экономических ограничений.

Рис. 2. Возрастная структура группы ковид-скептиков в сравнении с остальным населением страны

Вполне предсказуемо доля ковид-скептиков оказалась ниже среди людей с высшим образованием, хотя и там таковых практически треть (33,1%; см. рис. 3). Среди людей с неполным средним образованием и среди тех, кто окончил 11 классов или профессиональные технические училища, сомнение в отношении пандемии распространено примерно одинаково (доля скептиков составляет 41,5 и 41,1% соответственно).

¹⁶ Здесь и далее разница средних и соответствующая t-статистика приводятся по модулю, так как вместе с ними даются и средние значения для сравниваемых групп, в силу чего не составляет труда понять, в какой группе целевой показатель выражен в большей степени.

Рис. 3. Доля ковид-скептиков в сравнении с остальным населением по уровню полученного образования

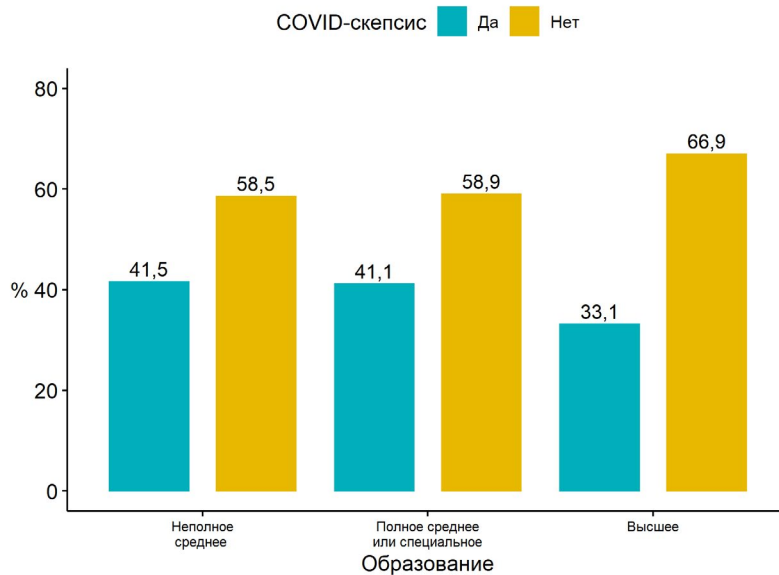
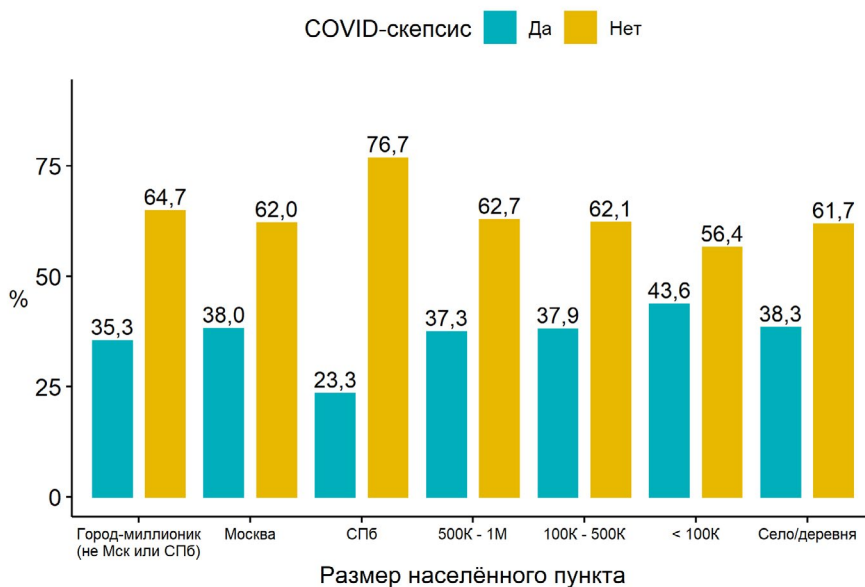

Рис. 4. Доля ковид-скептиков по размеру населенного пункта, в котором проживает респондент

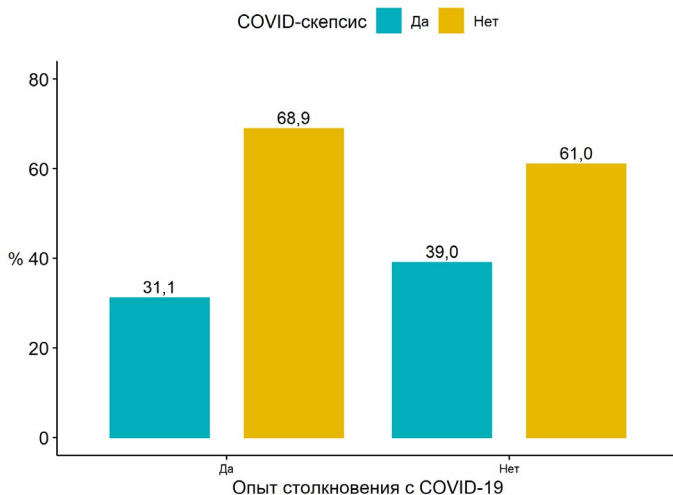

Не удалось обнаружить заметных различий между ковид-скептиками и остальным населением России по таким характеристикам, как среднее число детей (2,30 против 2,24 человек соответственно; $\Delta = 0,06$, $t = 0,79$, $p = 0,35$), средний размер домохозяйства (2,90 против 2,95 человек соответственно; $\Delta = 0,05$, $t = 0,93$, $p = 0,43$), медианный месячный доход семьи (в обеих группах медианной является категория «30 001 — 40 000 рублей»), семейное положение (37,2% скептиков среди состоящих в браке и 39,6% среди остальных; $\chi^2 = 0,74208$, $df = 1$, $p = 0,389$). Размер населенного пункта, в котором проживает респондент, в чуть большей степени связан с восприятием пандемии: в среднем наибольшая доля скептиков характерна для сельской местности (38,3%) и для малых городов (43,6%), хотя отличия от средних городов (37,9%) и даже от Москвы (38%) совсем незначительные. В крупных городах и городах-миллионниках доля скептиков слегка снижается (37,3% и 35,3% соответственно). Выделяется в этом отношении Санкт-Петербург, где меньше четверти населения (23,3%) не верит в серьезность ситуации (см. рис. 4).

Опыт пандемии

Как опыт прямого столкновения с пандемией в той или иной ее ипостаси влияет на восприятие ситуации респондентом? В этом отношении можно выделить следующие результаты. Доля ковид-скептиков ниже среди тех, кто столкнулся с болезнью напрямую (либо непосредственно заразившись коронавирусом или инфекцией с похожими симптомами, либо имея заболевших родственников), чем среди тех, кто подобного опыта не имел: 31,1% против 39,0%. Это различие является статистически значимым ($\chi^2 = 4,1$, $df = 1$, $p = 0,04$) и представляется вполне логичным с содержательной точки зрения: опыт болезни может снижать степень недоверия официальной медицине (см. также рис. 5). Тот факт, что даже в этой группе число скептиков остается сравнительно высоким, может объясняться тем, что многие болели легко, поэтому сильных стимулов для пересмотра своих взглядов у них не было.

Рис. 5. Ковид-скепсис и опыт столкновения с болезнью

Столкновение с негативными экономическими последствиями пандемии и сопутствующих ей ограничений, напротив, положительно связано со склонностью воспринимать происходящее с недоверием. Среди тех, кто потерял работу, перешел на неполный рабочий день или был вынужден закрыть свой бизнес, доля ковид-скептиков почти на 9% выше (см. рис. 6), чем среди тех, кого в финансовом плане пандемия затронула не так сильно (44,9% против 36,1%; разница в пропорциях является статистически значимой: $\chi^2 = 7,8$, $df = 1$, $p = 0,01$). Это наблюдение резонирует с тем, что в возрастных группах, наиболее представленных на рынке труда, ковид-скептики встречаются чаще, и заставляет предположить, что сомнения насчет серьезности ситуации могут подпитываться материальными убытками.

Рис. 6. Ковид-скепсис и экономические последствия пандемии

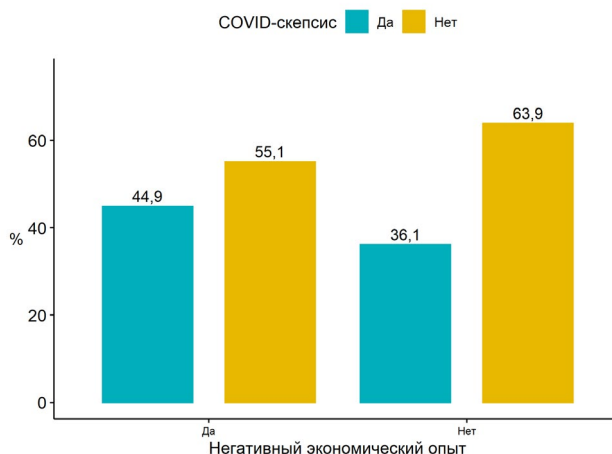
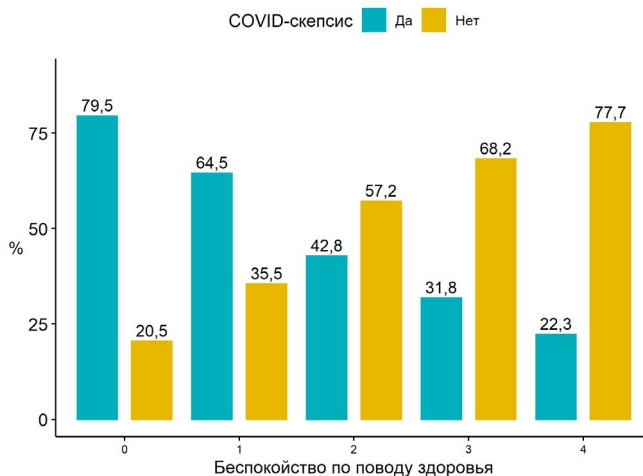

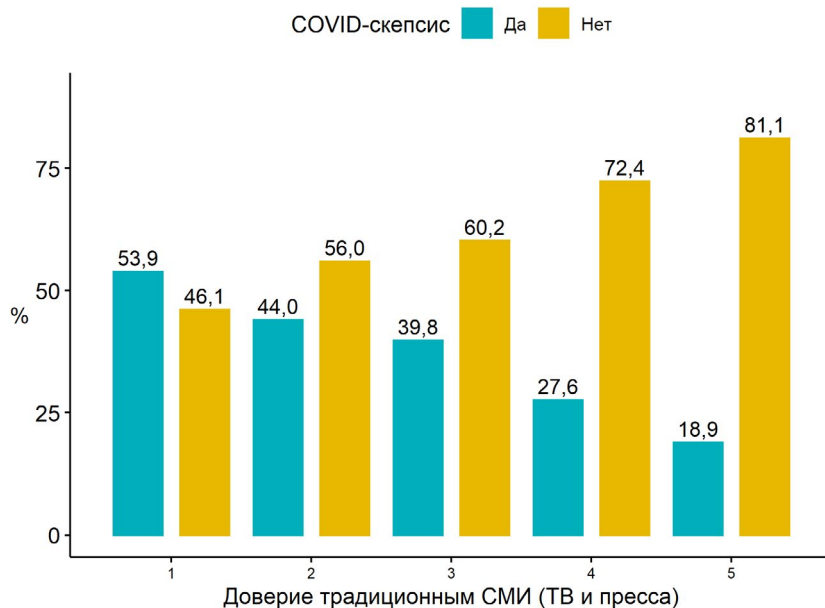
Рис. 7. Ковид-скепсис и беспокойство о собственном здоровье и здоровье близких

Интересно, что с ковид-отрицанием значимо связано только беспокойство о том, что сам респондент или его близкие заболеют и серьезно пострадают от коронавируса: для скептиков среднее значение уровня тревоги по данному поводу — всего 2,12 (по шкале от 0 до 4), а для остальных — 3,03 ($\Delta = 0,9, t = 13,8, p = 0,00$). На рисунке 7 показано, как уменьшается доля ковид-скептиков (с 70 % до 22 %) по мере роста уровня тревожности за собственное здоровье и здоровье близких.

В плане беспокойства насчет возможных экономических последствий коронавирусного кризиса для респондента и его/ее близких значимых различий между скептиками и нескептиками не наблюдается. Средние уровни тревоги в обеих группах при этом являются довольно высокими: 3,03 и 3,08 по шкале от 0 до 4 ($\Delta = 0,05, t = 0,79, p = 0,43$). Средние значения по шкале депрессии¹⁷ также практически идентичны и равны $-0,08$ при размахе шкалы от $-0,91$ до $3,06$ ($\Delta = 0,00, t = 0,00, p = 0,998$).

Рис. 8. Ковид-скепсис и недоверие традиционным СМИ

Ковид-скептики также в среднем в меньшей степени склонны считать, что другие жители России ведут себя неправильно во время пандемии: 2,23 против 2,45 по шкале от 0 до 4 ($\Delta = 0,22, t = 4,45, p = 0,00$). Но при этом они испытывают меньше солидарности с согражданами, чем те, кто воспринимает пандемию серьезно¹⁸:

¹⁷ Выраженность депрессивных и тревожных симптомов измерялась с помощью опросника PHQ-4 [Kroenke et al., 2009], к которому был добавлен вопрос о том, насколько часто респондент чувствовал себя одиноким за последние две недели. Индивидуальные значения были рассчитаны с помощью разведывательного факторного анализа.

¹⁸ Впрочем, по укороченной шкале эмпатии Дэвиса [Davis 1983] (использовались 4 вопроса из 28) средние значения для двух групп значимо не различаются ($\Delta = 0,06, t = 1,28, p = 0,20$).

соответствующие средние значения — 0,26 и 0,47 по шкале от –3 до 3¹⁹ ($\Delta = 0,21$, $t = 2,95$, $p = 0,00$); меньше доверяют традиционным медиа (телевидение и газеты) в противопоставлении с информацией из социальных сетей: 1,59 против 2,21 у нескептиков по шкале от 0 до 4 (где 2 означает равное доверие обоим источникам информации; $\Delta = 0,62$, $t = 9,46$, $p = 0,00$); а также менее оптимистично оценивают общие последствия пандемии для страны²⁰. На рисунке 8 показано, что пропорция ковид-скептиков по мере роста доверия традиционным СМИ снижается с 54 % до 19 %, то есть в 3,5 раза.

Личностные характеристики

В предыдущих разделах было показано, что ковид-скептики отличаются от основной массы российского населения по ряду социально-демографических характеристик, а также в плане опыта столкновения с пандемией и общего ее восприятия. Обладает ли указанная группа вдобавок какими-то специфическими психологическими, ценностными или идеологическими маркерами?

Анкета ЦВК операционализирует психологические характеристики респондентов согласно популярной модели личности, известной как «Большая пятерка» (англ. *Big Five*, см. [Goldberg, 1990; McCrae, Costa, 2008]). Эта модель описывает личность человека в терминах следующих пяти измерений (черт), полагающихся относительно независимыми друг от друга: экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, невротизм и открытость опыту. Для измерения черт «Большой пятерки» использовался краткий личностный опросник BFI-10 [Rammstedt, John, 2007]. Теоретический размах значений для всех пяти шкал — от 1 до 5.

Статистически значимых различий между ковид-скептиками и остальными респондентами выявлено не было (см. рис. 9), хотя среднее значение по шкале экстраверсии у первых выше (3,04 против 2,99; $\Delta = 0,04$, $t = 1,47$, $p = 0,14$), равно как и по шкале добросовестности (3,35 против 3,31; $\Delta = 0,04$, $t = 1,03$, $p = 0,30$), а вот уровень невротизма чуть ниже (2,98 против 3,04; $\Delta = 0,06$, $t = 1,35$, $p = 0,18$). Уровни доброжелательности (3,15 и 3,16 соответственно; $\Delta = 0,01$, $t = 0,43$, $p = 0,66$) и открытости опыту (3,24 и 3,26; $\Delta = 0,02$, $t = 0,52$, $p = 0,60$) практически одинаковы в обеих группах.

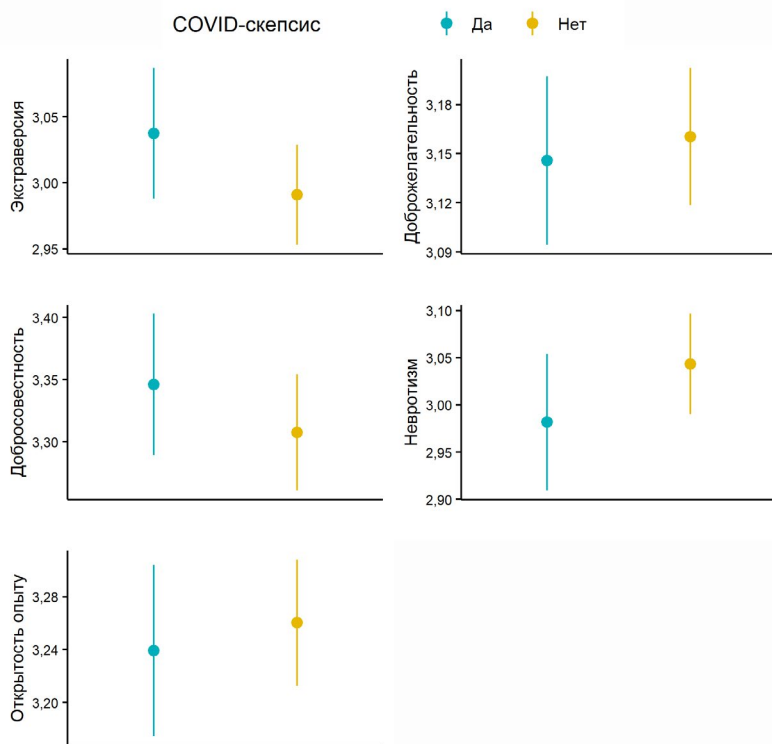
В опроснике ЦВК также представлены две влиятельные модели ценностей: базовые ценности Шаломы Шварца [Schwartz, 1992, 2007] и эмансипативные ценности Кристиана Вельцеля [Welzel, 2013]. Для измерения ценностей Шварца применялся портретный опросник (PVQ-21). При расчете индивидуальных значений по десяти

¹⁹ Негативные значения означают, что в период пандемии респондент стал враждебнее относиться к другим людям; положительные — что он(–а) стал(–а) испытывать больше солидарности с другими людьми по сравнению с обычным своим отношением; 0 означает, что отношение респондента никак не изменилось.

²⁰ Респондентам было предложено ответить на вопрос о том, как выйдет наша страна из кризиса: сильно пострадает, не изменившись или став сильнее. Большая часть респондентов, 57,6 %, выбрала первый вариант, тогда как оптимистично перспективы выхода из пандемии оценили только 15,3 % (промежуточную позицию заняли 27,1 %). При этом анализ стандартизованных остатков для соответствующей таблицы сопряженности (при нулевой гипотезе о равных пропорциях по столбцам) показывает, что доля ковид-скептиков значительно больше среди «пессимистов» ($CO = 2,21$) и значительно меньше среди «оптимистов» ($CO = -3,45$).

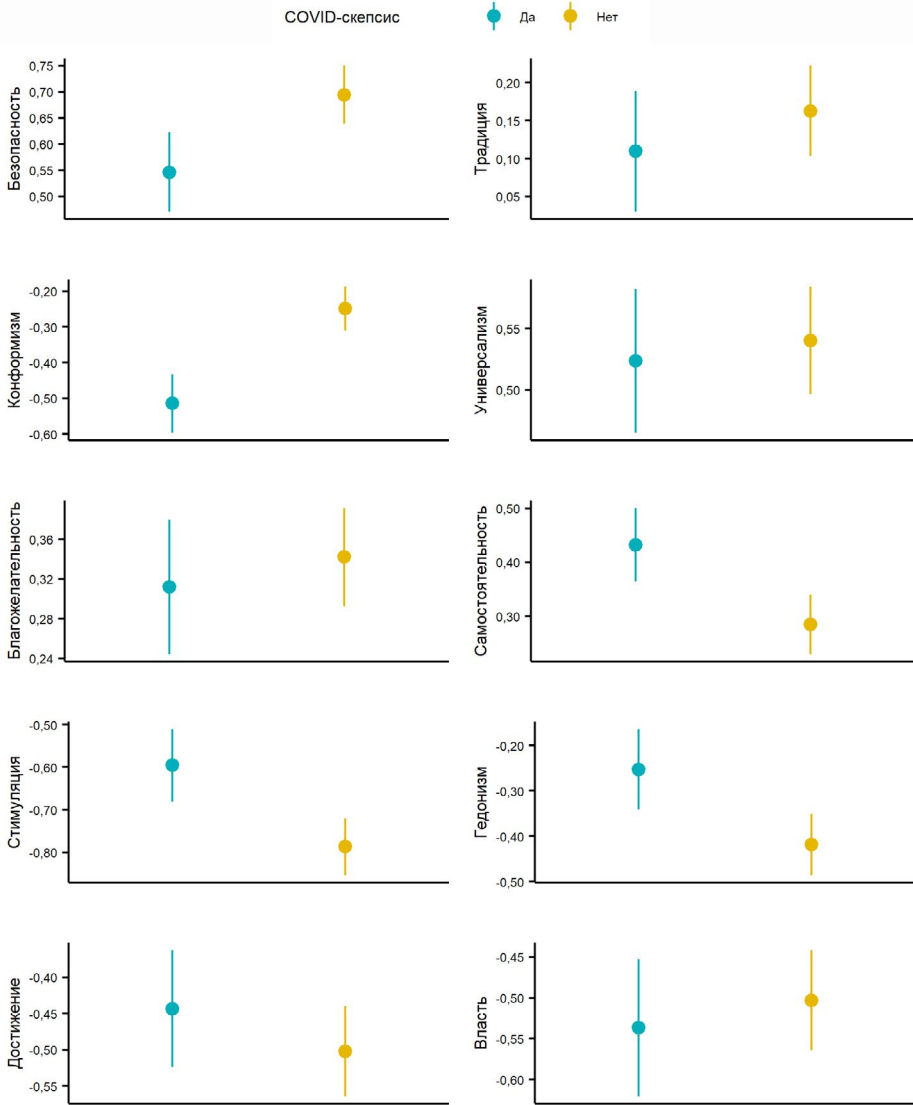
ценностям низкого порядка²¹ использовалась коррекция на стиль ответа, предполагающая центрирование относительно среднего балла респондента по всем 21 вопросу анкеты. Ковид-скептики демонстрируют систематически более низкие оценки по шкалам конформности ($-0,51$ против $-0,25$; $\Delta=0,26$, $t=5,08$, $p=0,00$) и безопасности ($0,55$ против $0,69$; $\Delta=0,14$, $t=3,10$, $p=0,00$), относящимся к ценностям сохранения, а также систематически более высокие оценки по шкалам самостоятельности ($0,43$ против $0,28$; $\Delta=0,15$, $t=3,30$, $p=0,00$), стимуляции ($-0,60$ против $-0,79$; $\Delta=0,19$, $t=3,48$, $p=0,00$) и гедонизма ($-0,25$ против $-0,42$; $\Delta=0,17$, $t=2,91$, $p=0,00$), относящимся к ценностям открытости изменениям.

Рис. 9. «Большая пятерка» личностных черт: ковид-скептики vs. остальное население

²¹ Согласно теории Шварца, индивидуальные ценности можно представить в виде так называемого кругового мотивационного континуума, в котором выделяются четыре ценностных измерения высокого порядка, попарно противопоставленные друг другу: ценности сохранения против ценностей открытости и ценности самопреодоления против ценностей самоутверждения. Каждому из этих измерений соответствуют несколько ценностей низкого порядка. В новой версии ценностной модели Шварца фигурирует 19 низкоуровневых ценностей [Schwartz et al., 2012; Шварц и др., 2012], но в анкете ЦВК использовалась более старая версия опросника, в которой отражены только 10 таких ценностей: шкалы безопасности, традиции и конформизма относятся к ценностям сохранения; шкалы универсализма и благожелательности — к ценностям самопреодоления; шкалы самостоятельности, стимуляции и гедонизма — к ценностям открытости изменениям; шкалы достижения и власти — к ценностям самоутверждения (следует отметить, что гедонизм может рассматриваться как пограничная категория между смежными ценностями открытости и самоутверждения).

Рис. 10. Ценности Ш. Шварца: ковид-скептики vs. остальное население

Сравнение по двум компонентам эмансипативных ценностей²², включенных в анкету ЦВК, дало статистически незначимые результаты. Средние значения по шкале ценностей выбора²³ (часть шкалы эмансипативных ценностей) для

²² Эмансипативные ценности [Welzel, 2013] являются развитием известных концепций ценностей постматериализма и ценностей самовыражения [Inglehart, 1977; Inglehart, Welzel, 2005].

²³ Данное ценностное измерение отражает, насколько допустимыми респондент считает следующие три практики, относящиеся к сфере сексуальности и репродуктивного поведения: гомосексуальность, аборты и разводы.

ковид-скептиков и остального населения равняются 0,45 и 0,46 соответственно (по шкале от 0 до 1) ($\Delta = 0,01$, $t = 0,54$, $p = 0,59$). Различия по шкале ценностей гендерного равенства²⁴ также минимальны: 0,61 и 0,62 по шкале от 0 до 1 для скептиков и остального населения ($\Delta = 0,01$, $t = 1,14$, $p = 0,26$).

В плане религиозности, а именно таких ее атрибутов, как важность религии для респондента, субъективная оценка собственной религиозности и частота посещений церкви, особых различий между скептиками и всеми остальными не наблюдается. Средние значения важности религии в этих группах составляют 2,63 и 2,59 (по шкале от 1 до 4) соответственно ($\Delta = 0,04$, $t = 0,8$, $p = 0,43$). И те, и другие чаще всего определяют себя как религиозных людей (48,7 % и 47,3 %), чем как нерелигиозных (34,5 % и 35,7 %) или атеистов (16,8 % и 17 %), но в целом скептики и нескептики представлены с одинаковой частотой во всех трех категориях, выделенных по признаку религиозности ($\chi^2 = 0,32$, $df = 2$, $p = 0,85$). Наконец, в обеих группах медианным значением частоты посещения церкви является категория «Реже, чем раз в год». Похожая картина наблюдается и в отношении удовлетворенности жизнью: значимых различий между скептиками и всеми остальными не наблюдается ни по удовлетворенности жизнью в целом (5,72 против 5,91 по шкале от 1 до 10; $\Delta = 0,17$, $t = 1,41$, $p = 0,16$), ни по средним значениям фактора, основанного на блоке вопросов об удовлетворенности разными сферами жизни (-0,55 против -0,47; $\Delta = 0,08$, $t = 1,53$, $p = 0,13$).

Что касается социально-политических установок, то здесь можно выделить следующие результаты. Средний показатель национальной гордости статистически значимо ниже среди ковид-скептиков: 2,95 против 3,2 по шкале от 1 до 4 ($\Delta = 0,25$, $t = 4,47$, $p = 0,00$). Подобная картина наблюдается и в плане отношения к глобализации и кооперации с другими странами — соответствующие средние значения равны 3,54 против 3,95 по шкале от 1 до 10 ($\Delta = 0,41$, $t = 2,76$, $p = 0,01$). Кроме того, ковид-скептики в среднем придерживаются более ограничительных взглядов по вопросам миграции в страну: 2,38 против 2,22 по шкале от 1 до 4, где 4 — это наиболее негативная позиция по отношению к миграции ($\Delta = 0,16$, $t = 3,38$, $p = 0,00$). Также они в меньшей степени соглашались с утверждением о том, что этническое разнообразие обогащает общество: 5,9 против 6,25 по шкале от 1 до 10 ($\Delta = 0,35$, $t = 2,39$, $p = 0,02$). Однако по стандартной идеологической шкале «лево-право» (от 1 до 10) позиции представителей этой группы в целом не отличаются от обычных респондентов (впрочем, здесь можно отметить погранично значимый «левый уклон»: 5,02 против 5,19; $\Delta = 0,17$, $t = 1,74$, $p = 0,08$).

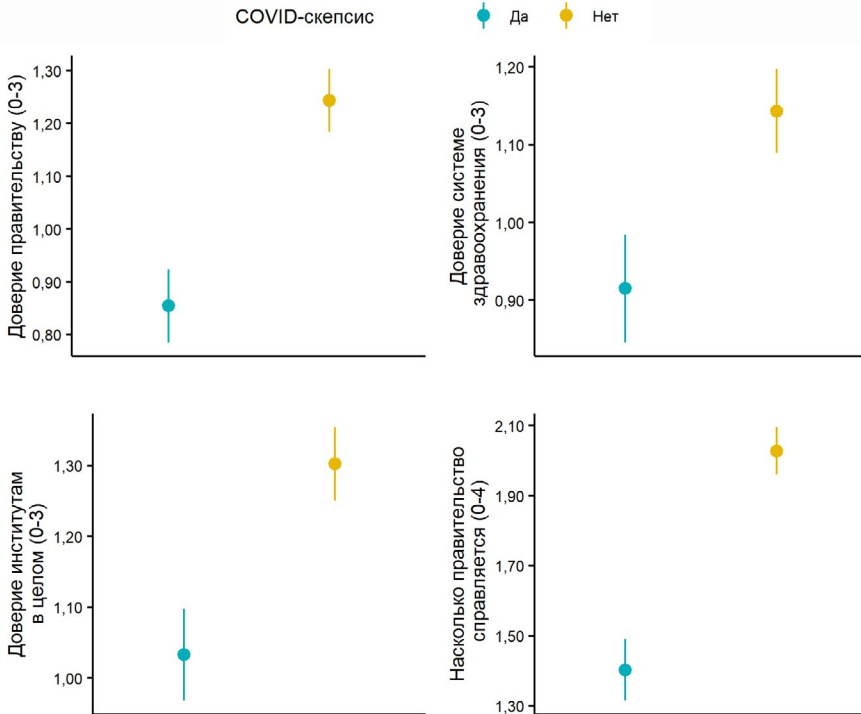
Наблюдается также некоторая разница в уровне межличностного доверия, которое у ковид-диссидентов ниже и составляет в среднем 3,04 по шкале от 1 до 4 по сравнению с 3,11 для остального населения ($\Delta = 0,07$, $t = 2,23$, $p = 0,03$). Статистически значимых отличий в средних значениях уровня деперсонифицированного доверия нет: соответствующие цифры равняются 1,89 для ковид-скептиков и 1,94 для остального населения ($\Delta = 0,05$, $t = 1,36$, $p = 0,17$). Также не отличаются средние позиции по вопросу о том, насколько другие люди склон-

²⁴ Данная шкала отражает, насколько респондент (не) согласен с утверждениями о том, что (а) мужчины являются лучшими политическими лидерами, чем женщины; (б) университетское образование является более важным для юношей, чем для девушек; и (в) при недостатке рабочих мест приоритет должен отдаваться кандидатам-мужчинам.

ны вести себя честно: 4,47 против 4,64 по шкале от 1 до 10 ($\Delta=0,17$, $t=1,36$, $p=0,18$).

А вот в плане политического и, шире, институционального доверия ковид-скептики выделяются достаточно сильно (см. рис. 11). Среди сомневающихся в опасности коронавируса средний уровень доверия правительству составляет всего 0,85 по шкале от 0 до 3, тогда как для остальных респондентов — 1,24 ($\Delta=0,39$, $t=8,35$, $p=0,00$). Скептики также меньше доверяют системе здравоохранения (0,92 против 1,14; $\Delta=0,22$, $t=5,11$, $p=0,00$) и институтам страны в целом (1,03 против 1,3; $\Delta=0,27$, $t=6,37$, $p=0,00$). Кроме того, они значительно хуже оценивают деятельность правительства по борьбе с эпидемией (1,4 против 2,03 по шкале от 0 до 4; $\Delta=0,63$, $t=11,11$, $p=0,00$). Наконец, данная категория респондентов отличается несколько меньшим пиететом по отношению к правительству: только 49,2% ее представителей считает рост уважения к властям положительным явлением — по сравнению с 56,4% среди нескептиков. При этом 15,2% склонны оценивать его негативно (против 9,8%; в нейтральном ключе высказались 35,6% и 33,7% соответственно). Данные различия являются статистически значимыми: $\chi^2=12,57$, $df=2$, $p=0,00$.

Рис. 11. Институциональное доверие и политическая поддержка: ковид-скептики vs. остальное население

Заключение

Результаты анализа данных первой волны международного проекта «Ценности в кризисе» показывают, что в июне 2020 г. в Российской Федерации 38% опрошенных выражали согласие с утверждением, что текущая пандемия коронавируса является обманом, а введение ограничительных мер — чрезмерной реакцией на происходящее. Столь высокие показатели были выявлены только в постсоветских странах — участницах проекта, поэтому можно предположить, что наличие в «анамнезе» советского прошлого связано с большей склонностью к скептическому восприятию населением кризисных ситуаций наподобие пандемии (особенно с учетом различных политических траекторий России и Грузии).

Среди включенных в анкету ЦВК социально-демографических характеристик статистически значимыми коррелятами ковид-скепсиса являются пол, образование, а также — с некоторыми оговорками — тип населенного пункта: мужчины чаще становятся ковид-скептиками, чем женщины; наличие высшего образования снижает склонность к недоверию по отношению к пандемии; проживание в сельской местности или в малых городах эту склонность усиливает. Впрочем, обнаруженные различия вполне предсказуемы и не кажутся значительными с содержательной точки зрения.

Тот факт, что ковид-скептицизм чуть менее распространен среди молодежи и пожилых людей — то есть групп, в меньшей степени представленных на рынке труда, — но при этом чаще фиксируется среди тех, кто понес какой-то материальный ущерб во время пандемии (потерял работу/бизнес или перешел на неполную занятость), а также в целом более высокий уровень (в среднем по выборке) «экономической» тревоги, нежели беспокойства за собственное здоровье или здоровье близких, позволяет предположить, что материальные факторы повышают склонность россиян к критическому восприятию пандемии (которое может выступать в роли своеобразной стратегии избегания). Опыт прямого столкновения с болезнью и страх заражения также обладают «отрезвляющим» эффектом, хотя и не самым ярко выраженным: даже среди переболевших и имеющих переболевших близких более 30% можно отнести к ковид-скептикам.

Представляется любопытным, что, несмотря на активную фронду части клира и прихожан РПЦ по отношению к эпидемиологической политике правительства на начальном этапе пандемии, не удалось обнаружить значимых отличий ковид-скептиков от остального населения ни по одному из доступных в анкете ЦВК индикаторов религиозности. Другим интересным «нулевым» результатом является отсутствие различий по всем личностным чертам, выделяемым в рамках модели «большой пятерки», что может интерпретироваться как признак того, что ковид-скептицизм не связан (по крайней мере — напрямую) с глубинными психологическими характеристиками. С другой стороны, данные свидетельствуют, что ковид-скептики демонстрируют более низкую приверженность ценностям сохранения (в терминах Ш. Шварца), но при этом имеют более высокие значения по ценностям открытости изменениям.

Эти наблюдения позволяют предположить, что в плане своих базовых ценностей ковид-скептики все же отличаются от основной массы российского населения. А именно тем, что для них в меньшей степени важен сложившийся статус-кво,

но зато они в большей степени открыты новому опыту и не боятся неопределенности, которая сопровождает любые трансформации. Данный результат представляется во многом парадоксальным, так как именно высокая неопределенность и вызываемый ею недостаток контроля, согласно доминирующему в литературе взгляду, способствуют формированию конспирологического мышления. Так или иначе, подобные установки могут подпитывать недоверие к существующему социальному порядку, в том числе к политическим и медицинским институтам.

Кроме того, ковид-скептиков отличает низкий уровень патриотизма и солидарности с согражданами, большой уровень неприятия представителей иных групп и склонность к политическому изоляционизму. Таким образом, речь идет о более атомизированных индивидах, сконцентрированных на себе и локальных вопросах, дистанцирующихся не только от явных аутгрупп, но и в целом от социума, в котором они живут.

С практической точки зрения наиболее важной характеристикой ковид-скептиков является низкий уровень институционального доверия. Если в плане доверия другим людям данная группа практически не отличается от основной массы респондентов, то в отношении доверия политической и здравоохранительной системам, традиционным СМИ и институтам страны в целом они настроены куда более критично. Они также в меньшей степени поддерживают действия государства по противодействию пандемии. Данный результат хорошо согласуется с описанным выше приоритетом ценностей открытости опыту над ценностями сохранения (то есть важностью сложившегося порядка вещей) в этой группе.

С учетом выводов других исследований со схожей тематикой на российском материале [Макушева, Нестик, 2020] можно утверждать, что именно низкий уровень доверия институтам является фактором, способствующим столь широкому распространению недостаточно серьезного отношения к пандемии COVID-19 среди российских граждан и проистекающих из него негативных поведенческих эффектов (пренебрежение стандартными гигиеническими практиками, нежелание вакцинироваться и т. д.). Государственная политика в сфере борьбы с пандемией должна в дальнейшем учитывать этот результат и включать в себя меры по преодолению массового ковид-скептицизма и повышению уровня доверия властям в целом и здравоохранительным институтам в частности.

Список литературы (References)

- Архипова А. С. *, Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.
- Arkhipova A. S. *, Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Бобровская Е. В. Влияние конспирологических теорий на государственную политику в сфере здравоохранения: ВИЧ-диссидентство в России и за рубежом // Политическая наука. 2017. № 5. С. 149—164.

Bobrovskaja E. V. (2017) The Impact of Conspiracy Theories on State Healthcare Policy: The Problem of HIV-Denialism in Russia and Abroad. *Political Science (RU)*. No. 5. P. 149—164. (In Russ.)

Климова А. М., Чмель К. Ш., Савин Н. Ю. Верю-не-верю: общественное мнение и слухи о происхождении нового коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>.

Klimova A. M., Chmel K. S., Savin N. Y. (2020) Believe It or Not: Public Opinion and Rumors About COVID-19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 266—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1752>. (In Russ.)

Кочкина Е. В. Самоохранительное поведение в период пандемии // Социодиггер. 2020. Т. 1. № 4. С. 23—30. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-4/>.
Kochkina E. V. (2020) Self-Protective Behaviour during the Pandemic. *Sociodigger*. Vol. 1. No. 4. P. 23—30. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2020vol1-4/>. (In Russ.)

Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>.

Makusheva M. O., Nestik T. A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 427—447. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1770>. (In Russ.)

Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43—70.

Schwartz Sh., Butenko T., Sedova D., Lipatova A. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 2. P. 43—70. (In Russ.)

Яблоков И. Русская культура заговора: конспирологические теории на постсоветском пространстве. М.: Альпина паблишер, 2020.

Yablokov I. (2020) Fortress Russia: Conspiracy Theories in the Post-Soviet World. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Achimescu V., Sultanescu D., Sultanescu D. C. (2020) The Pathway from Distrusting Western Actors to Non-Compliance with Public Health Guidance during the COVID-19 Crisis in Romania. *SocArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31235/osf.io/bu45a>.

Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., Seguí F. L. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 5. <https://doi.org/10.2196/19458>.

Ball P., Maxmen A. (2020) The Epic Battle against Coronavirus Misinformation and Conspiracy Theories. *Nature*. No. 581. P. 371—374. <https://doi.org/10.1038/d41586-020-01452-z>.

Barkun M. (2003) *A Culture of Conspiracy: Apocalyptic Visions in Contemporary America*. Berkeley, CA: University of California Press.

Čavojská V., Šrol J., Jurkovič M. (2020) Why Should We Try to Think Like Scientists? Scientific Reasoning and Susceptibility to Epistemically Suspect Beliefs and Cognitive Biases. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 34. No. 1. P. 85—95. <https://doi.org/10.1002/acp.3595>.

Cinelli M., Quattrociocchi W., Galeazzi A., Valensise C. M., Brugnoli E., Schmidt A. L., Zola P., Zollo F., Scala A. (2020) The COVID-19 Social Media Infodemic. *Scientific Reports*. Vol. 10. No. 1. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-73510-5>.

Croucher S. M., Nguyen T., Rahmani D. (2020) Prejudice toward Asian Americans in the COVID-19 Pandemic: The Effects of Social Media Use in the United States. *Frontiers in Communication*. Vol. 5. No. 39. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2020.00039>.

Davis M. H. (1983) Measuring Individual Differences in Empathy: Evidence for a Multidimensional Approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 113—126. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.44.1.113>.

Dhanani L. Y., Franz B. (2021) Why Public Health Framing Matters: An Experimental Study of the Effects of COVID-19 Framing on Prejudice and Xenophobia in the United States. *Social Science & Medicine*. Vol. 269. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113572>.

Diethelm P., McKee M. (2009) Denialism: What Is It and How Should Scientists Respond? *The European Journal of Public Health*. Vol. 19. No. 1. P. 2—4. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckn139>.

Douglas K. M., Uscinski J. E., Sutton R. M., Cichocka A., Nefes T., Ang Ch. S., Deravi F. (2019) Understanding Conspiracy Theories. *Political Psychology*. Vol. 40. No. S1 P. 3—35. <https://doi.org/10.1111/pops.12568>.

Goldberg L. R. (1990) An Alternative 'Description of Personality': The Big-Five Factor Structure. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 59. No. 6. P. 1216—1229. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.6.1216>.

Heller J. (2015) Rumors and Realities: Making Sense of HIV/AIDS Conspiracy Narratives and Contemporary Legends. *American Journal of Public Health*. Vol. 105. No. 1. P. 43—50. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2014.302284>.

Imhoff R., Lamberty P. (2020) A Bioweapon or a Hoax? The Link between Distinct Conspiracy Beliefs about the Coronavirus Disease (COVID-19) Outbreak and Pandemic Behavior. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 11. No. 8. P. 1110—1118. <https://doi.org/10.1177/1948550620934692>.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution. Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Cambridge; New York, NY: Cambridge University Press.

Kroenke K., Spitzer R. L., Williams J. B. W., Löwe B. (2009) An Ultra-Brief Screening Scale for Anxiety and Depression: The PHQ-4. *Psychosomatics*. Vol. 50. No. 6. P. 613—621. <https://doi.org/10.1176/appi.psy.50.6.613>.

Lazarević L. B., Purić D., Teovanović P., Lukić P., Zupan Z., Knežević G. (2021) What Drives Us to Be (Ir)responsible for Our Health during the COVID-19 Pandemic? The Role of Personality, Thinking Styles, and Conspiracy Mentality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.110771>.

Miller J. M. (2020) Psychological, Political, and Situational Factors Combine to Boost COVID-19 Conspiracy Theory Beliefs. *Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique*. Vol. 53. No. 2. P. 327—334. <https://doi.org/10.1017/S000842392000058X>.

Nowak B., Brzóska P., Piotrowski J., Sedikides C., Żemojtel-Piotrowska M., Jonason P. K. (2020) Adaptive and Maladaptive Behavior during the COVID-19 Pandemic: The Roles of Dark Triad Traits, Collective Narcissism, and Health Beliefs. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110232>.

McCrae R. R., Costa Jr. P. T. (2008) The Five-Factor Theory of Personality. In: John O. P., Robins R. W., Pervin L. A. (eds.) *Handbook of Personality: Theory and Research*. New York, NY: Guilford Press. P. 159—181.

van Mulukom V., Pummerer L., Alper S., Bai H., Cavojeva V., Esther Machado Farias J., Kay C. S., Lazarevic L., Lobato E. J. C., Marinthe G., Banai I. P., Šrol J., Zezelj I. (2020) Antecedents and Consequences of COVID-19 Conspiracy Theories: A Systematic Review. *PsyArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/u8yah>.

van Prooijen J.-W., van Vugt M. (2018) Conspiracy Theories: Evolved Functions and Psychological Mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 13. No. 6. P. 770—788. <https://doi.org/10.1177/1745691618774270>.

Rammstedt B., John O. P. (2007) Measuring Personality in One Minute or Less: A 10-Item Short Version of the Big Five Inventory in English and German. *Journal of Research in Personality*. Vol. 41. No. 1. P. 203—212. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2006.02.001>.

Rothmund T., Farkhari F., Azevedo F., Ziemer C. (2020) Scientific Trust, Risk Assessment, and Conspiracy Beliefs about COVID-19 — Four Patterns of Consensus and Disagreement between Scientific Experts and the German Public. *PsyArXiv Preprints*. <https://doi.org/10.31234/osf.io/4nzuy>.

Rykov Yu. G., Meylakh P. A., Sinyavskaya Ya. (2017) Network Structure of an AIDS-Denialist Online Community: Identifying Core Members and the Risk Group. *American Behavioral Scientist*. Vol. 61. No. 7. P. 688—706. <https://doi.org/10.1177/0002764217717565>.

Schmid Ph., Schwarzer M., Betsch C. (2020) Weight-of-Evidence Strategies to Mitigate the Influence of Messages of Science Denialism in Public Discussions. *Journal of Cognition*. Vol. 3. No. 1. P. 1—17. <http://doi.org/10.5334/joc.125>.

Stein R. A., Ometa O., Pachtman Shetty S., Katz A., Popitui M. I., Brotherton R. (2021) Conspiracy Theories in the Era of COVID-19: A Tale of Two Pandemics. *The International Journal of Clinical Practice*. Vol. 75. No. 2. <https://doi.org/10.1111/ijcp.13778>.

Schwartz Sh. H. (1992) Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 25. P. 1—65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6).

Schwartz Sh. H. (2007) Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences across Nations. In: Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R., Eva G. (eds.) *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*. London: Sage. P. 169—203. <https://dx.doi.org/10.4135/9781849209458.n9>.

Schwartz Sh. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.-E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012) Refining the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 103. No. 4. P. 663—688. <https://doi.org/10.1037/a0029393>.

Shahsavari S., Holur P., Wang T., Tangherlini T. R., Roychowdhury V. (2020) Conspiracy in the Time of Corona: Automatic Detection of Emerging COVID-19 Conspiracy Theories in Social Media and the News. *Journal of Computational Social Science*. Vol. 3. No. 2. P. 279—317. <https://doi.org/10.1007/s42001-020-00086-5>.

Törnberg P. (2018) Echo Chambers and Viral Misinformation: Modeling Fake News as Complex Contagion. *PLoS One*. Vol. 13. No. 9. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203958>.

Uscinski J. E., Enders A. M., Klofstad C., Seelig M., Funchion J., Everett C., Wuchty S., Premaratne K., Murthi M. (2020) Why Do People Believe COVID-19 Conspiracy Theories? *Harvard Kennedy School Misinformation Review*. Vol. 1. No. 3. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-015>.

Valenzuela S., Halpern D., Katz J. E., Miranda J. P. (2019) The Paradox of Participation versus Misinformation: Social Media, Political Engagement, and the Spread of Misinformation. *Digital Journalism*. Vol. 7. No. 6. P. 802—823. <https://doi.org/10.1080/21670811.2019.1623701>.

Welzel C. (2013) *Freedom Rising*. New York, NY: Cambridge University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2139](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139)

Г. А. Монусова

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ РОССИЯН

Правильная ссылка на статью:

Монусова Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436—458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>.

For citation:

Monusova G. A. (2021) Russians' Attitudes Towards Migrants: Opinions and Doubts . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 436–458. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2139>. (In Russ.)

ОТНОШЕНИЕ К МИГРАНТАМ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ РОССИЯН

МОНУСОВА Галина Алексеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия E-MAIL: g.monusova@gmail.com https://orcid.org/0000-0001-8266-5361

Аннотация. Данное исследование акцентирует внимание на отношении россиян к мигрантам, которое измеряется через согласие/несогласие индивида позволить людям разной этнической принадлежности переезжать жить в нашу страну. На базе данных Европейского социального обследования (ESS) за 2006—2018 гг. проведен анализ, результаты которого свидетельствуют о том, что толерантность к мигрантам тесно связана, с одной стороны, с уровнем образования индивидов, а с другой — с его системой взглядов на окружающий социальный мир, которая может строиться как на иррациональных предубеждениях и страхах, так и на рациональном мышлении, научном знании и вере в себя. Если индивид воспринимает мир настороженно, склонен к предубеждениям и страхам, никому не доверяет и считает, что его окружает несправедливость, то высока вероятность неприятия и отторжения мигрантов. В то же время самодостаточность и вера в собственные силы будут сопровождаться большей толерантностью ко всему малоизвестному, включая выходцев из других стран.

RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS MIGRANTS: OPINIONS AND DOUBTS

Galina A. MONUSOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Hist.) Leading Researcher; Senior Researcher E-MAIL: g.monusova@gmail.com https://orcid.org/0000-0001-8266-5361

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. This study focuses on the Russians' attitudes towards migrants, which are measured by the extent to which respondents agree or disagree with letting people of other nationalities move into Russia. The data comes from the European Social Survey (ESS) for 2006-2018. The results indicate that, on the one hand, tolerance towards migrants is closely related to the level of respondent's education: more educated individuals tend to be more friendly to migrants. On the other hand, it is related to the respondent's broader system of views about the world. Those views can be based either on irrational prejudices and fears or independent rational thinking, scientific knowledge, and faith in oneself. If individuals perceive the world with caution, are prone to prejudices and fears, do not trust anyone, and believe that injustice surrounds them, then they are more likely to reject migrants. At the same time, self-sufficiency and self-confidence are accompanied by greater tolerance and openness for the unfamiliar, including people from other countries.

Ключевые слова: мигранты, отношение к мигрантам, толерантность, доверие, удовлетворенность жизнью, локус контроля, европейское социальное обследование

Keywords: migrants, attitude towards migrants, tolerance, trust, life satisfaction, locus of control, European Social Survey

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020—2022 гг.

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research on the topic “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” 2020–2022.

Автор признателен В. Магуну, В. Мукомелю и анонимным рецензентам за полезные замечания и комментарии.

The author is grateful to V. Magun, V. Mukomel, and anonymous reviewers for their valuable remarks and comments.

Старение населения развитых стран сопровождается сокращением самых производительных демографических когорт. В этих условиях миграция становится важным ресурсом рабочей силы и, соответственно, возрастет необходимость интеграции мигрантов в принимающих странах. Эти вопросы особенно актуальны для России, которая является принимающей страной. По некоторым оценкам, мигранты составляют до 10 % от всей рабочей силы¹. Их роль в экономике страны отчетливо проявилась во время пандемии 2020—2021 гг., когда в результате сокращения числа иностранных рабочих остановились многие стройки. С учетом демографических перспектив массовый спрос на дополнительные рабочие руки, особенно невысокой квалификации, может удовлетворяться только за счет мигрантов. Прогнозируется, что к 2030 г. численность занятых в возрасте до 40 лет может сократиться на четверть по сравнению с 2020 г. [Российский рынок труда..., 2020]. Кроме того, среди россиян трудоспособного возраста практически не осталось людей с образованием ниже среднего, а рабочие места, не требующие высокой квалификации, никуда не исчезли и, по-видимому, сохранятся в ближайшем будущем.

Однако предложение труда мигрантов имеет свои ограничения, которые в будущем могут обостриться. Они связаны как с международной конкуренцией за них, так и с постепенным истощением их потенциального пула в странах СНГ. Важным условием бесконфликтного и эффективного пребывания мигрантов в другой стране считается благожелательное отношение к ним местного населения. С одной стороны, оно (отношение) становится фактором политики и, соответственно, влияет на регулирование миграционных процессов. С другой — психологический климат

¹ Согласно данным МВД, в России на конец сентября 2021 г. находилось 7 млн иностранных граждан (мигрантов), см.: В МВД назвали количество мигрантов в России // РБК. 2021. 29 сентября. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/615481a49a7947237a4aa621> (дата обращения: 15.11.2021).

во взаимоотношениях с мигрантами сигнализирует им о том, в какой степени местное население готово принять их.

События последних лет, связанные с всплеском миграции и волной терактов в Европе, усиливают напряжение в отношениях между местным населением и мигрантами, особенно иной культуры. Рост антимигрантских настроений фиксируется во многих европейских странах, включая Россию. По данным «Евробарометра», граждане Евросоюза в последние годы стали все чаще выделять миграцию в числе ключевых проблем². Более того, согласно обследованию Ipsos MORI 2019 г., Германия и Швеция, считающиеся особо толерантными по отношению к мигрантам, демонстрируют сильную озабоченность их притоком³. Каждый третий здесь выделил эту проблему как наиболее беспокоящую, тогда как в целом по выборке (среди жителей 28 стран) этот вопрос назвали болезненным только 14 % опрошенных⁴.

Проблемы неравенства, бедности и коррупции пока беспокоят россиян в первую очередь⁵. Тем не менее российское общество высказывает свое отношение к мигрантам достаточно определено. По данным «Левада-Центра»⁶, необходимость ограничить приток трудовых мигрантов в 2019 г. поддерживало 72 % опрошенных, тогда как в 2002 г. такого мнения придерживались менее 50 % [Общественное мнение — 2019, 2020: 135]. С начала 2000-х годов в нашей стране обозначился достаточно четкий тренд на рост числа противников трудовой миграции [там же]. В то же время наряду с антимигрантскими и ксенофобскими настроениями постепенно формируется и понимание необходимости и неизбежности миграции для экономики страны [Мукомель, 2021].

В данной статье мы акцентируем внимание на том, что в российском обществе (как и в любом другом) существуют разные точки зрения относительно мигрантов и миграционной политики, порой противоположные. Цель работы — исследовать, что лежит в основе этих расхождений, в какой мере эти различия во взглядах связаны с общей картиной представлений о мире.

Что говорят исследования?

Поток литературы, посвященной отношению⁷ к мигрантам со стороны населения принимающих стран, огромен. Сразу отметим, что для оценки этого отношения не существует единого и общепринятого показателя — различные обследования используют разные индикаторы. Например, исследователи спрашивают про:

² European Commission (2021) Public Opinion in the European Union. *Standard Eurobarometer 95*. Wave EB95.3. URL: http://www.pensamientocritico.org/wp-content/uploads/2021/10/Eurobarometro-Primavera-2021_compressed.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

³ Обследование Ipsos MORI 2019 направлено на выявление социально-экономических проблем, вызывающих особую обеспокоенность населения различных государств. В обследовании участвовало 28 стран на пяти континентах. Подробнее см.: Ipsos Public Affairs (2019) What Worries the World. *IPSOS*. May 19. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-06/global_what_worries_the_world_may_2019.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции иностранного агента.

⁷ В данной работе восприятие мигрантов и отношение к мигрантам используются как синонимы.

- 1) согласие/несогласие с тем, чтобы позволить мигрантам приезжать в страну,
- 2) оценку последствий миграции,
- 3) желание/нежелание жить по соседству с мигрантами,
- 4) иметь друзей среди них и т. п.

Все перечисленное связано одной темой, но измеряет разные аспекты, взаимодополняя друг друга, что затрудняет сравнительный анализ.

Хотя диапазон предлагаемых исследователями объяснений достаточно широк, можно выделить два принципиальных подхода: экономический и социокультурный [Javdani, 2020; Hainmueller, Hopkins, 2014; Ceobanu, Escandell, 2010].

Первый — экономический подход — исходит из идеи возможного конфликта экономических интересов между местным населением и мигрантами [LeVine, Campbell, 1972; Jackson, 1993; Esses, Jackson, Armstrong, 1998]. Наиболее очевидным его проявлением выступает конкуренция обеих групп за одни и те же ограниченные ресурсы, например, рабочие места, заработки или социальные пособия. Предполагается, к примеру, что приток низкоквалифицированных иммигрантов увеличивает предложение такого труда, снижая уровень оплаты или занятости для низкоквалифицированных местных жителей и повышает оплату труда для высококвалифицированных. При этом наплыв высококвалифицированных мигрантов имеет обратный эффект, поскольку делает неквалифицированную рабочую силу относительно дефицитной. В любом случае отношение к иммиграции связано прежде всего с положением индивида на рынке труда и его экономическими интересами [Scheve, Slaughter, 2001].

Более поздние работы подтверждают влияние уровня квалификации на анти-мигрантские настроения, но ряд исследователей не видит связи между уровнями квалификации местного населения и приезжих. Более квалифицированные респонденты чаще позитивно реагируют на приезд как высоко- так и низкоквалифицированных мигрантов, а индивиды с низким уровнем образования и квалификации настроены негативнее по отношению к любым мигрантам [Hainmueller, Hiscox, 2010]. А. Мейда также обнаружила более сильные положительные связи между квалификацией респондентов и отношением к мигрантам в странах, где квалификация местного населения выше, чем квалификация мигрантов [Mayda, 2006].

Обобщая, можно отметить, что существенную роль играют уровень образования и квалификации среднего местного жителя и его положение на рынке труда без связи с тем, существует ли конкуренция в действительности. Для индивида с уязвимыми и слабыми позициями любые мигранты (независимо от того, к каким этносам они относятся и каких ценностей придерживаются) несут угрозу, которая может быть как реальной, так и воображаемой. При этом отношение к мигрантам у всего населения (и с высокой, и с низкой квалификацией) строится в первую очередь на субъективных представлениях о текущей ситуации.

Одной из предпосылок отношения к мигрантам как экономическим конкурентам оказываются предубеждения и недостаточная экономическая образованность. Индивиды (включая политиков) часто исходят из ложной установки (известной как «*lump of labor*» fallacy), что количество труда (рабочих мест) в экономике фиксировано, а потому его распределение является игрой с нулевой суммой: больше мигрантам — меньше своим. Однако увеличение предложения на конкурентном

рынке труда увеличивает и спрос на труд. Таким образом, даже положительное влияние миграции на экономику в целом может восприниматься как негативное и как угроза индивидуальной экономической безопасности.

Аналогичные заблуждения возникают и по поводу распределения социальных благ [Alesina, Miano, Stantcheva, 2018]. Местное население может считать себя обделенным, полагая, что мигранты незаслуженно присваивают себе их часть. В действительности же иностранные работники вносят вклад в создание новой стоимости, платят налоги, причем как прямые, так и косвенные, пополняя бюджеты стран-реципиентов, и при этом имеют очень ограниченный доступ к социальным благам. Однако массовые представления могут не совпадать с реальной ситуацией.

Исследования показывают, что отношение к мигрантам слабо коррелирует со многими объективными макрохарактеристиками стран, такими как ВВП на душу населения, уровень безработицы, преступность, доля социальных расходов, доля мигрантов в населении и т. п. [Duffy, 2019; Гоффе, Монусова, 2020]. Зачастую люди не знают реального влияния миграции на занятость, на уровень оплаты труда или на социальные расходы. Представления об этом влиянии складываются в зависимости от собственных экономических позиций, состояния экономики в целом в стране, информации, получаемой из СМИ [там же]. И эти представления нередко бывают ложными.

Влияние предубеждений, в свою очередь, подводит нас к другому, социокультурному подходу к анализу отношения к мигрантам.

Социокультурный подход предполагает противоречие в идентичностях «местных» и «неместных», разделение на «них» и «нас» [Blumer, 1958; LeVine, Campbell, 1972; Tajfel, Turner, 1979; Belot, Ederveen, 2012]. «Неместные», иными словами «чужие», могут принадлежать к другим этносам, исповедовать иную религию, носить непривычную одежду и т. п. В этом случае конфликт имеет социально-культурную, ценностную природу и также поддерживается предрассудками. Однако нередко водораздел между «своими» и «чужими» проходит и в рамках близкой или даже той же культуры и может обуславливаться исключительно принадлежностью к определенной стране или нации.

Эти подходы (экономический и социокультурный) могут пересекаться, а их эффекты порой трудно делимы. К примеру, положительные связи между уровнем образования и поддержкой иммиграции можно объяснить не только страхом малообразованных групп населения потерять свои рабочие места из-за прибытия иностранцев, но также и различиями в ценностях, в склонности к предубеждениям, характерным для той или иной группы [Hainmueller, Hiscox, 2010]. В то же время индивиды, которые не готовы принять даже малейшие проявления чужой культуры и настроены против мигрантов, скорее всего, будут считать, что их приход в страну несет также и экономическую угрозу.

Иными словами, если человек не хочет видеть рядом с собой инокультурного соседа, то он может приписать ему все « пороки человечества». Например, оценки экономических последствий миграции местными жителями тесно связаны с их ценностями, а также общими взглядами на социальную и культурную жизнь общества в целом [Javdani, 2020].

Согласно многим исследованиям, социокультурные противоречия влияют на восприятие мигрантов сильнее, тогда как конкурентные позиции индивида на рынке труда сказываются слабее [Card, Dustmann, Preston, 2012; Hainmueller, Hopkins, 2014; Javdani, 2020]. К примеру, особо подчеркивается существенная роль в формировании отношения к вновь прибывающим предубеждений местного населения, включая их переоценку масштабов миграции [Sides, Citrin, 2007]. Есть свидетельства, что отношение к мигрантам формируется в большей степени озабоченностью европейцев по поводу социокультурной однородности общества, чем тревогой относительно экономических последствий [Card, Dustmann, Preston, 2012; Hainmueller, Hopkins, 2014].

Исследования по России, так же как и по другим странам, фиксируют сильные связи между отношением к мигрантам и социокультурными факторами. Предубеждения местных жителей коррелируют с восприятием мигрантов заметнее, чем их социально-экономическое положение [Bessudnov, 2016], а влияние национальной идентичности в этих оценках превалирует над влиянием социально-демографических характеристик [Grigoryan, Ponizovskiy, 2018]. Отношение россиян к вновь прибывающим ассоциируется и с различными субъективными оценками (такими как уровень межличностного доверия, различные социальные страхи, удовлетворенность жизнью и т. п.). Неуверенность и неблагополучие индивидов усиливают антимигрантские настроения [Мукомель, 2017, 2021]. Россияне здесь не исключение. Социально-экономическая уязвимость и низкий уровень доверия нигде не способствуют толерантности по отношению к мигрантам [Alesina, Giuliano, 2013; Мاستикова, 2019; Монусова, 2016; Hainmueller, Hopkins, 2014].

Взгляд на мир и отношение к мигрантам

Сторонники социокультурного подхода подчеркивают значимые корреляции между отношением к выходцам из других стран и широким набором личностных психологических характеристик, ценностных представлений, показателей межличностного доверия, удовлетворенности жизнью, чувства справедливости и т. д. Этот набор показателей описывает разные аспекты более широкой картины — взгляда индивида на мир и на свое место в нем [Davidov, Meuleman, 2012; Hainmueller, Hopkins, 2014; Мастикова, 2019; Gorodzeisky, Glikman, Maskileyson, 2014; Мукомель, 2017, 2021]. Однако если, например, уровень образования индивида может рассматриваться как условно объективный показатель и выступать в качестве фактора влияния на отношение к мигрантам, то можем ли мы говорить о причинно-следственной связи между субъективными суждениями по тем или иным вопросам и восприятием мигрантов? Все субъективные оценки различных явлений положительно коррелируют между собой. К примеру, низкий уровень межличностного доверия, неудовлетворенность своей жизнью, неуверенность в завтрашнем дне, ощущение несправедливости зачастую сосуществуют в комплекте негативных эмоций. И наоборот. Это говорит о том, что весь набор субъективных оценок формируется одновременно и эндогенно.

Если индивид считает, что мир достаточно безопасен и справедлив, что его жизнь в большей мере зависит от него самого, а не от внешних обстоятельств, что успех определяется вложенным трудом, а не связями или случайностями, что

людям можно доверять, то вероятность более лояльного отношения к мигрантам будет выше, так как в сознании людей мигранты не несут для них опасности. И легко можно представить совершенно противоположный набор представлений. В нем сосуществуют тотальное недоверие к окружающему миру, убеждение, что вокруг царит несправедливость, от человека мало что зависит, сильное ощущение незащищенности, неудовлетворенность своей жизнью, различные страхи по отношению ко всему чужому и непонятному, будь то выходцы из других стран, представители сексуальных меньшинств или ночные темные улицы. Все чужое и непонятное может восприниматься как дополнительное внешнее обстоятельство, потенциально несущее угрозу, против которой индивид чувствует себя незащищенным. Это хорошо подытоживает Р. Инглхарт, используя данные различных стран мира: «высокий уровень экзистенциальной безопасности с большой вероятностью приносит более толерантный и открытый взгляд на мир; а снижение ощущения экзистенциальной безопасности, наоборот, часто вызывает „авторитарный рефлекс“, приносящий поддержку сильным лидерам, мощную внутригрупповую солидарность, отвержение посторонних и строгое подчинение групповым нормам» [Инглхарт, 2018: 14]. Это имеет в виду и Б. Каплан, отмечая, что «мировоззрение является в большей степени ментальным защитным средством, нежели серьезной попыткой познать мир... Неудивительно, что люди защищают свои взгляды от критики и цепляются за них, когда доказательства обратного проникают сквозь их защиту» [Каплан, 2012: 164].

Мы предполагаем, что те или иные системные представления об окружающих нас явлениях составляют в сознании человека некую целостную «картину мира». Иными словами, складывается определенная система взглядов на окружающий нас социальный мир, которая может строиться как на иррациональных предубеждениях и страхах, так и на самостоятельном рациональном мышлении, научном знании и вере в себя. Отношение к мигрантам оказывается частью этого более общего взгляда. В головах людей складываются разные картины мира, в которые вписано и восприятие мигрантов. Если индивид воспринимает мир настроенно, склонен к предубеждениям и страхам, никому не доверяет и считает мир несправедливым, то сюда «зашито» и недоверие мигрантам. В то же время самодостаточность, вера в собственные силы будет сопровождаться большей толерантностью ко всему малоизвестному, включая выходцев из других стран. В этом случае социально-культурные и ценностные характеристики не выступают детерминантами (в смысле причинно-следственной связи) отношения к миграции, а и то, и другое представляет элементы одного целого — взгляда на мир. Ниже мы представляем эмпирический анализ этого тезиса.

Описание данных

Работа построена на микроданных Российского социального исследования, собранных по программе Европейского социального исследования (ESS)⁸. Причин

⁸ Сбор данных осуществлен Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) методом личных интервью на дому у респондентов по случайной выборке населения страны 15 лет и старше. Подробнее о методологии см.: The European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 13.12.2021); Европейское социальное исследование в России. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=1> (дата обращения: 13.12.2021).

для такого выбора несколько. Это обследование содержит информацию об отношении респондентов к мигрантам, об их социально-демографических характеристиках и о субъективных оценках различных жизненных ситуаций. Оно охватывает более двадцати стран, Россия в нем участвует с 2006 г.⁹ В качестве важного преимущества выступает и то, что во всех волнах содержатся одни и те же вопросы об отношении к присутствию в стране мигрантов. Объединенный файл для России за 2006—2018 гг. включает 16 272 респондентов в возрасте от 20 до 90 лет.

Вопросы про отношение респондентов к мигрантам сформулированы следующим образом:

1) «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения Вашей страны, переезжать жить в нее?»

2) «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения?»

Опрашиваемые могли выбрать ответы: 1) «позволить многим», 2) «позволить некоторым», 3) «позволить единицам» и 4) «никому не позволить». Для удобства интерпретации мы перекодируем значения шкалы таким образом, чтобы позиция «позволить многим» имела максимальное значение. В дальнейшем для краткости применительно к ответам на вопрос 1 мы будем использовать понятие «этнически свои», а применительно к вопросу 2 — «этнически другие». Распределение ответов в целом по всей объединенной выборке представлено в таблице 1.

Таблица 1. **Отношение россиян к присутствию мигрантов (2006—2018, в %)**

Позволить...	Следует ли позволить людям... переезжать жить	
	Этнически «своим»	Этнически «другим»
Многим	32	11
Некоторым	32	29
Единицам	23	36
никому не позволить	13	24
Число наблюдений	15 188	15 338

Вопрос 1 не содержит этнического компонента и свидетельствует об отношении респондента к мигрантам в связи с возможными экономическими рисками. В этом случае его можно интерпретировать так: «Хотя мигранты такие же, как я, но я готов или не готов делиться с ними.» Вопрос 2 несет в себе дополнительную нагрузку, связанную с другой культурой мигрантов. В этом смысле он измеряет не только антимигрантские настроения в чистом виде, но отчасти и ксенофобские.

Наряду с набором стандартных характеристик (пол, возраст, уровень образования, основной вид деятельности, положение на рынке труда, уровень дохода) анкета содержит вопросы, которые характеризуют различные аспекты мироощущения респондента. Среди них такие как:

⁹ В ряде публикаций российских исследователей на основе этих данных обсуждаются факторы, влияющие на отношение россиян к мигрантам [Мастикова, 2016, 2019; Демидова, 2021]. Однако данная статья имеет несколько иной, очень конкретный фокус и рассматривает восприятие мигрантов местным населением в рамках общей картины субъективных представлений.

1) *Уровень доверия*: «Скажите, пожалуйста, Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает? Для ответа Вы можете выбрать любую цифру от 0 до 10, где 0 — даже излишняя осторожность не помешает, 10 — большинству людей можно доверять».

2) *Уровень безопасности*: «Насколько безопасно Вы чувствуете или почувствовали бы себя, когда идете в одиночестве в том районе, где Вы живете, после наступления темноты? (1 — в полной безопасности, 4 — совсем небезопасно)».

3) *Степень толерантности к другим*: «Геи и лесбиянки должны иметь право вести тот образ жизни, который соответствует их взглядам (1 — полностью согласен, 5 — совершенно не согласен)».

4) *Удовлетворенность жизнью*: «Принимая во внимание все стороны жизни, насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время? (0 — совершенно не удовлетворен, 10 — удовлетворен полностью)».

Перечисленные выше вопросы есть во всех волнах ESS, но российский вопросник за 2018 г. содержит три дополнительных вопроса.

1) «Некоторые люди полагают, что они совершенно свободны в выборе и сами определяют свою жизнь, другие же считают, что они никак реально не влияют на то, что с ними происходит. Используя 11-балльную шкалу, оцените, пожалуйста, в какой степени, как Вам кажется, Вы влияете на ход своей жизни, где 0 — совсем не влияю, 10 — сильно влияю».

2) «На карточке перед Вами — шкала, на концах которой приведены противоположные утверждения. „1“ означает, что Вы полностью согласны с утверждением, что в конечном итоге упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь, а „10“ — что Вы полностью согласны с утверждением, что упорный труд как правило, не приносит успеха, это скорее вопрос удачи и связей. Вы можете выбрать любое значение между ними».

3) «Куда бы Вы поместили свое мнение на 10-балльной шкале? Где 1 — люди сами должны нести больше ответственности за то, чтобы себя обеспечить, а 10 — государство должно нести больше ответственности за то, чтобы все граждане были обеспечены».

Три последних вопроса измеряют степень индивидуальной ответственности, которая по смыслу соответствует локусу контроля, представляющего собой «обобщенное отношение, убеждение или ожидание относительно природы причинно-следственной связи между собственным поведением и его последствиями» [Rotter, 1966: 2]. Те, кто верит, что «результаты жизни обусловлены их собственными усилиями, имеют внутренний локус контроля, в то время как те, кто полагает, что результаты обусловлены внешними факторами (например, удачей), имеют внешний локус контроля» [Caliendo et al., 2016: 3]. Восприятие индивидом любых мигрантов как непреодолимой внешней угрозы может, по-видимому, коррелировать с представлением о том, что от него самого мало что зависит и его положение — простая функция внешних обстоятельств.

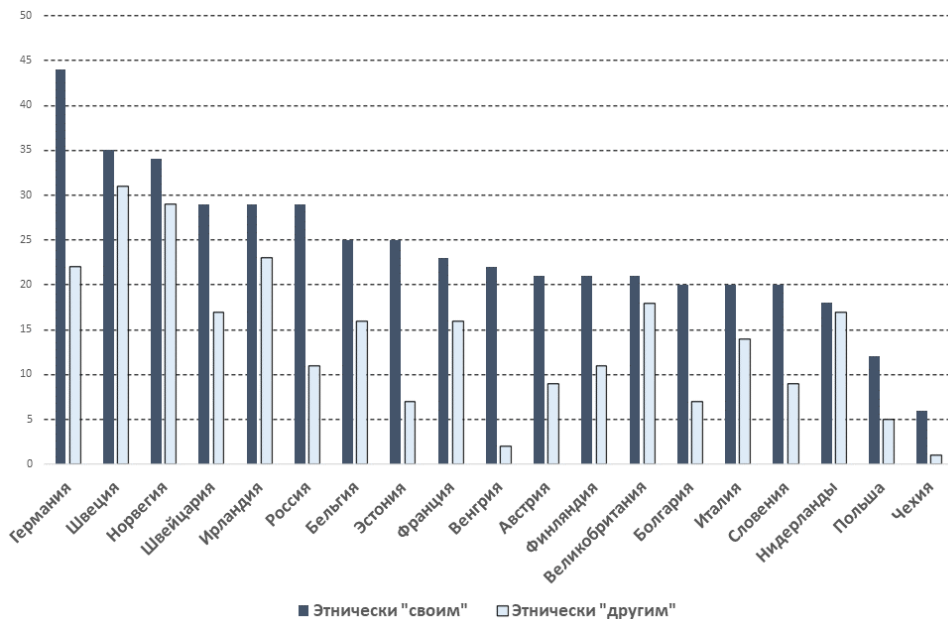
Ответы на вопросы о субъективном восприятии отдельных сторон жизни могут коррелировать между собой, складываясь в определенную картину мира. Другими словами, ощущение собственной незащитности и беспомощности перед

обстоятельствами, представление, что от тебя ничего не зависит, а кругом угрозы и неконтролируемые риски, может сочетаться со страхами перед всем непонятным и «чужим». И мигранты, и геи, и темное время суток хорошо вписываются в эту системную картину, характерную для традиционного и во многом иррационального сознания. На другом полюсе — противоположная картина, которая складывается в сознании более образованных, более рационально мыслящих и толерантных людей. Индивиды в этой группе больше полагаются на себя, веря, что именно собственные усилия и знания ведут к успеху, они не боятся темноты и активны как граждане. Соответственно, в этой картине мигранты выглядят совершенно по-другому — они такие же, как «мы». Однако толерантность не исключает экономической конкуренции. В этом случае ответы на вопросы 1 и 2 будут различаться.

Толерантность к мигрантам: Россия на фоне Европы

Рисунок 1 демонстрирует распределение стран по доле респондентов, положительно относящихся к присутствию в своих странах как этнически «своих», так и этнически «других» мигрантов.

Рис. 1. Доля респондентов, положительно (ответ «позволить многим») отнесшихся к присутствию в своих странах этнически своих и этнически других мигрантов (2018 г., в %) ¹⁰

Представленные данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, во всех странах большинство населения с осторожностью высказывается по поводу того, чтобы граждане других стран (независимо от национальности и расы)

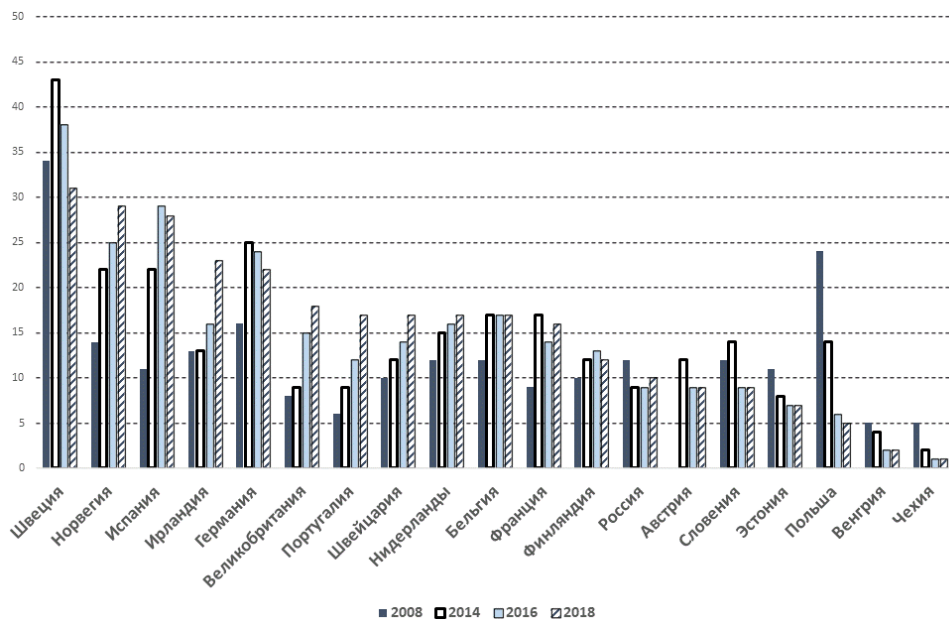
¹⁰ Источник: данные ESS-2018, см.: European Social Survey (2018) Data and Documentation. ESS Round 9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 13.12.2021).

переезжали к ним жить. Даже в Германии, население которой настроено наиболее позитивно к лицам той же этничности, менее половины (чуть более 40%) респондентов высказались в пользу того, чтобы «позволить многим» приехать в страну. В остальных странах такие высказывания встречаются заметно реже. Практически везде люди предпочитают «позволить» не всем желающим, а некоторым. Во-вторых, во всех странах выборки население более лояльно настроено в отношении лиц той же расы и национальности, что и большинство в их стране, и в меньшей степени готово жить рядом с представителями этнических меньшинств. В ряде стран, например в Швеции, Великобритании, Нидерландах, эта разница не столь заметна. При этом в Германии, Эстонии, России, Венгрии, Болгарии отношение к присутствию этнически «своих» мигрантов существенно отличается от отношения к этнически «другим».

Россия по отношению к этнически «своим» на фоне европейских стран выглядит достаточно толерантной и сопоставима по доле респондентов, позитивно относящихся к присутствию таких мигрантов, с Ирландией и Швейцарией, уступая только Германии, Швеции и Норвегии. К приезду этнически «других» россияне менее благосклонны, чем жители «старой» Европы, но по сравнению с постсоциалистическими странами проявляют чуть больше гостеприимства.

Рис. 2. Доля респондентов, положительно (ответ «позволить многим») отнесшихся к присутствию в своих странах этнически «других» мигрантов (2006—2018 гг., в %) ¹¹

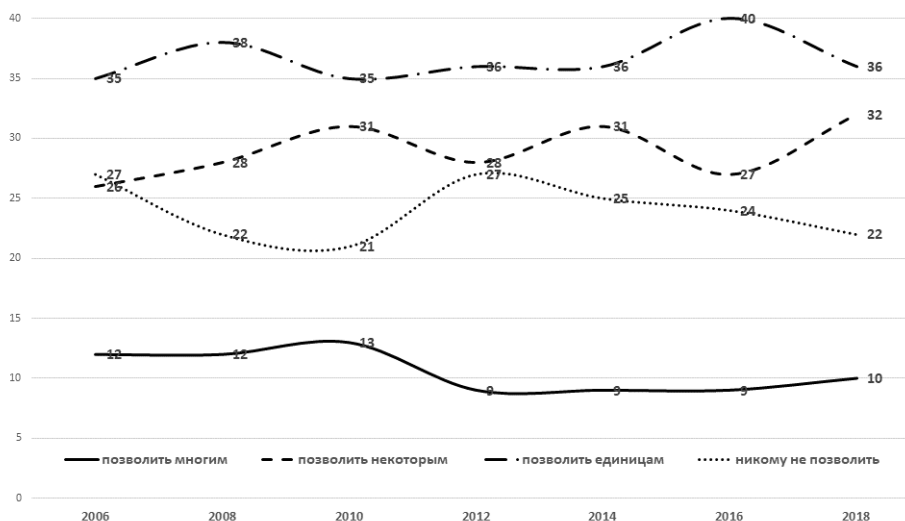

¹¹ Источник: данные ESS 2006—2018, см.: European Social Survey (2006—2018) Data and Documentation. ESS Rounds 3—9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 13.12.2021).

Рисунок 2 представляет динамику долей респондентов, выбравших ответ «позволить многим этнически „другим“ переезжать жить в страну» за 2006—2018 гг. В ряде стран, включая толерантную Швецию, одобрение населением въезда этнически «других» мигрантов снижается. Финляндия, Дания, Италия, а также практически все постсоциалистические страны тоже стали высказываться более осторожно. В Германии в 2012 г. по сравнению с 2006 г. заметно повысилась доля тех, кто не возражает против их приезда, однако в последние годы и здесь наметились признаки напряжения. Конечно, «старая» Европа резко изменила отношение в связи с кризисом беженцев в 2015 г., особенно после серии терактов в разных странах. При этом Швейцария, Норвегия, Португалия, Ирландия и Великобритания продолжают демонстрировать толерантное отношение.

Вернемся к россиянам. Среди европейских стран Россия относится к группе «антимигрантских» (см. рис. 2). Рисунки 3 и 4 показывают динамику в течение рассматриваемого периода.

Рис. 3. Отношение россиян к присутствию мигрантов, этнически отличающихся от местного населения (2006—2018 гг., в %) ¹²

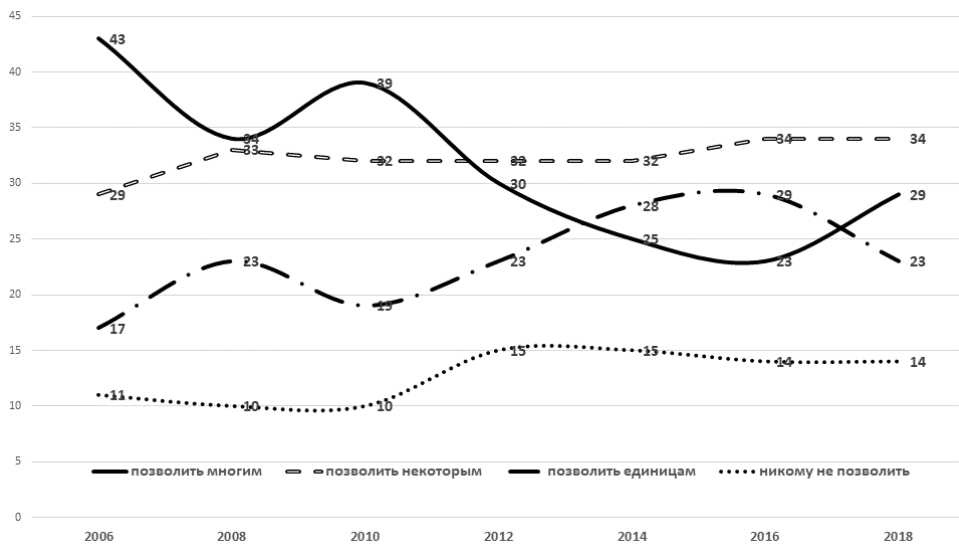
В целом отношение к «чужим» практически не менялось, а доля «позволить многим» оставалась достаточно низкой. После 2010 г. немного уменьшилось количество респондентов, настроенных категорически против мигрантов, но при этом чуть выросла доля тех, кто считает, что нужно позволять въезжать только некоторым, т. е. подходить к приезду мигрантов более избирательно.

Интересную картину мы наблюдаем в отношении к «своим» мигрантам: доля считающих, что можно «позволить многим», снижается с более 40% до менее 30%. В 2014—2016 гг. она доходила до одной четвертой от всех ответивших. Однако

¹² Источник: данные ESS-2018 по России (N = 2 416 человек), см.: European Social Survey (2018) Data and Documentation. ESS Round 9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 13.12.2021).

примерно половина респондентов в принципе не возражает против их приезда (см. рис. 4).

Рис. 4. Отношение россиян к присутствию мигрантов той же национальности или расы, что и большинство местного населения (2006—2018 гг., в %) ¹³

На основании сопоставления рисунков 3 и 4 можно предположить, что в эти годы усиливались скорее антимигрантские настроения, чем ксенофобские, хотя настороженное отношение к «другим» оставалось достаточно выраженным. Это происходило на фоне роста общего миграционного притока за период с 2006 по 2018 г. Число приехавших из Украины и Молдовы за это время существенно возросло ¹⁴.

С чем связано разнообразие мнений?

Мы предполагаем, что в основе различий в восприятии мигрантов лежат разные системные «картины» мира, существующие в сознании людей. Отношение к мигрантам как к «другим» может быть не самостоятельным фактором, а частью мировоззренческой картины, в которой доминируют разного рода страхи, предубеждения и предрассудки, ожидания заботы и защиты со стороны государства. В ней остается мало места для индивидуальной ответственности и терпимости к другим.

В таблице 2 представлены средние значения характеристик респондентов и представления о «мироустройстве» среди двух групп, кардинально различающихся отношением к мигрантам. Первая группа считает, что нужно «позволить многим» переезжать жить в Россию (назовем их условно «толерантными» или

¹³ Источник: данные ESS 2006—2018 по России, см.: European Social Survey (2006—2018) Data and Documentation. ESS Rounds 3—9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 13.12.2021).

¹⁴ По данным Росстата, см.: URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 13.12.2021).

«мигрантофилами»), другая группа не желает это позволить никому — «нетолерантные», или «мигрантофобы».

Таблица 2. Социально-демографические характеристики и суждения респондентов, различающихся отношением к мигрантам

По данным объединенной выборки	По отношению к этнически «другим» среди...		По отношению к этнически «своим» среди...	
	Мигрантофилов	Мигрантофобов	Мигрантофилов	Мигрантофобов
Доля мужчин, %	46	44	42	47
Доля в возрасте до 30 лет, %	23	19	19	20
Доля в возрасте 60 и выше, %	22	26	24	25
Доля с высшим образованием, %	30	24	31	24
Доля занятых, %	56	56	57	56
Доля безработных, %	5	5	4,3	6
Доля пенсионеров, %	25	29	26	28
Доля тех, кто ощущает себя финансово более-менее комфортно, %	47	40	44	40
Доля граждански активных (см. Примечание к табл.), %	25	17	24	15
Доля регулярно посещающих церковь, %	39	35	38	37
Уровень доверия (0 — низкий, 10 — высокий), баллы	4,6	3,7	4,5	3,7
Уровень удовлетворенности жизнью, (0 — низкий, 10 — высокий), баллы	6,0	5,3	5,9	5,3
Страх темных улиц, %	26	37	30	37
Согласны с тем, что сексуальные меньшинства свободны в своем выборе образа жизни, который соответствует их взглядам, %	32	19	27	16
Дополнительные переменные по данным 2018 г.				
Степень влияния на ход своей жизни (11-бальная шкала от 0 до 10, 10 — сильно влияю)	6,8	5,7	6,7	5,5
Вера в удачу и в связи в большей мере, чем в трудовые усилия (10-бальная шкала, 10 — успех зависит от удачи и связей)	4,2	5,2	4,6	5,2
Убеждение, что государство в большей мере ответственно за благополучие человека, а не сам индивид (10-бальная шкала, 10 — ответственно государство)	6,0	6,8	5,9	6,9

Примечание. Показатель гражданской активности сконструирован из ответов на вопрос: «Можно по-разному пытаться улучшить положение дел в России или избежать принятия неправильных решений. Предпринимали ли Вы на протяжении последних 12 месяцев что-либо из перечисленного...?» («1» — ответ «да»; «0» — ответ «нет»). Жирным шрифтом выделены значения, для которых есть статистически значимые различия между сравниваемыми группами.

Во-первых, выделенные группы респондентов мало различаются по полу, возрасту, положению на рынке труда. Высшее образование и финансовая защищенность повышают степень толерантности. Во-вторых, «мигрантофилы» меньше подвержены страхам, в большей мере доверяют окружающим, скорее верят в то, что сами ответственны за ход своей жизни и многое в ней зависит от вложенных усилий, а не от случайной удачи, терпимы к сексуальным меньшинствам и в целом больше удовлетворены своей жизнью. В-третьих, различия в социально-демографических характеристиках и представлениях между «толерантными» и «нетолерантными» в отношении к этнически «своим» и этнически «другим» мигрантам слабы. Здесь заметна только разница между безработными, которые более негативно реагируют на мигрантов того же этноса, возможно, видя в них конкурентов.

Групповые средние, которые приведены в таблице 2, не учитывают неоднородность этих групп по различным параметрам. В качестве следующего шага мы оцениваем регрессии для переменных отношения к мигрантам на набор наблюдаемых индивидуальных характеристик, что позволяет говорить о связях «при прочих равных» условиях.

В качестве зависимой переменной выступают метрики, построенные на ответах о том, в какой мере индивид согласен с тем, что можно позволить приезжать в Россию и жить здесь этнически «своим» и этнически «другим» мигрантам. Они меняются от «1» — «никому не позволить», до «4» — «позволить многим». В качестве независимых переменных выступают социально-демографические характеристики респондента (пол, возраст, наличие семьи, уровень образования, место проживания), его статус на рынке труда, субъективная оценка дохода, гражданская активность, а также его представления и убеждения о различных социальных явлениях, которые мы можем интерпретировать как «картину мира»¹⁵.

Поскольку зависимые переменные являются порядковыми, мы используем пробит-регрессию для таких переменных и будем последовательно оценивать три спецификации. Первая спецификация (С1) включает набор социально-демографических характеристик, основное занятие и год исследования. Во второй спецификации (С2) добавляются переменные гражданской активности и субъективных оценок дохода. Третья (С3) дополнительно включает показатели, описывающие «картину мира». Все спецификации тестируются в отношении как этнически «своих» мигрантов, так и этнически «других».

Результаты регрессионного анализа, выполненного в STATA, представлены в таблице 3. Прежде всего, отметим большую лояльность в отношении мигрантов любого этноса респондентов с высшим образованием, проживающих в городах. Результаты устойчивы во всех спецификациях. Влияние возраста проявляется по отношению к этнически «своим»: после 40 лет толерантность возрастает.

¹⁵ Все переменные «картины мира» приведены к единой шкале и стандартизированы.

Таблица 3. Регрессионный анализ отношения россиян к мигрантам

	Следует позволить людям... переезжать жить в страну					
	Этнически «другим»			Этнически «своим»		
	С 1	С 2	С 3	С 1	С 2	С 3
Пол (муж. — 1; жен. — 0)	0,015	0,011	0,02	-,006	-0,003	-0,008
Возраст						
20—29	0,034	0,037	-0,009	-0,016	-0,016	-0,043
30—39	Референтная группа 30—39					
40—49	0,069**	0,071**	0,075**	0,075**	0,064	0,064
50—59	0,013	0,02	0,046	0,154***	0,146***	0,179***
60+	-0,013	-0,004	0,022	0,118***	0,110**	0,139***
Женат/замужем	-0,022	-0,028	-0,044*	-0,024	-0,033	-0,029
Место проживания	Референтная группа — сельская местность					
Небольшой город (100 тыс. и меньше)	0,076***	0,074**	0,112***	0,137***	0,143***	0,173***
Крупный город	0,071***	0,066**	0,108***	0,056**	0,068**	0,115***
Образование	Референтная группа — среднее и ниже					
Среднее специальное	0,056**	0,053**	0,046	0,039	0,034	0,034
Высшее	0,172***	0,148***	0,126***	0,147***	0,124***	0,117***
Основное занятие	Референтная группа — занятые					
Студенты	0,258***	0,209***	0,170**	0,208***	0,147**	0,135*
Безработные	0,018	0,017	0,002	-0,037	-0,039	-0,005
Пенсионеры	-0,029	-0,015	-0,006	-0,037	-0,023	0,002
Ведение домашнего хозяйства	0,079	0,068	0,061	0,094**	0,095**	0,095*
Гражданская активность		0,15***	0,161***		0,164***	0,17***
Субъективная оценка дохода (1 — более-менее комфортная жизнь, 0 — жить трудно)		0,083***	0,008		0,05**	0,003
«Картина мира»						
Уровень доверия			0,48***			0,33***

	Следует позволить людям... переезжать жить в страну					
	Этнически «другим»			Этнически «своим»		
	С 1	С 2	С 3	С 1	С 2	С 3
Уровень удовлетворенности жизнью			0,27***			0,18***
Отсутствие страха пребывания на улице в темное время суток			0,32***			0,34***
Согласие с тем, что сексуальные меньшинства свободны в своем выборе образа жизни, который соответствует их взглядам			0,42***			0,28***
Год обследования	Контролируется					
N	14981	14591	12583	15136	14723	12674

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Гражданская активность и более высокий субъективный доход (С2) повышают толерантность к вновь прибывающим независимо от их этнической принадлежности, в основном сохраняя влияние переменных базовой спецификации. Новые переменные немного сдвигают возрастной порог позитивного отношения к «своим»: у респондентов старше 50 лет мы видим заметное улучшение отношения к мигрантам.

Третья спецификация (С3) включает элементы «картины мира». Усиление межличностного доверия, отсутствие страхов, терпимость к меньшинствам и более высокий уровень удовлетворенности жизнью положительно связаны с отношением к мигрантам — и к «своим», и к «чужим».

При расширении числа регрессоров коэффициенты при базовом наборе не претерпевают особых изменений. Сохраняется значимость и у показателя гражданской активности, которая, как мы и предполагали, положительно связана с толерантностью. Однако субъективная оценка дохода свою значимость теряет. По-видимому, малодоходные группы населения в большей степени составляют группу с «негативной» «картиной мира». Добавление переменных для последней забирает значимое влияние дохода. Таким образом, отношение к мигрантам входит в общую «картину мира».

Как мы видим, предикторы отношения к этнически «своим» и этнически «другим» мигрантам ведут себя похожим образом. Заметны два различия: положительное влияние возраста в старших когортах (50+) по отношению к «своим» при отсутствии значимого эффекта возраста в отношении «других», а также ухудшение отношения к этнически «своим» мигрантам в сравнении с 2006 г. Что касается возраста, то большая толерантность старших поколений, выросших и сформировавших свои убеждения в советское время, может быть связана «с ностальгией о дружбе народов» [Мукомель, 2017: 36]. Ухудшение отношения к этнически «своим» мигрантам,

в свою очередь, отчасти может объясняться тем, что местное население воспринимает этнически близких мигрантов как конкурентов за рабочие места на фоне увеличения миграционных потоков¹⁶. Однако эти предположения нуждаются в дополнительной эмпирической проверке.

Как мы уже указывали, российская версия анкеты ESS за 2018 г. содержит дополнительные вопросы об индивидуальной ответственности (см. раздел про данные), описывающие «локус контроля». Для расчетов мы делаем однонаправленные шкалы. Их сложение и стандартизация дают нам новую переменную, которая меняется от 0 до 1, где 1 обозначает внутренний локус. В свою очередь, согласно данным таблицы 4, чем выше его значение, тем толерантнее респонденты к приезду мигрантов различной этничности.

Таблица 4. Коэффициенты пробит регрессии для порядковых переменных при переменной «уровень локус контроля»

	Следует позволить людям... переезжать жить в страну	
	Этнически «другим»	Этнически «своим»
Локус контроля	0,91***	0,82***
N	2065	2063

*** $p < 0,01$. Контролируется: пол, возраст, уровень образования, семейное положение, место проживания, основное занятие, год исследования, субъективный доход, гражданская активность.

Источник: данные ESS-2018, см.: European Social Survey (2018) Data and Documentation. ESS Round 9. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/data/> (дата обращения: 13.12.2021).

Результаты нашего исследования подчеркивают связь между отношением россиян к мигрантам («позволить им приезжать») и элементами «картины мира», которые присутствуют в данных. «Картина мира» как «набор страхов, недоверия и неуверенности в собственных силах» включает в себя и нежелание видеть мигрантов — как чужих и опасных — либо на рынке труда, либо в повседневной жизни, либо и там, и там. Неудивительно, что это более свойственно малообеспеченным и менее благополучным группам населения. И именно эти люди боятся всего чужого и чужих, будь то мигранты, геи или «темнота».

Заключение

В России, так же как и в других страны, граждане по-разному воспринимают и оценивают мигрантов. Формирование этого восприятия лежит в русле как экономических, так и социокультурных объяснений, а зачастую и на их стыке. Данное исследование акцентирует внимание на связи отношения россиян к мигрантам, которое измеряется через согласие/несогласие респондента позволить им переезжать в нашу страну, с мироощущением опрашиваемых, то есть со степенью их индивидуальной ответственности, с уровнем межличностного доверия, с наличием предубеждений и страхов, с уровнем удовлетворенности своей жизнью и т. п.

¹⁶ По данным Росстата, см.: URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 13.12.2021).

Результаты анализа свидетельствуют о возможных механизмах формирования толерантности к мигрантам. Уровень образования ее повышает, поскольку более образованные группы более благополучны и уверены в себе и чаще видят выгоды миграции для страны. Влияние дохода заметно лишь при отсутствии переменных, характеризующих мироощущение респондента. Добавление же в регрессию оценок «картины мира» убирает значимость материального достатка. Это говорит о том, что уровень субъективного дохода статистически связан с показателями, описывающими мироощущение респондента: малоимущие граждане чаще подвержены страхам, предубеждениям, недоверию и т. п.

Мы показываем, что отношение к мигрантам тесно связано с «картиной мира» в представлениях респондентов, а также с их уровнем гражданской активности. Положительная корреляция между отношением к мигрантам и к сексуальным меньшинствам означает, что если индивид толерантен к одним то, скорее всего, он будет толерантен и к другим. Соответственно, толерантность оказывается частью более общей «картины мира», а высокие уровни межличностного доверия, индивидуальной ответственности, удовлетворенности жизнью, чувство безопасности, самодостаточность способствуют большей открытости к окружающей среде. Верно и обратное. Если мы можем сказать, что вариация в «картинах мира» связана с разным отношением к мигрантам, то в том, как формируется мировоззрение, ясности пока нет. И это остается важным вопросом для дальнейших исследований всех социальных наук.

Список литературы (References)

Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Восприятие социальных реалий и субъективное благополучие в развитых странах. М.: ИМЭМО РАН, 2020. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0580-2>.

Goffe N. V., Monusova G. A. (2020) Perception of Social Reality and Subjective Well-Being in Developed Countries. Moscow: IMEMO. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0580-2>. (In Russ.)

Демидова О. А. Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 133—155.

Demidova O. A. (2021) Attitude towards Immigrants in Russia: Regional Aspect. *Spatial Economics*. Vol. 17. No. 3. P. 133—155. (In Russ.)

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Inglehart R. (2018) Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. М.: Ирисэн, 2012.

Kaplan B. (2012) The Myth of the Rational Voter. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Мастикова Н. С. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.) // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 1. С. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>.

Mastikova N. S. (2016) Interethnic Tensions in Russia and Europe (according to the European Social Survey, 2012). *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 95—113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.1.3921>. (In Russ.)

Мастикова Н. С. Изменения, привносимые мигрантами, и их оценка россиянами (по данным Европейского социального исследования) // *Общественные науки и современность*. 2019. № 2. С. 160—169. <https://doi.org/10.31857/S086904990004341-7>.

Mastikova N. (2019) Changes Introduced by Migrants and their Assessment by Russians (According to the European Social Survey). *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 160—169. <https://doi.org/10.31857/S086904990004341-7>. (In Russ.)

Монусова Г. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 11. С. 58—70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-58-70>.

Monusova G. (2016) Public Attitudes towards Migrants in Europe. *World Economy and International Relations*. Vol. 60. No. 11. P. 58—70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-58-70>. (In Russ.)

Мукомель В. И. Ксенофобы и их антиподы, кто они? // *Мир России*. 2017. Т. 26. № 1. С. 32—57.

Mukomel V. I. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who are They? *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 1. P. 32—57. (In Russ.)

Мукомель В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // *Вестник Российской нации*. 2021. № 1—2. С. 53—68.

Mukomel V. (2021) Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian Nation*. No. 1—2. P. 53—68. (In Russ.)

Общественное мнение — 2019. М.: Левада-Центр, 2020.

Public Opinion — 2019 (2020) Moscow: Levada-Center. (In Russ.)

Российский рынок труда через призму демографии / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.

Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (eds.) (2020) Russian Labor Market through the Prism of Demography. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)

Alesina A., Giuliano P. (2013) Family Ties. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper No. 18966. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/nbrnberwo/18966.htm> (accessed: 13.12.2021).

Alesina A., Miano A., Stantcheva S. (2018) Immigration and Redistribution. *National Bureau of Economic Research*. Working Paper No. 24733. <https://doi.org/10.3386/w24733>.

Belot M., Ederveen S. (2012) Cultural Barriers in Migration between OECD Countries. *Journal of Population Economics*. Vol. 25. No. 3. P. 1077—1105.

Bessudnov A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. Vol. 32. No. 5. P. 567—580. <https://doi.org/10.1093/esr/jcw002>.

Blumer H. (1958) Race Prejudice as a Sense of Group Position. *The Pacific Sociological Review*. Vol. 1. No. 1. P. 3—7.

Caliendo M., Cobb-Clark D. A., Hennecke J., Uhlendorf A. (2016) Job Search, Locus of Control, and Internal Migration. *Institute of Labor Economics (IZA)*. Discussion Paper No. 9600. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/izaizadps/dp9600.htm> (дата обращения: 13.12.2021).

Card D., Dustmann C., Preston I. (2012) Immigration, Wages, and Compositional Amenities. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 10. No. 1. P. 78—119.

Ceobanu A. M., Escandell X. (2010) Comparative Analyses of Public Attitudes toward Immigrants and Immigration Using Multinational Survey Data: A Review of Theories and Research. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36. P. 309—328. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102651>.

Davidov E., Meuleman B. (2012) Explaining Attitudes towards Immigration Policies in European Countries: The Role of Human Values. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. № 5. P. 757—775. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.667985>.

Duffy B. (2019) *Why We're Wrong About Nearly Everything: A Theory of Human Misunderstanding*. New York, NY: Basic Books.

Gorodzeisky A., Glikman A., Maskileyson D. (2014) The Nature of Anti-Immigrant Sentiment in Post-Socialist Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. No. 2. P. 115—135. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.918452>.

Grigoryan L. K., Ponizovskiy V. (2018) The Three Facets of National Identity: Identity Dynamics and Attitudes toward Immigrants in Russia. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. 59. No. 5—6. P. 403—427. <https://doi.org/10.1177/0020715218806037>.

Esses V., Jackson L., Armstrong T. (1998) Intergroup Competition and Attitudes Toward Immigrants and Immigration: An Instrumental Model of Group Conflict. *Journal of Social Issues*. Vol. 54. No. 4. P. 699—724. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1998.tb01244.x>.

Hainmueller J., Hiscox M. J. (2010) Attitudes toward Highly Skilled and Low-Skilled Immigration: Evidence from a Survey Experiment. *American Political Science Review*. Vol. 104. No. 1. P. 61—84. <https://doi.org/10.1017/S0003055409990372>.

Hainmueller J., Hopkins D. (2014) Public Attitudes Toward Immigration. *Annual Review of Political Science*. Vol. 17. P. 225—249. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-102512-194818>.

Jackson J. (1993) Realistic Group Conflict Theory: A Review and Evaluation of the Theoretical and Empirical Literature. *Psychological Record*. Vol. 43. P. 395—413.

Javdani M. (2020) Public Attitudes toward Immigration — Determinants and unknowns. *IZA World of Labor*. No. 473. <https://doi.org/10.15185/izawol.473>.

LeVine R. A., Campbell D. (1972) *Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behavior*. New York, NY: Wiley & Sons.

Mayda A. M. (2006) Who is Against Immigration? A Cross-Country Investigation of Individual Attitudes toward Immigrants. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 88. No. 3. P. 510—530.

Rotter J. B. (1966). Generalized Expectancies for Internal Versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. Vol. 80. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1037/h0092976>.

Sides J., Citrin J. (2007) European Opinion about Immigration: The Role of Identities, Interests and Information. *British Journal of Political Science*. Vol. 37. No. 3. P. 477—504.

Scheve K. F, Slaughter M. J. (2001) Labor Market Competition and Individual Preferences over Immigration Policy. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 83. No. 1. P. 133—145.

Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In: Austin W. G., Worchel S. (eds.) *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole. P. 33—37.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1835](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1835)

Л. И. Якобсон, Н. В. Иванова, А. Ю. Телицына

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В НКО: ТЕОРИИ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Правильная ссылка на статью:

Якобсон Л. И., Иванова Н. В., Телицына А. Ю. Корпоративное управление в НКО: теории и российская практика // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 459—476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1835>.

For citation:

Jakobson L. I., Ivanova N. V., Telitsyna A. Yu. (2021) NGO Corporate Governance: Theories and Russian Practices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 459–476. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1835>. (In Russ.)

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В НКО: ТЕОРИИ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

ЯКОБСОН Лев Ильич — вице-президент, научный руководитель Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, доктор экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: ljacobson@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2057-2888>

ИВАНОВА Наталья Владимировна — старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: nvivanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5225-8367>

ТЕЛИЦЫНА Александра Юрьевна — старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, кандидат биологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: atelitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

Аннотация. В статье представлены результаты первого широкомасштабного эмпирического исследования роли органов корпоративного управления (управляющих советов) в российских некоммерческих организациях. Деятельность советов рассматривается с позиций основных теорий, объясняющих особенности корпоративного

NGO CORPORATE GOVERNANCE: THEORIES AND RUSSIAN PRACTICES

Lev I. JAKOBSON¹ — Dr. Sci. (Econ.), Vice President and Scientific Advisor at the Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector

E-MAIL: ljacobson@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2057-2888>

Natalya V. IVANOVA¹ — Cand. Sci. (Phil.), Senior Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector

E-MAIL: nvivanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5225-8367>

Alexandra Yu. TELITSYNA¹ — Cand. Sci. (Biol.), Senior Research Fellow, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector

E-MAIL: atelitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0186-3989>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents the data of the first empirical study on the role of Russian nonprofit corporate governance (boards). Board operations are analyzed through the lens of key theories of corporate governance in the third sector. Conducted interviews revealed that resources of effectiveness which the theories posit prerequisites are

управления в третьем секторе. В процессе интервьюирования выявлено существенное недоиспользование резервов эффективности, предпосылки обеспечения которой раскрываются наиболее известными теориями. Такая ситуация связана с распространенностью «лидерского» типа среди российских НКО, для которого характерно совмещение функций стратегического руководства, операционного менеджмента и контроля. Опрос, который представляет эмпирическую основу настоящего исследования, показал, что в российском некоммерческом секторе неоплачиваемые члены советов скорее ассистируют оплачиваемому менеджменту, чем руководят и направляют его деятельность. Сопоставление с основными теориями, обосновывающими функции корпоративного управления в третьем секторе и подкрепленными зарубежными эмпирическими исследованиями, не позволяет рассматривать такой вариант в качестве оптимального с точки зрения доверия к НКО и их эффективности. По данным исследования, существует запрос скорее на усиление ассистирующей роли коллективных органов управления, чем на выполнение ими роли полноценных представителей принципалов.

Вместе с тем выявлен во многом не реализованный запрос на активизацию участия советов в стратегическом планировании, экспертном консультировании и особенно в расширении контактов НКО и привлечении средств. В этой связи можно ожидать постепенного освоения в России принципов корпоративного управления НКО, в наибольшей степени способствующих доверию к третьему

critically underused. It results from the prevalence of the NGO “leadership” type, which combines strategic guidance, operation management, and supervision roles. The survey, which provides the empirical basis for this study, showed that in the Russian nonprofit sector, unpaid board members assist paid management rather than manage and direct its activities. Comparison with the main theories substantiating the functions of corporate governance in the third sector and supported by foreign empirical studies does not allow us to consider this option as optimal from the point of view of trust in NPOs and their effectiveness. According to the research data, there is a demand for strengthening the assisting role of collective governing bodies rather than for their fulfillment of the role of full-fledged representatives of the principals. At the same time, our data highlight management’s unfulfilled demand for the boards’ more active engagement in strategic planning, expert consulting and especially expanding NGO contacts and fundraising. In this connection, gradual adoption of NGO corporate governance principles can be expected in Russia, which is particularly conducive to increasing trust in the third sector, enhancing the inflow of resources and their effective utilization.

сектору, притоку в него ресурсов и их рациональному использованию

Ключевые слова: некоммерческий сектор, корпоративное управление, совет директоров, попечительский совет, теория принципал-агентских отношений

Keywords: nonprofit sector, corporate governance, board of directors, board of trustees, principal-agent theory

Благодарность. Работа выполнена в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. This work was carried out at the Center for Civil Society and the Nonprofit Sector Research (HSE University) with the support of the Basic Research Program of the HSE University.

Введение: кто персонифицирует российские НКО?

Предпринимательский сектор в России прошел непростой путь становления корпоративного управления (corporate governance), которое на языке теории представляет собой систему организации принципал-агентских отношений и балансировки интересов стейкхолдеров организации [G20/OECD Principles of Corporate Governance, 2015]. На этом пути выстраивались законодательство и практики, относящиеся в том числе к правам и ответственности советов директоров и правлений корпораций, что отражено в богатой литературе. На таком фоне парадоксальным выглядит фактическое отсутствие публикаций на данную тему применительно к некоммерческому сектору¹. Не менее парадоксальным оно предстает на фоне зарубежной литературы, посвященной особенностям сектора и детерминантам его эффективного развития. Весьма заметное место в ней занимает акцентировка специфического типа взаимоотношений между оплачиваемым менеджментом НКО и полномочными представителями стейкхолдеров таких организаций².

Границу между коммерческими и некоммерческими организациями очерчивает запрет на распределение остаточного дохода между лицами, контролирующими НКО (в России это фиксируется статьей 50 Гражданского кодекса). Он призван обеспечить ориентацию деятельности не на максимизацию дохода, а на выполнение выбранной учредителями миссии, например, благотворительной, медицинской, правозащитной и т. д. Ограничение целесообразно, если миссия предполагает действия в зонах ярко выраженных «провалов рынка», и именно в них НКО наиболее востребованы³. Так, качество многих сложных видов услуг не поддается

¹ Единичные исключения составляют методические материалы рекомендательного характера для НКО, желающих создавать коллегиальные органы управления [Кузьмин, 2017; Центр устойчивого развития Псковской области, 2018].

² Не пытаюсь, ввиду обилия литературы, дать общий обзор темы, ограничусь ссылкой на охватывающий десятки источников авторитетный обзор [Ostrower, Stone, 2006]. Последующие ссылки относятся лишь к ключевым работам по непосредственно обсуждаемым нами проблемам.

³ См. основополагающие работы [Weisbrod, 1975] и [Hansmann, 1980].

адекватной оценке со стороны потребителей, что чревато ущемлением их интересов при максимизации доходов провайдеров. Критически важным оказывается доверие к провайдеру — в классической модели НКО оно обеспечивается подотчетностью оплачиваемых работников организации тем, кто бескорыстно вносит вклад в реализацию ее миссии, тем самым демонстрируя личную приверженность ей [Ben-Ner, Gui, 2003].

Базовому определению НКО, в принципе, соответствует особый тип корпоративного управления, предполагающий ключевую роль коллективных наблюдательных органов (oversight boards), состоящих из лиц, не работающих в организации по найму. Такие органы обязана иметь «каждая инкорпорированная НКО в США и большинстве других стран мира. Управляющий орган, как правило, называемый советом директоров (board of directors) или попечительским советом (board of trustees) обладает высшей властью и несет на себе ответственность в отношении деятельности организации» [Renz, 2010]. Эти органы (далее КО) играют ключевую роль в общественном позиционировании НКО и направляют ее деятельность на добросовестное, последовательное и эффективное осуществление провозглашенной миссии [Anheier, 2005]. Функции КО обычно включают в себя определение целей организации, выбор и поощрение исполнительного руководителя, контроль за соблюдением законодательства и этических норм, утверждение планов и отчетов и ряд других.

Зарубежная практика демонстрирует не только последовательные, но и компромиссные варианты реализации описанного подхода. Однако они приемлемы, когда НКО нуждается в доверии лишь со стороны ближайшего окружения. Таковы, например, небольшие организации клубного типа, открытые только для своих членов, живущие за счет их взносов и совместно управляемые ими, либо организации, раздающие гранты из личных средств основателей под их непосредственным контролем. В подобных случаях основные стейкхолдеры, не прибегая к репрезентации с помощью КО, сами нанимают, направляют, оценивают и стимулируют наемный менеджмент, если в нем есть необходимость. Тем не менее в странах с высокоразвитым третьим сектором выбор компромиссных вариантов обычно влечет ограничение льгот, предоставляемых НКО.

В России закон требует создавать попечительские советы лишь в НКО, имеющих правовую форму фонда. Советы обязаны осуществлять «надзор за деятельностью фонда, принятием другими органами фонда решений и обеспечением их исполнения, использованием средств фонда, соблюдением фондом законодательства» (ГК РФ, ст. 123, п. 4). Это относительно небольшая часть функций КО, обычных за рубежом. Однако российское законодательство не ограничивает учредителей фондов ни в расширении круга функций совета, ни в выборе порядка его формирования, ни в установлении прав и обязанностей его членов. Для других форм НКО законодательство не требует формировать КО, но и не ставит препятствий их созданию, определению наименований и полномочий. Органы, выполняющие функции, в той или иной мере схожие с функциями зарубежных КО, обычно называются попечительскими или наблюдательными советами, а иногда правлениями. В то же время правлениями нередко именуются исполнительные органы НКО, состоящие из топ-менеджеров или руководимые ими. Создание

одного или нескольких коллективных органов с едва ли не любыми названиями и ролями — право, а не обязанность учредителей НКО.

Итак, в России развитое регулирование корпоративного управления в коммерческом секторе сочетается с практически полной свободой выбора его вариантов в третьем секторе. Естественно предположить, что свобода используется для апробирования разнообразных вариантов реализации преимуществ, которые дает рациональное формирование КО и продуманная организация их деятельности. За рубежом эти преимущества не только улавливаются эмпирически, но и установлены теоретически. Однако для России характерен «лидерский» тип НКО, которому свойственна полновластность оплачиваемого менеджмента [Jakobson, Sanovich, 2010: 295]. Это одна из главных причин непоследовательной реализации принципа нераспределения прибыли [Salamon et al., 2015: 2194]. Российское законодательство провозглашает данный принцип, но не содержит норм, которые гарантировали бы его соблюдение. Так, человек, единолично учредивший НКО, вправе назначить себя директором организации и приказами придавать ее чистому доходу форму премий самому себе.

Примечательно, что, по данным всероссийского обследования НКО, проведенного в рамках Мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ в 2010 г., 12 % респондентов из числа оплачиваемых руководителей НКО сообщили, что сами назначают себе зарплату, 11 % указали, что их зарплату определяют исполнительные органы, которые они же возглавляют, а 23 % затруднились ответить на вопрос, кем и как определяется их заработок [Якобсон, 2012]. Не менее впечатляют данные Мониторинга 2018 г. о том, что почти половина НКО, зарегистрированных в форме фонда, не имеют попечительских советов, несмотря на требование законодательства⁴.

В итоге регистрация организации в качестве некоммерческой не становится значимым фактором доверия к ней. По данным всероссийского репрезентативного опроса населения (2020 г., $N = 2000$ чел.), проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, более 40 % российских граждан не доверяют ни одной НКО, а лидерами по доверию выступают не благотворительные организации или НКО, оказывающие услуги социального характера, а профсоюзы, которым доверяют 14 % опрошенных (благотворительным организациям доверяют 10 % респондентов).

Недостатки «лидерского» типа отчасти компенсируются составом нынешних руководителей НКО. В условиях относительной молодости российского третьего сектора и его экономической слабости во главе НКО часто стоят энтузиасты, преданные миссии организации. Однако личные качества менеджера — не самая надежная и легко распознаваемая замена адекватного корпоративного управления. Минусы ситуации осознаются многими оплачиваемыми руководителями НКО, но мало кто из них готов оказаться под контролем КО [Якобсон, 2012: 58].

Постепенно происходит обновление состава руководителей, сменяются те, кто основывали НКО в качестве площадок самореализации. Соответственно, актуа-

⁴ Данные всероссийского обследования НКО (2018 г., $N = 1000$), проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики» в рамках мониторинга состояния гражданского общества при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

лизируется усиление роли формальных норм. Одновременно накапливается опыт функционирования коллегиальных органов, требующий анализа в контексте принятых в мире принципов корпоративного управления. Однако нельзя не отметить, что советы пока не являются теми акторами, которые персонифицируют российские НКО в общественном мнении и во взаимодействии с государством и бизнесом. Выбирая партнеров в секторе, государственные органы ориентируются в основном на оценку конкретных проектов, а для граждан особое значение имеет «репутационное донорство» со стороны популярных персон, участвующих в деятельности некоторых НКО. В условиях недоиспользования потенциала коллегиальных органов управления разностороннее развитие сектора НКО и полноценная реализация его преимуществ явно затруднены

Оценить состояние сектора и его перспективы вряд ли возможно, не учитывая, как принципы корпоративного управления воспринимаются, реализуются и модифицируются в российской практике. Значимость данной темы побудила провести исследование, результаты которого излагаются ниже.

Первая попытка изучить состояние корпоративного управления в российских НКО строилась как зондирование ситуации. Интервьюируя топ-менеджеров и членов КО десятков известных НКО, мы постарались выявить доминирующие ожидания и реалии, относящиеся к роли КО и взаимоотношениям их членов с исполнительным руководством организаций. Исследование имело качественный характер и, разумеется, не претендовало на репрезентативность. Однако, из интервью предстала весьма однородная картина, позволяющая говорить об отчетливых тенденциях, во многом контрастирующих с теми, которые привычны в странах-лидерах по развитию третьего сектора.

Разрабатывая программу исследования и интерпретируя его результаты, мы опирались на основные теории, относящиеся к функциям корпоративного управления НКО. Каждая из них имеет прочную эмпирическую опору и фиксирует тот или иной аспект оптимального, с точки зрения эффективности НКО, построения и функционирования корпоративного управления. Таким образом, теории в данном случае не претендуют на универсальное описание любых реалий, а высвечивают условия достижения оптимума. Соответственно, расхождение наблюдаемой картины с тем, что предсказывает теория, как правило, побуждает сомневаться не в ней, а в зрелом состоянии объектов наблюдения.

В первом разделе статьи дана краткая характеристика теоретических «призм», с помощью которых проектировалось эмпирическое исследование и интерпретировались его результаты. Затем описывается методическая сторона исследования. Далее излагаются полученные результаты, а в заключении формулируются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Теоретические «призмы» исследования

Зарубежные исследования свидетельствуют, что рационально построенное корпоративное управление вносит существенный вклад в обеспечение эффективности НКО [Bernstein, Buse, Slatten, 2015; Herman, Renz, 2000; Callen, Klein, Tinkelman, 2003]. Доказана первостепенная значимость корпоративного управления, адекватного особенностям НКО, для выработки стратегий организаций

[Brown, Guo, 2010; Cornforth, Edwards, 1999; Ferkins, Shilbury, 2012], формирования их социального капитала [Newton, 2001], легитимации в общественном мнении и укреплении доверия к ним [Stone, Ostrower, 2007]. За рубежом КО внесли весомый вклад в адаптацию НКО к вызовам пандемии коронавируса и экономического кризиса [Getting Ready for the Fallout, 2020]. Разнообразные эффекты деятельности КО производны от выполнения ими двух взаимосвязанных ролей, которые можно условно назвать внутренней и внешней. Первая — роль стратега и контролера, вторая — роль представителя НКО в социальной среде [Anheier, 2005; Ostrower, Stone, 2006].

Как отмечено выше, осмысление корпоративного управления базируется на теории принципал-агентских отношений между теми, кому организация призвана служить, и теми, кто повседневно руководит ее деятельностью [Fligstein, Freeland, 1995; Callen, Klein, Tinkelman, 2003]. Применительно к бизнесу теория дает ключ к анализу и рациональному построению взаимоотношений между собственниками (принципалами) и работниками, прежде всего менеджерами (агентами). Фокус теории — соответствие действий агентов интересам принципалов, достигаемое за счет надлежащего формирования ограничений и стимулов. К первым относятся, в частности, пределы полномочий менеджмента и плановые задания, ко вторым — поощрения и санкции.

Отмеченные моменты значимы для любой организации, если ею повседневно не управляют принципалы. Вместе с тем уточнение состава последних применительно к НКО зачастую проблематично, что во многом определяет особенности корпоративного управления в третьем секторе [Miller, 2002; Ostrower, Stone, 2006; Van Puvelde et al., 2012]. Если круг принципалов коммерческой организации очерчивается списком ее собственников, то в странах с высокоразвитым третьим сектором его организации, особенно благотворительные, «как бы принадлежат тем сообществам или сегментам сообществ, ради служения которым существуют» [Renz, 2010: 800]. Соответственно, теория принципал-агентских отношений, будучи спроецирована на особенности НКО, приобретает специфическую форму, получившую название теории заинтересованных лиц, стейкхолдеров (stakeholder theory). К их числу могут относиться не только учредители организации, но и ее основные доноры и клиенты (благополучатели), а также волонтеры, местное сообщество и др. [Freiwirth, 2013]. Значима не имеющая идеального решения проблема дифференцированного учета ролей стейкхолдеров при выборе дизайна КО. Относительно проще, чем в других НКО, она решается в организациях, созданных для защиты интересов своих членов (профсоюзы, бизнес-ассоциации и т. п.). Однако далее речь идет об иных НКО, например, благотворительных фондах и организациях, оказывающих социальные услуги. Даже если в них предусмотрено членство, круг заинтересованных лиц шире состава членов.

Теория заинтересованных лиц акцентирует не только «распределенный» тип принципала, но и разнообразие вариантов распределения, сложность взаимоотношений внутри круга принципалов, а также проблемы репрезентации интересов и поддержания их баланса в процессе выполнения функций управления. В этом контексте предложена, в частности, модель из шести компонентов: «донор (принципал) — НКО (агент)», «клиенты, потребители услуг (принципалы) — НКО (агент)»,

«НКО (принципал) — поставщики услуг (агенты)», «попечительский совет (принципал) — исполнительный директор, менеджеры (агенты)», «менеджеры (принципалы) — сотрудники НКО (агенты)», «менеджеры (принципалы) — волонтеры НКО (агенты)» [Van Puyvelde et al., 2012].

Каковы бы ни были особенности НКО, они не упрощают, а усложняют принципал-агентские отношения и, следовательно, задачи корпоративного управления. К их числу относится, например, оптимальное разграничение функций оперативного руководства, возлагаемого на менеджмент, и стратегического управления и контроля, обычно составляющих прерогативу КО [Van Puyvelde et al., 2012]. Впрочем, сотрудников НКО, включая менеджеров, подчас привлекает не столько уровень оплаты, сколько миссия организации, которой они привержены. В подобных случаях грань между принципалами и агентами в той или иной мере стирается, что описывается теорией добросовестного служения (*stewardship theory*) [Caers et al., 2006]. Она предполагает большее, чем в стандартном варианте, влияние персонала на стратегию организации и меньшую меру его подотчетности. Проблема, однако, в конкретной степени совпадения интересов сотрудников, особенно менеджеров, с интересами других основных стейкхолдеров. В практическом плане теория добросовестного служения отнюдь не ориентирует на отсутствие КО, а предсказывает и объясняет более гармоничные, чем в иных случаях, отношения между ним и менеджментом.

Модификации принципал-агентских отношений характеризуют особенности корпоративного управления в НКО с точки зрения его внутренней роли. Внешняя роль находит отражение прежде всего в теории ресурсной зависимости (*resource dependence theory*). В ее фокусе использование в интересах организации широко понимаемых ресурсов членов КО. Таковы не только жертвования, но и репутация, влияние, контакты и т. п., за счет которых «ресурсы притягивают ресурсы». Это часто называется «наведением мостов» (*boundary-spanning*) и достигается тем успешнее, чем компетентнее и активнее члены КО репрезентируют организацию и защищают ее интересы [Miller-Millesen, 2003].

Теоретическое осмысление корпоративного управления в НКО — относительно новая область исследований. Поиски оптимальных вариантов построения и деятельности КО для различных типов НКО и ситуаций, в которых они действуют, далеки от завершения. Тем не менее их рефлексия породила взаимодополняющие теории институционального изоморфизма (*institutional isomorphism*) и контекстной обусловленности (*contingency theory*). Первая [Renz, 2010] объясняет распространение сходных структур и функций КО на основе своего рода естественного отбора успешных практик. Вторая [Bradshaw, 2009; Chelliah, Voersma, Klettner, 2016] предлагает подход к учету различий в компонентах среды, в которой действуют НКО. С этих позиций нашло объяснение влияние условий деятельности организаций на структуру КО, их функции, эффективность и взаимодействие с наемным менеджментом [Cornforth, 2003]. Показано, что в относительно устойчивой среде организациям свойственна более формализованная культура корпоративного управления, тогда как в условиях нестабильности деятельность НКО обычно менее формализована [Anheier, 2005].

Характеристика исследования

В ходе исследования проведено 81 очное интервью продолжительностью 60—80 минут с топ-менеджерами НКО и членами их советов. К числу первых отнесены те, кто имеют право без доверенности действовать от имени юридического лица. Это директора и их заместители, исполнительные директора, президенты (далее используется термин «руководитель») — 62 человека. Остальные 19 респондентов — неоплачиваемые члены советов, правлений и т. п. Опрошены представители 76 организаций (в пяти из них по два человека), из которых 39 ведут деятельность более чем в пяти субъектах РФ, 29 работают в Москве и области, две в Санкт-Петербурге и по одной организации в других городах: Новосибирске, Смоленске, Перми, Вологде, Краснодаре и Челябинске. Это относительно крупные и известные в секторе НКО разных правовых форм, среди направлений деятельности которых помощь сиротам, семьям с детьми, детям и взрослым с заболеваниями, бездомным животным и др. Они отобраны из числа НКО, которые, по данным Мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ, привлекают наибольшие пожертвования. Уместно предположить, что при прочих равных условиях корпоративное управление в них более развито, чем в малых, не столь известных и менее успешных НКО.

Исследование сфокусировано на восприятии респондентами желательной роли КО, фактически присущих им функций и результативности их исполнения. Проблематика принципал-агентских отношений (с учетом модификации, предлагаемой теорией заинтересованных лиц) представлена прежде всего в блоке вопросов, относящемся к стратегическому планированию и контролю. С позиций теории ресурсной зависимости сформулирован блок вопросов о роли советов в привлечении и диверсификации ресурсов и контактов. Теории институционального изоморфизма и контекстной обусловленности принимались во внимание при рассмотрении организационных процессов и структур, а также социокультурных факторов, воздействующих на особенности управленческих процессов.

Результаты опроса

Ключевое значение имеет оценка роли КО как представителя основных стейкхолдеров НКО, репрезентирующего их интересы и предпочтения во взаимоотношениях с оплачиваемым менеджментом. Судя по высказываниям почти всех опрошенных руководителей, КО фактически не выполняют роли принципалов, а их члены не стремятся к этому. Приведем характерные примеры таких суждений:

Главный орган — это совет, по уставу. А по факту — чаще всего директор, который получает какой-то номинальный одобрямс от этого совета для того, чтобы соответствовать закону. То есть, все подписи стоят. В этом смысле противоречий с законом нет. Но, по большому счёту многое решается единолично. (Директор благотворительного фонда).

К сожалению, очень часто попечительские советы, особенно если в них состоят ... очень высокие какие-то люди, ты понимаешь, что это свадебные генералы, которые просто числятся на сайте. И реально ничего о работе фонда не знают, никак на самом деле не помогают. (Директор фонда профилактики сиротства).

Есть человек, который называется председатель попечительского совета, но он ни на что не влияет. (Директор фонда поддержки детей с заболеваниями).

Большинство опрошенных руководителей устраивает отсутствие реальных призываний КО на выполнение надзорной функции, хотя применительно к фондам она прописана в законе.

Ну, это вот по идее пишется в законе, но нет. Мне комфортно было бы, безусловно, их приглашать на наши мероприятия, на отчетные мероприятия... я готова в этом быть открытой и показывать финансирование, распределение блоками какими-то... Надзор — нет. (Исполнительный директор фонда поддержки социальных программ)

Надзор осуществляется лишь определенного рода, но не весь, потому что это мешает работе. (Директор по развитию фонда помощи детям)

В ответах руководителей упоминались отдельные не очень результативные попытки членов КО контролировать работу организаций или их сотрудников.

Наш совет все пытается системы оценки сотрудников ввести... Это как-то унижительно даже, и так все на износ работают, делают все, что могут. (Директор фонда поддержки предпринимательства).

Им бы лишь все контролировать, оно мне надо? Пусть деньгами помогут, а я сам все проконтролирую. (Президент фонда помощи детям).

Неприятие надзора со стороны КО в ряде случаев аргументируется тем, что члены советов недостаточно понимают особенности некоммерческого сектора.

...Мы пробовали отдавать надзорную функцию, но они не готовы выполнять надзорную функцию, потому что... люди, которые туда попадают, у них хорошо с русским языком, а все остальное — сорри. (Президент благотворительной организации)

Не столь однозначные оценки встречаются реже, но и они свидетельствуют о том, что оплачиваемые руководители НКО видят в КО и их членах потенциально полезные ресурсы организации, а не главных представителей ее принципалов. Так, о надзоре говорится:

По большому счету, штука очень нужная, но только в том случае, если ты хочешь, чтобы твою систему трясли. Ну, я имею в виду, не давали тебе закинуть. Потому что попечительский совет — это то, когда как раз на твою организацию смотрят со стороны и прямо под лупой. (Директор фонда поддержки общественных инициатив)

В отдельных интервью руководителей российских НКО ощущается пренебрежительное отношение к членам КО:

Нам хочется, чтобы они нам больше помогали, активнее и прочее. А... вот им хочется быть в хорошей компании. Иметь отношение к организации с хорошей репутацией, успешными кейсами и прочее. И часто... не очень понимают, в чем они могут быть полезны... (Директор благотворительного фонда)

Однако чаще ответы руководителей свидетельствуют о довольно высокой оценке КО и их членов, но только в качестве ассистентов:

...Помощь в управлении мне нужна, это точно, хотелось бы с кем-то ответственность разделять. (Директор фонда помощи животным)

Консультации совета очень нужны, мы их ценим, но нельзя просто нам принести и навязывать то, как они у себя бизнес ведут. (Директор фонда помощи больным детям)

Представления опрошенных членов КО о своей роли не контрастируют с представлениями менеджмента. Интервьюировались только те члены советов, которые, по их собственным оценкам, довольно глубоко вовлечены в дела организаций. Однако и они воспринимают себя главным образом в качестве помощников НКО и ее руководителя, а не субъектов целеполагания и контроля.

[Задача совета] использовать свой авторитет, свои связи, свои коммуникативные навыки для того, чтобы помогать организации так или иначе. Может там какие-то свои мозги, что-то такое. (Член совета фонда помощи детям)

Попечительский совет — он только наблюдательный. И он состоит из разных людей, которые открывают двери. (Член совета благотворительного фонда)

Способность организаций относительно успешно функционировать при отсутствии адекватного представительства принципалов отчасти объяснима в контексте теории добросовестного служения. Интервью дают представление об энтузиазме многих руководителей НКО.

Я жизнь за свою НКО отдам, у меня у самой ребенок с таким заболеванием, я сама через все прошла... Готова служить верой и правдой. (Директор фонда помощи детям)

Невыносимо видеть страдания детей и их родителей, поэтому я здесь. (Директор фонда помощи детям с заболеваниями)

Подобную меру преданности организации вряд ли можно найти в коммерческом секторе. Не обнаруживается она и в ответах членов КО. Это, разумеется, следует иметь в виду, оценивая плюсы и минусы формирования более сбалансированных принципал-агентских отношений. Однако, судя по материалам опроса, для отечественных НКО характерна не столько модификация принципал-агентских отношений, объясняемая теорией добросовестного служения, сколько объединение в лице исполнительного директора фигур основного, нередко монопольного,

представителя принципалов и ключевого агента. В принципе, допустимо предположение, что таков результат «естественного отбора» вариантов, обеспечивающий быстрое и высокоэффективное развитие третьего сектора. Если бы это нашло эмпирическое подтверждение, следовало бы констатировать, что реалии нашей страны опровергают принятые в мире теории корпоративного управления НКО. Однако фактические данные о масштабах сектора, темпах его роста и ресурсной обеспеченности, как и данные о доверии к НКО, говорят об острых проблемах, предсказуемых в свете этих теорий.

Кроме того, внимания требуют два момента. Первый из них — опасность «любительщины», связанная с чрезмерной личной окрашенностью решений, что считается одной из потенциально уязвимых черт НКО [Steinberg, 2006]. Эффективное построение корпоративного управления — едва ли не главное средство предотвращения нерациональности такого рода. Второй момент связан с упоминавшейся ранее ситуацией смены поколений, в ходе которой на место энтузиастов — основателей НКО могут приходиться профессионалы, готовые жить по законам рынка. Они особенно конкурентоспособны при замещении позиций руководителей НКО, оказывающих как платные, так и бесплатные для граждан услуги, финансируемые государством, к чему стал довольно широко допускаться третий сектор. Приход профессионалов уменьшает риски «любительства», зато чреват меньшей самоотверженностью. Следовательно, возрастает значимость роли, которую призваны играть независимые и активные члены КО. Однако пока не видно признаков смены преобладающей модели по мере кадрового обновления сектора. Скорее имеет место ее репликация, объяснимая в свете теории институционального изоморфизма, но в данном случае не оптимальная.

Ожидания руководителей в отношении членов КО имеют наряду с общими чертами нюансы, различить которые помогают упоминавшиеся теории. Существенны грани между помощью менеджменту в выполнении собственно управленческих функций, содействием в финансировании и репутационной поддержкой, которая ассоциируется с «наведением мостов». Выше приводились высказывания, относящиеся преимущественно к первому из трех аспектов поддержки. Они иллюстрировали восприятие членов КО преимущественно как волонтеров-помощников. В опросе это отчетливо проявилось, в том числе, применительно к теме стратегического планирования, ключевая роль в котором должна, согласно теории, принадлежать КО.

В формировании стратегии, особенно долгосрочной, мне помощь нужна. Хорошо, когда несколько человек над стратегией думают. (Президент фонда помощи детям)

Мне, главное, чтобы помогли стратегию выстраивать. Все-таки в совете люди — известные, держат руку на пульсе. (Директор НКО, занимающейся помощью детям)

Хотелось бы, чтобы совет состоял из тех людей, которые способны видеть картину масштабно... и помогать нам формулировать стратегическое видение. (Исполнительный директор НКО, занимающейся помощью подросткам)

Совет очень нужен для упрощения сложных задач, сценарного планирования, поиска новых идей, приоритизации стратегических целей. (Директор благотворительного фонда)

Подобные высказывания побуждают вспомнить не столько о принципал-агентских отношениях, сколько о теории ресурсной зависимости. В них отчетливо звучит запрос на волонтерское предоставление интеллектуальных ресурсов. Судя по материалам интервью, заинтересованность в таких ресурсах типична, но конкретно в отношении стратегического планирования картина не единообразна. Сколько-нибудь существенное вовлечение КО в реализацию этой функции привлекательно лишь для 40 % опрошенных руководителей.

Зато единодушен запрос руководителей на участие КО в привлечении денежных средств. Часть высказываний на этот счет прямолинейны:

Совет попечителей — это люди, которые дают деньги. (Заместитель директора фонда поддержки национальной общины)

Первое, что они могут делать, — это самостоятельно лично участвовать, делать пожертвования. (Директор благотворительного фонда)

Однако преобладает акцентировка, в той или иной мере ассоциирующаяся с ролью КО в «наведении мостов».

...задача по фандрайзингу состоит больше в том, чтобы помочь нам наладить связи с теми людьми и организациями, которые потенциально могут быть нашими партнерами. (Директор фонда поддержки уязвимых групп населения)

Попечительский совет проявляет некую финансовую активность. Это дополнительный доступ к рынку пожертвований. (Исполнительный директор НКО помощи детям)

...я в него [в совет] и зову людей, таких лидеров мнения, ... чтобы они были некоторыми якорями для вхождения туда и других, уже более сильных, предпринимателей... (Директор фонда поддержки предпринимательства)

В данном отношении позиции опрошенных членов КО не отличаются от позиций руководителей.

Основная, мне кажется, ценность от членов совета директоров — сеть контактов, сеть связей, за счет которых можно подтягивать финансирование. (Член совета фонда помощи детям с заболеваниями)

...Если непосредственно деньги не можем принести, то контактами нашего директора просто забрасываем. (Член совета фонда помощи пожилым)

Опрос показал, что участие КО в фандрайзинге особенно ценно для обеспечения базовых условий деятельности НКО, тогда как привлечение средств на кон-

кретные проекты составляет менее сложную задачу, если у организации имеется прочная репутация (таковы НКО, охваченные опросом).

На программную деятельность мы сами деньги найдем. А вот на административную — не всегда так просто. Донору сложно объяснить, почему часть его пожертвования пойдет не больному ребенку, а на зарплату бухгалтера, например. Помощь совета очень нужна в этом вопросе. (Директор фонда помощи семьям)

Проекты яркие, понятные, рассчитаны на помощь благополучателям, на них все деньги хотят давать. А поддерживать рублем НКО, их зарплаты, вообще обывателю не понятно зачем. Тут бы помощь советов очень пригодилась. (Исполнительный директор НКО, занимающейся помощью подросткам)

Хотя о вкладе КО в репутацию организации чаще всего говорилось в связи с фандрайзингом, причем понимаемым преимущественно как установление личного контакта с потенциальными донорами, в ряде ответов подчеркивалось самостоятельное значение имиджа, способного обеспечивать доверие к НКО.

Совет много значит для репутации, для создания и поддержания имиджа организации. Я сама, когда с НКО знакоюсь, прежде всего... смотрю, какие люди входят в совет, насколько известные и влиятельные. (Директор по стратегическому развитию благотворительного фонда)

... Человек известный, уважаемый... может быть лицом фонда ... Может рассказывать об этой работе, ... вынося эту информацию на какой-то новый уровень, который недоступен на уровне там руководства и полевых сотрудников фонда. (Директор фонда помощи женщинам)

Итак, даже когда КО не являются полноценными исполнителями роли принципала по отношению к менеджменту, личная репутация членов советов помогает на уровне отдельной организации компенсировать дефицит доверия к НКО как институтам.

Заключение

Опрос, результаты которого представлены выше, показал, что состояние корпоративного управления в российском секторе НКО характеризуется общераспространенностью такого варианта взаимоотношений между оплачиваемым менеджментом и неоплачиваемыми членами советов, в котором вторые скорее ассистируют первым, чем направляют и контролируют их деятельность. Сопоставление с основными теориями, обосновывающими функции корпоративного управления в третьем секторе и подкрепленными зарубежными эмпирическими исследованиями, не позволяет рассматривать такой вариант в качестве оптимального с точки зрения доверия к НКО и их эффективности.

Судя по данным опроса, даже в крупных и известных организациях (а именно они были охвачены исследованием) пока существует запрос скорее на усиление

ассистирующей роли КО, чем на выполнение ими роли полноценных представителей принципалов. Более полное удовлетворение данного запроса позволило бы упрочить позиции многих конкретных НКО и улучшить их работу. Однако обретение широких перспектив для третьего сектора в целом предполагает становление адекватных его специфике вариантов принципал-агентских отношений. Этот процесс, по-видимому, может быть лишь постепенным. Предпосылками сдвигов способны служить, с одной стороны, смена поколений исполнительных руководителей и общее «взросление» сектора, с другой — нарастание вовлеченности членов советов в дела НКО, чему в принципе благоприятствует стремление менеджмента получать более ощутимую помощь. Отслеживание такого рода сдвигов и процессов конвертации эффективного ассистирования во влияние — задача будущих исследований.

Список литературы (References)

Кузьмин А. И. Пособие по формированию и оценке Попечительских Советов НКО. Архангельск: Гарант, 2017.

Kuzmin A. I. (2017) Study Guide on Formation and Evaluation of NGO Trustee Boards. Arkhangelsk: Garant. (In Russ.)

Центр устойчивого развития Псковской области. Сборник материалов по проекту «Попечительские советы как форма общественного участия граждан в решении социальных вопросов сообщества». Псков, 2018.

Center for Sustainable Development of the Pskov Region. (2018) Sourcebook on the Project “Trustee Boards as a Form of Citizen Participation in Addressing Community Social Issues”. Pskov. (In Russ.)

Якобсон Л. И. Экономический образ мысли и законодательство о некоммерческих организациях // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 48—63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-8-48-63>.

Jakobson L. I. (2012) Economic Way of Thought and Legislation on Nonprofit Organizations. Voprosy Ekonomiki. No. 8. P. 48—63. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-8-48-63>. (In Russ.)

Anheier H. K. (2005) Nonprofit Organizations. Theory, Management, Policy. London; New York, NY: Routledge.

Ben-Ner A., Gui B. (2003) The Theory of Nonprofit Organization Revisited. In: Anheier H. K., Ben-Ner A. (eds) *The Study of the Nonprofit Enterprise. Nonprofit and Civil Society Studies (An International Multidisciplinary Series)*. Boston, MA: Springer. P. 3—26. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0131-2_1.

Bernstein R., Buse K., Slatten L. A. (2015) Nonprofit Board Performance: Board Members Understanding Their Roles and Responsibilities. *American Journal of Management*. Vol. 15. No. 1. P. 24—35.

Bradshaw P. (2009) A Contingency Approach to Nonprofit Governance. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 20. No. 1. P. 61—81. <https://doi.org/10.1002/nml.241>.

Brown W. A., Guo Ch. (2010) Exploring Key Roles for Nonprofit Boards. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 39. No. 3. P. 536—546. <https://doi.org/10.1177/0899764009334588>.

Caers R., Du Bois C., Jegers M., De Gieter S., Schepers C., Pepermans R. (2006). Principal—Agent Relationships on the Stewardship — Agency Axis. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 17. No. 1. P. 25—47. <https://doi.org/10.1002/nml.129>.

Callen J. L., Klein A., Tinkelman D. (2003) Board Composition, Committies, and Organizational Efficiency: The Case of Nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 32. No. 4. P. 493—520. <https://doi.org/10.1177/0899764003257462>.

Chelliah J., Boersma M., Klettner A. (2016) Governance Challenges for Not-for-Profit Organisations: Empirical Evidence in Support of a Contingency Approach. *Contemporary Management Research*. Vol. 12. No. 1. P. 3—24. <https://doi.org/10.7903/cmr.14538>.

Cornforth C., Edwards C. (1999) Board Roles in the Strategic Management of Public Service of nonprofit Organizations: Theory and Practice. *Corporate Governance: an International Review*. Vol. 7. No. 4. P. 346—362. <https://doi.org/10.1111/1467-8683.00165>.

Cornforth C. (2003). Conclusion: Contextualizing and Managing the Paradoxes of Governance. In: C. Cornforth. *The Governance of Public and Non-profit Organizations*. London: Routledge.

Ferkins L., Shilbury D. (2012) Good Boards Are Strategic: What Does That Mean for Sport Governance? *Journal of Sports Management*. Vol. 26. No. 1. P. 67—80. <https://doi.org/10.1123/jsm.26.1.67>.

Fligstein N., Freeland R. (1995) Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization. *Annual Review of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 21—43. <https://doi.org/10.1146/annurev.so.21.080195.000321>.

Freiwirth J. (2013) Community-Engagement Governance™: Engaging stakeholders for community impact. In: Cornforth C., Brown W. A. (eds.) *Nonprofit governance: innovative perspectives and approaches*. London: Routledge. P. 199—225 <https://doi.org/10.4324/9780203767115-22>.

Getting Ready for the Fallout (2020) URL: <https://www.ivar.org.uk/wp-content/uploads/2020/04/Briefing-3-Getting-ready-for-the-fallout-IVAR-April-2020-1.pdf> (accessed: 19.12.2021).

Hansmann H. (1980) The Role of Nonprofit Enterprise. *Yale Law Journal*. Vol. 8. No. 5. P. 835—898. <https://doi.org/10.2307/796089>.

Herman R. D., Renz D. O. (2000) Board Practices of Especially Effective and Less Effective Local Nonprofit Organizations. *The American Review of Public Administration*. Vol. 30. No. 2. P. 146—160. <https://doi.org/10.1177/02750740022064605>.

Jakobson L. I., Sanovich S. (2010) The Changing Models of the Russian Third Sector: Import Substitution Phase. *Journal of Civil Society*. Vol. 6. No. 3. P. 279—300. <https://doi.org/10.1080/17448689.2010.528951>.

Miller J. L. (2002) The Board as a Monitor of Organizational Activity: The applicability of Agency Theory to Nonprofit Boards. *Nonprofit Management and Leadership*. Vol. 12. No. 4. P. 429—450. <https://doi.org/10.1002/nml.12407>.

Miller-Millesen J.L. (2003) Understanding the Behavior of Nonprofit Boards of Directors: A Theory-Based Approach. *Nonprofit and Voluntary sector Quarterly*. Vol.32. No. 4. P. 521—547. <https://doi.org/10.1177/0899764003257463>.

Newton K. (2001) Social Capital and Democracy. In: B. Edwards, M. Foley & M. Diani (eds.) *Beyond Tocqueville: Civil Society and the Social Capital Debate in Comparative Perspective*. Medford, MA: Tufts University Press. P. 3—24.

OECD (2015) G20/OECD Principles of Corporate Governance. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264236882-en>.

Ostrower F., Stone M. M. (2006). Governance: Research trends, gaps, and future prospects. In: Powell W. W., Steinberg R. (eds.) *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. New Haven & London: Yale University Press. P. 612—618.

Renz D. O. (2010). Conclusion: The Future of Nonprofit Leadership and Management. In: D. O. Renz Herman R. D. (eds.) *The Jossey-Bass Handbook of Nonprofit Leadership and Management*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. P. 794—804.

Salamon L. M., Benevolenski V., Jakobson L. I. (2015) Penetrating the Dual Realities of Government — Nonprofit Relations in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 26. No. 6. P. 2178—2214. <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9652-5>.

Steinberg R. (2006) Economic Theories of Nonprofit Organizations. In: W. W. Powell and R. Steinberg (eds.) *The Nonprofit Sector: A Research Handbook*. Yale University Press. P. 117—139.

Stone M. M., Ostrower F. (2007) Acting in the Public Interest? Another look at Governance Research in Nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 36. No. 3. P. 416—438. <https://doi.org/10.1177/0899764006296049>.

Van Puyvelde S., Caers R., Du Bois C., Jegers M. (2012) The Governance of Nonprofit Organizations: Integrating Agency Theory with Stakeholder and Stewardship Theories. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 41. No. 3. P. 431—451. <https://doi.org/10.1177/0899764011409757>.

Weisbrod B. (1975) Toward a Theory of The Voluntary Nonprofit Sector in a Three-Sector Economy. In: Phelps E. (ed.) *Altruism, Morality, and Economic Theory*. New York, NY: Sage.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1883](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883)

К. С. Григорьева

ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЗОРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Исследования надзора: основные направления и теоретические подходы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 477—505. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2021) Surveillance Research: Main Areas and Theoretical Approaches. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 477–505. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883>. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЗОРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

SURVEILLANCE RESEARCH: MAIN AREAS AND THEORETICAL APPROACHES

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — старший научный сотрудник, кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениаgригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow
E-MAIL: kсениаgригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В последние годы в российских средствах массовой информации и общественно-политическом дискурсе все чаще звучат опасения слежки со стороны государства и бизнес-корпораций. Опросы общественного мнения показывают растущую обеспокоенность населения недостаточной защитой персональных данных. Однако научная разработка этих проблем в России находится в зачаточном состоянии, а многочисленные зарубежные исследования надзора остаются малоизвестными. Данная статья призвана ознакомить русскоязычную аудиторию с иностранной научной литературой о надзоре, стимулировать развитие российских исследований в этой области. Приводится краткая история изучения слежки, прослеживается его институционализация (создание специализированных научных центров, академических сетей и журналов), дается обзор основных исследовательских направлений в указанной сфере (изучение государственного и коммерческого надзора, частно-государственного партнерства в области слежки, наблюдения работодателей за работниками, контрнаблюдения или надзора «снизу», слежки частных лиц друг за другом), рассматриваются ключевые теоретические подходы (паноптическая модель М. Фуко, концепция К. Д. Хаггерти

Abstract. In recent years, fears of surveillance by the state and business corporations have been growing louder in the Russian media and public and political discourse. Opinion polls show a growing public concern about the lack of personal data protection. However, the scientific development of these problems is in its infancy in Russia, and numerous foreign surveillance studies remain almost unknown. This article seeks to familiarize the Russian-speaking audience with foreign scientific literature on surveillance, to stimulate the development of Russian research in this area. A brief history of the surveillance research in the West and an overview of the main research areas in this field are given, and key theoretical approaches are considered.

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

и Р. В. Эриксона, акторно-сетевой подход, развиваемый Д. М. Вудом и К. Болл, концепция «социальной сортировки» Д. Лиона). В заключительной части делаются некоторые прогнозы относительно дальнейшего развития исследований надзора.

Ключевые слова: исследования надзора, конфиденциальность, социальная сортировка, надзорный капитализм, паноптическая модель, пост-фукотианские концепции

Keywords: surveillance research, confidentiality, social sorting, surveillance capitalism, panoptic model, post-Foucauldian concepts

Введение

В последнее время российские новостные ленты полны панических заголовков о стремительном росте слежки за гражданами. СМИ сообщают о надзоре за передвижением россиян, их доходами, поведением в интернете и соцсетях¹. Граждан предупреждают, что слежка может осуществляться через гаджеты, от смартфонов до «умных» колонок², а ее инициаторами могут выступать как российские, так и зарубежные власти, бизнес-корпорации и другие заинтересованные организации³. Хотя оруэлловские перспективы еще не в полной мере захватили внимание российского общества, недавнее исследование ВЦИОМ показывает, что 70 % россиян разделяют опасения в отношении возможной передачи их персональных данных третьим лицам. Причем 58 % респондентов считают, что это может представлять для них личную угрозу⁴. Подобные опасения нельзя назвать беспочвенными:

¹ См., например: Королев Н. В сложной оперативной обстановке. Пассажиры Москвы будут мониторить по смартфонам. Коммерсантъ. № 192. 2020. 20 октября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4539137?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.02.2021); Шевченко Д. (2020) За россиянами в поездах установят слежку. Deita. 2020. 16 октября. <https://deita.ru/article/484075> (дата обращения: 18.12.2021); Троянова П. «Тотальная слежка»: как государство контролирует доходы россиян? Bankiros. 2020. 07 октября. URL: <https://bankiros.ru/news/totalnaa-slezhka-kak-gosudarstvo-kontroliruet-dohody-rossijan-5877> (дата обращения: 12.02.2021); Пешкова И. Власти создают систему слежки за криптовалютой россиян. Cnews. 2020. 11 августа. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-08-11_vlasti_sozdayut_sistemu_slezhki (дата обращения: 12.02.2021); Черноусов И. Камера сохранения. Instagram обвинили в слежке за людьми. Российская газета. № 164 (8218). 2020. 27 июля. <https://rg.ru/2020/07/27/instagram-obvinili-v-slezhke-za-polzovateliami.html> (дата обращения: 12.02.2021).

² См., например: Маркина Е. Всевидящее око — новый способ слежки за россиянами разрабатывают власти. Sakhalinmedia.ru. 2020. 20 октября. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/1011722/> (дата обращения: 14.12.2021); Владимирова А. «Умные» колонки заподозрили в слежке за владельцами. Мойка78. 2020.26 февраля. URL: <https://moika78.ru/news/2020-02-26/371700-umnye-kolonki-zapodozrili-v-slezhke-za-vladeltsami/> (дата обращения: 14.12.2021); Цой Е. Жучок в смартфоне: инженеры доказали факт тотальной слежки за россиянами. Deita.ru — Новости России и Дальнего Востока. 2019. 6 ноября. URL: <https://deita.ru/article/464443> (дата обращения: 14.12.2021).

³ См., например: Кузнецов П. Силовики отслеживают передвижения россиян через мобильную связь. Блокнот. 2021. 04 февраля. URL: <https://bloknot.ru/obshhestvo/siloviki-otsledyat-peredvizheniya-rossijan-cherez-mobilnyuyu-svyaz-741533.html> (дата обращения: 14.12.2021); Филиппов В. «Тотальная слежка»: Facebook угрожает конфиденциальности россиян. Информационный портал New Inform. 2020. 21 ноября. URL: <https://newinform.com/259602-totalnaya-slezhka-facebook-ugrozaet-konfidentialnosti-rossijan> (дата обращения: 14.12.2021).

⁴ ВЦИОМ. Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться. 2020. 1 декабря. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nej-borotsja> (дата обращения: 14.12.2021).

надзорные технологии в России быстро развиваются, а правительство последовательно демонстрирует стремление установить контроль над цифровой сферой. Первым шагом к этому было введение в 1998 г. известной системы СОПМ⁵, третья модификация которой, внедренная в 2014 г., позволяет собирать информацию со всех средств связи и предполагает долгосрочное хранение абонентских данных. Так называемый закон Ирины Яровой, принятый в 2016 г., продолжает движение в том же направлении, устанавливая обязанность операторов связи хранить весь трафик (включая звонки и сообщения) в течение шести месяцев, а относящиеся к нему метаданные — три года. Внедряемый с 2015 г. во всех российских регионах программно-аппаратный комплекс «Безопасный город» нацелен, в том числе, на создание разветвленной системы видеонаблюдения и видеофиксации. В рамках реализации данного проекта только в Москве установлено и функционирует более 175000 камер видеонаблюдения⁶. Пандемия COVID-19 дала новый импульс развитию надзора за населением. Как следует из доклада «Пандемия слежки», подготовленного правозащитной организацией «Агора», в период коронакризиса в России было применено по меньшей мере шесть технологий получения сведений о частной жизни граждан: централизованный сбор информации о лицах, прибывающих в страну, регион или населенный пункт; система цифровых или аналоговых пропусков, позволяющих дифференцировать граждан по объему прав на передвижение; видеонаблюдение с функцией распознавания лиц; отслеживание местонахождения по геолокационным данным, передаваемым мобильными устройствами и следящими приложениями; делегирование полицейских функций частным субъектам и представителям непрофильных ведомств⁷.

Несмотря на очевидную актуализацию проблем надзора, до настоящего времени они практически не привлекали внимания российских ученых. Несколько разрозненных публикаций, посвященных наблюдению в учебных заведениях [Волкова, 2019], на работе [Иншаков, 2020; Королев, 2011], надзору как средству социального контроля [Дудина, 2018; Волочаева, 2014] и обеспечения безопасности [Гуринская, 2014], составляют редкое исключение. Отдельные статьи русскоязычных исследователей, работающих за рубежом, довершают эту крайне фрагментарную картину [Gabdulhakov, 2018; Lokot, 2018; Ermoshina, Musiani, 2017].

Обширная иностранная научная литература о надзоре остается почти неизвестной в России. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

1. Зарождение и развитие исследований надзора.

Слежка и вопросы конфиденциальности.

Изучение надзора — сравнительно новая междисциплинарная область исследований, зародившаяся в середине XX столетия в англоязычной научной среде. Первые эмпирические работы, в которых анализировалось использование над-

⁵ Система технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий.

⁶ Правительство города Москвы. О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 г. и задачах на 2020 г. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/237781220/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁷ Агора (2020) Пандемия слежки. URL: <https://spy.runet.report/> (дата обращения: 12.02.2021).

зорных технологий, появились уже в начале 1950-х годов [Westin, 1952], однако понадобилось около тридцати лет, чтобы эта тема привлекла внимание большого числа ученых и приобрела самостоятельное значение.

Один из пионеров изучения надзора, американский исследователь Алан Ф. Уэстин, отмечает [Westin, 2003], что первоначально в центре общественных и научных дебатов о слежке находились проблемы конфиденциальности. Он выделяет три этапа развития таких дебатов, сопровождавшихся попытками законодательного регулирования негативного воздействия новых технологий на частную жизнь. Первый этап — это бурная эпоха 1960—1970-х годов, отмеченная борьбой за гражданские права, многочисленными движениями социального протеста, сексуальной революцией и Уотергейтским скандалом. В это время беспокойство по поводу неприкосновенности частной жизни стало быстро расти, способствуя ее превращению из периферийной проблемы в одну из важных тем, стоящих на повестке дня на Западе. Дискурс об угрозе конфиденциальности начал распространяться в средствах массовой информации, вызвав серьезную общественную озабоченность, что побудило США и некоторые европейские страны создать специальные правительственные комиссии по разработке новых стандартов защиты персональных данных⁸.

Второй этап — 1980-е годы — в политическом плане был гораздо более спокойным, чем предыдущее и последующее десятилетие, что позволило А. Ф. Уэстину охарактеризовать его как «относительное затишье перед бурей» [Westin, 2003: 441]. С технологической точки зрения восьмидесятые представляли собой период постепенного повышения производительности компьютеров и телекоммуникационных технологий, которые, впрочем, еще неспособны были кардинально изменить баланс между контролем и конфиденциальностью. В научной сфере в это время наблюдался быстрый рост исследовательского интереса к проблемам надзора и неприкосновенности частной жизни. Гэри Т. Маркс и Гленн У. Мушерт, проанализировавшие статистику использования понятий «надзор» и «конфиденциальность» в академических публикациях с 1950-х по 2000-е годы пришли к выводу, что восьмидесятые можно рассматривать как отправную точку исследовательского бума в области наблюдения [Marx, Muschert, 2007: 376].

Наконец, третий этап — 1990—2000-е годы — это период, когда проблемы надзора и конфиденциальности вышли на первый план в политической повестке дня в США, приобрели глобальные масштабы и были затронуты последствиями теракта 11 сентября. Данный период характеризуется экспоненциальным ростом надзора, вызванным стремительным развитием технологий, широким внедрением беспроводной связи⁹, повсеместным распространением интернета, сопровождающимся рутинизацией операций, совершаемых в сети с высоким уровнем самораскрытия. Немалую роль сыграла и разработка программного обеспечения для интеллектуального анализа больших данных, а также возрастающая конвергенция и автоматизация государственных систем административного учета.

⁸ Подробнее о возникновении, развитии и современном функционировании национальных режимов защиты данных см. [Flaherty, 1988; Cate, Dempsey 2017].

⁹ Подробное исследование развития надзорных технологий, связанных с беспроводной (мобильной) связью, см. [Wicker, 2014].

Развитие новых технологий повлекло за собой возникновение персонального таргетированного маркетинга, пришедшего на смену массовому маркетингу индустриальной эпохи, и разработку масштабных высокотехнологичных программ государственной слежки, таких как RAMPART-A, Stellar Wind и другие.

Активная деятельность бизнеса и государства, связанная со сбором и использованием личной информации граждан в масштабах, которые ранее было сложно даже представить, вызвала серьезное беспокойство со стороны защитников гражданских свобод, журналистов, значительной части аналитиков и широкой общественности. Многочисленные¹⁰ опросы общественного мнения 1990-х годов демонстрировали, что озабоченность населения вопросами конфиденциальности неуклонно возрастает, особенно в США. В 1999 г. опрос, проведенный Louis Harris & Associates, показал, что 94 % американцев опасались возможного неправомерного использования персональной информации, причем 77 % опрошенных были «очень обеспокоены» подобной перспективой [Louis Harris & Associates, 1999]. Эти тревоги не остались незамеченными политическими игроками, немедленно включившими положения о защите избирателей от неправомерной слежки в свои программы. Пиком указанной тенденции стала предвыборная кампания 2000 г. в США, в ходе которой оба кандидата в президенты — Эл Гор и Джордж Буш-младший — объявили о необходимости повышения стандартов защиты данных пользователей интернета, а также медицинской и финансовой конфиденциальности граждан. Этот широкий общественно-политический консенсус рухнул 11 сентября 2001 г.

Сразу после теракта общественное мнение резко качнулось в сторону утверждения о том, что конфиденциальностью следовало пожертвовать ради обеспечения безопасности. В частности, согласно опросам Harris Interactive, в сентябре 2001 г. 93 % американцев поддерживали расширение полицейской деятельности под прикрытием для проникновения в группы, находящиеся под подозрением; 86 % — одобряло использование технологии распознавания лиц для поиска подозреваемых в терроризме в различных местах и на общественных мероприятиях; 63 % — расширение видеонаблюдения на улицах и в общественных местах, мониторинг интернет-дискуссий в чатах и на других форумах; 54 % — расширение правительственного мониторинга сотовых телефонов и электронной почты для перехвата сообщений [Harris Interactive, 2002]. Несмотря на то, что впоследствии поддержка перечисленных мер несколько снизилась [Harris Interactive, 2002, 2003], приоритет безопасности над неприкосновенностью частной жизни продолжал сохраняться даже после громких разоблачений Эдвардом Сноуденом программ правительственного шпионажа в 2013 г. [Harris Interactive, 2014].

Теракт 11 сентября 2001 г. сопровождался не только резкой сменой общественных настроений, но и взрывным ростом надзора по всему миру. Многие страны поспешили ослабить действующие нормы о защите персональных данных, расширив надзорные полномочия спецслужб и полиции. «Война с терроризмом» способствовала быстрому развитию государственно-частного партнерства в области слежки, приведшему к появлению небывалых возможностей правительств

¹⁰ А. Ф. Уэстин насчитал по меньшей мере 120 релевантных опросов в США в период 1990-х годов [Westin, 2003].

по сбору данных как внутри собственных национальных территорий, так и за их пределами [Burke, 2020; Baird, 2016]. На фоне широкой общественной поддержки жестких мер в борьбе с террористической угрозой были снижены не только стандарты конфиденциальности, но и защита основополагающих прав и свобод. Некоторые правительства привлекли команды высококвалифицированных юристов к разработке правовых обоснований для разнообразных отступлений от принятых национальных и международных норм, защищающих граждан от незаконных обысков, арестов, заключений, жестокого обращения и даже убийства. Подобные стратегии были описаны в научной литературе как «правдоподобная законность» и «легальная незаконность» [Sanders, 2018; Austin, 2015].

2. Оформление исследований надзора в отдельную научную область

Быстрый рост интереса к изучению надзора, начавшийся в восьмидесятые годы, продолжился в девяностые и двухтысячные, подогреваемый все возрастающей актуальностью темы, резким скачком в развитии наблюдения и спровоцированными им глобальными социальными изменениями. В конечном итоге изучение надзора выделилось в отдельное научное направление, институционализация которого сопровождалась созданием тематических исследовательских центров, академических сетей и специализированных журналов. Среди наиболее известных: международная Сеть исследований надзора (Surveillance Studies Network, SSN); немецкая Исследовательская сеть по мониторингу, технологиям и обществу (SurveillanceStudies.org); Центр исследований надзора канадского Королевского университета (Surveillance Studies Centre, SSC); шотландский Центр исследований информации, наблюдения и конфиденциальности (Centre for Research into Information, Surveillance and Privacy, CRISP); американский Научный центр исследований надзора (Surveillance Studies Research Center, SSRC); международный научный журнал «Надзор и общество» (Surveillance & Society).

Несмотря на то, что лидирующие позиции в разработке новой научной области сохранялись за англоязычными учеными, исследования надзора вышли далеко за пределы англоязычного научного мира. Опубликованная в мае 2015 г. карта изучения надзора зафиксировала наличие соответствующих научных проектов в университетах и исследовательских центрах США, Великобритании, Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Греции, Австрии, Венгрии, Польши, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Финляндии, Мексики, Бразилии, Нигерии и ЮАР¹¹.

В настоящее время изучение надзора признается самостоятельной междисциплинарной научной областью. Среди ключевых дисциплин, вносящих наибольший вклад в ее развитие, выделяют социологию, политологию, географию, историю и философию. Кроме того, важное значение имеют информатика и вычислительная техника, позволяющие анализировать развитие новых видов современного надзора; юриспруденция, разъясняющая релевантные правовые вопросы; социальная антропология, дающая инструменты для изучения разнообразных способов наблюдения, а также смежные междисциплинарные области исследования, включая анализ потребительского поведения, глобализации, труда, СМИ, социальных движений и т. д. [Lyon, 2002].

¹¹ См.: Mapping Surveillance Studies. 2015. URL: <https://www.surveillance-studies.net/?p=1122> (accessed: 12.02.2021).

3. Определение границ изучения надзора

Область исследований надзора имеет достаточно диффузные границы, что связано с чрезвычайно (по мнению некоторых авторов избыточно) широким определением самого объекта изучения.

Первые определения были разработаны еще в 1980-е годы. Так, в 1983 г. Джеймс Рул, Дуглас Макадам, Линда Стернс и Дэвид Углоу предложили понимать под надзором «любое систематическое внимание к жизни человека, направленное на оказание на нее влияния» [Rule et al., 1983: 223], отмечая при этом, что надзор неразрывно связан с социальным контролем, осуществляемым организациями над большими группами населения. Пять лет спустя Роджер Кларк определил надзор как «систематическое расследование или мониторинг действий или сообщений одного или нескольких лиц» [Clarke, 1988: 499]. Выделив две основные формы надзора — личный¹² и массовый¹³, Р. Кларк утверждал, что большая часть надзорной деятельности осуществляется сотрудниками правительственных учреждений в целях борьбы с различными социальными пороками, но иногда также для дискредитации, шантажа и принуждения. Энтони Гидденс в своей работе «Последствия современности» охарактеризовал надзор как фундаментальный институциональный атрибут всех типов современных организаций, в том числе национального государства, обеспечивающий последнему монополию на легитимное насилие [Giddens, 1990]. Таким образом, ранние дефиниции надзора акцентировали внимание на деятельности государственных и негосударственных организаций, стремящихся оказать воздействие на поведение отдельных лиц, социальных групп или населения в целом. Предполагалось, что надзор осуществляется «сверху вниз» и неразрывно связан с асимметрией власти. Однако уже в 2000 г. эти положения были поставлены под сомнение. Во влиятельной статье Кэвина Д. Хаггерти и Ричарда В. Эриксона «Наблюдательная сборка», доказывалось, что современный надзор характеризуется выравниванием иерархии наблюдения, в процессе которого высокоресурсные группы, ранее освобожденные от рутинного мониторинга, все чаще подвергаются ему наравне со всеми остальными. Кроме того, по утверждению авторов, акцент на государстве, как особом агенте надзора, и на контрольно-управленческих функциях наблюдения не актуален в современном обществе, где все наблюдают за всеми, а надзор может осуществляться в целях получения экономической выгоды или развлечения [Haggerty, Ericson, 2000]. В своей более поздней работе К. Д. Хаггерти также указывал, что большая часть надзора направлена не на людей, а на нечеловеческие явления, и игнорирование данного факта исследователями представляет собой серьезное упущение [Haggerty, 2006]. Перечисленные тезисы стимулировали дальнейшее расширение дефиниций надзора. В 2009 г. Дэвид Лион охарактеризовал надзор как «повседневную практику, в которой люди регулярно, часто бездумно участвуют» [Lyon, 2009: 450], включив в это понятие такие разнородные действия как наблюдение родителей за детьми, работодателей за работниками, охранников за заключенными, полиции за городскими районами. Еще шесть лет спустя, Гэри

¹² Наблюдение за идентифицированным лицом.

¹³ Слежка за большими группами людей.

Т. Маркс предложил рассматривать надзор просто как «сбор данных». Заявив, что определение надзора как иерархического наблюдения или социального контроля является неадекватным, Г. Т. Маркс призвал признать, что сегодня надзор может носить не только вертикальный, но и горизонтальный характер, иметь самые различные объекты, цели и результаты [Marx, 2015].

В настоящий момент расширительное толкование надзора является доминирующим. В результате исследовательское поле невероятно раздвигается, охватывая любые действия по сбору информации, осуществляемые любыми субъектами (людьми, машинами, машинно-людскими комплексами) в отношении любых объектов (человеческих и нечеловеческих) с любыми целями. Подобная «всеядность» исследований надзора вызывает обоснованные сомнения в адекватности определения границ этой научной области. Один из самых ярких противников такого подхода — австрийский социолог, приверженец критической теории Кристиан Фукс отмечает, что всеобъемлющее определение надзора как простого сбора информации стирает различия между надзирателем в концлагере; мобильным приложением, позволяющим родителям присматривать за спящим малышом; электрокардиограммой или системой обнаружения землетрясений. Такое обобщение, по мнению К. Фукса, аналитически бесполезно и нацелено, главным образом, на искусственное раздувание нового исследовательского направления для накопления академических ресурсов [Fuchs, 2015]. Настаивая на том, что этимологически термин «надзор» имеет негативную коннотацию, подразумевая господство, иерархию и насилие, сам К. Фукс определяет надзор как «социальные отношения между людьми, которые включают в себя дисциплинарную власть и используют инструменты для получения знаний об этих людях с целью принуждения и доминирования» [Fuchs, 2011a: 121].

Принимая во внимание, что негативное определение надзора может быть столь же малопригодным для академического исследования, как и чрезмерно инклюзивное, все же нельзя не согласиться с тезисом К. Фукса о необходимости отказа от искусственного объединения разнородных социальных явлений в одну категорию лишь на том основании, что они связаны со сбором информации. Чрезмерное размывание границ исследований надзора, очевидно, не способствует углублению понимания этого явления, заставляя ученых говорить одновременно о массе несвязанных вещей, перечень которых способен разрастаться до бесконечности.

4. Основные направления исследований надзора

В настоящее время существует множество направлений в области изучения надзора. Можно выделить исследования, посвященные государственному надзору, надзору со стороны частных организаций, частно-государственному партнерству в надзорной сфере, наблюдению за наблюдателями или надзору «снизу». В значительном количестве работ анализируется также надзор работодателей за работниками. Кроме того, сравнительно небольшое число исследований сосредоточено на наблюдении частных лиц друг за другом¹⁴.

¹⁴ Далеко не все работы укладываются в эту категоризацию, не претендующую на то, чтобы быть исчерпывающей. В частности, сложно отнести к той или иной из предложенных категорий публикации, посвященные автоматизации надзора и новым надзорным технологиям, большим данным, юридическим или общетеоретическим вопросам.

4.1. Государственный надзор

Несмотря на объявленную частью ученых неактуальность акцента на правительственной слежке, публикации, посвященные государственному надзору, продолжают составлять значительную долю всех работ в рассматриваемой области. Среди них выделяются исследования, посвященные надзору за обществом в целом [Siqueira Cassiano, 2019; Binder, 2017; Bozzini, 2017; Ogasawara, 2017; Bauman et al., 2014; Topal, 2005], государственной слежке за оппозиционными политиками, партиями и движениями [Fonseca, 2017; Hargreaves, 2017; Nagy, 2017; Pearce, 2015], наблюдению за отдельными социальными группами, считающимися «подозрительными» [Alimahomed-Wilson, 2018; Qurashi, 2018; Monaghan, 2014; Wilson, Weber, 2008], полицейскому надзору и надзору специальных служб [Egbert, Leese, 2020; Fussey, Sandhu, 2020; Bigo, Bonelli, 2019; Stan, Zulean, 2018; Shan, McQuade, 2017], надзору в области здравоохранения, образования и социального обеспечения [Liu, Bennett, 2020; Dee, 2013; Maki, 2011; Bryce et al., 2010].

Как правило, исследователи, пишущие о государственном надзоре, разделяют традиционную для этой научной области обеспокоенность угрозой, которую правительственная слежка несет неприкосновенности частной жизни, другим правам и свободам. В работах о государственном надзоре отмечается его скачкообразный рост в современном обществе, международный обмен правительственными надзорными технологиями, усиливающаяся властная асимметрия между управляющими и управляемыми, дискриминация уязвимых социальных групп: этнических, религиозных и расовых меньшинств, бедных, безработных, бездомных и других.

4.2. Коммерческая слежка

Второе большое направление в исследованиях надзора — это изучение коммерческой слежки. Говоря о разработке данного направления, нельзя не упомянуть недавнюю влиятельную работу Шошанны Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» [Zuboff, 2019], обобщившую более ранние тезисы о новых технологиях слежки корпораций за потребителями, сформулированные самой Ш. Зубофф [Zuboff, 2015] и другими авторами [см., например, Degli, Esposti, 2014; Andrejevic 2011; Fuchs, 2011b; Palmås, 2011; Petersen, 2008].

Ш. Зубофф датирует зарождение надзорного капитализма¹⁵ 2001—2002 гг., когда разработчики Google изобрели способ монетизации «информационных отходов», содержащих сведения о поведении пользователей в сети. Эти данные, превращенные в сырье для таргетированной рекламы, привели к быстрому обогащению Google и других компаний, последовавших ее примеру (в первую очередь Facebook и Microsoft). Открытие нового способа получения прибыли перевернуло взаимоотношения интернет-корпораций и сообществ, среди которых они действуют. В погоне за получением все новых и новых данных для более точного прогнозирования действий пользователей, корпорации стали прибегать к поведенческим манипуляциям. Ш. Зубофф рассматривает такие стратегии как новый

¹⁵ Надзорный капитализм — новая форма капитализма, «в одностороннем порядке претендующая на человеческий опыт как на свободное сырье для перевода в поведенческие данные. Хотя некоторые из этих данных применяются для улучшения продукта или услуги, остальные объявляются собственностью поведенческого избытка, вводятся в передовые производственные процессы, известные как „машинный интеллект“, и превращаются в продукты прогнозирования, которые предвосхищают то, что вы будете делать сейчас, скоро и позже». [Zuboff, 2019: 8].

вид власти — «инструментализм», направленный на формирование человеческого поведения в интересах третьих сторон. Характеризуя отношение корпораций к населению как «радикальное безразличие», она подчеркивает, что надзорный капитализм ведет к эрозии социальных контрактов, разрушению социального доверия, монополизации знания и власти в руках узкого круга лиц, обладающих исключительным доступом к большим данным.

Другой часто анализируемый аспект коммерческой слежки — ее влияние на квазиобщественные пространства¹⁶ и эффекты исключения, которые она оказывает на тех, кто не рассматривается как потенциальный потребитель [Posrëch, 2013; Doherty et al., 2008; Saetnan, Lomell, Wiecek, 2004].

4.3. Частно-государственное партнерство в области надзора

Многие исследователи наблюдения указывают на то, что границы между частным и государственным надзором размыты. Это обуславливается широко распространенной «политикой вращающихся дверей», взаимозависимостью и взаимной заинтересованностью тех, кто занимает ключевые позиции в экономическом и политическом поле.

После разоблачений Э. Сноудена стало широко известно о сотрудничестве АНБ с Google и Facebook. Изучение частно-государственных надзорных сетей, иногда именуемых «надзорно-промышленным комплексом», показывает, что подобные партнерства быстро развиваются не только в США, но и в других регионах мира, в частности в ЕС и Китае [Burke, 2020; van der Vlist, 2017; Hou, 2017; Baird, 2016].

В фокусе внимания исследователей, анализирующих частно-государственное партнерство в наблюдательной сфере, находится также совместная деятельность бизнеса и государства в области управления городскими пространствами, неотъемлемым элементом которой являются надзорные технологии (особенно видеонаблюдение). Аналитики подчеркивают сопутствующие такой деятельности процессы джентрификации и изгнания из ранее общедоступных пространств маргинальных групп населения [Osborn, Smith, 2015; Mitchell, Heynen, 2009; Coleman, Sim, 2000; Davis, 1995].

В отдельных работах анализируются совместные усилия бизнес-корпораций и государства, направленные на слежку за политическими и общественными активистами [Depret-Guillaume, 2020; Lubbers, 2015]

4.4. Надзор работодателей за работниками

Еще одна большая тема в исследованиях надзора — это надзор работодателей за работниками. Отмечая, что стремление к контролю над сотрудниками всегда было присуще работодателям, ученые указывают на появление в последние годы беспрецедентных возможностей надзора за осуществлением трудовой деятельности, выходящих далеко за рамки рабочей сферы. В перечень надзорных технологий, активно используемых нынешними работодателями, среди прочего входит отслеживание активности сотрудников в интернете, мониторинг нажатия ими кла-

¹⁶ То есть такие пространства, которые юридически являются частными, но, тем не менее, составляют неотъемлемую часть общественного достояния: торговые центры, спортивные площадки, приватизированные транспортные объекты и т. д.

виш, чтение электронной почты, прослушивание телефонных звонков, просмотр социальных сетей, определение местоположения, видеонаблюдение, психометрическое тестирование и биометрические исследования [Rosenblat, Kneese, Boyd, 2014; Ball, 2010; Introna, 2000]. При этом некоторые недавние разработки идут еще дальше, предлагая линейки специальных датчиков, закрепляемых на теле работника для отслеживания всех его движений, и даже микрочипирование сотрудников [Manokha, 2020].

Попытки установления всеобъемлющего контроля над работниками часто характеризуется как «электронный тейлоризм», ведущий к чрезмерной интенсификации работы, росту стресса, снижению творческого потенциала и мотивации, утрате доверия сотрудников к работодателям. Классическим примером, ярко демонстрирующим перечисленные эффекты, являются колл-центры [Bain, Taylor, 2000].

Чрезмерно инвазивный надзор за сотрудниками нарушает их право на неприкосновенность частной жизни, может порождать дискриминацию при приеме на работу, продвижении по службе, повышении заработной платы и увольнении [Ajunwa, Crawford, Schultz, 2017; Bodie et al., 2016; Ball, 2010]. Чрезвычайное расширение надзора за работниками разрушает границы между работой и личной жизнью, работой и домом [Hook, Noakes, 2019; Hedenus, Backman, 2017]. Эта проблема особенно актуализировалась в последнее время с переводом значительной части сотрудников на удаленную работу вследствие пандемии COVID-19 [Blumenfeld, Anderson, Hooper, 2020].

4.5. Сопротивление слежке, контрнаблюдение и надзор «снизу»

Растущая часть публикаций посвящена сопротивлению надзору, контрнаблюдению или так называемому надзору «снизу» (*sousveillance*).

В работах о сопротивлении надзору подчеркивается необходимость критического взгляда на антиутопические концепции, подразумевающие неизбежность тотального наблюдения правительств и корпораций за населением. Предостерегая от того, чтобы рассматривать людей, находящихся под надзором, как безгласных и бессильных, аналитики, разрабатывающие это направление, демонстрируют, что поднадзорные регулярно прибегают к разнообразным стратегиям обхода наблюдения, нередко весьма успешным [Wood, Thompson, 2018; Sanchez, 2009; Martin, Van Brakel, Bernhard, 2009]. В одной из самых цитируемых публикаций о сопротивлении надзору, «Гвоздь в ботинке», Гэри Т. Маркс описывает 11 методов нейтрализации и подрыва наблюдения, характеризуя подобные стратегии как «динамичный состязательный социальный танец, включающий стратегические ходы и контрдвижения, который следует изучать как процесс конфликтного взаимодействия» [Marx, 2003: 388].

Быстрый скачок в развитии надзорных технологий привел к резкому увеличению возможностей не только государственной и корпоративной слежки, но также наблюдения за группами, обладающими большим объемом политического и экономического капитала: политиками, сотрудниками силовых структур, представителями крупного бизнеса и т. д. Прием переворачивания ролей, предполагающий наблюдение за наблюдателями, в научной литературе получил наименование *sousveillance*, т. е. надзор «снизу» [Mann, Nolan, Wellman, 2003]. Изучение этого вида надзора сосредоточено на практиках разнообразных активистов и НКО,

использующих в своей деятельности технологии наблюдения [Topak, 2019; Tréguer, 2015; Walsh, 2010], сетях контрнаблюдателей [Wilson, Serisier, 2010; Introna, Gibbons, 2009], расширении возможностей, а также потенциальных проблемах, которые несет в себе наблюдение «снизу» [Nunes de Sousa, Cervi, 2017; Meyer, Tanner 2017; Hermida, Hernández-Santaolalla, 2016; Dupont, 2008].

4.6. Наблюдение частных лиц друг за другом

Взаимное наблюдение частных лиц также привлекает внимание ученых. На сегодняшний день разработаны, по крайней мере, три концепции для анализа этого явления: латеральный надзор (lateral surveillance); партисипативный надзор (participatory surveillance) и межличностное наблюдение (interveillance).

Наиболее известна первая концепция, предложенная Марком Андреевичем в 2005 г. Латеральный надзор определяется им как «использование инструментов наблюдения отдельными лицами, а не агентами государственных или частных учреждений, для слежки друг за другом, которая охватывает три основные категории (но не ограничивается ими): романтические партнеры, семья и друзья или знакомые» [Andrejevic 2004: 488]. Данный вид надзора включает в себя несколько уровней мониторинга — от небрежного просмотра открытой информации о новом знакомом в сети до покупки программного обеспечения для мониторинга поведения в интернете, камер наблюдения или даже портативных детекторов лжи. М. Андреевич рассматривает латеральный надзор как результат тиражирования государственного и корпоративного надзора через одноранговые сети мониторинга, в ходе которого методы слежки, ранее доступные только правительству и крупному бизнесу, проникают в частные дома, приглашая всех шпионить за всеми ради «собственного блага». В ряде последующих работ были отдельно проанализированы целенаправленные программы вовлечения населения в повседневную слежку, представляющие собой нечто вроде краудсорсинга полицейских функций [Nguyen, 2019; Larsson, 2016; Tewksbury, 2012].

Вторая, более оптимистичная концепция была предложена Андерсом Альбрехтслундом в 2008 г. Сосредоточившись на изучении взаимного наблюдения пользователей социальных сетей, он назвал его «партисипативным надзором», утверждая, что этот вид надзора представляет собой практики обмена информацией, ведущие к расширению прав и возможностей участников, поддержанию дружеских связей и даже обретению смысла жизни [Albrechtslund, 2008].

Концепция межличностного наблюдения была разработана Андре Дженссоном в 2015 г. и также предназначена для описания повседневного взаимного мониторинга пользователей при помощи сетевых медиатехнологий. Отмечая, что широкое распространение социальных медиа произвело революцию в классической модели надзора «сверху вниз», и что в текущее время подавляющая часть процессов социального мониторинга носит неиерархический и несистематический характер, А. Дженссон предлагает отделить собственно надзор от межличностного наблюдения. Объединение этих явлений может привести к размыванию классического понимания надзора, неверной идентификации и упрощенному пониманию горизонтального социального мониторинга, имеющего важные отличительные особенности в целях, режимах практик и властных отношениях [Jansson, 2015].

4.7. Исследования надзора и расового профилирования

В завершение краткого описания основных направлений исследования надзора следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: несмотря на уже упоминавшуюся тематическую «всеядность» и междисциплинарность данной научной области, она практически никогда не приходит в соприкосновение с изучением расового профилирования¹⁷ (подробный обзор исследований по этой тематике см. [Григорьева, 2019]). Несмотря на то, что расовое профилирование, очевидно, является составной частью объекта надзорных исследований, работы специалистов из двух указанных областей, как правило, не содержат обоюдных ссылок и практически полностью игнорируют друг друга. Вероятно, это объясняется традиционным представлением о том, что изучение расового профилирования принадлежит к сфере исследования правоохранительных органов и системы уголовного правосудия [Engel, Calnon, Bernard, 2004]. Данное убеждение, однако, зачастую приводит к ошибочному рассмотрению расового профилирования как простой дисфункции правоохранительной системы (см., например, [Colman, Gorman, 1982; Twersky-Glasner, 2005; Gatto et al., 2009; Lynch, 2018], которой оно, безусловно, не является. Углубленный анализ показывает, что, по крайней мере, часть практик расового профилирования институционализована, а участие в нем принимают не только силовые структуры, но и «непрофильные» государственные и негосударственные учреждения [Григорьева, 2020].

Чрезмерная сосредоточенность на работе полиции мешает увидеть глубокую интеграцию расового профилирования в более крупные надзорные системы, а традиционное использование аналитиками этнографического наблюдения за работой полицейских и статистических данных о проводимых ими остановках и проверках, рождает практически неразрешимые методологические сложности. Наибольшую известность получила так называемая проблема знаменателя — бесплодные попытки установить, являются ли выявленные процентные соотношения в полицейских остановках и обысках граждан разных рас адекватными ожидаемым или какая-то из групп необоснованно перепредставлена [MVA, Miller, 2000; Walker, 2001; Lamberth, 2004]. Помещение расового профилирования в более широкий контекст исследований надзора, очевидно, позволило бы обогатить теоретические представления и методологические подходы к изучению надзора за расовыми и этническими меньшинствами, дало бы новый импульс развитию этого направления.

Таким образом, если с упоминавшимся выше предложением А. Дженссона о разграничении надзора и межличностного наблюдения стоило бы согласиться, то искусственную границу между исследованиями надзора и расового профилирования следовало бы устранить.

¹⁷ Расовое профилирование — использование правоохранительными органами без объективных и разумных оснований таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований. См.: Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация. № 11 «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов» // Сборник общеполитических рекомендаций ЕКПН. С. 123—152. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата обращения: 18.12.2021).

5. Теоретические подходы к изучению надзора

На теоретическое осмысление надзора огромное воздействие оказали работы Мишеля Фуко. Метафора паноптикона¹⁸, позаимствованная им у Иеремии Бентама, стала доминирующей научной моделью, распространившись в таком количестве публикаций, что некоторые ведущие исследователи надзора сочли это угнетающим [Haggerty, 2006] и чрезмерным [Lyon, 2009]. Как пишет К. Д. Хаггерти «паноптическая модель стала овеществленной, направляя внимание ученых на избранное подмножество атрибутов наблюдения. При этом аналитики исключили или пренебрегли массой других ключевых качеств и процессов надзора, которые выходят за паноптические рамки. В результате паноптическая модель была чрезмерно расширена в областях, где она кажется неподходящей, и важные атрибуты наблюдения, которые не могут быть аккуратно отнесены к категории „паноптических“, были проигнорированы» [Haggerty, 2006: 23]. Среди характеристик современного надзора, не укладывающихся в концепцию М. Фуко, К. Д. Хаггерти называет появление новых целей наблюдения, выходящих за пределы паноптических функций, в частности, потребление и развлечение. Кроме того, хотя паноптическая модель предполагает, что наблюдение осуществляется «сверху вниз» над слабыми низкоресурсными группами, на текущий момент видимость «сильных мира сего» существенно повысилась, как и возможности наблюдения «снизу». Изменение претерпевают также агенты наблюдения и способы надзора: надзирателей, проводящих прямое визуальное наблюдение, все больше вытесняют датчики, спутники, биометрические приборы и т. д. К тому же, в отличие от модели М. Фуко, ключевым элементом которой является осознание индивидом своей видимости, приводящее к развитию самодисциплины, значительная часть сегодняшнего наблюдения осуществляется без ведома поднадзорных, а следовательно, не может быть осмыслена в паноптических терминах. Другие критики концепции М. Фуко добавляют к этому неприменимость замкнутой паноптической модели к анализу надзора, осуществляемого на открытых пространствах (например, на улицах города), а также игнорирование бюрократических досье и баз данных, представляющих собой не менее важную политическую технологию, чем паноптикон [Wood, 2012]. Наконец, провозглашенная Жилем Делёзом смерть «дисциплинарного общества» и рождение «общества контроля» [Deleuse, 1992], наряду с утверждением Зигмунда Баумана о том, что идея дисциплинирования «опасных классов» себя изжила и была заменена стремлением к их изоляции [Bauman, 2000], предполагают непригодность паноптической модели для анализа современных систем наблюдения.

¹⁸ Паноптикон — проект идеальной тюрьмы, разработанный английским философом Иеремией Бентамом в конце XVIII века и предполагающий установление специфического дисциплинарного надзора за заключенными при помощи оригинального архитектурного решения. Паноптикон представлял собой кольцеобразное здание, разделенное на камеры. В его центре должна была находиться смотровая башня. В каждой камере предусматривалось два окна: одно, выходящее внутрь, на башню, и другое — наружу. Через эти окна камеру из башни можно было просматривать насквозь. Камеры были спроектированы таким образом, что заключенные не могли видеть ни друг друга, ни надзирателя, в то время как последний был способен видеть каждого заключенного в любой момент. Осознавая свою постоянную видимость, заключенные предположительно должны были вести себя дисциплинированно, вне зависимости от того, смотрел на них надзиратель в действительности или нет. М. Фуко рассматривал «паноптизм» как новый социальный механизм надзора, благодаря которому возникло дисциплинарное общество. Власть в нем автоматизировалась и лишалась индивидуальности, становясь одновременно видимой и недоступной для проверки, постоянно поддерживая асимметрию, освобождаясь от необходимости прибегать к насильственным мерам, опираясь на вымышленные отношения, в которых поднадзорный фактически дисциплинировал себя сам [Фуко, 1999].

Указывая, что ссылки на паноптикон зачастую являются лишь чем-то вроде клише и не ведут к углублению понимания надзора, некоторые исследователи предлагают выйти за пределы паноптической метафоры. Существует по крайней мере три теоретических подхода, позиционирующих себя как постфукодианские концепции.

5.1. Концепция К. Д. Хаггерти и Р. В. Эриксона

Подход, развиваемый К. Д. Хаггерти и Р. В. Эриксоном, опирается на работы Жюль Делёза и Феликса Гваттари, используя введенное ими понятие сборки (ассамбляжа), метафоры ризомы, корней и побегов [Deleuze, Guattari, 1980]. Утверждая, что в современном мире происходит интеграция ранее не связанных между собой наблюдательных систем, К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон доказывают, что сегодня можно говорить о становлении наблюдательной совокупности (сборки), переживающей процесс выравнивания иерархии, в ходе которого влиятельные группы подлежат надзору наравне с другими. Понятия «сборка» и «ризома»¹⁹ используются для того, чтобы децентрализовать концепцию надзора, ранее сосредоточенную на особой роли государственных структур как главных источников наблюдения. Рассматриваемый с такого ракурса надзор распадается на бесконечное множество разнородных субъектов наблюдения, объединяемых только тем, что они работают в одном направлении. Эта разнородность препятствует осуществлению традиционных политических стратегий, направленных на ограничение роста слежки. Многочисленные связи между мириадами технологий и практик наблюдения, — подчеркивают К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон, делают борьбу с конкретными особенно неприятными видами надзора похожей на «попытки удержать океанский прилив с помощью метлы, в то время как общая волна слежки захлестывает всех» [Haggerty, Ericson, 2000: 609].

Целостность в концепции К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксона теряют и тела наблюдаемых, в которых надзиратели видят совокупность, состоящую из массы элементов, подлежащих изучению. В ходе наблюдения осуществляется визуализация процессов, связанных с телом, но выходящих за пределы обычного восприятия (примером могут служить фитнес-трекеры, измеряющие давление, пульс, количество потребленных калорий, качество сна и т. д.). Потоки информации, исходящие из тела или циркулирующие внутри него, разбиваются на отдельные части, каталогизируются и внимательно анализируются. В конечном итоге тело преобразуется в чистую информацию, с которой можно производить разнообразные манипуляции в специализированных вычислительных центрах (таких как статистические учреждения, полицейские участки, финансовые организации, военные штабы) с целью разработки эффективных стратегий управления, торговли или контроля. Преобразованное в информацию тело превращается в «двойника данных», якобы отсылающего к конкретному индивиду, но на самом деле выходящего далеко за рамки простой репрезентации. Дифференцируясь в зависимости от своей полезности, «двойники данных» позволяют институтам проводить различия между популяциями. При этом большинство усилий наблюдателей, по мне-

¹⁹ Корневище, из которого подобно сорнякам произрастают все новые и новые практики наблюдения.

нию К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксона, обусловлено коммерческими императивами, а дисциплинарная направленность надзора, подчеркиваемая М. Фуко, в настоящее время оказывается вытеснена стремлением к управлению потребительским поведением. Перестает быть актуальным и утверждение об иерархизированной природе надзора, поскольку все современные институты подвергают своих членов бюрократическому наблюдению. И если низшие классы могут чаще находиться под надзором учреждений, оказывающих социальную помощь или осуществляющих уголовное правосудие, средний и высший классы так же интенсивно отслеживаются организациями, в контакт с которыми они вступают. Вообще, интенсивность надзора зависит от частоты взаимодействия с организациями: чем она больше, тем надзор сильнее. В совокупности все это приводит к явлению, которое К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон называют «исчезновением исчезновения», имея в виду, что индивидам становится все сложнее сохранять анонимность и избегать контроля со стороны социальных институтов.

5.2. Акторно-сетевой подход

Альтернативный подход к осмыслению надзора выдвинул Дэвидом Мураками Вудом и Кирсти Болл, которые предложили использовать акторно-сетевую теорию, разработанную Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и Джоном Ло. В рамках данной теории социальный мир рассматривается как переплетение человеческих и нечеловеческих акторов [Латур, 2014], что позволяет взглянуть на машинные и технологические комплексы, с помощью которых осуществляется наблюдение, как на отдельные действующие лица со своей собственной логикой функционирования. По словам Д. М. Вуда акторно-сетевая теория — наиболее подходящий теоретический инструмент для переосмысления сердцевины фукодианского подхода: его понимания власти. Отнимая у власти значение заданного (предварительного) условия и характеристику чего-то исключительно «человеческого», приверженцы акторно-сетевой теории рассматривают существующие властные отношения как результат сложных взаимодействий между человеком и нечеловеком [Wood, 2012].

Путешествуя, совершая покупки, получая услуги, люди вынуждены подчиняться технологиям наблюдения, — замечает К. Болл. Это подчинение отражает властные отношения и совпадает с социальными ролями, исполняемыми людьми: потребителей, служащих, граждан, членов социальных и семейных групп. Наблюдательный процесс, участниками которого являются люди и технологии, по мнению К. Болл, можно разбить на четыре связанных элемента: репрезентацию, смысл, манипуляцию и посредничество. Первый элемент подразумевает, что надзорные технологии обладают способностью «репрезентировать» поднадзорных (например, записывая их на камеру или «извлекая» из них необходимые данные). Однако, репрезентации, производимые технологиями, лишены содержания до тех пор, пока социальные акторы не придадут им определенный смысл (второй элемент). Социальную природу имеют также манипуляции с технологиями наблюдения и полученными данными (третий элемент), нацеленные на построение связной и выгодной для своего создателя версии о том, зачем используется наблюдение и что «на самом деле» делают поднадзорные. Причем версии наблюдателей и наблюдаемых могут

радикально расходятся. Кроме того, в ходе осуществления надзора большое значение приобретает посредничество (четвертый элемент). К. Болл характеризует его как «социально-технический процесс, который связывает (или разъединяет) отдельных акторов или институты» [Ball, 2002: 584]. Посредниками могут выступать участвующие в надзоре люди, организации, вещи (к примеру, следящие устройства), и, в более широком смысле, любые объекты, которые помогают наладить необходимые связи (в т. ч. СМИ, пропагандирующие или оспаривающие необходимость расширения надзора; финансовые потоки; общепринятые представления). В результате установления этих связей люди, организации и технологии начинают действовать согласованно, осуществляя наблюдение во имя необходимости, защиты, получения новых знаний или прибыли. Рассмотрение надзора как согласованного, но изменчивого процесса, протекающего в техно-социальных сетях, утверждает К. Болл, позволяет отойти от паноптических и техноцентрических концепций, сосредоточившись на более прикладных структурах, анализ которых необходим для понимания функционирования и расширения наблюдения [Ball, 2002].

5.3. Надзор как социальная сортировка

Еще один теоретический подход предложен Дэвидом Лионом, рассматривающим надзор как социальную сортировку. Его ключевой тезис состоит в том, что обычно надзор ведется не за всем населением в целом, как часто предполагают последователи фукодианской концепции, а за отдельными «целевыми» лицами и группами. В современном мире, — пишет Д. Лион, — где классификация приобрела решающее значение в самых разных сферах от медицины до военного дела, свое идеальное воплощение она нашла в компьютерных технологиях. Высокотехнологичный надзор, применяющийся как в области маркетинга, так и в сфере обеспечения безопасности, позволяет выявлять и изолировать те категории населения, которые представляют интерес для соответствующих организаций. Собирая данные о потребителях, маркетологи получают возможность планировать и таргетировать свои рекламные кампании с возрастающей точностью. Представители силовых структур используют профилирование в надежде выявить людей и группы «склонные» к преступному поведению, чтобы установить за ними слежку и предотвратить противоправную деятельность. Эти ориентированные на будущее стратегии, как подчеркивает Д. Лион, контрастируют с более традиционными реактивными видами маркетинга и обеспечения безопасности. Несмотря на то, что сортировка является древней и, возможно, неизбежной человеческой деятельностью, сегодня она превращается в рутину, приобретает систематический и автоматизированный характер. Но чем больше новых технологий будет задействовано, тем менее прозрачными для общества будут становиться критерии сортировки. Таким образом, — подытоживает Д. Лион, — основные опасения, связанные с автоматизированным надзором, заключаются в том, что с помощью относительно непрозрачных средств организации выносят вердикты, напрямую влияющие на жизнь тех, чьи данные они обрабатывают. Подобная деятельность может порождать новые формы исключения и способствовать углублению социального неравенства [Lyon, 2009].

5.4. Грядет ли смена парадигмы?

Несмотря на призывы к смене парадигмы в изучении надзора, паноптическая модель М. Фуко продолжает доминировать, а перечисленные постфукодианские концепции, как и более крупные теоретические подходы, применяющиеся в некоторых работах (в т. ч. неомарксизм, структуралистский конструктивизм Пьера Бурдьё, гиперреализм Жана Бодрийяра и другие) остаются значительно менее востребованными. Вероятно, в ближайшее время ни одна из представленных концепций не сможет поколебать лидерство М. Фуко. Наиболее рациональной здесь представляется позиция К. Д. Хаггерти, поставившего под сомнение необходимость и желательность разработки очередной модели для всеобъемлющего анализа надзора, поскольку это явление слишком многогранно, чтобы те или иные утверждения о нем могли быть признаны верными во всех или даже в большинстве случаев [Haggerty, 2006]. Гораздо более продуктивным был бы отказ от создания общей теории надзора и рассмотрение его как объекта исследования, который необходимо анализировать с учетом конкретного исторического и географического контекста при помощи самых разнообразных теоретических и методологических инструментов.

Выводы

На сегодняшний день изучение надзора представляет собой обширную междисциплинарную научную область, имеющую развитую инфраструктуру исследовательских центров и внушительные академические сети. Несмотря на то, что ключевые позиции в данной области сохраняют за собой англоязычные ученые, исследования надзора давно вышли за пределы англоязычного научного сообщества. Десятки исследовательских проектов, посвященных слежке, осуществляются в самых разных странах мира. Стремительное развитие технологий наблюдения, их быстрое распространение и мощное воздействие, которое они оказывают на социальные отношения, позволяет предположить, что в дальнейшем актуальность исследований надзора будет только расти.

Несмотря на почти семидесятилетнюю историю изучения надзора, до настоящего времени не выработано его консенсусного определения. На данный момент доминируют чрезмерно инклюзивные дефиниции, расширяющие надзор до необозримых пределов. Вместе с тем, такое направление, как изучение расового профилирования, которое, казалось бы, должно составлять органическую часть исследований надзора, искусственно вынесено за границу этой научной области.

В теоретическом осмыслении надзора продолжает доминировать паноптическая модель М. Фуко, хотя в последнее время нарастают критические голоса и раздаются все более настойчивые призывы выйти за ее пределы. Можно предположить, что будущее не за созданием новой общей теории надзора, а за тщательным исследованием его разнообразных форм при помощи различных концепций и методологических инструментов.

Список литературы (References)

Волкова С. В. Современные дисциплинарные техники в образовании: проблемы и перспективы // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1. С. 6—18. URL: <http://pce.syktso.ru/publ.aspx?id=73> (дата обращения: 18.12.2021).

Volkova S. V. (2019) Modern Disciplinary Techniques in Education: Problems and Prospects. *Human. Culture. Education*. No. 1. P. 6—18. URL: <http://pce.syktso.ru/publ.aspx?id=73> (accessed: 18.12.2021).

Волочаева О. Ф. Массовое наблюдение как неотъемлемая часть развития информационного общества // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 13. С. 69—75.

Volochaeva O. F. (2014) Mass Surveillance as an Integral Part of the Development of the Information Society. *New Word in Science and Practice: Hypotheses and Approbation of Research Results*. No. 13. P. 69—75.

Григорьева К. С. Расовое профилирование. История и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Grigoryeva K. S. (2019) Racial Profiling: The History and Current State of Research. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Григорьева К. Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // The Journal of Social Policy Studies. 2020. Т. 18. № 2. С. 299—312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>.

Grigor'eva K. (2020) Racial Discrimination in Policing: Dysfunction in the Law Enforcement System or a Social Institution? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 299—312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>.

Гуринская А. Л. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2. С. 86—93.

Gurinskaya A. L. (2014) Surveillance as a Security Measure: from Prison to Cyberspace. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 2. P. 86—93.

Дудина В. И. От паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 17—26. <https://doi.org/10.31857/S013216250002782-3>.

Dudina V. I. From Panopticon to Panspectron: Digital Data and Transformation of Surveillance Regimes. *Sociological Studies*. No. 11. P. 17—26. <https://doi.org/10.31857/S013216250002782-3>.

Иншаков И. А. Дисциплинарная и биополитическая власть как практики управления трудом в современных российских компаниях сектора нематериального производства // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 89—119. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-89-119>.

Inshakov I. A. (2020) Disciplinary and Biopolitical Power as Practices of Labor Management in Contemporary Russian Companies of Immaterial Production. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1. P. 89—119. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-89-119>.

Королев С. А. Постсоветская фирма как микросоциум власти // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 69—84. URL: http://rossovmir.ru/files/3_2011.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

Korolev S. A. (2011) Post-Soviet Firm as a Microsociety of Power. *Russia and the Contemporary World*. No. 3. P. 69—84. URL: http://rossovmir.ru/files/3_2011.pdf (accessed: 18.12.2021).

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. Latour B. (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE University Publishing House.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

Foucault M. (1999) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*/ ed. by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem.

Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. (2017) Limitless Worker Surveillance. *California Law Review*. Vol. 105. No. 3. P. 735—776.

Albrechtslund A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. *First Monday*. Vol. 13. No. 3. <https://doi.org/10.5210/fm.v13i3.2142>.

Alimahomed-Wilson S. (2018) When the FBI Knocks: Racialized State Surveillance of Muslims. *Critical Sociology*. Vol. 45. No. 6. P. 871—887. <https://doi.org/10.1177/0896920517750742>.

Andrejevic M. (2004) The Work of Watching One Another: Lateral Surveillance, Risk, and Governance. *Surveillance & Society*. Vol. 2. No. 4. P. 479—497. <https://doi.org/10.24908/ss.v2i4.3359>.

Andrejevic M. (2011). Surveillance and Alienation in the Online Economy. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 278—287. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4164>.

Austin L. M. (2015) Lawful Illegality: What Snowden Has Taught us About the Legal Infrastructure of the Surveillance State. *SSRN Electronic Journal*. (April 2014). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2524653>.

Bain P., Taylor P. (2000) Entrapped by the 'Electronic Panopticon'? Worker Resistance in the Call Centre. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 15. No. 1. P. 2—18. <https://doi.org/10.1111/1468-005x.00061>.

Baird T. (2016) Surveillance Design Communities in Europe: A Network Analysis. *Surveillance & Society*. Vol. 14. № 1. P. 34—58. <https://doi.org/10.24908/ss.v14i1.5622>.

Ball K. (2002) Elements of Surveillance: A New Framework and Future Direction. *Information, Communication and Society*. Vol. 5. No. 4. P. 573—590. <https://doi.org/10.1080/13691180208538807>.

Ball K. (2010) Workplace Surveillance: An Overview. *Labor History*. Vol. 51. No. 1. P. 87—106. <https://doi.org/10.1080/00236561003654776>.

Bauman Z. (2000) Social Issues of Law and Order. *The British Journal of Criminology*. Vol. 40. No. 2. P. 205—221. URL: <https://www.jstor.org/stable/23638474?refreqid=excelsior%3A8abc041ef357895344ee15545947736a> (accessed:19.12.2021).

- Bauman Z., Bigo D., Esteves P., Guild E., Jabri V., Lyon D., Walker R. B. J. (2014) After Snowden: Rethinking the Impact of Surveillance. *International Political Sociology*. Vol. 8. No. 2. P. 121—144. <https://doi.org/10.1111/ips.12048>.
- Bigo D., Bonelli L. (2019) “Nous ne sommes pas un Big Brother!”. *Cultures & Conflits*. No. 114—115. P. 199—226. <https://doi.org/10.4000/conflits.21180>.
- Binder C. (2017) Metternich 2.0.? Surveillance and Panopticism as Modes of Authoritarian Governmentality in Austria. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 397—403. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6650>.
- Blumenfeld S., Anderson G., Hoopé V. (2020) COVID-19 and Employee Surveillance. *New Zealand Journal of Employment Relations*. Vol. 45. No. 2. P. 42—56. <https://doi.org/10.24135/nzjer.v45i2.28>.
- Bodie M. T., Cherry M. A., McCormick M. L., Tang J. (2016) The Law and Policy of People Analytics. *University of Colorado Law Review*. URL: <https://ssrn.com/abstract=2769980> (accessed: 12.02.2021).
- Bozzini D. (2017) The Fines and the Spies: Fears of State Surveillance in Eritrea and in the Diaspora. *Social Analysis*. Vol. 59. No. 4. P. 32—49.
- Bryce T. G. K., Nellis M., Corrigan A., Gallagher H., Lee P., Sercombe H. (2010) Biometric Surveillance in Schools: Cause for Concern or Case for Curriculum? *Scottish Educational Review*. Vol. 42. No. 1. P. 3—22.
- Burke C. (2020) Digital Sousveillance: A Network Analysis of the US Surveillant Assemblage. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 1. P. 74—89. <https://doi.org/10.24908/ss.v18i1.12714>.
- Cate F. H., Dempsey J. X. (eds.) (2017) *Bulk Collection: Systematic Government Access to Private-Sector Data*. New York: Oxford University Press.
- Clarke R. A. (1988) Information Technology and Dataveillance. *Communications of the ACM*. Vol. 31. No. 5. P. 498—512. [https://doi.org/10.1016/0167-4048\(88\)90649-9](https://doi.org/10.1016/0167-4048(88)90649-9).
- Coleman R., Sim J. (2000) “You’ll Never Walk Alone”: Cctv Surveillance, Order and Neo-Liberal Rule in Liverpool City Centre. *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 4. P. 623—639. <https://doi.org/10.1080/00071310020015299>.
- Colman A. M., Gorman, L. P. (1982) Conservatism, Dogmatism, and Authoritarianism in British Police Officers. *Sociology*. Vol. 16. No. 4. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/0038038582016001004>.
- Davis M. (1995) Fortress Los-Angeles: The Militarization of Urban Space. In: George D., Trimbur J. (eds.) *Reading Culture*. Boston: Longman. P. 154—180.
- Dee M. (2013) Welfare Surveillance, Income Management and New Paternalism in Australia. *Surveillance & Society*. Vol. 11. No. 3. P. 272—286. <https://doi.org/10.24908/ss.v11i3.4540>.

- Degli Esposti S. (2014) When big data meets dataveillance: The hidden side of analytics. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 209—225. <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.5113>.
- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October*. Vol. 59. P. 3—7. URL: <https://www.jstor.org/stable/778828> (accessed: 14.12.2021).
- Deleuze, G. Guattari F. (1980) *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux*. Paris: Les éditions de minuit.
- Depret-Guillaume P. (2020) Government and Corporate Surveillance of Leftist Activists [preprint]. URL: https://www.researchgate.net/publication/347524006_Government_and_Corporate_Surveillance_of_Leftist_Activists (accessed: 12.02.2021).
- Doherty J., Busch-Geertsema V., Karpuskiene V., Korhonen J., O'Sullivan E., Sahlin I., Tosi A., Petrillo A., Wygnańska J. (2008) Homelessness and Exclusion: Regulating Public Space in European Cities. *Surveillance & Society*. Vol. 5. No. 3. P. 290—314. <https://doi.org/10.24908/ss.v5i3.3425>.
- Dupont B. (2008) Hacking the Panopticon: Distributed Online Surveillance and Resistance. *Surveillance and Governance: Sociology of Crime Law and Deviance*. Vol. 10. P. 259—280. [https://doi.org/10.1016/s1521-6136\(07\)00212-6](https://doi.org/10.1016/s1521-6136(07)00212-6).
- Egbert S., Leese M. (2020) *Criminal Futures: Predictive Policing and Everyday Police Work*. London: Routledge.
- Engel R. S. (2008). A Critique of the “Outcome Test” in Racial Profiling Research. *Justice Quarterly*. Vol. 25. No. 1. P. 1—36. <https://doi.org/10.1080/07418820701717177>.
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T.J. (2004). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*. Vol. 19. No. 2. P. 249—273. <https://doi.org/10.1080/07418820200095231>.
- Ermoshina K., Musiani F. (2017) Migrating Servers, Elusive Users: Reconfigurations of the Russian Internet in the Post-Snowden Era. *Media and Communication*. Vol.5 № 1. P. 42—53. <https://doi.org/10.17645/mac.v5i1.816>.
- Flaherty D. H. (1988) The Emergence of Surveillance Societies in the Western World: Toward the Year 2000. *Government Information Quarterly*. Vol. 5. No. 4. P. 377—387. [https://doi.org/10.1016/0740-624x\(88\)90026-3](https://doi.org/10.1016/0740-624x(88)90026-3).
- Fonseca J. B. (2017) The Authoritarian Government of Angola learning High — Tech Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 371—380. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6641>.
- Fuchs C. (2011a) How Can Surveillance Be Defined? *MATRIZES*. Vol. 5. No. 1. P. 109—133.
- Fuchs C. (2011b). Web 2.0, Prosumption, and Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 288—309. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4165>.

Fuchs C. (2015) Surveillance and Critical Theory. *Media and Communication*. Vol. 3. No. 2. P. 6—9.

Fussey P., Sandhu A. (2020) Surveillance Arbitration in the Era of Digital Policing. *Theoretical Criminology*. P. 1—20. <https://doi.org/10.1177/1362480620967020>.

Gabdulhakov R. (2018) Citizen-Led Justice in Post-Communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism. *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 3. P. 314—331. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6952>.

Gatto J., Dambrun M., Kerbrat C., de Oliveira P. (2009) Prejudice in the police: On the processes underlying the effects of selection and group socialization. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 40. No. 2. P. 252—269. <https://doi.org/10.1002/ejsp.617>.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Haggerty K. D. (2006) Tear Down the Walls on Demolishing the Panopticon. In: Lyon D. (ed.) *Theorising Surveillance: The panopticon and beyond*. Uffculme, Devon: Willan Publishing. P. 23—45.

Haggerty K. D., Ericson R. V. (2000) The Surveillant Assemblage. *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 4. P. 605—622.

Hargreaves Stuart. 2017. Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing? *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 425—431. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6619>.

Harris Interactive (2002) The Harris Poll #16. URL: <https://theharrispoll.com/homeland-security-public-continues-to-endorse-a-broad-range-of-surveillance-powers-but-support-has-declined-somewhat-since-last-september-09-04-2002/> (accessed: 12.02.2021).

Harris Interactive (2003) The Harris Poll #14. URL: https://theharrispoll.com/wp-content/uploads/2017/12/Harris-Interactive-Poll-Research-American-Public-Continues-to-Endorse-a-Broad-Range-2003-03.pdf?fbclid=IwAR3ueWisnVvkz2luxs0xfKquQTmrbkj8Mkwb25_2wG5yhnSygTpi77vw5QY (accessed: 12.02.2021).

Harris Interactive (2014) Americans Favor Safety Over Privacy, Though Majority Recognize Need for Balance. URL: <https://theharrispoll.com/the-right-to-privacy-or-lack-thereof-and-the-protection-from-unreasonable-searches-have-been-under-increased-discussion-over-the-past-year-triggered-in-part-by-revelations-of-wide-spread-nsa-surve-2/> (accessed: 12.02.2021).

Hedenus A., Backman C. (2017) Explaining the Data Double: Confessions and Self-Examinations in Job Recruitments. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 640—654. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i5.6380>.

Hermida A., Hernández-Santaolalla V. (2016) Ambiguities of Citizen Empowerment in the Techno-Political Context. *IC — Revista Científica de Información y Comunicación*. Vol. 13. P. 263—280.

Hook S., Noakes S. (2019) Employer Control of Employee Behaviour Through Social Media. *Law, Technology and Humans*. Vol. 1. No. 1. P. 141—161. <https://doi.org/10.5204/lthj.v1i0.1302>.

Hou R. (2017). Neoliberal Governance or Digitalized Autocracy? The Rising Market for Online Opinion Surveillance in China. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 418—424. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6610>.

Introna L. (2000) Workplace Surveillance, Privacy, and Distributive Justice. *Computers and Society*. Vol. 30. No. 4 P. 33—39. <https://doi.org/10.1145/572260.572267>.

Introna L., Gibbons. A. (2009) Networks and Resistance: Investigating Online Advocacy Networks as a Modality for Resisting State Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 233—258. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3283>.

Jansson A. 2015 Interveillance: A New Culture of Recognition and Mediatization. *Media and Communication*. Vol. 3. No. 3. P. 81—90. <https://doi.org/10.17645/mac.v3i3.305>.

Lamberth J. (2004) Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor. URL: http://annarborchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf (accessed: 18.12.2021).

Larsson, S. (2016) A First Line of Defence? Vigilant Surveillance, Participatory Policing, and the Reporting of “Suspicious” Activity. *Surveillance & Society*. Vol 15. No. 1. P. 94—107. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i1.5342>.

Liu X., Bennett M. M. (2020) Viral Borders: COVID-19’s Effects on Securitization, Surveillance, and Identity in Mainland China and Hong Kong. *Dialogues in Human Geography*. Vol. 10. No. 2. P. 158—163. <https://doi.org/10.1177/2043820620933828>.

Lokot T. (2018) Be Safe or Be Seen? How Russian Activists Negotiate Visibility and Security in Online Resistance Practices. *Surveillance & Society*. 16(3): 332—346. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6967>.

Louis Harris & Associates (1999). *The IBM-Harris Multi-National Consumer Privacy Report*. New York, NY: IBM.

Lubbers E. (2015) Undercover Research — Corporate and Police Spying on Activists. An Introduction to Activist Intelligence as a New Field of Study. *Surveillance & Society*. Vol. 13. No3/4. P. 338—353. <https://doi.org/10.24908/ss.v13i3/4.5371>.

Lynch C. G. (2018) Don’t let them kill you on some dirty roadway: survival, entitled violence, and the culture of modern American policing. *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 1. P. 33—43. <https://doi.org/10.1080/10282580.2018.1415045>.

Lyon D. (2002) Surveillance Studies: Understanding Visibility, Mobility and the Phenetic FIX. *Surveillance & Society*. Vol. 1. № 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.24908/ss.v1i1.3390>.

Lyon D. (2009) Surveillance, Power, and Everyday Life. In: *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies*, Avgerou C., Mansell R., Quah D., Silverstone R. (eds.). New York, NY: Oxford University Press. P. 449—472.

Maki K. (2011). Neoliberal Deviants and Surveillance: Welfare recipients under the watchful eye of Ontario Works. *Surveillance & Society*. Vol. 9. No. 1/2. P. 47—63. <https://doi.org/10.24908/ss.v9i1/2.4098>.

Mann S., Nolan J. Wellman B. (2003) Sousveillance: Inventing and Using Wearable Computing Devices for Data Collection in Surveillance Environments. *Surveillance & Society*. Vol. 1. No3. P. 331—355. <https://doi.org/10.24908/ss.v1i3.3344>.

Manokha I. (2020) The Implications of Digital Employee Monitoring and People Analytics for Power Relations in the Workplace. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 4. P. 540—554. <https://doi.org/10.24908/ss.v18i4.13776>.

Martin A. K., Van Brakel R., Bernhard D. (2009) Understanding Resistance to Digital Surveillance: Towards a Multi-Disciplinary, Multi-Actor Framework. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 213—232. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3282>.

Marx G. T. (2003) A Tack in the Shoe: Neutralizing and Resisting the New Surveillance. *Journal of Social Issues*. Vol. 59. No. 2. P. 369—390. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00069>.

Marx G. T. (2015) Surveillance Studies in *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, edited by James D. Wright. Vol. 23. Elsevier Ltd. P. 733—741. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64025-4>.

Marx G. T., Muschert G. W. (2007) Personal Information, Borders, and the New Surveillance Studies. *Annual Review of Law and Social Science*. № 3. P. 375—95. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.3.081806.112824>.

Meyer M., Tanner S. (2017) Filmer et être filmé. La nouvelle visibilité policière à l'ère de la sousveillance. *Réseaux*. Vol. 1. No. 201. P. 175—205. <https://doi.org/10.3917/res.201.0175>.

Mitchell D., Heynen N. (2009) The Geography of Survival and the Right to the City: Speculations on Surveillance, Legal Innovation, and the Criminalization of Intervention. *Urban Geography*. Vol. 30. No. 6. P. 611—632. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.30.6.611>.

Monaghan J. (2014) Security Traps and Discourses of Radicalization: Examining Surveillance Practices Targeting Muslims in Canada. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 4. P. 485—501. <https://doi.org/10.24908/ss.v12i4.455>.

MVA, Miller J. (2000). *Profiling Populations Available for Stops and Searches*. *Police Research Series Paper 131*. London: Home Office. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-populations-available-for-stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d> (accessed: 31.03.2021)

- Nagy V. (2017). How to Silence the Lambs? Constructing Authoritarian Governance in Post-Transitional Hungary. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 447—455. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6642>.
- Nguyen N. (2019) “The Eyes and Ears on Our Frontlines”: Policing without Police to Counter Violent Extremism. *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 3/4. P. 322—337. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i3/4.8142>.
- Nunes de Sousa A. L., Cervi L. (2017) Video Activism in the Brazilian Protests: Genres, Narratives and Political Participation. *Northern Lights*. Vol. 15. P. 69—88. https://doi.org/10.1386/nl.15.1.69_1.
- Ogasawara M. (2017). Surveillance at the Roots of Everyday Interactions: Japan’s Conspiracy Bill and its Totalitarian Effects. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 477—485. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6626>.
- Osborn G., Smith, A. (2015). Olympic Brandscapes: London 2012 and the Seeping Commercialisation of Public Space. In: Poynter G., Viehoff V., Li Y. (eds.) *The London Olympics and Urban Development: the Mega-Event City*. London: Routledge. P. 139—153.
- Palmås, Karl. (2011) Predicting What You’ll Do Tomorrow: Panspectric Surveillance and the contemporary Corporation. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 338—354. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4168>.
- Pearce K. (2015) Democratizing Kompromat: The Affordances of Social Media for State-Sponsored Harassment. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 10. P. 1158—1174. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2015.1021705>.
- Petersen S. M. (2008) Loser Generated Content: From Participation to Exploitation. *First Monday*. Vol. 13. No. 3. <https://doi.org/10.5210/fm.v13i3.2141>.
- Pospěch P. (2013) Exkluze v privatizovaném městském prostoru: případová studie nákupního centra. *Sociologický časopis*. Vol. 49. No. 5. P. 751—779.
- Qurashi F. (2018) The Prevent Strategy and the UK ‘War on Terror’: Embedding Infrastructures of Surveillance in Muslim Communities. *Palgrave Commun.* Vol. 4. P. 1—13. <https://doi.org/10.1057/s41599-017-0061-9>.
- Rosenblat A., Kneese T., Boyd D. (2014) Workplace Surveillance. *Open Society Foundations’ Future of Work Commissioned Research Papers 2014*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536605> (accessed: 12.02.2021).
- Rule J. B., McAdam D., Stearns L., Uglow D. (1983) Documentary Identification and Mass Surveillance in the United States. *Social Problems*. Vol. 31. No. 2. P. 222—234. <https://doi.org/10.2307/800214>.
- Saetnan A. R., Lomell H. M., Wiecek C. (2004) Controlling CCTV in Public Spaces: Is Privacy the (Only) Issue? Reflections on Norwegian and Danish Observations. *Surveillance & Society*. Vol. 2. No. 2/3. P. 396—414. <https://doi.org/10.24908/ss.v2i2/3.3385>.

Sanchez, A. (2009) The Facebook Feeding Frenzy: Resistance-through-Distance and Resistance-through Persistence in the Societed Network. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 275—293. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3285>.

Sanders R. (2018) *Plausible Legality: Legal Culture and Political Imperative in the Global War on Terror*. New York, NY: Oxford University Press.

Shan R., McQuade B. (2017) Surveillance, Security, and Intelligence-Led Policing in Chicago in Neoliberal. In: Bennett L., Garner R., Hague E. (eds.) *Chicago*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press.

Siqueira Cassiano. M. (2019) China's Hukou Platform: Windows into the Family. *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 1/2. P: 232—239. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i1/2.13125>.

Stan L., Zulean M. (2018) Intelligence Sector Reforms in Romania: A Scorecard. *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 3. P. 298—313. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6880>.

Tewksbury D. (2012) Crowdsourcing Homeland Security: The Texas Virtual BorderWatch and Participatory Citisenship. *Surveillance & Society*. Vol. 10. No. 3/4. P. 249—262. <https://doi.org/10.24908/ss.v10i3/4.3464>.

Topak Ö. E. (2019) Humanitarian and Human Rights Surveillance: The Challenge to Border Surveillance and Invisibility? *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 3/4. P. 382—404. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i3/4.10779>.

Topal C. (2005) Global Citizens and Local Powers: Surveillance in Turkey. *Social Text*. Vol. 23, No. 2. P. 85—93. https://doi.org/10.1215/01642472-23-2_83-85.

Tréguer F. (2015) Hackers vs States: Subversion, Repression and Resistance in the Online Public Sphere. *Droit et société*. Vol. 3. No. 91. P. 639—652. <https://doi.org/10.3917/drs.091.0639>.

Twersky Glasner A. (2005) Police personality: What is it and why are they like that? *Journal of Police and Criminal Psychology*. Vol. 20. No. 1. P. 56—67. <https://doi.org/10.1007/BF02806707>.

van der Vlist F. N. (2017) Counter-Mapping Surveillance: A Critical Cartography of Mass Surveillance Technology After Snowden. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 137—157. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i1.5307>.

Walker S. (2001) Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution. *Justice Research and Policy*. Vol. 3. No. 1. P. 63—95. <https://doi.org/10.3818/JRP3.1.2001.63>.

Walsh J. P. (2010). From Border Control to Border Care: The Political and Ethical Potential of Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 2. P. 113—130. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i2.3481>.

Westin A. F. (1952) The Wire-Tapping Problem: An Analysis and a Legislative Proposal. *Columbia Law Review*. Vol. 52. № 2. P. 165—208. <https://doi.org/10.2307/1119131>.

Westin A. F. (2003) Social and Political Dimensions of Privacy. *Journal of Social Issues*. Vol. 59. № 2. P. 431—453. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00072>.

Wicker S. B. (2014) *Cellular Convergence and the Death of Privacy*. Oxford: Oxford University Press.

Wilson D., Serisier T. (2010). Video Activism and the Ambiguities of Counter-Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 2. P. 166—180. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i2.3484>.

Wilson D., Weber L. (2008) Surveillance, Risk and Preemption on the Australian Border. *Surveillance & Society*. Vol. 5. No. 2. P. 124—141. <https://doi.org/10.24908/ss.v5i2.3431>.

Wood D. M. (2012) Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies. In: Crampton J., Elden S.(eds.) *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Farnham: Ashgate. P. 245—263.

Wood M. A., Thompson C. (2018). Crowdsourced Countersurveillance: A Counter-surveillant Assemblage? *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 1. P. 20—38. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i1.6402>.

Zuboff S. (2015) Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 75—89. <https://doi.org/10.1057/jit.2015.5>.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, NY: Public Affairs.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1887](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887)

Е. В. Фролова, О. В. Рогач, В. Ю. Шалашникова

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ «СИТИ-МЕНЕДЖЕР» В РОССИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРЕИМУЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Фролова Е. В., Рогач О. В., Шалашникова В. Ю. Реализация модели «сити-менеджер» в России: ограничения и преимущества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 506—527. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887>.

For citation:

Frolova E. V., Rogach O. V., Shalashnikova V. Y. (2021) Implementing the «City Manager» Model in Russia: Limitations and Advantages. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 506–527. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1887>. (In Russ.)

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ «СИТИ-МЕНЕДЖЕР» В РОССИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ПРЕИМУЩЕСТВА

ФРОЛОВА Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
E-MAIL: efrolova06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

РОГАЧ Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, доцент факультета управления, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
E-MAIL: rogach16@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

ШАЛАШНИКОВА Валентина Юрьевна — старший преподаватель факультета управления, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
E-MAIL: dublerprefekta@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4326-9208>

Аннотация. В статье представлен анализ преимуществ и ограничений реализации модели «сити-менеджер» в практике муниципального управления в современной России. Основной метод исследования — опрос руководителей органов местного самоуправления ($N = 582$). Определены следующие преимущества назначения сити-менеджера по контракту: разделение политических и административных функций в местном самоуправлении, обеспечение прозрачности деятельности главы местной администрации, профессионализация муниципального управления. Проблемы реализации модели: недостаточный

IMPLEMENTING THE «CITY MANAGER» MODEL IN RUSSIA: LIMITATIONS AND ADVANTAGES

Elena V. FROLOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Sociology
E-MAIL: efrolova06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Olga V. ROGACH² — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor of the Faculty of Management
E-MAIL: rogach16@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

Valentina Yu. SHALASHNIKOVA² — Senior Lecturer at the Faculty of Management
E-MAIL: dublerprefekta@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4326-9208>

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Russian State Social University, Moscow, Russia

Abstract. The paper analyzes advantages and limitations of the implementation of the «city manager» model in municipal management. The main research method is a survey of experts (local government leaders; $N = 582$). The study reveals the following advantages of appointing a city manager under a contract: separation of political and administrative functions in local government, transparency of the activities of a local administration leader, and professionalization of municipal government. Problems in the implementation of the model are insufficient level of legitimacy engaging a contract manager, corruption risks, strengthening the influence of regional authorities, conflict

уровень легитимности практик привлечения контрактного менеджера, наличие коррупционных рисков, усиление влияния региональной власти, конфликтные риски, отсутствие четкой системы критериев отбора кандидата на должность главы администрации.

Авторы приходят к выводу, что условное разделение полномочий между наемным менеджером и главой города на «хозяйственные» и «представительские» создает предпосылки для политической борьбы и конфликтов между двумя ключевыми фигурами муниципального управления. Сужение полномочий главы города, получившего поддержку населения на выборах, до представительских не соответствует его политическим ожиданиям, затрудняет построение партнерских отношений с сити-менеджером. В статье выдвигается предположение о направлениях совершенствования процедуры конкурсного отбора сити-менеджера, фиксации ситуации найма и закрепления подчиненности нанимаемого по контракту менеджера главе муниципального образования. Авторы также обосновывают вывод о том, что введение нового способа избрания главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, отобранных комиссией по результатам конкурсного отбора, не может рассматриваться как жизнеспособная альтернатива модели «сити-менеджер».

Ключевые слова: модель «сити-менеджер», муниципальные служащие, муниципальное образование, местное население, власть, местное самоуправление

risks, and a lack of clear criteria for selecting a candidate for the post of head of administration.

Authors come to the conclusion that the conditional separation of powers between the hired manager and the head of administration for «economic» and «representative» creates preconditions for political struggle conflicts. This separation of powers hinders the development of a partnership between the head of administration and the city manager. The authors believe that improving the procedure for the competitive selection of the city manager, fixing the hiring situation, and securing the subordination of the city manager to the head of the municipality can solve this problem. The study argues that the introduction of a new way of electing the Head of a municipal formation cannot be a viable alternative to the «city manager» model.

Keywords: model “city manager”, municipal employees, municipal formation, local population, authority, local government

Введение

Система муниципального управления в РФ переживает кризисный этап своего развития. Наиболее значимыми проблемами в данном контексте являются дистанцированность населения от местной власти и низкий уровень доверия к ней, обусловленный недостаточностью или отсутствием позитивных результатов в работе муниципальных органов управления. Результаты социологических исследований иллюстрируют неудовлетворенность населения деятельностью муниципальных чиновников по вопросам развития дорожно-транспортной системы, модернизации жилищного фонда, решения традиционно острых социальных проблем местных сообществ [Фролова, Медведева, 2018].

Сложившаяся ситуация в системе муниципального управления не позволяет обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие муниципальных образований, способствовать эффективному реагированию местных властей на потребности и запросы населения. Следствием сложившихся дисфункций муниципального управления становятся рост безработицы, снижение уровня и качества жизни, отток населения в мегаполисы, низкий инвестиционный климат муниципальных образований. По мнению экспертов, устойчивые проблемы в социально-экономическом профиле российских территорий отражают рост их инфраструктурной и финансовой уязвимости [Меркулова, 2018]. Взятый в России курс на централизацию бюджетной системы не позволяет прогнозировать увеличение доходов муниципалитетов в ближайшей перспективе. Привлечение средств регионального уровня и частных инвестиций рассматривается главами муниципальных образований как одна из возможных стратегических альтернатив решения проблем на местах. При этом для финансового оздоровления территории специалисты считают необходимыми налаживание практик социального партнерства с бизнес-структурами, межмуниципальное сотрудничество, развитие производственных мощностей и создание благоприятного инвестиционного климата. Реализация данных инициатив требует высокого уровня профессионализма муниципальных органов власти [Martynova, Feoktistova, 2020]. По результатам многочисленных международных исследований [Hawkins et al., 2021; Méndez-Lemus et al., 2017; Siegel, 2020], эффективность управленческих практик локального уровня имеет прямую корреляционную зависимость от профессиональной подготовки муниципальных служащих. Примером могут служить результаты анализа характеристик муниципального управления в греческих городах, которые продемонстрировали взаимосвязь между эффективностью стратегии городского развития и уровнем профессионализма муниципальных чиновников при осуществлении таких управленческих действий, как планирование территориального развития, управления финансовыми активами, реализация программ территориального маркетинга [Deffner et al., 2020]. Ряд современных исследований позволяет сделать заключение, что глава местного сообщества в целях эффективной реализации муниципальной политики должен быть компетентным в области бизнес-планирования, организации финансово-хозяйственной деятельности территории [Большаков, 2019; Галазова, 2019; Karpi, Vakkuri, 2020; Timeus et al., 2020]. Применение бизнес-моделей в муниципальном управлении доказывает свою эффективность за счет учета опыта коммерческих организаций, деятельность которых направ-

лена на повышение качества управленческих решений и оптимизацию процесса предоставления услуг [Timeus, Vinaixa, Pardo-Bosch, 2020].

Цифровизация также существенно расширяет перечень компетенций руководителей муниципальных органов управления, обеспечивая последних инструментарием по формированию комфортной городской среды, развитию креативных пространств для различных социальных групп населения, а также активному вовлечению местных жителей в решение вопросов социально-экономического развития муниципальных образований. «Умные города» стали направлением развития, которому следуют городские лидеры для решения проблем, связанных с урбанизацией территорий [Lan et al., 2020]. Стремление властей к устойчивому развитию городов посредством информационно-коммуникативных технологий стало приоритетным элементом муниципальной политики по всему миру [Karppi, Vakkuri, 2020]. Вместе с тем большинство муниципальных чиновников не обладают высоким уровнем цифровой грамотности, имеют некоторые сложности с применением современных информационно-коммуникативных средств при планировании и проведении политики на местах [Goshovska et al., 2021; Москвитина, 2020].

Таким образом, можно сделать заключение, что кадровый потенциал и управленческие навыки сотрудников муниципалитета обеспечивают устойчивость городского развития [Ciasullo et al., 2020]. Эффективность муниципального управления достигается за счет привлечения профессиональных управляющих, которые обладают высоким уровнем компетенции в таких сферах, как экономика, право, городское хозяйство, финансы, информационно-коммуникационные технологии. Несмотря на сложности разделения политического и экономического аспектов в функционировании властных структур, политическая борьба и хозяйственная практика в работе управленческого аппарата должны быть разграничены. Смещение акцентов в сторону политических приоритетов в деятельности руководителей муниципальных органов власти несет в себе существенные риски снижения экономической эффективности от проводимой на местах политики [Дятлов, Ковалев, Чигрин, 2019]. В связи с этим актуальны контрактно-договорные отношения между «хозяйственным руководителем города» и муниципалитетом. Договорные обязательства предполагают проведение профессионального отбора на должность руководителя муниципальной администрации, в том числе оценку уровня профессиональной подготовки кандидатов.

Концепт сити-менеджера в современном научном дискурсе представлен различными точками зрения. Несмотря на некоторую дискуссионность вопроса эффективности модели «сити-менеджер» в современных российских условиях, ученые сходятся во мнении, что преимуществами практики привлечения профессиональных управляющих являются: оптимизация хозяйственной деятельности, повышение экономической эффективности и компетентности в принятии управленческих решений [Роздольская, Осадчая, Мозговая, 2018], снижение числа коррупционных правонарушений [Nelson, Afonso, 2019], внедрение успешных бизнес-моделей и других управленческих инноваций в управление городом [Liao, Ma, 2019; Pardo-Bosch, Cervera, Ysa, 2019]. Ряд экспертов полагают, что избрание главы города по результатам выборной процедуры несет в себе существенные риски. В частности, критерием отбора кандидата может стать популизм выдвигает-

мых идей, уровень финансовых вложений в проведение избирательной кампании, известность кандидата.

В противовес позитивным оценкам последствий использования модели сити-менеджера в практике современного муниципального управления многие ученые концентрируют свое внимание на следующих негативных аспектах привлечения профессиональных управленцев: недостаточный уровень легитимности контрактной формы найма управляющего [Ковалев, Чигрин, 2018], усиление давления на муниципалитеты со стороны региональной власти [Fuenzalida, Riccucci, 2019], сужение демократических процедур участия населения [Колодина, 2017]. Вызывает опасения отсутствие прозрачности в практике выбора кандидата, смещение конкурсных критериев от оценки профессионализма к политической целесообразности [Подвинцев, Витковская, 2014], риски центрирования деятельности сити-менеджера на выстраивании связей с местной элитой, реализации ее интересов [Камоликова, 2014: 84]. Одной из наиболее значимых проблем выступают конфликтные риски во взаимодействиях главы муниципального образования и сити-менеджера [Петрова, 2016].

Следует отметить, что введение в 2015 г. нового способа избрания главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, отобранных комиссией по результатам конкурсного отбора (Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ, в ред. Федерального закона от 03.02.2015 № 8-ФЗ), позволяет частично интегрировать идею профессионализации городского управления в современную практику при минимизации рисков двоевластия и противоборства. Однако, как показывают результаты анализа, в российских условиях сохраняется общественный запрос на традиционную модель выборов главы [Вискулова, 2017]. Как население, так и муниципальные служащие ориентированы на сохранение демократических элементов в системе местного самоуправления [Майкова, Симонова, 2019]. Если введение фигуры сити-менеджера при всенародно избранном мэре только создает предпосылки для лоббирования интересов региональных властей, то конкурсная модель выборов главы муниципального образования прямо «усиливает влияние губернаторов, давая возможность самостоятельно определять институциональную структуру МСУ» [Панов, 2018: 42]. Анализ приведенных выше точек зрения позволяет сделать вывод, что конкурсная процедура выбора главы муниципального образования не может рассматриваться в качестве более привлекательной альтернативы, нежели модель сити-менеджера.

Таким образом, актуальность поднимаемой проблематики, ее дискуссионность в современном научном дискурсе требует расширения эмпирического поля исследований преимуществ и ограничений реализации модели «сити-менеджер» в современных российских муниципалитетах. Несмотря на достаточно высокое внимание российских и зарубежных исследователей к вопросам муниципального управления, большинство из них рассматривают модель профессионального управляющего с точки зрения политологического или экономического анализа. В то же время представляется важным дать социологическую интерпретацию данных практик.

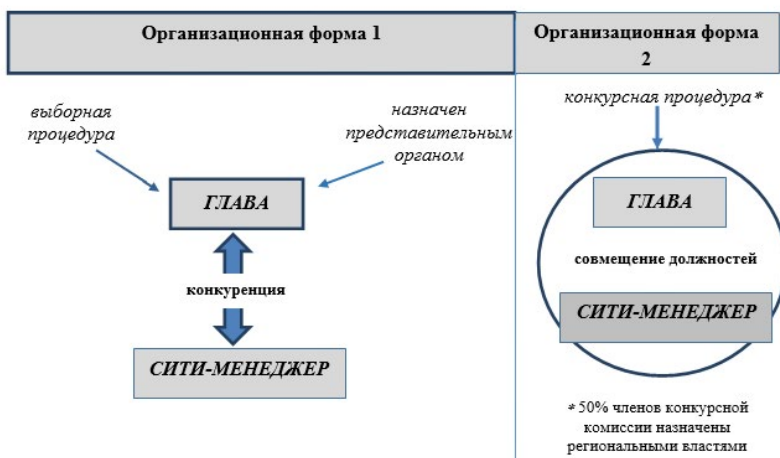
Метод

Цель исследования заключается в социологическом анализе организационных вопросов реализации модели «сити-менеджер» в России, определении ее

ограничений и преимуществ в современных условиях. Авторами ставятся задачи: выделить преимущества использования данной модели, определить проблемы и барьеры, лимитирующие практики привлечения профессиональных управляющих, дать оценку перспективам реализации модели «сити-менеджер» в российских условиях.

Объектом изучения выступает модель «сити-менеджер», реализуемая в муниципальных образованиях РФ. Несмотря на разнообразие типов муниципальных образований, привлечение главы муниципалитета по контракту опирается на единую правовую основу, определенную Федеральным законом № 131-ФЗ. Согласно данному нормативному акту, реализация модели «сити-менеджер» представлена рядом вариантов (см. рис. 1).

Рис. 1. Организационные формы реализации модели «сити-менеджер».

Вариант 2 (введен в практику в 2015 г.) представляет собой способ избрания главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией. Данная практика зачастую носит название «назначаемый мэр», ее отнесение к модели «сити-менеджер» обусловлено использованием механизмов конкурсного отбора в противовес выборам. Несмотря на то, что типы муниципальных образований РФ различаются уровнем бюджетной обеспеченности, вопросами местного значения, функциями органов местного самоуправления, специфика привлечения контрактного управляющего является в достаточной степени универсальной. Это связано с тем, что преимущества и риски реализации модели «сити-менеджер» детерминированы не столько статусом муниципального образования, сколько спецификой взаимодействия ключевых субъектов управления (конфликт интересов, сотрудничество, конкуренция и пр.).

Эмпирической базой исследования послужили муниципальные образования РФ. Использовалась многоступенчатая выборка. На первой ступени было отобрано 76 субъектов РФ, обеспечивающих представительство восьми федераль-

ных округов. Выборка муниципальных образований по федеральным округам воспроизводит общую совокупность объектов в пропорциональном соотношении численности муниципальных образований в федеральных округах.

Ключевым методом исследования определен анкетный опрос. В ходе опроса была проведена централизованная интернет-рассылка анкет руководителям органов местного самоуправления. Итоговая выборка включала в себя 582 респондента.

По типам муниципальных образований выборка представлена в следующем распределении:

- муниципальные районы — 198 респондентов;
- городские округа — 51 респондент;
- городские поселения — 121 респондент;
- сельские поселения — 212 респондентов.

В ходе рассылки анкет значительная часть руководителей сельских поселений отказались от участия в опросе, апеллируя к недостаточному уровню своей осведомленности. Следует отметить, что, несмотря на отсутствие правовых ограничений реализации модели «сити-менеджер» в сельских поселениях, данная практика применяется в них крайне редко. Таким образом, в ходе исследования произошло некоторое смещение выборки и увеличение представительства руководителей муниципальных районов и городских округов. Данное обстоятельство можно рассматривать как ограничение исследования. С другой стороны, большой объем властных полномочий, концентрация кадровых и организационных ресурсов в городских округах и муниципальных районах формируют более высокий уровень «экспертности» мнений руководителей данных типов муниципальных образований при оценке модели «сити-менеджер».

Для достижения целей исследования анкета была разбита на несколько блоков, которые позволили эмпирически описать кадровый и финансовый потенциал муниципальных образований, преимущества и ограничения использования модели, предлагаемые меры по совершенствованию ключевых положений привлечения профессиональных управляющих в практику муниципального управления.

Результаты исследования

Первый блок исследования был посвящен эмпирическому описанию кадрового и финансового потенциала муниципальных образований. В частности, установлено, что большая часть муниципальных образований РФ испытывает острую нехватку собственных финансовых ресурсов: 74,9% респондентов сообщили, что «потребность в финансах превышает ассигнования, предусмотренные бюджетом». Более того, 58,2% опрошенных отметили уменьшение доходов муниципального образования по сравнению с прошлым периодом. Ввиду данного обстоятельства вопросы государственной поддержки из регионального бюджета и привлечения частных инвестиций остро стоят на повестке дня. Большинство респондентов отметили необходимость пересмотра практик межбюджетных трансфертов, значимость привлечения дотаций и субвенций региональной власти. 66,3% респондентов назвали необходимым совершенствование межбюджетных отношений.

С кадровыми ресурсами муниципальных образований ситуация обстоит несколько лучше: количество штатных сотрудников назвали «вполне достаточным» 38 % респондентов. Вместе с тем около двух третей муниципальных образований в той или иной степени испытывают недостаток в квалифицированных кадрах. Недостаточность кадровых ресурсов в современных муниципалитетах РФ детерминирована не столько отсутствием квалифицированных сотрудников, сколько общими дисфункциями локального уровня управления. В частности, негативное влияние оказывает недостаточность местных бюджетов, иницирующая низкий уровень оплаты труда муниципальных служащих, а также напряженный и стрессовый характер трудовой деятельности. Последний фактор во многом обусловлен завышенным количеством контрольно-надзорных мероприятий, проводимых органами государственной власти [Фролова, Погач, 2018].

Результаты исследования показали недостаточный уровень стабильности кадрового состава органов местного самоуправления: только каждый четвертый респондент (25,1 %) оценил ее как высокую. В ходе опроса руководители муниципалитетов также высказались по поводу среднемесячной заработной платы сотрудников. Результаты исследования показывают высокий уровень дифференциации ответов, определяемый типом муниципального образования. Более высокие оценки характерны для городских поселений (69,1 % считают ее достаточной, что выше средних значений на 41,9 п. п.). Наиболее критичная ситуация складывается в администрациях сельских поселений РФ. Уровнем образования муниципальных служащих в полной мере удовлетворены только чуть более трети руководителей органов местного самоуправления (37,7 %). Более благоприятная ситуация по данному параметру складывается в городских поселениях и городских округах, вариант ответа «удовлетворены в полной мере» выбрали более половины опрошенных (62 % и 54,7 %, соответственно).

Для решения задач исследования представляет интерес общее восприятие проблем управления, характерных для муниципальных образований. В частности, по мнению респондентов, имеют место: систематические конфликтные риски во взаимодействии представительного и исполнительно-распорядительного органов власти (11,8 %), отсутствие системы показателей эффективности их взаимодействия (15,3 %), отсутствие полномочного разделения политических и административно-хозяйствующих функций (31 %), отсутствие профессионализма управленческих кадров муниципальной службы (32,3 %). По мнению респондентов, требуется повышение квалификации муниципальных кадров в части организационного и правового обеспечения кадровой деятельности органов местного самоуправления (17,5 %), организации и проведения торгов на размещение заказов для государственных и муниципальных нужд (22 %), управление государственными и муниципальными заказами (13,7 %).

Полученные в ходе исследования данные актуализируют необходимость привлечения профессиональных управляющих, которые бы обладали необходимыми навыками и умениями, позволяющими проводить эффективную политику на местах. Почти половина респондентов (41,9 %) разделяют мнение о высокой эффективности использования модели «сити-менеджер» в современной практике муниципального управления. Вместе с тем почти треть респондентов затрудняются

с ответом, что косвенно указывает либо на низкий уровень их осведомленности, либо на дискуссионную позицию данной практики (неготовность респондентов к четкой формулировке своей позиции). Среди руководителей сельских поселений доля затруднившихся с ответом составила 49 %, что выше средних значений по выборке в 1,7 раза.

Анализ полученных данных (см. рис. 2) позволяет сделать заключение об отсутствии единого мнения по вопросу о преимуществах модели «сити-менеджер». В ответах респондентов сложно проследить общий тренд, который бы позволил составить рейтинг достоинств применения данной модели в практике муниципального управления. Возможно, это связано с недостаточной распространенностью данной модели в современных муниципальных образованиях, что не позволяет проследить долгосрочные преимущества от заключения контракта с профессиональным управляющим. Существенной дифференциации в ответах респондентов, представляющих различные типы муниципальных образований, не выявлено. Единственным исключением является более высокая доля затруднившихся с ответом среди руководителей сельских поселений (31 %, что выше средних значений в 2,5 раза).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие Вы видите преимущества назначения по контракту сити-менеджера на должность главы местной администрации?» (возможен выбор нескольких вариантов ответов), %

Респондентам также было предложено определить недостатки привлечения сити-менеджера в современной практике муниципального управления. Здесь ответы иллюстрируют уверенность большинства опрошенных в росте «конфликтности во взаимодействии представительного и исполнительно-распорядительного органов власти» (47,6%). Результаты исследования подтверждаются практически примерами конфликтов во взаимодействиях таких субъектов управления, как глава муниципального образования, городская дума, сити-менеджер, региональные власти. В качестве примера можно привести отсутствие консенсуса по кадровым вопросам между главой города и сити-менеджером в Мурманске¹, борьбу за кабинет и привилегии пользования служебным автомобилем в Назарово Красноярского края², практики неконструктивного взаимодействия сити-менеджера с городской думой в Иркутске³, конфликты между сити-менеджером и губернатором в Калининградской⁴ и Владимирской областях⁵.

Респонденты отмечают и другие недостатки привлечения сити-менеджера в современных условиях. По мнению 29,5% опрошенных, возможно «лоббирование политических интересов региональных властей, их влияние на главу местной администрации по контракту, назначаемого путем конкурсной процедуры». Еще 19,8% респондентов в качестве недостатка использования модели «сити-менеджера» отмечают «наличие коррупционных рисков в процессе взаимодействия главы муниципального образования и главы местной администрации».

Анализ полученных ответов говорит о серьезных опасениях относительно качества муниципального управления, вызванного смещением фокуса внимания сити-менеджера с решения реальных социально-экономических проблем территории на поддержание «хороших» отношений с региональными властями и иными политическими группами, лоббирующими продвижение собственных интересов на конкретных территориях.

В связи с этим вполне обоснованно выглядят ответы на вопрос: «Как Вы считаете, каковы главные проблемы реализации модели „сити-менеджер“ в современных муниципальных образованиях?». Наибольшая доля ответов пришлась на вариант «руководить местной администрацией должен всенародно избранный глава муниципального образования» (21,3%). Коррелирует с полученным результатом и второй по популярности вариант — «Низкий уровень доверия населения к сити-менеджеру» (19,5%). Таким образом, материалы исследования иллюстрируют недостаточный уровень легитимности практик привлечения контрактного менеджера в сознании муниципальной политической элиты. При этом процедур-

¹ Конфликт как традиция: почему в Мурманске мэр спорит с сити-менеджером и при чем здесь губернатор? // Региональные комментарии. 2020. 3 сентября. URL: <http://regcomment.ru/regions/murmansk/konflikt-kak-traditsiya-pochemu-v-murmanske-mer-sporit-s-siti-menedzherom-i-pri-chem-zdes-gubernator/> (дата обращения: 03.11.2021).

² В Назарово между мэром и сити-менеджером зреет конфликт из-за кабинета // Newslab. 2015. 3 марта. URL: <https://newslab.ru/news/640549> (дата обращения: 03.11.2021).

³ Депутаты назначили сити-менеджером Иркутска Руслана Болотова. Жителей лишили прямых выборов в 2014 году // Тайга.инфо. 2020. 30 апреля. URL: <https://tayga.info/154560> (дата обращения: 03.11.2021).

⁴ Киселев М. Конфликт элит в Калининграде довел до «виртуального Хабаровска» // Деловой Петербург. 2020. 20 октября. URL: https://www.dp.ru/a/2020/10/20/Konflikt_jelit_v_Kaliningr (дата обращения: 11.02.2021).

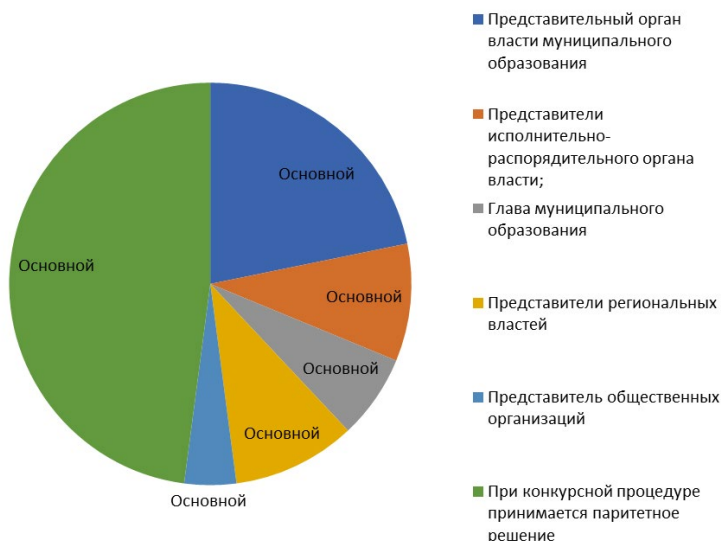
⁵ Головинов С. Конфликт губернатора с сити-менеджером приближает Сипягина к статусу «всероссийского аутсайдера» // ЗЕБРА.ТВ. 2019. 7 июля. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/vlast/konflikt-gubernatora-s-siti-menedzherom-priblizhaet-sipyagina-k-statusu-vserossiyskogo-outsaydera> (дата обращения: 03.11.2021).

ные вопросы руководителей муниципалитетов волнуют в меньшей степени. Только каждый десятый (12,5%) считает, что «отсутствие четкой системы критериев отбора кандидата на должность главы администрации» является проблемой реализации модели «сити-менеджер» в современных условиях.

Возможный способ устранения данных дисфункций — обоснованный выбор кандидата на должность главы местной администрации (сити-менеджера). В качестве критериев отбора указаны: опыт работы (53,8%), образование (27,3%), практика взаимодействия с региональными властями (17,8%). Последний вариант ответа в большей степени характерен для руководителей городских округов и муниципальных районов. Данная закономерность вполне логична, учитывая более высокую интенсивность взаимодействий данных муниципальных образований с региональными властями. Ответы респондентов позволяют сделать заключение, что при выборе профессионального управляющего более высокую значимость имеют его практические навыки, чем полученное ранее образование. Можно предположить, что профессионализм сити-менеджера в глазах респондентов связан с наличием навыков практического решения задач социально-экономического развития территорий и умением взаимодействовать с вертикалью власти, которые позволят добиться реального эффекта от проводимой муниципальной политики. Вместе с тем к образованию профессионального управляющего также предъявляется ряд требований. Предпочтительными для эффективной работы в статусе главы местной администрации выглядят такие направления подготовки, как государственное и муниципальное управление — 31,8%, экономическое образование — 26,3%, юридическое образование — 25,8%.

Обратимся теперь к вопросам конкурсной процедуры при отборе сити-менеджера (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Кто оказывает решающее воздействие на выбор кандидатуры главы местной администрации по контракту (сити-менеджера)?», %

Паритетное решение представляется самой оптимальной альтернативой, но остается открытым вопрос о механизмах достижения консенсуса, который обеспечил бы реализацию всех преимуществ привлечения профессионального управляющего при минимизации конфликтных рисков.

Дискуссия

Эффективность социально-экономического развития территории определяет «состояние муниципального аппарата, методы и стиль управляющей деятельности, профессионализм, уровень доверия населения к властям» [Оганесян, Веселова, 2015: 65]. Муниципалитеты, имеющие устойчивый квалифицированный кадровый состав, обладают большими возможностями в реализации инициативных проектов развития территории [Burrier, 2019; Grissom, Harrington, 2012]. По результатам международных исследований, тенденции снижения расходов на содержание бюрократического аппарата власти не всегда приводят к ожидаемой эффективной экономии ресурсов, тем самым ограничивая возможности муниципалитетов в решении стратегических задач [Drew, Kortt, Dollery, 2014].

Высокий уровень сложности и многоаспектность задач, стоящих сегодня перед органами местного самоуправления, формируют общественный запрос на профессионализацию муниципального управления. По оценке ARUP / Rockefeller Foundation, обеспечение устойчивости городского развития включает в себя направления деятельности по таким сферам, как здоровье и благополучие, экономика и общество, инфраструктура и окружающая среда, а также лидерство и стратегия [Therrien, Usher, Matyas, 2020]. В ряде международных исследований выделяются критические факторы, обеспечивающие успешность муниципального управления: компетенции руководителя, консолидация усилий заинтересованных сторон, поддержка рынка, планирование городского развития, учет вызовов внешней среды [Liu, Low, Wang, 2018].

Современные вызовы внешней среды, определяемые недостаточностью местных бюджетов, необходимостью решения вопросов жизнеобеспечения территории и привлечения инвестиций, фокусируют управленческие практики на приоритетах экономической эффективности, рационального хозяйствования. Данные выводы подтверждаются результатами исследований [Поварова, 2016; Лунякова, 2020; Карамнова, Трунова, 2018], которые иллюстрируют дисбалансы, связанные с недостаточностью финансовых ресурсов в местных бюджетах, низким уровнем заработной платы муниципальных служащих. Проблемы финансовых и кадровых ресурсов местного самоуправления РФ детерминируют общественный запрос на профессионализацию муниципального управления, обеспечение оптимизации хозяйственных практик, центрирование интересов руководства на вопросах социально-экономического развития территории.

Повышение профессионализма муниципального управления может обеспечиваться конкурсной процедурой назначения главы местной администрации (сити-менеджера). Менеджер, нанимаемый по контракту, может выступать гарантом эффективности муниципального управления вне зависимости от политической ситуации [Константинов, 2018]. Также в качестве преимущества использования модели «сити-менеджер» выступает возможность привлечения к процессам муни-

ципального управления высокопрофессиональных специалистов, обладающих соответствующей подготовкой и профильными компетенциями в области администрирования, хозяйственной деятельности. Дополнительным преимуществом модели «сити-менеджер» каждый десятый респондент видит разделение политических и административных функций в муниципальном управлении. Однако данное утверждение может рассматриваться как дискуссионное. Во-первых, ожидания всенародно избранного главы муниципального образования связаны в том числе с полнотой властных полномочий, интегрирующих финансово-экономические, политические, хозяйственные, административные и иные функции. Сужение роли главы до представительских функций не может не вызывать чувства ущемления собственных прав, принижения профессиональной роли. В данных условиях можно прогнозировать рост напряженности во взаимодействиях двух ключевых фигур муниципального управления, нивелирование преимуществ командной работы.

Обращает на себя внимание амбивалентность оценок роли региональных властей в реализации практик сити-менеджмента в современных российских условиях. В частности, чуть более трети опрошенных (35%) склоняются к оптимистичным сценариям, считая, что участие представителей региональных властей в назначении главы администрации по контракту позволит снизить конфликтные риски по линии «губернатор — мэр», консолидировать усилия местных и региональных органов власти. В противовес данным мнениям примерно такая же доля респондентов (29,5%) критично воспринимает роль региональных властей в практике реализации данной модели. Главной проблемой они считают возможность лоббирования политических интересов региональных властей. Можно предположить, что сити-менеджер, имеющий свое представление о механизмах и векторе территориального развития, чувствуя поддержку со стороны региональных властей, не будет ориентирован в «сверке» своей системы координат с главой муниципального образования. Его подотчетность Совету депутатов и региональным властям ставит под сомнение роль главы в решении вопросов местного значения. Несмотря на всенародное избрание, глава муниципального образования имеет уязвимую позицию при «сильном» сити-менеджере, обладающем региональной поддержкой. В данной ситуации преимущества разделения политических и хозяйственных функций практически нейтрализуются. Идею сотрудничества двух ключевых фигур местного самоуправления сложно реализовать в условиях, когда глава муниципального образования воспринимает успешную деятельность партнера как потенциальную угрозу собственному статусу и власти. Можно прогнозировать развитие двух тенденций: либо сужение полномочий главы до номинальных представительских функций (представление интересов муниципального образования, подписание и обнародование муниципальных актов и пр.), либо резкое противостояние, конкуренция и борьба за иерархический статус в муниципальной власти.

С 2015 г. началась практика конкурсного отбора и назначения главы муниципального образования. Данная новация, с одной стороны, нивелирует ряд негативных последствий реализации модели «сити-менеджер», в частности происходит слияние в одной должности двух ключевых фигур — главы и профессионального управляющего. С другой стороны, данная практика не нашла массовой поддержки в муниципальных образованиях, сохраняется общественный запрос

на демократические процедуры голосования, легитимное народное избрание главы города. Кроме того, практика конкурсного отбора и назначения главы муниципального образования актуализирует проблему ограничения автономии местного самоуправления, усиливая влияние региональных элит на кадровые решения и вопросы внутренней политики города. Ввиду сказанного выше данная практика не может рассматриваться как жизнеспособная альтернатива модели «сити-менеджер», что ставит задачу поиска путей выхода из сложившейся ситуации.

Отметим, что профессионализация муниципального управления при очевидных преимуществах имеет ряд ограничений, обусловленных спецификой российских социально-политических условий. Нельзя не задаться вопросом: каковы инструменты поддержания жизнеспособности данной модели и обеспечения баланса интересов двух ключевых фигур: главы и сити-менеджера? Ответ видится в совершенствовании процедуры конкурсного отбора и назначения на должность сити-менеджера. В частности, представляется целесообразным формирование конкурсной комиссии и четких критериев оценки кандидатов. Обратим внимание, что оценочные критерии должны включать в себя как формальные требования к уровню образования, так и ситуационные показатели, которые бы учитывали специфику развития конкретных территорий. После отбора нескольких претендентов, удовлетворяющих данным требованиям, представляется целесообразным оставить право окончательного выбора и утверждения кандидатуры сити-менеджера за главой муниципального образования. Фиксация ситуации найма позволит закрепить иерархические статусы двух ключевых фигур местного самоуправления, устранить элемент соревнования и противоборства.

Выводы

Преимущества реализации модели «сити-менеджер» связаны со следующими факторами: привлечение профессионалов высокого уровня, разделение хозяйственных и политических функций в деятельности руководителя муниципалитета, формирование более широких возможностей контроля за его работой, обеспечение прозрачности муниципального управления.

Однако в современных условиях российская практика реализации данной модели наталкивается на серьезные противоречия и конфликтные риски во взаимодействиях главы муниципального образования и сити-менеджера. Проведенное исследование показало неоднозначность отношения руководителей органов местного самоуправления к сити-менеджеру, в частности, опасения по поводу нарастания конфликтности во взаимодействии ключевых фигур местного самоуправления, лоббирования политических интересов региональных властей. Отмечается низкий уровень доверия населения к сити-менеджеру, большинство респондентов полагают, что руководить городом должен всенародно избранный глава муниципального образования. Можно предположить, что проблемы рассматриваемой модели связаны со следующими дисфункциями:

1. *Конкуренция.* Политическая борьба между назначаемым по контракту профессиональным менеджером и главой муниципального образования нивелирует эффективность реализации данной модели. По результатам проведенного исследования делается вывод, что условная ситуация двуначалия создает предпосылки

для борьбы за иерархический статус, поддержку региональных властей и главенствующую позицию в определении вектора/механизмов территориального развития. Сужение полномочий главы муниципального образования до представительских функций на церемониях «перерезания красных ленточек» не может в полной мере соответствовать статусу «всемирно избранного» мэра, имеющего высокие ожидания и амбиции в отношении своей должности. В этой ситуации хозяйственные и экономические успехи сити-менеджера могут восприниматься как угроза политической позиции главы муниципального образования. Можно прогнозировать выстраивание барьеров и ограничений для успешной деятельности сити-менеджера со стороны мэра.

2. *Полномочия.* Исходя из материалов проведенного исследования, можно сделать вывод о неоднозначном отношении руководителей органов местного самоуправления к распределению полномочий главы муниципального образования и сити-менеджера. В теории введение фигуры профессионального управленца призвано снять дополнительную нагрузку с главы, перераспределив ее на квалифицированного специалиста. На практике условное разделение полномочий между наемным менеджером и главой на «хозяйственные» и «представительские» не может быть в полной мере принято последним, выстраивающим свою политическую карьеру на определенных амбициях и ожиданиях. В этом контексте сужение полномочий главы муниципального образования до представительского формата создает угрозу для его политического статуса и затрудняет построение партнерских отношений с сити-менеджером.

3. *Процедура конкурсного отбора.* Размытость границ кадровой политики детерминирует условия для возникновения конфликтных рисков и конкуренции во взаимодействии сити-менеджера и главы муниципального образования. В частности, отсутствие у него реальных механизмов влияния на выбор кандидатуры сити-менеджера создает предпосылки для развития дисфункций в процессе выстраивания их партнерских отношений, организации командной работы, доверия друг к другу. По сути, создаются два политических лагеря, которые начинают борьбу за политическое влияние, оставляя на периферии своего внимания реальные интересы муниципального образования. Конечно, данная ситуация распространена не повсеместно, однако сама возможность ее возникновения представляется опасной и неблагоприятной для развития муниципальных образований.

Перспективы развития идей профессионализации муниципального управления видятся авторами в снижении конфликтных рисков реализации модели «сити-менеджер», оптимизации организационных процедур. Для устранения ограничений представляется целесообразным формирование конкурсной комиссии и четких критериев оценки кандидатов. Право окончательного выбора и утверждения кандидатуры сити-менеджера за главой муниципального образования позволит зафиксировать иерархические статусы двух руководителей. Закрепленная условная подчиненность нанимаемого по контракту менеджера главе муниципального образования с некоторой долей вероятности обеспечит основу для их партнерских и доверительных взаимодействий.

Следует отметить, что даже формирование благоприятных политико-административных условий, обеспечивающих эффективность процедур назначения и отбора

сити-менеджера, а также результативность практик его взаимодействия со всеми заинтересованными субъектами, нейтрализация конфликтных рисков не являются гарантом устойчивого развития муниципальных образований. Модернизация практик местного самоуправления может быть достигнута только при условии институциональных изменений, способствующих формированию ресурсного обеспечения деятельности современных муниципалитетов.

Резюмируя представленные материалы исследования, можно отметить, что вклад авторов в разработку поднимаемой проблематики заключается в систематизации преимуществ и ограничений реализации модели «сити-менеджер» в муниципальных образованиях РФ; определении перспективных направлений оптимизации организационных процедур профессионального отбора и назначения на должность сити-менеджера.

Список литературы (References)

Большаков С. Н. Повышение эффективности государственного и муниципального управления на основе мониторинга стратегий социально-экономического развития // Вопросы управления. 2019. № 2. С. 82—91. URL: <https://journal-management.com/issue/2019/02/10> (дата обращения: 29.12. 2021).

Bolshakov S. N. (2019) Improving the Efficiency of State and Municipal Administration based on Monitoring Strategies for Socio-Economic Development. *Management Issues*. No. 2. P. 82—91. URL: <https://journal-management.com/issue/2019/02/10> (accessed: 29.12. 2021). (In Russ.)

Вискулова В. В. О «конкурсном» порядке избрания глав муниципальных образований: некоторые обобщения двухлетней практики // Журнал Российского права. 2017. № 6. С. 26—37. https://doi.org/10.12737/article_592409b76646a1.899666646.

Viskulova V. V. (2017) About a «Competitive» Order of Municipality Heads Election: Two Years' Practice Generalization. *Journal of Russian Law*. No. 6. P. 26—37. https://doi.org/10.12737/article_592409b76646a1.899666646. (In Russ.)

Галазова М. В. Программное бюджетирование как инструмент управления муниципальными финансами // Вестник университета. 2019. № 12. С. 11—16. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-12-11-16>.

Galazova M. V. (2019). Program Budgeting as a Tool of Municipal Finance Management. *University Bulletin*. No. 12. P. 11—16. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-12-11-16>. (In Russ.)

Дятлов А. В., Ковалев В. В., Чигрин В. А. Институционализация сити-менеджмента в муниципальном управлении республики Крым: оценки экспертов // НОМОТНЕТИКА. Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 1. С. 37—49.

Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Chigrin V. A. (2019) Institutionalization of City Management in Municipal Administration of the Republic of Crimea: Estimation of Experts. *НОМОТНЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law*. T. 44. No. 1. P. 37—49. (In Russ.)

Камоликова В. Р. Модель «сити-менеджера»: успешность модели в социально-экономической динамике (на примере городов Алтайского края) // Бизнес. Общество. Власть. 2014. № 20. С. 83—94. URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2014-20/136208196.html> (дата обращения: 29.12.2021).

Kamolikova V. R. (2014) Model of City Manager: The Success of the Model in Socio-Economic Dynamics (On the Example of the Cities of Altai Krai). *Business. Society. Authority*. No. 20. P. 83—94. URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2014-20/136208196.html> (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Карамнова Н. В., Трунова С. Н. Совершенствование системы мотивации труда муниципальных служащих // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 9. С. 237—244. URL: <https://www.kgsha.ru/upload/iblock/292/292c5de6cb51eee7aee2e3eba0bd640b.pdf> (дата обращения: 29.12.2021).

Karamnova N. V., Trunova S. N. (2018) Improving the System of Motivation for the Work of Municipal Employees. *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. No. 9. P. 237—244. URL: <https://www.kgsha.ru/upload/iblock/292/292c5de6cb51eee7aee2e3eba0bd640b.pdf> (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Ковалев В. В., Чигрин В. А. Политико-административные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4. № 2. С. 30—38. URL: <http://sn-spp.cfuv.ru/arhiv/tom-4-70-2-2018-g/> (дата обращения: 29.12. 2021).

Kovalev V. V., Chigrin V. A. (2018) Political and Administrative Bases for the Model of “City Management” in the System of Russian Municipal Management. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. Vol. 4. No. 2. P. 30—38. URL: <http://sn-spp.cfuv.ru/arhiv/tom-4-70-2-2018-g/> (accessed: 29.12. 2021). (In Russ.)

Колодина Е. А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 162—170. URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=21426> (дата обращения: 29.12. 2021).

Kolodina E. A. (2017) Research on Trends in the Development of Local Self-Government in Modern Russia. *Bulletin of Baikal State University*. Vol. 27. No. 2. P. 162—170. URL: <http://izvestia.bgu.ru/reader/article.aspx?id=21426> (accessed: 29.12. 2021). (In Russ.)

Константинов К. В. Институт сити-менеджера: проблемы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2018. № 2. С. 21—27.

Konstantinov K. V. (2018) Institute of City Manager: Theoretical and Practical Problems. *Siberian Law Herald*. No. 2. P. 21—27. (In Russ.)

Луныкова Н. А. Обеспечение финансовой основы местного самоуправления в Российской Федерации // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 3. С. 12—21. URL: <http://fbi.cfuv.ru/arhiv/%e2%84%96-3-52-2020-%d0%b3/> (дата обращения: 29.12.2021).

Lunyakova N. A. (2020) Financial Basis Ensuring for the Local Self-Government in the Russian Federation. *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. No. 3. P. 12—21. URL: <http://fbi.cfuv.ru/arhiv/%e2%84%96-3-52-2020-%d0%b3/> (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Институт муниципальных выборов в современной России: проблемы и перспективы развития. 2019. Т. 27. № 5. С. 19—27. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6713>.

Maikova E. Yu., Simonova E. V. (2019) The Institute of Municipal Elections in Modern Russia: Problems and Development Prospects. *Vlast' (The Authority)*. Vol. 27. No. 5. P. 19—27. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6713>. (In Russ.)

Меркулова К. Г. Развитие института местного самоуправления в современной России: основные этапы и актуальные проблемы // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 6. С. 137—144. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-6-137-144>.

Merkulova K. G. (2018) Local Self-Government Institution Development in Modern Russia: The Main Stages and Topical Problems. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. Vol. 18. No. 6. 137—144. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-6-137-144>. (In Russ.)

Москвитина Н. В. Информационная культура муниципальных служащих // Социология. 2020. № 3. С. 211—221. URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=25993 (дата обращения: 29.12.2021).

Moskvitina N. V. (2020) Information Culture of Municipal Employees. *Sociology*. No. 3. P. 211—221. URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=25993 (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Оганесян Т. Л., Веселова Н. Ю. Конструкция и эффективность управления деятельностью органов местного самоуправления // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 1. С. 64—67.

Oganesyan T. L., Veselova N. Yu. (2015) Construction and Management Efficiency of Local Government. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*. No. 1. P. 64—67. (In Russ.)

Панов П. В. Рекрутирование глав муниципальных образований: кроссрегиональная вариативность в выборе институциональных моделей // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 2. С. 39—47. URL: <http://journal.permisc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2018n2p5> (дата обращения: 29.12.2021).

Panov P. V. (2018) Recruitment of Heads of Municipalities: Cross-Regional Variability in the Choice of Institutional Design. *Perm Federal Research Centre Journal*. No. 2. P. 39—47. URL: <http://journal.permisc.ru/index.php/pscj/article/view/PSCJ2018n2p5> (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Петрова Е. В. Вариативность избрания органов местного самоуправления в сибирских регионах // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 40. <https://doi.org/10.7242/10.7242/1998-2097/2018.2.7>.

Petrova E. V. (2016) Variability of local self-administration elections in Siberian regions. *Public administration issues*. No. 2. P. 40. <https://doi.org/10.7242/10.7242/1998-2097/2018.2.7>. (In Russ.)

Подвинцев О. Б., Витковская Т. Б. Институциональный дизайн и модели власти как факторы успеха инкубентов на выборах глав МСУ (по материалам Пермского края, Кировской и Свердловской областей) // Вестник Пермского университета. Политология. 2014. № 1. С. 22—39.

Podvintsev O. B., Vitkovskaya T. B. (2014) Institutional Design and Models of Power as Factors of Success of Incumbents in the Elections of Heads of Local Self-Government (Based on Materials from the Perm Krai, Kirov Oblast and Sverdlovsk Oblast). *Bulletin of Perm University. Political Science*. No. 1. P. 22—39. (In Russ.)

Поварова А. И. Почему не растет самообеспеченность бюджетов городских округов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1. С. 108—121. <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.7>.

Povarova A. I. (2016) Why Is the Self-Sufficiency of the Budgets of Urban Districts Not Growing? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 1. P. 108—121. <https://doi.org/10.15838/esc/2016.1.43.7>. (In Russ.)

Роздольская И. В., Осадчая С. М., Мозговая Ю. А. Сити-менеджмент как новый институт системы муниципального управления в условиях институциональных изменений местного самоуправления // Экономическая система современного общества: экономика и управление Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 83—88.

Rozdol'skaya I. V., Osadchaya S. M., Mozgovaya Yu. A. (2018) City Management as a New Institution of the Municipal Management System in the Context of Institutional Changes in Local Self-Government. *Economic System of Modern Society: Economics and Management Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. P. 83—88.

Фролова Е. В., Медведева Н. В. Сотрудничество бизнеса и местной власти: проблемы и новые возможности // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. С. 181—196. URL: <https://vgmu.hse.ru/2018--1/217689291.html> (дата обращения: 29.12.2021).

Frolova E. V., Medvedeva N. V. (2018) Cooperation Between Business and Local Authorities: Problems and New Opportunities. *Public administration issues*. No. 1. P. 181—196. URL: <https://vgmu.hse.ru/2018--1/217689291.html> (accessed: 29.12.2021). (In Russ.)

Фролова Е. В., Рогач О. В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>.

Frolova E. V., Rogach O. V. Staffing of Local Government in Modern Russian Conditions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 369—385. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.19>. (In Russ.)

Burrier G. (2019) Politics or Technical Criteria? The Determinants of Infrastructure Investments in Brazil. *Journal of Development Studies*. Vol. 55. No. 7. P. 1436—1454. <https://doi.org/10.1080/00220388.2018.1438596>.

Ciasullo M. V., Troisi O., Grimaldi. M., Leone D. (2020) Multi-Level Governance for Sustainable Innovation in Smart Communities: An Ecosystems Approach. *International entrepreneurship and Management Journal*. Vol. 16. P. 1167—1195. <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00641-6>.

Deffner A., Karachalis N., Psatha E., Metaxas T., Sirakoulis K. (2020) City Marketing and Planning in Two Greek Cities: Plurality or Constraints? *European Planning Studies*. Vol. 28. No. 7. P. 1333—1354. <https://doi.org/10.1080/09654313.2019.1701291>.

Drew J., Kortt M. A., Dollery B. (2014) Economies of Scale and Local Government Expenditure: Evidence From Australia. *Administration & Society*. Vol. 46. No. 6. P. 632—653.

Fuenzalida J., Riccucci N. M. (2019) The Effects of Politicization on Performance: The Mediating Role of HRM Practices. *Review of Public Personnel Administration*. Vol. 39. No. 4. P. 544—569. <https://doi.org/10.1177/0734371X18758378>.

Goshovska V., Danylenko L., Hachkov A., Paladiiichuk S., Dzeha V. (2021) Problems of Applying Information Technologies in Public Governance. *International Journal of Computer Science and Network Security*. Vol. 21. No. 8. P. 71—78. <https://doi.org/10.22937/IJCSNS.2021.21.8.10>.

Grissom J. A., Harrington J. R. (2012) Local Legislative Professionalism. *American Politics Research*. Vol. 41. No. 1. P. 76—98. <https://doi.org/10.1177/1532673x12448212>.

Hawkins C. V., Krause R. M., Deslatte A. (2021) Staff Support and Administrative Capacity in Strategic Planning for Local Sustainability. *Public Management Review*. <https://doi.org/10.1080/14719037.2021.1999667>.

Karppi I., Vakkuri J. (2020) Becoming Smart? Pursuit of Sustainability in Urban Policy Design. *Public Management Review*. Vol. 22. No. 5. P. 746—766 <https://doi.org/10.1080/14719037.2020.1718188>.

Lan S. L., Tseng M. L., Yang C., Huisingh D. (2020) Trends in Sustainable Logistics in Major Cities in China. *Science of the Total Environment*. Vol. 712. 136381. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2019.136381>.

Liao Y. G., Ma L. (2019) Do Professional Associations Make a Difference? Linking Municipal Managers' Association Participation and Attitudes Toward Citizen Participation. *Public Management Review*. Vol. 21. No. 12. P. 1824—1847. <https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1577907>.

Liu J. Y., Low S. P., Wang L. F. (2018) Critical Success Factors for Eco-City Development in China. *International Journal of Construction Management*. Vol. 18. No. 6. P. 497—506. <https://doi.org/10.1080/15623599.2017.1351731>.

Martynova M. Yu., Feoktistova D. M. (2020) The Russian Political Elite in the Context of Modern Political Development. *Contemporary Problems of Social Work*. Vol. 6. No. 3. P. 85—91. <https://doi.org/10.17922/2412-5466-2020-6-3-85-91>.

Méndez-Lemus Y, Vieyra A, Poncela L. (2017) Peri-Urban Local Governance? Intra-Government Relationships and Social Capital in a Peripheral Municipality of Michoacán, Mexico. *Progress in Development Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 1—23. <https://doi.org/10.1177/1464993416674297>.

Nelson K. L., Afonso W. B. (2019) Ethics by Design: The Impact of Form of Government on Municipal Corruption. *Public Administration Review*. Vol. 79. No. 4. P. 591—600. <https://doi.org/10.1111/puar.13050>.

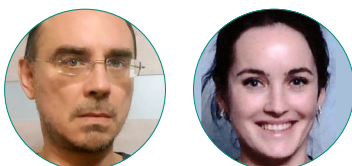
Pardo-Bosch F., Cervera C., Ysa T. (2019) Key Aspects of Building Retrofitting: Strategizing Sustainable Cities. *Journal of Environmental Management*. Vol. 248. No. 109247. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2019.07.018>.

Siegel D. (2020) Public Servants and Politics: Developing Political Acuity in Local Government. *Canadian Public Administration*. Vol. 63. No. 4. P. 620—639. <https://doi.org/10.1111/capa.12381>.

Therrien M. C., Usher S., Matyas D. (2020) Enabling Strategies and Impeding Factors to Urban Resilience Implementation: A Scoping Review. *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 28. No. 1. P. 83—102. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12283>.

Timeus K., Vinaixa J., Pardo-Bosch F. (2020) Creating Business Models for Smart Cities: A Practical Framework. *Public Management Review*. Vol. 22. No. 5. P. 726—745. <https://doi.org/10.1080/14719037.2020.1718187>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1950](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950)

А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш

«СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА И СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Правильная ссылка на статью:

Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 528—548. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950>.

For citation:

Antonovskiy A. Y., Barash R. E. (2021) The «System of Sociology» by Pitirim Sorokin and the systemic communicative approach. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 528–548. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1950>. (In Russ.)

«СИСТЕМА СОЦИОЛОГИИ» ПИТИРИМА СОРОКИНА И СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия; доцент философского факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: antonovski@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

БАРАШ Раиса Эдуардовна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: raisabarash@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

Аннотация. В статье реконструируется ряд идей русско-американского социолога и философа Питирима Сорокина, сформулированных в российский период его творчества. Авторы анализируют программу автономизации социологии как трансдисциплинарной науки и показывают, что Сорокину удалось сформулировать фундаментальные положения системно-коммуникативного подхода в социальной теории, зафиксировать важнейшие предпосылки кристаллизации современного коммуникативно дифференцированного общества. Используя достижения современного ему естествознания, психологии, философии, лингвистики, эволюционной теории, Сорокин описал позитивную программу системно-коммуникативного подхода к исследованию общества, которая фактически

THE «SYSTEM OF SOCIOLOGY» BY PITIRIM SOROKIN AND THE SYSTEMIC COMMUNICATIVE APPROACH

Alexander Yu. ANTONOVSKIY^{1,2} — Dr. Sci. (Phil.), Leading Researcher; Associate Professor at the Faculty of Philosophy
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

Raisa E. BARASH³ — Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher
E-MAIL: raisabarash@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5899-973X>

¹ Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The authors of the paper reconstruct the contribution of Pitirim Sorokin, an outstanding Russian and American sociologist and philosopher, into the development of social ideas that he made during his Russian period of work. The authors pay special attention to the sociological autonomy program as a transdisciplinary science and note that Sorokin anticipated many ideas of the vastly influential at the time of his work system-communicative theory. He also articulated the most important prerequisites for the crystallization of the modern communicatively differentiated society. Basing on the knowledge of natural science, psychology, philosophy, linguistics, evolutionary theory, etc., Sorokin formulated a positive program of system and communicative approach to the study of society, which was embodied and thus

реализовалась и тем самым верифицировалась лишь десятилетия спустя в рамках коммуникативной теории Никласа Лумана. Эта программа включала в себя анализ «минимального проявления» общества, которое получило название «взаимодействие». Это понятие мы отождествляем с современным понятием «коммуникации».

Статья представляет собой частично переработанную версию английского текста Antonovskiy A. Y. (2020) Sorokin Pitirim Revisited. His place in Social Philosophy as a Transdisciplinary Thinker. Journal of Siberian Federal University, Social Sciences. Vol. 8. No. 13. P. 1250—1263; печатается с разрешения этого журнала.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, взаимодействие, коммуникация, Питирим Сорокин, Никлас Луман

verified only decades later within the framework of the Niklas Luhman's theory. This program included an analysis of the minimal manifestation of society, which was called «interaction», and which could be identified with the modern concept of communication.

The paper is a partially revised version of the English text by Antonovskiy A. Y. (2020) Sorokin Pitirim Revisited. His place in Social Philosophy as a Transdisciplinary Thinker. Journal of Siberian Federal University, Social Sciences. Vol. 8. No. 13. P. 1250—1263; printed with permission from this journal.

Keywords: systems theory, interaction, communication, Pitirim Sorokin, Niklas Luhmann, political system, science system

Введение

Питирим Александрович Сорокин — один из немногих отечественных мыслителей, кто мог бы претендовать на статус классика социальной теории [Jeffries, 2002, 2009]. Стоит заметить, однако, что его роль в развитии теории социальной мысли связывают главным образом с культурно-историческим подходом, с его вкладом в организационную теорию [Peltonen, 2018] и религиоведение [Uzlaner, Stoeckl, 2018]. Мы рассмотрим некоторые идеи Сорокина, получившие систематическое изложение в так называемый «позитивистский этап» его творчества, в книге «Система социологии». Эта книга, столетний юбилей которой мы отметили в 2020 г., содержала в себе проект самоутверждения трансдисциплинарно ориентированной социальной теории. К сожалению, работа так и не была переведена на английский язык, а после эмиграции в США Сорокин существенно изменил фокус своего научного интереса в пользу, прежде всего, культурно-исторических и культур-социологических исследований.

Столетний юбилей этого выдающегося исследования служит хорошим поводом вспомнить о Питириме Сорокине именно как об одном из основателей социологии как строгой науки, поразмышлять о значении и перспективах этого уже отчасти забытого проекта — отечественной версии позитивистского обоснования социологии. Небезынтересно было бы проследить процесс рождения

русской социологии, которая с помощью и в лице Сорокина пытается защитить самостоятельность, отмежеваться от конкурирующих за ее поле дисциплин и зафиксировать собственное уникальное место в комплексной иерархии социальных наук.

Позднее, в период американской эмиграции, Сорокин сыграл ключевую роль в организации факультета социологии Гарвардского университета в 1930—1931 гг. — подобно тому, как десятью годами ранее он организовал социологический факультет Петроградского Университета. Однако, несмотря на его значение как теоретика и организатора науки, гораздо большее влияние в конечном счете приобрела структурно-функциональная версия социальной теории, на многие десятки лет утвердившаяся в качестве теоретической парадигмы для целого корпуса социальных наук. Развивавший ее молодой исследователь Толкотт Парсонс собрал вокруг себя группу ученых, предложивших комплексную и трансдисциплинарно ориентированную теорию общества, использующую достижения актуальной на то время культурной антропологии и социальной психологии. Развернувшаяся латентная, а зачастую и явная война концептов между функционалистской теорией Парсонса и культурно-историческим подходом Сорокина [Buxton, 1996] закончилась полной и безоговорочной победой функционализма. Ирония же этой ситуации состояла в том, что ранее разработанная Сорокиным концепция взаимодействия (как признавал и сам Сорокин [Coser, 1977: 490],) предвосхитила, а в чем-то и существенно опередила структурно-функциональную теорию, при том что сам мыслитель ее сурово критиковал [Sorokin, 1963: 251]¹. В то же время и структурный функционализм Парсонса, и концепция социокультурной динамики Сорокина, обосновывая притязания теоретической социологии на собственный объект, исходили не столько из предметной, сколько из *проблемно-ориентированной установки*. Они не только решали теоретические проблемы (определение объекта социологического анализа, содержание ключевых социологических понятий), но фиксировали проблему самого общества, аналитически реконструировали — в кантовском смысле — условия возможности социального порядка («Гоббсову проблему»). При этом Парсонс обосновал собственное решение, апеллируя к фактическому воспроизводству общества через базовые AGIL-функции, универсально воспроизводившиеся на всех уровнях системы действия, а Сорокин фиксировал некие «духовные и метафизические источники порядка» [Pitasi, 2014: 29].

Однако ранее в «Системе социологии» Сорокин обосновывал «дисциплинарные права» социологии иначе, имея в виду не столько конституирующую ее *проблему*, сколько конституирующий ее *предмет*, а именно — «взаимодействие». Ниже мы попытаемся воспроизвести основные идеи этого проекта, исходя из того, что ключевое для Сорокина понятие «взаимодействие» обладает теми же содержанием и объемом, что и понятие «коммуникации» в системно-коммуникативной теории общества. Наша задача состоит в том, чтобы посмотреть, какие идеи Сорокина, сформулированные в его «русский» период, предвосхитили достижения со-

¹ То, что концепция Сорокина конгениальна актуальной системно-коммуникативной версии социальной теории [Luhmann, 1997; Stichweh, 2015; Vaescker, 2006], не осталось незамеченным, но, тем не менее, этот временной приоритет связывают, скорее, с поздними исследованиями Сорокина [Pitasi, 2014: 28].

временной социальной теории, прежде всего, в ее системно-коммуникативной версии.

Битва за предмет и автономию социологии

Не успев родиться, социология, по мнению Сорокина, столкнулась с угрозой лишения ее собственного дисциплинарного домена. В нем, по всей видимости, не осталось ничего, что бы ни входило в предметный интерес других дисциплин (экономической науки, социальной антропологии, социальной психологии и т. д.). Требовалось защитить права на собственный участок в континуальном когнитивном пространстве внешнего мира науки, а значит — обеспечить легитимность социологии как полноценной социальной дисциплины. Питирим Сорокин воспринимает этот вызов со всей серьезностью — как научно-теоретическую и научно-организационную проблему. В этом смысле отвечать на этот вызов ему приходится дважды. В «Системе социологии» он теоретически обосновывает ее уникальный, еще не занятый другими дисциплинами, специфический домен «взаимодействия». Практически же он воплощает свой проект, организуя факультеты социологии в Петроградском (1919—1920) и Гарвардском (1930—1931) университетах.

На наш взгляд, то уникальное обстоятельство, что русский эмигрант занял лидерские позиции в процессе институционализации американской (и по большому счету, мировой) социологии не является чем-то естественно понятным, но должно получить объяснение. Во всяком случае, вряд ли речь здесь идет о простой игре случая, и эта ситуация не может описываться понятием «серендипности», придуманным его «неверным учеником» Робертом Мертоном [Merton, Barber, 2004]. Наша гипотеза состоит в том, что именно трансдисциплинарный характер социальной теории Сорокина и, как следствие, «перформативное» влияние его теоретического концепта на других ученых Гарварда могли бы объяснить успешную реализацию научно-организационного проекта Сорокина и ту поддержку, которую он получил в США.

В свой ранний период дисциплинарные притязания социологии Сорокин выводит не столько из ключевой проблемы социального порядка, сколько из *уникальности* ее предмета. Ее предмет — это «взаимодействия между людьми». Хотя речь идет об отношениях людей, сам человек как действующий и взаимодействующий индивид отходит в этом концепте на второй план. Концептуализируется и получает теоретический приоритет «категория между-человеческих отношений» [Сорокин, 1920: 8]. Каков же онтологический статус этого «между»? Очевидно, по крайней мере, что это «между людьми» само не является человеком, не представляет социальную группу или социальную систему, но обозначает некий уникальный класс объектов исследования — процессов взаимодействий. Уже здесь Сорокин заявляет о выходе к фронтиру трансдисциплинарности, обосновывая это тем, что такого рода процессы «взаимодействия между» изучаются в самых разных исследовательских областях (в биосоциологии, фитосоциологии и т. д.).

Утверждение автономии социологии Сорокин начинает с универсального позитивистского тезиса о «научности». Во-первых, «социология может и должна быть наукой теоретической, изучающей мир людей таким, каков он есть. Всякий

нормативизм из социологии как науки должен быть изгнан. Истина должна быть разъединена от Добра, Справедливости и т. п. принципов» [там же: IX]. Во-вторых, она должна быть объективной² и «превратиться из науки о „психических реальностях“, в изучающую явления, доступные наблюдению, имеющие определенное внешнее бытие, допускающие <...> „измерение“. В-третьих, «социология хочет быть опытной и точной наукой, она должна прекратить „философствование“, отказаться от философски-умозрительных трактатов» [там же: X].

Границы автономии социологического домена Сорокин пытается «застолбить», отражая экспансию конкурирующих дисциплин. Он энергично отмечает «энергетический подход» Вильгельма Оствальда, в котором отношения индивидов редуцируются к физико-химическим действиям ньютоновских сил («сотрудничество есть сложения сил», а «организация — равновесие сил»). Отбрасывает Сорокин и иные более рафинированные виды «механицизма», включая взгляды Карла Маркса (как мы помним, ключевое понятие «труд», то есть механическая работа, определялся физическим временем как столь же механическим мерилем его стоимости), а также все виды биологического редукционизма³. Притязания психологии на домен социологии отклоняются Сорокиным по основанию различности объектов. Психика и сознание суть объекты психологии, а «межпсихические процессы общения, взаимные акции и реакции людей ее не интересуют». «Что именно происходит в душе и в теле сумасшедшего, для социолога не важно» [там же: 16]. Его интересует лишь симптомы, по которым общество признает человека сумасшедшим и общественные следствия сумасшествия. Задолго до Мишеля Фуко Сорокин приходит к мысли об общественном происхождении душевных недугов. Именно общество решает, что признавать нормальным, а что психически девиантным, а значит, и сам факт психического отклонения есть контингентный, социально- и культурно-исторически обусловленный факт.

Однако на завершающем такте своей «апологии социологии» Сорокин неожиданно оправдывает притязания других социальных наук на социологический домен:

Возьмем ли мы политическую экономию, или науку права, или науку о религии, или дисциплину, изучающую искусство, — все они, как и другие «социальные» науки, изучают явления человеческого взаимодействия [Сорокин, 1920: 21].

Уже в этом парадоксальном утверждении мы можем зафиксировать прямую аналогию с ключевым дифференциалистским тезисом системно-коммуникативной теории. Эта теория рассматривает обозначенные Сорокиным типы коммуникации (хозяйственные, правовые, религиозные) как объекты конкретных дисциплин («хозяйство общества», «политику общества», «науку общества», «право общества», «религию общества», «искусство общества» и т. д.) и включает их в свой домен

² Примечательно, что этот позитивистский тезис Сорокин провозглашает практически одновременно со знаменитым (и содержательно аналогичным) тезисом о недопустимости «ценностных суждений» в научных исследованиях и преподавании [Weber, 2017].

³ «... Авторы, пытающиеся рассматривать homo-социологию как часть биологии, например Ваксвейлер, принуждены выделять явления человеческого взаимодействия в самостоятельный класс, отличный от других видов взаимодействия организмов <...>» [Сорокин, 1920: 11].

[Luhmann, 1997]. Но значит ли это, что социология есть некоторое множество или корпус специальных дисциплин?

Является ли она [социология] простым ярлыком, обозначающим совокупность всех социальных дисциплин, или же она имеет самостоятельное существование как независимая, не сливающаяся ни с одной из социальных наук отрасль знания? [Сорокин, 1920: 22]

Нет — по мнению Сорокина, она сохраняет свое уникальное объектное поле даже после того, как его поделили между собой означенные социальные дисциплины. «Специализация и дифференциация наук <...> не только не исключают, а напротив, требуют синтетическую науку, обобщающую основные результаты анализа» [там же: 19].

Теорема Петражицкого, наблюдение второго порядка и понятие трансдисциплинарности

Этот трансдисциплинарный тезис о «генерализирующей социологии» Сорокин обосновывает, ссылаясь на «теорему Петражицкого». Существо последней состоит в претендующем на закономерность утверждении, что всякая *специальная наука* требует *метанауки*, фиксирующей инвариантный (родовой) объект или его модель. Эта модель — в той или иной спецификации — всегда реализуется на некотором множестве специальных дисциплин. Так, к ботанике и зоологии примыкает «генерализирующая дисциплина» — общая биология. Например, теория нравственности, по мнению Петражицкого, требует теории права, а теория права и теория нравственности требуют некоторой обобщающей теории, скажем, социологии права, и т.д.⁴.

Ссылаясь на теорему Петражицкого, Сорокин формулирует концепт наблюдения второго и последующих порядков. Эта идея генерализирующей, трансдисциплинарно ориентированной науки сегодня получила общее признание в системно-коммуникативной теории, выделяющей два типа трансдисциплинарных наук:

...фиксирующих инвариантности, позволяющие охватить классы проблем нескольких дисциплин, сначала казавшиеся гетерогенными <...> С одной стороны, речь идет о моделях и понятиях (находящихся в распоряжении формальных дисциплин, прежде всего, математики и логики), которые имеют дело с трансцендентальными концептами, повышающими степень интеграции научной системы, обеспечивают доступ и понимание передового научного знания <...> Второй тип трансдисциплинарных концептов мы встречаем в понятийных системах «структурализма» и «общей теории систем», отличающихся от формальных дисциплин тем, что они своим происхождением обязаны специфическим дисциплинарным контекстам и областям происхождения специфических феноменов (язык, организмы), которые используются как феномены-парадигмы [Stichweh, 2013: 25].

⁴ Сама теорема звучит так: «Если есть n видов сродных предметов, то теоретических наук, вообще теорий должно быть $n+1$; напр., при наличии 2-х видов требуется $2+1 = 3$ » то есть «еще одна дисциплина, излагающая свойственное общему роду» [Петражицкий, 1905: 80].

Примечательно, что, обосновывая свой тезис, Сорокин привлекает достижения современной ему философии естествознания, что, очевидно, противоречит самоустановленному запрету на всякое философствование. В частности, используется идея Э. Маха и Г. Лейбница об «экономии усилий» или «экономии мышления». Сорокин прямо связывает теоретическую социологию в том числе и с мнемонической функцией. Он эксплицитно ссылается на законы Ньютона в интерпретации, данной Эрнстом Махом, хотя имя последнего по понятным причинам нигде не называет: «Ньютон совершил лишь переход от сил между телами конечных размеров к рассмотрению сил между бесконечно малыми частицами. Переход сопряжен с такой экономией умственной энергии», которая компенсирует неспособность памяти «удерживать каждый установленный единичный факт», и «запас наблюдений резюмируется в краткой формуле» [Сорокин, 1920: 29].

Именно махова мнемонически-техническая функция «экономии усилий» становится одним из основных алиби социологии, которая, с одной стороны, претендует — в этой функции — на уникальность и автономию, а с другой — как мета-наблюдающая дисциплина «представляет» конкретные достижения и «единичные факты» других социальных наук [там же: 31—32].

При этом трансдисциплинарность в исполнении Сорокина выказывает и специфичность. Ее задачи более широки. Они не сводятся к обобщению различных явлений посредством рамочного понятия *взаимодействия*. Особое значение придается выявлению взаимозависимостей между специальными (обобщаемыми социологией) дисциплинами:

Различные разряды явлений взаимодействия, изучаемые отдельными науками, например явления экономические, религиозные, правовые, эстетические и т. д., в действительной жизни не отделены друг от друга, а неразрывно связаны и влияют одни на другие. Заработная плата рабочих, например, зависит не только от отношений между спросом и предложением, но и от известных моральных идей. <...> Разделение труда определенным образом связано с явлениями солидарности. Экономическая организация общества зависит часто от форм религиозных верований. Географические условия определенным образом влияют и на организацию производства, и на строй семьи, и на обычаи народа <...> [там же: 33].

Поэтому любой специалист «вынужден выступать как социолог и как „не специалист“» [там же], а каждый специалист есть всегда и социолог.

Структура теоретической социологии

К важным достижениям молодого соперника Сорокина — Толкотта Парсонса — принято относить то качество его теории, которое позволило связать микроуровень социологического анализа (теорию действия в смысле Макса Вебера) с макроуровнем больших социальных систем (идею разделения общественного труда Эмиля Дюркгейма). «Именно Парсонс со всей ясностью понял, что действие нельзя отделить от системы» [Ваескер, Luhmann, 2002: 21]. Но в «Системе социологии» Питирима Сорокина, в рамках его «социальной аналитики», эта идея была выдвинута и обоснована гораздо раньше:

Предметом социальной аналитики является изучение строения (структуры) социального явления и его основных форм, этот отдел распадается на два основных подотдела: 1) на социальную аналитику, изучающую строение простейшего социального явления, разложение его на элементы, на систематику основных его форм и 2) на социальную аналитику, изучающую строение сложных социальных единств, образованных путем той или иной комбинации простейших социальных явлений [Сорокин, 1920: 38].

При этом, как мы указали выше, Сорокин не просто опережает Парсонса, он осуществляет ту самую сдвигку в «системных референциях», которую позднее сделал Никлас Луман, перейдя от анализа системы действия как элементарного социального явления, в своих массивах образующего «зернистый субстрат общества», к анализу коммуникации как элементарной формы существования общества. Так, говоря о «взаимодействии», Сорокин, на наш взгляд, ведет речь о коммуникации почти в том же смысле, как ее понимал Никлас Луман.

Структурно «взаимодействие» у Сорокина описывается ссылкой на «взаимодействующих лиц» (аналогично дистинкции *Ego/Alter Ego* у Никласа Лумана). Динамически «взаимодействие» у Сорокина распадается на последовательности «действий-раздражений» и «внутренних состояний-переживаний» (аналогично дистинкции *действия/переживания* Никласа Лумана).

С нашей точки зрения, эта структура предвосхищает те самые «конstellации атрибуций» (*Ego / Alter Ego*; действие/переживание), позволяющие — в их разных анатомических комбинациях — описывать типологию коммуникативных макросистем (политики, науки, хозяйства, религии, искусства).

Прежде чем анализировать структуру взаимодействия Сорокина, воспроизведем в общих чертах подход Лумана к макросистемам коммуникаций. Коммуникативные системы выстраиваются из подсоединяющихся друг к другу элементов (сообщений). Это происходит путем выстраивания собственной сложности системы в процессе редукции сложности внешнего мира. Однако каждая система делает это по-своему, используя уникальные смысловые бинарные коды, которые и обеспечивают «подсоединение системных операций». Так, политик как участник (*Ego*) политической коммуникации, в рамках которой принимаются политические решения, субординирует свои действия с действиями некоторого более высокопоставленного Другого (*Alter Ego*). Напротив, исследователь (*Ego*) как участник научной коммуникации удостоверяет и обосновывает свои научные сообщения, координируя свои переживания (в самом широком смысле этого слова — наблюдения, восприятия внешнего мира и т. д.) с наблюдениями и восприятиями других ученых, или обобщенного Другого (*Alter Ego*). Это не значит, что наука состоит из «переживаний» как элементов научной коммуникации. Она лишь «стилизирована» под коммуникацию, где подсоединение сообщений обосновывается ссылками (*атрибуциями*) на переживания, что роднит ее с разного рода ценностной коммуникацией, основанной на интегрирующей силе апелляции к тем или иным ценностям (ценностно сплавляющим переживаниям).

В этом смысле наука занимает верхнюю левую ячейку на схеме, состоящей из четырех типовых конstellаций (*Ego / Alter Ego* и действие/переживание, см. рис. 1). Каждая из этих четырех логически возможных конstellаций характери-

зует то, как участники самых разных систем (науки, системы интимных отношений, хозяйства, искусства, политики и т. д.) приписывают соответствующие значения своим сообщениям, обеспечивая их интеграцию в последовательности.

Рис. 1. Схема приписывания смыслов действий и переживаний Эго и Другому⁵

		Эго переживает	Эго действует
Другой	переживает	<p>Истина и ценности</p> <p>В науке переживания Эго (например, данные экспериментов, удостоверяющих истинность теоретических положений) должны подтверждаться переживаниями любого Другого.</p> <p>Ценности должны удостоверить общность чувств членов общества.</p>	<p>Любовь</p> <p>Эго своими действиями пытается вызвать переживания Другого.</p>
	действует	<p>Деньги — Собственность, Искусство</p> <p>Действия Другого (скажем, притязания на материальные блага) не вызывают ответных действий, а спокойно переживаются Эго, поскольку Другой имеет право собственности или платит.</p> <p>Художник действует, а зритель переживает.</p>	<p>Власть</p> <p>Действия Другого влекут действия Эго, если они регулируются властью. Личные переживания должны быть устранены из сферы политической и военной коммуникации.</p>

Согласно приведенной на рис. 1 схеме, четыре возможные комбинации базовых элементов (переживания/действие, Я/Другой) воспроизводятся у Лумана в соответствующих макросистемах и задает их типологию.

Это прорывная идея Лумана, связывающая структурные конститuentы элементарной коммуникации на микроуровне и специфику систем коммуникаций на макроуровне, была почти дословно предвосхищена Питиримом Сорокиным применительно к понятию взаимодействия.

Явление взаимодействия людей дано тогда, <...> когда изменение психических переживаний или внешних действий одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других) [Сорокин, 1920: 44].

«Игра артиста В доводит „до неистовства“ г-жу А.» — здесь воспроизводится элементарная структура коммуникации: Другой действует? Эго действует.

Далее Сорокин сначала эксплицитно фиксирует означенные элементы или составляющие «взаимодействия»:

- 1) Наличие двух или большого числа индивидов, обуславливающих переживания и действия друг друга,
- 2) Наличие действий, посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки,

⁵ Рисунок представляет собой расширительную интерпретацию соответствующей схемы «конstellации приписывания смыслов» Никласа Лумана [Луман, 2005: 173].

3) *Наличность проводников⁶, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому,*

— а затем, эксплицитно фиксирует переход от элементарного уровня коммуникации-взаимодействия на макроуровень общественной жизни:

Всякий исследователь того, что называют явлениями общественной жизни, <...> должен найти простейший случай их проявления, упрощенную и маленькую модель их, изучая которую, он получил бы возможность смотреть на все более сложные факты как на комбинацию этих простейших случаев или как на усложненный до бесконечности образец этой модели [там же: 87].

Утверждение Сорокина о том, что те или иные констелляции переменных коммуникации («взаимодействия») задают типологию макросистем, могло бы — в случае принятия современниками — положить начало системно-коммуникативной теории, но этого, к сожалению, не случилось. При этом Сорокин предлагает номенклатуру не только коммуникативных макросистем (экономики, искусства, религии, права, науки), но и указывает на некие «недозревшие» формы социальности, которые сегодня принято называть социальными движениям протеста [Luhmann, Hellmann, 1996].

На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений экономических и кончая отношениями эстетическими, религиозными, правовыми и научными. <...> Разложив взаимодействия на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления. <...> Из комбинаций процессов взаимодействия можно соткать любое общественное явление, начиная с галдежа толпы, и кончая систематической борьбой мирового пролетариата [Сорокин, 1920: 81].

Именно такое понимание макро- и микровзаимодействия наталкивает Сорокина на современную идею системно-коммуникативной социологии науки: коммуникативной интеграции дисциплинарно разобщенной науки на основании ее, с одной стороны, *элементарной субстратности*, а с другой — *слоевой иерархичности*. Иерархичность науки предполагает, что некоторые базовые уровни замещаются в восходящем порядке более зрелыми (с методологической и теоретической точек зрения) и в этом смысле более авторитетными дисциплинами: физикой, химией, биологией, тогда как на верхних этажах размещаются более молодые — социология, психология и т. д. Эта иерархическая структура помогает молодым дисциплинам опираться на уже апробированную методологию поиска их элементарных объектов (атомов, клеток) и задействовать формы социально-структурной и ролевой организации, утвердившиеся в более зрелых науках. Вот как Питирим Сорокин формулирует связь элементарной субстратности и иерархичности наук:

⁶ В представленной выше модели переменных взаимодействия Никласа Лумана, как мы видели, присутствуют еще и соответствующие «генерализирующие коммуникативные медиа» (деньги, власть, истина и т. д.), интегрирующие и придающие смыслы внутрисистемным коммуникациям (в хозяйстве, политике, науке и т. д.).

Социолог <...> должен воспользоваться опытом других наук: химии и биологии. Подобно химику, разложившему весь пестрый мир неорганической природы на атомы, подобно биологу, изучающему явления жизни на клетке, социолог должен найти своего рода «социальную клетку», исследуя которую, он тем самым получил бы знание основных свойств общественных явлений; мало того — подобно химику, объясняющему все сложные предметы и явления неорганического мира комбинацией атомов и их соединений — молекул, подобно биологу, сумевшему разложить все организмы на их составные части — клетки и рассматривающему первые как комбинацию вторых, подобно им, простейшее явление, выделяемое социологом, должно быть таково, чтобы оно давало возможность смотреть на все так называемые общественные явления как на ту или иную комбинацию этих простейших явлений [там же: 78].

Эта дисциплинарно-интегративная функция «концептного трансферта» из зрелых дисциплин в становящиеся спустя сто лет стала общим местом системно-коммуникативной социологии науки:

Иерархия наук <...> есть важный фактор гомогенизации научного поля. Иерархизация дисциплин интенсифицирует обмен между дисциплинами и ведет к тому, что трансферты техник, моделей и теорий типически осуществляются в направлении <...> преимущественно из hard-дисциплин в soft-дисциплины. <...> Как правило, движение осуществляется из более продвинутых в менее продвинутые дисциплины, и формальные компетенции, порожденные в одной области, получают значимость в новых дисциплинах [Stichweh, 2013: 30].

Депсихологизация «внутренних состояний» и социологический «антигуманизм»⁷

Из четырех переменных или «констелляций атрибуции» (переживание/действии, Эго/Другой), конститутивных для реконструкции микро- и макросвязей, наиболее проблематичным полюсом, особенно для позитивистски ориентированной социальной теории, выступает «переживание» или «внутреннее состояние». Русский этап эволюции идей Сорокина принято рассматривать как позитивистский, но нам представляется, что это было бы некоторым упрощением. Его понимание «переживания» напоминает более позднюю «теорию идентичности» аналитической философии сознания Дж. Смарта и Ю. Плэйса [Smart, 1959] и функционалистской теории сознания в стиле Хилари Патнема. В частности, Сорокин обосновывает тезис, что всякое переживание так или иначе выражено внешним образом, поведенчески, действенно, а различие переживаний есть лишь следствие интерпретации, определяемой из той или иной наблюдательной позиции. То, что самому переживающему открывается в виде *квалиа*, внешнему наблюдателю открывается как нейрофизиологический процесс. Переживание может быть скрыто от наблюдения, но даже в этом случае на него может так или иначе

⁷ Термин «антигуманизм» указывает «радикально антигуманистический, радикально антирегиональный и радикально конструктивистский» характер коммуникативной теории [Lee, 2000: 323], устраняющей из своего предметного поля людей и их сознания как не составляющих вышеозначенный «зернистый субстрат» общества, а образующих его «внешний мир».

реагировать Другой: «психический процесс и процессы в мозгах неотделимы друг от друга» [Сорокин, 1920: 48].

Сорокин рассматривает идеи Ч. Дарвина, Н. Лосского, Л. Петражицкого и их обоснования способностей акторов к интуитивной реконструкции ментальных актов собеседника как своего рода эволюционные достижения, как условие выживания и эволюционного отбора человеческого коллектива. И все-таки, солидаризируясь с Бехтеревым, он приходит к выводу о том, что «Чужое Я» как таковое остается недоступным. Гарантий доступа не дает ни интуиционизм, ни аналогия, ни вчувствование. Как следствие, в реконструкции внутренних состояний актору приходится довольствоваться лишь объективациями (речью, жестами и мимикой) как относительно достоверными выражениями внутренних состояний⁸.

Эта дискуссия о статусе ментальных состояний действующих («участников взаимодействий») в форме дилеммы субъективизм/объективизм, как известно, существенно повлияла на становление социологии. «Спрашивается, на чью сторону в этом споре должны мы стать? К которому из двух течений должны мы примкнуть?» [Сорокин, 1920, 63]. Предложенное Сорокиным решение может пониматься в системно-коммуникативном смысле. Он признает, что психические состояния сами по себе недоступны внешнему наблюдению, но — в отличие от типового бихевиориста — в такого рода недоступности он как раз и усматривает их релевантность для коммуникации. Ведь эта латентность, с одной стороны, провоцирует взаимодействие (=коммуникацию), а с другой — делает возможным то или иное понимание действия участника взаимодействия:

...нелепо было социологу совершенно игнорировать субъективно-психическую сторону человеческой деятельности <...> ведь мы на каждом шагу ставим диагнозы; в роде таких: «Х не в духе»; «У что-то загрустил», «L гневается», «А в восторге», «С хочет сладкого», «Д замышляет подлость» и т. д. И наши диагнозы оправдываются <...> и в большинство случаев [мы] понимаем Друг Друга. <...> ежедневные и самые обычные факты говорят за то, что мы можем познавать чужие психические переживания на основе их внешних проявлений и чаще всего познаем правильно [там же: 63, 68].

В приведенных примерах речь, очевидно, идет о неких типовых или функциональных состояниях (в смысле Х. Патнема), которые задают определенные программы или алгоритмы поведения. Эти алгоритмы связывают и объясняют прошлые и будущие действия в рамках взаимодействия, делают возможными их предсказания, планирование собственного ответного поведения, обеспечивают так называемую «системную рекурсивность». Если использовать язык системно-коммуникативной теории, речь идет о *социальных ожиданиях*.

В этом смысле такие «психические явления, как любовь, привязанность, тяжелое и неожиданное горе, ужас потери» [там же: 69], как стандартные социальные ожидания, служат руководством к тому, как действовать в определенных случаях,

⁸ Примечательна ссылка Сорокина на высказывание И. П. Павлова, который «за 13 лет ни разу не воспользовался психологическим пониманием нервной деятельности для успеха дела» [Сорокин, 1920: 60]. Рискнем предположить, что печально известные эксперименты Павлова над беспризорниками [Ющенко, 1928] были со-обусловлены этим «методологическим безразличием» к «внутренним состояниям» детей.

где типические переживания вызывают типические действия. Эти состояния суть недостающие переменные, подстановка которых служит «ключом к декодированию» знаков и символов, данных оптически и акустически.

Так понятие «внутреннее переживание» на языке современной системно-коммуникативной теории выступает в функции выбора информации в сообщении. Понимание предложенного запроса на контакт возможно только в том случае, если через ссылку на внутреннее состояние мы поймем, как произнесенное сообщение связано с его возможными внутренне атрибутируемыми интерпретациями. Стоят ли внутренние состояния недовольства, равнодушия или импульсивности за выражением «выйди вон»? Досаду, злость или восторг вызывает выражение «черт побери»? Такие примеры извлечения информации из сообщения приводит Сорокин. *Коммуникативное понимание* (=связывание посланного сообщения Другого с извлекаемой из сообщения информацией) как раз и осуществляется путем (неизменно гипотетической) реконструкции внутренних состояний — посредников между сообщением и извлечением информации или смысла.

При этом «внутреннее состояние» именно в силу своей неопределенности делает необходимым дальнейшее взаимодействие (в форме вопрошания, уточнения, продолжения) и одновременно выступает условием многообразия внешних выражений, то есть свободы действий. «Нервная система, — пишет Сорокин, — как ткацкий станок шьет по стандартным образцам, но на каждый импульс может давать (в зависимости от ткача) различный продукт» [там же: 74].

Такого рода априори недостоверные, амбивалентные и неопределяемые извне «внутренние состояния» являются предпосылками и делают возможным свободный, но при этом системно канализированный характер взаимодействия (или коммуникации). Тем самым постулируется важнейшая либеральная идея свободной коммуникации, исключающей случаи в форме «профессор диктует, секретарь воспроизводит» [там же: 70]. На системно-коммуникативном языке это предполагало бы однозначную определенность информации посланным сообщением, что сделало бы избыточным всякую коммуникацию и всякое понимание⁹.

Данная Сорокиным концептуализация «внутренних состояний» как информационных ключей к декодированию стандартных и интерпретационно проблемных сообщений, обеспечивающих понимание в рамках взаимодействия, приводит к тем же самым «антигуманистическим» следствиям, в которых сегодня упрекают и системно-коммуникативную социологию [Schimank, 2005: 59—76].

... Индивид как индивид — никоим образом не может считаться микрокосмом социального макрокосма. Не может потому, что из индивида можно получить только индивида и нельзя получить ни того, что называется «обществом», ни того, что носит название «общественных явлений». <...> Далее — индивид как индивид не дает никакого основания для существования особой науки — социологии. Как физическая масса он изучается физико-химическими науками, как организм — биологией, как обладающее

⁹ Футуристические образы такого «некоммуникативного общения», в котором информация будет однозначным образом определяться посланным сообщением, а значит не будет требовать понимания как связывания информации с сообщением, сегодня действительно рассматриваются как возможные следствия разного рода нейрокомпьютерных интерфейсов [Ваескер, 2006: 37].

сознанием или психикой существо — психологией. Социологии с индивидом делать нечего, и потому она была бы излишней. Индивид не может быть искомой моделью того, что носит название общественных явлений [Сорокин, 1920: 79].

«Проводники взаимодействия» или теория генерализированных медиа коммуникаций

Идея обобщенных коммуникативных медиа — важнейшая часть системно-коммуникативной теории, являющейся результатом трансдисциплинарных заимствований достижений психологии и нейрофизиологии. Понятие медиа, которое сегодня стало обиходным, в развернутой теоретической форме концептуализировано австро-американским психологом Фрицем Хайдером (в докладе «Вещь и медиум» в 1927 г.) [Heider, Vaescker, 2005]. В этой форме данное понимание медиа стало интегративной частью социологии Н. Лумана [Luhmann, 1997: 190—413].

Сорокин развивает собственную трансдисциплинарную концепцию медиа, в которой роль транслятора отводится неким «проводникам».

Соприкосновение с рецепторами осуществляется не непосредственно, а лишь путем эманации особых сил (колебания эфира, действующие на зрительные органы, колебания воздушных волн, влияющие на органы слуха и т. д.) [Сорокин, 1920: 84].

Без проводников психика абсолютно не передаваема. Даже прямые физические прикосновения, посредством которых другому «передают» те или иные психические переживания (напр., жесты ласки, движения угрозы, «приветливая улыбка», «поцелуй любви» и т. д.) — даже они являются не прямой передачей психики, а передачей опосредствованной, передачей чрез проводники, каковыми в данном случае являются тела соприкасающихся людей и движения их органов [там же: 116].

При этом в качестве проводника взаимодействия может выступить все что угодно (устный язык, письмо, печать, электричество, самые разные акустические или оптические медиа). Основание их типологии заключается не в субстрате, а в существенных параметрах или функциях, прежде всего в специфических способах преодоления пространства и особенно времени, в оптимизации динамики общения. Как и в системно-коммуникативном подходе, Сорокин различает медиа распространения коммуникации (делающие взаимодействие более вероятным на больших расстояниях пространства-времени) и медиа коммуникативного успеха (деньги, власть, истина, вера и т. д.), обеспечивающие вероятность акцептации самых невероятных запросов на контакт в рамках макросистем коммуникации (притязаний на чужой продукт в хозяйстве, сверхсложных, скучных и непонятных формулировок в науке и т. д.).

1. Символическая функция проводников

Люди взаимодействуют друг с другом и физически, и психически, несмотря на громадные расстояния, отделяющие их друг от друга, и несмотря на громадное время, лежащее между ними. <...> Общаться могут живые и мертвые. Умерший своим завещанием (актом) вызывает переживания у наследников [Сорокин, 1920: 117].

Из этого тривиального обстоятельства Сорокин выводит понятие «символического значения проводника». Между физической формой сообщения и его символическим значением (информацией) нет жесткой связи. «Лоскут красной материи — это сообщение, но то, какой смысл из него извлекают, зависит от контекста понимания — времени, сообщества, предмета» [там же: 121]. Именно символический смысл медиума обеспечивает *причинную связь* поведения и переживаний. Каузальную роль играет не столько само первоначальное психическое состояние человека, вывесившего красный флаг, но скорее запущенные тем самым *социальные ожидания*, связанные с этими символами. Эти ожидания как носители кристаллизованных смыслов, по существу, представляют собой социальные структуры, задающие определенные ответы со стороны воспринимающих лиц, то есть не случайным образом канализируют взаимодействия.

2. Генерализирующая (социально обобщающая) функция проводников

Проводники обобщают не только тем, что символизируют и типизируют ситуации, задавая рамки и контексты для коммуникаций; не только индексируют — как символы — информацию, содержащуюся в сообщениях (красный цвет символизирует информацию в посылаемом сообщении). Такого рода смыслы-символы должны воспроизводиться на регулярной основе, что только и обеспечивает обобщение или интеграцию того или иного сообщества: «необходимо еще одно дополнительное условие, наличие более или менее однообразного проявления (символизования) одних и тех же переживаний взаимодействующими индивидами, что в свою очередь дает возможность правильного, однообразного толкования этих символических раздражений каждому из них» [там же: 122].

В понятии «символической воспроизводимости» Сорокин видит одно из решений проблемы социального порядка. Ни закрытость психики, ни вариативность истолкований символов и смыслов сообщений не препятствуют упорядоченности взаимодействий и поддержанию определенного социального порядка. «Понятно, что „чужая душа — потемки“ и что разгадать подлинные ее переживания не так легко, а внешние символы всегда можно толковать различно, что мы и видим, например, в судебных прениях сторон. Здесь сплошь и рядом защитник и обвинитель, исходя из одних и тех же символов (поступков обвиняемого), рисуют совершенно противоположные картины переживаний» [там же: 123]. Именно *символизм и воспроизводимость* (в данном случае правовой) нормы обеспечивают понимание и консенсус. Так Сорокин вплотную подходит к понятию «*символических генерализированных медиа коммуникаций*» — ключевому концепту современной системно-коммуникативной теории.

Дифференциации форм взаимодействия в зависимости от формы медиа

Представляется, что предложенное Сорокиным понятие проводников по меньшей мере с точки зрения их функционала почти эквивалентно понятию медиа системно-коммуникативной теории. Медиа ограничивают большие массивы реальных, потенциальных и одновременно осуществляющихся *слабо связанных* элементов или событий (предложений языка, массивов коммуникаций, распоряжений, платежей, истинностных высказываний, художественных актов и т. д.), которые — посредством

наложения на них соответствующих форм — организуются в системные последовательности. Или словами Сорокина: «Общественная жизнь людей, взятая в целом, похожа на громадный и непрерывно циркулирующий поток слов и их сочетаний, идущих от человека к человеку, от одних к другим» [там же: 127].

Чтобы эта тотальность общественных взаимодействий могла упорядочиваться и дифференцироваться в рамках обособленных макросистем, требуется редукция или организация этих массивов возможных событий с помощью тех или иных специальных «проводников» (например, акустических):

Любая встреча людей, всякий разговор между ними, любое собрание: научная лекция, политический митинг, парламентские, судебные и всякие иные заседания, религиозная проповедь, взаимодействие учителя с учениками, разговоры в семье, на рынке и т. д. — все это иллюстрации функционирования звуковых проводников и их социальной роли [там же: 128].

Современная системно-коммуникативная теория реконструирует общественное развитие как некий ответ на случающиеся время от времени относительно внезапные «коммуникативные катастрофы». Под ними понимаются трансформации коммуникативных медиа распространения информации. Эволюция этих медиа предстает как выстраивание и перестраивание все более сложных иерархий. Так, использование акустических медиа коммуникаций (звуковое распространение и устно-языковая вербализация смыслов) дополняет функционал оптических медиа (свет как «передатчик» взаимовосприятий и основа для языка жестов). Письменность меняет правовые, политические, экономические основы коммуникации, но затем — в свою очередь — дополняется еще более «революционными» коммуникативными медиа: печатью, телекоммуникацией, компьютерным обменом сообщениями и т. д. Экспансия новых медиа рассматривается в этой теории как решение определенной интеграционной задачи — минимизации предшествующих конфликтов, что не исключает создания новых. Одна из таких «коммуникативных катастроф» была связана с появлением новых оптических медиа, то есть письменности, «взорвавшей древний мир секретов и табу». Другая катастрофа была спровоцирована книгопечатанием, повлекшим религиозные войны и социальные революции [Ваескер, 2006: 11]¹⁰.

Письменность и печать, по мнению Лумана, позволили нейтрализовать потенциал к генерации конфликтов, существующий в акустических медиа, то есть в устном языке. Этот конфликтный потенциал был связан с тем, что по мере развития языка и перехода от «картинных» (конкретных, аналоговых) презентаций реальности к более абстрактной (последовательно-временной) вербализации сообщений кристаллизовались и соответствующие возможности социальной динамики. С одной стороны, новые ресурсы языка (временные формы глаголов и т. д.) позволили описывать процессы и изменения, с другой стороны, сама пропозицио-

¹⁰ «Письменность взрывает мир этих табу, делая морализацию чем-то очевидным и тем самым обеспечивая ее обоснования, всегда с учетом того, от кого приходят сообщения. <...> Печать стала следующей катастрофой, ведь теперь тексты стало возможным сравнивать друг с другом, а значит — систематически критиковать — благодаря их воспроизводству, так что „критика“ в большей чем когда-либо степени становится новой формой эвристики» [Ваескер, 2006: 11].

нальная форма предложения предоставляла возможность его отрицания, а значит, отклонения предложенных запросов на контакты [Luhmann, 1997: 205—291].

Сорокин развивает свою концепцию «проводников» именно в этом русле. Акустические проводники родовых обществ обеспечивали трансляцию аналоговых («картинных») образов, которые дают богатую элементами статическую картину восприятия, но не описывают процессы изменения. Слова выражают константные явления и в этом смысле отождествляются с вещами. Все трудности трансформации взаимодействий связываются с этим обстоятельством.

Языки низших обществ всегда выражают их идеи объектов и действий так, как эти предметы и события воспринимаются глазами и органами слуха; <...> здесь нет слов и жестов для выражения идей и переживаний абстрактных, а есть слова и жесты только для передачи абсолютно конкретных, единичных вещей и событий; отсюда — богатство первобытного языка существительными, предлогами и глаголами; язык представляет картинное воспроизведение, как бы рисунок, предмета или события [Сорокин, 1920: 172].

Одновременность актов восприятия и их устных вербализаций в родовых обществах обеспечивали консенсус, поскольку жизненные миры взаимодействующих индивидов существенно не различались. Конкретность языка не позволяла выходить за пределы актуальных восприятий окружающего мира. В отношении конституент «взаимодействия» это означало следующее: идентичность содержаний переживаний (внутренних состояний) и вербальных выражений обеспечивали схожесть *Эго* и *Другого*, предметов и символов, переживаний и действий (в том числе действий сообщений). Другими словами, примитивные языки небольших сообществ обеспечивали взаимную уверенность соплеменников в том, что некоторый Другой говорит и действует в соответствии с тем, что он думает и переживает, то есть уверенность в социальном согласии. Новый — оптический — медиум («свето-цветовые проводники» в терминах Сорокина) делает возможным различие предмета и его вербального представления. Иначе говоря, слова стали переменными естественного языка, а значит (помимо возможности утаивания намерений) появилась возможность более свободного обращения с ними, их моделирования отдельно от предметов, которые теперь представляли без «повреждения» предметный мир.

С возрастанием сложности общества, глобализации социального пространства и времени, устный язык (некогда конкретно и узнаваемого детализировавший окружающий внешний мир в рамках небольших, устно коммуницирующих сообществ) лишается функции социальной интеграции. Утрату этого функционала компенсирует новый медиум коммуникации. Им выступает письменность во всех ее производных (письменное право, письменные распоряжения власти, художественные и научные тексты, деньги), связывающая сообщество на огромных пространствах.

Хранилищами оптических медиа («световых проводников») и средством аккумуляции социальной памяти (и в этом смысле важнейшей культурно-исторической вехой, в долговременной перспективе обеспечивающей «взаимодействия» в пространственно-временном континууме) становятся библиотеки. С их помощью

выкристаллизовались медиа коммуникативного успеха, сделавшие возможными новые типы невероятных взаимодействий или коммуникаций. Эту выдающуюся социально-интегративную роль оптических проводников и библиотек как их хранилищ фиксирует Сорокин:

Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой посредством книг ежедневно сотни людей «соединяются» с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу [Сорокин, 1920: 130].

Сто лет спустя эта идея оптических медиа как условия кристаллизации современного системно дифференцированного общества становится общепринятой.

Гарантии стабильности общества печати уже не могут обеспечиваться семьями и региональным своеобразием. Ни династии, ни границы территорий уже не могут сдерживать этот тип беспокойства и неуемности. На их место (конечно, не делая их избыточными) заступают, согласно Луману, библиотеки и функциональные системы. Библиотекари создают рубрики, в рамках которых политика распознает себя как политику, бизнес — как бизнес, наука — как науку, искусство — как искусство, религия — как религию [Ваеcker, 2006: 14].

Письменность (как и в целом оптические медиа или «световые проводники») меняет структуру социального времени и выводит взаимодействия за пределы ограниченной жизни человека и его индивидуальной памяти. Возникает феномен «телекоммуникации» в самом широком смысле, участниками которой становятся тексты (то есть сами коммуникации), а люди — со всеми их пространственно-временными ограничениями — становятся всего лишь «контактными звеньями цепи проводников», обеспечивают телетрансляцию текстов-коммуникаций по этим звеньям.

Новые медиа распространения коммуникации (письменность, печать, телекоммуникация) оказываются важнейшими условиями кристаллизации новых медиа коммуникативного успеха (власть, истина, деньги и т. д.) и в конечном счете — обособления коммуникативных систем. Эти процессы Сорокин реконструирует далее в своем труде «Система социологии».

Здесь мы вынуждены закончить реконструкцию трансдисциплинарного проекта Питирима Сорокина. Сорокину удалось предвосхитить многие идеи одной из самых влиятельных социальных теорий, зафиксировать важнейшие предпосылки кристаллизации современного коммуникативно дифференцированного общества. Используя достижения естествознания, психологии, философии, лингвистики, эволюционной теории, он сформулировал позитивную программу системно-коммуникативного подхода к исследованию общества, которая реализовалась и тем самым верифицировалась лишь десятилетия спустя в рамках системно-коммуникативной теории Никласа Лумана. Эта программа включала в себя анализ минимального проявления общества, которое получило название «взаимодействия», а мы с полным правом можем отождествить его с современным понятием

«коммуникации». Соответствующие конstellляции элементов этого «социального атома» задавали типологию макросистем мирового общества, а корреляции между микро- и макроуровнями получили убедительное описание и обоснование. Сорокин предложил собственную теорию «медиа трансляции коммуникации», названных им «проводниками», разработал типологию, описал функции и свойства символических средств и условий коммуникации, которые позднее были названы «медиа коммуникативного успеха».

Приоритет Сорокина в обозначенных нами областях исследования следует восстановить, что предполагает дальнейшую работу по реконструкцию его наследия с особенным вниманием к российскому периоду его творчества.

Список литературы (References)

Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности: Эмоциональная психология. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1905.

Petrażycki L. I. (1905) An Introduction to the Study of Law and Morality: Emotional Psychology. S.-Peterburg: Yu. N. Ehrlich Printing House. (In Russ.)

Луман Н. Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Логос, 2005.

Luhmann N. (2005) Die Gesellschaft der Gesellschaft. Kommunikationsmedien. Moscow: Logos. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии. Петроград: Издательское товарищество «КОЛОС», 1920.

Sorokin P. A. (1920) The System of Sociology. Petrograd: Publishing Company «KOLOS». (In Russ.)

Ющенко А. А. Условные рефлексы ребенка. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

Yushchenko A. A. (1928) Conditioned Reflexes of the Child. Moscow; Leningrad: State Publishing House.

Baecker D. (2006) Niklas Luhmann in the Society of the Computer. *Cybernetics & Human Knowing: A Journal of Second-Order Cybernetics, Autopoiesis, and Cyber-Semiotics*. Vol. 13. No. 2. P. 25—40.

Baecker D., Luhmann N. (2002) Einführung in die Systemtheorie. Frankfurt: Carl-Auer-Systeme Verlag.

Buxton W. (1996) Snakes and Ladders: Parsons and Sorokin at Harvard. In: Ford B. J., Richard M. P., Talbutt P. C., Wescott R. M. (eds.) *Sorokin & Civilization: A Centennial Assessment*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers. P. 31—44.

Coser L. A. (1977) *Masters of Sociological Thought*. New York, NY: Harcourt Brace Jovanovich.

Heider F., Baecker D. (2005) Ding und Medium. Berlin: Kultverlag Kadmos.

Jeffries V. (2002) Integralism: The Promising Legacy of Pitirim Sorokin. In: Robinson M. A. (ed.) *Lost Sociologists Rediscovered*. New York, NY: Mellon Press. P. 99—135.

- Jeffries V. (2009) The Scientific System of Public Sociology: The Exemplar of Pitirim A. Sorokin's Social Thought. In: Jeffries V. (ed.) *Handbook of Public Sociology*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers. P. 107—122.
- Lee D. (2000) The Society of Society: The Grand Finale of Niklas Luhmann. *Sociological Theory*. Vol. 18. No. 2. P. 320—330. <https://doi.org/10.1111/0735-2751.00102>.
- Luhmann N., Hellmann K. U. (1996) *Protest: Systemtheorie und Soziale Bewegungen*. Vol. 1256. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Luhmann N. (1997) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. 2 Bde. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Merton R. K., Barber E. (2004) *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Peltonen T. (2018) Revisiting the Sociological Origins of Organization Theory: The Forgotten Legacy of Pitirim Sorokin. In: Peltonen T., Gaggiotti H., Case P. (eds.) *Origins of Organizing*. Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781785368752.00008>.
- Pitasi A. (2014) The Sociological Semantics of Complex Systems. *Journal of Sociological Research*. Vol. 5. No. 1. P. 203—213.
- Schimank U. (2005) Luhmanns Analytischer Anti-Humanismus: Eine Halbiertheorie der Modernen Gesellschaft. In: *Differenzierung und Integration der Modernen Gesellschaft*. Weisbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. Springer. P. 59—76. https://doi.org/10.1007/978-3-322-80766-3_5.
- Smart J. J. C. (1959) Sensations and Brain Processes. *The Philosophical Review*. Vol. 68. No. 2. P. 141—156. <https://doi.org/10.2307/2182164>.
- Sorokin P. A. (1963) *A Long Journey: The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven, CT: College and University Press.
- Stichweh R. (2013) *Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen*. Bielefeld Transcript-Verlag.
- Stichweh R. (2015) Comparing Systems Theory and Sociological Neo-Institutionalism: Explaining Functional Differentiation. In: Holzer B., Kastner F., Werron T. (eds.) *From Globalization to World Society. Neo-Institutional and Systems-Theoretical Perspectives*. New York, NY; London: Routledge. P. 23—36.
- Uzlaner D., Stoeckl K. (2018) The Legacy of Pitirim Sorokin in the Transnational Alliances of Moral Conservatives. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 133—153. <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17740734>.
- Weber M. (2017) *Wissenschaft als Beruf: Eine Debatte*. Berlin: Matthes & Seitz Berlin Verlag.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889)

А. Д. Казун, А. В. Поршнеv

КТО ВЕРИТ В ТЕОРИИ ЗАГОВОРА? ФАКТОРЫ СКЛОННОСТИ К КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В РОССИИ, КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ

Правильная ссылка на статью:

Казун А. Д., Поршнеv А. В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549—565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>.

For citation:

Kazun A. D., Porshnev A. V. (2021) Who Believes in Conspiracy Theories? Factors Influencing Propensity for Conspiracy Thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>. (In Russ.)

КТО ВЕРИТ В ТЕОРИИ ЗАГОВОРА? ФАКТОРЫ СКЛОННОСТИ К КОНСПИРО- ЛОГИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ В РОС- СИИ, КАЗАХСТАНЕ И УКРАИНЕ

КАЗУН Анастасия Дмитриевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, старший преподаватель факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: adkazun@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

ПОРШНЕВ Александр Валерьевич — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социальной и когнитивной информатики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; доцент кафедры общего и стратегического менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, Нижний Новгород, Россия
E-MAIL: aporshnev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>

Аннотация. Конспирологическое мышление имеет значительное число негативных эффектов: снижает политическое участие и доверие к науке, ухудшает отношение к правительству, препятствует благоприятному и безопасному для здоровья поведению и т. д. Особенно остро проблема распространения теорий заговора встала в контексте пандемии COVID-19. По этой причине важно понимать, кто именно оказывается наиболее подвержен воздействию подобного контента.

WHO BELIEVES IN CONSPIRACY THE- ORIES? FACTORS INFLUENCING PRO- PENSITY FOR CONSPIRACY THINKING IN RUSSIA, KAZAKHSTAN AND UKRAINE

Anastasia D. KAZUN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at the Laboratory for Studies in Economic Sociology; Senior Lecturer at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: adkazun@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-2776>

Alexander V. PORSHNEV^{2,3} — Cand. Sci. (Psychol.), Senior Research Fellow at the Laboratory for Social and Cognitive Informatics; Associate Professor at the Department of General and Strategic Management
E-MAIL: aporshnev@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0075-1061>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² HSE University in St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

³ HSE University in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Conspiracy thinking has a significant number of negative effects, namely: it reduces political participation and trust in science, worsens attitudes towards government, hinders safe behavior for health, etc. The issue of the spread of conspiracy theories has become especially acute in the context of the COVID-19 pandemic. Therefore, it is important to understand who is most affected by such content.

В данном исследовании на материалах трех стран — России, Казахстана и Украины — проанализированы факторы, влияющие на склонность к конспирологическому мышлению. Сбор данных проводился методом опроса пользователей социальных сетей Facebook и «ВКонтакте» в период с 13 апреля по 19 мая 2020 г. Сделан вывод, что наиболее подвержены теориям заговора люди с низкими уровнями образования, генерализованного доверия и одобрения действующей власти. Кроме того, большую предрасположенность к конспирологическому мышлению продемонстрировали более старшие респонденты. Влияние пола значимо в Украине и Казахстане: в этих странах мужчины менее подвержены теориям заговора. Интересно, что конспирологические убеждения более характерны для людей, получающих информацию преимущественно по телевидению; влияние потребления новостей из блогов и агрегаторов оказалось обратным.

Ключевые слова: конспирология, теории заговора, медиапотребление, генерализованное доверие, лояльность власти

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 19-18-00206.

Введение

Конспирологическое мышление, то есть склонность объяснять сложные мировые события со ссылкой на секретную информацию, скрываемую влиятельными группами [Imhoff, Bruder, 2014], — достаточно распространенное явление. Отдельные исследования показывают, что около половины населения США [Oliver, Wood, 2014a] и Италии [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017] верят по крайней мере в одну теорию заговора. На фоне пандемии COVID-19 популярность конспирологических теорий, равно как и внимание исследователей к этой проблеме, только

This study analyzes the factors influencing the propensity for conspiracy thinking based on materials from three countries — Russia, Kazakhstan, and Ukraine. The data was collected by polling users of social networks Facebook and VKontakte in April 13 — May 19, 2020. The authors conclude that people with a low level of education, generalized trust, and approval of the current government are most susceptible to conspiracy theories. In addition, older respondents showed a greater predisposition to conspiracy thinking. The influence of gender turned out to be significant in Ukraine and Kazakhstan, where men are less susceptible to conspiracy theories, but not in Russia. Interestingly, the conspiracy beliefs are more typical for people who receive information mainly from TV channels, while the impact of consuming news from blogs and aggregators is the opposite.

Keywords: conspiracy theories, media consumption, generalized trust, loyalty

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 19-18-00206.

увеличивается (см., например, [Jovančević, Milićević, 2020; Kowalski et al., 2020; Oleksy et al., 2021]). Возникновение вируса связывается с вышками 5G, интересами различных стран (США, Китая), групп интересов (фармакологические компании), отдельных людей (Билл Гейтс). Можно предположить, что значительная часть человечества верит в какие-либо теории заговора. Например, недавнее исследование «Левада-Центра» показало, что 64 % россиян убеждены в искусственном происхождении коронавируса и его создании как биологического оружия¹.

Значимость изучения факторов, усиливающих или снижающих веру в конспирологические теории, в первую очередь связана с многочисленными негативными эффектами подобных убеждений. Конспирологическое мышление часто провоцирует неблагоприятное для здоровья поведение [Oliver, Wood, 2014b], в числе прочего оно может снижать вероятность вакцинации [Jolley, Douglas, 2014; Kata, 2010], приводить к возникновению скептического отношения к профилактическим мерам предотвращения распространения заболеваний [Bird, Bogart, 2005]. Социальные и политические последствия веры в теории заговора также серьезны: ухудшение отношения к правительству [Allport, Lepkin, 1945], снижение политического участия [Jolley, Douglas, 2013] и доверия к науке [van der Linden, 2015]. Все эти риски делают необходимым поиск ответов на вопросы о том, кем являются люди, обладающие склонностью к конспирологическому мышлению. Предшествующие исследования указывают, что нередко люди верят сразу в несколько теорий заговора, в том числе противоречащих друг другу [Wood, Douglas, Sutton, 2012]. Конспирологические убеждения распределяются в обществе неравномерно: часть населения, вероятнее всего, будет верить в широкий спектр заговоров, тогда как другая часть будет убеждена в ложности подобных идей.

Хотя распространение теорий заговора в том или ином виде изучается уже достаточно продолжительное время [Porper, 1966; Moscovici, 1987], однозначные ответы на многие вопросы до сих пор не найдены. В числе прочего не хватает сравнительных исследований в данной области. Кроме того, спорной является роль отдельных факторов. Дополнительную сложность данному исследовательскому полю придает изначальная междисциплинарность объекта: распространение теорий заговора изучают психологи, социологи и политологи. Сами оценки подверженности конспирологическому мышлению могут также выполняться различным образом — в привязке к отдельному событию (например, вера в конкретные теории заговора в отношении COVID-19) или в целом (как склонность к определенному способу восприятия информации). Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и ограничения. Поэтому они хорошо дополняют друг друга. В настоящем исследовании мы приняли решение рассматривать веру в теории заговора вне связи с конкретными кейсами, как склонность к определенному способу восприятия информации (как это делается, например, в статьях [Brotherton, French, Pickering, 2013; Bruder et al., 2013]).

Далее рассмотрим факторы, влияющие на предрасположенность к конспирологическому мышлению в трех постсоветских странах — России, Украине и Казахстане.

¹ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса // Левада-Центр. 2021. 1 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 03.12.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

Конспирологическое мышление: причины и факторы

Исследования показывают, что теории заговора могут возникать вокруг разнообразных событий [Leman, 2007]: убийств национальных лидеров [McCauley, Jacques, 1979; McHoskey, 1995], терактов [Fenster, 2008; Swami, Chamorro-Premuzic, Furnham, 2010], возникновения заболеваний — ВИЧ и СПИДа [Bogart, Thorburn, 2006; Parsons et al., 1999], вируса Зика [Klofstad et al., 2019] и COVID-19 [Ahmed et al., 2020]. Объединяет все эти события их негативный для людей характер и риски, которые с ними связаны. Было отмечено, что одной из причин распространения конспирологических убеждений является потеря людьми чувства определенности и контроля над ситуацией [Sullivan, Landau, Rothschild, 2010; Whitson, Galinsky, 2008]. Стремясь воссоздать для себя упорядоченную картину реальности, они обращаются в том числе к непроверенной информации, выбирая те объяснения происходящего, которые соответствуют их предшествующим убеждениям [Plencner, 2014]. По некоторым оценкам, популярность теорий заговора также может быть связана с распространением популизма, в том числе в свете того, что политики-популисты нередко используют в своих выступлениях конспирологические нарративы [Bergmann, 2018]. Так или иначе, ключевой причиной распространения подобных идей является неполнота или неубедительность официальной информации, что вынуждает население обращаться к альтернативным источникам сведений о происходящем. Теории заговора предоставляют простые ответы на не имеющие ответов вопросы [Grzesiak-Feldman, 2013], позволяя людям объяснить негативные события [Dillinger, 2004] и отчасти восстановить чувство безопасности [Bale, 2007; Leman, 2007].

Логично, что не все обладают одинаковой склонностью к конспирологическому мышлению. Исследователи выделяют индивидуальные и социальные факторы, способные оказывать влияние на подверженность теориям заговора. Если обратиться к психологическим исследованиям, мы увидим, что конспирологическое мышление более характерно для людей с высоким уровнем тревожности [Grzesiak-Feldman, 2013] и низкой самооценкой [Abalakina-Paap et al., 1999; Swami et al., 2011], а развитые аналитические способности снижают подверженность теориям заговора [Swami et al., 2014]. Все эти выводы хорошо соотносятся с самой природой конспирологических убеждений.

Кроме того, предшествующие исследования продемонстрировали влияние разнообразных социальных факторов на склонность к конспирологическому мышлению. Значимым является уровень образования: более образованные люди реже верят в теории заговора [van Prooijen, 2017]. Определенную роль играет и социальный статус. В частности, конспирологические теории популярнее в менее влиятельных социальных группах, примерами которых могут служить национальные меньшинства и люди, принадлежащие к нижним социальным слоям [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007]. Усиливает склонность к конспирологическому мышлению и религиозность [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017], тогда как влияние возраста на веру в теории заговора не столь однозначно. С одной стороны, в случае с вирусом Зика наблюдалось большее доверие к конспирологическим теориям со стороны молодых людей [Klofstad et al., 2019]. С другой — отдельные исследования указывают, что вера в теории заговора более характерна для людей

старшего возраста [van Prooijen, 2017]. Можно предположить, что влияние данного фактора различно в зависимости от рассматриваемого кейса.

Имеет значение и идеология. Так, наиболее склонны доверять теориям заговора люди, принадлежащие к краям политического спектра [van Prooijen, Krouwel, Pollet, 2015]. Впрочем, другие исследования отмечают, что такое поведение характерно только для крайне правых, но не для крайне левых [Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Кроме того, конспирологические убеждения свойственны людям с низким уровнем политического доверия [Einstein, Glick, 2015; Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Можно предположить, что низкое доверие власти способствует скептическому отношению к официальной информации, заставляя обращаться к альтернативным и зачастую непроверенным источникам. Это косвенно подтверждается наблюдением, что конспирологическое мышление более характерно для людей, потребляющих информацию из «несерьезных» медиа, таких как блоги и глянцево-журналы [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007]. В отношении генерализированного доверия наблюдаются аналогичные закономерности: низкий уровень данного показателя способствовал более высокой убежденности в теориях заговора в отношении коронавируса SARS-CoV-2 [Jovančević, Miličević, 2020; Oosterhoff, Palmer, 2020].

Методология исследования

Данные для настоящего исследования были получены в ходе опроса пользователей социальных сетей «ВКонтакте» и Facebook. Сбор данных проводился в период с 13 апреля по 19 мая 2020 г. с помощью специально разработанных приложений для социальной сети «ВКонтакте» и сайта, на который перенаправлялись пользователи Facebook². Для привлечения участников использовались рекламные инструменты рассматриваемых социальных сетей. Поскольку алгоритмы показа рекламы в социальных сетях не публикуются и могли давать смещение в представленности разных слоев общества, в процессе сбора данных проводился мониторинг ответов респондентов на социально-демографические вопросы и по достижении намеченных квот (соответствующих целевому значению 900 человек из каждой страны и распределению аудитории социальной сети по полу, возрасту и региону) рекламные объявления, нацеленные на данную категорию респондентов, закрывались.

Сбор данных осуществлен в соответствии с распределениями по регионам, полу и возрасту аудиторий «ВКонтакте» и Facebook в России, Украине, Казахстане. В социальной сети «ВКонтакте» всего было показано 4 687 456 объявлений, в Facebook — 402 241. В приложение или на сайт исследования перешли 44 600 пользователей обеих сетей. Из них 30 702 человека начали принимать участие в исследовании, а 10 830 завершили его.

Стоит отметить, что некоторые группы оказались перепредставлены, поэтому для подмножества валидных анкет была дополнительно выполнена балансировка, чтобы каждая из выборок соответствовала своей генеральной совокупности (аудитории социальной сети) по полу, возрасту и региону. Для балансировки исполь-

² Авторы благодарят разработчика приложения «ВКонтакте» и отдельно стоящего сайта Максима Александровича Терпиловского, а также Ядвигу Эдуардовну Синявскую и Викторину Сергеевну Взятышеву за помощь в сборе данных.

зовались укрупненные регионы: семь федеральных округов в РФ и по четыре обоснованных исследования региона в Казахстане и Украине. Крым, Донецкую и Луганскую области пришлось исключить из анализа как по техническим, так и по методологическим причинам. В процессе балансировки из регионов, представленных большим количеством участников, случайным образом было отобрано такое количество респондентов, чтобы не наблюдалось значимых различий распределений по возрасту, полу, региону среди аудитории социальной сети по сравнению с распределениями среди участников исследования. Значимость определялась по критерию Хи-квадрат. Кроме того, из анализа были исключены анкеты, содержащие неполную информацию (ошибки записи в базу данных при отключении мобильного интернета и т. д.) или включающие несоответствующие друг другу ответы на вопросы (например, участник указывает возраст 36 лет и выбирает категорию «Учусь в школе»). В результате число анкет сократилось с 10 380 до 8 559. Таким образом были получены шесть наборов данных (по две социальных сети для каждой из трех стран), каждый из которых содержит более 500 анкет (см. табл. 1).

Таблица 1. *Размеры выборок исследования (социальная сеть/страна)*

Страна — Социальная сеть	Всего	Доля (%)
Казахстан — Facebook	904	10,5
Казахстан — ВКонтакте	913	10,6
Россия — Facebook	2076	24,2
Россия — ВКонтакте	1810	21,1
Украина — Facebook	2286	26,7
Украина — ВКонтакте	570*	6,6

* Небольшое число респондентов связано с запретом социальной сети «ВКонтакте» для жителей Украины.

В исследовании мы анализируем факторы, влияющие на склонность к конспирологическому мышлению. Данная переменная была сконструирована как среднее значение между согласием³ со следующими утверждениями: «За странными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп», «Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные». Вопросы были переведены и адаптированы из шкалы, предложенной Аной Стоянов и Джамин Хальберштадт [Stojanov, Halberstadt, 2019]. Расчет коэффициента альфа Кронбаха показал, что вопросы демонстрируют достаточный уровень надежности в России ($\alpha = 0,74$) и Казахстане ($\alpha = 0,72$) (см. табл. 2, в которой представлены данные о числе респондентов, среднем значении шкалы, ее стандартном отклонении, асимметрии (скошенности), эксцессе (пикообразности), стандартной ошибке и коэффициенте альфа Кронбаха). Для Украины коэффициент оказался ниже ($\alpha = 0,66$), поэтому к анализу результатов, полученных для данной страны, следует относиться с осторожностью. Анализ коэффициентов

³ Согласие измерялось по шкале Ликерта от 1 («Абсолютно не согласен») до 5 («Абсолютно согласен»).

асимметрии и эксцесса показывает, что распределение ответов по рассчитанной шкале отличается от нормального, а значит, не стоит чрезмерно полагаться на приведенные в таблице 2 значения среднего.

Таблица 2. **Описательная статистика для шкалы конспиратологического мышления**

Страна	N	Mean	SD	Skew	Kurtosis	Std. Alpha
Казахстан	1817	3,57	1,21	-0,53	-0,74	0,72
Россия	3886	3,31	1,20	-0,24	-0,98	0,74
Украина	2856	3,69	1,11	-0,64	-0,40	0,66

Далее приведем основную информацию относительно переменных, которые будут использоваться в качестве зависимых в регрессионном анализе.

Социально-демографические переменные

В среднем по выборке наблюдается преобладание женщин над мужчинами (на 8,3%). При этом возрастное распределение скошено влево — в сторону младших возрастных групп. Впрочем, это смещение более характерно для сети «ВКонтакте», так как аудитория Facebook в среднем старше на 7,6 года. Респонденты от 65 лет и старше в нашем исследовании не таргетировались. Большинство опрошенных имеет высшее (55,6%) или среднее профессиональное (21,1%) образование без значимых отличий по странам. Но среди аудитории Facebook высшее образование встречается на 21,2% чаще, чем во «ВКонтакте». Собранные данные соответствуют демографическим и региональным квотам, составленным для каждой страны и платформы в соответствии с распределениями по генеральной совокупности каждого случая.

Характеристики медиапотребления

Основным источником информации для респондентов во всех странах стали социальные сети (70,5%), далее следуют новостные агрегаторы (46,6%) и телевидение (42,7%). Впрочем, у украинских респондентов телевидение стоит на втором месте (46,9%), а новостные агрегаторы — на третьем (36,3%). Говоря о частоте просмотра новостей, пользователи из России и Казахстана чаще всего отмечают, что проверяют новости несколько раз в день (34,7% и 34,0% соответственно). 29,0% респондентов из Украины отметили, что смотрят новости чаще одного раза в день, и 29,8% — каждый день. Никогда не читают новости в России — 6,0%, в Казахстане — 6,3%, в Украине — 7,4%.

Генерализированное доверие

В рамках изучения генерализированного доверия респонденты должны были указать, насколько они согласны (по шкале от 1 — «Абсолютно не согласен» до 5 — «Абсолютно согласен») со следующими утверждениями: «Большинство людей старается помогать друг другу», «Большинству людей можно доверять», «Большинство людей использовали бы меня, если бы могли».

Среди пользователей разных платформ обнаружены существенные различия в генерализированном доверии: аудитория Facebook чаще соглашалась с высказыванием о возможности доверять большинству людей (53 % — Facebook, 43 % — «ВКонтакте») и с утверждением, что большинство старается помогать друг другу (28 % — Facebook, 19 % — «ВКонтакте»). При этом пользователи Facebook чаще выражают несогласие с тем, что большинство использовали бы их, если бы могли (28 % — Facebook, 21 % — «ВКонтакте»). Таким образом, аудитория этой социальной сети демонстрирует несколько более высокий уровень генерализированного доверия. Кроме того, с высказываниями о доверии большинству людей и взаимопомощи среди большинства чаще соглашались женщины (27 % и 53 % — женщины, 21 % и 43 % — мужчины соответственно). Существенных различий в ответах на вопросы о генерализированном доверии среди респондентов из разных стран выявлено не было.

Интерес к политике и лояльность власти

Интерес к политике (по шкале от 1 — «Очень интересуюсь» до 4 — «Совсем не интересуюсь») варьируется в зависимости от пола респондентов: 62 % мужчин и 42 % женщин выражали некоторую заинтересованность в данном вопросе. «Совсем не интересуются» политикой 18 % женщин и 8 % мужчин. Кроме того, интерес к политике в Казахстане (53 %) и Украине (52 %) выше, чем в России (49 %). Среди рассмотренных стран Россия также выделяется наибольшей долей респондентов, декларирующих полное отсутствие интереса к подобным вопросам (15 %). Для сравнения — в Казахстане таким образом отвечают 12 % опрошенных, в Украине — 11 %. Также обнаружены различия среди пользователей разных платформ: 56 % участников из Facebook и 44 % из «ВКонтакте» проявляют интерес к политике.

Для измерения лояльности респондентов действующей власти задавался вопрос «Насколько в целом Вы одобряете политику руководства Вашей страны?». Лояльность к правительству во всех рассмотренных странах оказалась низкой: в целом 63 % людей были в разной степени недовольны своим правительством, из которых более половины декларировали крайнее недовольство. Наибольший процент респондентов, не одобряющих политику руководства страны, выявлен в Украине (68 %).

Анализ

Распространенность конспирологического мышления

Склонность к конспирологическому мышлению достаточно распространена (см. табл. 3): более половины респондентов в каждой из стран выразили ту или иную степень согласия с тем, что за странными событиями стоят интересы правительств и теневых групп, а также с тем, что альтернативные объяснения событий ближе к истине, чем официальные. Таким образом, высокая доля людей, по крайней мере отчасти разделяющих конспирологические убеждения, которая была отмечена ранее для США и Италии, наблюдается и в рассмотренных нами государствах. Вместе с тем есть и некоторые межстрановые различия. Так, согласие с утверждениями, направленными на выявление конспирологических убеждений, в России несколько ниже, чем в Казахстане и Украине.

Таблица 3. Распределение ответов на вопросы конспирологического мышления по странам*

<i>За иностранными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп</i>						
		1	2	3	4	5
Казахстан	N	166	323	67	690	571
	%	9,1	17,7	3,6	37,9	31,4
Россия	N	315	954	187	1521	909
	%	8,1	24,6	4,8	39,1	23,3
Украина	N	194	463	109	1207	883
	%	6,7	16,2	3,8	42,2	30,9
<i>Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные</i>						
		1	2	3	4	5
Казахстан	N	221	379	62	596	559
	%	12,1	20,8	3,4	32,8	30,7
Россия	N	503	1165	160	1259	799
	%	12,4	29,9	4,1	32,4	20,5
Украина	N	253	544	86	1083	890
	%	8,8	19,0	3,0	37,9	31,1

* По шкале, где 1 — «Абсолютно не согласен», а 5 — «Абсолютно согласен».

Факторы конспирологического мышления

Большая часть выделенных в предыдущих исследованиях факторов, влияющих на конспирологическое мышление, значимы и в случае рассмотренных нами стран (см. табл. 4). Сами различия в моделях для России, Украины и Казахстана невелики. Следовательно, можно говорить о наличии некоторых социально-демографических характеристик, которые стабильно способствуют конспирологическому мышлению в различных государствах.

Поскольку развитые аналитические способности снижают подверженность конспирологическим идеям [Swami et al., 2014], логично, что наблюдается обратная зависимость между уровнем образования и склонностью доверять теориям заговора: более образованные люди менее подвержены конспирологическим убеждениям. Так, наличие ученой степени снижает склонность к конспирологическому мышлению в России и Украине, аналогичная закономерность наблюдается в отношении россиян, которые имеют высшее образование или получают его в настоящее время.

Респонденты, лояльные действующей власти, менее склонны к конспирологическому мышлению. Кроме того, закономерно значимым оказывается уровень доверия. Респонденты, которые полагали, что другим людям можно доверять, демонстрировали меньшую склонность к конспирологическому мышлению. Верно и обратное: согласие с тезисом «большинство людей использовали бы

меня, если бы могли» усиливает веру в теории заговора. Вероятно, значимая роль генерализированного доверия отчасти обуславливается характеристиками людей, демонстрирующих высокое значение данного показателя. Большему уровню доверия способствует вовлеченность в информационные потоки (использование интернета, чтение газет), а также высокие оценки субъективного благосостояния [Волченко, 2014]. Исходя из предшествующих исследований, можно ожидать, что использование разнообразных медиа и уровень благосостояния будут снижать веру в теории заговора.

Хотя в литературе нет однозначного ответа на вопрос о том, повышает или снижает возраст респондента склонность к конспирологическому мышлению, на наших данных для всех трех стран мы получаем схожие результаты: более старшие респонденты демонстрируют большую склонность доверять теориям заговора. Вероятно, направление связи в данном случае действительно будет различаться в зависимости от рассматриваемого кейса. Поскольку для всех трех стран мы использовали одинаковую методологию измерения склонности к конспирологическому мышлению, а задаваемые вопросы были общими и не относились к конкретным событиям (которые могли бы по-разному интерпретироваться в зависимости от государства), полученные нами результаты оказались стабильными. Менее однозначные результаты получены в отношении такого параметра, как пол. Сделанный ранее вывод о большей предрасположенности женщин к конспирологическому мышлению [Oliver, Wood, 2014a] воспроизводится только в случае Украины и Казахстана, тогда как в России влияние пола незначимо.

Таблица 4. Факторы конспирологического мышления (зависимая переменная — среднее согласие с утверждениями «За странными и непонятными событиями всегда стоят интересы правительств или теневых групп» и «Официальные объяснения событий всегда дальше от правды, чем альтернативные»)

Предикторы	Россия		Украина		Казахстан	
	std. Beta	p	std. Beta	p	std. Beta	p
Возраст	0,081	<0,001	0,074	0,001	0,072	0,013
Социальная сеть «ВКонтакте»	0,223	<0,001	-0,026	0,630	0,108	0,054
Мужской пол	-0,005	0,891	-0,130	0,002	-0,114	0,030
Образование: окончил(-а) техникум, колледж, ПТУ	-0,044	0,571	0,100	0,301	0,032	0,767
Образование: обучение в университете/институте	-0,367	<0,001	-0,208	0,137	-0,028	0,848
Образование: высшее	-0,188	0,010	-0,154	0,096	-0,102	0,309
Образование: ученая степень	-0,357	0,001	-0,383	0,020	-0,138	0,402
Образование: другое	0,079	0,404	0,125	0,266	0,023	0,855

	Россия		Украина		Казахстан	
	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>	<i>std. Beta</i>	<i>p</i>
<i>Предикторы</i>						
Источник новостей: телевидение	0,075	<0,001	0,051	0,015	0,075	0,004
Источник новостей: блоги	-0,055	0,002	-0,072	0,001	0,019	0,443
Источник новостей: агрегаторы	-0,082	<0,001	-0,122	<0,001	-0,066	0,011
Большинство людей старается помогать друг другу	-0,041	0,035	0,021	0,343	0,037	0,176
Большинству людей можно доверять	-0,046	0,016	-0,059	0,008	-0,070	0,011
Большинство людей использовали бы меня, если бы могли	0,137	<0,001	0,091	<0,001	0,118	<0,001
Лояльность к власти	-0,103	<0,001	-0,100	<0,001	-0,206	<0,001
Интерес к политике	-0,004	0,846	-0,017	0,447	-0,078	0,003
N	3114		2298		1467	
R ² / R ² adjusted	0,107 / 0,102		0,089 / 0,082		0,093 / 0,083	

Вразрез с результатами предшествующих исследований идут только оценки роли медиа в формировании конспирологического мышления. В противовес работам, доказывающим, что вера в теории заговора более свойственна аудитории блогосферы [Stempel, Hargrove, Stempel, 2007], мы видим, что в рассмотренных странах получение новостей из телевизионных программ повышает склонность к конспирологическому мышлению. В то же время использование блогов в качестве информационного ресурса снижает склонность к конспирологическим убеждениям в России и Украине, а обращение к новостным агрегаторам — во всех рассмотренных государствах. Таким образом, потребление новостей в интернете в данном случае не повышает, а снижает доверие теориям заговора. Подобные закономерности могут быть связаны с особенностями медиасистем постсоветских государств.

Заключение

Согласно результатам нашего исследования, наиболее подвержены конспирологическому мышлению люди с низким уровнем образования, генерализированного доверия и одобрения действующей власти. Это соотносится с результатами предшествующих исследований, отмечающих, что вера в теории заговора негативно связана с развитием аналитических способностей, уровнем образования [van Prooijen, 2017; Swami et al., 2014] и политического доверия [Einstein, Glick, 2015; Mancosu, Vassallo, Vezzoni, 2017]. Наши результаты еще раз подтверждают, что конспирологическое мышление возникает в ситуации, когда люди не одобряют

действия руководства страны и, как следствие, сомневаются в объективности и полноте официальной информации.

Кроме того, исследование подтвердило влияние возраста на склонность к доверию теориям заговора: более старшие респонденты демонстрировали большую предрасположенность к конспирологическому мышлению. В то же время влияние пола оказалось значимым только в случае Украины и Казахстана. Таким образом, наши результаты не полностью подтверждают выявленную ранее [Oliver, Wood, 2014a] большую склонность женщин к конспирологическому мышлению.

Наиболее интересным представляется вывод о том, что конспирологические убеждения более характерны для людей, получающих информацию преимущественно из телевизионных каналов. Влияние потребления новостей из блогов и агрегаторов оказывается обратным. Возможно, наблюдаемые закономерности объясняются особенностями медиасистем в рассмотренных странах. Информация из блогов уже может быть альтернативой официальным новостям, поэтому обращаться к теориям заговора потребности не возникает.

Данное исследование имеет ряд ограничений и может быть в дальнейшем расширено и дополнено. Так, при измерении склонности к конспирологическому мышлению в рассматриваемых странах с целью обеспечения сопоставимости результатов использовались одинаковые вопросы. Вместе с тем, возможно, имело бы смысл скорректировать формулировки с учетом странового контекста. Для более глубокого понимания ситуации в Украине и Казахстане представляется разумным проведение детальных национальных исследований и возможная корректировка инструментария. Кроме того, важно подчеркнуть, что в данном случае мы рассматриваем склонность к конспирологическому исследованию в целом, а не веру в те или иные теории заговора в отношении конкретного события. Хорошим дополнением для нашего исследования мог бы стать анализ отдельных кейсов распространения конспирологических убеждений (например, вера в различные теории заговора в отношении COVID-19). Также важно отметить, что мы оставляем за скобками этой работы неоднородность самих теорий заговора, которые могут достаточно сильно различаться между собой по форме [Brotherton, French, Pickering, 2013]. Это упущение представляется оправданным и не влияющим на полученные результаты, поскольку мы не рассматриваем конкретные кейсы. Однако в дальнейших работах имеет смысл принимать во внимание, что различные группы населения могут быть более подвержены тем или иным типам теорий заговора. Например, популисты охотно верят и транслируют убежденность в том, что элитные группы в своих интересах скрывают какую-либо информацию, однако они не склонны верить в заговоры об организациях, наносящих ущерб здоровью и благополучию людей [Silva, Vegetti, Littvay, 2017].

Таким образом, перспективными направлениями для дальнейших исследований конспирологического мышления представляются следующие:

- 1) анализ распространения теорий заговора в случае конкретного события;
- 2) разработка и корректировка шкал, направленных на оценку конспирологического мышления, для России и других государств;
- 3) типологизация популярных в России теорий заговора.

Список литературы (References)

- Волченко О. В. Доверие как продукт вовлеченности в информационные потоки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 128—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.08>.
- Volchenko O. V. (2014) Trust as a Product of Involvement in Information Flows. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 128—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.08>. (In Russ.)
- Abalakina-Paap M., Stephan W. G., Craig T., Gregory W. L. (1999) Beliefs in Conspiracies. *Political Psychology*. Vol. 20. No. 3. P. 637—647. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00160>.
- Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., Lopez Seguí F. (2020) COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 5. <https://doi.org/10.2196/19458>.
- Allport F. H., Lepkin M. (1945) Wartime Rumors of Waste and Special Privilege: Why Some People Believe Them. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 40. No. 1. P. 3—36. <https://doi.org/10.1037/h0058110>.
- Bale J. M. (2007) Political Paranoia v. Political Realism: On Distinguishing between Bogus Conspiracy Theories and Genuine Conspiratorial Politics. *Patterns of Prejudice*. Vol. 41. No. 1. P. 45—60. <https://doi.org/10.1080/00313220601118751>.
- Bergmann E. (2018) *Conspiracy & Populism: The Politics of Misinformation*. Cham: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-90359-0>.
- Bird S. T., Bogart L. M. (2005) Conspiracy Beliefs about HIV/AIDS and Birth Control among African Americans: Implications for the Prevention of HIV, Other STIs, and Unintended Pregnancy. *Journal of Social Issues*. Vol. 61. No. 1. P. 109—126. <https://doi.org/10.1111/j.0022-4537.2005.00396.x>.
- Bogart L. M., Thorburn S. (2006) Relationship of African Americans' Sociodemographic Characteristics to Belief in Conspiracies about HIV/AIDS and Birth Control. *Journal of the National Medical Association*. Vol. 98. No. 7. P. 1144—1150.
- Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R. (2013) Measuring Individual Differences in Generic Beliefs in Conspiracy Theories Across Cultures: Conspiracy Mentality Questionnaire. *Frontiers in Psychology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00225>.
- Brotherton R., French C. C., Pickering A. D. (2013) Measuring Belief in Conspiracy Theories: The Generic Conspiracist Beliefs Scale. *Frontiers in Psychology*. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2013.00279>.
- Dillinger J. (2004) Terrorists and Witches: Popular Ideas of Evil in the Early Modern Period. *History of European Ideas*. Vol. 30. No. 2. P. 167—182. <https://doi.org/10.1016/j.histeuroideas.2004.03.001>.

Einstein K., Glick D. (2015) Do I Think BLS Data are BS? The Consequences of Conspiracy Theories. *Political Behavior*. Vol. 37. No. 3. P. 679—701. <https://doi.org/10.1007/s11109-014-9287-z>.

Fenster M. (2008) *Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Grzesiak-Feldman M. (2013) The Effect of High-Anxiety Situations on Conspiracy Thinking. *Current Psychology*. Vol. 32. No. 1. P. 100—118. <https://doi.org/10.1007/s12144-013-9165-6>.

Imhoff R., Bruder M. (2014) Speaking (Un-)Truth to Power: Conspiracy Mentality as a Generalised Political Attitude. *European Journal of Personality*. Vol. 28. No. 1. P. 25—43. <https://doi.org/10.1002/per.1930>.

Jolley D., Douglas K. M. (2013) The Social Consequences of Conspiracism: Exposure to Conspiracy Theories Decreases Intentions to Engage in Politics and to Reduce One's Carbon Footprint. *The British Journal of Psychology*. Vol. 105. No. 1. P. 35—56. <https://doi.org/10.1111/bjop.12018>.

Jolley D., Douglas K. M. (2014) The Effects of Anti-Vaccine Conspiracy Theories on Vaccination Intentions. *PLoS One*. Vol. 9. No. 2. <http://dx.doi.org/10.1371/journal.pone.0089177>.

Jovančević A., Miličević N. (2020) Optimism-Pessimism, Conspiracy Theories and General Trust as Factors Contributing to COVID-19 Related Behavior — A Cross-Cultural Study. *Personality and Individual Differences*. Vol. 167. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110216>.

Kata A. (2010) A Postmodern Pandora's Box: Anti-Vaccination Information on the Internet. *Vaccine*. Vol. 28. No. 7. P. 1709—1716. <http://dx.doi.org/10.1016/j.vaccine.2009.12.022>.

Klofstad C. A., Uscinski J. E., Connolly J. M., West J. P. (2019) What Drives People to Believe in Zika Conspiracy Theories? *Palgrave Communications*. Vol. 5. No. 1. P. 1—8. <https://doi.org/10.1057/s41599-019-0243-8>.

Kowalski J., Marchlewska M., Molendab Z., Górska P., Gawęda Ł. (2020) Adherence to Safety and Self-Isolation Guidelines, Conspiracy and Paranoia-Like Beliefs during COVID-19 Pandemic in Poland — Associations and Moderators. *Psychiatry Research*. Vol. 294. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113540>.

Leman P. (2007) The Born Conspiracy. *New Scientist*. Vol. 195. No. 2612. P. 35—37. [https://doi.org/10.1016/S0262-4079\(07\)61774-6](https://doi.org/10.1016/S0262-4079(07)61774-6).

Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. (2017) Believing in Conspiracy Theories: Evidence from an Exploratory Analysis of Italian Survey Data. *South European Society and Politics*. Vol. 22. No. 3. P. 327—344. <https://doi.org/10.1080/13608746.2017.1359894>.

McCauley C., Jacques S. (1979) The Popularity of Conspiracy Theories of Presidential Assassination: A Bayesian Analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 37. No. 5. P. 637—644. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.5.637>.

McHoskey J. W. (1995) Case Closed? On the John F. Kennedy Assassination: Biased Assimilation of Evidence and Attitude Polarization. *Basic and Applied Social Psychology*. Vol. 17. No. 3. P. 395—409. https://doi.org/10.1207/s15324834basp1703_7.

Moscovici S. (1987) The Conspiracy Mentality. In: Graumann C. F., Moscovici S. (eds.) *Changing Conceptions of Conspiracy*. New York, NY: Springer. P. 151—169. https://doi.org/10.1007/978-1-4612-4618-3_9.

Oleksy T., Wnuk A., Maison D., Łyś A. (2021) Content Matters. Different Predictors and Social Consequences of General and Government-Related Conspiracy Theories on COVID-19. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110289>.

Oliver J. E., Wood T. J. (2014a) Conspiracy Theories and the Paranoid Style(s) of Mass Opinion. *American Journal of Political Science*. Vol. 58. No. 4. P. 952—966. <https://doi.org/10.1111/ajps.12084>.

Oliver J. E., Wood T. J. (2014b) Medical Conspiracy Theories and Health Behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 174. No. 5. P. 817—818. <http://dx.doi.org/10.1001/jamainternmed.2014.190>.

Oosterhoff B., Palmer C. A. (2020) Psychological Correlates of News Monitoring, Social Distancing, Disinfecting, and Hoarding Behaviors among US Adolescents during the COVID-19 Pandemic. *PsyArXiv*. March 23rd. <https://doi.org/10.31234/osf.io/rpcy4>.

Parsons S., Simmons W., Shinhoster F., Kilburn J. (1999) A Test of the Gapevine: An Empirical Examination of Conspiracy Theories among African Americans. *Sociological Spectrum*. Vol. 19. No. 2. P. 201—222. <https://doi.org/10.1080/027321799280235>.

Plencner A. (2014) Critical Thinking and the Challenges of Internet. *Communication Today*. Vol. 5. No. 2. P. 4—19.

Popper K. (1966) *The Open Society and Its Enemies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Silva B. C., Vegetti F., Littvay L. (2017) The Elite Is Up to Something: Exploring the Relation between Populism and Belief in Conspiracy Theories. *Swiss Political Science Review*. Vol. 23. No. 4. P. 423—443. <https://doi.org/10.1111/spsr.12270>.

Stojanov A., Halberstadt J. (2019) The Conspiracy Mentality Scale: Distinguishing Between Irrational and Rational Suspicion. *Social Psychology*. Vol. 50. No. 4. P. 215—232. <https://doi.org/10.1027/1864-9335/a000381>.

Stempel C., Hargrove T., Stempel G. H. (2007) Media Use, Social Structure, and Belief in 9/11 Conspiracy Theories. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 84. No. 2. P. 353—372. <https://doi.org/10.1177/107769900708400210>.

Sullivan D., Landau M. J., Rothschild Z. K. (2010) An Existential Function of Enemyship: Evidence That People Attribute Influence to Personal and Political Enemies to Compensate for Threats to Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 3. P. 434—449. <https://doi.org/10.1037/a0017457>.

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Furnham A. (2010) Unanswered Questions: A Preliminary Investigation of Personality and Individual Difference Predictors of 9/11 Conspiracist Beliefs. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 24. No. 6. P. 749—761. <https://doi.org/10.1002/acp.1583>.

Swami V., Coles R., Stieger S., Pietschnig J., Furnham A., Rehim Sh., Voracek M. (2011) Conspiracist Ideation in Britain and Austria: Evidence of a Monological Belief System and Associations between Individual Psychological Differences and Real-World and Fictitious Conspiracy Theories. *British Journal of Psychology*. Vol. 102. No. 3. P. 443—463. <http://dx.doi.org/10.1111/j.2044-8295.2010.02004.x>.

Swami V., Voracek M., Stieger S., Tran U. S., Furnham A. (2014) Analytic Thinking Reduces Belief in Conspiracy Theories. *Cognition*. Vol. 133. No. 3. P. 572—585. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.08.006>.

van der Linden S. (2015) The Conspiracy-Effect: Exposure to Conspiracy Theories (about Global Warming) Decreases Pro-Social Behavior and Science Acceptance. *Personality and Individual Differences*. Vol. 87. P. 171—173. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.07.045>.

van Prooijen J.-W. (2017) Why Education Predicts Decreased Belief in Conspiracy Theories. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 31. No. 1. P. 50—58. <https://doi.org/10.1002/acp.3301>.

van Prooijen J.-W., Krouwel A. P. M., Pollet T. V. (2015) Political Extremism Predicts Belief in Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 6. No. 5. P. 570—578. <https://doi.org/10.1177/1948550614567356>.

Whitson J. A., Galinsky A. D. (2008) Lacking Control Increases Illusory Pattern Perception. *Science*. Vol. 322. No. 5898. P. 115—117. <https://doi.org/10.1126/science.1159845>.

Wood M. J., Douglas K. M., Sutton R. M. (2012) Dead and Alive: Beliefs in Contradictory Conspiracy Theories. *Social Psychological and Personality Science*. Vol. 3. No. 6. P. 767—773. <https://doi.org/10.1177/1948550611434786>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1981](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1981)

И. Г. Овчинникова, Л. М. Ермакова, Д. М. Нурбакова

**НУЖНА ЛИ КРАСНАЯ ТАБЛЕТКА:
ГИДРОКСИХЛОРОКИНОВЫЕ ВОЙНЫ В «ТВИТТЕРЕ»**

Правильная ссылка на статью:

Овчинникова И. Г., Ермакова Л. М., Нурбакова Д. М. Нужна ли красная таблетка: гидроксихлорокиновые войны в «Твиттере» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 566—583. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1981>.

For citation:

Ovchinnikova I. G., Ermakova L. M., Nurbakova D. M. (2021) Who Needs the Red Pill: Hydroxychloroquine Wars on Twitter. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 566–583. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1981>. (In Russ.)

НУЖНА ЛИ КРАСНАЯ ТАБЛЕТКА: ГИДРОКСИХЛОРОКИНОВЫЕ ВОЙНЫ В «ТВИТЕРЕ»

ОВЧИННИКОВА Ирина Германовна — доктор философских наук, профессор, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Сеченовский университет, Москва, Россия

E-MAIL: ovchinnikova.ig@1msmu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1726-3360>

ЕРМАКОВА Лиана Магдановна — PhD, доцент, Лаборатория «Наследие и конструирование в тексте и изображении», Университет Западной Бретани, Брест, Франция

E-MAIL: liana.ermakova@univ-brest.fr

<https://orcid.org/0000-0002-7598-7474>

НУРБАКОВА Диана Магдановна — PhD (информатика), доцент, преподаватель-исследователь факультета информатики, научно-исследовательская лаборатория информатики «Анализ изображений и информационных систем», Французский национальный центр научных исследований (LIRIS UMR 5205 CNRS), Национальный институт прикладных наук г. Лиона, Лион, Франция

E-MAIL: diana.nurbakova@insa-lyon.fr

<https://orcid.org/0000-0002-6620-7771>

Аннотация. В статье обсуждается возникновение дезинформации о лечении COVID-19 в англоязычном «Твиттере» в период научной и общественной дискуссии об эффективности препарата гидроксихлорокин для лечения заболевания. Анализируется непосредственное и опосредованное влияние медиapersон на распространение дезинформации о COVID-19 в сети. В коллекции из 10 млн твитов, опубли-

WHO NEEDS THE RED PILL: HYDROXY- CHLOROQUINE WARS ON TWITTER

Irina G. OVCHINNIKOVA¹ — Dr. Sci. (Philos.), Professor, Institute of Linguistic and Intercultural Communication

E-MAIL: ovchinnikova.ig@1msmu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1726-3360>

Liana M. ERMAKOVA² — Cand. Sci. (Computer Science), Associate Professor, Inheritance and Construction in Text and Image-HTCI

E-MAIL: liana.ermakova@univ-brest.fr

<https://orcid.org/0000-0002-7598-7474>

Diana M. NURBAKOVA³ — PhD (Computer Science), Associate Professor, Department of Computer Science, Research laboratory of Informatics in Image and Information Systems, French National Centre for Scientific Research, France (LIRIS UMR 5205 CNRS)

E-MAIL: diana.nurbakova@insa-lyon.fr

<https://orcid.org/0000-0002-6620-7771>

¹ Sechenov University, Moscow, Russia

² University of Western Brittany, Brest, France

³ National Institute of Applied Sciences of Lyon (INSA Lyon), Lyon, France

Abstract. The paper discusses the emergence of misinformation about the COVID-19 treatment on Twitter during the scientific and public discussion about the effectiveness of the hydroxychloroquine (HCQ) for the treatment of the disease. The authors analyze direct and indirect influence of media personas on the misinformation spread basing on the 1,356 information cascades found in a collection of 10 million tweets pub-

кованных с 30 марта по 13 июля 2020 г., обнаружено 1 356 информационных каскадов. Выявлен список персон, вовлеченных в активное обсуждение лечения COVID-19 в информационных каскадах. Наиболее популярными источниками медицинских сведений для пользователей «Твиттера» являются сообщения политиков. При обсуждении твитов политиков формируются глубокие каскады, в которых искажается содержание исходного твита и нагнетается эмоциональность. По результатам семантического и дискурсивного анализа определены причины искажения достоверных медицинских сведений и возникновения дезинформации, распространяемой пользователями, комментирующими твиты медиаперсон. Установлено, что медицинская информация искажается в информационных каскадах благодаря комментариям пользователей. К искажению медицинской информации в каскадах приводят смешение терминов, подмена логических связей ассоциативными, опущение существенных деталей, неоправданное обобщение, преувеличение значимости ссылок на личный опыт. Важной причиной искажения информации является политизация и поляризация обсуждения лечения COVID-19.

Ключевые слова: социальная сеть, медиаперсона, COVID-19, информационный каскад, искажение медицинской информации, дезинформация, фейк

lished from March 30 to July 13, 2020. The compiled list of personas involved in active discussion of the COVID-19 treatment in information cascades showed that the most popular sources of health information for Twitter users are posts from politicians. The discussions around the tweets from politicians produce deep cascades distorting the content of the original message and increasing the emotionality. Semantic and discourse analysis of the tweets allowed to identify the main reasons for the distortion of reliable medical information and the emergence of disinformation disseminated by users commenting on tweets of the media personas. It was found that medical information is distorted in information cascades due to confusion of terms in user's comments, substitution of logical connections with associative ones, omission of essential details, unjustified generalization, and exaggeration of the significance of references to the personal experience. An important reason of misinformation is the politicization and polarization of the discussion of the COVID-19 treatment.

Keywords: social media, public figures, information cascade, medical misinformation, disinformation, COVID-19, fake news

1. К постановке проблемы

1.1. О значимости сообщений медиаперсон в социальных сетях

Социальные сети быстро реагируют на события и позволяют следить за расказами очевидцев, комментариями известных лиц, мнением компетентных специалистов и личными впечатлениями журналистов. Во многих кризисных ситуациях

интернет-пользователи ищут информацию в социальных сетях, а не в обзорах СМИ [Еникеева и др., 2016]. Особая роль в распространении информации и организации незамедлительной общественной реакции на событие принадлежит «Твиттеру» (см. обзор исследований о роли «Твиттера» в информировании и управлении кризисными ситуациями: [Martinez-Rojas, Pardo-Ferreira, Rubio-Romero, 2018]). Природные катаклизмы, к которым можно отнести пандемию COVID-19, приводят к активизации пользователей «Твиттера». Во время урагана Санди «Твиттер» сыграл существенную роль в информационном обмене между правительственными учреждениями, спасательными организациями и жителями Центральной и Северной Америк [Wang, Zhuang, 2017]. На материале твитов во время тайфуна на Филиппинах были выявлены функции твитов в кризисной ситуации и предложена типология пользователей [Takahashi, Tandoc, Carmichael, 2015]. «Твиттер» считают удобной сетью для оперативного информирования населения при пандемии [Гурылина и др., 2020: 23]. Инфодемия захватила не только «Твиттер», она по-разному проявляется во всех социальных сетях [Архипова* и др., 2020], тем не менее на твиты чаще ссылаются новостные каналы, официальные лица регулярно публикуют в «Твиттере» заявления, а общественные и правительственные организации координируют через него действия граждан в случае чрезвычайных ситуаций.

Аккаунты медиаперсон в «Твиттере» привлекают множество подписчиков, их сообщения мгновенно распространяются, обрастая комментариями и повышая активность обычных пользователей [Romero, 2011]. Во время пандемии COVID-19 твиттер-аккаунты лидеров стран большой семерки существенно влияют на распространение информации [Rufai, Bunce, 2020]. В условиях пандемии особую популярность приобретают сообщения на медицинскую тему. Пользователи «Твиттера» цитируют сообщения медиаперсон независимо от достоверности изложенной информации. Ретвиты и комментарии генерируют информационные каскады, отражающие одновременно принятое многими пользователями решение поделиться твитом, прокомментировать его или ответить его комментаторам [Galuba et al., 2010]. Информационный каскад представляет собой поведенческую реакцию на сообщение, которая проявляется в ориентации на чужое мнение и копировании чужого поведения. Распространение сообщения в сети благодаря каскадам чревато искажением исходной информации, поскольку в комментариях пользователи перефразируют предложения, заменяют термины, обобщают выводы [Boyd, Golder, Lotan, 2010]. Таким образом, медиаперсоны влияют на поведение пользователей не только непосредственно, распространяя информацию [Rufai, Bunce, 2020], но и через каскады, в которых высока вероятность искажения исходного сообщения.

Массовость распространения и комментирования сообщений медиаперсон в социальной сети обусловлена авторитетностью автора, сложностью текста и личностью пользователя [Nurbakova, Ermakova, Ovchinnikova, 2020]. Простые сообщения без специальной терминологии и сложных логических аргументов имеют больше шансов сгенерировать каскад, чем развернутые комментарии компетентных специалистов [Kuravskii et al., 2012]. Благодаря каскадам в сети появляется множество постов, тиражирующих упрощенные и недостоверные сведения и способствующих зарождению дезинформации. Поскольку пользователи

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

«Твиттера» рассматривают сеть как надежный источник медицинских сведений и выстраивают поведение, опираясь на прочитанное, изучение распространения информации о COVID-19 и его лечения представляет важную задачу.

Мы рассчитываем выяснить, **кто** из медиаперсон вовлечен в сетевые дискуссии о лечении COVID-19, **каким образом** возникает искажение информации в каскадах и **с какими мифами** оно связано.

1.2. Информационный каскад как среда возникновения дезинформации

Информационные каскады возникают, когда пользователи принимают решения, оглядываясь на предпочтения других. Исследователи выделяют широкие и узкие глубокие каскады [Leskoves, 2007]. Широкие каскады возникают из ретвитов, а глубокие имеют разветвленную структуру, образуя ступени за счет цепочек комментариев [ibid.]. Широкий каскад редко вызывает искажения первоначального сообщения, поскольку содержит буквальный повтор. Глубокие каскады на «Твиттере» закономерно приводят к информационным искажениям, поскольку пользователи сокращают исходное сообщение, используют символы, чтобы освободить место для собственного комментария [Boyd, Golder, Lotan, 2010]. Глубокие каскады часто спровоцированы сообщениями политиков; обсуждение любой темы обычно политизируется на третьей ступени каскада [Lu et al., 2020]. Влияние политиков на дискуссии в «Твиттере», приводящее к зарождению дезинформации, нередко опосредовано комментарием обычного пользователя [Brennen et al., 2020].

В первые месяцы пандемии пользователей интересует природа вируса, риск заражения, влияние пандемии на экономику и распорядок жизни [Abd-Alrazaq et al., 2020]. По мере развития событий в круг интересов входит лечение COVID-19 и надежность препаратов, что вызывает виток медицинской дезинформации [Ермакова, Нурбакова, Овчинникова, 2020]. Искажение медицинской информации обычно возникает ненамеренно в силу сложности предмета обсуждения, ошибок в терминологии и нарушения правил медицинского дискурса [Ribeiro, Gligoric, West, 2019]. В исследовании искажения информации в каскадах медицинской тематики [ibid.] показано, как постепенно накапливаются неточности из-за неоправданного обобщения сведений или по принципу «испорченных телефонов» при передаче информации. Развитие каскада прекращается после разъяснений специалиста, обнаруживающего и устраняющего информационные искажения [Ziegelmeier et al., 2010]; однако глубокие каскады в «Твиттере» продолжают развиваться после комментария медицинского работника [Ермакова, Нурбакова, Овчинникова, 2020]. Более того, в случае обсуждения COVID-19 специалисты высказывают противоречивые суждения не только в социальных сетях, но и в научных публикациях об эффективности гидроксихлорокина¹.

В отличие от предшествующих исследований, где показано распространение дезинформации, мы рассчитываем выяснить, каким образом в глубоких каскадах возникает искажение достоверной на момент публикации информации о COVID-19 и его лечении, содержащейся в твитах медиаперсон.

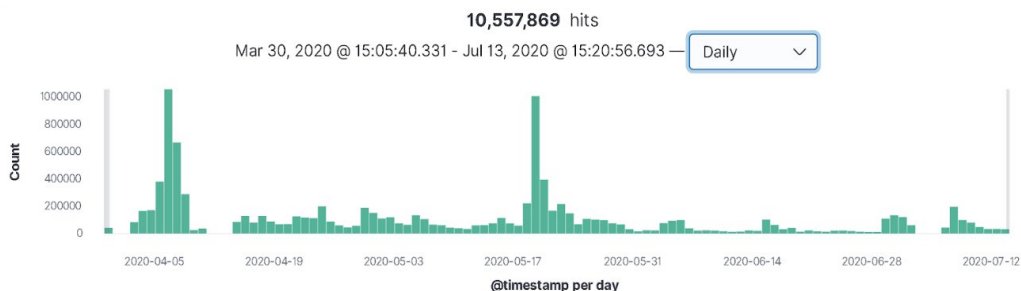
¹ Далее в тексте используется сокращение HCQ.

2. Материал и методы исследования

2.1. Создание коллекции данных

Поскольку обсуждение COVID-19 включает множество медицинских тем, мы ограничили исследование материалами дискуссии о пользе HCQ, которая длилась до середины лета 2020 г. и привлекла внимание специалистов и обычных пользователей. Коллекция англоязычных твитов, опубликованных с 30 марта по 13 июля 2020 г. и посвященных обсуждению лечения COVID-19, была создана с использованием Twitter API². В запрос для сбора данных были включены наименования химических веществ и лекарственных препаратов, а также имена французских врачей, первыми опубликовавших статьи об эффективности HCQ в борьбе с новым вирусом: *chloroquine*, *hydroxychloroquine*, *Raoult*³, *remdesivir*, *tocilizumab*, *favipiravir*, *Avigan*, *azithromycin*, *HCQ*, *Axemal*, *Dolquine*, *Quensyl*, *Hydroxychloroquinum*, *Montagnier*, *Hydroquin*, *Quinoric*. Сроки сбора данных соответствуют проекту Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по тестированию HCQ и сопутствующих препаратов для лечения COVID-19, который начался после заявления французского микробиолога Дидье Рауля в конце марта 2020 г.,⁴ а завершился в середине июля 2020 г.⁵ после снятия с сайта престижного научного журнала *The Lancet* статьи, содержащей неподтвержденные сведения. Авторы статьи не смогли предоставить сырые данные в полном объеме. ВОЗ объявила о решении прекратить испытание HCQ и лопинавира/ритонавира.

Рис. 1. Скриншот с отметкой периода сбора коллекции

Коллекция включает 10,5 млн твитов от 2 159 932 пользователей; большую часть коллекции представляют ретвиты. На рисунке 1 приведен скриншот периода сбора данных, на котором заметны два всплеска активности: 6 апреля и 19 мая. В эти дни были опубликованы вирусные твиты, инициировавшие широкие и глубокие информационные каскады. Четыре из пяти самых популярных твитов ме-

² Tap into What's Happening to Build What's Next. URL: <https://developer.twitter.com/en> (дата обращения: 15.12.2021).

³ Coronavirus et hydroxychloroquine: le professeur Raoult publie une nouvelle étude, aussitôt critiquée // Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/planete/article/2020/03/28/coronavirus-et-hydroxychloroquine-le-professeur-raoult-publie-une-nouvelle-etude-aussitot-critiquee_6034785_3244.html (дата обращения: 15.12.2021).

⁴ WHO COVID-19 Solidarity Therapeutics Trial // World Health Organization. URL: <https://bit.ly/3jouj01> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵ WHO Discontinues Hydroxychloroquine and Lopinavir/Ritonavir Treatment Arms for COVID-19. URL: <https://bit.ly/3kq6iam> (дата обращения: 15.12.2021).

дицинской тематики, опубликованных в дни всплеска активности, размещены медиаперсонами (см. примеры в табл. 1).

Таблица 1. Примеры наиболее популярных твитов на медицинскую тему с 13 марта по 30 июля 2020 г. (в переводе на русский язык)

Твит	#ретвит	#цитата	#ответ
@Hillary Clinton: Пожалуйста, не следуйте медицинским рекомендациям человека, который при затмении смотрел прямо на солнце.	422 447	57 326	78 621
@realDonaldTrump: Гидроксихлорокин и азитромицин, применяемые одновременно, имеют реальные шансы перевернуть историю медицины. Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов свернет горы — спасибо вам! Надеюсь, они справятся ВДВОЕМ (Г действует лучше в сочетании с А, International Journal of Antimicrobial Agents)	103 609	30 058	70 802
@elonmusk: Примите красную таблетку!	104 857	17 437	34 027
@realDonaldTrump: С гордостью объявляю о том, что мы отправим нашим друзьям в Индию аппараты ИВЛ. Мы выстоим вместе с Индией и @narendramodi. Мы также сообщаем разработываем вакцину. Вместе победим невидимого врага!	80 145	7 419	25 123
@RossFairchild: Нью-йоркский доктор поделился с Шоном Ханнити результатами применения хлорокина / азитромицина на практике. Ежедневно 200 мг гидроксихлорокина в два приема, 500 мг азитромицина один раз в день, 22 мг сульфата цинка один раз в день. 350 пациентов *Дыхание восстанавливается за 3—4 часа *0 смертность *0 пациентов госпитализировано *0 случаев интубации	40 552	4 074	1 879

2.2. Методы анализа коллекции данных

Поскольку в режиме реального времени статистика твитов недоступна, при обработке данных мы собрали статистику на основе анализа идентификаторов твитов, используя Python data analysis library Pandas. Глубокие каскады, в которых наиболее вероятно искажение исходной информации, были выявлены при анализе твитов оригинального содержания (всего 141 866 сообщений). Из твитов оригинального содержания мы выбрали для ручной обработки по 1000 самых распространенных и часто цитируемых сообщений (см. примеры в табл. 1). Благодаря анализу социальных и демографических характеристик пользователей, разместивших отобранные для ручной обработки твиты, мы обнаружили 1356 твитов, инициирующих информационные каскады. Ступени каскадов выявлены по твитам с отмеченным в идентификаторе статусом: retweeted_status.id (копируемый) / quoted_status.id (цитируемый), / in_reply_to_status_id (в ответ на...). Максимально глубокий каскад содержит девять ступеней. Частотный список словоформ каскадов был сгенерирован автоматически (более 2,5 млн слов).

Для ответа на вопрос «кто?» необходим список медиаперсон, чаще всего обсуждающих пандемию. Список медиаперсон, чьи твиты провоцируют развитие каскадов и чьи суждения обсуждаются, мы определили по упоминаниям имен в наиболее

распространенных и цитируемых твитах и хештегах. В частотном словнике были проанализированы лексемы с частотой более 100 на млн словоупотреблений, среди которых были обнаружены имена 38 медиаперсон. Список имен, упомянутых в каскадах, позволяет определить, чьи взгляды интересуют обычных пользователей.

Чтобы ответить на вопросы, **каким образом** возникает медицинская дезинформация и какие фейки связаны с искажением сведений доказательной медицины, мы использовали дистрибутивный, семантический и дискурсивный анализ твитов. Дистрибутивный анализ позволил обнаружить терминологические замены. При анализе семантических связей применялся WordNet⁶ для выявления тематических групп и логических отношений, обеспечивающих семантическую связность ступеней каскада. Смещение оценок от ступени к ступени (изменение полярности) вычислялось на основе сентимент-анализа и приписывания полярности (негативной, нейтральной или позитивной оценки) каждому твиту, для чего использовалась TextBlob⁷ library. Полярность оценивалась в диапазоне от -1 (негативная оценка) до $+1$ (позитивная оценка), а смещение определялось по разности оценок соседних ступеней (см. данные на рис. 2).

3. Результаты анализа коллекции твитов

3.1. Смещение полярности и искажение медицинской информации в глубоких каскадах

В результате сентимент-анализа каскадов мы обнаружили, что в исходных твитах редко выражается негативная или позитивная оценка. На рисунке 2 приведены усредненные значения полярности для каскадов одинаковой глубины. Оттенками голубого цвета обозначена негативная оценка, оттенками красного — позитивная. Первый твит обычно мало отличается от исходного по оценочности, изменение полярности по сравнению с исходным твитом заметно на второй ступени каскада. Появление негативной оценки на второй ступени каскада показано на рисунке 3, где на первой ступени представлены нейтральный и негативный комментарии, а в твите на второй ступени выражена яркая негативная оценка слов Энтони Фаучи и предыдущего комментария к ним.

Каскад на рис. 3 спровоцирован словами Энтони Фаучи о том, что подавляющее большинство заболевших COVID-19 выздоравливают. Пользователи сопровождают цитату комментариями ((1) *не такой уж смертельный вирус, нам не нужна #вакцина, нужно укреплять иммунитет витаминами и минералами, принимать для профилактики HCQ*), оценками ((2) *что за дурацкое утверждение. Я не нуждаюсь в заботе государства...*) и высмеивают позицию администрации, рекомендующей лечить COVID-19 таблетками HCQ ((3) *...правые так любят #гидроксихлорин из-за названия, для этих идиотов именно так звучит высокая наука*). Искажение медицинской информации появляется при нарушении правил логического вывода: из утверждения Энтони Фаучи отнюдь не следует, что пациенты поправляются без лечения и укрепление иммунитета защитит от COVID-19 (см. (1)). Кроме того, доктор не упоминал HCQ — ассоциация возникла у пользователей, поскольку

⁶ WordNet Search — 3.1. URL: <http://wordnetweb.princeton.edu/perl/webwn> (дата обращения: 15.12.2021).

⁷ TextBlob: Simplified Text Processing-TextBlob 0.16.0 documentation.

Фаучи, противник применения HCQ, настаивает на производстве вакцины и ассоциируется с заговором Big Pharma: (4) Фаучи никогда не работал простым врачом. Он прохвост <...> на службе у Гейтса и Big Pharma). Обсуждение политизируется уже на первой ступени каскада (см. ответ слева внизу на рис. 3).

Рис. 2. Средние значения сдвига полярности в пределах каскада

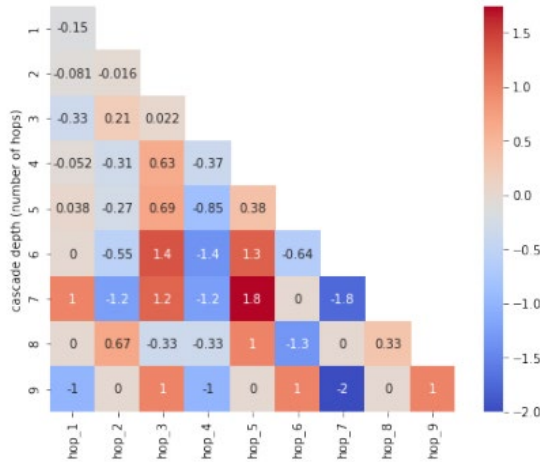
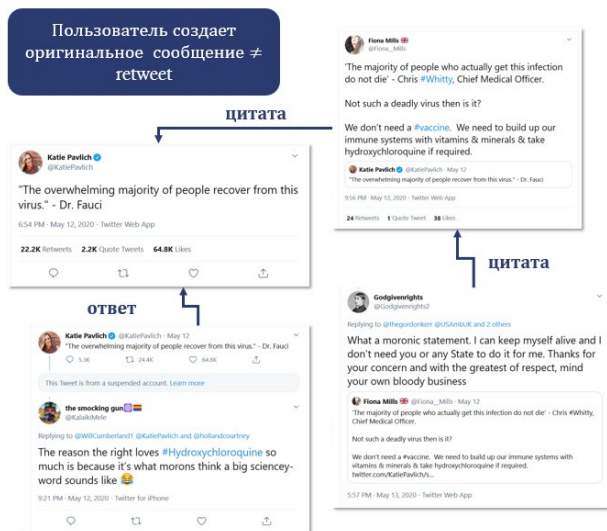

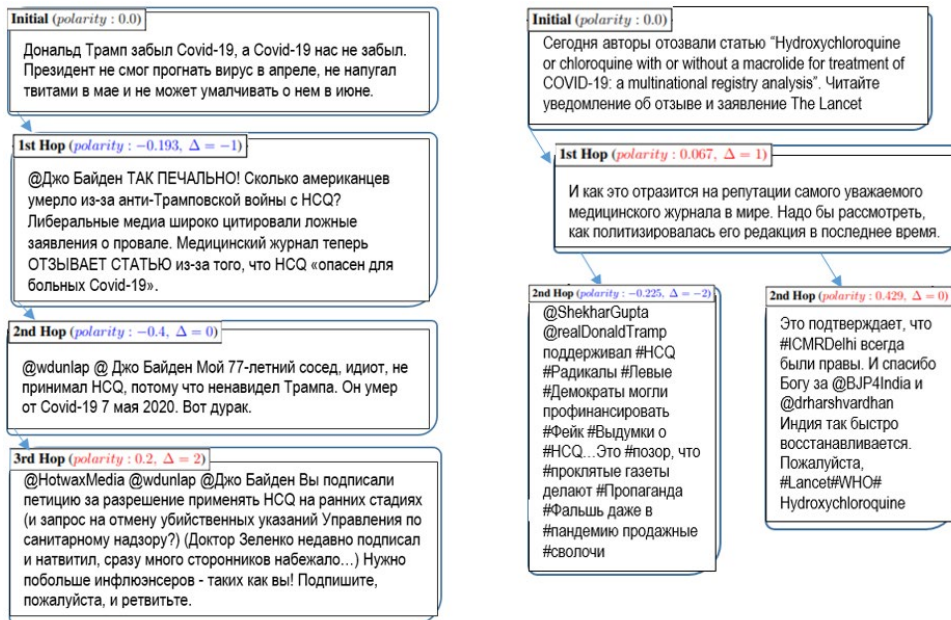
Рис. 3. Схема формирования информационного каскада в «Твиттере»

На рис. 4 приведены два каскада, в которых выделены примеры искажений с указанием оценок полярности. Наряду с другими факторами к смещению полярности и нарушению логических связей приводит политизация. Анализ медицинских причин неэффективности лечения подменяется ссылкой на политическую борьбу республиканцев и демократов (см. левый каскад, инициированный Джо Байденом: (5) сколько американцев умерло из-за антитрамповской войны с HСQ).

Рис. 4. Информационные каскады в «Твиттере»
со сдвигом полярности и искажением медицинской информации

Политизация проявляется в каскадах независимо от медиаперсоны, инициировавшей каскад. Правый каскад на рисунке 4 инициирован июньским твитом редакции журнала *The Lancet*⁸, то есть компетентными исследователями в области медицины: (6) *сегодня три автора отозвали статью*. Комментируя это сообщение, пользователи «Твиттера» обвиняют американских демократов (см. (7) *поскольку @realDonaldTrump поддерживал #HСQ #Радикалы #Левые #Демократы могли профинансировать #Фейк #Выдумки о #HСQ...*); связывают успехи в лечении с политикой партии (см. (8) *и спасибо Богу за @BJP4India*⁹...). Полагаем, политизация обусловлена как пониманием ответственности власти, так и наивной верой в ее способность сдерживать распространение вируса.

Пользователи «Твиттера» заменяют медицинские термины и подменяют сложные медицинские концепты. Это самый распространенный способ искажения

⁸ См. <https://twitter.com/thelancet/status/1268613313702891523?lang=eng> (дата обращения: 15.12.2021).

⁹ BJP — Индийская народная партия.

информации, не связанный с нарушением логики или политической предвзятостью. Если нарушение логики и политизация представляют собой сбой в интеллектуальной обработке данных, то замена терминов и подмена понятий отражают недостаток знаний. Пользователи регулярно заменяют длинный термин НСQ на более простой (см. использование *хлорокина* наравне с *гидроксихлорокином* в последнем твите в таблице 1). Упрощение и подмена сложных медицинских понятий заметны в (1), где *защита от заражения агрессивным вирусом* подменяется *укреплением иммунитета*. Авторы твитов подменяют градуальное понятие *выздоровление* упрощенным противопоставлением *выздоровления* смертности, игнорируя осложнения после болезни и побочные эффекты препаратов.

Ссылка на недостоверные источники в качестве аргумента в пользу определенного протокола лечения и на общественные инициативы по продвижению НСQ приводит к искажению информации, создавая иллюзию доказанной эффективности препарата. Пользователи ссылаются на нью-йоркского доктора Зеленко, чей опыт лечения больных препаратом НСQ оказался эффективным (см. последний твит в табл. 1), но коллеги не считают доктора компетентным исследователем. В каскаде, инициированном Байденом, политику предлагают подписать петицию в поддержку применения НСQ на ранних стадиях, хотя гражданская инициатива и общественное движение не могут повысить эффективность препарата.

Искажение информации возникает при свержобобщении личного опыта или свидетельств очевидцев, поскольку в личных историях авторы опускают существенные детали, что не позволяет судить о достоверности медицинских сведений. Свидетельства очевидцев обычно подаются весьма эмоционально: (9) *мой 77-летний сосед, идиот, не принимал НСQ, потому что ненавидел Трампа. Он умер от COVID-19 7 мая 2020. Вот дурак.*

Преувеличенная эмоциональность и образность неуместны в обсуждении медицинской информации и приводят к неверному истолкованию фактов. Фигуры речи затрудняют понимание текста, а контекст твита недостаточен для их ясной интерпретации. Твит президента Трампа (см. вторую строку в таблице 1), в котором используется гипербола, инициирует каскад с дезинформацией. Пользователи усматривают коммерческие интересы президента в пропаганде НСQ (см. (10): *Все сводится к финансовой прибыли в \$ 99 через фонд, в который входит небольшая компания, производящая НСQ*). Подобным образом метафора Илона Маска ((11) *прими красную таблетку*) провоцирует каскад с призывами принимать НСQ. Маск, сохраняя рабочий режим своей компании при введении карантина, использует метафору, чтобы подтолкнуть пользователей «Твиттера» к критическому осмыслению ситуации. Ссылка Маска на культовую дистопию «Матрица», где красная таблетка избавляла от иллюзий, неясна большинству пользователей¹⁰.

В глубине каскадов появляются откровенные фейки. Обсуждение твитов медиаперсон дает основания вспомнить о заговорах: (12) *@marklevinshow ...Трамп намертво стоит за НСQ & атр, не позволяя Гейтсу, ООН, ВОЗ, Трудю, Фриланду и Китаю контролировать США, смотрите видео*; (13) *...Обама основал ИГИЛ кото-*

¹⁰ См. обсуждение твита Маска: Why Is Elon Musk Telling Us to 'Take the Red Pill'? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/shortcuts/2020/may/18/why-is-elon-musk-telling-us-to-take-the-red-pill> (дата обращения: 15.12.2021).

рый хранит весь HCQ под вышками 5G. Это так просто. Официальная медицина препятствуют распространению эффективного опыта доктора Зеленко, поскольку он религиозный еврей из Нью-Йорка ((14) @AmeenuAbdullahi: Евреи никогда не ошибаются... внедряйте его систему немедленно @ВОЗ).

Таким образом, в твитах медиаперсон, как правило, нет прямой дезинформации, достоверные сведения искажаются в каскадах, созданных активными пользователями. Оценки пользователей поляризуются по мере развития каскада. За распространение дезинформации отвечают обыкновенные пользователи, которые не соблюдают логику, мыслят ассоциативно, подменяют термины и сложные медицинские понятия, преувеличивают значение собственного опыта, не воспринимают тропы и подвержены эмоциональным всплескам.

3.2. Медиаперсоны, вовлеченные в обсуждение медицинской информации

Общая характеристика часто упоминаемых медиаперсон приведена в таблице 2.

Таблица 2. Частотность упоминания популярных медиаперсон

Сфера деятельности	Совокупная частота	Самый упоминаемый представитель	Частота	Частота хештегов
Политика (17 персон)	41974	Дональд Трамп, 45-й президент США	33821	1218
Медицина (7 персон)	12327	Др. Энтони Фаучи, директор Национального института изучения аллергических и инфекционных болезней	7196	484
Журналистика (9 персон)	2565	Нил Кавуто, телекомментатор Fox News	1051	26
Бизнес (3 персоны)	2201	Билл Гейтс, бизнес магнат	1896	100

Анализ big data не отличается скрупулезной точностью, поскольку не учитывает варианты имен, ошибки в написании и косвенную референцию. Приведенные числа отражают обобщенную картину: при обсуждении медицинской тематики пользователи ссылаются прежде всего на политиков; на работников здравоохранения они обращают внимание почти в три с половиной раза реже, чем на политиков. Журналистов и представителей бизнеса пользователи обсуждают почти в пять раз реже, чем профессионалов в области медицины. Полагаем, что интерес к твитам политиков обусловлен их высокой активностью в социальных сетях [Rufai, Bunse, 2020]. Вероятность попасть на глаза пользователю у твита политика выше, чем у сообщения работника сферы здравоохранения.

Упоминание имени в «Твиттере» отражает как сетевую активность медиаперсон, так и их обсуждение пользователями сети. По активности в сети, инициированным каскадам и упоминаниям в комментариях лидирует 45-й президент США. Сообщения Дональда Трампа в целом привлекают больше внимания, чем

твиты любого другого лидера большой семерки: в 2020 г. за Трампом наблюдали 71,4 млн подписчиков по всему миру [ibid.]. Если учитывать популярность отдельных твитов о надежности лечения НСQ, то Трамп заметно проигрывает лидерам демократов: твит Хиллари Клинтон обсуждали полмиллиона пользователей (см. первый твит в табл. 1). Хиллари Клинтон предупреждает пользователей, путающих НСQ с хлорокином и даже с хлором, не следовать медицинским советам Трампа и не принимать НСQ в целях профилактики. В целом твиты медиаперсон, критически оценивающих эффективность НСQ и меры борьбы с пандемией, в апреле — мае 2020 г. вызвали 2 003 007 ретвитов.

Наиболее упоминаемым медицинским работником является доктор Фаучи в силу его причастности к организации мер по сдерживанию пандемии. Слова Фаучи провоцируют каскады, где медицинские новости обсуждаются на фоне политической борьбы республиканцев с демократами (см. рис. 3); его имя всплывает при упоминании конспирологических теорий (см. (4)). В непосредственном контексте с COVID-19 и НСQ пользователи упоминают Дидье Рауля (3 260 упоминаний) и Владимира Зеленко (890 упоминаний). Ни Рауль, ни Зеленко не инициируют глубокие каскады.

Как ни странно, твиты журналистов редко вызывают информационные каскады. Пользователи упоминают имена журналистов в каскадах, инициированных твитами политиков. Часто упоминаемый в дискуссии об НСQ телеведущий и комментатор Fox News Нил Кавуто ассоциируется с позицией 45-го президента США, часто ссылавшегося на Fox News.

Наиболее популярные бизнесмены в дискуссиях на медицинскую тему — Билл Гейтс и Илон Маск (150 упоминаний). Информационные каскады спровоцированы Маском, а вот обсуждение пандемии в каскаде не обходится без имени Гейтса. Гейтса связывают с заговором Big Pharma.

Таким образом, медиаперсоны, вовлеченные в обсуждение медицинской информации, выполняют различные функции в распространении информационных искажений: одни провоцируют развитие каскадов, другие упоминаются в каскадах в связи с лечением COVID-19 и конспирологическими теориями.

Обсуждение результатов анализа искажений медицинской информации в каскадах

Социальные сети не отличаются аккуратностью и точностью информации, пользователи осознают распространенность дезинформации и вред фейковых новостей [Penncook, Rand, 2019]. Во время пандемии пользователей сетей привлекает возможность обсуждать новости, чувствовать социальную востребованность и ощущать контроль над сложной ситуацией [Abd-Alrazaq et al., 2020]. Распространение COVID-19 и объявление пандемии вовлекло в социальные сети тех, кто рассчитывает получить мгновенную информацию о развитии событий, наряду с теми, кто готов обсуждать поиски лекарства и меры сдерживания пандемии [Архипова* и др., 2020: 255]. В отличие от научных публикаций о лечении COVID-19 сообщение в социальной сети понятно без профессиональной подготовки, можно выбрать авторитетного инфлюенсера и отслеживать реакцию сообщества [Penncook et al., 2020].

Авторитетность ассоциируется с представителями власти, от которых зависит нормализация социального взаимодействия. Власть связана как с действующей администрацией, так и с ее оппонентами — политической силой, влияющей на принимаемые решения. Наши результаты показывают **существенное влияние политических симпатий на восприятие медицинской информации**. Пользователи распространяют медицинские советы «своего» политика, искажая содержание исходного сообщения. Это противоречит выводам о независимости распространения недостоверной информации от политических симпатий [Pennycook, Rand, 2019]. Полагаем, что выявленная нами политизация обсуждения медицинских тем обусловлена остротой полемики республиканцев с демократами при президенте Трампе и непредсказуемостью социально-экономической ситуации во время пандемии. Политизация входит в опубликованный ЮНЕСКО список девяти ключевых тем дезинформации о пандемии¹¹.

Твиты политиков и политическая тематика приводят к формированию глубоких каскадов. Обсуждение экономических последствий карантина и сокращения международных контактов становится одной из наиболее обсуждаемых тем в социальных сетях [Abd-Alrazaq et al., 2020], а стоимость препаратов для лечения кажется важным аргументом, перевешивающим медицинские показания. Мы полагаем, что с политизацией связана **коммерческая интерпретация медицинской информации**, проявляющаяся в акценте на финансовых интересах, стоящих за рекомендацией препаратов. Гидроксихлоракиновые войны ведут сторонники политических партий, отслеживающие финансовый интерес «врагов».

Обсуждение медицинской информации порождает каскады в силу некомпетентности большинства пользователей в сложных медицинских вопросах, пока не решенных наукой, и желанием массы людей быстро найти ответы, пригодные для объяснения и выработки стратегии поведения. Наши результаты согласуются с известным положением об искажении медицинской информации в каскадах прежде всего за счет обобщения сведений, в результате которого утрачиваются существенные детали и появляется возможность ошибочной интерпретации [Ribeiro, Gligoric, West, 2019]. Мы не обнаружили существенного влияния сообщения профессионала на завершение каскада, что не согласуется с результатами исследований, проведенных до пандемии [Ziegelmeier et al., 2010].

Искажение медицинской информации возникает из-за незнания пользователями специфики медицинского дискурса — сложной системы понятий и терминологии для их обозначения, жесткой структуры текстов специфических жанров [Wilce, 2009], неприемлемости оценок [Ovchinnikova, Ermakova, Nurbakova, 2020]. Пользователи не отличают отчет о тестировании препарата от подтвержденной информации о его эффективности и готовности к внедрению в широкую практику, что проявляется в обсуждении протоколов доктора Рауля и доктора Зеленко. Пользователи «Твиттера», комментируя сообщения медиаперсон, упускают существенные детали в описаниях медицинских показаний и опускают их в личных историях, что в целом характерно для «нарративов инфодемии» [Архипова* и др., 2020: 235—236].

¹¹ Posetti J., Bontcheva K. Deciphering COVID-19 Disinformation. Policy Brief 1 // UNESCO. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/disinfodemic_deciphering_COVID19_disinformation.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Медицинская информация искажается также за счет нарушения логики, подмены логического мышления ассоциативным [Ренпускоок et al., 2020]. Отказ от критического осмысления медицинской информации обусловлен характерным «стадным» поведением пользователей, генерирующих информационные каскады.

Поляризация твитов по мере развития каскадов отражает нарастание напряженности дискуссии. Эмоциональность и упрощение сложных градуальных оппозиций до простого противопоставления существенно искажает медицинскую информацию. Активно распространяют непроверенную и искаженную информацию пользователи, для которых характерны экстраверсия и импульсивность [Majmundar et al., 2018]. Такого рода пользователей можно распознать по эмоциональности и легкости перехода от медицинских тем к политическим, что заметно в нашем материале.

Вероятность искажения информации повышается при комментировании твитов с тропами и ссылками на прецедентные тексты. Зависимость надежности коммуникации от краткости твита давно доказана [Boyd, Golder, Lotan, 2010]. Мы обнаружили, что речевые фигуры и отсылки к культурному контексту ведут к тенденциозному прочтению твита и порождению дезинформации в условиях пандемии. Красная таблетка не помогает пользователям критически осмыслить реальность.

В глубоких каскадах пользователи **напрямую обращаются к фейкам и конспирологии**. Некоторые пользователи обсуждают теорию заговора всерьез, хотя большинство относится к конспирологии иронически. Гидрохлорохиноновые войны ведутся с Big Pharma, представленной в каскадах Гейтсом и Фаучи. Вышки 5G приводят в негодность запасы HCQ, а заговор демократов препятствует доставке HCQ нуждающимся. Нью-йоркский доктор Зеленко, олицетворяющий вековую мудрость и здоровый практицизм еврейского народа, не спасет американцев от COVID-19 из-за коварства Big Pharma и ненависти демократической партии к республиканскому президенту. Ссылок на конспирологические теории немного, что согласуется с данными о низкой частотности фейков в «Твиттере» [Архипова* и др., 2020: 248].

Подавляющее большинство примеров искажения данных доказательной медицины встречается в твитах обычных пользователей при обсуждении сообщений медиаперсон. Медиаперсоны редко публикуют или распространяют непроверенную информацию; они притягивают пользователей, а те часто искажают содержание исходного текста в комментариях [Brennen et al., 2020]. Проанализированные нами каскады показывают, что в гидрохлорохиноновых войнах активно сражаются, используя любые средства, рядовые пользователи «Твиттера».

Заключение

Искажение медицинской информации в каскадах происходит как из-за сложности предмета обсуждения и отсутствия достоверных данных об эффективности различных препаратов при лечении COVID-19, так и под влиянием особенностей коммуникации в «Твиттере». Поиски надежной информации в твитах медиаперсон приводят пользователей к политизации обсуждения медицинских тем. Инфлюенсерами в медицинских вопросах оказываются политики, а не компетент-

ные работники здравоохранения. Искажение информации в каскадах проявляется в неоправданном обобщении, преувеличении и поляризации, смещении медицинских терминов и сложных понятий, пренебрежении логикой и установлении связей по ассоциации. Дезинформацию, фейки и конспирологические теории публикуют обычные пользователи на глубоких ступенях каскадов.

Список литературы (References)

Архипова А. С. *, Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

Arkhipova A. S. *, Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Гурылина М. В., Чистякова Д. П., Сардарян А. Ю., Богдан И. В. Ведущие авторы социальных сетей о коронавирусе: риски и возможности для информационной политики // Труды научно-исследовательского Института организации здравоохранения и медицинского менеджмента. М.: Издательство НИИОЗММ ДЗМ, 2020. С. 20—25. Gurylina M. V., Chistyakova D. P., Sardanyan A. Yu., Bogdan I. V. (2020) Leading Authors of Social Media Write about Coronavirus: Risks and Opportunities for Information Policy. *Proceedings of the Research Institute of Healthcare and Medical Management*. Moscow: NIIOZMM DZM. P. 20—25. (In Russ.)

Еникеева К. Р., Абдуллин А. Х., Христуло О. И., Исаева (Юсупова) Ю. И. О роли сервисов социальных сетей для поддержки принятия решений в чрезвычайных ситуациях // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13. № 1. С. 36—45.

Enikeeva K., Abdullin A., Hristodulo O., Isayeva (Yusupova) Y. (2016) Using Social Networking Services for Decisionmaking Support in Emergencies. *Issues of Risk Analysis*. Vol. 13. No. 1. P. 36—45. (In Russ.)

Abd-Alrazaq A. Alhuwail D., Househ M., Hamdi M., Shah Z. (2020) Top Concerns of Tweeters During the COVID-19 Pandemic: Infoveillance Study. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22. No. 4. e19016. <https://doi.org/10.2196/19016>.

Boyd, D., Golder S., Lotan G. (2010) Tweet, Tweet, Retweet: Conversational Aspects of Retweeting on Twitter. *2010 43rd Hawaii International Conference on System Sciences*. P. 1—10. <https://doi.org/10.1109/HICSS.2010.412>.

Brennen J. S., Simon F. M., Howard P. N., Nielsen R. K. (2020) *Types, Sources, and Claims of COVID-19 Misinformation*. Reuters Institute. Vol. 7. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/types-sources-and-claims-COVID-19-misinformation> (accessed: 14.12.2021).

Ermakova L., Nurbakova D., Ovchinnikova I. (2020) COVID or not COVID? Topic Shift in Information Cascades on Twitter. *Proceedings of the 3rd International Workshop*

on Rumours and Deception in Social Media (RDSM). P. 32—37. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/2020.rdsm-1.3/> (accessed: 14.12.2021).

Galuba W., Aberer K., Chakraborty D., Despotovic Z., Kellerer W. (2010) Outtweeting the Twitterers — Predicting Information Cascades in Microblogs. *WOSN10 Proceedings of the 3rd Wonference on Online social networks*. P. 3—11. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.5555/1863190.1863193> (accessed: 14.12.2021).

Kupavskii A., Ostroumova L., Umnov A., Usachev S., Serdyukov P., Gusev G., Kustarev A. (2012) Prediction of Retweet Cascade Size Over Time. *Proceedings of the 21st ACM International Conference on Information and Knowledge Management*. P. 2335—2338. URL: <http://kupavskii.com/wp-content/uploads/2016/07/2012-Kupavskii-et-al-Prediction-of-retweet-cascades.pdf> (accessed: 14.12.2021).

Leskovec J., McGlohon M., Faloutsos C., Glance N., Hurst M. (2007) Patterns of Cascading Behavior in Large Blog Graphs. *Proceedings of the 2007 SIAM international Conference on Data*. Society for Industrial and Applied Mathematics. P. 551—556. <http://www.cs.cmu.edu/~mmcgloho/pubs/blogs-sdm07-poster.pdf> (accessed: 14.12.2021).

Lu Y., Yu L., Zhang T., Zang C., Cui P., Song C., Zhu W. (2020) Exploring the Collective Human Behavior in Cascading Systems: A Comprehensive Framework. *Knowledge and Information Systems*. No. 62. P. 4599—4623. <https://doi.org/10.1007/s10115-020-01506-8>.

Majmundar A., Allem J. P., Boley Cruz T., Unge, J. B. (2018) The Why We Retweet Scale. *PLoS One*. Vol. 13. No. 10. e0206076. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0206076>.

Martinez-Rojas M., del Carmen Pardo-Ferreira M., Rubio-Romero J. C. (2018) Twitter as a Tool for the Management and Analysis of Emergency Situations: A Systematic Literature Review. *International Journal of Information Management*. No. 43. P. 196—208. <https://doi.org/10.1016/j.ijinfomgt.2018.07.008>.

Nurbakova D., Ermakova L., Ovchinnikova I. (2020) Understanding the Personality of Contributors to Information Cascades in Social Media in Response to the COVID-19 Pandemic. *2020 International Conference on Data Mining Workshops, ICDM Workshops*. P. 45—52. <https://doi.org/10.1109/ICDMW51313.2020.00016>.

Ovchinnikova I., Ermakova L., Nurbakova D. (2020) Sentiments in Russian Medical Professional Discourse during the COVID-19 Pandemic. *Proceedings of the Third Workshop on Computational Modeling of People's Opinions, Personality, and Emotion's in Social Media*. P. 99—108. URL: <https://www.aclweb.org/anthology/2020.peoples-1.10> (accessed: 14.12.2021).

Pennycook G., Rand D. G. (2019) Lazy, Not Biased: Susceptibility to Partisan Fake News Is Better Explained by Lack of Reasoning than by Motivated Reasoning. *Cognition*. No. 188. P. 39—50. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.06.011>.

- Pennycook G., McPhetres J., Zhang Y., Lu J. G., Rand D. G. (2020) Fighting COVID-19 Misinformation on Social Media: Experimental Evidence for a Scalable Accuracy-Nudge Intervention. *Psychological Science*. Vol. 31. No. 7. P. 770—780. <https://doi.org/10.1177/0956797620939054>.
- Ribeiro M. H., Gligoric K., West R. (2019) Message Distortion in Information Cascades. *Proceedings of the 2019 World Wide Web Conference (WWW '19), May 13—17, 2019, San Francisco, CA, USA*. P. 681—692. <https://doi.org/10.1145/3308558.3313531>.
- Romero D. M., Galuba W., Asur S., Huberman B. A. (2011) Influence and Passivity in Social Media. In: Gunopulos D., Hofmann T., Malerba D., Vazirgiannis M. (eds.) *Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases*. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. P. 18—33.
- Rufai S. R., Bunce C. (2020) World Leaders' Usage of Twitter in Response to the COVID-19 Pandemic: A Content Analysis. *Journal of Public Health*. Vol. 42. No. 3. P. 510—516. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdaa049>.
- Takahashi B., Tandoc Jr. E. C., Carmichael C. (2015). Communicating on Twitter during a Disaster: An Analysis of Tweets during Typhoon Haiyan in the Philippines. *Computers in Human Behaviour*. No. 50. P. 392—398. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.04.020>.
- Wang B., Zhuang J. (2017) Crisis Information Distribution on Twitter: A Content Analysis of Tweets during Hurricane Sandy. *Natural Hazards*. Vol. 89. No. 1. P. 161—181. <https://doi.org/10.1007/s11069-017-2960-x>.
- Wilce J.M. (2009) Medical Discourse. *Annual Review of Anthropology*. No. 38. P. 199—215.
- Zieglmeyer A., Koessler F., Bracht J., Winter E. (2010) Fragility of Information Cascades: An Experimental Study Using Elicited Beliefs. *Experimental Economics*. Vol. 13. No. 2. P. 121—145. <https://doi.org/10.1007/s10683-009-9232-x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1956](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1956)

С. В. Коржук

(НЕ)ДОСТУПНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: РЕАКЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ YOUTUBE НА УСЛОВИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Правильная ссылка на статью:

Коржук С. В. (Не)доступная городская среда: реакции пользователей Youtube на условия передвижения людей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 584—609. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1956>.

For citation:

Korzhuk S. V. (2021) (In)Accessible Urban Environment: The Evidence from the Russian YouTube Users Reactions towards the Mobility Conditions for People with Disabilities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 584–609. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1956>. (In Russ.)

(НЕ)ДОСТУПНАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА: РЕАКЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ YOUTUBE НА УСЛОВИЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛЮ- ДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

*КОРЖУК Софья Владимировна — науч-
ный сотрудник Института социального
анализа и прогнозирования, кандидат
социологических наук, Российская ака-
демия народного хозяйства и государ-
ственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия*
E-MAIL: k-sofya-w@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8914-0138>

Аннотация. Статья посвящена рас-
смотрению условий для передвиже-
ния людей с инвалидностью в город-
ской среде как социальной проблемы.
Использован конструкционистский
подход к социальным проблемам,
в рамках которого социальные про-
блемы рассматриваются не как объ-
ективные дисфункциональные усло-
вия, а как деятельность индивидов
или групп, обосновывающих пробле-
матичный статус условий и требующих
их исправления. В фокусе исследова-
ния — реакции пользователей YouTube
на вопросы доступности городского
пространства для людей с инвалид-
ностью, выражаемые посредством
комментариев к выпускам YouTube-
программы «На колесах». Осуществлен
качественно-количественный анализ
7 472 сообщений зрителей. Подав-
ляющее большинство зрителей иден-
тифицировали доступность городской
среды как социальную проблему, де-
монстрировали яркие эмоциональные
реакции на условия передвижения лю-
дей с инвалидностью. Доминирующие
риторические стратегии обоснования
проблематичности условия в коммен-

(IN)ACCESSIBLE URBAN ENVIRONMENT: THE EVIDENCE FROM THE RUSSIAN YOUTUBE USERS REACTIONS TOWARDS THE MOBILITY CONDITIONS FOR PEO- PLE WITH DISABILITIES

*Sofia V. KORZHUK¹ — Cand. Sci. (Soc.),
Research Fellow, Institute of the Social
Analysis and Forecasting*
E-MAIL: k-sofya-w@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8914-0138>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEP), Moscow, Russia

Abstract. This research examines the
mobility conditions for people with dis-
abilities in the urban environment as a
social problem. We leverage the con-
structionist approach towards social
problems which views them as actions
by individuals and groups insisting that
a condition is a problem and demanding
solutions to fix it. The research focuses
on reactions of Russian YouTube users
to problems of the urban environment
accessibility for people with disabili-
ties through their comments under the
episodes of the YouTube show “On the
Wheels”. We performed a quantitative
and qualitative analysis of the 7 472
comments. The vast majority identifies
urban environment accessibility as a
social problem and expresses strong
emotional reactions towards people
with disabilities’ mobility conditions in
the city. Dominant rhetorical strategies
used in the comments to substantiate
the problematics of the condition are
the rhetoric of calamity, endangerment,
and entitlement as per the methodolo-
gy developed by P. Ibarra and J. Kitsuse.
Within the rhetoric of entitlement, users
stress the importance of giving the right

тариях — риторика бедствия, риторика опасности и риторика наделения правом, согласно методологии П. Ибарры и Дж. Китсьюза. В рамках риторики наделения правом подчеркивается значимость формирования доступной среды для всех людей, включая людей с инвалидностью, отсутствие доступной среды определяется как форма дискриминации маломобильных граждан. Риторика бедствия связывает проблемы доступности с качествами государственной власти России. Риторика опасности рассматривает физические барьеры к передвижению в качестве угрозы здоровью и безопасности людей. При этом пользователи дополняют список тех, кому нужна доступная среда и для кого несовершенства физической среды могут нести опасность. В этот список зрители включают в первую очередь маломобильных граждан, затем велосипедистов, людей, использующих самокаты и т. д., людей с чемоданами или иным грузом, а в итоге приходят к выводу, что доступная среда нужна всем жителям города. Стратегий депроблематизации условия в изучаемых записях меньшинство, в большей их части проблема доступной среды признается, но ставится под сомнение реализуемость идеи «доступной среды для всех».

Ключевые слова: доступная среда, люди с инвалидностью, маломобильные группы населения, социальный конструкционизм, социальная проблема, YouTube

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

of unrestricted mobility to everyone, including people with disabilities. The rhetoric of calamity draws a connection between the accessibility problems and the quality of public administration in Russia. The rhetoric of endangerment views physical barriers to mobility as a threat to people's health and security. Furthermore, commentators conclude that an accessible environment will benefit everyone. There are not many counter rhetorical strategies found in the studied comments, and most of such comments admit the problem of an accessible environment.

Keywords: accessible environment, people with disabilities, persons with reduced mobility, social constructionism, social problem, YouTube

Acknowledgments. The article was written based on the RANEPА state assignment research programme.

Введение

Доступность физического пространства — важное условие независимого образа жизни и полноценной социальной включенности людей с инвалидностью. В Конвенции ООН о правах инвалидов, подписанной (2008 г.) и ратифицированной (2012 г.) Россией, сказано, что люди с инвалидностью должны иметь равный по сравнению с другими гражданами доступ к транспорту и физическому окружению — зданиям, дорогам, объектам инфраструктуры, жилым домам, рабочим местам и т. д. Важнейший компонент выполнения Россией требований Конвенции — реализация государственной программы «Доступная среда» (2011—2025 гг.). В том числе благодаря этой программе за последнее десятилетие произошли позитивные сдвиги в сфере доступности [Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова, 2018]. Однако до сих пор ряд элементарных для большинства людей повседневных действий — самостоятельно выйти из дома, перейти дорогу, зайти в магазин и т. д. — многим людям с инвалидностью дается сложно. [Александрова и др., 2019; Кучмаева и др., 2019].

Сложности передвижения людей с инвалидностью в городском пространстве наглядно отображены в выпусках программы «На колесах», выходящей на YouTube канале «Сталингулаг». Канал был создан в 2019 г. блогером Александром Горбуновым, автором одного из самых популярных политических Telegram-каналов в России с одноименным названием¹. Александр передвигается на инвалидном кресле, у него спинальная мышечная атрофия^{2,3}.

Первые видео на канале «Сталингулаг» были посвящены обзору происходящих в России и мире событий. Однако в сентябре 2019 г. вышло видео, открывшее новую рубрику «На колесах». В описании к нему сказано: «Россия — страна для молодых, сильных и здоровых. На улицах вы не увидите людей в инвалидных колясках. И не потому, что их нет, просто вся городская среда настроена против [...]»⁴. Выпуски программы посвящены тестированию доступности Москвы для передвижения людей с инвалидностью и привлечению внимания общественности к этой проблеме. По задумке, в программу приглашается известный гость, задача которого в течение съемки вместе с Александром перемещаться по столице на инвалидном кресле одной из тех моделей, которые бесплатно выдаются людям с инвалидностью органами социальной защиты населения. Во время прогулки герои роликов обсуждают доступность инфраструктуры, а также беседуют на разнообразные темы, в зависимости от сферы деятельности гостя. К настоящему моменту вышло шесть выпусков «На колесах», улицы Москвы тестировали дизайнер Артемий Лебедев, политический и общественный деятель Алексей Навальный, урбанист Илья Варламов, журналист Василий Уткин, актер Максим

¹ «Сталингулаг»: кто ведет главный анонимный Telegram-канал // RBC. 2018. 11 июля. URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2018/07/5b3f76169a794754b7b46693> (дата обращения: 18.12.2021)

² «Сталингулаг» больше не аноним: «Как писал, так и буду» // Русская служба «Би-би-си». 2019. 2 мая. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48128178> (дата обращения: 18.12.2021)

³ Спинальная мышечная атрофия — прогрессирующее «генетическое нервно-мышечное заболевание, поражающее двигательные нейроны спинного мозга и приводящее к нарастающей мышечной слабости» (Источник: благотворительный фонд «Семья СМА». URL: <https://project.f-sma.ru/>) (дата обращения: 18.12.2021)

⁴ На колесах с Артемием Лебедевым | По центру Москвы на инвалидной коляске. 2019. 19 сентября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waKndLPoHxk&t=476s> (дата обращения: 18.12.2021).

Виторган, политический технолог и публицист Станислав Белковский. Выпуски «На колесах» вызвали оживленную реакцию аудитории канала. С момента создания канала «Сталингулаг» вышло более 100 видео, количество подписчиков превысило 250 тыс. человек, при этом видео рубрики «На колесах» — одни из самых просматриваемых и комментируемых — стали своеобразной площадкой для дискуссий о проблемах доступности и благоустройства городской среды.

Данная статья нацелена на изучение проблемы доступной среды как процесса коллективного определения. Используется конструкционистский подход к социальным проблемам. Социальная проблема рассматривается не как объективное дисфункциональное условие, а как деятельность индивидов или групп, настаивающих на существовании условия, обосновывающих его проблематичный статус и требующих его исправления [Спектор, Китсьюз, 2001: 160—161]. Проблематизация социального условия происходит в процессе его обсуждения и в результате наклеивания на него «ярлыка» социальной проблемы на аренах публичного дискурса и действия [Хилгартнер, Боск 2007: 148]. Одной из арен, на которых может разворачиваться процесс конструирования социальных проблем и их «конкуренция» за общественное внимание, является интернет. В отличие от традиционных арен публичного дискурса (печатные СМИ, эфирное время новостей и т. д.) интернет отличается большей пропускной способностью [Maratea, 2008: 140]. Интерактивность, характерная для интернета, дает большие возможности публичному дискурсу — люди из широкой общественности, а не только представители определенных организаций или те, кто богат ресурсами, могут выражать свое мнение в открытом доступе и участвовать в формировании повестки дня [Chung, Yoo, 2008; Springer, Engelmann, Pfaffinger, 2015]. Чем больше людей поддерживают определенную точку зрения или высказываются на определенную тему, тем выше публичная видимость проблем, которые в традиционных медиа могут занимать периферийные позиции [Soffer, Gordoni, 2018]. Высокая интерактивность присуща социальным медиа и блогосфере. Эти площадки дают возможность высказываться, стимулируют дискуссии и интерес общественности, способствуют кристаллизации социальных проблем. Широкое обсуждение в блогосфере или социальных медиа может обеспечить социальной проблеме конкурентное преимущество и на других аренах публичного дискурса [Maratea, 2008; Campbell et al., 2010]. Видеохостинг YouTube — пример интерактивной интернет-площадки.

И в России, и в мире YouTube является самым популярным видеохостингом и занимает второе место по посещаемости среди всех интернет-сайтов, уступая только google.com⁵. Являясь глобальной информационно-коммуникационной площадкой, YouTube открывает широкие возможности не только для потребления развлекательного контента, но и для производства и обмена идеями, участия в гражданских и политических дискуссиях, мобилизации действий для решения важных социальных вопросов, расширения сети единомышленников [Raby et al., 2018: 497; Djerf-Pierre, Lindgren, Budinski, 2019]. Наиболее популярной формой онлайн-участия аудитории информационно-коммуникационных сайтов является комментирование [Singer, Ashman, 2009; Barnes, 2015].

⁵ The top 500 sites on the web. URL: <https://www.alexa.com/topsites> (дата обращения: 18.12.2021).

⁶ Top Sites in Russia. URL: <https://www.alexa.com/topsites/countries/RU> (дата обращения: 18.12.2021).

Хотя исследователи ставят под сомнение ценность вклада части комментариев в публичный дискурс из-за их чрезмерно эмоционального или агрессивного содержания [Singer, Ashman, 2009; Barnes, 2015], аргументированные мнения по социальным или политическим вопросам, выраженные в комментариях, можно рассматривать как форму вовлечения зрителей соответствующих видео в процесс конструирования социальных проблем [Springer et al., 2015: 799; Barnes, 2015].

В фокусе внимания статьи — реакции пользователей YouTube на вопросы доступности городского пространства для людей с инвалидностью, выражаемые посредством комментариев к выпускам YouTube-программы «На колесах». Нас интересовали следующие вопросы: как пользователи реагируют на подобную тематику видео, какие эмоциональные реакции прослеживаются в комментариях? Определяют ли зрители доступность городской среды как проблему? Если да, то какие способы проблематизации используются, предлагаются ли действия по решению проблемы? Встречаются ли в комментариях случаи обоснования того, что доступность городской среды не является проблемой? Какие аргументы используются зрителями для депроблематизации?

Информационная база исследования

Поиск ответов на поставленные вопросы осуществлялся на основе массива комментариев, оставленных зрителями YouTube канала «Сталингулаг» под тремя первыми выпусками программы «На колесах»⁷. Выбор выпусков неслучаен: во-первых, по количеству просмотров это три самых популярных видео на канале; во-вторых, эти выпуски собрали наибольшее количество комментариев по сравнению с остальными видео рубрики «На колесах»; в-третьих, после включения комментариев третьего выпуска программы в массив «поле» новых зрительских реакций и рефлексий было «исчерпано».

Сбор данных осуществлен в декабре 2019 г. Суммарно под тремя выпусками было оставлено 15 950 комментариев, которые были загружены и сохранены. Так как не все комментарии пользователей отвечали задачам исследования, из исходного массива были удалены сообщения на темы, не касающиеся проблем инвалидности, не содержащие общую или эмоциональную реакцию на программу, предложения и пожелания по развитию программы; комментарии, смысл которых не удалось однозначно идентифицировать; комментарии, которые содержательно или дословно повторяют ранее написанный тем же пользователем комментарий; резко негативные, оскорбительные комментарии («hate speech»). В конечную выборку вошли 7 472 комментария от 5 178 уникальных пользователей (статистика по каждому выпуску представлена в табл. 1). Полученная стихийная выборка не является репрезентативной. Однако анонимность пользователей обеспечивает открытость их суждений, разнообразие искренних реакций на проблемы доступности.

⁷ На колесах с Артемием Лебедевым | По центру Москвы на инвалидной коляске. 2019. 19 сентября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=waKndLPoHxk&t=476s> (дата обращения: 18.12.2021)

На колесах с Алексеем Навальным | По Москве с пригожинскими троллями. 2019. 22 октября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=drWRs67zjys&t=2318s> (дата обращения: 18.12.2021)

На колесах с Ильей Варламовым | О Навальном, Собянине и деньгах. 2019. 7 ноября. URL: https://www.youtube.com/watch?v=A_fXX64EjQ4&t=1927s (дата обращения: 18.12.2021)

**Таблица 1. Статистика выпусков программы «На колесах» (декабрь 2019 г.)
и объем выборки исследования**

	Выпуск № 1 с А. Лебедевым	Выпуск № 2 с А. Навальным	Выпуск № 3 с И. Варламовым
Дата выхода выпуска*	19.09.2019	22.10.2019	07.11.2019
Количество просмотров*	535 243	765 171	332 391
Количество лайков*	39 659	70 523	29 616
Количество дизлайков*	1 200	1 388	721
Количество комментариев*	4 220	8 343	3 387
Численность уникальных пользователей, оставивших комментарии**	3 197	5 409	2 422
Количество комментариев в выборке исследования	2 463	3 607	1 402
Численность уникальных пользователей по выборке**	2 142	3 164	1 272

*Источник: YouTube.com.

**Источник: рассчитано автором.

Исследование построено в первую очередь на качественном анализе текста комментариев, однако в дополнение была осуществлена количественная оценка вовлеченности зрителей в конструирование проблемы доступной среды. Кодирование комментариев осуществлялось в два этапа. Сначала было выделено пять крупных тем: (1) общее отношение к программе и/или конкретным ее выпускам, (2) эмоциональные реакции, (3) рефлексии зрителей об условиях передвижения/жизни людей с инвалидностью, (4) реальные действия зрителей или намерения действовать в целях помощи людям с инвалидностью/решения проблем доступности среды, (5) предложения по развитию программы. Все темы включали дополнительные уровни анализа, наибольшее их количество — в самой насыщенной группе зрительских рефлексий, где зрители обосновывали проблематичность доступности городской среды для людей с инвалидностью или депроблематизировали ситуацию. На втором этапе в каждой группе комментариев выделялись более подробные тематические подгруппы (основные темы приведены в табл. 2). Одному комментарию могло быть присвоено одновременно несколько кодов. После количественной оценки частоты тематик мы перешли к качественному анализу содержания комментариев из каждой категории.

**Таблица 2. Частота тематик в пользовательских комментариях
к выпускам программы «На колесах» (в % от общего числа комментариев)**

Тематика	Доля от общего числа комментариев
Общее отношение к программе	49,3
позитивное	45,6
амбивалентное	2,1
негативное	1,6

Тематика	Доля от общего числа комментариев
Эмоциональные реакции	27,7
Позитивные: симпатия/ благодарность/ уважение/ восхищение/ сопереживание	19,1
Негативные: злость/ удивление/ негодование/ возмущение/ стыд/ страх/ обида/ грусть и т.д.	10,1
Рефлексии зрителей об условиях передвижения/ условиях жизни людей с инвалидностью	37,3
Констатация проблемы: люди с инвалидностью не имеют возможности свободно передвигаться по городу/ неравенство в доступе людей с инвалидностью и без таковой к общедоступным благам, в т. ч.:	26,8
<i>Проблема масштабней, чем показано в программе: в регионах еще хуже/ в холодное время года проблемы обостряются</i>	2,7
<i>Отсутствие доступной среды несет риски для здоровья и безопасности</i>	1,5
Непродуманные конструкции/ непродуманная система поддержки людей с инвалидностью/ неграмотное строительство объектов инфраструктуры/ строительство «для галочки»	3,4
Некачественные инвалидные кресла	1,0
Сравнение опыта России в сфере организации доступной среды и опыта других стран	1,4
Кому, кроме людей с инвалидностью, нужна/важна доступная среда	2,8
Источник проблем, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью:	
<i>Виновата власть/ оторванность власти от народа/ непонимание властью потребностей населения/ коррупция</i>	8,2
<i>Виновато население страны в целом/ менталитет/ пассивность населения/ слабая гражданская позиция</i>	0,4
Проблема доступной среды на публичных аренах, в т. ч.:	
<i>Государственные СМИ замалчивают важные социальные проблемы/ искажают информацию/ отвлекают внимание на несущественные новости</i>	1,0
<i>Проблемы доступной среды нужно освещать/ огласка помогает понять суть проблемы, способна привести к изменению ситуации в лучшую сторону</i>	5,6
Предложения по возможным решениям проблемы доступности городской среды для людей с инвалидностью	1,6
Девальвация проблем, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью	1,4
Реальные действия пользователей или намерения действовать в целях помощи людям с инвалидностью / решения проблем доступности среды	1,2
Предложения по развитию программы «На колесах»:	
Выбор гостей / выбор места для следующих выпусков и т.д.	20,7

Эмоциональные реакции пользователей на видео о доступной среде

Эмоциональные реакции на содержание выпусков «На колесах» достаточно распространены в комментариях. В зависимости от того, какие объекты или ситуации запустили эмоциональный процесс, зрители демонстрировали достаточно типичные эмоциональные реакции. Позитивные эмоции, как правило, были обращены к ведущему А. Горбунову, к людям, которые во время выпусков помогали гостю программы в преодолении физических барьеров, в части комментариев — к гостям программы.

Проект «На колесах», воспринимается как социально значимый и полезный, и поэтому Александр как его инициатор заслуживает уважения и благодарности:

[...] мне Сталингуглагу хочется руку пожать за то, что он, когда пришлось открыться, не стал молчать о проблемах людей с ограниченными возможностями и привлекает внимание к их проблемам⁸.

Часть зрителей восхищает тот факт, что Александр, имея серьезное генетическое заболевание и будучи лишен возможности свободно передвигаться по городу, социально и материально реализуется и, кроме этого, занимается привлечением внимания общественности к сложностям, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью:

Александр, восхищаюсь Вами! Прекрасная задумка, теперь 100% на проблему мобильности и безбарьерной среды придется обратить внимание

Александр, вы большой молодец, несмотря на физические ограничения нашли выход из ситуации, стали успешным человеком. Восхищаюсь такими людьми!

Помощь прохожих участникам на инвалидных креслах во время съемок выпусков расценивалась зрителями как благородный или, по крайней мере, правильный поступок. Поэтому зрители выражали симпатию, уважение, благодарность людям, которые эту помощь оказывали:

Я считаю, что нужно сказать ОГРОМНОЕ СПАСИБО людям, которые помогали [в программе] и помогают [в жизни] людям с ограниченными возможностями, потому что благодаря таким, как они, хочется верить, что все небезнадежно. Огромное вам спасибо, ЛЮДИ.

Гостям программы зрители нередко сопереживали, поскольку своим примером они демонстрировали сложности преодоления барьеров к передвижению людей на инвалидных креслах. Кроме того, в распоряжении гостя, в отличие от А. Горбунова, который передвигается на более проходимом кресле с электроприводом, было классическое кресло с ручным приводом.

⁸ Никнеймы авторов комментариев не приводятся. Для облегчения восприятия, в части комментариев были исправлены грубые орфографические и пунктуационные ошибки, обценные выражения заменены «***».

Посмотрел на ночь видео. Проникся и впечатлился. Всю ночь снилось, что катаюсь на коляске.

У меня руки устали, пока смотрел.

Часть зрителей испытывали благодарность, уважение и симпатию к гостям. Эти эмоции вызывал и сам факт участия гостей в подобной акции, и вклад их медийности в привлечение внимания к проблеме и развитие проекта «На колесах».

Очень правильное шоу. Татьяна [А. Лебедев] обычно вызывает неприязнь, но здесь вполне уместно и достаточно хорошо себя вел. Спасибо ему за вклад его медийности в проект.

Не люблю Навального, но за это [участие в программе] — мое почтение!

Варламова зауважал после этого видео.

В небольшой части комментариев выражается надежда на то, что подобные социальные проекты способны привести не только к привлечению внимания к вопросам доступной среды в российских городах, но и к улучшению условий жизни людей с инвалидностью:

Будем надеяться, что и те, от кого зависит городская среда, увидят это шоу и захотят что-то улучшить.

Надеюсь, после этого видео сделают нормальные пандусы, и больше инвалидов будет выходить на улицы.

Негативные эмоции, хотя и выражались реже, но были достаточно интенсивны. Обращены они, во-первых, к власти в целом, а также к администрации Москвы в частности (т.к. в Москве разворачиваются события программы), конкретным или «обобщенным» чиновникам, ответственным за формирование доступной среды лицам. Действия или бездействие властей в поле формирования доступной среды вызывали злость, гнев, негодование, возмущение:

Было круто, временами страшно, еще больше злости на эту власть.

Чиновники высокомерные напыщенные ***! Им слабо такой маршрут на коляске без подмоги проехать! В лучшем случае с кучей свиты поедут и руки об колеса не замарают, а хайпа будет очень много!

Также комментаторы осуждали людей, которые в программе отказали в помощи людям на инвалидных креслах, допустили дискриминирующие, по их мнению, высказывания в отношении участников программы, нетерпимость и/или раздражение, создавали препятствия движению людей на инвалидных креслах (напри-

мер, припарковали машину в непредусмотренном месте). Зрители осуждали также тех, кто ставил дизлайки видео «На колесах» или писал негативные комментарии. Перечисленные действия вызывали у комментирующих возмущение, негодование, злость:

43:02 — «но вы реально мешаете людям жить». Это ж, ***, кем надо быть, и как себя чувствовать вообще, чтобы вот так вот можно было на весь вагон наехать на людей в инвалидных колясках?

Что хотят сказать 128 хэйтеров [количество дизлайков к видео на момент написания комментария]? Какова мотивация для дизлайка в социальном по сути проекте?

То, что самостоятельное передвижение по городу людей в инвалидных креслах часто невозможно вследствие сохранения барьеров физического плана, трактуется зрителями как несправедливость. Типичные реакции на несправедливость — грусть, печаль, обида; распространенная реакция на саму ситуацию наличия барьеров к передвижению — негодование, возмущение и злость:

Я каждый раз думаю про эти 2 см., и *** бордюры, возвышающиеся над асфальтом самого тротуара см на 10, и про ребристые плиты на асфальте. И я негодую, даже несмотря на то, что я пешеход.

Ну а вообще, выпуск, как и все другие выпуски данного проекта, оч. грустный(. Недавно была в Европе в первый раз, и сама убедилась в том, что у них на улице достаточно часто встречаются люди на инвалидных колясках, в отличие от русских городов. Этот факт был очевиден вполне, но стало очень грустно и обидно за свою родину.

Те, кто раньше не задумывался о проблемах доступности, часто выражали неприятное удивление от насыщенности городской среды препятствиями к передвижению маломобильных групп населения:

ОГО! А что ли лифтов в московском метро вообще нигде нет для инвалидов?! Ничего себе. А как же там женщины с детьми в колясках, им нельзя в метро ездить?

Страх, тревога часто были сопряжены с сопереживанием — зрители представляли себя на месте человека с инвалидностью или переживали за героев программы в ситуациях преодоления барьеров, которые трактовались как опасные для здоровья и жизни. Схожие эмоции и чувства возникали и в случае, когда зрители размышляли о том, что инвалидность может быть приобретенной и любой человек может оказаться в ситуациях, иллюстрируемых в видео:

Это, конечно, страшно... Ладно Навальный, он здоровый человек, и с ним скорее всего ничего не случится, если он упадет... А если упадет действительно инвалид, да еще на проезжей части... Это зверство какое-то.

В некоторых высказываниях зрители выражают стыд. С точки зрения социологии и психологии эмоций, стыд связан с критическим отношением к себе. Однако в комментариях зрители чаще выражали стыд за действия других, чаще всего за действия лиц, ответственных за формирование доступной среды, власть, страну в целом. Возможно, в подобных комментариях проявляется российская идентичность авторов — стыд за коллективное «я», стыд перед людьми с инвалидностью как частью населения страны [Голубев, 2018], за то, что в стране не создана безбарьерная среда.

Было очень интересно... Но осталось неприятное послевкусие, стыдно наблюдать такую инфраструктуру в Мск в 2019 году.

Недавно видел чувака на коляске, как у Сани, он ехал по мосту по проезжей части, а не по мосту, где ходят двуногие. Ему было некомфортно, а мне стыдно.

Большинство эмоций, которые выражали зрители в комментариях, относятся к группе «моральных», возникающих при сопоставлении своего или чужого поведения с ценностями и нормами культуры [Симонова, 2011: 95]. И позитивные, и негативные эмоции способствуют социальной солидарности, выполняют сигнальную функцию, и, приобретая коллективный характер, могут приводить к социальным изменениям [Симонова, 2011: 104]. Многие негативные эмоции возникают как реакция на несправедливость, а опыт эмоционального переживания несправедливости в последующем может влиять на индивидуальное и групповое поведение [Hegtvedt, Parris, 2014: 116—119] — выливаться в действия по восстановлению социального порядка, помощи пострадавшим или «наказанию обидчика».

Определение доступности городской среды как проблемного условия

Подавляющее большинство зрителей определяют отсутствие безбарьерной среды как социальную проблему. Часто в пользовательских комментариях она идентифицируется как важная, остросоциальная, актуальная, требующая скорого, если не незамедлительного, вмешательства с целью устранения проблема:

Ситуация действительно острая, и ее надо решать.

Это серьезные проблемы. Об этом нужно задумываться всегда и каждому, потому что завтра это может случиться с кем угодно.

Неприспособленность городов для передвижения людей с ограниченными возможностями — огромная беда России.

Нередко в качестве способа структурирования восприятия происходящего в программе и выражения отношения к реалиям передвижения людей на инвалидных креслах по Москве зрители использовали метафоры. Самая распро-

страненная метафора — сравнение с шоу «Форт Боярд⁹» — встречается в выпуске с А. Навальным, который двигался по самому сложному относительно двух других выпусков маршруту, включающему спуск в метро и подъем в несколько лестничных пролетов по крутым рельсовым направляющим на станции МЦК. Другие неоднократно встречающиеся метафоры — триллер, фильм ужасов, остросюжетный фильм, полоса препятствий, американские горки и др.

[...] смотрелось натурально эээ... как урбанистический триллер, несколько раз саспенс был такой, что кожей чувствовался момент.

Как же тяжело человеку на коляске жить в России... Форт Боярд реальный.

Как будто фильм ужасов посмотрела.

Передачу можно было бы назвать «Остаться в живых».

Это же какие руки должны быть у человека, чтобы он мог катить обычную (не как у Александра) коляску по такой адской полосе препятствий...

В комментариях часто звучит мысль, что если в Москве — столице, городе с самым большим бюджетом в стране — среда доступна лишь частично, то в регионах ситуация в разы хуже. То есть проблема отсутствия доступной среды в масштабах страны стоит еще острее:

Это ж Москва! А вы представляете, что в регионах творится?

И это в центре Москвы такая инфраструктура. Страшно представить, что творится в регионах.

Схожие выводы зрители озвучивают и относительно времени года. Все выпуски программы сняты в теплое время года, но в холода, по предположениям зрителей, проблемы доступности городского пространства обостряются.

Попробовать бы еще зимой такую поездку, дальше подъезда не выедешь(.

Задумалась, если в дождь так сложно перемещаться, то зимой выпуска вообще ждать не стоит?

Кроме того, в России, по мнению зрителей, проблему передвижения людей с инвалидностью усугубляет низкое качество выдаваемых инвалидных кресел, на которых преодоление барьеров сопряжено с необходимостью приложить немалые физическими усилия:

⁹ Телевизионное приключенческое шоу, действие которого разворачивается в форте Боярд, где команда участников проходит различные физические и интеллектуальные испытания в попытках заполучить сокровища.

«Это ТА коляска, которую выдает ГОСУДАРСТВО!» — золотые слова!!!! И как мы видим ТАКИЕ КОЛЯСКИ совершенно не применимы для того, чтобы ими пользовались люди с инвалидностью по таким «дорогам» 🗑️, это издевательство!

Оказывается, для коляски надо быть с подготовленными руками!?!?

Облегчить передвижение маломобильных людей по российским городам могли бы современные инвалидные кресла с хорошей проходимостью. Однако из-за невысокого уровня благосостояния большинства людей с инвалидностью в России, не все имеют возможность приобрести более качественное, но дорогое инвалидное кресло. В итоге — барьеры физической среды ограничивают возможности независимой жизни, но большинство людей с инвалидностью не располагают инструментами, позволяющими самостоятельно справиться со сложностями:

Таких классных колясок, как у Александра, раз-два и обчелся, еще он говорил, что есть помощники. А как же обычным колясочникам? Просто не выходят из дома, как и 50 лет назад, ничего в России не меняется.

Некоторые зрители проблематизировали доступность городской среды для передвижения маломобильных групп населения в российских городах, задействовав личный опыт пребывания в странах, более успешно справляющихся с формированием безбарьерной среды.

Когда я впервые оказался в Англии, я очень удивился — на улице было очень много людей с ограниченными мобильными возможностями, я тогда подумал, ну неужели их в Лондоне статистически больше, чем в Москве. Но потом я, к сожалению, осознал, что это не в Москве больше «здоровых» людей — это в Лондоне для маломобильных граждан созданы все условия, чтобы эти самые люди жили полной жизнью.

Можно сказать, что зрители не только присваивают состоянию доступности городского пространства статус проблемы, но и при помощи различных аргументов пытаются вызвать еще больший общественный резонанс, в т. ч. прибегая к красочным метафорам, описывающим недружелюбность городской среды к маломобильным людям, обращая внимание на то, что проблема еще масштабней, чем показано в видео, проводя параллели с другими странами, находя усложняющие передвижения маломобильных людей факторы.

Способы обоснования проблемы доступной среды

Помимо констатации того, что отсутствие доступной среды является социальной проблемой, в значительной части комментариев обнаруживаются целые тематические комплексы обоснования проблемного статуса этого условия. Далее для реконструкции смыслов и значений, которыми наделяется проблема доступной среды, а также стратегий обоснования проблематичности условия, используем методологию П. Ибарры и Дж. Китсьюза. Это позволит обнаружить в сообщениях зрителей риторические идиомы — повторяющиеся способы выработки пробле-

матичного статуса доступной среды, логики размещения социальной проблемы в моральном универсуме [Ибарра, Китсьюз, 2007: 70].

Одна из доминирующих риторических идиом — **риторика бедствия**, которая актуализирует образ полной катастрофы. Она идентифицирует «мегапроблему», которая угрожает масштабными негативными последствиями [Ибарра, Китсьюз, 2007: 82]. В комментариях в качестве «мегапроблемы» фигурирует российская власть. Именно власть, по мнению зрителей, является виновником отсутствия доступной среды в российских городах:

Так надо чиновников катать, чтоб они не только красоту картинки оценивали, а прям своим телом ощущали, как это, пользоваться тем, что они наворотили, будучи в инвалидном кресле, на костылях, с детской коляской, со старой бабкой, ну или просто с тяжелым чемоданом.

Спасибо, Александр, за это видео. В очередной раз офигеваешь над каким-то упорным отношением власти к людям с ограниченными физическими возможностями. Да и ко всем остальным тоже.

Кроме того, власть называется источником множества других негативных явлений, таких как коррупция, низкий уровень жизни населения, «замалчивание» актуальных социальных проблем и событий, подавление протестной активности, отсутствие независимых судов, нерациональное расходование средств государственного бюджета и т. д. Таким образом все, кто считает российскую власть источником той или иной проблемы, оказываются под «символическим зонтиком» [Ибарра, Китсьюз, 2007: 83—84]. Риторика бедствия создает основу для объединения «союзников» и может привести к мобилизации их действий, даже если они идентифицируют различные условия в качестве проблем или приписывают им разную значимость — главное, что мегапроблема для всех одна.

Можно мои налоги потратить на инвалидов, а не на яхты?

Независимые суды. Свободные СМИ. Чиновники, которые не воруют. Вот это мантра! С такими лозунгами идут во власть в любой [цивилизованной] стране мира.

[...] надо не забывать, что народ бедно живет, виновато государство, а города выглядят плохо из-за воровства чиновников.

В своих рассуждениях зрители не просто винят власть в отсутствии доступной среды, но и пытаются найти причины, по которым ситуация складывается именно так. С одной стороны, задачей государства является повышение доступности объектов социальной, транспортной и инженерной инфраструктуры. С другой, механизмы реализации этой задачи несовершенны. В подтверждение этому зрители обращали внимание на следующие проблемы, затрудняющие создание доступной среды, или предполагали их существование: отсутствие четких норм и требований к специалистам в поле формирования доступной среды; отсутствие надлежащего

контроля за соблюдением имеющихся требований и стандартов при строительстве или реконструкции объектов инфраструктуры; коррупция как в высших эшелонах власти, так и на местах при выполнении гос. заказов; некачественное выполнение работ; непродуманность конструкций.

На мой взгляд, в текущем бардаке виновато государство как регулятор, не встречал нормативов по пандусам и подъемникам. А ведь должно быть прописано. [...] Если все же нормативы есть, то опять же, почему государство не следит за соблюдением?

Это вообще удивительно, есть же стандарты того, каков должен быть угол пандуса. В подъездах вообще, как только не изгаляются над этой темой — чего только стоят материалы и расстояние между рельсами, и сама их ширина. Лепят как хотят, вообще не думая.

Тратить деньги на пандус, которым нереально воспользоваться, когда можно потратить такие же деньги, но с умом — это же нелогично. У меня когнитивный диссонанс от России.

Как следствие, городская среда изобилует множеством «белых пятен» в плане доступности, решениями «для галочки», непродуманными и неграмотно сооруженными объектами, которые не несут пользы, а зачастую и вовсе представляют опасность. Например, зрители отмечали наличие лестниц при отсутствии пандусов, лифтов, поручней; высокие бордюры без плавных спусков на улицах; наличие лифтов на отдельных станциях метро и отсутствие их в большинстве случаев; пандусы с большим углом наклона; наличие пандуса на входе в здание и ступенек на маршруте, следующим за ним; рельсовые направляющие, расположение и ширина которых не соответствуют ширине инвалидных кресел или детских колясок; наличие новых автобусов с откидным пандусом и неосведомленность сотрудников транспорта о последовательности действий при посадке в автобус человека в инвалидном кресле; перепады высот на улицах, в метро, железнодорожных станциях; недоступность инфраструктуры в недавно построенных объектах, которые должны соответствовать новым нормативным требованиям доступности для маломобильных групп населения и др.

У здания Росимущества хороший пандус... Но внутри там сразу ступеньки.

Особенно МЦК поразило. Это же только что отстроено, вроде все продумано должно быть, и иллюзия создавалась, что так и есть... А по факту лестницы вместо лифтов и невозможность самостоятельно заехать в вагон, помеченный значком для инвалидов...

Естественно, «безбарьерная среда» в РФ — просто еще один повод пилить, иногда делая за малый процент от бюджета некие объекты для отчетности по типу «а здесь художник так увидел».

Что и говорить про пандусы в других городах, где их на полном серьезе делают под 45 %, и считают, что как-нибудь съедут.

В комментариях озвучиваются основные причины такой ситуации — власть живет своими интересами, оторвана от народа, безразлична к проблемам населения; представители власти и исполнители их требований не понимают потребностей и возможностей людей с инвалидностью, да и в принципе имеют смутное представление о потребностях населения:

[...] представьте какого-нибудь чиновника, тестирующего улицы Москвы на инвалидной коляске... ДА НИКОГДА В ЖИЗНИ ВЫ ТАКОГО НЕ УВИДИТЕ!!! А ведь чтобы узнать проблемы разных слоев населения, надо же спуститься с ОЛИМПА!!!

[...] а чего бы им [чиновникам] не прокатиться? Поближе к народу, опуститься с небес. Глядишь и прояснится что-нибудь в голове.

С учетом сказанного, неудивительно, что в комментариях, содержащих предложения и пожелания к выбору гостей для следующих выпусков программы, чаще всего звучат имена конкретных чиновников или желание видеть в программе кого-то из чиновников в принципе. Правда, чем выше положение чиновника во властной иерархии, тем меньше надежд на его согласие поучаствовать в подобной акции высказывают зрители:

Раньше второе пришествие случится, нежели Семенович [мэр Москвы С. С. Собянин] в коляску сядет [примет приглашение поучаствовать в программе].

Другой распространенной в пользовательских комментариях риторической идиомой является **риторика опасности**. Эта риторика применяется к условиям, представляющим угрозу здоровью и безопасности людей [Ибарра, Китсьюз, 2007: 78]. Часть зрителей всерьез переживала за участников программы, предлагала выдавать гостю шлем и перчатки. Движение в городской среде, наполненной физическими барьерами, расценивалось как травмоопасное мероприятие, представляющее угрозу не только для здоровья и безопасности, но и для жизни:

Блин, ну, упасть назад, ударившись затылком об асфальт, очень высокие шансы с такой инфраструктурой. Ад просто.

Вы предлагаете гостю надеть шлем? Что с Алексеем, что с Артемием, смотрю на эти наклоны и самому жутко страшно. Пожалуйста, подумайте о безопасности гостей.

В комментариях активно высказывались мнения относительно того, кто еще, кроме людей на инвалидных креслах, рискует здоровьем и безопасностью в наполненной барьерами городской среде. Первым делом в эту группу включили тех, кого наряду с людьми с инвалидностью относят к маломобильным группам населения: людей с временными нарушениями здоровья, людей старшего возраста, детей, беременных женщин, людей с детскими колясками и т. д. Затем тех, кто использует такие средства передвижения, как велосипед, самокат, скейтборд, ролики и др., а также людей с тяжелым багажом.

Много лет назад пытался доказать на форуме московского метро что входные двери в метро очень опасны даже для здоровых людей, и труднопроходимы для людей с ограниченными возможностями, с колясками, поклажей, детей, пожилых людей.

7:56 а ты представляешь, как по этому пандусу подниматься зимой? Шлифованный гранит скользит. Я здоровый, заезжал на велосипеде с шипованными покрышками на подобный пандус и руку сломал, а уж чего говорить о маломобильных!

Однажды, я о двух здоровых ногах и руках, рискнула по этому пандусу спустить чемодан в метро [...]. Чемодан пришлось выбросить, ремонту не подлежал, синяки, ушибы и ссадины залечивала месяц.

Суровая реальность не только инвалидов, но и мам с колясками.

В итоге многие приходят к выводу, что для всех горожан большое количество несовершенств физического пространства несет риски для здоровья и безопасности:

Проблема доступной среды касается сейчас не только колясочников, а вообще каждого: никто не застрахован от несчастных случаев, даже просто гуляя, можно оказаться на костылях.

[...] здоровому человеку, проходя такие препятствия, надо заботиться о том, чтобы не покалечиться или не сломать себе что-то, а как быть людям, у которых действительно эти возможности ограничены.

О доступной среде речи даже нет. Здоровым будучи, переломаешь все что можно,

Часть сторонников необходимости создания доступной среды строят свои высказывания в духе **риторики наделения правом**. Эта дискурсивная стратегия базируется на принципах эгалитаризма и релятивизма [Ибарра, Китсьюз, 2007: 77], подчеркивает, что все люди должны иметь равные права и равные возможности их реализации.

Действующие в рамках риторики наделения права зрители, с одной стороны, обосновывают, что недружелюбная к маломобильным гражданам городская среда препятствует свободе, равенству и личному самовыражению. Люди с инвалидностью идентифицируются зрителями как дискриминируемая социальная группа, многие из-за отсутствия возможностей осуществлять свои права на равных изолированы в стенах собственных квартир, не имеют возможности вести независимую жизнь и принимать полноценное участие в жизни общества. И это противоречит образу справедливого, гуманного, демократического общества:

Каждый раз, когда смотрю выпуск вашей программы, я просто не могу поверить, что творится такой кошмар! Тысячи людей сидят дома и просто не могут выйти на улицу. Так быть не должно.

[...] меня лично слабо радует мысль о том, что по хатам сидит большая часть общества, без возможности реализоваться хотя бы схожим со мной образом.

С другой стороны, зрители подчеркивают, что различия (по полу, возрасту, состоянию здоровья, стилю жизни и т. д.) — норма жизни, и нужно проявлять терпимость, гуманность к людям с инвалидностью, которые являются частью общества, и должны иметь доступ к тем же благам, что и люди без инвалидности:

В современном государстве все слои населения — чуть менее сильные или чуть более слабые — должны иметь абсолютно равный доступ к его благам.

Эти люди [с инвалидностью] — часть общества, поэтому для них должны быть созданы все условия для нормальной, полноценной жизни. Когда Россия станет цивилизованным государством?

Значительное место в словаре риторики наделения правом отводится понятию «расширение» (сферы распределения блага, услуги или права). «Чем шире принципы честной игры, терпимости, справедливости, равенства перед законом, уважения человеческого достоинства распространены в максимальном, насколько это возможно, числе сфер социальной жизни, тем выгоднее всем членам общества» [Ибарра, Китсьюз, 2007:77].

В рамках риторики опасности зрители обосновывали, что городская среда, наполненная барьерами, потенциально несет риски для здоровья и безопасности всех горожан. В рамках риторики наделения правом схожим образом происходит расширение группы тех, кому важна доступная среда. В итоге формируется вывод, что доступная среда важна и ценна для каждого жителя города. Доступная среда в контексте риторики наделения правом предстает благом, которое для одних групп населения обеспечивает комфорт и удобство, для других — открывает возможности свободного передвижения и независимого образа жизни.

Примечательно то, что безбарьерная среда у нас продвигается как забота только об инвалидах-колясочниках — это устаревшее представление. Сейчас на порядки больше здоровых людей нуждаются в подобной инфраструктуре: велосипедисты, мамы с колясками, молодежь на самокатах, скейтах, гироскутерах и так далее. Комплексная инфраструктура позволит изменить к лучшему способы передвижения по городу для всех. [...] Большинство стариков тоже сидят дома, потому что ступени для них могут быть большой преградой, и они бы с большим желанием вышли на улицу с безбарьерной средой или воспользовались электроскутером и коляской. [...] Так называемая инвалидная инфраструктура — это просто высокие требования комфорта для всех. И прежде всего она требует разумного проектирования, а не дополнительных затрат.

Кроме констатации необходимости доступной среды зрители озвучивают идеи о том, какими способами можно добиться этой цели, и обозначают меры, которые могли бы привести к расширению возможностей комфортного передвижения маломобильных групп населения.

Во-первых, огласка наличия проблемы — уже важный шаг на пути ее решения: чем больше огласка, тем выше вероятность коллективных действий и требований по исправлению проблемной ситуации; наглядная демонстрация трудностей, с которыми сталкиваются люди с нарушениями подвижности, способствует слому негативных стереотипов о людях с инвалидностью; А. Горбунов своим примером может вдохновить других людей с инвалидностью на активную жизнь и действия по улучшению условий жизни людей с инвалидностью и т. д.

Об этой, как и еще о тысячах подобных (и не только) проблем современной России, нужно говорить громко и во всеулышание. Хочется верить, что со временем эти разговоры приведут нас к большим изменениям — на улице, в государстве и, самое главное, в голове.

Удачи тебе, бро! Вдохновляй людей с ограниченными возможностями и освещай сложности быта таких людей. Мы убоги, если не обращаем внимания на друг друга...

На третьем выпуске вообще перестаешь замечать, что люди на колясках, замечаешь траблы и отмечаешь какие препятствия существуют, но автоматически, а смотришь просто как интервью. И это дополнительный плюс формата — лично я рада, что теперь, увидев на улице человека в коляске, единственное, что мне придет в голову — это помочь проехать, если нужно.

Во-вторых, по мнению зрителей, следует перенимать опыт формирования доступной среды у стран, успешно справляющихся с этой задачей:

Недавно был в Стокгольме. Вот там рай для колясочников. Был с ребенком, поэтому сам оценил. Двери открываются сами, везде лифты и входы в один уровень. С них нужно брать пример.

В-третьих, следует на конкурентной основе привлекать высококлассных специалистов к решению вопросов доступной среды, активно задействовать достижения науки и техники для создания эффективных объектов доступности и ассистивных технологий для людей с инвалидностью, на государственном уровне поддерживать отечественные инновационные предприятия и инициативы в этой сфере, совершенствовать систему поддержки людей с инвалидностью и т. д.

[...] Для начала, [нужно] коляски нормальные научиться делать, поддержать компании, занимающиеся инновационным протезированием. Сделать так, чтобы эти самые инновационные/качественные протезы/коляски без проблем доходили до конкретного человека.

В-четвертых, для выработки представлений о возможностях и потребностях маломобильных групп населения, вовлекать чиновников и специалистов, задействованных в проектировании, строительстве, реконструкции, приемке зданий и сооружений, в тестирование городской среды и вводимых в эксплуатацию объ-

ектов инфраструктуры, в том числе с использованием детских колясок, инвалидных кресел:

Подписывать акт о приемке объекта городской инфраструктуры, который декларируется как доступный для инвалидов, должно быть возможно только после того, как ответственный за него руководитель лично прокатится по нему в такой же бесплатной государственной коляске без посторонней помощи. И это должно быть закреплено законодательно!

Надо ввести обязательный тест для чиновников: раз в месяц проезжать на инвалидной коляске (самой простой, как в этом сюжете) по всем основным маршрутам города: почта/поликлиника/продуктовый магазин/ и т.д. без помощи, но на виду у людей!

И, наконец, людям с инвалидностью, а также другим заинтересованным группам можно объединяться с целью отстаивания своих прав на комфортные условия жизни, развивать общественные инициативы, направленные на взаимопомощь и решение актуальных проблем, апеллировать к социальной ответственности бизнеса и привлекать его для решения практических задач, Другими словами, способствовать изменениям «снизу»:

Как сказал Окси [хип-хоп исполнитель Oxxxymiron], закон и солидарность не могут быть избирательными. Надо замутить проект, в рамках которого пройдет не одно мероприятие, направленное на решение данной проблемы. Позор сильному, который не впрягается за слабого.

Наша власть слышит только людей на улице. Организуй митинг или для начала флешмоб за доступную среду. Покажите, что вас много, что вы люди. Лебедев же дело сказал, вас не видно и не видно ваших проблем. Ты представь, когда на митинг вас 500—1000 человек соберется. С сопровождением и спросит мэра, где среда доступная.

Создать сервис или использовать построение треков на существующих сервисах, где каждый мог бы, проезжая на коляске, отмечать качество пути, дороги переходов, тем самым создавая план работы, отмечая красным или баллами непроходные для колясочников дороги города.

Помимо предложений по решению проблемы, часть зрителей сообщили о намерениях действовать на индивидуальном уровне, которые возникли после просмотра программы. Не единожды упоминаются следующие намерения: оказывать помощь в передвижении людям с инвалидностью; показывать выпуски программы специалистам в сфере архитектуры, проектирования и строительства (друзьям, преподавателям, коллегам); обращаться в официальные инстанции с просьбами устранить локальные барьеры к передвижению маломобильных людей; некоторые зрители проявили профессиональный интерес к программе (упоминались такие профессии как архитектор и проектировщик) и выразили намерение учитывать полученные при просмотре программы знания в своей работе:

Я архитектор и давно ждал таких роликов, чтобы показать своим коллегам.

Имею опыт проектирования пандусов, уклон 1:10 считал слишком «сладким», посмотрел — переосмыслил, впредь буду больше внимания уделять вопросам МГН [маломобильных групп населения].

После этого видео я буду помогать колясочникам всегда, это жечь просто.

Как всегда, все понравилось... предлагаю своим знакомым депутатам сделать флэш-моб «прогулки с депутатом на колясках».

Возможно, кто-то знает, каким образом мы можем повлиять на это? Куда обращаться с просьбами и жалобами?

Итак, среди комментариев доминируют три риторические идиомы: риторика бедствия, риторика опасности и риторика наделения права. Помимо этих риторических стратегий П. Ибарра и Дж. Китсьюз выделяют также риторiku утраты (которая выступает против обесценивания чего-либо) и риторiku неразумности (высвечивающую обеспокоенность по поводу эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» кому-либо). Эти риторические идиомы не были обнаружены в массиве комментариев зрителей.

Стратегии депроблематизации в пользовательских комментариях

Наряду с риторическими идиомами, обосновывающими проблематичность условия, существуют контрриторические стратегии, цель которых — депроблематизация явления. Выделяется два класса контрриторических стратегий: сочувствующие контрриторики, которые признают проблемный статус условия, но блокируют требование исправить его; и несочувствующие, которые не принимают ни проблемный статус условия, ни предлагаемые действия по его исправлению [Ибарра, Китсьюз, 2007: 85—92]. Среди комментариев встречались оба типа контрриторических стратегий, однако таких комментариев мало.

Среди сочувствующих контрриторик наблюдается разнообразие. Из пяти, выделяемых Ибаррой и Китсьюзом, в сообщениях встречается четыре контрриторические стратегии, а именно:

Натурализация, когда признается проблематичность условия, но ситуация с отсутствием доступной среды рассматривается как неизбежность:

В каком городе мира решена проблема передвижения инвалидов? Это невозможно решить, вспомните фильм 1+1, тоже ведь там ему помощь нужна была...

В рамках **контрриторики затрат** зрители, ее придерживающиеся, обосновывали, что выгоды по исправлению ситуации не оправдают затрат, поэтому стоит смириться с проблемами передвижения маломобильных групп населения:

Как только у инвалидов появятся деньги, рынок предложит им инфраструктуру. А сейчас тратиться обществу на благоустройство для вас не выгодно. Эти пандусы, широкие двери себя не окупят.

В части высказываний проявлялось моральное сочувствие к людям с инвалидностью, но отсутствие реакции на проблемное условие оправдывалось нехваткой ресурсов (временных, финансовых, властных и др.) или задействованию этих ресурсов в поддержке мер по исправлению более важных проблем. Подобные высказывания относятся к контрриторике **декларация бессилия**:

Мне кажется, что для инвалидов легче город построить со всеми удобствами, чем уже существующий город модернизировать. Так как буквально все придется переделать.

В рамках **перспективизации** акцентируется, что проблемным условие является только с позиции людей, передвигающихся на инвалидных креслах, а их взгляд на положение дел может отличаться от реальности:

[...] эта тема животрепещущая не для всех, а только для колясочников и членов их семей.

Характерно, что зрители, прибегавшие к сочувствующим контрриторикам, часто в качестве варианта решения проблемы доступной среды предлагали создать для людей с инвалидностью специализированные город/район/учреждения, т. к. это будет дешевле, быстрее и реалистичней, по их мнению, чем адаптировать все города под потребности людей с инвалидностью. Контрриторика критика тактики, выступающая против используемых средств конструирования проблемы, не была обнаружена среди комментариев.

Среди несочувствующих контрриторик чаще всего встречалась **антитипизация**. В таких сообщениях заявляется, что показанные в программе условия передвижения человека на инвалидном кресле не описывают полномасштабно социальную проблему, а относятся к «отдельным инцидентам». Распространенный аргумент — масштаб явлений преувеличен:

Просто показуха, подстава... видно даже специально 20 раз об 2 мм ступеньку ударялся... Типа заехать не может.. такой ролик можно снять в абсолютно любой стране мира и даже в самых топовых и ультрасовременных городах.. главное показать с нужного ракурса...

Единичные комментарии можно отнести к контрриторике **опровергающих историй**. Зрители дискредитировали проблематичность явления через приведение в пример своего личного опыта передвижения на инвалидном кресле по городу:

Нет проблем с 2 сантиметрами вообще никакой, даже и 7 см, если коляска нормальная, а не эта убогая. 10 см уже проблема прыгать, но еще можно. 2 см я вообще не замечаю.

Контрриторика неискренности (указание на скрытые мотивы тех, кто конструирует проблему) и контрриторика истерии (указание на истеричность или невменяемость задействованных в конструировании проблемы лиц) в комментариях зрителей отсутствуют. В целом среди комментариев этого класса чаще звучат сочувствующие контрриторики, признающие проблематичность условий для передвижения людей с инвалидностью и других маломобильных групп населения, но ставящие под сомнение реализуемость идей «доступной среды для всех».

Заключение

Наглядная репрезентация условий передвижения маломобильных групп населения может стать стимулом для определения общественностью этого условия как проблемы. В свою очередь, признание состояния городской среды в качестве проблемного условия задает перспективы развития безбарьерной среды и является предпосылкой для улучшения ситуации.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что условия передвижения маломобильных групп населения в городской среде идентифицируются как значимая социальная проблема. В изученном массиве комментариев доминируют следующие способы обоснования проблемного статуса условий передвижения людей с инвалидностью: риторика бедствия, указывающая на игнорирование потребностей населения или определенной его части со стороны государственной власти; риторика опасности, представляющая насыщенную физическими барьерами к передвижению среду как угрозу здоровью и безопасности как людей с инвалидностью, так и любого жителя города; риторика права, настаивающая на праве людей жить в комфортной городской среде и праве людей с инвалидностью жить независимо, реализовывать свои права на равных с другими гражданами. Стратегии депроблематизации условия среди комментариев встречаются редко, и в большей части таких комментариев проблема доступной среды признается, но ставится под сомнение реализуемость идеи «доступной среды для всех».

Сам факт столь массового и достаточно согласованного отклика на видео о проблемах передвижения маломобильных групп населения в городской среде обнажает проблемность условия для гораздо большего количества социальных групп, а проведенный анализ пользовательских комментариев лишь подтверждает это. Видимость проблем передвижения маломобильных групп населения способна обеспечить понимание, что доступная среда — это свойство городского пространства, важное не только для маломобильных групп населения, но также обеспечивающее комфорт всем жителям города.

Список литературы (References)

- Александрова О. А., Кочкина Е. В., Ненахова Ю. С. Легко ли инвалиду найти работу в Москве? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 328—350. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17>.
Aleksandrova O. A., Kochkina E. V., Nenakhova Y. S. (2019) Is It Easy for Disabled People to Find a Job in Moscow? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 328—350. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.17>. (In Russ.)

Голубев А. Стыд за нацию: аффективная идентификация и политическое высказывание в России начала XXI века // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 117. С. 309—327. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/117_nz_1_2018/article/19549/ (дата обращения: 18.12.2021).

Golubev A. (2018) Shame for the Nation: Affective Identification and Political Expression in Early Twenty-First-Century Russia. *Neprikosnovennyi zapas*. No. 117. P. 309—327. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/117_nz_1_2018/article/19549/ (accessed: 18.12.2021). (In Russ.)

Ибарра П., Китсюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение*. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 2007. С. 55—114.

Ibarra P., Kitsuse J. (2007) Claims-Making Discourse and Vernacular Resources. In: *Social Problems: Constructionist Reading*. Kazan: KFU. P. 55—114. (In Russ.)

Кучмаева О. В., Махова О. А., Ключкова Е. Н. Мобильность инвалидов: статистическая характеристика ситуации // *Государственная служба*. 2019. № 3. С. 101—106. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-3-101-106>.

Kuchmaeva O. V., Makhova O. A., Klochkova E. N. (2019) The Mobility of People with Disabilities: Statistical Characteristic of the Situation. *Public Administration*. No. 3. P. 101—106. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-3-101-106>. (In Russ.)

Симонова О. Современная социология эмоций и проблема социальной солидарности: основные направления исследований // *Социологический ежегодник / под ред. Н. Е. Покровского, Д. В. Ефременко*. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 95—142
Simonova O. (2011) Modern Sociology of Emotions and the Problem of Social Solidarity: The Main Directions of Research. In: Pokrovskiy N. E., Efremenko D. V. (eds) *Sociological Yearbook*. Moscow: INION RAN. P. 95—142. (In Russ.)

Спектор М., Китсюз Дж. Конструирование социальных проблем // *Контексты современности — II / под ред. С. Ерофеева*. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 160—185.

Spector M., Kitsuse J. (2001) Constructing Social Problems. In: Erofeev S. (ed.) *Contexts of Modernity — II: Reader*. Kazan: KFU. P. 160—185. (In Russ.)

Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // *Социальные проблемы: конструкционистское прочтение*. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 145—185.

Hilgartner S., Bosk C. L. (2007) The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. In: *Social Problems: Constructionist Reading*. Kazan: KFU. P. 145—185. (In Russ.)

Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. «Право на город в парадигме мобильности» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 165—173.

Yarskaya-Smirnova V. N., Yarskaya-Smirnova E. R. (2018) The Right to the City in the Paradigm of Mobility. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 45. P. 165—173. (In Russ.)

Barnes R. (2015) Understanding the Affective Investment Produced through Commenting on Australian Alternative Journalism Website New Matilda. *New Media & Society*. Vol. 17. No. 5. P. 810—826. <https://doi.org/10.1177/1461444813511039>.

Campbell V., Gibson R., Gunter B., Touri M. (2010) News Blogs, Mainstream News and News Agendas. In: *Web Journalism: A New Form of Citizenship?* Brighton: Sussex Academic Press.

Chung D. S., Yoo C. Y. (2008) Audience Motivations for Using Interactive Features: Distinguishing Use of Different Types of Interactivity on an Online Newspaper. *Mass Communication and Society*. Vol. 11. No. 4. P. 375—397. <https://doi.org/10.1080/15205430701791048>.

Djerf-Pierre M., Lindgren M., Budinski M. A. (2019) The Role of Journalism on YouTube: Audience Engagement with ‘Superbug’ Reporting. *Media and Communication*. Vol. 7. No. 1. P. 235—247. <https://doi.org/10.17645/mac.v7i1.1758>.

Hegtvedt K. A., Parris C. L. (2014) Emotions in Justice Processes. In: Stets J. E., Turner J. H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions: Vol. II*. New York, NY: Springer.

Maratea R. (2008) The e-Rise and Fall of Social Problems: The Blogosphere as a Public Arena. *Social Problems*. Vol. 55. No. 1. P. 139—160. <https://doi.org/10.1525/sp.2008.55.1.139>.

Raby R., Caron C., Théwissen-LeBlanc S., Prioletta J., Mitchell C. (2018) Vlogging on YouTube: the Online, Political Engagement of Young Canadians Advocating for Social Change. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 495—512. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1394995>.

Singer J. B., Ashman I. (2009) “Comment is Free, but Facts are Sacred”: User-Generated Content and Ethical Constructs at the Guardian. *Journal of Mass Media Ethics*. Vol. 24. No. 1. P. 3—21. <https://doi.org/10.1080/08900520802644345>.

Soffer O., Gordoni G. (2018) Opinion Expression via User Comments on News Websites: Analysis through the Perspective of the Spiral of Silence. *Information, Communication & Society*. Vol. 21. No. 3. P. 388—403. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2017.1281991>.

Springer N., Engelmann I., Pfaffinger C. (2015) User comments: motives and inhibitors to write and read. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 7. P. 798—815. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.997268>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.2134](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2134)

А. И. Смирнов

**В ПОИСКАХ НОВЫХ ПАРАДИГМ
ВОЕННО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
РЕЦ. НА КН.: СУТЕРС ДЖ. СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
ОСНОВАНИЯ. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.**

Правильная ссылка на статью:

Смирнов А. И. В поисках новых парадигм военно-социологических исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 610—616. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2134>. Рец. на кн.: Сутерс Дж. Социология и военные исследования. классические и современные основания. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.

For citation:

Smirnov A. I. (2021) Searching for New Paradigms of Military Sociological Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 610–616. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2134>. Book Review: Soeters J. *Sociology and Military Studies*. (In Russ.)

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПАРАДИГМ ВОЕННО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. РЕЦ. НА КН.: СУТЕРС ДЖ. СОЦИОЛОГИЯ И ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.

СМИРНОВ Александр Ильич — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: smir_al@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

Аннотация. В статье представлены размышления о новой книге известного западного социолога Дж. Сутерса «Социология и военные исследования», в которой анализируются возможности социологической науки для понимания структуры, функционирования и эффективности современных вооруженных сил в предотвращении и разрешении военных конфликтов. В качестве базовых оснований для анализа выступают научные идеи, теории, выводы и наблюдения классиков социологии, которые внесли наиболее значительный вклад в исследование военной проблематики. Автор определяет перспективные направления дальнейшего развития военной социологии и ставит вопрос о поиске новых парадигм в сфере военно-социологических исследований, способствующих более детальному изучению операционной стороны вооруженных сил, принимая во внимание интересы всех вовлеченных в военный конфликт сторон.

SEARCHING FOR NEW PARADIGMS OF MILITARY SOCIOLOGICAL RESEARCH. BOOK REVIEW: SOETERS J. SOCIOLOGY AND MILITARY STUDIES

Alexander I. SMIRNOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Leading Researcher
E-MAIL: smir_al@bk.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7078-6203>

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents reflections on the new book of the famous Western sociologist Joseph Soeters «Sociology and Military Studies», which analyzes the possibilities of sociology to understand the structure, functioning, and effectiveness of modern armed forces in the prevention and resolution of military conflicts. Scientific ideas, theories, conclusions, and observations of the classics, who made the most significant contribution to the study of military problems, serve as the basic bases for the analysis. The author defines promising directions for the further development of military studies and raises the question of finding new paradigms in the field of military sociological research, contributing to a more detailed study of the operational side of the armed forces that could take into account the interests of all parties involved in a military conflict.

Ключевые слова: военная социология, военный конфликт, вооруженные силы, классики социологии, национальная безопасность

Keywords: military studies, military conflict, armed forces, classics of sociology, National security

Предлагаемая читателю книга известного западного социолога Джозефа Сутерса, почетного профессора социологии и организационных исследований Тилбургского университета и Нидерландской академии обороны, — результат длительной работы автора в области социологии и сотрудничества с военными структурами. Она представляет собой объемный научный труд, содержащий глубокий и аргументированный анализ широкого спектра проблем, связанных с деятельностью вооруженных сил.

Книга призвана показать возможности социологической науки для осмысления структуры, функционирования и эффективности современных вооруженных сил с акцентом на их участие в предотвращении, сдерживании и разрешении военных конфликтов. Исследование этой проблематики представляет для нас огромный интерес, поскольку Россия уже длительное время находится в эпицентре кардинальных геополитических, глобальных и региональных изменений экономического, социально-политического и военного характера. Одной из наиболее серьезных внешних угроз военной безопасности России является втягивание ее в существующие и потенциальные военные конфликты. За последние годы Вооруженные силы РФ неоднократно участвовали в предотвращении или ликвидации религиозных и межнациональных конфликтов как на территории республик бывшего союзного государства, так и в странах дальнего зарубежья. Обширная география таких мест включает Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье, Таджикистан, Боснию и Герцеговину, Косово и Метохию, Сьерра-Леоне, Судан и другие территории. Сегодня российские военные активно участвуют в урегулировании масштабных военных конфликтов в Сирии и Нагорном Карабахе.

Работа имеет подзаголовок «Классические и современные основания», который раскрывает ключевое направление и содержание научных изысканий автора. В качестве базовых оснований для анализа выступают научные идеи, теории, выводы и наблюдения выдающихся социологов, которые внесли наиболее значительный вклад в исследование военной проблематики. К ним относятся как основоположники социологии — М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, Дж. Аддамс, У. Дюбуа, П. А. Сорокин, так и более современные ученые — Э. Гофман, М. Фуко, М. Яновиц, Н. Элиас, К. Ламмерс, А. Р. Хокшильд, С. Энло и Б. Латур. Их труды не потеряли своей актуальности и продолжают вызывать огромный интерес. Однако важно заметить, что из них только М. Яновиц действительно военный исследователь, тогда как все остальные — в большей мере универсальные социологи, научные достижения которых используются в различных научных областях, в том числе при изучении военной проблематики.

Выбор именно этих ученых в немалой степени определяется личными предпочтениями автора. В предисловии автор предупреждает, что книга не призвана познакомить читателя со всеми знаковыми фигурами социологии и всем много-

образом их трудов, а содержит лишь необходимые для анализа выжимки из самых значительных работ отдельных незаурядных социологов, и поэтому имеет определенные ограничения по своему масштабу и охвату. Для издания на русском языке написана дополнительная глава, посвященная анализу применения в военных исследованиях научного наследия выдающегося социолога с русскими корнями П. А. Сорокина.

Структурно монография состоит из 15 глав. Согласно логике автора, каждая из них посвящена социологическому наследию одного из указанных выше авторов, представленному с позиции применения этого бесценного наследия для изучения современной военной проблематики. Отталкиваясь от научных идей и положений, содержащихся в их трудах, автор дает обзор наиболее заметных тенденций и теоретических направлений в современных военно-социологических исследованиях, опираясь на новейшие методологические достижения, а также привлекает для анализа огромный фактический материал. Анализируя стремительно меняющуюся картину мира с его многочисленными этническими, религиозными и иными конфликтами, распадом и образованием новых государств, изменившейся системой безопасности, он ставит вопрос о поиске новых парадигм в сфере военных исследований.

Важным достоинством книги является ее нацеленность на освещение актуальных проблем с разных позиций. Одновременно автор ясно дает понять, что он сторонник изучения не абстрактных, а вполне конкретных вопросов, имеющих практическое значение для функционирования вооруженных сил. Как подчеркивает Дж. Сутерс, книга нацелена не столько на высокий уровень «общества и международной политики», сколько на более приземленные уровни «организаций и институций» и «поведения военнослужащих». Несмотря на разностороннее содержание, текст выглядит достаточно основательным и актуальным, помогающим найти ответы на сегодняшние вызовы, стоящие перед вооруженными силами. В работе широко используются методы сравнительной социологии, позволяющие выявлять аналогии и анализировать опыт различных государств. Изложение материала нередко проводится в проблемно-полемиическом ключе, когда намеренно обостряются определенные болевые точки и формулируются актуальные вопросы, касающиеся деятельности вооруженных сил по предотвращению, сдерживанию и разрешению военных конфликтов. И в то же время при знакомстве с книгой не покидает ощущение, что ей не хватает полноты и последовательности при изложении материала.

Автор сознательно отказался от проблемно-ориентированного подхода, когда сначала формулируется проблема, а затем излагается теоретический материал, и предпочел отталкиваться непосредственно от теоретических положений классиков социологии. Книга особенно интересна благодаря такому нетрадиционному подходу, однако этот подход имеет не только плюсы, но и минусы. С одной стороны, он позволил сократить дистанцию между теорией и практикой, четче высветить связь между теоретическими наработками основоположников социологии и современными проблемами, связанными с деятельностью вооруженных сил, проследить применение социологии к решению конкретных повседневных вопросов. Не менее важно и то, что такой подход не сковывает автора строгими

предметными и тематическими рамками. Но, с другой стороны, при таком подходе сложнее добиться полноты анализа, позволяющего сформировать целостное представление о конкретной проблеме. Иной раз материал, относящийся к одной и той же теме, рассыпается по отдельным главам, теряются или затеваются важные аспекты и нюансы. Некоторые сюжеты оказываются недостаточно полными, другие — излишне детализированы.

Завершая свой подробный и глубокий анализ, Дж. Сутерс выделяет три уровня применения классической социологии для военного дела:

- макроуровень — уровень вооруженных сил в контексте общества в целом и наднационального порядка;
- мезоуровень — уровень организаций (правительственных, гражданского общества и разного рода рыночных агентств) и институций (законов, традиций и обычаев);
- микроуровень — уровень поведения и взаимодействия между людьми.

Далее автор показывает, какой вклад в военное дело внесли основатели социологии на этих уровнях.

Следуя своему замыслу, автор попытался не только изучить связь между работками «социологов-основателей» и вызовами, стоящими перед вооруженными силами, но и исследовать всю многогранность деятельности современных вооруженных сил, включая их привычные повседневные дела и заботы. В книге рассматриваются наиболее значимые вопросы военной социологии, анализируются военно-социологические концепции ведущих зарубежных ученых и в то же время большое внимание уделяется исследованию многочисленных аспектов повседневной деятельности вооруженных сил, изучение которых у нас обычно называется «мелкотемьем», без которых, однако, невозможно представить нормальное функционирование любого армейского организма. Отводится место социологическому анализу особенностей деятельности различных категорий военнослужащих, социального взаимодействия в воинских коллективах и социализации военнослужащих, социологическим аспектам военного управления, проблемам военного образования и подготовки военных кадров, благополучия семей военных. Во многом благодаря этому книга Дж. Сутерса получила признание у социологов и военных профессионалов и стала заметным вкладом в развитие военно-социологической науки.

Вместе с тем нельзя не заметить, что некоторые важные проблемы не получили должного освещения. Так, в книге практически не представлены исследования современных ценностей, мотивации, мировоззрения различных категорий военнослужащих и гражданского персонала. Ценностное измерение проблем национальной безопасности государства представляет огромный интерес в силу того, что оно затрагивает глубинные смыслы военной службы. Без тщательного изучения этих проблем любой анализ будет неполным или неточным. Ценностные сдвиги далеко не всегда очевидны, но именно они составляют концептуализированную основу, определяющую особенности социального взаимодействия и поведения военнослужащих в различных ситуациях.

Дж. Сутерс — последовательный сторонник расширения проблемного поля военной социологии, которое сегодня ограничивается по большей части сфе-

рой гражданско-военных отношений. Он предлагает выйти за эти традиционные рамки и расширить проблематику военной социологии, преодолеть возникшую зашоренность и перейти к исследованиям непосредственно в районах проведения военных, миротворческих и других операций с участием вооруженных сил, шире взглянуть на армию при выполнении этих функций в том числе и изнутри. Говоря о насущной необходимости возвращения боевых действий в круг интересов социологов, автор обращает внимание как на важность проведения полевых исследований среди военнослужащих в боевых условиях, так и на значимость изучения влияния боевых действий на население стран — участниц конфликта. При этом особо подчеркивается необходимость личного присутствия социологов в районах боевых действий.

Помимо этого автор выступает за расширение географии проведения военных исследований, увеличив ее в том числе за счет включения юго-восточных регионов планеты, что позволит военной социологии внести более значительный вклад в предотвращение, сдерживание и разрешение военных конфликтов в разных частях мира. Особая роль в данном процессе отводится дискуссии между учеными-теоретиками, практиками военных исследований и политиками, которая позволит выбрать оптимальное направление дальнейшего движения. Однако все эти пожелания о сотрудничестве, о создании «взаимосвязанных социологий вооруженных сил» относятся только к западным странам и их вооруженным силам. Вопрос о том, возможно ли при нынешнем уровне экономической, политической и военной конфронтации в мире добиться желаемого результата в предотвращении, сдерживании и разрешении военных конфликтов силами одной заинтересованной стороны, остается открытым.

С большой озабоченностью Дж. Сутерс рассуждает о ценности и необходимости эмпирики в военных исследованиях, останавливаясь на трех важных аспектах этого вопроса. Во-первых, он обращает внимание на важность использования в военно-социологических исследованиях компаративного анализа, позволяющего определять наиболее благоприятные тенденции для сдерживания и разрешения военных конфликтов. Во-вторых, не менее важной задачей является обеспечение связи разных уровней действия и анализа. Одним из эффективных путей решения этой задачи может быть формирование при изучении военных операций исследовательских команд из ученых и практиков военных действий, с подключением в необходимых случаях военного персонала. В-третьих, проведение военных исследований в районах боевых действий требует комплексного использования всего набора доступных методик и методов исследований.

Своей позитивной позицией, благожелательностью и отзывчивостью подкупает идея автора о развитии военной социологии с более «широкой душой», которая бы уделяла особое внимание как странам конфликта и их жителям, переживающим периоды боевых действий и присутствия иностранных войск на своей территории, так и солдатам, которые несут бремя боевых действий, ветеранам и их семьям.

Книга Дж. Сутерса позволяет получить общее представление об уровне развития военной социологии и направлениях военно-социологических исследований, познакомиться с теориями и методами военных исследований в западных странах. При этом речь идет о западной социологии, представленной в основном работами

западноевропейских и американских ученых. Так сложилось, что данная область научного знания наиболее интенсивно развивалась именно в этих регионах — сначала в Европе, а затем в США. Непримириемое противоборство СССР и западных стран в период холодной войны и обострившееся в последние два десятилетия военно-политическое противостояние России и стран НАТО не могли не сказаться на исследованиях западных социологов. Во многом по этой причине изложенные в книге выводы, рассуждения, положения, касающиеся стран Восточной Европы и стран — бывших республик СССР, нередко грешат однобокостью, поверхностностью или неточностями. Об этом можно судить, в частности, по целому ряду подробных редакторских пояснений, дополнений и уточнений, сопровождающих текст книги.

Возросшее до беспрецедентного уровня военно-политическое противостояние России и стран НАТО, еще больше удалившее их друг от друга с точки зрения взаимодействия, гуманитарного и научного обмена, вызывает у автора обостренную тревогу. В связи с этим он выражает надежду на то, что данная книга, опубликованная на русском языке, будет способствовать сокращению огромной дистанции взаимного непонимания и недоверия. Разделяя с автором эти тревоги и надежды, вместе с тем хотелось бы отметить, что в книге практически отсутствуют элементы межстранового сравнительного анализа ситуации в интересующей нас области, которая сложилась в США, странах ЕС и России. Хотя уже сама попытка подобного сравнения может рассматриваться как определенная форма диалога между западноевропейской и российской научной традицией, помогающая лучше понять друг друга и научиться анализировать и оценивать сложные проблемы с разных позиций.

Изданная в 2018 г. на английском языке, книга Дж. Сутерса вызвала немало откликов в среде зарубежных ученых, занимающихся военными исследованиями. Несмотря на установленные автором некоторые тематические ограничения, она не только демонстрирует возможности социологической науки для осмысления военной проблематики, опираясь на опыт классиков социологии, но и высвечивает новые направления развития военной социологии, наметившиеся за последние десятилетия, содержит немало ценного материала, который можно использовать для осмысления российского контекста. Автору в целом удалось выполнить сложную задачу интегрирования материалов из разных научных направлений.

Монография готовит своим читателям немало интересных фактов, доводов, рассуждений, требующих дополнительного самостоятельного осмысления. Благодаря усилиям ВЦИОМ появилась возможность познакомиться с содержанием этой книги на родном языке и заинтересованным российским читателям.

Список литературы (References)

- Сутерс Дж. Социология и военные исследования. классические и современные основания. М.: ВЦИОМ, 2021. 352 с.
Soeters J. (2021) *Sociology and Military Studies*. Moscow: Russian Public Opinion Research Center. (In Russ.)

